

САРА ЛАРК

Рай на краю
океана

Мам, где ветер пахнет цветами...

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Annotation

Новая Зеландия. 1893 год. Юная Илейн унаследовала от бабушки не только красоту, но и бурный темперамент. В Уильяма, молодого золотоискателя, она влюбилась с первого взгляда. Ее чувство взаимно... Однако все меняет приезд ее кузины. Пылкая голубоглазая Кура наследница знатного рода маори, ее экзотическая красота и талант сразили Уильяма. Сердце Илейн разбито... Но она готова бороться за свою любовь! Страсть поглотила их, как волны океана. Что ждет влюбленных в водовороте чувств? В городке на побережье океана переплелись судьбы бесстрашных колонистов и пылких маори. Юная Илейн с первого взгляда очаровала Уильяма, который в погоне за удачей приехал в Новую Зеландию с другого конца света. Вспыхнувшая страсть заставила девушку нарушить волю родителей. Уильям готов на все ради нежной красавицы. Вопреки всем запретам они добиваются своего — день свадьбы назначен, но... В доме Илейн появляется ее кузина — пылкая экзотичная Кура, наследница знатного рода. Ее обаяние и талант привлекают Уильяма, он готов оставить невесту ради красавицы маори. Но Илейн намерена бороться за свою любовь... Как найти выход из любовного треугольника?

- [Сара Ларк](#)
 - [Предисловие](#)
 - [Наследница](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Воля человеческая](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)

- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Бегство](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
- [Исцеление](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
- [Голоса духов](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)

- [Глава 11](#)
 - [Послесловие](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
-

Сара Ларк
Рай на краю океана

Предисловие

Если вы любите саги о незаурядных людях, рассказы о приключениях и новых странах, то, конечно, уже знакомы с книгами Сары Ларк. Ведь она умеет создавать истории, от которых просто невозможно оторваться. Герои ее книг покоряют искренностью и глубиной чувств, каждая страница открывает новые грани их характеров. Но, пожалуй, самый яркий «персонаж» романов Ларк — это земля, где происходят события. О Новой Зеландии она пишет так, что читатель ощущает брызги волн на лице, ветер в волосах, аромат экзотических цветов, слышит песни племени маори, видит их чарующие танцы. Роман об этой чудесной стране «Земля белых облаков» покорила тысячи читателей. Книга, которую вы держите в руках, продолжает начатую в нем историю. На ее страницах вы вновь встретитесь с любимыми героями и узнаете, как сложилась их дальнейшая жизнь. Однако насладиться книгой смогут и те, кто еще не читал первый роман, поскольку это полностью самостоятельная история, с новыми героями и непредсказуемыми поворотами сюжета.

Итак, со времен, описанных в книге «Земля белых облаков», прошло много лет, наступил 1893 год. Однажды в отеле миссис Хелен О'Киф появился новый постоялец, Уильям. С первого взгляда он покорила сердце Илейн, ее внучки, да и сам сдался в плен зеленых глаз... Кажется, для их любви нет преград, и девушка сияет от счастья. Но когда в дом приезжает кузина Кура, все меняется. Кура знает, что ее экзотическая красота мало кого может оставить равнодушным. К тому же она великолепно поет, переливы ее голоса завораживают и очаровывают. Так вышло, что она, наследница богатой фермы, мечтает лишь об оперной карьере и внимании публики. Ее не интересует ведение хозяйства, она не умеет ездить верхом, только музыка манит ее. На фоне яркой Куры милая Илейн поблекла, Уильям все реже смотрит на нее, он не может и не хочет противиться очарованию Куры. Когда Илейн видит, как ее возлюбленный целует кузину, сердце ее разбивается на тысячу осколков. Кажется, что для нее жизнь закончена, первая любовь принесла ей лишь разочарование и слезы. Но судьба приготовила Илейн новые испытания и надежду на счастье. А Кура очень скоро поймет, что не все в мире зависит от ее желания.

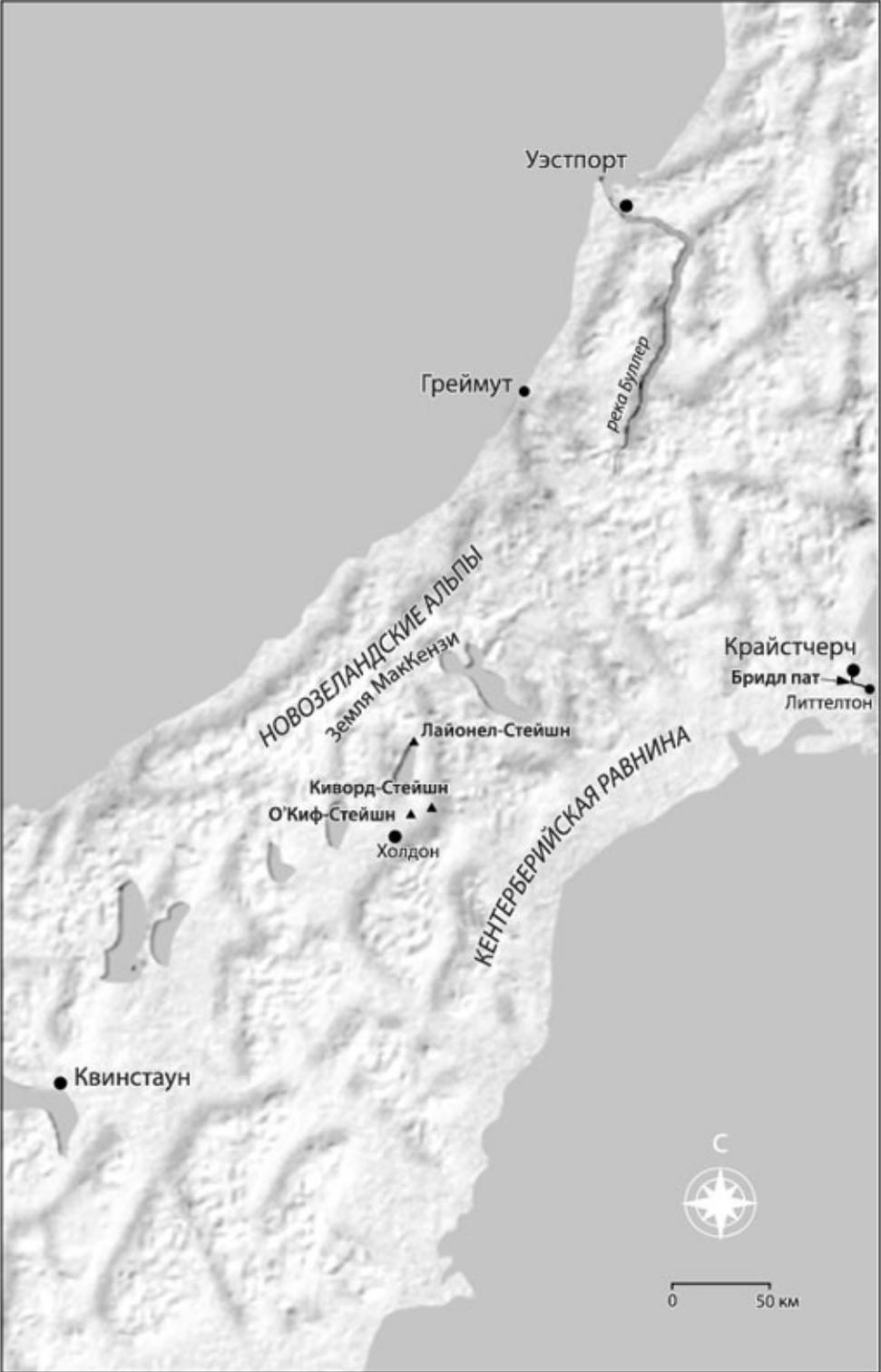
Как изменит жизнь каждую из них? Какую награду за терпение и доброту преподнесет Илейн судьба? Как повлияют на Куру выпавшие на ее долю испытания? Обретут ли девушки долгожданное счастье? Автор

приготовила своим героям и читателям множество сюрпризов. Хотите узнать каких? Хотите перенестись на другую сторону света и своими глазами взглянуть на красоту пейзажей Новой Зеландии? Скорее переворачивайте страницу! Вас ждет удивительный мир романа «Рай на краю океана»!

НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ

0 100 км

Наследница

Квинстаун, Кентерберийская равнина

1893 год

Глава 1

— Вы миссис О’Киф?

Уильям Мартин озадаченно смотрел на хрупкую рыжеволосую девушку, приветствовавшую его за столиком администратора в гостинице. Ребята из лагеря золотоискателей описали ему миссис О’Киф как пожилую женщину, в некотором роде дракона в женском обличье, который с годами изрыгает все больше и больше пламени. Говорили, что в отеле миссис Хелен царят строгие порядки. Курение запрещено, алкоголь тоже, не говоря уже о том, чтобы приводить гостей противоположного пола, если нет свидетельства о браке. По рассказам старателей, ему представлялась не гостиница, а скорее тюрьма. Но что бы там ни говорили, в заведении мисс Хелен, по крайней мере, не было блох и клещей, а вот баня — была.

Последнее обстоятельство окончательно убедило Уильяма в том, что стоит отбросить все предостережения знакомых. После трех дней, проведенных на землях старой овечьей фермы, он был готов на все, чтобы сбежать от кишевших там паразитов. Он был готов даже стерпеть «дракона» в лице Хелен О’Киф.

Однако теперь его приветствовал никакой не дракон, а исключительно милое зеленоглазое создание с неукротимыми роскошными золотисторыжими кудрями, обрамлявшими нежное лицо. В общем, самое приятное зрелище с тех пор, как Уильям сошел с корабля в Данидине, что в Новой Зеландии. Настроение, на протяжении многих недель находившееся на нуле, заметно улучшилось.

Девушка рассмеялась.

— Нет, я Илейн О’Киф. Хелен — моя бабушка.

Уильям улыбнулся, зная, что таким образом может произвести более благоприятное впечатление. В Ирландии на лицах девушек всегда появлялось внимательное выражение, когда они замечали, как вспыхивают искорки в его голубых глазах.

— Мне, признаться, даже жаль. У меня уже почти созрела коммерческая идея: «Вода из Квинстауна — откройте для себя источник вечной молодости!»

Илейн захихикала. У нее было узкое личико и маленький, может быть, чуточку заостренный нос, покрытый множеством веснушек.

— Вы поладите с моим отцом. Он постоянно придумывает подобные изречения: «Хороша лопата — копай до упаду. Старатели, покупайте

инструменты в магазине «О'Кей»!»

— Буду рад, — заявил Уильям, действительно запомнив имя. — Ну так что? Я могу рассчитывать на комнату?

Девушка заколебалась.

— Вы старатель? Тогда... что ж, свободные комнаты еще есть, но они довольно дорогие. Большинство золотоискателей не могут позволить себе останавливаться здесь...

— Неужели я так плохо выгляжу? — с наигранной строгостью произнес Уильям. При этом он нахмурил лоб, прятаясь под густыми светло-русыми волосами.

Теперь Илейн без смущения рассматривала его. На первый взгляд он не особенно отличался от других старателей, которых она каждый день встречала в Квинстауне. Да, на вид грязноват и оборван, одет в вощенный плащ, синие джинсы и крепкие сапоги. Но со второго взгляда Илейн, будучи дочерью торговца, рассмотрела качество его одежды: под расстегнутым плащом виднелась дорогая кожаная жилетка; на ногах — кожаные нащтанники; сапоги из высококачественного материала, а лента на его широкополой шляпе была сплетена из конского волоса. Все это стоило почти целое состояние. Его седельные сумки — поначалу он небрежно перебросил их через плечо, но теперь поставил на пол между ногами, — судя по всему, были сделаны на совесть и за большие деньги.

Все это было совершенно нетипично для авантюристов, приезжавших в Квинстаун, чтобы искать золото в реках и горах, поскольку разбогатеть удавалось не всякому. По большей части рано или поздно люди уезжали из города такими же бедняками, какими и являлись сюда. Все дело было в том, что мужчины не пытались сберечь добытое на приисках, а тут же, прямо в Квинстауне, и спускали все. Нажить деньги по-настоящему удалось только переселенцам, которые открыли здесь свое дело. К их числу относились родители Илейн; мисс Хелен со своим пансионом; Стюарт Питерс, владевший кузницей и конюшней, где можно было взять в аренду лошадей; Итан, владелец почты и телеграфа; и, конечно же, хозяйка пользующегося дурной славой, но всеми любимого паба на Мейн-стрит и расположенного над ним дома терпимости под названием «Отель Дафны».

Уильям терпеливо, с чуть насмешливой улыбкой выдержал оценивающий взгляд Илейн. Девушка вглядывалась в довольно юное лицо, на котором, когда он усмехался, появлялись ямочки на щеках. А еще он был чисто выбрит! Это тоже было непривычно. Большинство старателей брались за бритвенный нож только по выходным, когда у Дафны бывали танцы.

Илейн решила слегка поддразнить новоприбывшего и, возможно, заставить его раскрыться.

— По крайней мере пахнете вы не так крепко, как большинство.

Уильям улыбнулся.

— Пока что в озере можно еще бесплатно купаться. Но мне сказали, что это ненадолго, да еще холодает. Кроме того, похоже, золоту нравится запах крепкого пота. Тот, кто реже купается, достает из реки больше всего самородков.

Илейн не выдержала и рассмеялась.

— С них вам пример лучше не брать, не то рассердите бабушку. Вот, заполните, пожалуйста...

Она придвинула регистрационный формуляр, изо всех сил стараясь не слишком глазеть на него через стойку. Она незаметно читала формуляр вместе с ним, в то время как Уильям заполнял его размашистым почерком. Это тоже было непривычно, так писать могли лишь немногие старатели.

Уильям Мартин... Сердце Илейн забило быстрее, когда она прочла его имя. Красивое имя.

— А что писать здесь? — спросил Уильям, указывая на строку, куда нужно было вписать домашний адрес. — Я ведь только приехал. Это будет мой первый адрес в Новой Зеландии.

Илейн с трудом удалось скрыть свой интерес.

— Правда? И откуда же вы? Нет, дайте я угадаю. Моя мама тоже всегда так поступает с постояльцами. По акценту можно определить, откуда человек родом...

С большинством новоприбывших было довольно легко. Конечно, время от времени случались и ошибки. К примеру, для Илейн акцент шведов, нидерландцев и немцев звучал почти одинаково. Зато ирландцев и шотландцев чаще всего она отличала без проблем, а людей из Лондона определить было легче всего. Экспертам удавалось даже назвать часть города, из которой был родом тот или иной человек. Впрочем, проделать этот фокус с Уильямом оказалось не так-то легко. Судя по всему, он был англичанином, но говорил мягче, слегка растягивая гласные.

— Вы из Уэльса, — наудачу произнесла Илейн. Ее бабушка по материнской линии, Гвинейра МакКензи-Уорден, была валлийкой, и произношение Уильямса немного напоминало ее выговор. Впрочем, Гвинейра не говорила на четко выраженном диалекте. Она была дочерью мелкого дворянина, а ее воспитатели тщательно следили за тем, чтобы она говорила по-английски без акцента.

Уильям покачал головой, но не улыбнулся, как надеялась Илейн.

— С чего вы взяли? — поинтересовался он. — Я ирландец, из графства Коннемара.

Илейн покраснела. Она никогда бы не догадалась, несмотря на то что среди золотоискателей было много ирландцев. Но они обычно говорили на очень корявом диалекте, в то время как Уильям выражался скорее изысканно.

И, словно для того, чтобы подчеркнуть значимость своего происхождения, он принялся вписывать адрес крупными буквами: усадьба Мартинов, Коннемара.

Не похоже на поместье мелкого крестьянина, скорее это целое землевладение...

— Тогда я покажу вам вашу комнату, — произнесла Илейн.

В принципе, она не должна была лично провожать гостей наверх, и уж тем более гостей мужского пола. Бабушка Хелен неоднократно напоминала ей о том, что для этого она должна звать слуг или кого-то из горничных. Но ради такого мужчины Илейн готова была сделать исключение. Она вышла из-за стойки администратора, держась при этом очень прямо, «как леди», — так учила ее бабушка. Только не переходить на волнующую походку, как обычно, покачивая бедрами, любили прохаживаться девушки Дафны!

Илейн надеялась, что будут хорошо заметны ее только начавшая наливаться грудь и очень тонкая талия, туго затянутая в корсет. Честно говоря, она терпеть не могла корсеты. Но если благодаря этому ею заинтересуется молодой человек...

Уильям шел за девушкой, радуясь, что при этом может не попадаться ей в поле зрения. Ведь он едва удерживал себя от того, чтобы не тарашиться сладострастным взглядом на ее округлую в нужных местах фигуру. Время в тюрьме, затем восемь недель на корабле, а теперь скачка от Данидина до золотых приисков под Квинстауном...

В общем, он даже близко не подходил к женщине на протяжении четырех месяцев.

В принципе, непозволительно долго. Настало время искать выход! Ребята на прииске, конечно же, болтали о девушках Дафны; говорили, что они довольно милы, а в комнатах чисто. Но мысль о том, чтобы поухаживать за этой милой рыжеволосой малышкой, нравилась ему гораздо больше, чем перспектива быстро получить удовлетворение в объятиях проституток.

Комната, которую открыла перед ним Илейн, тоже ему понравилась. Она была опрятной, уютной, обставленной простой, но добротной мебелью

из светлой древесины. На стенах висели картины, на тумбочке стоял кувшин с водой для умывания.

— Можете также воспользоваться баней, — заявила Илейн, при этом почему-то слегка покраснев. — Но нужно записаться заранее. Спросите у бабушки, Мэри или Лори.

С этими словами она хотела было отвернуться, но Уильям мягко удержал ее.

— А вас? Вас нельзя спросить? — произнес он и внимательно посмотрел на девушку.

Илейн, явно польщенная, улыбнулась.

— Нет, как правило, я здесь не бываю. Просто сегодня заменяю бабушку. Но... что ж, обычно я помогаю в магазине «О'Кей». Он принадлежит моему отцу.

Уильям кивнул. Значит, она не только красива, но еще и из хорошей семьи. Девушка нравилась ему все больше и больше. А различные инструменты для золотодобычи ему все равно понадобятся.

— Я загляну на днях, — пообещал Уильям.

Илейн в буквальном смысле слова порхала по ступенькам. У девушки появилось ощущение, будто ее сердце превратилось в воздушный шар, который теперь легко поднимет ее над всеми земными тревогами. Ноги Илейн едва касались пола, а волосы, казалось, развевались на ветру, несмотря на то что в доме, конечно же, не было никакого ветра. Илейн сияла, предчувствуя начало захватывающего приключения; она представляла себя героиней романов, которые ей довелось тайком прочитать в лавке Итана.

И со счастливым выражением на лице она, пританцовывая, выбежала из большого дома, в котором расположился пансион Хелен О'Киф. Илейн хорошо знала его; она родилась в этом доме. Ее родители построили его для постепенно разрастающейся семьи, когда дело начало приносить первую прибыль. Но потом им стало казаться, что в центре Квинстауна слишком шумно илюдно. Особенно это мешало матери Илейн, Флёретте, которая была родом с одной из крупных овечьих ферм на Кентерберийской равнине. Ей не хватало свободного пространства. Поэтому родители Илейн построили новый дом на потрясающем земельном участке у реки, где не было только одного: золотого месторождения. Изначально отец Илейн застолбил его в качестве участка для разработки золотого рудника, но какими бы талантами ни обладал Рубен О'Киф, старателя из него не получилось. К счастью, Флёретта быстро поняла это и вложила свое

приданое не в безнадежное предприятие под названием «золотой прииск», а в поставку товаров. Это были в основном лопаты и золотопромывочные ковши, которые старатели вырывали друг у друга из рук. Позже все это переросло в магазин «О'Кей».

Новый дом у реки Флёретта в шутку назвала «Усадьбой золотых слитков», но в какой-то момент это название прижилось. Илейн и братья росли там в счастье и достатке. Были лошади и собаки, даже пара овец, совсем как на родине у Флёретты. Рубен ругался, когда ему каждый год приходилось стричь животных, да и его сыновья Стивен и Джордж не находили удовольствия в фермерском труде, в отличие от Илейн. Для нее маленький загородный дом не шел ни в какое сравнение с Киворд-Стейшн на Кентерберийской равнине, крупной овечьей фермой, которой управляла ее бабушка Гвинейра. Илейн бы тоже с удовольствием жила и работала на такой ферме и поэтому слегка завидовала своей кузине, которая должна была унаследовать все хозяйство.

Впрочем, Илейн была не из тех девушек, которые надолго поддаются унынию. Столь же интересной ей казалась возможность помогать в магазине или заменять бабушку в пансионе. Зато ей не особенно хотелось отправляться в колледж, как старший брат Стивен, который сейчас изучал юриспруденцию в Данидине, исполняя заветную мечту отца, в юности мечтавшего стать адвокатом. На протяжении вот уже двадцати лет Рубен О'Киф был мировым судьей в Квинстауне, и больше всего ему нравилось разговаривать со Стивеном на юридические темы. Младший брат Илейн, Джордж, еще ходил в школу, но, похоже, рос дельцом. Уже сейчас он с удовольствием помогал в магазине и предлагал тысячи рационализаторских идей.

Хелен О'Киф, пока еще ничего не подозревавшая о переменах в настроении своей внучки и их источнике, которым стал новоприбывший Уильям Мартин, элегантно движением налила чай в чашку своей гостьи, Дафны О'Рурк.

Это чаепитие у всех на глазах доставляло обеим дамам огромное удовольствие. Они знали, что весь Квинстаун судачит о странных отношениях владелиц «отелей». Однако Хелен не опасалась, что о ней будут болтать окружающие. Около сорока лет тому назад Дафну, которой тогда было тринадцать лет, послали в Новую Зеландию под ее опекой. Лондонский приют хотел избавиться от некоторых воспитанниц, а в Новой Зеландии не хватало горничных. Хелен тоже ехала в неизвестность, чтобы выйти замуж за тогда еще незнакомого мужчину. Церковь Англии оплатила

ей проезд как сопровождающей группы девочек.

Хелен, которая прежде была гувернанткой в Лондоне, использовала трехмесячное путешествие для того, чтобы позаниматься с подопечными, научив их правилам этикета и придав некоторый лоск манерам, чем до сих пор пользовалась Дафна. Впрочем, тогда ее карьера горничной провалилась, равно как и брак Хелен. Обе женщины встретились снова, изнывая от давящих обстоятельств, но извлекли из них максимально возможную пользу.

Теперь они обе насторожились, заслышав шаги Илейн на задней террасе дома. Хелен подняла свое узкое, изборожденное глубокими морщинами лицо, на котором выделялся острый нос, свидетельство о родстве с Илейн. Ее волосы, в молодости темно-русые, с каштановым отливом, уже пронизанные седыми прядями, по-прежнему были густыми. Чаще всего Хелен собирала их в тугий пучок на затылке. Ее серые глаза светились пронизательностью и неослабевающей любознательностью — особенно сейчас, когда она увидела сияющее лицо Илейн.

— Ну-ну, дитя! Судя по твоему виду, ты только что получила рождественский подарок. Что новенького?

Дафна, кошачьи черты которой казались несколько резковатыми даже тогда, когда она улыбалась, оценила вид Илейн менее невинно. Она видела подобное выражение на лицах дюжин девушек, которым казалось, что они нашли среди своих клиентов принца. И каждый раз, когда сказочный принц на поверку оказывался лягушкой или даже жабой, Дафне приходилось проводить не один час, утешая их. Поэтому, когда Илейн приблизилась к ним, на лице Дафны появилась настороженность.

— У нас новый постоялец! — радостно возвестила девушка. — Старатель из Ирландии.

Хелен нахмурилась. Дафна рассмеялась, ее зеленые глаза насмешливо сверкнули.

— Он не заблудился, Лейни? Ирландские золотоискатели обычно устраиваются у моих девочек.

Илейн энергично покачала головой.

— Он не такой... Простите, мисс Дафна, я хотела сказать... — она откашлялась, — он джентльмен... как мне кажется.

Морщины на лице Хелен стали еще глубже. У нее был свой опыт общения с джентльменами.

— Сокровище мое, — смеясь, ответила Дафна, — ирландских джентльменов не бывает. Все, кто там относит себя к дворянскому сословию, родом из Англии, поскольку остров с незапамятных времен

принадлежит англичанам: обстоятельство, из-за которого ирландцы до сих пор волком воют, стóбит им пропустить пару стаканчиков. Большинство глав ирландских кланов были смещены, их заменили английскими дворянами. И с тех пор они только и делают, что наживаются за счет ирландцев. Последнее, что они сделали, это заставили своих арендаторов тысячами умирать с голоду. Настоящие джентльмены! Но вряд ли твой старатель из них. Они держатся за свои клочки земли.

— Откуда вы столько знаете об Ирландии? — с любопытством поинтересовалась Илейн. Владелица дома терпимости восхищала ее, но, к сожалению, толком поговорить с ней удавалось нечасто.

Дафна улыбнулась.

— Милая моя, я ирландка. По крайней мере на бумаге. И когда переселенцы начинают грустить, это их страшно утешает. Я даже акцент переняла... — Дафна перешла на ирландский, и теперь рассмеялась даже Хелен. На самом деле Дафна родилась где-то в портовых кварталах Лондона. Но жила под именем ирландской иммигрантки. Брайди О'Рурк не пережила путешествие, и ее паспорт попал в руки юной Дафны через одного английского матроса.

— Ладно, Пэдди, можешь называть меня Брайди.

Илейн захихикала.

— Он не так разговаривает... Уильям, новый постоялец.

— Уильям? — возмущенно переспросила Хелен. — Молодой человек представился по имени?

Илейн поспешно покачала головой, чтобы не дать повода к неприязни по отношению к новому постояльцу.

— Конечно же, нет. Я прочла в регистрационной форме. Его зовут Мартин. Уильям Мартин.

— Не то чтобы это ирландское имя, — заметила Дафна. — Имя не ирландское, акцента нет... Здесь что-то нечисто. На вашем месте я бы для начала как следует проверила этого парня, мисс Хелен!

Илейн бросила на нее враждебный взгляд.

— Он порядочный человек, я это знаю! Он даже хочет купить в нашем магазине старательские принадлежности...

Эта мысль утешила ее. Если Уильям придет в магазин, она снова увидится с ним, что бы ни думала на его счет бабушка.

— Конечно же, это сразу делает его человеком чести! — усмехнулась Дафна. — Однако хватит о нем, мисс Хелен, давайте поговорим о чем-нибудь другом. Я слышала, к вам приезжают гости с Киворд-Стейшн. Это миссис Гвин?

Илейн еще некоторое время послушала их разговор, а затем удалилась. О том, что скоро в гости приедет другая бабушка и ее, Илейн, кузина, в последнее время и без того было много разговоров. А ведь в коротком визите Гвинейры не было ничего необычного. Она часто приезжала к своим детям и внукам и тесно дружила, в первую очередь, с Хелен О'Киф. Когда она останавливалась в ее пансионе, за разговорами женщины частенько засиживались за полночь. Необычным было скорее то, что на этот раз Гвинейру должна была сопровождать кузина Илейн, Кура. До сих пор этого никогда не случалось, а теперь слегка смахивало... на скандал! Когда речь заходила на эту тему, мать и бабушка Илейн понижали голос, да и письмо Гвинейры детям не дали прочесть. Обычно Кура не питала пристрастия к путешествиям, особенно ради того, чтобы навестить своих родственников в Квинстауне.

Илейн почти не знала Куру, несмотря на то что они были примерно одного возраста. Кура была на год младше Илейн, и во время редких визитов Илейн в Киворд-Стейшн у девочек почти не находилось тем для разговоров. Слишком разными по характеру они были. Попадая в Киворд-Стейшн, Илейн не могла думать ни о чем, кроме верховой езды и овец. Простор бесконечных пастбищ и сотни животных, которые на них паслись, приводили девушку в восхищение. К тому же ее мать Флёретта в буквальном смысле расцветала, оказавшись на ферме. Ей нравилось скакать наперегонки с Илейн в сторону покрытых снегом вершин, которые, несмотря на весь безумный галоп лошадей, не становились ни на дюйм ближе.

Зато Кура предпочитала сидеть дома или в саду, только и думая, что о новом фортепьяно, которое прислали грузовым транспортом в Крайстчерч из Англии для О'Кифов. Поэтому Илейн считала ее довольно глупой девушкой, хотя, конечно же, ей тогда было всего двенадцать. Разумеется, не последнюю роль сыграла и зависть. Кура была наследницей Киворд-Стейшн. Однажды ей будут принадлежать все эти лошади, овцы и собаки — а она совершенно не умеет ценить этого!

Что ж, Илейн уже шестнадцать, а Кура пятнадцать. Есть надежда, что между обеими девушками появилось больше общего, а значит, на этот раз Илейн сможет показать кузине свой мир! Наверняка гостье понравится бойкий городок Квинстаун, расположившийся у озера Вакатипу. Во-первых, он гораздо ближе к горам, чем Кентерберийская равнина, а во-вторых, здесь сотни съехавшихся из всех уголков мира старателей, которые обладают духом первопроходцев и мечтают не только о том, чтобы выжить. В Квинстауне есть процветающий самодеятельный театр со своей

труппой под руководством священника, группы по сквэр-дансу, а парочка ирландцев сумела сколотить ансамбль, который играет ирландскую народную музыку в пабе или в общинном центре.

Илейн подумала, что нужно непременно рассказать об этом Уильяму, — вдруг ему захочется сходить с ней на танцы! Теперь, когда она отошла от скептически настроенных дам, сидевших в саду, лицо девушки снова засияло. Полная надежд, она вернулась за стойку администратора. Может быть, Уильям еще разок пройдет мимо...

Впрочем, первой появилась бабушка Хелен. Она приветливо поблагодарила Илейн за то, что та заменила ее, и тем самым дала понять, что в ее присутствии больше нет необходимости. Тем временем уже почти стемнело — наверное, именно поэтому Хелен и Дафна не стали засиживаться в саду. К вечеру открывался паб, и Дафне нужно было приглядеть за порядком в заведении. Хелен не терпелось посмотреть на регистрационную запись нового постояльца, который произвел на ее внучку столь сильное впечатление.

Дафна, уже собравшаяся уходить, заглянула ей через плечо.

— Из усадьбы Мартинов... Звучит благородно, — заметила она. — Ну что, все-таки джентльмен?

— Это я выясню очень быстро, — решительно заявила Хелен.

Дафна кивнула и улыбнулась про себя. Молодому человеку предстоял инквизиторский допрос. На эмоциональные отношения у хозяйки пансиона было плохое чутье.

— И присматривайте за малышкой! — напоследок сказала Дафна. — Она уже стала добычей этого ирландского вундеркинда, а это может иметь непредвиденные последствия. Особенно если он джентльмен.

К огромному удивлению Хелен, при ближайшем рассмотрении новый постоялец произвел на нее не такое уж негативное впечатление. Напротив, когда молодой человек появился, он был чист, выбрит и одет, как подобает. Хелен также отметила, что костюм у него из самого лучшего сукна. Он вежливо поинтересовался, где можно поужинать, и Хелен рассказала ему об услугах довольствия, которые она предлагала своим гостям. В принципе, нужно было записываться заранее, но ее усердные поварихи Мэри и Лори сумеют наколдовать что-нибудь из еды. Поэтому Уильям устроился в прилично обставленной столовой, за красиво накрытым столом, в компании несколько натянуто державшейся молодой дамы, которая работала учительницей в недавно открытой школе, а также двух

сотрудников банка. Обслуживающая их прислуга поначалу удивила: Мэри и Лори, две веселые упитанные блондинки, оказались близнецами, которых Уильям не смог бы отличить при всем желании. Остальные гости, смеясь, заверили его, что это совершенно нормально. Отличить Мэри и Лори с первого взгляда могла только Хелен О'Киф. Хелен тоже рассмеялась. Она знала, что отличать их умела и Дафна.

Совместный ужин, конечно же, представлял собой идеальную возможность расспросить Уильяма Мартина, чтобы узнать о нем побольше. Впрочем, Хелен даже не понадобилось расспрашивать его самой, за нее это сделали другие любопытные гости.

Да, он действительно ирландец, не единожды сказал Уильям, причем чуть резковато, когда оба банкира в очередной раз поразились отсутствию у него акцента. Его отец разводит овец в графстве Коннемара. Это подтвердило предположение, появившееся у Хелен сразу же, когда она услышала, как разговаривает Уильям. Он оказался отлично воспитанным молодым человеком, который никогда не опустил бы до ирландского диалекта.

— Но корни у вас английские, не правда ли? — поинтересовался один из банкиров. Он был родом из Лондона и, похоже, немного разобрался в ирландском вопросе.

— Семья моего отца приехала из Англии двести лет тому назад! — раздраженно объявил Уильям. — И если вы собираетесь говорить о переселенцах...

Банкир поднял руки, пытаясь успокоить собеседника.

— Простите, простите, друг мой! Вижу, вы патриот. Что же тогда прогнало вас с зеленого острова? Неприятности из-за этой истории с гомрулем?^[1] Следовало ожидать, что лорды отметут это с порога. Но если вы сами...

— Я не крупный землевладелец, — ледяным тоном заметил Уильям. — Не говоря уже о графстве. Вполне возможно, что мой отец в некотором роде симпатизирует палате лордов, но... — Он закусил губу. — Простите, это к делу не относится.

Хелен решила сменить тему, пока этот сорвиголова не отреагировал еще более резко. В том, что касается его темперамента, он, без сомнения, ирландец. Кроме того, юноша поссорился с отцом. Вполне возможно, что это стало причиной для эмиграции.

— И теперь вы решили искать золото, мистер Мартин? — словно бы мимоходом осведомилась она. — Вы уже застолбили участок?

Уильям пожал плечами. Внезапно показалось, что он не очень уверен в себе.

— Не совсем, — смущенно ответил он. — Мне сообщили о некоторых местах, которые якобы очень многообещающи, но я еще не решил...

— Вам стоит найти себе партнера, — посоветовал старший из банкиров. — Лучше всего, если это будет опытный человек. На золотых приисках довольно много ветеранов, которые приняли участие в золотой лихорадке в Австралии.

Уильям скривился.

— Зачем мне партнер, который ищет десятилетиями и еще ничего не нашел? От такого опыта я готов отказаться. — Его светло-голубые глаза презрительно сверкнули.

Банкиры рассмеялись. Хелен же барские замашки Уильяма показались не к месту.

— Вы не так уж неправы, — заявил банкир постарше. — Но здесь почти никто не сумел сколотить состояние. Если хотите дельный совет, молодой человек, то забудьте о поисках золота. Лучше займитесь тем, в чем разбираетесь. Новая Зеландия — рай для того, кто хочет начать новое дело. Практически каждая профессия обещает больший доход, чем поиски золота.

«Вопрос лишь в том, учился ли этот юноша какой-то стоящей профессии», — подумала Хелен. До сих пор ей казалось, что это хоть и прилично воспитанный, но довольно избалованный отпрыск богатого дома. Посмотрим, как он отреагирует, когда натрет мозоли, пытаясь отыскать золото.

Глава 2

— Что это вы здесь делаете?

И без того раздраженное настроение Джеймса МакКензи вылилось на его сына Джека и его друзей, Хона и Мааку. Троица закрепила корзину на одной из кордилин^[2], придававших подъезду к усадьбе Киворд-Стейшн экзотический вид, и упражнялась прицельно забрасывать в нее мяч. По крайней мере до тех пор, пока не появился отец Джека, чье недовольное лицо заставило мальчишек остановиться.

Они совершенно не понимали, почему он так разозлился. Ладно, садовник был бы не в восторге от того, что подъездную аллею превратили в игровую площадку. Он ведь так старается аккуратно разравнивать светлую гальку и ухаживать за цветочными клумбами! Мать Джека тоже любила, чтобы фасад Киворд-Стейшн выглядел представительно, поэтому тоже могла бы отреагировать резко, если бы увидела корзину для баскетбола и затоптанную траву. Но отец Джека обычно совершенно спокойно относился к подобным вещам. Мальчишки скорее предполагали, что он поймает мяч, который только что упал к его ногам, и тоже попытается забросить его в корзину.

— Разве в это время вы не должны быть в школе?

А, вот откуда ветер дует! Вздохнув с облегчением, Джек радостно улыбнулся отцу.

— В принципе, да, но мисс Уитерспун отпустила нас. Ей нужно собирать вещи и все такое... для путешествия. А я даже не знал, что она едет с Курой.

На лицах мальчишек — как на веснушчатом Джека, так и широких коричневых маори — читалась радость по поводу того, что, судя по всему, их ждет еще несколько свободных деньков. А Джеймс готов был вот-вот взорваться. Хизер Уитерспун, молодая воспитательница, была гораздо более удачной мишенью для гнева, чем трое баскетболистов.

— Для меня это тоже новости! — проревел МакКензи. — Так что не спешите радоваться. Я быстро спутаю планы этой госпожи!

Теперь он действительно поднял мяч, бросил его в корзину и, к собственному удивлению, попал.

Монди, красивая трехцветная колли, следовавшая за ним по пятам, радостно подпрыгнула за мячом. Джек с трудом опередил ее. Даже страшно подумать, что будет, если она прокусит настоящий баскетбольный мяч, о

котором он мечтал неделями, пока его наконец не прислали из Америки. Крайстчерч, ближайшее к Киворд-Стейшн крупное поселение, медленно превращался в настоящий город, но баскетбольной команды здесь еще не было.

Джеймс улыбнулся сыну, а Монди смотрела вслед мячу обиженно и в то же время с жадностью.

Джек подозвал собаку, погладил ее и с облегчением улыбнулся отцу. Очевидно, все снова в порядке. Отец и сын редко ссорились, они не только были очень похожи внешне — лишь рыжину в волосах и склонность к веснушкам передала Гвинейра по наследству своему сыну, — но и характером. Еще в раннем детстве, словно щенок пастушьей собаки, Джек ходил за отцом по пятам, по конюшням и загонам для овец, сидел в седле впереди него (причем не мог нарадоваться скорости), валялся на соломе с его собаками. К настоящему моменту тринадцатилетний паренек уже ощутимо помогал на ферме. Во время последнего перегона овец с летних пастбищ ему впервые разрешили ехать со взрослыми, и он был невероятно горд тем, что не сплеховал. Джеймс и Гвинейра МакКензи чувствовали то же самое. Оба каждый день радовались этому поздно родившемуся ребенку. Никто из них даже не думал о детях, когда после бесконечных лет несчастной любви, разлук, непонимания и превратностей судьбы они наконец-то сказали друг другу «да». Гвинейра тогда уже перешагнула сорокалетний рубеж, и никто не был готов к еще одной беременности. Маленького Джека, похоже, это ничуть не заботило, он даже слегка поторопился, увидев свет спустя семь месяцев со дня свадьбы, после совершенно безоблачной беременности и относительно легких родов.

Несмотря на раздражение, заставившее его подниматься по подъездной дороге торопливым шагом, Джеймс с нежностью улыбался про себя, думая о Джеке. Все, что было связано с этим ребенком, радовало его: Джек отличался понятливостью, удивительно легко справлялся с работой на ферме и наверняка стал бы отличным учеником, если бы эта мисс Уитерспун хоть немного утруждала себя при выполнении своих обязанностей!

Джеймс нахмурил лоб. При мысли о молодой учительнице, которую Гвинейра привела в дом, в первую очередь ради своей внучки Куры, его ярость вспыхнула с новой силой. Впрочем, жену он не упрекал: Куре-мартини, дочери ее сына от первого брака и его жены из народа маори, Марамы, срочно нужна была воспитательница откуда-нибудь извне. Девушка давно переросла Гвинейру, не говоря уже о ее матери Мараме. При всем этом Гвин была не самым лучшим педагогом. Весьма терпеливая

с лошадьми и собаками, Гвин быстро выходила из себя, когда кто-то смотрел, как она неловко выводит буквы. Марама была спокойнее, но два года тому назад она снова вышла замуж и у нее появились другие интересы. Кроме того, она ходила лишь в импровизированную школу Хелен, а Гвинейра хотела для наследницы Киворд-Стейшн более основательного образования.

Казалось, Хизер Уитерспун представляет собой идеальный выбор — несмотря на то, что Джека сердила, в первую очередь, похожесть имени гувернантки на имя «Хелен». Джеймс в любой момент был готов к тому, что Гвинейра соберет целую команду для бригады стригалей. Но в том, что касалось оценки квалификации воспитателей и учителей, ей не хватало знаний и интереса. Решение тогда было принято тоже быстро и без раздумий: и теперь у них на шее сидит эта Хизер, которая сама по себе девушка хоть и образованная, но сама еще наполовину ребенок, почти такая же, как ее воспитанница Кура. Джеймс давно бы рассчитал ее; времена изменились, сейчас путешествие в Новую Зеландию необязательно представляет собой дело всей жизни. С тех пор как появились пароходы, поездки стали короче и безопаснее. Восемь недель — и мисс Уитерспун могла бы снова найти применение своим талантам, но уже в Англии. Впрочем, это пришлось бы не по нраву Куре-маро-тини, которая сразу подружилась со своей новой гувернанткой. А пережить приступ ярости этого ребенка не хотелось ни Гвинейре, ни Мараме!

Снимая пальто в прихожей дома, раздраженный донельзя Джеймс скрипел зубами. Изначально это была передняя благородной гостиной, с серебряным блюдом на маленьком столике, предназначенном для того, чтобы оставлять там визитные карточки. Гвинейра давным-давно уже убрала блюдо. Она и горничные-маори считали излишним постоянно чистить серебро. Вместо этого там стояла только цветочная ваза с ветками куста рата, что делало комнату уютнее.

Впрочем, сегодня вид комнаты успокоить Джеймса не мог; он по-прежнему злился на молодую учительницу. Вот уже два года семья МакКензи наблюдала за тем, как мисс Уитерспун пренебрегает своими прямыми обязанностями по отношению к Джеку и другим детям! А ведь в ее договоре черным по белому было написано, что, кроме проведения частных уроков с Курой, она должна заботиться о начальном образовании для детей из деревни маори. Она обязана была ежедневно вести там уроки. Джек ничего не имел против, да и Куре не помешало бы ходить на эти занятия. Но Хизер Уитерспун избегала этого по мере сил. Она говорила, что взрослые туземцы внушают ей страх, а их детей она терпеть не может.

Когда же она изредка снисходила до того, чтобы провести занятия, ее внимание было направлено исключительно на девочку Куру, как и содержание уроков, ориентированных на нее же. Подобранный ею учебный материал был слишком труден для деревенских детей, а потому сам процесс казался скучным. К примеру, Хизер Уитерспун читала им исключительно девчачьи книги, преимущественно такие, в которых маленькие принцессы терпеливо сносили судьбу Золушки, пока однажды не получали вознаграждение за свои добрые поступки. Для девочек-маори это ничего не значило, поскольку было совершенно чуждо их жизни, но Хизер ничего не делала для того, чтобы рассказать им об этом. Мальчики-маори просто сходили с ума от скуки: терпеливые принцессы их не интересовали. Они хотели слушать истории про пиратов, рыцарей и приключения.

Джеймс окинул быстрым взглядом бывшую гостиную, которая теперь служила Гвин в качестве бюро. Его жены не было, поэтому он пересек обставленный дорогой мебелью салон, все еще ворча себе под нос. Неужели эта мисс Уитерспун не в состоянии прочесть им хотя бы «Остров сокровищ», или истории о Робине Гуде, или о рыцаре Ланселоте, которые так восхищали в детстве Флёретту и Рубена?

Из бывшей господской комнаты, теперь превратившейся в нечто вроде школьного и музыкального класса, в салон доносилась музыка. Джеймс заглянул и туда, ибо теоретически его жертва вполне могла в это время давать урок Куру. Но девушка сидела в одиночестве перед боготворимым ею фортепьяно и самозабвенно играла Бетховена. В принципе, Джеймс ничего другого и не ожидал. Вполне в духе Куры — оставить тяготы сборов бабушке и гувернантке, а самой заняться своим любимым делом. А потом еще жаловаться, что ей не те платья упаковали.

Джеймс снова захлопнул дверь, не сказав стройной черноволосой девушке ни слова. Его не интересовала броская красота Куры, которую обычно восхвалял всякий, впервые увидевший экзотическую красавицу. С тех пор как Кура стала созревать и превращаться в женщину, у окружающих часто захватывало дух. А Джеймс МакКензи по-прежнему видел в ней ребенка — избалованного ребенка, капризы которого доводили семью и прислугу Киворд-Стейшн до отчаяния.

Джеймс стал подниматься по широкой лестнице, соединявшей верхний этаж с общественными и хозяйственными помещениями в нижней части дома, когда вдруг услышал доносившиеся из комнаты Куры рассерженные голоса. Гвинейра и мисс Уитерспун. Джеймс усмехнулся. Судя по всему, жена опередила его.

— Нет, мисс Хизер, вы Кура не нужны. Она вполне обойдется несколько недель без уроков пения, причем я не припоминаю, чтобы нанимала вас в качестве учительницы пения. Вы постоянно жалуетесь на то, что ничему не можете научить Куру! А что касается фортепьяно и остального образования... если Кура действительно зачахнет без всего этого, как песок в пустыне, об этом позаботится моя подруга Хелен. Хелен за свою жизнь обучила азбуке больше детей, чем вы можете себе представить. Кроме того, она играет на органе в церкви.

Джеймс улыбнулся про себя. Гвинейра потрясающе умела отчитывать людей. Это ему довелось узнать на собственном опыте, и он постоянно колебался между гневом и восхищением. Чего стоит одно только умение Гвин возвышаться над ним, произнося свои гневные тирады! Она была скорее низкого роста, стройной, но невероятно энергичной женщиной. Когда она приходила в ярость, то казалось, что даже волосы заряжаются электричеством, а прекрасные лазурно-голубые глаза извергают снопы искр. Как и прежде, она не выглядела на свой возраст. Несмотря на то что в последнее время Гвин пыталась уложить свои локоны в узел на затылке, несколько прядей всегда умудрялись высвободиться. Конечно же, годы оставили на ее лице несколько морщин. Гвин не очень-то любила зонты — как от солнца, так и от дождя — и подставляла незащищенную кожу силам природы Кентерберийской равнины. Но Джеймс не согласился бы расстаться ни с одной бороздкой, появившейся из-за смеха, или глубокой морщины, возникавшей между бровями, когда она начинала сердиться, вот как сейчас.

— Ничего подобного!

Должно быть, Хизер Уитерспун что-то ответила, но Джеймс не расслышал.

— Где вы действительно нужны, мисс Хизер, так это здесь! Некоторые дети маори все еще не умеют читать и писать. Да и моему сыну не помешает подучиться. Так что распаковывайте все это и займитесь своим делом. У детей сейчас должны быть уроки. А они вместо этого гоняют мяч на улице!

Значит, Гвин заметила. Джеймс мысленно поаплодировал ей, когда она вылетела из комнаты.

Гвинейра испугалась неожиданной встрече, но тут же улыбнулась ему.

— Что ты здесь делаешь? Тоже вышел на тропу войны? Своеволию нашей мисс Хизер нужно действительно положить конец!

Джеймс кивнул. Как и всякий раз, когда рядом с ним была Гвинейра, у него улучшилось настроение. Вот уже на протяжении шестнадцати лет они

редко расставались дольше чем на день, однако при виде жены его сердце всегда наполнялось радостью. Тем хуже, что теперь ее не будет рядом с ним, возможно, не одну неделю.

Гвинейра тут же заметила, что он огорчен.

— Что с тобой? Ты весь день ходишь с таким лицом, будто наелся кислятины! Тебе не нравится, что мы уезжаем?

Гвинейра сначала хотела спуститься по лестнице вслед за мужем, но затем услышала, как Кура играет на фортепьяно. Оба словно по команде повернули в свои комнаты. У стен салона могли быть уши.

— Нравится мне или нет, значения не имеет, — мрачно произнес Джеймс. — Я просто не знаю, правильно ли это...

— Чтобы удержать Куру? — спросила Гвин. — Не отрицай. Я слышала, как ты говорил об этом в стойле с Энди Мак-Эроном. Не очень-то тактично, если хочешь знать мое мнение...

Гвинейра достала кое-какие вещи из шкафа и сложила их в чемодан. Этим она как бы давала понять, что их путешествие — дело решенное. Но тут недовольство Джеймса переросло в настоящий приступ гнева.

— Так выразился Энди. Если уж тебе обязательно хочется знать, то он сказал: «Смотрите, держите ее покрепче, иначе Тонга сведет ее с первым же сорванцом маори, который его послушает». А как я должен был реагировать? Уволить Энди Мак-Эрона за то, что он говорит чистую правду?

Энди Мак-Эрон был из числа старейших работников в Киворд-Стейшн. Так же, как и Джеймс, Энди уже был здесь, когда Гвинейру прислали в Новую Зеландию в качестве невесты наследника поместья, Лукаса Уордена. В принципе, между Энди, Джеймсом и Гвин тайн не было.

Гвинейра вздохнула и постаралась успокоиться. Она устало опустилась на край постели, и Монди тут же прильнула к ее ногам, упрашивая, чтобы ее почесали за ухом.

— И что же нам делать? — спросила она, поглаживая собаку. — Легко говорить «удержать», но ведь Кура не собака и не лошадь. Я не могу ей просто приказать...

— Гвин, твои собаки и лошади всегда охотно слушались тебя, но без принуждения. Потому что ты с самого начала правильно воспитывала их. С любовью, но последовательно. И только Кура ты все спускаешь с рук! И от Марамы никакого толку. — Джеймсу очень хотелось обнять жену, чтобы слегка смягчить свои слова, но в последний момент он передумал. Настало время наконец поговорить об этом.

Гвинейра закусил губу. Она не могла не согласиться с мужем. Он

прав: никто и никогда по-настоящему не ограничивал Куру-маро-тини, наследницу Киворд-Стейшн и надежду как местного племени маори, так и белых основателей фермы. Ни маори, и без того растившие своих детей не в строгости, ибо передают их на воспитание земле, на которой им предстоит выживать, ни Гвинеира, которая, вообще-то, должна была бы понимать, чем все может закончиться. Она ведь уже обожглась со своим сыном Полем, отцом Куры, когда слишком ослабила поводья. Но там все сложилось по-другому. Пол был плодом насилия; Гвинеира так никогда и не сумела по-настоящему полюбить его. В результате Пол сначала стал трудным ребенком, а затем — злобным и склочным молодым человеком, чья вражда с Тонгой, вожаком маори, в конце концов привела к смерти. Тонга, умный и образованный маори, смог получить решение суда: приобретение земли под Киворд-Стейшн было незаконным. Если Гвинеира хотела сохранить ферму, она должна была возместить ущерб туземцам. Однако требования Тонги были неприемлемы. И только Мараме сумела повлиять на заключение мира. Ее ребенок, от крови маори и *накеха*^[3], должен был унаследовать Киворд-Стейшн, а значит, земля будет принадлежать всем. Никто не оспаривал право маори стоять здесь лагерем; с другой стороны, Тонга не стал предъявлять требования на главные земли фермы.

Гвинеира и большинство членов племени маори были более чем удовлетворены таким решением — и только молодой вождь еще таил злобу на *накеха*, ненавистных белых поселенцев. Пол Уорден при жизни был его соперником не только в борьбе за владение землей, но и за Мараме. После смерти Пола Тонга надеялся, что красивая девушка, погоревав положенное время, будет с ним. Но Мараме не стала искать себе нового партнера и предпочла воспитывать ребенка в господском доме. И только позже сошлась с мужчиной, однако выбрала не Тонгу или какого-то другого соплеменника, а без памяти влюбилась в стригалю, который весной пришел с колонной в Киворд-Стейшн. Молодой человек испытывал то же самое, и вскоре они уже были вместе. Рихари тоже был маори, но из другого племени. Несмотря на это, он решил остаться. Он оказался общительным и приветливым человеком, сразу же понял, в какой необычной ситуации находится Мараме. Она не могла ни забрать свою дочь из Киворд-Стейшн, ни уйти с ним одна в его племя в Отаго. Поэтому он попросил ее соплеменников сделать исключение, и Тонга, сжав зубы, согласился. Теперь пара жила в деревне маори, Кура — по ее собственному желанию — осталась в господском доме.

Однако в последнее время дорога все чаще приводила ее к поселению у озера, причем «навещать маму» было лишь поводом. Кура открыла для себя любовь. За ней ухаживал молодой Тиаре, причем, к сожалению, не так невинно, как было принято в этом возрасте среди детей *пакеха*.

Гвинейра, которая когда-то спокойно стерпела влюбленность своей дочери Флёр и Рубена О'Кифа, забила тревогу. Она ведь знала, насколько свободны нормы сексуальной морали у маори. В их племенах мужчины и женщины с легкостью вступали в отношения, и брак считался заключенным только тогда, когда двое делили ложе в общинном доме. То, что происходило до этого момента, племени было безразлично, ибо детям здесь всегда радовались. Похоже, Кура собиралась ориентироваться на обычаи маори, а Марама вмешиваться не хотела.

Гвинейра, Джеймс и все остальные здравомыслящие люди в Киворд-Стейшн опасались вмешательства Тонги. Конечно же, Гвинейра надеялась, что Кура заключит брак с белым мужчиной из их круга, но внучка и слышать не хотела об этом. Пятнадцатилетняя девушка вбила себе в голову, что хочет стать певицей, и ее необычайно красивый голос и ярко выраженная музыкальность наверняка послужили бы для этого хорошей основой. Однако можно ли мечтать о карьере оперной певицы в столь юной стране, к тому же пуританской? В Крайстчерче, например, в первую очередь построили собор, в остальных городках — железную дорогу... Никто и не думал о театре для Куры Уорден! Хизер Уитерспун, конечно же, вбивала в голову своей подопечной мысли о консерваториях в Европе, об оперных театрах Лондона, Парижа и Милана, которые только и ждут певицу такого калибра. Но даже если бы Гвинейра (и Тонга) согласилась бы на это, возникал вопрос: воспримут ли ее, Куру, бывшую наполовину маори и обладавшую экзотической красотой, которая восхищала каждого, всерьез? Будут ли смотреть на нее как на певицу, а не как на диковинку? Где окажется этот избалованный ребенок, если Гвинейра действительно пошлет ее в Европу?

Похоже, Тонга намеревался решить эту проблему по-своему. Не только Энди Мак-Эрон подозревал, что он дергает за ниточки предмет новой любви Куры. Тиаре был кузенком Тонги, союз с ним значительно укрепил бы права маори в Киворд-Стейшн. А мальчику было всего шестнадцать, к тому же, по мнению Гвинейры, он был глуповат. Тиаре в роли хозяина Киворд-Стейшн рядом с не интересующейся делами фермы Курой, которая только и делает, что бренчит на фортепьяно, — для Тонги это наверняка стало бы кульминацией всей его жизни, однако для Гвин казалось немислимым.

— Отъезд Куры в Квинстаун на несколько недель сейчас не поможет, — произнес Джеймс. — Наоборот, там перед ней на колени встанут дюжины золотоискателей. Она будет купаться в комплиментах, будет всякому казаться интересной и в конце концов станет еще более поверхностной, чем прежде. А когда она вернется, Тиаре все еще будет здесь. И если ты решила его как-то убрать отсюда, Тонга найдет кого-нибудь другого. Это ничего не даст, Гвин.

— Она становится старше и разумнее, — заметила Гвинейра.

Джеймс закатил глаза.

— Неужели тебе удалось заметить в поведении Куры какие-то признаки взросления? До сих пор она становилась только безумнее! И эта Хизер Уитерспун все только усложняет. Я первым делом отправил бы ее обратно в Англию, понравится это маленькой принцессе или нет.

— Но если Кура упрется, мы ничего не добьемся. Тем самым толкнем ее в руки маори...

Джеймс присел рядом на кровать Гвин, и она прижалась к нему, ища поддержки.

— И почему все всегда так сложно, — вздохнула она. — Жаль, что наследник не Джек, тогда нам не о чем было бы и думать.

Джеймс пожал плечами.

— Не о чем было бы думать, если бы наследницей была бы и Флёретта. Но нет же, этот Джеральд Уорден обязательно должен был сделать еще одного наследника мужского пола, причем силой. И мне доставляет некоторое удовлетворение, что сейчас он переворачивается в гробу! Его Киворд-Стейшн не только в руках полумаори, но еще и девушки!

Гвинейра невольно улыбнулась. Что касается вопросов наследования, маори в любом случае намного разумнее. Здесь не было проблем, когда Марама родила на свет девочку; мужчины и женщины обладали равными правами на наследство. Жаль только, что Кура так непослушна и унаследовала от деятельной и скорее практичной, чем ленивой, Гвинейры только лазурно-голубые глаза.

— Сейчас я свожу ее в Квинстаун, — наконец решительно произнесла Гвинейра. — Может быть, Хелен сумеет вправить ей мозги. Иногда человеку извне удастся сделать больше. Как бы там ни было, Хелен играет на рояле. Кура отнесется к ней серьезно.

— А мне придется обходиться без тебя, — надулся Джеймс. — Перегон скота...

Гвинейра рассмеялась и обняла его за шею.

— Перегон скота должен тебя занять более чем достаточно. Джек уже весь в предвкушении. И ты мог бы взять с собой мисс Хизер — в кухонной повозке. Может быть, она пойдет по доброй воле!

Стоял март, и накануне предстоящей зимы нужно было собрать наполовину одичавших в горах овец и вернуть их обратно в загоны. И так повторялось каждый год, что требовало сил всех работников фермы.

— Поосторожнее со своими предложениями! — Джеймс провел рукой по волосам жены и нежно поцеловал ее. Объятия возбудили его. Да и что можно возразить против небольшой порции любви в первой половине дня? — Я уже однажды влюбился в женщину, которая ехала в кухонной повозке!

Гвинеира рассмеялась. Она тоже задышала чаще, при этом терпеливо дожидаясь, пока Джеймс справится с крючками и петельками ее легкого летнего платья.

— Но не в кухарку, — заметила она. — Я еще хорошо помню, как ты послал меня в первый же день искать пропавшую овцу.

Джеймс поцеловал ее плечо, затем все еще упругую грудь.

— Это помогло спасти жизнь отряда, — с улыбкой заметил он. — После того как мы попробовали твой кофе, мне пришлось убрать тебя с дороги...

Пока Гвинеира и Джеймс наслаждались свободным часом, Хизер Уитерспун направилась к своей воспитаннице Кура. Она нашла девушку у фортепьяно и поспешила сообщить ей о решении бабушки: ее учительница в Квинстаун не едет. Кура отнеслась к этому на удивление спокойно.

— Ах, мы все равно не останемся там надолго, — заметила она. — Что нам делать среди этих провинциалов? Отправься мы хотя бы в Данидин... Но ехать в это старательское захолустье? Да и люди там мне почти не родня. Флёретта что-то вроде наполовину тетки, Стивен, Джордж и Илейн мои, так сказать, троюродные братья и сестра, так ведь? И что мне с ними делать?

Кура снова повернула свое красивое личико к нотам. К счастью, в Квинстауне тоже будет фортепьяно, в этом ее клятвенно заверили. И, может быть, эта мисс Хелен действительно что-то понимает в музыке, а может быть, и побольше, чем мисс Хизер. За Тиаре она все равно скучать не будет. Конечно, приятно, когда тобой восхищаются, целуют тебя и ласкают, но она ведь не станет рисковать... Никакой беременности! Возможно, бабушка Гвин и считает ее глупой, а мисс Хизер краснеет как рак, когда речь заходит о чем-то «половом». Но мать Куры была не такой жеманной, и девушка

прекрасно знала, откуда берутся дети. И в одном она была уверена: от Тиаре она их иметь не хочет. В принципе, она поддерживала с ним отношения только для того, чтобы слегка позлить бабушку.

Если задуматься, Кура вообще не хотела иметь детей. Наследство в виде Киворд-Стейшн было ей безразлично. Она была готова бросить все и всех, если это позволит приблизиться к ее настоящей цели. Кура хотела заниматься музыкой, она мечтала стать певицей. И сколько бы раз бабушка Гвин ни произносила слово «невозможно», Кура-маро-тини не отступится от своей мечты!

Глава 3

До сих пор Уильям Мартин считал промывку золота спокойной, даже созерцательной деятельностью. Опускаешь сито в ручей, слегка встряхиваешь — и на нем остаются золотые самородки. Возможно, не сразу и не каждый раз, но достаточно, чтобы стать миллионером, если заниматься этим упорно и долго. Однако в реалиях Квинстауна все оказалось совершенно иначе. Если быть точным, Уильям вообще не нашел золота, пока не скооперировался с Джоуи Тизером. И это при том, что он выбрал дорогие инструменты в магазине «О'Кей» и снова имел удовольствие поболтать с Илейн О'Киф. Малышка едва скрывала радость от того, что вновь видит его, и чем дольше длился этот первый день поисков золота вместе с Джоуи Тизером, тем сильнее задумывался Уильям о том, не таится ли именно в знакомстве с этой девушкой настоящая золотая жила. Насколько у него вообще оставалось времени думать. Джоуи, опытный золотоискатель сорока пяти лет, выглядевший, однако, на все шестьдесят, искавший счастье прежде в Австралии и на Западном побережье, быстро оглядел недавно застолбленный Уильямом участок, объявил его очень перспективным и тут же принялся рубить дерево для промывочного желоба. Уильям посмотрел на него слегка растерянно, после чего Джоуи вручил ему пилу и велел распиливать стволы на доски.

— А нельзя... нельзя ли купить доски? — с несчастным видом поинтересовался Уильям, когда первая его попытка самым жалким образом провалилась. Если им действительно придется самим строить двадцатиметровый желоб, что, похоже, намеревался делать Джоуи, то понадобится по меньшей мере две недели, прежде чем в нем осядут первые крупинки золота.

Джоуи закатил глаза.

— Купить можно все, мальчик, если есть золото. А у нас уже есть? У меня — точно нет. И ты свое придержи. И без того живешь на широкую ногу, с этим твоим пансионом и всеми штуками, которые ты накупил...

Наряду с важнейшим оборудованием для промывки золота Уильям купил приличное оборудование для лагеря и вложил деньги в пару охотничьих ружей. Вполне ведь может быть, что придется ночевать прямо здесь, на участке, — особенно если понадобится охранять золото. И в этом случае Уильям ни в коем случае не собирался оставаться под открытым небом.

— По крайней мере у нас здесь есть деревья, топор и пила. Лучше всего построить желоб самим. Берись за топор. Будешь валить деревья — так, во всяком случае, ничего не испортишь. А я возьму пилу и займусь тонкой работой.

С тех пор Уильям валил деревья, правда, не очень быстро. Сейчас он как раз справился с двумя не очень высокими южными буками и практически купался в поту. Если утром, направляясь на участок, мужчины мерзли, то теперь, около десяти часов утра, они работали, раздевшись до пояса. И Уильяму не верилось, что день еще даже не перевалил за половину.

«Лучше попробуйте себя в деле, которое вам действительно по душе» — эти слова банкира не шли у парня из головы. Поначалу он посчитал это пустой болтовней конторской крысы, которая боится рисковать, но теперь жизнь золотоискателя уже не казалась ему такой романтической. Конечно, работа на свежем воздухе — это прекрасно, да и природа здесь, в Квинстауне, просто потрясающая. После того как Уильям преодолел первое недовольство, он не мог надивиться. Одни только величественные горы вокруг озера Вакатипу, которые, казалось, обнимали его, вызывали восторг, а от игры красок, буйной растительности и калейдоскопа красных, лиловых и коричневых оттенков, особенно ярких сейчас, осенью, просто захватывало дух. Растения были частью экзотические, как, например, похожие на пальмы кордилины, частью привычные, но выглядевшие в этих местах совершенно неожиданно, как, в частности, фиолетовые люпины, придававшие местности вокруг Квинстауна необычный нюанс, особенно в это время года. Воздух был хрустально чист, равно как и ручьи. Но если Уильяму доведется поработать с Джоуи еще пару дней, то сомнений нет: совсем скоро он начнет ненавидеть все эти деревья и ручьи.

На протяжении дня все сильнее и сильнее раскрывалась рабовладельческая натура Джоуи. То он заявлял, что Уильям слишком медленно работает, то слишком часто устраивает перерывы, то сам отрывал его от деятельности лесоруба, потому что ему требовалась помощь в распиле. Да еще и ругался самым неподобающим образом, если что-то начинало идти не так, а это, к сожалению, чаще всего бывало, когда Уильям брал в руки пилу.

— Ну ничего, научись, мальчик! — в конце концов ободряюще заявил старатель, когда успокоился. — Дома, наверное, не так уж часто приходилось работать руками.

Сначала Уильям хотел рассерженно возразить, но потом передумал, понимая, что его напарник не так уж неправ. Ладно, он работал на полях.

Вместе с арендаторами, особенно в последние годы, когда в глаза бросилась вопиющая несправедливость, царившая во владениях его отца. Фредерик Мартин требовал много, а давал мало. Арендная плата была практически неподъемной для крестьян, и не только потому, что в хорошие годы им оставалось мало на жизнь: если сезон выдавался неурожайный, помощи им ждать было неоткуда. До сих пор семьи едва успели оправиться от голода, который разразился в шестидесятые. Почти каждая семья могла пожаловаться на жертвы. Да еще выпало почти целое поколение. Из детей возраста Уильяма почти никто не пережил годы картофельной гнили. Сегодня работа на полях была почти полностью в руках подростков и стариков; все выбивались из сил, но улучшения ситуации не ожидалось.

Фредерика Мартина это абсолютно не трогало, да и мать Уильяма, несмотря на то что была ирландкой, не собиралась вступаться за людей. Уильям молча начал помогать арендаторам работать на полях. Позже вступил в Ирландскую земельную лигу, которая хотела помочь им добиться честной арендной платы.

Фредерик Мартин, похоже, поначалу считал социальные отношения своего младшего сына скорее забавными, чем тревожными. Уильям все равно практически не имел права голоса в поместье, а его старший сын, Фредерик-младший, не проявлял человеколюбивых порывов. Но когда Земельная лига добилась первых успехов, его насмешки и подтрунивания над Уильямом начали становиться более злобными, что заставляло молодого человека все глубже уходить в оппозицию.

Когда в конце концов он поддержал восстание арендаторов — если вообще не затеял его сам, — старик не стал щадить сына. Уильяма отослали в Дублин. Пусть немного поучится, если нужно, юриспруденции, чтобы поддержать своих любимых арендаторов словом и делом. В этом отношении Мартин был щедр. Главное, чтобы мальчишка перестал смущать людей!

Поначалу Уильям с восторгом погрузился в работу, но вскоре ему стало скучно разбираться в тонкостях английского права, особенно теперь, когда уже близилось создание ирландской конституции. Он с волнением следил за дебатами вокруг билля о гомруле, который будто бы должен был дать больше прав ирландцам в решении вопросов, касающихся их острова. И когда палата лордов в очередной раз отклонила его...

Но об этом Уильям размышлять не хотел. Ситуация оказалась слишком неприятной, а ее последствия — фатальными. Однако для него все могло закончиться гораздо хуже, чем здесь, в приятном для глаз Квинстауне.

— А чем ты вообще занимался там, в Ирландии? — поинтересовался

Джоуи.

Они наконец справились с дневной работой и устало гребли обратно. Уильяма ждала баня и обильный ужин в пансионе мисс Хелен, Джоуи — виски у костра в лагере золотоискателей «Скипперс».

Уильям пожал плечами.

— Работал на овечьей ферме.

В принципе, это было правдой. Земли Мартинов были обширными, у них имелось много первоклассных пастбищ. Поэтому Фредерик Мартин практически не пострадал из-за картофельной гнили. Она коснулась только его арендаторов и рабочих, которые кормились с маленьких более-менее плодородных участков.

— А чего ж тогда не хочется на Кентерберийскую равнину? — между делом осведомился Джоуи. — Там же миллионы овец.

Об этом Уильям тоже слышал. Но его участие в работе на ферме заключалось скорее в управлении, чем в настоящем труде. Теоретически он знал, как нужно стричь овец, но на самом деле никогда этим не занимался, да еще и за такое рекордное время, как ребята из колоний стригалей на Кентерберийской равнине. Говорили, что лучшие из них могут за день освободить от шерсти до восьмисот овец! Это не меньше, чем было на всей ферме Мартинов! С другой стороны, возможно, кому-то из фермеров на востоке потребовался бы способный управляющий или надсмотрщик — за такую работу Уильям готов был взяться без опасений. Однако вряд ли он сумеет разбогатеть на этом. К тому же при всей своей склонности к социальному труду Уильям не собирался снижать качество жизни в долгосрочной перспективе!

— Может быть, куплю себе ферму, когда найду достаточно золота, — заявил Уильям. — Через годик, два...

Джоуи рассмеялся.

— Задора тебе хватает! Все, можешь выходить... — Он направил лодку к берегу реки, которая вилась с восточной стороны Квинстауна, а затем на юге города, чуть ниже лагеря золотоискателей, впадала в озеро. — Я заберу тебя здесь завтра, в шесть утра, свеженького и бодрого!

Джоуи весело помахал рукой своему новому партнеру, а Уильям устало поплелся к городу. После передышки в лодке болели все кости. О том, что ему предстоит еще один день рубить деревья, он и думать не хотел.

Как бы там ни было, но едва он вышел на Мейн-стрит, настроение его улучшилось: ему повстречалась Илейн О'Киф. Она шла из китайской прачечной с корзиной белья и направлялась к пансиону мисс Хелен.

Уильям одарил ее улыбкой.

— Мисс Илейн! Ваш вид радует больше, чем золотой самородок! Позвольте помочь вам?

Несмотря на боль в мышцах, он, как настоящий джентльмен, потянулся к корзине. Илейн не возражала. Радостно переложив на него свой груз, она легко шла рядом с ним. Ну, насколько было возможно идти легко и одновременно достойно, как настоящая леди! С тяжелой корзиной в руке у нее это вряд ли бы получилось. Как когда-то язвительно заметила мисс Дафна, «не так-то просто позволить себе быть леди».

— Неужели вы сегодня нашли так много самородков? — поинтересовалась Илейн.

Уильям задумался, что кроется за вопросом: наивность или ирония — и пришел к выводу, что, скорее всего, она подтрунивает над ним. Илейн прожила в Квинстауне всю жизнь и должна знать, что на золотых приисках не так-то просто разбогатеть.

— Золото ваших волос — первое за сегодняшний день, — признался он, не преминув объединить признание с лестью. — Но, к сожалению, у него уже есть обладательница. Вы богаты, мисс Илейн!

— А вам стоит сойтись с маори. Они сразу объявят вас *тохунга*. Мастером *вайкореро*... — захихикала Илейн.

— Чего? — переспросил Уильям.

С маори, туземцами Новой Зеландии, он до сих пор почти не встречался. У озера Вакатипу, как и во всем Отаго, жили племена, однако Квинстаун, развивающийся город старателей, казался маори слишком шумным. Лишь изредка кто-то из них забредал в город, несмотря на то что некоторые их соплеменники уже присоединились к старателям. Эти маори покинули свои деревни и семьи не совсем добровольно: все они были отверженными, пропащими — впрочем, как и большинство белых мужчин, прибывших сюда в поисках счастья. Они почти не отличались по поведению от них, и никто не пользовался такими странными словами.

— *Вайкореро* — это искусство красиво говорить. А *тохунга* значит «мастер» или «эксперт». Маори говорят, что мой отец из таких. Им нравится, как он обосновывает свои вердикты...

Илейн открыла двери пансиона перед Уильямом. Но тот, однако, отказался входить первым и ловко придержал двери ногой. Девушка просияла. Уильям вспомнил, что ее отец работает мировым судьей, а брат Стивен изучает юриспруденцию. Может быть, стоит однажды упомянуть о своих попытках в этой области.

— Что ж, я не настолько продвинулся в своем изучении права, —

заметил он словно бы мимоходом. — А вы говорите на маори, мисс Илейн?

Илейн пожала плечами. Но намек на юридическое образование, как и ожидалось, подействовал.

— Не так хорошо, как следовало бы. Мы всегда жили слишком далеко от ближайших племен. Но мои мать и отец хорошо говорят на языке маори, на равнине они ходили в школу вместе с детьми маори. Я же вижу маори только тогда, когда возникают споры между ними и *пакеха* и моему отцу приходится вмешиваться. К счастью, это бывает редко. Вы действительно изучали юриспруденцию?

Уильям весьма туманно поведал о том, как отучился в Дублине три семестра. Но теперь им все равно пора было расставаться. Когда они входили в пансион, колокольчик мелодично зазвенел от дуновения ветра. Тут же появились Мэри и Лори, которые радостно защебетали, обращаясь к Уильяму и Илейн. Одна из близняшек забрала у парня белье, с трудом сдерживая свое восхищение тем, что он оказал помощь Илейн; вторая сообщила, что его ждет ванна, однако ему следует поторопиться, поскольку еда тоже готова и стоит на столе; остальные пансионеры уже в столовой и наверняка не захотят его ждать.

Уильям вежливо попрощался с Илейн, разочарование которой было таким неподдельным, что у него мелькнула мысль о том, что ему следует непременно развить успех.

— А как поступают в Квинстауне, когда хотят пригласить юную леди на благопристойное развлечение? — поинтересовался Уильям чуть позже у младшего из банкиров.

Он бы предпочел, чтобы мисс Хелен не слышала этого вопроса, однако, похоже, у старой леди был еще весьма острый слух. Как бы там ни было, она обратила ненавязчивое, но достаточно пристальное внимание на разговор двух молодых людей.

— Зависит от того, насколько оно благопристойное, — вздохнул банкир. — Зависит и от леди. Есть такие, для которых ни одно развлечение не является достаточно добродетельным... — Этот человек знал, о чем говорит. Он уже не первую неделю пытался ухаживать за жившей в этом же пансионе учительницей. — Таковую — в лучшем случае — можно проводить в воскресенье в церковь, что, опять же, необязательно является развлечением. Но нормальную молодую леди можно пригласить на общинный пикник, если такой будет проводиться. Или, возможно, даже на сквэр-данс, если общество домохозяек устроит танцы. У Дафны, конечно, танцы бывают каждую субботу, но это, как вы понимаете, неблагопристойно...

— Просто попросите маленькую мисс О'Киф показать вам город, — заметил старший из банкиров. — Девушка наверняка с удовольствием сделает это, она ведь выросла здесь. Да и прогулка в любом случае — занятие невинное.

— Если она, конечно, не ведет в окрестные леса, — сухо заметила мисс Хелен. — И если под некой молодой леди действительно подразумевается моя внучка, то есть речь идет о вполне конкретной леди. И, вероятно, для начала вам следует спросить разрешения у ее отца...

— Что ты в точности знаешь об этом молодом человеке?

Ужин был другой, но тема была той же. На этот раз Рубен О'Киф расспрашивал свою дочь. Поскольку, несмотря на то что Уильям еще не осмелился пригласить ее куда-нибудь, Илейн встретила с ним уже на следующий день. Снова «совсем случайно», на этот раз у входа в похоронное бюро. Не совсем удачное место для встречи, потому что при всей своей фантазии Илейн не могла придумать, что ей там срочно понадобилось. Кроме того, Фрэнк Бейкер, гробовщик, был старым другом ее отца, а его жена — той еще сплетницей. Поэтому об отношении Илейн О'Киф к Уильяму Мартину, «парню из лагеря золотоискателей», как, несомненно, выразилась миссис Бейкер, знал уже весь город.

— Он джентльмен, папочка. Правда. У его отца поместье в Ирландии. И он даже изучал юриспруденцию! — заявила Илейн, причем не без гордости. Ведь это было настоящим воплощением ее мечты.

— Ага. А потом уехал искать золото? Неужели в Ирландии чересчур много адвокатов? — поинтересовался Рубен.

— Ты тоже когда-то хотел искать золото! — напомнила ему дочь.

Рубен улыбнулся. Из Илейн тоже получился бы неплохой адвокат. В принципе, ему всегда с трудом удавалось вести себя с ней строго, потому что, как бы сильно он ни любил своих сыновей, дочь Рубен просто боготворил. Илейн сильно напоминала его любимую Флёретту. Не считая цвета глаз и формы упрямого носика, она была очень похожа на своих мать и бабушку. Оттенок ее волос слегка отличался от рыжины ее родственниц. Волосы Илейн были темнее и, быть может, еще тоньше, чем у Флёретты и Гвинейры. У самого Рубена были спокойные серые глаза, а каштановый цвет волос унаследовали только сыновья. Особенно часто говорили о Стивене, что он — вылитый отец. Его младший, Джорджи, был очень предприимчивым и всегда готов был поспорить. В принципе, все складывалось отлично: Стивен со своим юридическим образованием пойдет по его стопам, Джорджи интересуется торговлей и мечтает о

филиалах магазина «О'Кей». Рубен был счастлив.

— С именем Уильяма Мартина был связан скандал, — мимоходом заметила Флёретта, поставив на стол запеканку. То же самое сегодня подавали в пансионе Хелен, значит, Флёретта не готовила, а заказала у Лори и Мэри «ужин с собой». В магазине, впрочем, она тоже не была.

— Откуда ты знаешь? — спросил Рубен, в то время как Илейн от удивления выронила вилку.

— Какой скандал? — пробормотала она.

Лицо Флёретты, все еще похожее на личико эльфа, просияло. Она всегда была одаренной шпионкой. Рубен прекрасно помнил, как она когда-то раскрыла «тайну О'Киф-Стейшн и Киворд-Стейшн».

— Ну, сегодня после обеда я ходила к Брустерам, — легко ответила она.

Рубен и Флёретта знали Питера и Тепору Брустер с детства. Питер занимался импортом и экспортом и сначала устроил торговлю шерстью на Кентерберийской равнине. Но затем его жена Тепора, маори, унаследовала землю в Отаго, и оба переехали сюда. Теперь они жили неподалеку от племени Тепоры, в десяти милях к западу от Квинстауна, и Питер управлял перепродажей добытого здесь золота во все уголки земного шара.

— К ним как раз гости из Ирландии приехали. Чесфилды, — добавила Флёретта после паузы.

— И ты считаешь, что этот Уильям Мартин известен во всей Ирландии, как какой-нибудь диковинный пес? — поинтересовался Рубен. — С чего ты это взяла?

— Но ведь я оказалась права, не так ли? — с озорной улыбкой ответила Флёретта. — Однако, кроме шуток, этого знать я, конечно, не могла. Но лорд и леди Чесфилд, без сомнения, принадлежат к кругу английской знати. И, судя по тому, что уже удалось выяснить бабушке Хелен, молодой человек из тех же кругов. Ну, Ирландия не так уж и велика.

— И что же натворило сокровище Лейни? — с любопытством спросил Джордж, и на его лице появилась злорадная улыбка, адресованная сестре.

— Он не мое сокровище! — возмутилась Илейн, но от дальнейших замечаний воздержалась. В конце концов, ей тоже хотелось знать, какой скандал был связан с Уильямом Мартином.

— Что ж, точно я ничего не знаю. Чесфилды отделались намеками. В любом случае Фредерик Мартин — очень влиятельный лендлорд, тут Лейни права. Впрочем, наследовать Уильяму нечего, он младший сын. Кроме того, он — паршивая овца в семье. Он симпатизировал Ирландской земельной лиге...

— Это скорее свидетельствует в пользу парня, — заметил Рубен. — То, что творят англичане в Ирландии, — настоящее преступление. Как можно позволить половине населения вымереть от голода, когда сам сидишь с полными закромами? Арендаторы работают, голодая, а лендлорды тем временем жиреют. Это ведь хорошо, что молодой человек встал на защиту крестьян!

Илейн просияла.

Но ее мать выглядела скорее встревоженной.

— Я согласна с тобой, Рубен, но если это не перерастает в террористическую деятельность, — заметила она. — А именно на это намекала леди Чесфилд. Судя по всему, Уильям Мартин был замешан в покушении.

Рубен нахмурился.

— Когда же? Насколько я знаю, последние крупные восстания в Дублине происходили в 1867 году. А о единичных акциях фениев^[4] или других подобных организаций в «Таймс» ничего не писали. — Рубен получал английские газеты обычно с опозданием на несколько недель, однако внимательно прочитывал их.

Флёретта пожала плечами.

— Вероятно, его удалось достаточно рано предотвратить. Или оно только планировалось, откуда мне знать. Ведь этот Уильям не сидит в тюрьме, а ходит здесь в открытую, под своим настоящим именем, ухаживает за нашей дочерью. Ах да, в этом деле всплывало еще одно имя. Речь шла о Джоне Морли...

Рубен улыбнулся.

— Тогда это точно ошибка. Джон Морли Блэкберн является первым секретарем Ирландии и живет в Дублине. Он поддерживает гомруль. А это значит, что он на стороне ирландцев. Убивать его было бы совсем не в интересах Земельной лиги.

Флёретта начала накладывать в тарелки.

— Говорю же, Чесфилды выражались не очень ясно, — сказала она. — Вполне может быть, что в этом деле нет ничего такого. Понятно одно: Уильям Мартин сейчас здесь, а не в своей любимой Ирландии. Странно для патриота. Если они уезжают по своей воле, то в крайнем случае в Америку, где встречаются со своими единомышленниками. Появление ирландского активиста на золотых приисках Квинстауна кажется мне весьма необычным.

— Но ведь ничего плохого в этом нет! — возмутилась Илейн. —

Может быть, он хочет найти золото, выкупить у отца землю и...

— Вполне вероятно, — заявил Джорджи. — А почему бы ему не выкупить у королевы всю Ирландию?

— В любом случае стоит присмотреться к этому молодому человеку, — закончил тему Рубен О'Киф. — Если он действительно хочет пойти с тобой прогуляться, — он подмигнул Илейн, у которой от подобной перспективы захватило дух, — и скажет тебе о своем намерении, как мне нашептала одна пташка, то можешь пригласить его на ужин. Теперь о тебе, Джорджи. Что это я сегодня услышал от мисс Карпентер о твоей работе по математике?

Пока ее брат изворачивался, пытаясь выразиться как можно туманнее, Илейн практически не могла есть от волнения. Уильям Мартин интересуется ею! Хочет пойти с ней гулять! Может быть, даже и на танцы когда-нибудь! Или для начала в церковь. Да, это было бы великолепно! Всякий увидел бы, что за ней, Илейн О'Киф, ухаживают, как за леди, что она единственная, кому удалось заинтересовать забредшего в Квинстаун британского джентльмена. Остальные просто лопнут от зависти! И первой — ее кузина. Эта Кура-маро-тини, о которой все только и говорят, что она невероятно красива. И визит которой в Квинстаун окружает мрачная тайна, наверняка имеющая какое-то отношение к мужчине! А какие еще могут быть мрачные тайны? Илейн не могла дождаться, когда Уильям пригласит ее. Интересно, куда они пойдут гулять?

Наконец Илейн отправилась на прогулку с Уильямом — после того, как он, следуя правилам хорошего тона, спросил ее, нет ли у нее желания показать ему Квинстаун. Конечно, Илейн задавалась вопросом, зачем ему нужна экскурсия, ведь Квинстаун все еще состоял практически из одной только Мейн-стрит, а парикмахерские, кузницы, почтамт и городской магазин в особых пояснениях не нуждались. Самым интересным зданием был, пожалуй, отель Дафны, но это заведение Илейн и Уильям, разумеется, обойдут десятой дорогой. Немного поразмыслив, Илейн приняла решение рассмотреть понятие «город» несколько шире и повести свой предмет увлечения к озеру.

— Вакатипу огромно, несмотря на то, что из-за окружающих его гор кажется не таким уж большим, — рассказывала она по дороге. — Однако на самом деле его площадь насчитывает сто пятьдесят квадратных миль. И оно постоянно меняется. Поднимается и убывает вода. Маори говорят, что это из-за сердцебиения великана, который спит на дне озера. Но это, конечно же, всего лишь легенда. Видите ли, у маори много подобных

сказок.

Уильям улыбнулся.

— Моя страна тоже богата историями. О феях и морских львах, которые в полнолуние принимают человеческий облик...

Илейн энергично закивала.

— Да, я знаю. У меня есть книга ирландских сказок. И лошадь свою я назвала в честь одной из фей. Баньши. Хотите, я вас как-нибудь познакомлю с Баньши? Она настоящий коб! Моя другая бабушка привезла предков Баньши из Уэльса...

Уильям делал вид, будто внимательно слушает, однако лошади его особенно не интересовали. Баньши была бы ему безразлична даже в том случае, если бы Гвинейра Уорден привезла ее предков из Коннемары. Гораздо важнее казалось ему то обстоятельство, что вечером после прогулки он познакомится с родителями Илейн, Рубеном и Флёреттой О'Киф. Конечно, он уже видел обоих и даже перекинулся парой слов. В конце концов, он все покупки делал в их магазине. Но сейчас его пригласили на ужин, так что завяжутся личные отношения. А это, судя по всему, было совершенно необходимо. Ведь сегодня утром Джоуи объявил ему, что их сотрудничество прекращается. Если в первые дни старый старатель проявлял терпение, то постепенно «слабая хватка» Уильяма начала действовать ему на нервы. А Уильяму казалось совершенно нормальным не торопиться после первых ударных дней. Нужно ведь дать телу оправиться от крепатуры. Да и время есть. По крайней мере Уильям никуда не спешил. А Джоуи дал ему понять, что каждый день без найденного золота — напрасно потраченный день. Причем он мечтал не о слитках размером с сурка, а о золотых крупичках, которые обеспечили бы ему виски и ежедневную порцию рагу или баранины у костра в лагере.

— С таким избалованным парнем, как ты, ничего путного не получится! — бросил он в лицо Уильяму.

Судя по всему, он нашел себе другого партнера, у которого был по меньшей мере столь же многообещающий участок и который был готов поделиться с Джоуи. Собственный участок Джоуи давно исчерпал свой ресурс — во время распределения ему не очень-то повезло.

И вот теперь Уильяму придется либо продолжать в одиночку, либо искать себе другое занятие. Он предпочел бы последнее. Потому что уже сейчас в ранние утренние и поздние вечерние часы в воздухе появился привкус горной зимы. Говорили, что в июле и августе Квинстаун полностью заносит снегом и что это выглядит очень красиво. Но как добывать золото в покрытой льдом реке? Уильяму это казалось не самой

лучшей идеей. Может быть, Рубен О'Киф что-нибудь предложит...

Дом О'Кифов Уильям видел и раньше, еще когда проплывал мимо по реке. По сравнению с поместьем Мартинов он не производил особого впечатления — уютный деревянный дом с садом и парочкой конюшен. Но, пожалуй, здесь, в этой новой стране, стоило сделать скидки на то, каким должно быть роскошное жилье. И, если не считать примитивной архитектуры, у усадьбы «Золотой слиток» было много общего с резиденциями английского поместного дворянства: например, собаки, прыгавшие на всякого, кто входил на участок. У матери Уильяма были корги, здесь выбрали какую-то разновидность колли. Собаки-пастухи, которых, как тут же восхищенно пояснила Илейн, тоже привезли из Уэльса. Мать Илейн, Флёретта, привезла с собой суку Грейси с Кентерберийской равнины, и Грейси старательно размножалась. Зачем нужны эти животные здесь, для Уильяма осталось загадкой, однако для Илейн и ее семьи они были просто частью жизни. Рубен О'Киф еще не пришел, поэтому Уильям был вынужден вытерпеть еще одну экскурсию, на этот раз в стойла, и познакомиться с чудесной Баньши Илейн.

— Она просто потрясающая, потому что сивая! Такая масть очень редко встречается среди кобов. У моей бабушки сплошные вороные и каурые. Но Баньши ведет свой род от уэльского горного пони, которого мать получила в подарок, будучи ребенком. Он уже очень старый, я сама на нем когда-то каталась...

Илейн болтала без умолку, но Уильям слушал ее вполуха. Девушка казалась ему восхитительной, ее бьющий ключом темперамент поднимал настроение. Казалось, Илейн не может усидеть на месте. Ее рыжие локоны развевались в такт с каждым ее движением. Сегодня она прихорошилась ради него. На девушке было платье травянистого цвета, отделанное коричневым кружевом. Волосы она попыталась собрать в подобие хвоста с помощью бархатных лент, но это было безнадежно; не успела их экскурсия по городу еще подойти к концу, как волосы выглядели так, словно девушка их не причесывала. Уильям начал размышлять о том, каково было бы поцеловать эту дикарку. У него был некоторый опыт со многими продажными девушками из Дублина и с дочерьми его арендаторов-ирландцев; некоторые девушки готовы были пойти навстречу, если могли за это получить некоторые привилегии для своей семьи, другие притворялись невероятно добродетельными. Впрочем, Илейн пробуждала в нем инстинкт защитника. Уильям видел в ней, по крайней мере пока что, скорее восхитительного ребенка, чем женщину. Наверняка опыт будет

потрясающий, но что, если девушка воспримет все всерьез? Наверняка она влюблена в него по уши. Притворяться Илейн не умеет; чувства, которые она испытывала к Уильяму, нельзя было спутать ни с чем.

От Флёретты О'Киф это, конечно же, тоже не укрылось. Встречая молодых людей на веранде, она явно была взволнована.

— Добро пожаловать в поместье «Слиток», мистер Мартин! — с улыбкой произнесла она, протягивая Уильяму руку. — Проходите, выпейте с нами аперитива. Мой муж сейчас подойдет, он переодевается.

К немалому удивлению Уильяма, домашний бар О'Кифов был довольно богат. Судя по всему, Флёретта и Рубен любили выпить вина. Для начала отец Илейн открыл бутылку бордо, чтобы дать вину подышать перед едой, но было здесь и первоклассное ирландское виски. Уильям покачал его в бокале, прежде чем чокнуться с Рубеном.

— За вашу новую жизнь в новой стране! Я уверен, что вы тоскуете по Ирландии, но у этой страны тоже есть будущее. Если принять это, то полюбить ее не составит труда.

Уильям поддержал тост.

— За вашу прекрасную дочь, благодаря которой появление в этом городе показалось мне сказочным! — ответил он. — Большое спасибо за экскурсию, Илейн. С этого дня я стану смотреть на эту землю только вашими глазами.

Илейн просияла и отпила вина.

Джорджи закатил глаза. И она еще смеет отрицать, что влюблена!

— Вы действительно были с фениями, мистер Мартин? — любопытствовал мальчик. Он слышал об ирландском движении за независимость и жаждал услышать невероятные истории.

Внезапно Уильям всполошился.

— С фениями? Не понимаю...

Что эта семья знает о его прежней жизни?

Происходящее было неприятно Рубену. Молодой человек ни в коем случае не должен в первые же минуты узнать о шпионских пристрастиях его жены!

— Джорджи, в чем дело? Конечно же, мистер Мартин не был фением. Это движение в Ирландии практически подавлено. Когда случились последние восстания, мистер Мартин, наверное, еще из пеленок не вырос! Извините, мистер...

— Называйте меня Уильям!

— Уильям. Но мой сын слышал какие-то разговоры... Для мальчишек каждый ирландец — борец за свободу.

Уильям улыбнулся.

— К сожалению, сейчас это не так, Джордж, — обернулся он к брату Илейн. — Иначе остров давно был бы свободен. Но... оставим это. У вас чудесное поместье...

Рубен и Флёретта немного рассказали о поместье «Слиток», причем Рубен преподнес историю своего неудавшегося старательства в довольно забавном виде. Это придало Уильяму мужества. Если отца Илейн самого постигла неудача в поисках золота, он наверняка проявит понимание к его проблемам. Однако об этом он заговаривать не стал, предоставив семейству О'Киф самому выбирать темы за ужином. Как и следовало ожидать, при этом они его дотошно расспрашивали, но это не смутило Уильяма. Он послушно и пространно рассказывал о своем происхождении и образовании. Последнее соответствовало принятым в его кругах нормам: первые годы — домашний учитель, затем элитарный английский интернат и, наконец, колледж. Последний Уильям не закончил, но об этом он умолчал. О своей работе в поместье отца он тоже говорил весьма туманно. Зато изучение права в Дублине приукрасил, как только мог. Он знал, что Рубен О'Киф интересуется этим, и, поскольку хозяин дома тут же завел разговор о гомруле, Уильям мог отлично поддерживать беседу. К концу ужина он пребывал в полной уверенности, что произвел хорошее впечатление. Рубен О'Киф казался спокойным и расслабленным.

— А как поживает ваше старательство? — спросил он наконец. — Вы уже слегка приблизились к заветному богатству?

Вот она, возможность. Уильям изобразил тревогу на лице.

— Боюсь, это было ошибкой, — заметил он. — Хотя не могу сказать, что меня не предупреждали. Еще ваша очаровательная дочь во время нашей первой встречи обратила мое внимание на то, что поиски золота — затея скорее для мечтателей, чем для серьезных поселенцев. — Он посмотрел на Илейн и улыбнулся ей.

Рубен бросил на него удивленный взгляд.

— Однако на прошлой неделе вы считали совсем иначе! Разве вы не купили полный набор оборудования, даже палатку?

Уильям, словно бы извиняясь, развел руками.

— Иногда за свои ошибки приходится платить, — с сожалением в голосе произнес он. — Но несколько дней на участке быстро отрезвили меня. Доходы и близко не приближаются к расходам...

— Ну, это смотря как работать! — завелся Джорджи. — На прошлой неделе мы с друзьями ходили мыть золото, и Эдди, сын кузнеца, нашел золотое зерно, за которое получил тридцать восемь долларов!

— А ты вкалывал целый день и не заработал ни доллара! — напомнила ему Илейн.

Джорджи пожал плечами.

— Ну да, не повезло!

Рубен кивнул.

— В чем, собственно говоря, и заключается проблема старательства. Это игра, и очень редко выпадает по-настоящему крупный куш. Чаще всего периоды взлетов сменяются периодами неудач. Благодаря своим находкам ребята едва держатся на плаву, но всякий надеется на большую удачу!

— Мне кажется, удача ждет где-то в другом месте, — объявил Уильям, бросив быстрый взгляд на Илейн.

Лицо девушки засветилось — как бы там ни было, а все ее чувства были сосредоточены на молодом человеке, сидящем рядом с ней. Однако от Рубена и Флёретты это переглядывание тоже не укрылось.

Флёретта не могла понять, что ей не нравится. Несмотря на безупречное впечатление, которое производил юный эмигрант, в душе у нее поселилось нехорошее чувство. Однако Рубен, похоже, не разделял его. Он улыбался.

— И чем вы планируете заняться вместо этого, молодой человек? — приветливо поинтересовался он.

— Ну... — Уильям сделал значительную паузу, словно до сих пор совершенно не задавался этим вопросом. — В вечер моего прибытия один из сотрудников здешнего банка сказал мне, что лучше сосредоточиться на вещах, в которых я по-настоящему разбираюсь. И, конечно же, тут больше всего подойдет управление овечьей фермой...

— Значит, вы хотите уехать? — В голосе Илейн слышались испуг и разочарование, несмотря на то что она старалась казаться безучастной.

Уильям пожал плечами.

— С неохотой, Илейн, с огромной неохотой. Однако центр овцеводства — это, конечно же, Кентерберийская равнина...

Флёретта улыбнулась ему. Она чувствовала странное облегчение.

— Может быть, я могла бы дать вам рекомендацию. У моих родителей большая ферма под Холдоном, и у них хорошие связи.

— Но это так далеко...

Илейн пыталась контролировать свой голос, но заявление Уильяма поразило ее, словно удар кинжала в сердце. Если он сейчас уедет, то, возможно, она никогда уже не увидит его... Илейн почувствовала, как кровь отлила от лица. Именно сейчас, именно он...

Рубен О'Киф отметил и вздох облегчения своей жены, и

разочарование дочери. Дай Флёретте волю, и она немедленно запретила бы этому молодому человеку видаться с Илейн, хотя он не совсем понимал причины. До сих пор Уильям Мартин производил вполне достойное впечатление. Дать ему шанс остаться в Квинстауне — еще не значит согласиться на помолвку.

— Что ж... может быть, способности мистера Мартина заключаются не только в умении подсчитывать овец, — весело заметил он. — Как у вас с бухгалтерией, Уильям? В магазине не помешал бы человек, который избавит меня ото всей этой писанины. Но если вы, конечно, стремитесь сразу занять руководящую должность...

По выражению лица Рубена было понятно, что он считает это весьма маловероятным. Ни Гвинеира Уорден, ни другие «овечьи бароны» на востоке не ждут с распростертыми объятиями молодого нахала из Ирландии, который расскажет им, как управлять фермой. Несмотря на то что сам Рубен практически не интересовался овцами, он все же вырос в соответствующей обстановке и был неглуп. Скотоводство и содержание скота в Новой Зеландии имело мало общего с сельским хозяйством в Британии и Ирландии — Гвинеира Уорден не уставала об этом говорить. Даже ферма его отца была слишком мала, чтобы давать доход, а у Рубена, как бы там ни было, имелось в наличии три тысячи овец. У отца Гвинейры в Уэльсе не было и тысячи животных, и, несмотря на это, он считался одним из крупнейших скотоводов страны. Кроме того, Рубену не верилось, что Уильям сумеет держать в узде тех забияк, которые в Новой Зеландии работали скотоводами или стригли овец.

Уильям недоверчиво улыбнулся.

— Значит ли это, что вы предлагаете мне работу, мистер О'Киф?

Рубен кивнул.

— Если вам это интересно. Работая у меня бухгалтером, вы не разбогатеете, но опыта, без всяких сомнений, наберетесь. И если мой сын действительно начнет открывать филиалы в других небольших городах, то есть возможность получить повышение.

Уильям в принципе не собирался делать карьеру в качестве руководителя филиала в каком-нибудь захудалом городишке. Скорее он подумывал о том, чтобы открыть собственную сеть магазинов или вступить в эту семью через брак, если дела будут и дальше развиваться столь же успешно. Однако предложение Рубена было хорошим началом.

Он снова бросил на Илейн сияющий взгляд, на этот раз задержав его на долю секунды дольше, и она радостно откликнулась на его внимание, сначала покраснев, а потом побледнев. Затем Уильям поднялся и протянул

руку Рубену О'Кифу.

— Я ваш! — веско произнес он.

Рубен пожал протянутую руку.

— За успешное сотрудничество. Это нужно скрепить еще одним бокалом виски. На этот раз местным. Вы ведь собираетесь задержаться в этой стране подольше.

Когда Уильям наконец собрался уходить, Илейн провела его на улицу. Окрестности Квинстауна сегодня казались просто чудесными: массивные горы в лунном сиянии и сверкающие на небе мириады звезд; река, в которой будто текло жидкое серебро, и лес, наполненный криками ночных птиц.

— Странно, что они поют при лунном свете, — заметил Уильям. — Такое впечатление, словно находишься в зачарованном лесу.

— Я бы не назвала эти крики пением... — В принципе, Илейн была не очень романтична, но старалась изо всех сил. Незаметно она взяла его под руку.

— Для их самок это самое чудесное пение, — заметил Уильям. — Дело не в том, насколько хорошо делаешь какое-то дело, а в том, для кого.

Сердце Илейн забилось быстрее. Конечно, он сделал это для нее! Только ради нее он отказался от хорошо оплачиваемой работы управляющего овечьей фермой, чтобы стать помощником в магазине ее отца. Она обернулась к нему.

— Вы не... я хотела сказать, это было совсем не обязательно, — неуверенно произнесла Илейн.

Уильям смотрел на ее открытое, освещенное лунным сиянием лицо, устремленное на него с выражением, в котором смешались невинность и предвкушение.

— Иногда выбора нет, — прошептал он и поцеловал ее.

Для Илейн в этом поцелуе взорвалась ночь.

Флёретта наблюдала за дочерью через окно.

— Они целуются! — заметила она и резко выплеснула вино в бокал.

Рубен рассмеялся.

— А чего ты ожидала? Они молоды и влюблены.

Флёретта закусила губу и одним глотком осушила бокал.

— Чтоб нам потом не пришлось об этом пожалеть...

Глава 4

Гвинейра МакКензи собиралась вместе с Курой присоединиться к грузовому транспорту Рубена О'Кифа и под его защитой добраться до Квинстауна. Багаж они могли погрузить на повозку, а сами ехать в легкой полукаретке. По крайней мере Гвинейра воспринимала это как самый приятный способ путешествия; внучка по этому поводу ничего не говорила. Кура по-прежнему относилась к путешествию в Квинстаун с почти тревожащим равнодушием.

Впрочем, корабль с поставками для Рубена заставлял себя ждать и отправление откладывалось. Очевидно, первые осенние шторма затрудняли мореплавание. Поэтому, прежде чем Гвинейра смогла выехать, состоялся перегон овец, что, впрочем, скорее успокоило, чем рассердило заботливого скотовода.

— По крайней мере моим овцам будет сухо, — шутила она, когда ее муж и сын закрыли последние ворота за вернувшимися отарами. Джек на этот раз снова отличился. Рабочие хвалили его, а мальчик только и говорил, что о лагере в горах и светлых ночах, когда он выбирался из спальника и отправлялся послушать птиц и разных ночных животных. А таких на южном острове Новой Зеландии было множество. Киви, эти поразительно неуклюжие птицы, считавшиеся символом поселенцев, тоже вели ночной образ жизни.

Джеймс МакКензи радовался тому, что застал Гвинейру, когда вернулся после перегона скота. И теперь оба были возбуждены, празднуя встречу. При этом Гвин снова заговорила о своей все возрастающей тревоге за Куру.

— Она по-прежнему бесстыдно водится с этим мальчишкой-маори, хотя мисс Уитерспун ругает ее за это. Когда речь заходит о приличиях, у нее глаза на затылке! А Тонга опять бродит по ферме, как будто она принадлежит ему. Я не должна показывать ему, что это приводит меня в бешенство, я знаю, однако боюсь, что по мне все видно...

Джеймс вздохнул.

— Судя по всему, тебе скоро придется выдать девочку замуж, и неважно за кого. От нее всегда будут неприятности. У нее это... Не знаю. Но она очень чувственная.

Гвин бросила на него негодующий взгляд.

— Ты находишь ее чувственной? — недоверчиво переспросила она.

Джеймс закатил глаза.

— Я нахожу ее избалованной и невыносимой. Но вполне могу предположить, что видят в ней другие мужчины. А именно — богиню.

— Джеймс, ей же только пятнадцать!

— Но развивается она с головокружительной скоростью. Она повзрослела даже за те несколько дней, что мы перегоняли скот. Она всегда была красавицей, но сейчас Кура красавица, которая сводит мужчин с ума. И она это знает. Причем насчет этого Тиаре я бы переживал меньше всего. Один из пастухов-маори, подслушавший их позавчера, говорит, что она обращается с ним, как с невоспитанной собачкой. Ни малейшего намека на то, что она делит с ним ложе. Мальчику завидуют, однако ему приходится кое-что выслушивать от Куры и других мужчин. Он будет рад избавиться от девочки. — Джеймс снова обнял Гвинейру.

— И ты считаешь, что сразу же найдется кто-нибудь другой? — неуверенно спросила Гвин.

— Кто-нибудь другой? Да ты шутишь! Стоит ей пальчиком поманить, как тут же выстроится очередь до самого Крайстчерча!

Гвинейра вздохнула и прижалась к нему.

— Скажи-ка, Джеймс, а я тоже была... хм... чувственной?

А потом наконец в Крайстчерч пришел грузовой транспорт. Возничие Рубена правили роскошной упряжкой тяжеловозов, запряженных в крытую брезентом повозку.

— Там внутри есть место, где можно спать, — пояснил один из возниц. — Если мы не найдем по дороге квартиру, то мужчины могут спать в одной повозке, а вторую мы оставим вам, мадам. Если вы готовы довольствоваться этим...

Гвинейра была совершенно не против. За свою жизнь ей доводилось ночевать и в менее комфортных условиях, и она уже предвкушала приключение. Поэтому она пребывала в наилучшем расположении духа, когда полукаретка, запряженная каурым жеребцом-кобом, тронулась за крытой повозкой.

— Оуэн может покрыть парочку кобыл там, наверху, — пояснила она свое решение запрячь жеребца. — Чтобы у Флёретты не перевелись чистокровные кобы!

Кура, которой и были адресованы эти слова, равнодушно кивнула. Вероятно, она даже не обратила внимания на то, какую лошадь выбрала ее бабушка. Зато Кура бросала гораздо более заинтересованные взгляды на младших возничих — взгляды, на которые те отвечали с не меньшей

жадностью. Оба юноши тут же принялись ухаживать за Курой или, точнее сказать, боготворить ее. Однако никто из них не отважился открыто начать флиртовать с юной красавицей.

Настроение Гвинейры стало еще лучше, когда они наконец оставили позади Холдон, ближайшее к ферме поселение, и направились к Альпам. Покрытые снегом вершины, перед которыми простиралась безбрежная, похожая на море Кентерберийская равнина, восхищали ее со времен прибытия на новую родину. Она до сих пор еще прекрасно помнила день, когда впервые пересекла верховую тропу, пролегавшую между гаванью Литтлтон и городом Крайстчерч. Верховом на коне, не на муле, как остальные дамы, с которыми она приплыла из Лондона на «Дублине». Она помнила, как возмущался этим ее свекор. Однако ее кобылка Вивьен, из породы кобов, уверенно несла ее по местам, казавшимся столь холодными, скалистыми и негостеприимными, что один из путников сравнил их с «Адскими горами». А потом, когда они достигли высшей точки, в низине перед ними раскинулся Крайстчерч и сама Кентерберийская равнина. Земля, частью которой она стала.

Гвинейра свободно держала поводья, рассказывая внучке о своей первой встрече с этой страной, на что Кура, впрочем, совершенно не реагировала. И только упоминание «Адских гор» из песни «Damon Lover» заставило ее очнуться. Она даже начала напевать эту песню себе под нос.

Гвинейра слушала ее и спрашивала себя, от какой из ветвей их семьи Кура унаследовала свою ярко выраженную музыкальность. Уж точно не от Силкхэмов, семьи Гвинейры. Хоть сестры Гвин играли на фортепьяно с гораздо большим энтузиазмом, чем сама она, но с ничуть не большим талантом. Гораздо более талантливым был первый муж Гвинейры. Лукас Уорден, будучи эстетом, обладал прекрасным музыкальным слухом. Но это он наверняка унаследовал от своей матери, а с ней у Куры кровного родства не было... Что ж, думать о родственных связях внутри семьи Уорден Гвинейре не особенно хотелось. Возможно, талант Куре передала ее мать Марама, певица-маори. Гвин сама виновата в том, что купила девочке проклятое фортепьяно после того, как много лет назад подарила инструмент Лукаса. Иначе Кура, возможно, ограничилась бы традиционными инструментами и музыкой маори.

Поездка в Квинстаун длилась несколько дней, причем путешественникам почти всегда удавалось заночевать на какой-нибудь ферме. Гвинейра была знакома почти со всеми овцеводами в округе, но здесь, в принципе, хорошо принимали даже незнакомых людей. Многие

фермы находились в очень уединенных местах, у почти забытых всеми дорог, и владельцы радовались каждому посетителю, который привозил с собой новости, а иногда даже почту — так, как делали возницы универмага «О'Кей», которые ездили по этому маршруту многие годы.

Путешественники уже почти добрались до Отаго, когда у них не осталось иного выхода, кроме как разбить лагерь в повозках под открытым небом. Гвинейра попыталась превратить это в приключение, чтобы наконец-то заставить Куру раскрыться; на протяжении всего путешествия девушка безучастно сидела рядом с ней и, похоже, в голове у нее были одни только мелодии.

— Мы с Джеймсом в такие ночи часто лежали без сна и слушали птиц. Послушай, это кеа. Ее можно услышать только здесь, в горах, а вниз, к Киворд-Стейшн, они не спускаются...

— Говорят, в Европе есть птицы, которые поют по-настоящему, — заметила Кура своим мелодичным голосом, напоминавшим голос Марамы; но если у невестки голос был звонкий и нежный, голос Куры звучал сочно и бархатисто. — Настоящие мелодии, так говорит мисс Хизер.

Гвин кивнула.

— Да, я помню. Соловьи и жаворонки... звучит красиво, это правда. Мы можем купить пластинку с птичьими голосами, и ты будешь проигрывать ее на своем граммофоне, — сказала Гвин. Граммофон был подарен Кура на прошлое Рождество.

— Я предпочла бы слушать их голоса вживую, — вздохнула Кура. — И хотела бы поехать в Англию, чтобы учиться там пению, а не в какой-то Квинстаун. Я вообще не понимаю, зачем мне это.

Гвинейра обняла девушку. В принципе, Кура не допускала этого уже многие годы, но здесь, в безжалостном одиночестве под звездами, даже она стала сговорчивее.

— Кура, я тебе уже тысячу раз объясняла. На тебе лежит ответственность. Ты унаследуешь Киворд-Стейшн. Ты должна принять поместье или передать его следующему поколению, если оно тебя не интересует. Может быть, у тебя когда-нибудь родится сын или дочь, для которых это будет важно...

— Я не хочу детей, я хочу петь! — выкрикнула Кура.

Гвинейра убрала волосы с ее лица.

— Мы не всегда получаем то, чего хотим, малышка. По крайней мере не сразу, не прямо сейчас. Смирись с этим, Кура. О консерватории в Англии можешь даже не думать. Тебе придется найти что-то другое, что сделает тебя счастливой.

Когда перед ними наконец возникло озеро Вакатипу и показался город Квинстаун, Гвинеира очень сильно обрадовалась. Путешествие в компании мрачной Куры на протяжении последних дней стало казаться ей слишком долгим, и по завершении у них совсем не осталось тем для разговора. Однако вид чистого маленького городка на фоне горной гряды и огромного озера снова настроил ее на оптимистический лад. Может быть, Кура просто нуждается в обществе сверстников. С кузиной Илейн у нее наверняка найдется что-то общее. Кроме того, Илейн всегда казалась Гвин разумной девушкой. Вполне возможно, что она вправит Куре мозги. Окончательно придя в хорошее расположение духа, Гвин обогнала грузовую повозку и направила Оуэна, элегантного жеребца, прямо на Мейн-стрит. На Гвинеиру обращали внимание, и многие поселенцы, знакомые с ней по прошлым визитам, здоровались.

Наконец Гвин остановила жеребца напротив отеля Дафны, увидев бывшую воспитанницу Хелен, которая стояла на улице и болтала с девушкой. Она тоже знала Дафну на протяжении вот уже многих лет и не боялась, что их увидят вместе. Впрочем, внешний вид Дафны слегка встревожил ее; похоже, со времени ее последнего визита та заметно постарела. Слишком много ночей в прокуренном баре, слишком много виски и слишком много мужчин — в ремесле, которым занималась Дафна, старели быстро. Зато стоявшая рядом с ней девушка была красавицей, с длинными черными волосами и белоснежной кожей. Жаль только, что она слишком сильно красится и что ее платье кажется чересчур перегруженным розочками и воланами, которые не подчеркивают естественную красоту, а скорее подавляют ее.

— Дафна! — крикнула Гвинеира. — Одного у тебя не отнять: ты умеешь подбирать красивых девушек! Где ты их только находишь?

Гвин вышла из полукаретки и протянула руку Дафне.

— Это они находят *меня*, мисс Гвин, — ответила на приветствие Дафна и улыбнулась. — Когда условия работы нормальные, комнаты чистые, слухи расходятся далеко. Поверьте мне, когда на тебе прыгают только мужчины, а не блохи, это невероятно облегчает работу. Но моя Мона — ничто по сравнению с вашей спутницей! Это ваша внучка-маори? Потрясающе!

Вообще-то, Дафна собиралась бросить лишь мимолетный взгляд в полукаретку Гвинеиры, но Кура приковала к себе ее взгляд, как обычно бывало с мужчинами. Несмотря на это, Кура смотрела прямо перед собой, не обращая на Дафну никакого внимания, считая, что та наверняка

относится к тем самым женщинам, от общества которых ее настоятельно предостерегала мисс Хизер.

Однако когда первый приступ восхищения прошел, на кошачьем личике Дафны отразилась тревога.

— Неудивительно, что у вас проблемы с этой девочкой, — негромко заметила она, прежде чем Гвин успела вернуться в повозку. — Вам стоит как можно скорее выдать ее замуж!

Гвин рассмеялась несколько принужденно и снова подстегнула коня. Она была слегка рассержена. Хоть Дафна и деликатная женщина, вне всякого сомнения, но кому еще могли рассказать Хелен и Флёретта о том, что Гвинейра и Марама самым безнадежным образом не справляются с Курой?

Впрочем, ее гнев улегся, когда они подъехали к магазину «О'Кей» и увидели Рубена и Флёретту, разговаривавших с возникшими своих грузовых повозок. Оба обернулись к ней, заслышав крепкий стук копыт Оуэна, и вскоре Гвин уже обнимала свою дочь.

— Флёр! Ты ни капельки не изменилась! И мне все еще кажется, что я совершила путешествие во времени и увидела в зеркале, как я стою перед тобой.

Флёретта рассмеялась.

— Ты не выглядишь настолько старой, мамочка! Просто очень непривычно видеть, что ты ехала не верхом. С каких пор ты путешествуешь в карете?

Когда Джеймс и Гвинейра навещали свою дочь вместе, они обычно приезжали верхом. Провиант и остальные вещи прекрасно умещались в седельных сумках, а Гвин и Джеймс наслаждались совместными ночами под пологом звездного неба. Впрочем, они путешествовали летом, после стрижки и перегона овец, а летом погода гораздо более устойчива.

Гвин скривилась. Замечание Флёретты напомнило о малоприятном путешествии.

— Кура не умеет ездить верхом, — произнесла она, пытаясь ничем не выдать своего разочарования. — Но где же Джордж и Илейн?

За последние недели отношения Илейн и Уильяма укрепились. И это было неудивительно, ведь они виделись практически каждый день, поскольку Илейн тоже помогала вести дела в магазине «О'Кей». Да и после работы, а также в обеденный перерыв всегда находилась какой-нибудь повод побыть вместе. Илейн удивляла мать внезапными всплесками хозяйственной активности. То и дело приходилось печь паштет, которым

дочь затем насильно кормила Уильяма во время перерыва. Или она приглашала его после воскресного богослужения на пикник, проводила целую субботу за подготовкой различных вкусностей. Теперь Уильям целовал ее чаще, что, впрочем, нисколько не умаляло прелести всего процесса. Илейн все еще казалось, что она вот-вот умрет от счастья, когда он обнимал ее, а когда она чувствовала его язык у себя во рту, то просто таяла в его объятиях.

Рубен и Флёретта терпели роман между их дочерью и новым бухгалтером со смешанными чувствами. Флёретта по-прежнему тревожилась, а Рубен наблюдал за развитием событий с некоторой благосклонностью. Уильям отлично освоился на новом месте. Он был умен, разбирался в счетоводстве и бухгалтерии; разницу в управлении фермой и складом понял быстро. Кроме того, он располагал к себе посетителей своими хорошими манерами и предупредительностью. Особенно его обслуживание нравилось дамам. Против такого зятя Рубен ничего бы не имел против — если бы только он появился на пару лет позже. Пока что Рубен О'Киф был вынужден соглашаться со своей женой. Илейн слишком юна для более тесных связей; он ни в коем случае не разрешит ей выходить замуж уже сейчас. Впрочем, все будет зависеть от готовности молодого человека ждать. Если Уильям потерпит пару лет, хорошо; если нет, то Илейн испытает горькое разочарование. В то время как Флёретта опасалась именно этого, Рубен относился к ситуации спокойнее. С кем же Уильям сбежит от его дочери? Остальные видные девушки в городке еще более юны, чем Илейн. А какая-нибудь дочь новых поселенцев из окрестных ферм наверняка Уильяму не нужна. Рубену казалось, что Уильям не способен очертя голову влюбиться в девушку без средств, с которой придется все начинать заново. Впрочем, мальчик, похоже, не питал иллюзий относительно того, кому он обязан своим местом в универмаге «О'Кей».

Пока что Рубен отпустил поводья — и Флёретта, стиснув зубы, согласилась. В конце концов, они ведь на собственном опыте знали, что юную любовь практически невозможно контролировать. Их собственная история была гораздо сложнее, чем любезничание Илейн и Уильяма, и сопротивление их отцов и дедов было гораздо сильнее, чем упорство Флёретты. И, несмотря на это, они вместе. Страна велика, а общественный контроль слаб.

Рано утром того дня, когда в Квинстаун приехала Гвинейра, Илейн и Уильям вместе отправились в большое путешествие. Уильям упросил разрешить ему отвезти товары на отдаленную ферму; Илейн сопровождала

его с коллекцией платьев и галантерейных товаров из дамского отдела универмага. В таких случаях жена фермера могла спокойно выбрать, померить и получить совет от Илейн — услуга, которую Флёретта предлагала с самого начала, и ею охотно пользовались. Ведь благодаря ей женщины, живущие вдали от городов, получали не только возможность что-то купить, но и шанс поболтать и послушать городские сплетни, которые из уст женщин звучат всегда иначе, чем если их просто передает возникший.

Конечно же, Илейн кроме этого устроила пикник с Уильямом и даже открыла ради такого случая бутылку легкого австралийского вина из запасов отца. Они роскошно отобедали на идиллическом склоне холма у озера, а затем слушали сердцебиение великана, из-за которого поднималась и опускалась вода. И под конец Илейн позволила, чтобы Уильям слегка расстегнул ей платье, поласкал ее грудь и покрыл поцелуями. Теперь она была наполнена этим новым опытом, готова была от счастья обнять весь мир и практически не отпускала Уильяма, который — тоже довольный ходом событий — спокойно вел в поводу их коней. По крайней мере до тех пор, пока обе кобылицы заинтересованно не подняли голову и не заржали вдогонку темно-гнедому жеребцу, тянувшему карету.

— Это же Оуэн! Породистый жеребец бабушки Гвин! О, Уильям, она привезла его с собой! Баньши может ожеребиться! И Кейтлин с Кередвен сразу начали флиртовать. Разве это не чудесно?

Кейтлин и Кередвен были кобылками-кобами, которые тянули за собой легко груженную повозку, и их теперь было не так-то просто удержать. Обе четвероногие дамы совершенно точно знали, чего хотят. Уильям негодуя скривился. Без сомнения, Илейн хорошо воспитанная девушка, но иногда ведет себя как неотесанная дочка фермера! Как она может так беззастенчиво — при всех! — говорить о разведении лошадей? Он задумался, не отчитать ли ее, но Илейн уже соскочила с повозки и бросилась к небрежно и вместе с тем элегантно одетой пожилой даме, в которой без труда можно было узнать ее бабуку. Если посмотреть на Флёретту, то можно увидеть, как Илейн будет выглядеть в сорок лет, а Гвинейра давала возможность посмотреть на нее в шестьдесят.

Уильям колебался между желанием улыбнуться и вздохнуть. Это было единственным, что не устраивало его в ухаживаниях за Илейн: если он выберет эту девушку, в жизни у него больше не будет сюрпризов. В карьере и личной жизни все будет идти вперед, как по накатанной дороге.

Он привязал свою повозку за одной из тяжелых повозок, внимательно проследив за тем, чтобы его лошади не убежали. А затем размеренным

шагом направился к карете, чтобы представиться бабушке Илейн и ее кузине. Вероятно, еще одной копии с копной рыжих волос и осиной талией.

Тем временем Илейн здоровалась с Гвинейрой, которая едва успела выпустить из своих объятий Флёретту. Очевидно, они только что приехали.

Гвинейра поцеловала Илейн, прижала ее к себе, а затем слегка отстранилась, чтобы рассмотреть ее внимательнее.

— Вот и ты, Лейни! Красавица какая стала, настоящая женщина! Выглядишь в точности как твоя мама в этом возрасте. Надеюсь, ты такая же непоседа. Если нет, то я привезла тебе не тот подарок... Куда же он вообще подевался? Кура, у тебя собачья корзина? И вообще, почему ты все еще в карете? Выходи, поздоровайся со своей кузиной! — Голос Гвинейры звучал уже несколько раздраженно. Разве Кура позволительно так открыто демонстрировать, что приезд в Квинстаун ей совершенно безразличен?

Но, похоже, девушка только и ждала, когда ее попросят. Спокойно, с присущей ей гибкостью и грацией Кура-маро-тини Уорден поднялась, чтобы завоевать Квинстаун. И с удовлетворением отметила, что ее появление вызвало ожидаемый эффект. На лице тетки и кузины читались удивление, даже благоговение.

Еще несколько мгновений назад Илейн считала себя красивой. Любовь к Уильяму шла ей на пользу. Она светилась изнутри; кожа была чистой и розовой, волосы блестели, глаза стали более живыми и выразительными, чем раньше. Но при виде кузины она тут же превратилась в гадкого утенка — как, наверное, любая девушка, которую природа не одарила столь богатым набором преимуществ, имевшимися у дочери Пола Уордена. Илейн увидела девушку, которая была выше ее на полголовы, что объяснялось, конечно же, не только тем, что она держалась естественно прямо и двигалась с кошачьей грациозностью.

Кожа Куры была цвета кофе, в котором размешали добрую порцию сливок. Она слегка поблескивала золотом, из-за чего казалась теплой и притягивающей взор. Гладкие волосы Куры, достававшие девушке до середины бедра, были черными как смоль и блестящими, поэтому создавалось впечатление, будто на плечи спадает накидка из оникса. Ее длинные ресницы и мягко изогнутые брови тоже были черны как смоль, из-за чего большие лазурно-голубые, как у бабушки Гвин, глаза казались еще более яркими. Впрочем, взгляд их, в отличие от взгляда Гвин, не таил в себе насмешливых или озорных искорок, нет, глаза Куры смотрели спокойно и мечтательно, как будто даже с некоторой скукой, что придавало этой экзотической красавице еще более таинственный вид. Тяжелые веки подчеркивали выражение спящей красавицы, только и ждущей, чтобы ее

разбудили.

Полные темно-красные губы Куры влажно блестели. Мелкие белоснежные зубы девушки были настолько идеально ровными, что она казалась совершенно неотразимой. Лицо было узким, шея длинной и красиво изогнутой. Она была в простом темно-красном платье для путешествий, но ее формы очертила бы даже сутана. Грудь тугая и налитая, бедра широкие. Они лениво покачивались при каждом шаге, но это движение не казалось заученным, как у девочек Дафны, скорее можно было предположить, что оно дано Куре с рождения.

Черная пантера... Уильям когда-то видел этих животных в Лондонском зоопарке; элегантные движения этой девушки и ее породистая красота тут же пробудили воспоминания о них. Уильям невольно улыбнулся Куре, и когда она ответила на его улыбку, у него захватило дух. Конечно, всего на миг, потому что какое дело этой богине до молодого человека, стоявшего на обочине дороги?

— Ты... э... Кура? — Флёретта первой взяла себя в руки и улыбнулась девушке несколько принужденно. — Должна сказать, что не узнала тебя... Из чего можно сделать вывод, что мы преступно давно не были в Киворд-Стейшн. Ты еще помнишь Илейн? А Джорджи?

Как раз закончились занятия в школе, и Джордж, подходивший к магазину, видел, какой фурор произвела Кура. Надо заметить, что он наблюдал за происходящим с таким же глуповато-ротозейским выражением на лице, как и остальные зрители мужского пола. Но теперь он воспользовался шансом, подошел к матери, а значит, и к прекрасной кухне. Если бы только знать, что сказать ей!

— *Kia ora*, — наконец выдавил он из себя, показавшись при этом самому себе очень опытным человеком. Ведь Кура — маори и ей наверняка понравится, если с ней поздороваются на ее языке.

Кура улыбнулась.

— Добрый день, Джордж.

Голос как песня. Джордж вспомнил, что где-то ему доводилось слышать это сравнение, и тогда оно показалось ему невероятно глупым. Но это было до того, как он услышал Куру-маро-тини Уорден, которая произнесла «добрый день»...

Илейн изо всех сил попыталась стряхнуть с себя разочарование. Да, нужно признать, Кура красива, но в первую очередь она — ее кузина. Значит, совершенно обычный человек, да еще младше ее. Так что совершенно нет причин тарашиться на нее. Илейн улыбнулась и попыталась поздороваться с Курой как можно обыденнее. Но только ее

слова «Привет, Кура» прозвучали довольно-таки сдавленно.

Кура собралась было что-то ответить, но тут из повозки раздались писк и вой. Из собачьей корзины, которую Кура, конечно же, не вынесла, на свободу героически рвался щенок.

— Что это такое? — спросила Илейн. Ее голос снова звучал абсолютно нормально. Она взволнованно подошла к карете, позабыв о Кура.

Гвинейра пошла за ней и открыла корзину.

— Я решила сделать кое-что для поддержания традиции. Позволь представить: киворд-колли. Праправнучка моей первой бордер-колли, той самой, которая приехала со мной из Уэльса.

— Для... меня? — пролепетала Илейн, глядя на крохотную трехцветную собачью мордочку с большими умными глазами, в которых, казалось, уже читалась готовность обожать свою спасительницу.

— Как будто у нас собак мало! — воскликнула Флёретта. Но ей тоже новый четвероногий член семьи показался интереснее, чем холодная Кура.

Однако для Рубена, Джорджа и, в первую очередь, Уильяма все было иначе. Пока Джордж пытался придумать остроумное замечание, его отец наконец сподобился официально поприветствовать Куру, явившуюся в Квинстаун.

— Мы очень рады возможности познакомиться с тобой поближе, — произнес он. — Мисс Гвин говорила, что ты интересуешься музыкой и искусством. Тебе наверняка понравится в городе больше, чем на равнине.

— Даже если культурная программа в нашем городе пока еще оставляет желать лучшего. — Уильям взял себя в руки, и к нему тут же вернулся дар *вайкореро*. — Но я уверен, что все изменится, если среди публики будете вы, Кура. Или у всех пропадет голос, с этим тоже нельзя не считаться... — Он улыбнулся.

Кура отреагировала не так быстро, как большинство девушек. Вместо того чтобы одарить его ответной улыбкой, она осталась серьезной. Но интерес был, это он прочел в ее глазах.

Уильям предпринял новую попытку.

— Вы сами пишете музыку, не так ли? — осведомился он. — Илейн рассказывала мне. Вы одаренная пианистка. Что вы предпочитаете, классику или фольклор?

Очевидно, это была верная стратегия. Глаза у Куры засветились.

— Я отдала свою любовь опере. Я хотела бы стать певицей. Что касается остального, то я не вижу причин, почему бы не объединить элементы классики и фольклора. Я знаю, это считается весьма смелой затеей, но все может происходить на очень высоком уровне. Я пыталась

соединить некоторые древние напевы маори с традиционным сопровождением на фортепьяно, и результат получился весьма интересный...

Илейн не замечала разговора между Курой и Уильямом. Она смотрела только на маленького щенка. Однако взгляды Флёретты и Гвин встретились.

— Кто этот молодой человек? — поинтересовалась Гвин. — Боже милостивый, я просидела рядом с ней неделю, пытаюсь завязать разговор, но за все время путешествия она не сказала мне и трех фраз. А теперь...

Флёретта скривилась.

— М-да, наш Уильям умеет задавать правильные вопросы. Этот парень вот уже несколько недель работает на Уильяма. Светлая голова, четкие планы на будущее. Усиленно ухаживает за Илейн.

— За Илейн? Но ведь она еще ребенок... — Гвин умолкла на полуслове. Илейн была почти на два года старше Куры. А ведь она уже задумывалась о необходимости поскорее выдать ее замуж.

— Нам тоже кажется, что Илейн еще слишком юна. Впрочем, партия хорошая... Ирландский поместный дворянин...

Гвинейра кивнула, на лице отразилось легкое удивление.

— Черт возьми! Что он здесь делает, вместо того чтобы заниматься своей землей в Ирландии? Или арендаторы вышвырнули его? — В Холдон тоже время от времени приходили английские газеты.

— Это долгая история, — вздохнула Флёретта. — А пока давай вмешаемся. Если Кура начнет с того, что заставит ревновать Илейн, ничего хорошего от счастливого воссоединения семьи ожидать не придется.

Тем временем Уильям успел представиться и сделать несколько умных замечаний относительно древнеирландского песенного наследия, которое готовилось завоевать мир.

— Есть вариация «The Maids of Mourne Shore» на слова Уильяма Батлера Йейтса ^[5]. В принципе, мы, ирландцы, не любим, когда гэльские песни перепевают на английском языке, но в этом случае...

— Я знаю эту песню. Разве она не называется «Down by the Sally Gardens»? Меня научила ей моя гувернантка.

Было заметно, что Кура чувствует себя великолепно, и это не укрылось в том числе и от Рубена.

— Уильям, вы не хотите снова уделить внимание магазину? — приветливо, но решительно поинтересовался он. — Мы с семьей сейчас поедem домой, но мисс Хелен наверняка с удовольствием пришлет вам в

помощь одну из близняшек. Вам ведь нужно принять новый товар... И у вас, разумеется, еще будет возможность поговорить с моей племянницей о музыке.

Уильям понял намек, попрощался и почувствовал себя польщенным, увидев разочарование Куры. Илейн совершенно забыла о встрече с ней, но сейчас, когда он собрался уходить, попыталась привлечь его внимание к себе.

— Уильям, посмотри, что у меня есть! — Сияя от счастья, она сунула ему под нос пушистый комочек.

— Это Келли. Поздоровайся, Келли! — Она взяла собачку за лапу и помахала Уильяму. Щенок негромко, но возмущенно залаял. Илейн рассмеялась. Еще несколько часов назад этот смех казался Уильяму неотразимым, но теперь... Рядом с Курой Илейн казалась ребячливой.

— Милый маленький щеночек, Лейни, — несколько натянуто произнес он. — Но мне пора идти. Твой отец хочет поехать домой, а значит, у меня много работы. — Он показал на грузовые повозки, которые нужно было разгрузить и зарегистрировать.

Илейн кивнула.

— Да, а мне, наверное, нужно позаботиться об этой Кура. Красивенькая, конечно, но в остальном очень скучная.

Джорджи пришел к такому же выводу после того, как на протяжении всей дороги в поместье «Слиток» пытался завязать разговор с Курой. Девушка родилась на овечьей ферме, поэтому он начал с животноводства.

— И сколько же овец сейчас в Киворд-Стейшн? — спросил он, но Кура не удостоила его даже взглядом.

— Около десяти тысяч, Джорджи, — ответила вместо нее Гвин. — Но это число постоянно колеблется. И с тех пор как появились рефрижераторные суда и сделали возможным экспорт мяса, мы все больше и больше сосредоточиваемся на крупном рогатом скоте.

Кура и бровью не повела. Но она ведь маори, а потому, несомненно, захочет поговорить о своем народе.

— Я правильно произнес *kia ora*? — поинтересовался Джордж. — Ты ведь наверняка бегло говоришь на языке маори, Кура?

— Да, — односложно ответила она.

Джордж продолжал ломать голову. Кура красива, а красивые люди, вероятно, больше всего любят говорить о себе.

— Кура-маро-тини — необычное имя, — произнес юноша. — У него есть какое-то значение?

— Нет.

Джордж сдался. Он впервые заинтересовался девушкой, но, судя по всему, это безнадежный случай. Если он когда-нибудь женится, то только на девушке, которая будет с ним разговаривать, и неважно, как она выглядит!

Флёретта, вскоре после этого устроив чаепитие, тоже не преуспела в выборе темы для разговора. Кура вошла в дом, окинула довольно простую мебель — О'Киф поручили сделать ее местным столярам, вместо того чтобы заказывать из Англии, — неопределенным, но однозначно немилостивым взглядом и с тех пор даже рта не раскрыла. Время от времени она бросала жадные взгляды на стоявший в углу салона рояль, но была воспитана слишком хорошо, чтобы просто подойти к нему. Вместо этого она принялась с недовольным видом грызть печенье.

— Тебе нравится печенье? — поинтересовалась Флёретта. — Илейн сама его испекла, правда не для нас, а для своего друга... — Она подмигнула дочери, которая, впрочем, все еще была полностью поглощена подаренным ей щенком.

Гвинейра вздохнула. В принципе, подарок пришелся к месту, но с учетом того, что она хотела свести кузин поближе, он становился скорее помехой.

— Да, спасибо, — ответила Кура.

— Хочешь еще чаю? После такого путешествия тебе наверняка хочется пить, а зная твою бабушку, в дороге у вас был только черный кофе и вода, как на перегонах скота. — Флёретта рассмеялась.

— Да, пожалуйста, — ответила Кура.

— И каково твое первое впечатление от Квинстауна? — Флёретта отчаянно пыталась сформулировать вопрос так, чтобы на него нельзя было ответить ни «да», ни «нет, спасибо», ни «да, пожалуйста».

Кура пожала плечами.

Немного больше повезло Хелен, которая чуть позже приехала вместе с Рубеном. Он заехал за ней и привез в поместье, как только она освободилась от дел в отеле.

Теперь она вела довольно оживленную беседу с Курой о музыке, о пьесах, которые она разучивала на фортепьяно, и любви к различным композиторам. При этом внешность девушки не произвела на Хелен ни малейшего впечатления; она разговаривала с ней совершенно естественно. Поначалу, похоже, Куре это показалось странным, но потом девушка оттаяла. К сожалению, никто больше не мог поддержать выбранные ими темы, так что Куре, в принципе, и в этот раз удалось убить какой бы то ни

было разговор за столом. Кроме Илейн, которая была занята собакой, всем было смертельно скучно.

— Может быть, ты что-нибудь споешь нам? — наконец предложила Хелен. Она чувствовала нарастающее напряжение, по крайней мере со стороны Флёретты и Гвин. Джорджи уже сбежал в свою комнату, а Рубен, похоже, предавался каким-то юридическим размышлениям. — Илейн могла бы тебе подыграть.

Илейн прилично играла на фортепьяно. В музыкальном плане она была более одаренной, чем Гвинейра, для которой музыкальное воспитание в Уэльсе было сущей мукой. Хелен уже многие годы обучала Илейн и гордилась своими успехами. В этом и крылась причина ее предложения: чтобы Кура не возомнила, будто все остальные новозеландцы полные невежды в вопросах культуры.

Илейн с готовностью поднялась. А вот у Куры на лице было написано недоумение, и, когда Илейн сыграла первые такты, она скривилась от ужаса, поскольку Келли включилась в процесс и принялась подвывать на самых высоких нотах. Остальным собравшимся пение щенка показалось очень забавным. Илейн смеялась до слез, но на всякий случай заперла собаку в другой комнате. Конечно же, Келли принялась душераздирающе лаять в соседней комнате, мешая своей юной хозяйке сосредоточиться. Наверное, именно поэтому Илейн несколько раз ошиблась. Кура закатила глаза.

— Если ты не против, я лучше сама себе буду аккомпанировать, — заявила она.

Илейн показалось, что она стала меньше ростом, как и тогда, когда Кура вышла из полукаретки. Но потом упрямо запрокинула голову. Пусть кухня забирает рояль себе! Тогда она, по крайней мере, сможет заняться Келли.

Музыка, которая донеслась после этого сквозь закрытые двери, заставила Илейн сжаться еще сильнее: никогда прежде рояль не звучал столь великолепно. Ни ей, ни даже бабушке Хелен не удавалось добиться такого звучания. Должно быть, дело в ударах или в том, что Кура играет с душой; ответа Илейн не знала. Ясно было одно: она никогда не сумеет играть вот так, даже если будет учиться всю жизнь.

— Пойдем на улицу, — прошептала она своей собачке. — Пока она не запела. На сегодня с меня достаточно совершенства и безупречной красоты.

Она попыталась думать об Уильяме и его поцелуях в бухте у озера. И, как обычно, настроение у нее улучшилось. Он любит ее, он любит ее... Сердце Илейн пело, соревнуясь с голосом Куры.

— Как она тебе?

Терпение Гвинейры выдержало непростое испытание, прежде чем удалось остаться наедине с Хелен. Но к этому времени закончилось не только чаепитие, но и маленький ужин в семейном кругу, детей отослали спать. Илейн и Джорджи добровольно ушли после ужина, Кура тоже была рада возможности уединиться. Она объявила, что ей еще нужно написать письмо — и Гвинейра не могла себе представить, что она напишет мисс Уитерспун о ее семье.

Хелен отпила вина. Она любила бордо, которое Рубен регулярно заказывал из Франции. Слишком много лет своей жизни она обходилась без таких удовольствий.

— Что ты хочешь услышать? Насколько Кура красива? Это ты и так знаешь. Как музыкальна? Это ты тоже знаешь. Проблема лишь в том, что она и сама знает это очень хорошо.

Гвинейра улыбнулась.

— Ты совершенно права. Она ужасно заносчива. Но что, к примеру, с ее голосом? Его действительно хватит, чтобы петь в опере?

Хелен пожала плечами.

— Последний раз я была в опере сорок пять лет тому назад. Что я могу сказать? Что говорит ее учительница? Она ведь должна разбираться.

Гвинейра закатила глаза.

— Мисс Уитерспун брали на работу не в качестве учителя музыки. На самом деле она должна была дать всем детям в Киворд-Стейшн приличное школьное образование. Но, судя по всему, я крупно ошиблась с этой девушкой. Видишь ли, она из очень хорошей семьи. Первоклассное воспитание, пансионат в Швейцарии... на бумаге это выглядело очень привлекательно. Но потом ее отец ввязался в какую-то сделку, лишился всего состояния и выбросился из окна. И внезапно маленькой Хизер пришлось заботиться о себе самостоятельно. К сожалению, она никак не может примириться с этим. И не успела она появиться, как стала вбивать Куре в голову все те глупости, что были в голове у нее самой.

Хелен рассмеялась.

— Но она ведь должна была учиться музыке. Кура играет потрясающе, а голос у нее... что ж, видно, что она училась.

— Мисс Уитерспун брала в Швейцарии уроки пения и игры на рояле, — поведала Гвин. — Сколько это продолжалось, я не спрашивала. Я слышала, как она жаловалась, что этого мало, что она уже почти ничего не может дать Куре. Но все, что имеет отношение к музыке, Кура впитывает

подобно губке. Даже Марама говорит, что ей уже ничему не научить девушку, а ведь она, как ты знаешь, *тохунга*.

Марама была известной среди маори певицей и музыкантшей.

— М-да, тогда, наверное, его хватит для оперы. Консерватория пошла бы Куре на пользу. Возможно, в этом случае она наконец стала бы одной из многих, ее перестали бы так боготворить все, с кем она сталкивается.

— Я ее не боготворю! — возмутилась Гвин.

Хелен улыбнулась.

— Нет, ты ее боишься, а это еще хуже! Ты живешь в постоянном страхе, оттого что этот ребенок может учудить что-то, что приведет к утрате Киворд-Стейшн...

Гвин вздохнула.

— Но я ведь не могу действительно послать ее в Лондон.

— Это лучше, чем в объятия какого-нибудь мальчишки-маори, который будет марионеткой Тонги. Посмотри на это с такой точки зрения, Гвин: даже если Кура уедет в Лондон и выйдет замуж в Европе, она останется наследницей. И если Киворд-Стейшн ее не интересуется, она не станет продавать поместье — по крайней мере пока ей не понадобятся деньги. А денег у вас ведь хватает, правда?

Гвинейра покачала головой.

— Мы могли бы платить ей очень щедрую ренту.

Хелен кивнула.

— Так сделайте это! Если она выйдет замуж там, за океаном, карты, конечно, придется сдать по новой, но это не так опасно. Если она не угодит в руки какому-нибудь обманщику, игроку или мошеннику, если ее муж не станет накладывать лапу на ее землю в Новой Зеландии, на поместье, которое, к слову, приносит ежемесячный доход. То же самое — ее дети. Если кто-то из них почувствует призвание стать фермером, то пусть приезжает. Однако, может быть, они предпочтут взять деньги и вести чудесную жизнь.

Гвинейра закусила губу.

— Это значит, что нам пришлось бы постоянно обеспечивать приток средств, — а позже Джеку, если он возьмется управлять фермой. Мы не сможем позволить себе плохих времен.

— Но, судя по твоим рассказам, Джек растет способным фермером, — заметила Хелен. — Как у них отношения с Курой? Она ничего не будет иметь против, если фермой будет управлять он?

Гвин снова покачала головой.

— Джек ей безразличен. Как и все остальное в мире, что нельзя

перенести на нотную бумагу.

— И отлично! Я бы на твоём месте перестала слишком долго размышлять над тем, что, как и почему может случиться, если дела на ферме вдруг пойдут плохо. Тебе не стоит постоянно готовиться к худшему. Никто ведь не говорит, что Кура обязательно будет зависеть от ваших переводов. Она может стать всемирно известной звездой оперы, которая будет купаться в деньгах. Или сделает ставку на внешность и выйдет замуж за князя. Я не могу себе представить, что эта девочка всю жизнь будет кормиться из вашего кармана. Для этого она слишком красива и самоуверенна.

В ту ночь Гвинейра долго лежала без сна, размышляя над советами Хелен. Возможно, то, что она до сих пор столь категорично отрицала планы Куры, и в самом деле было неправильным. Если подумать, тут действительно нет ничего, что держало бы Куру в Киворд-Стейшн. И если планы Тонги потерпят поражение, она сможет продать ферму, когда достигнет совершеннолетия. До сих пор Гвин не задумывалась об этой возможности, но Хелен, всегда обладавшая здравомыслием, заставила ее взглянуть на вещи по-новому. Ее опекунов над Курой закончится во вполне обозримом будущем, и тогда Киворд-Стейшн будет во веки вечные зависеть от прихоти молодой женщины.

Когда настало утро, Гвин уже приняла решение. Об этом нужно будет поговорить с Джеймсом, но если передать ему аргументы Хелен, он придет к такому же выводу.

Кура-маро-тини Уорден еще никогда не была так близка к исполнению своих желаний, как в этот ясный и прекрасный осенний день, когда на ужин в поместье «Слиток» пришел Уильям Мартин.

Глава 5

В первый вечер с Гвин и Курой Рубен О'Киф страшно скучал — и не имел желания повторять этот опыт в ближайшее время. Впрочем, они ненадолго останутся в поместье «Слиток»; для временного проживания этот дом был слишком уединенным, особенно для тех, кто никогда не ездил верхом! Хелен подготовила комнату для подруги и ее внучки, и Гвин вскоре собиралась переехать к ней. Первые дни визита, как всегда, были посвящены общим интересам. Илейн хотела продемонстрировать Гвинейре свои успехи в верховой езде. Ей не терпелось дать бабушке проехаться на Баньши и услышать ее мнение о своей любимой кобылке. Что касается Флёретты, то она обсудит с Гвин все вопросы относительно Киворд-Стейшн и Холдона. Рубен не возражал против таких разговоров между женой и тещей, а Илейн и подавно. С самого приезда Гвин она только и говорила о том, чтобы покататься на жеребце, которого привезла бабушка, — по крайней мере в те моменты, когда не была занята своей новой собакой. Когда Кура-маро-тини молчала, Илейн принималась болтать, и Рубен приходил в ужас от перспективы ужина с двумя подростками, один из которых мрачен, а второй решительно слишком возбужден. Но затем он встретил в магазине Уильяма, прилежно занятого регистрацией нового товара, и ему в голову пришла блестящая идея, как устроить все наилучшим образом.

Его молодой бухгалтер и, что вполне вероятно, будущий зять вчера весьма оживленно беседовал с этой Курой. Кроме того, он уж постарается, чтобы Илейн не болтала исключительно о собаках и лошадях; Уильяму ни до того, ни до другого дела не было, это Рубен уже успел выяснить. И в присутствии молодого человека Илейн разглагольствовала только на темы, которые были приятны Уильяму. Флёретта возмущалась по этому поводу, однако Рубену это казалось полезным. Настолько полезным, что около полудня он разродился приглашением, после того как Уильям практически в одиночку и при этом блестяще справился с титаническим трудом по регистрации и определению на полки всех новых товаров.

— Приходите сегодня вечером к нам на ужин, Уильям! Илейн будет рада, да и с моей племянницей вы сразу поладили.

Казалось, Уильям Мартин не только удивился, но и обрадовался. Конечно же, он придет, у него не было никаких других планов — нужно только предупредить Хелен и близняшек, что его не будет за ужином. Итак,

в обеденный перерыв Уильям отправился в пансион и застал там Илейн за фортепьяно. Собачка Келли, конечно же, была рядом с ней. Щенок сопровождал ее игру пронзительным завыванием, и близняшки покатывались от хохота. Прислуга и один из сотрудников банка тоже веселились от души. Не удержалась от улыбки даже строгая мисс Хелен.

— Мне кажется, она поет лучше, чем моя зазнайка-кузина, — объявила Илейн. — Но, к счастью, Келли не собирается в оперу...

Уильям не понял, почему так рассердился из-за этого, в общем-то, невинного замечания, но он почувствовал легкий гнев еще тогда, когда Рубен О'Киф пренебрежительно высказался относительно поведения своей племянницы. Как Кура Уорден может быть «угрюмой»? Однако он тут же простил своего шефа, возблагодарив небо за это приглашение. С тех пор как он вчера днем встретил Куру, Уильям только и думал о том, чтобы снова увидеться с ней и поговорить. Вне всякого сомнения, она очень умная девушка. Конечно же, ей неинтересны такие мелочи, как...

В этот миг Илейн заметила своего друга и глаза ее засветились. Она рассчитывала встретить Уильяма в городе и заранее прихорошилась. Волосы убраны назад зеленым обручем, кроме того, она надела легкое батистовое платье в зеленую и коричневую клетку, для которого, вообще-то, было уже довольно прохладно.

— Иди сюда, Уильям! — звонко позвала его девушка. — Давай сыграем вместе! Или у тебя нет времени? Я тебе обещаю приструнить Келли.

Мэри — или Лори — поняла намек и взяла собачонку на руки, чтобы тут же исчезнуть с ней в кухне. Лори — или Мэри — быстро поставила рядом с Илейн второй табурет.

Уильям немного умел играть на фортепьяно и недавно привел Илейн в восхищение тем, что сыграл с ней в четыре руки несколько легких пьесок. Но сейчас он принялся ломаться.

— Ну, не при всех же, Лейни! Может быть, сегодня вечером. Кстати, твой отец пригласил меня на ужин.

— Правда? — Илейн, весьма довольная, закрутилась на табурете. — Как здорово! Ему вчера было смертельно скучно с моей невыносимой кузиной. Такая зануда, просто невероятно! Ну, да ты и сам поймешь. Она довольно миленькая, но в остальном... на месте бабушки Гвин я отправила бы ее в Лондон, и чем скорее, тем лучше.

Уильям снова едва сдержал нарастающее раздражение. «Довольно миленькая»? Девушка, которую он видел, была настоящей богиней! И что это Илейн болтает о том, что ее отошлют? Этого нельзя допустить, он...

«Уильям! — одернул он сам себя. — Какое тебе дело до этой девушки? Кура Уорден не имеет к тебе никакого отношения... Это бесперспективно». Он принужденно улыбнулся Илейн.

— Все не так уж и плохо. Кстати, сегодня утром ты тоже выглядишь чудесно.

С этими словами он попрощался и отправился на поиски Хелен, а Илейн разочарованно смотрела ему вслед. «Тоже выглядишь чудесно?..» Обычно она слышала от Уильяма гораздо более утонченные комплименты.

Флёретта О'Киф узнала о решении Рубена пригласить к ним Уильяма ближе к вечеру и не сказала, чтобы пришла в восторг. Она готовила всего лишь маленький семейный ужин. Не ждали даже Хелен. А раз в гостях будет Уильям, ей придется готовить больше, накрывать красиво, да еще и мило улыбаться юному гостю, хотя общение с ним давалось Флёретте не так уж просто. Она никак не могла подружиться с разговорчивым молодым ирландцем; ей было трудно распознать, когда Уильям выражает свое мнение, а когда просто повторяет ее мнение или мнение ее мужа. Кроме того, она вовсе не забыла намеков миссис Чесфилд. Покушение на первого секретаря Ирландии... Если Уильям действительно был замешан в этом, он может быть опасен.

К тому же от Флёретты не укрылись взгляды, которые бросали на Куру пока что все без исключения мужчины. Она считала не очень удачной идеей искушать молодого человека Илейн. Но уже ничего не поделаешь. Уильям согласился, а Кура-маро-тини поразительно оживилась, когда услышала об этом от Флёретты.

— Я должна надеть красное платье! — заявила девушка. — Кроме того, мне нужно немного привести себя в порядок. Ты не могла бы прислать мне девушку в помощь, тетя Флёр? Зашнуровываться самостоятельно очень тяжело.

Кура привыкла к слугам. Хотя Гвинеира постоянно пыталась обходиться минимальным штатом прислуги, дом хозяев Киворд-Стейшн был просто слишком велик, чтобы поддерживать его в порядке одной, да и сама Гвин не обладала ярко выраженными хозяйственными способностями. Поэтому в доме работали несколько девушек-маори под руководством «дворецкого» Мауи и первых горничных — Моаны и Ани. Когда Кура была маленькой, эти девушки занимались и ребенком, а позже Ани, проворная девушка невысокого роста, стала кем-то вроде горничной, которая поддерживала в порядке гардероб Куры и причесывала ее.

Флёр поглядела на племянницу так, словно девушка была не в своем

уме.

— Ты прекрасно справишься сама, Кура! Это небольшой дом, у нас всего одна служанка и садовник, который, кроме этого, занимается конюшнями. Не думаю, что кто-то из них захочет тебя шнуровать.

Кура не удостоила ее ответом, надулась и пошла наверх. Флёретта покачала головой и обернулась к Гвинейре:

— Что у малышки за идеи? То, что она считает себя лучше простого народа, я уже поняла. Но, я надеюсь, ты не разрешила ей действительно иметь личную горничную?

Гвин бессильно пожала плечами.

— Она очень заботится о своей внешности. И мисс Уитерспун поддерживает ее в этом...

Флёретта закатила глаза.

— Эту мисс Уитерспун я уволила бы в первую очередь!

Гвин приготовилась к спору с дочерью, так похожему на тот, который она многие годы вела с Джеймсом, — и еще больше укрепились в мысли, что Хелен дала ей верные советы. Пребывание в Англии наверняка пойдет Кура на пользу! Если она еще слишком юна для консерватории, подойдет женская школа. Гвин подумала об униформе и насыщенном расписании... Но не возненавидит ли Кура ее за это?

Уильям пришел вовремя, и со второго взгляда Кура заставила его застыть в таком же благоговении, как и вчера, с первого. Ко всему прочему, на девушке на этот раз был не простой дорожный костюм, а изысканное красное платье, вышитое пестрыми побегами цветов. Сочные краски были ей к лицу, на их фоне ее кожа светилась еще ярче, представляя восхитительный контраст с ее пышными черными волосами. Сегодня она расчесала их на пробор; справа и слева Кура заплела по одной пряди и соединила косички на затылке. Эта прическа подчеркивала ее классически красивые черты, высокие скулы, волнующие глаза и экзотический налет. Уильям Мартин без колебаний встал бы на колени перед такой красавицей.

Однако вежливость обязывала сначала позаботиться об Илейн, которая сидела за столом рядом с ним. Флёретта решила, что раз уж пришлось готовить больше, то нужно пригласить не только Хелен, но и давнего друга семьи, констебля полиции МакДанна. Невысокий усатый мужчина галантно проводил Хелен к столу, и Уильям поспешно проделал то же самое с Илейн. Справа от Куры должен был сидеть Джордж, который к этому времени уже утратил всякий интерес к своей красивой кухне. С полным безразличием он поправил ее стул, и Уильям с восхищением

отметил, что она сидит прямо напротив него.

— Вы уже освоились в Квинстауне, мисс Уорден? — спросил он, когда правила хорошего тона наконец позволили вступить в общий разговор за столом.

Кура улыбнулась.

— Прошу вас, зовите меня Кура, мистер Уильям... — Ее голос превращал самое обычное предложение в совершенно особенную песню. Даже Леонард МакДанн, услышав голос девушки, поднял голову, отвлекшись от закусок. — А что до вашего вопроса... я привыкла к простору равнин. Здешний пейзаж мил, но вибрации, конечно же, не те.

Гвин нахмурилась. Вибрации? Илейн и Джордж едва сдержались, чтобы не захихикать.

Уильям просиял.

— О, я понимаю, что вы имеете в виду. У каждого пейзажа своя мелодия. Иногда во сне я слышу, как поет Коннемара...

Илейн удивленно покосилась на него.

— Вы из Ирландии, молодой человек? — поинтересовался МакДанн, изо всех сил пытаясь вывести разговор на более приземленные материи. — Что это за гомруль, о котором все говорят? И какова ситуация в стране? Судя по всему, главные мятежники под контролем. В последний раз я слышал, будто фении в Америке призывают напасть на Канаду, чтобы основать там новую Ирландию. Безумный план...

Уильям кивнул.

— Тут я с вами согласен, сэр. Ирландия есть Ирландия. Ее нельзя где-то построить заново.

— У Ирландии свое собственное звучание. Мелодии, такие меланхоличные и в то же время заразительно радостные.

Илейн задумалась над тем, не упражняется ли Кура тоже в искусстве *вайкореро*. Или она где-то вычитала эту фразу?

— Иногда просто душераздирающе радостные, — подтвердил Уильям.

— Что ж, пока что сторонникам закона не удается изменить настроения в палате лордов, — произнес Рубен.

— Кстати, я вспомнила... — Флёретта вмешалась в дискуссию, используя медоточивый и безобидный тон, который выбирала всегда, когда в ней просыпалась шпионка. — Вы ничего не слышали о покушении на мистера Морли из Блэкберна, Леонард? Первого секретаря Ирландии? — Краем глаза она наблюдала за Уильямом. Молодой человек едва не подавился куском жаркого. От Илейн его реакция тоже не укрылась.

— Что случилось, Уильям? — встревоженно спросила она.

Уильям нетерпеливо отмахнулся.

Констебль полиции пожал плечами.

— Ах, Флёр, в этой стране постоянно что-то происходит. Насколько я знаю, они то и дело хватают каких-то вероятных террористов. Время от времени мне присылают требования о выдаче, когда эти парни сбегают. Но пока еще здесь никогда никого не ловили, они ведь все уезжают в Штаты и обычно берутся там за ум. Мальчишеские глупости — за последние годы, слава богу, без опасных последствий.

Уильям взвился.

— Вы считаете борьбу за свободную Ирландию мальчишескими глупостями? — рассерженно переспросил он.

Илейн накрыла его руку ладонью.

— Тише, любимый, он ведь ничего такого не имел в виду. Уильям — патриот, мистер Леонард.

Уильям стряхнул ее руку.

Леонард рассмеялся.

— Таково большинство ирландцев. И они пользуются нашей симпатией, мистер Мартин. Тем не менее ни в кого нельзя стрелять или взрывать! Подумайте о невинных людях, которым часто достается из-за их политических игр!

На это Уильям ничего не ответил; до него уже успело дойти, что он начинает вести себя неприлично.

— Значит, вы герой борьбы за свободу, мистер Уильям? — вдруг спросила Кура-маро-тини. Ее большие глаза пытались поймать его взгляд. Уильям не знал, то ли он вот-вот растает, то ли, наоборот, вырастет.

— Я бы не стал это так называть, — пробормотал он, пытаясь говорить скромно.

— Но Уильям выступал в защиту ирландской Земельной лиги, — гордо объявила Илейн, и на этот раз ее рука по-хозяйски потянулась к его руке. Под столом зарычала Келли. Собачке не нравилось, когда хозяйка прикасалась к кому-то, а если кто-то прикасался к ней, было еще хуже. — Ради арендаторов на ферме его отца.

— У вашего отца есть ферма? — поинтересовалась Гвинеира.

Уильям кивнул.

— Да, мадам. Овцеводческая... Но я младший сын, мне нечего наследовать. Теперь я сам должен заботиться о своем счастье.

— Овцы... у нас тоже есть, — заметила Кура, словно животные представляли собой какой-то надоедливый довесок.

Впрочем, от зоркой Флёретты не укрылось, что Уильям внимательно

слушал, что рассказывает о Киворд-Стейшн Гвинеира.

Для Илейн сегодняшний вечер тянулся точно так же, как и вчерашний. А ведь рядом с ней был Уильям, и в таких случаях она обычно не скучала. До сих пор он всегда уделял ей внимание, отпускал небольшие шутки, украдкой касался ее под столом или мимоходом нежно гладил по руке. Но сегодня все его внимание было приковано к Кура. Может быть, не стоило так резко заявлять о том, насколько сильно ее раздражает эта девушка? И вот теперь Уильям развлекает ее. Но ведь он мог бы найти несколько нежных слов для своей любимой! Илейн утешалась мыслью, что потом она пойдет провожать его. Он поцелует ее под звездным небом, как и много раз прежде, и они обменяются парой интимных слов. Впрочем, сначала нужно будет запереть Келли. Собачка всегда сильно возмущалась, когда Уильям приближался к ее хозяйке.

Поскорее бы закончились музыкальные упражнения Куры! Как и вчера, она играла для семьи и гостей, и Уильям слушал ее, казалось, с искренним увлечением. Без сомнения, Кура играет очень хорошо; это хоть и обидно, но отрицать нельзя. А сегодня она пела ирландские песни, исключительно для Уильяма. Илейн почувствовала укол ревности.

— Подпевай! — сказала Хелен, заметив нарастающее разочарование Илейн. — Ты ведь тоже знаешь эти песни.

Илейн бросила вопросительный взгляд на Гвинеиру, но та тоже кивнула.

— Это наверняка будет очень мило, — заметила она. Впрочем, Гвинеира сочла «милым» и то, как Келли подвывала игре Куры.

Илейн храбро поднялась, быстро сориентировалась и подхватила пение Куры, когда та исполняла «Sally Garden». Для Хелен это действительно звучало хорошо. Чистое сопрано Илейн гармонировало с волнующе низким голосом Куры. Кроме того, девушки смотрелись рядом очень красиво. Черноволосая экзотичная Кура и нежная светлая Илейн. Без сомнения, поэт Йейтс именно такой представлял себе рыжеволосую ирландскую девушку, когда писал текст этой песни. Хелен что-то сказала Уильяму, но тот, похоже, не услышал ее — настолько был погружен в созерцание девушек или, по крайней мере, одной из них.

Впрочем, Кура прервалась уже после нескольких тактов.

— Я не могу петь, ты не попадаешь в ноты, — обвиняющим тоном произнесла она.

Илейн залилась краской.

— Я...

— Там было фа диез, а ты спела фа, — безжалостно продолжала Кура. Больше всего Илейн хотелось провалиться сквозь землю.

— Кура, это же народная песня, — вмешалась Хелен. — Не нужно так по-рабски придерживаться каждой ноты.

— Можно петь только правильно или фальшиво, — уперлась Кура. — Если бы она спела соль или даже соль диез...

Илейн вернулась на свое место.

— Пой одна! — угрюмо сказала она.

И Кура, пожав плечами, продолжила.

Илейн по-прежнему пребывала в скверном расположении духа, когда собравшиеся начали понемногу расходиться. Происшествие отрезвило всех, хотя небольшой ошибки Илейн никто не заметил. Про себя Флёретта возблагодарила небо за то, что назавтра Гвин и ее внучка переедут в другое место. А ведь она так радовалась приезду матери! Но Кура, и в этом она сумела себе наконец признаться, нравилась ей столь же мало, как и Уильям. Тут ей снова вспомнилась история с покушением. Заметил ли Рубен реакцию Уильяма?

Провожая Уильяма, Илейн тоже была погружена в свои мысли. Когда он наконец обнял ее, девушке показалось это не таким восхитительным, как прежде, а... какой-то повинностью. И красивые слова, которые он заставил себя произнести, тоже не вызвали в ней восторга.

— Эта музыка... и моя рыжеволосая любимая... Мне кажется, будто я в Салли Гарден, — Уильям рассмеялся и нежно поцеловал ее. — Эти мелодии поразительны, они возрождают для меня Ирландию.

«Вибрации...» — едва не вырвалось у Илейн, но в последний миг она сдержалась. Не стоит Уильяму думать, что она смеется над ним.

— Мне хотелось бы, чтобы страна была свободна и я мог вернуться.

Илейн наморщила лобик.

— Разве ты не можешь этого сделать, пока Ирландия находится под управлением Англии? Тебя ведь не разыскивают?

Уильям рассмеялся, хоть и несколько принужденно.

— Конечно нет. С чего ты это взяла? Я просто не хочу возвращаться в страну в оковах.

Илейн не успокаивалась, настойчиво пыталась встретиться с ним взглядом.

— Уильям, ты ведь не имеешь отношения к покушению? На этого... как его звали? Морли?

— Виконт Морли Блэкбернский, — почти угрожающим тоном выдавил из себя Уильям. — Первый секретарь Ирландии, верховный угнетатель!

— Но ведь ты не стрелял в него, не подкладывал бомбу, правда? — испуганно спросила Илейн.

Уильям бросил на нее гневный взгляд.

— Если бы я в него стрелял, то сейчас был бы мертв. Я хорошо стреляю. А бомба... к сожалению, мы не смогли к нему подобраться.

Илейн испугалась.

— Но ты пытался? Или знал об этом? Уильям!..

— Если никто ничего не будет делать, наша страна никогда не станет свободной! И если мы не покажем им, что готовы на все...

Уильям умолк, взял себя в руки. Илейн, только что прижимавшаяся к нему, отпрянула.

— Но мой отец говорил, что виконт выступал за гомруль, — заметила она.

— За или против — разве это имеет какое-то значение? Он — представитель Англии. Целясь в него, мы попадаем в палату лордов и во всю эту проклятую банду! — Уильям снова почувствовал тот яростный приступ гнева, который испытал, когда Пэдди Мерфи остановил его у входа в здание правительства. У его друга нашли бомбу — случайность, в итоге спасшая ему жизнь. Несмотря на то, что Уильям добровольно сознался в соучастии, его отец задействовал некоторые рычаги и подкупил нужных людей. В конце концов Пэдди, бедный сын арендатора, закончил свои дни на виселице, в то время как Уильяма отпустили. Впрочем, с адресованным Фредерику Мартину негласным приказом о том, чтобы тот как можно скорее выслал из страны своего строптивного сына. Уильям хотел ехать в Нью-Йорк, однако отец счел, что это недостаточно далеко.

— Возможно, в этом случае мне вновь придется услышать, что ты натворил очередных глупостей. Там полно смутьянов! — решительно заявил он своему сыну и на следующий же день оплатил проезд до Новой Зеландии. До Данидина на Южном острове, вдали от всех террористических ячеек борцов за свободу.

И теперь эта девушка говорит ему, что он хотел убить не того!

— Мне кажется, что разница есть! — храбро заявила Илейн. — На войне ведь убивают только своих противников, а не союзников.

— Ты ничего не понимаешь! — Уильям возмущенно отвернулся. — Ты девушка...

Илейн метнула на него гневный взгляд.

— Девушки ничего не понимают в подобных вещах? Судя по всему, ты очутился не в той стране, Уильям. У нас здесь женщины имеют право участвовать в выборах!

— Возможно, в этом-то и вся проблема! — вырвалось у Уильяма. Он тут же пожалел о сказанном. Ему совсем не хотелось сердить Илейн. Но она еще такой ребенок!

В голове зазвучал певучий голос Куры. Кура его понимает. Она казалась взрослее, несмотря на то что на самом деле была младше своей кузины. Но она выглядела более развитой, более женственной...

Он поймал себя на том, что думает о налитой груди Куры и ее широких бедрах, когда, извиняясь, притянул Илейн к себе.

— Мне очень жаль, Лейни, но Ирландия... Короче, с такими вопросами ко мне лучше не подходить. А теперь успокойся, Лейни, будь хорошей девочкой!

Сначала Илейн раздраженно отстранилась от Уильяма, но сменила гнев на милость. Однако на поцелуй ответила не сразу. Когда они прощались, она все еще казалась несколько расстроенной.

Уильям помахал ей рукой, ведя свое каноэ вниз по течению реки. Завтра нужно быть с ней особенно милым, несмотря на то что ее капризы действовали ему на нервы. Ведь он хотел еще раз увидеться с Курой. А путь к Куре, во всяком случае пока что, вел через Илейн.

Глава 6

Осенью в Квинстауне проводилось множество культурных и спортивных мероприятий, в основном организованных церковной общиной. Некоторые крупные фермеры из окрестностей города тоже устраивали праздники, и, конечно же, О'Кифы были приглашены — вместе со своими гостями с Кентерберийской равнины. Уильям получил приглашение через Илейн, как и рассчитывал. Он сопровождал ее, словно это было само собой разумеющимся, на церковные пикники и базары, музыкальные вечера и игру в бинго для благотворительных целей. К огромной радости и безграничному удивлению Гвин, Кура чаще всего тоже присоединялась к ним и, похоже, от души развлекалась. До сих пор девушка с огромной неохотой соглашалась почтить своим присутствием праздники в Киворд-Стейшн или окрестных фермах.

— А ведь сначала мне показалось, что Лейни и Кура не понравились друг другу, — говорила она Хелен. — А теперь они постоянно ходят вместе.

— Причем Лейни не выглядит особенно счастливой, — заметила проницательная Хелен.

— Счастливой? Девочка похожа на загнанного зверя, — вставила Дафна.

Обе «владелицы отелей» встретились за ежедневной чашкой чая, и на этот раз с ними была, конечно же, и Гвин.

— Я бы вмешалась, мисс Хелен, — продолжила Дафна. — Кура волочится за парнем Лейни.

— Дафна! Что за выражения! — возмутилась мисс Хелен.

Дафна закатила глаза.

— Извините, мисс Хелен. Но мне кажется... что ж, на мой взгляд, мисс Уорден проявляет излишний интерес к поклоннику мисс О'Киф.

Гвин усмехнулась. Дафна умела выражаться соответственно моменту. От нее самой тоже не укрылся интерес Куры к Уильяму — правда, она не знала, как к этому следует относиться. Конечно, это нечестно по отношению к Илейн, но, с другой стороны, Уильям Мартин в качестве поклонника внучки нравился ей гораздо больше, чем Тиаре, мальчишка-маори.

— Но пока что мистер Мартин ведет себя совершенно корректно по отношению к девушкам, — заметила Хелен. — По крайней мере я не

замечала, чтобы он предпочитал одну другой.

— То-то и оно, — заявила Дафна. — Он должен был бы предпочесть Илейн. Он ведь поначалу подал ей некие надежды. А теперь Илейн достается в лучшем случае столько же внимания, сколько и Куре. Ей, должно быть, очень неприятно!

— Ах, Дафна, они ведь еще дети, — сумела выдать из себя Гвин, хоть и не совсем искренне. — Пока что он не может всерьез ухаживать ни за одной из них.

Дафна подняла брови

— Дети! — фыркнула она. — Не обманывайтесь. Лучше будьте начеку! Мисс Хелен, берегите нежную душу Илейн, а вы, мисс Гвин, смотрите за своей наследницей. Даже если вы все еще уверены в том, что шарм Куры не мешает спокойно спать по ночам этому Мартину... он может заниматься в постели и чем-то другим. Например, считать овечек, мисс Гвин. Очень много овечек.

Кура Уорден и сама не знала, что с ней происходит. Зачем она ходит на церковные пикники и позволяет этой деревенщине увиваться за ней? Зачем слушает третьесортных музыкантов и при этом делает вид, будто ей нравится их дилетантское пиликанье? Зачем тратит время, катаясь на лодке и воспевая прекрасные пейзажи вокруг озера Вакатипу? Все это было утомительно и бессмысленно, но становилось увлекательным, когда рядом был Уильям. До сих пор она никогда не испытывала ничего подобного; обычно люди были ей довольно-таки безразличны. Публика служила ей, подобно зеркалу, для проверки собственной неотразимости, не более того. А теперь этот Уильям со своей дерзкой улыбкой, ямочками на щеках, блестящими глазами и невообразимо светлыми соломенными волосами. Кура еще никогда не видела таких золотоволосых людей, пожалуй, только шведов и норвежцев в Крайстчерче. Но они в основном были бледными, светлокожими, в то время как Уильям обладал загорелой кожей, чудесным образом контрастировавшей с его светлыми волосами. Да еще эти умные голубые глаза, следившие за каждым ее шагом. Compliments, которые он ей делал, при этом ни капли ни на что не намекая. Его манеры были безупречны. Иногда слишком безупречны...

Кура часто мечтала о том, чтобы Уильям вел себя более страстно по отношению к ней, как иногда пытался Тиаре. Конечно, она бы увернулась, но почувствовала бы сердцебиение земли, если бы он хотя бы положил руку на ее бедра. «Пульсом земли» Марама называла ощущение, возникавшее у женщины между ног, эту блаженную волну тепла в теле,

учащенное сердцебиение от предвкушения. К Тиаре Кура испытывала нечто подобное очень редко, но Уильям вызывал это ощущение, даже лишь случайно задев ногой ее юбку под столом. Кура хотелось более ясных знаков, но Уильям всегда был корректен. Ничего больше, чем мимолетное прикосновение руки, когда он помогал, например, выйти из лодки, ей пока не досталось. По крайней мере Кура чувствовала, что эти прикосновения не были ни случайными, ни невинными. Уильяма их встречи тоже наэлектризовывали, ее образ не давал ему покоя, и Кура, похоже, старательно разжигала этот огонь.

При этом девушка сильно удивилась бы, узнай, насколько сильно она обижает своим поведением Илейн. Она совершенно не замечала несчастного выражения лица кузины и все нарастающую односложность ее ответов. Впрочем, Кура не прекратила бы своих попыток только ради того, чтобы пожалеть кузину. Кура не думала об Илейн; для нее она была одним из заурядных немзыкальных созданий, населяющих мир. Впрочем, боги тоже несовершенны. Им не всегда удаются такие произведения искусства, как Кура или... Уильям Мартин. Она чувствовала с ним родство душ. А вот люди вроде Илейн... Между ними и собой Кура видела меньше общего, чем между мотыльком и молью.

Она неосознанно наблюдала за тем, что все еще происходило между Илейн и Уильямом. Илейн же ни на миг не собиралась оставлять своего избранника наедине с кузиной, поэтому Уильям все еще провожал ее домой, все еще целовал на прощание. Это было единственное, что поддерживало девушку этой осенью.

Илейн испытывала муки ада, когда слышала, как Уильям разговаривает с Курой о музыке и искусстве, об опере, новейших книгах — обо всех тех вещах, которые на самом деле несколько не интересуют никого в Квинстауне. А ведь Илейн вовсе не была необразованной — будучи внучкой Хелен О'Киф, она невольно соприкасалась с культурой. А теперь, когда Уильям настолько очевидно заинтересовался Курой, она тоже старалась читать литературные новинки, чтобы, по крайней мере, составить свое мнение. Но Илейн была человеком прагматичным. Чтение более одного стихотворения в день вызывало у нее нервозность, собранная в тома лирика, казалось, убивала ее. Кроме того, Илейн не хотела толковать историю, прежде чем сможет осознать ее смысл и красоту. Она умела страдать и смеяться вместе с героями книг, но безостановочный нарциссизм, плаксивые монологи или бесконечные описания пейзажей вгоняли ее в тоску. Если быть честной с самой собой, больше всего ей нравилось читать литературные журналы матери, где печатались рассказы,

в которых любили и страдали женщины. Так, стацив один из них, она наслаждалась какой-нибудь историей с продолжением.

Но обо всем этом, конечно же, Илейн не могла сказать в присутствии Куры, а теперь уже и при Уильяме. Ей он, кстати, не показался таким уж знатоком искусства, когда они познакомились. А теперь для него не стало вдруг ничего милее, кроме как читать вместе с Курой вслух стихотворения и слушать, как она играет на рояле. Его долгие разговоры с Курой портили для Илейн все мероприятия, которые обычно доставляли ей радость, например пикники или регаты на лодках. И ей, похоже, при этом совершенно нечего было делать! Если она вскакивала с места и радостно кричала вслед восьмерке, которой управлял Джордж, Кура и Уильям смотрели на нее так, словно она сняла корсет посреди Мейн-стрит. И если во время церковного пикника она решала потанцевать сквэр-данс, оба тут же отдалялись от нее. Но хуже всего было то, что Илейн ни с кем толком не могла об этом поговорить. Иногда ей казалось, что она сходит с ума, потому что, похоже, она была единственной, кто замечал перемены в поведении Уильяма.

Отец, как и прежде, был доволен своим помощником в магазине, а бабушка Хелен считала совершенно нормальным, что молодой человек ведет себя «корректно». Илейн ведь не могла сказать ей, что Уильям уже целовал ее и гладил такие места на теле, которые... что ж, леди не стоило его к ним допускать. К матери она не хотела обращаться, зная, что Флёретте Уильям никогда по-настоящему не нравился. А бабушка Гвин... при обычных обстоятельствах она была бы идеальной собеседницей. Как бы там ни было, Илейн чувствовала, что ей тоже действуют на нервы постоянные рассуждения Куры об искусстве и бесконечные монологи о музыкальной теории. Но бабушка Гвин любила Куру больше всех на свете. На критику в адрес внучки она отвечала в лучшем случае ледяным молчанием или, хуже того, защищала Куру. И, похоже, она одобряла отношения Уильяма и Куры; по крайней мере не высказывалась против молодого человека. Илейн часто видела, как Гвин и Уильям мило болтают. Неудивительно, что человек, обладающий естественным талантом *вайкореро*, мог с одинаковой легкостью говорить об овцах и музыке.

Тем временем настала зима. В горах уже лежал снег, в Квинстауне тоже прошли снегопады. Гвинейра купила Куру шубу из черно-бурой лисы, в которой девушка выглядела как заблудившаяся принцесса южных морей. Черные волосы и экзотические черты лица в обрамлении капюшона потрясали встречных, и снова все взгляды устремлялись на внучку

Гвинейры. Илейн испытывала все муки ада, когда Уильям помогал девушке перейти через обледеневшую улицу и смеялся вместе с ней, когда она пыталась уловить мелодию снежных хлопьев. Для Илейн они падали бесшумно. Тем временем она и сама уже окончательно уверилась в том, что совершенно немзыкальна и ничего не понимает в романтике. Наконец Илейн не выдержала. Она решила спросить Уильяма, действительно ли он все еще любит ее.

Случай для этого представился в один из ближайших дней. Хелен устроила музыкальный вечер в своем пансионе. На окрестных фермах было несколько любителей классической музыки, которые и сами играли на скрипке, альте или контрабасе. Они любили приезжать в Квинстаун, музицировать вместе и оставаться на ночь в пансионе Хелен. Раньше во время таких домашних концертов Илейн исполняла партию на фортепьяно, теперь, конечно же, играла Кура. В присутствии кузины Илейн давно уже не осмеливалась подходить к инструменту. На эту ночь О'Кифы тоже решили остаться в городе; погода весьма затрудняла дорогу до поместья «Слиток». Поэтому Илейн и Уильяму удалось уединиться, чтобы украдкой обменяться нежностями, пока остальные еще наслаждались вином. Причем Илейн не покидало ощущение, что Уильям с огромной неохотой оставляет Куру в окружении почитателей. У ее кузины образовалась самая настоящая свита, и комплименты ее игре и красоте текли неиссякаемым потоком. «Действительно ли Уильям думает сейчас обо мне, когда прижимает меня к себе и целует? — размышляла Илейн. — Или представляет себе, что обнимает Куру?»

— Я тебе еще нравлюсь? — вырвалось у нее, когда он наконец отпустил ее. — Я имею в виду... по-настоящему? Ты... ты в меня все еще влюблен?

Уильям бросил на нее приветливый взгляд.

— Глупышка! Разве я был бы здесь, если бы это было не так?

Именно это и хотела знать Илейн. Но он снова обидел ее, назвав «глупышкой».

— Я серьезно, Уильям. Ты не находишь, что Кура красивее, чем я? — Илейн надеялась, что вопрос прозвучал не слишком умоляюще.

Уильям покачал головой, уже проявляя настоящее раздражение.

— Лейни, разница между тобой и Курой заключается в том, что она никогда не задала бы мне подобный вопрос! — И с этими словами он оставил ее и вернулся в дом.

Он обиделся? Обиделся, потому что она заподозрила его в том, чего он

не испытывал? Или скорее потому, что не хотел смотреть ей в глаза?

За занавеской стояла Кура и наблюдала за происходящим. Да, действительно, он целует Илейн. Она предполагала подобное, но прежде никогда не видела. Кура не рассердилась. Если Уильям целует эту девушку, то наверняка просто за неимением ничего лучшего. Мужчинам нужны девушки, этому она тоже научилась у маори. Если они долго не спят с женщиной, то становятся просто невыносимыми. Но Уильям заслуживает лучшего. Вне всякого сомнения, он джентльмен. Кура осторожно даст ему понять, что пульс земли тоже обладает мелодией и что гораздо прекраснее исследовать ее с той, кто слышит.

В июне Рубен О'Киф и его семья получили странное приглашение. Шведы в лагере золотоискателей праздновали день летнего солнцестояния — не считаясь с тем, что 21 июня в Новой Зеландии был не самым длинным, а самым коротким днем и что в это время цвели не лужайки, а исключительно ледяные цветы на окнах. Однако подобные вещи не смущали суровых северян: пиво и водка доставляют удовольствие и в этой части земного шара, костры можно зажечь с тем же успехом, а от танцев все равно становится тепло. Вот только собирать цветы будет, пожалуй, все же труднее, но это в любом случае касается скорее девушек, а мужчины прекрасно могут обойтись и без этого. Чтобы девушек было в достатке, старатели пригласили Дафну и ее подопечных.

— Чем легче девушки, тем лучше у них получится прыгать через огонь! — заявил Сёрен, один из организаторов необычного праздника. — Но можете спокойно привести с собой дочь, мистер Рубен. Мы ведь знаем, кто здесь леди!

Флёретта нашла идею забавной. Она читала о праздновании дня летнего солнцестояния и непременно хотела, танцуя, пройти через костер. Рубен принял приглашение уже только потому, что старатели были в числе его лучших клиентов. Хелен, впрочем, отказалась.

— Слишком холодно для моих старых костей. Пусть дети танцуют, Гвин, а мы уютно посидим с тобой вдвоем. Пусть и Дафна тоже приходит, если хочет.

Однако Дафна лишь рассмеялась и покачала головой.

— Не-е-ет, мисс Хелен. Я должна пойти туда и присмотреть за своими девочками! — заявила она. — Чтобы они не подарили себя этим парням и не принесли потом домой шведов в животе! Это ведь ритуал плодородия, эти прыжки через костер, а тут нужен глаз да глаз...

Илейн радовалась предстоящему празднику, в то время как Кура испытывала по этому поводу смешанные чувства. Там опять будут присутствовать ужасно грубые парни и оркестр, который фальшивит на каждой второй ноте. Она наверняка замерзнет, ей придется в очередной раз слушать всякие глупости. Но там будет Уильям... И будут танцы. Может быть, даже настоящие танцы, а не эти ужимки и прыжки, как на церковных пикниках. Мисс Хизер учила Куру танцевать, и та, по крайней мере, овладела вальсом и фокстротом. Это должно быть просто чудесно — покачиваться вместе с Уильямом под настоящую музыку, быть в его объятиях, позволить ритму унести себя... Конечно же, при этом нужно быть одетой в настоящее бальное платье! Кура испытывала легкое сожаление, оттого что у нее такого нет. Но О'Кифы все равно стали бы смеяться. На это мероприятие каждый наденет то, в чем ему теплее всего.

Девушки на праздничной площади зябко кутались в пальто и накидки. Некоторые шведки оделись в национальные костюмы. При этом происходящее казалось нереальным, как будто все они отправились в путешествие во времени: луна уже высоко поднялась над заснеженными горами и разгоревшееся пламя освещало «майское дерево» и танцующих вокруг него девушек в красных, ярко украшенных чепцах. Как бы там ни было, мужчины заботились о том, чтобы никто слишком уж не замерз. Водка и пиво, а также глинтвейн для женщин лились рекой, благодаря чему участники праздника чувствовали внутреннее тепло. Небольшой выводок питомцев Дафны уже успел довольно-таки сильно разгорячиться и напропалую кокетничал со старателями. Обе шведки объясняли им, как танцевать вокруг «майского дерева», и девушки, хихикая, путались в разноцветных лентах.

Илейн заинтересованно наблюдала за происходящим, в то время как Кура, похоже, испытывала отвращение. Поначалу обе выпили совсем немного вина, но когда стали замерзать, по достоинству оценили теплый напиток, быстро заставивший их забыть о боязни находиться в обществе девушек Дафны. Илейн не терпелось присоединиться к танцующим. Наконец она, смеясь, закружилась вокруг дерева, держа за руку светловолосую голубоглазую девушку по имени Ингер. Затем Ингер подошла к ним с Курой и протянула несколько увядших цветов.

— Возьмите, а то у вас еще нет цветов! Это же часть праздника. В день летнего солнцестояния девушка должна собрать семь разных цветов и положить их под подушку ночью. И тогда ей приснится мужчина, за которого она однажды выйдет замуж.

Ингер говорила с забавным акцентом и была очень милой девушкой.

Илейн взяла у нее из рук довольно-таки печальный букетик, который та протягивала ей, и поблагодарила. Кура же почти не взглянула на свой. Она снова впала в уныние, ей было скучно. Уильям разговаривал с Рубеном и несколькими старателями по ту сторону костра, а Илейн давно уже оставила попытки общения с Курой.

— Мы собрали их сегодня с первыми лучами солнца, как велит обычай, — пояснила Ингер происхождение цветов, хотя добыча была довольно жалкой. — Это все зелень и комнатные цветы. Так что если вам будет сниться кухня и дом, не принимайте всерьез.

Илейн рассмеялась и стала расспрашивать девушку о Швеции. Ингер начала охотно рассказывать. Она уехала из страны вместе с парнем, которого любила до глубины души. Но едва они приехали в Данидин, как он нашел себе другую.

— Забавно, правда? — с милым акцентом спросила Ингер, но в ее голосе все еще слышалась обида. — Сначала привозит девушку специально для себя, а потом... Но на путешествие деньги я все равно заработала.

Очевидно, в горизонтальном положении, потому что, судя по Ингер, она делала для этого мужчины все.

Илейн поглядела на Уильяма. Интересно, она для него тоже готова на все? Готов ли он на все ради нее?

Праздник наладился довольно поздно, но когда костры наконец догорели, все успели повеселиться — кроме Куры. Она представляла себе другие танцы, с достоинством заявила Кура, когда один подвыпивший молодой старатель собрался с духом и пригласил ее на танец. Впрочем, Уильяму она позволила уговорить себя один раз прыгнуть через костер. Илейн хмурилась. Разве этот обычай не для влюбленных?

Наконец Рубен и Флёретта объявили, что пора уходить, пока праздник не перешел в распутство. Уже сейчас Дафне следовало бы следить за своими девочками в оба глаза, но она не обратила внимания, когда Ингер и Сёрен принялись целоваться. Может быть, этой ночью он приснится Ингер, подумала Илейн, собирая свои цветы. Судя по всему, Сёрен неплохой парень, а светловолосая шведка заслуживает лучшего, чем жизнь в борделе.

Рубен и Флёретта направились в поместье «Слиток» прямо из лагеря золотоискателей. Этой ночью они не хотели ночевать в городе, поскольку их слуги-маори тоже пошли на праздник и Джордж остался дома один — из-за чего он, конечно же, был очень недоволен. Он тоже с удовольствием попрыгал бы вокруг костра, но на следующий день нужно было идти в школу. Поэтому Флёретте хотелось как можно скорее удостовериться в том,

что парень послушно лежит в постели.

Впрочем, Илейн настояла на том, чтобы побыть немного в городе с Уильямом и Курой. Она оставила свою лошадь в конюшне Хелен и приехала с ними обоими в карете. Так что у нее была отговорка.

— Но ты ведь можешь взять лошадь здесь, — недоумевая, произнес Рубен. — Зачем ты вообще оставила Баньши в городе? Ты ведь могла привязать ее к карете.

Флёретта накрыла его ладонь рукой, успокаивая. И как только мужчины могут быть такими непонятливыми! Сама она прекрасно понимала, что Илейн ни на секунду не хочет оставлять своего поклонника наедине с Курой.

— Я тебе позже объясню, — прошептала она своему супругу, и Рубен замолчал. — Но ты не задерживайся, Лейни. Скачи быстрее и ни при каких обстоятельствах не останавливайся!

Уильям, похоже, был недоволен. Ему казалось, что то, что Илейн проделает такой долгий путь одна, ночью, неприлично для леди. Может быть, она хочет, чтобы он ее проводил? Илейн только рассмеялась, услышав такое неискреннее предложение. Они сидели и пили чай в пансионе. После поездки в карете нужно было согреться, а Хелен и Гвин все равно еще сидели у камина.

— Уильям, тебе меня никогда не догнать! Ты ведь даже днем жалуешься, когда я скачу по этой «опасной» дороге. Сейчас, ночью, ты будешь меня только задерживать.

«Это, без сомнения, правда, хоть и выразилась она не очень удачно», — подумала Хелен. Ни один мужчина не стерпит, чтобы его назвали трусливым ездоком. Уильям, естественно, скривился, но Илейн ничего не заметила. Она увлеченно рассказывала о «майском дереве» и о цветах, которые положит под подушку.

«Она совсем ребенок», — думал Уильям, и это обстоятельство он воспринимал как извинение за то, что Илейн только что унизила его... и за то, что он влюбился в Куру.

Когда вскоре после этого Илейн собралась уходить, он проводил ее на улицу. Это подразумевалось само собой — он ведь джентльмен. Прощальный поцелуй, впрочем, был довольно коротким, но Илейн не заметила этого. В такой близости от строгого взора бабушки она не решалась на дальнейшие нежности, потому что Хелен наверняка заметит, если Келли будет продолжать лаять. Как и прежде, собака терпеть не могла, когда Уильям обнимал и целовал ее хозяйку.

Когда Баньши тронулась с места, Уильям смотрел вслед Илейн,

испытывая почти облегчение. Чтобы лошадь согрелась, она пойдет шагом, пока Мейн-стрит не останется позади, а потом помчит домой, сопровождаемая щенком колли. Наверное, ей будет даже весело. Уильям покачал головой. Много в поведении Илейн для него навсегда останется загадкой. В отличие от Куры...

Кура-маро-тини украдкой выскользнула из дома. Свет в салоне Хелен только что погас. Ее отправили в комнату, но она жила на первом этаже и из окна видела, как Уильям прощался с Илейн.

Уильям обрадовался, что не целовал Илейн по-настоящему. Ему было бы неприятно, если бы Кура, словно ненароком прислонившаяся к стене справа от входной двери, увидела его в объятиях другой. Ни в одно окно Куру не было видно. Она набросила шубу, но не стала ее застегивать, из-под нее виднелось похожее на пальто платье. Верхние три кнопки уже расстегнуты. Распущенные волосы стекают по светлому лисьему меху, казавшемуся серебристым в свете луны.

— Мне нужен свежий воздух, внутри слишком жарко, — произнесла она, поигрывая пуговицей на платье.

Уильям подошел ближе.

— Вы прекрасны, — восхищенно произнес он, тут же ругаясь про себя. Почему ему не пришел в голову никакой другой комплимент?! Обычно ему легко удавалось подбирать слова.

Кура улыбнулась.

— Спасибо, — негромко произнесла она, растягивая слово в мелодию, обещавшую рай на земле.

Уильям не знал, что ответить. Медленно, с благоговением, почти испугом он коснулся ее волос. Они были гладкими как шелк.

Кура задрожала. Кажется, ей холодно. Но разве она только что не сказала, что ей было жарко?

— Странно, что где-то в другом месте сейчас лето, — пел ее голос. — В Ирландии у вас тоже есть такие праздники...

— Только первого мая, а не в конце июня, — ответил Уильям, и голос его внезапно охрип. — Раньше его называли Бельтейн. Праздник весны...

— Праздник плодородия, — произнесла Кура манящим голосом. — «Когда приходит лето и деревья стоят в красивом цвету...»

Когда Кура запела, заснеженная улица Квинстауна вдруг исчезла... Казалось, Уильям снова был в Ирландии, где целовал Бриджит, дочь своего арендатора, и чувствовал ее тепло и желание.

И вдруг он обнял Куру. Это произошло невольно. На самом деле он не

хотел... Она так юна, и еще Илейн, несмотря на все, и его положение здесь, в Квинстауне... Но в первую очередь есть Кура. Ее аромат, ее нежное тело... Кура — начало и конец. Он едва не утонул в этом поцелуе. Кура была землей и лунным светом, она была поблескивающим серебром озером и вечным морем. Сначала Уильям целовал ее медленно и осторожно, но она крепче прижала его к себе, страстно и опытно отвечая на его ласки. Она не осторожничала, не боялась, как Илейн. Кура не была нежной и хрупкой, не была робкой, как девушки в Сэлли Гарденс, она была открытой и манящей, как цветы, которые возлагали после Бельтейна на алтарь богини. Уильям слегка приспустил ее платье и провел рукой по гладкой, нежной коже ее плеча, и Кура прижалась к нему, растрепала волосы, покрыла его быстрыми поцелуями, оставила на коже слабые укусы. Оба давно вышли из спасительного укрытия дома, и со стороны казалось, что они танцуют на террасе отеля.

Когда Мейн-стрит осталась позади и Илейн уже направила Баньши к реке, ее вдруг бросило в жар: она вспомнила, что забыла в отеле цветы! Семь старательно собранных Ингвер цветков она оставила у камина в гостиной Хелен. А что, если она положит их под подушку завтра? Наверное, нельзя. Нужно обязательно сегодня. Ингер наверняка спросит ее об этом. По крайней мере Илейн этого хотелось. Может быть, Ингер и девушка легкого поведения, но она почти что подруга, а Илейн так хотелось пошептаться и похихикать над своими снами. И если она хочет знать, как выглядит ее будущий супруг, сейчас нужно вернуться. Если она поскачет рысью, то это займет самое большее минут пять.

Баньши недовольно развернулась. Илейн торопилась домой и скакала быстро. И теперь обратно на Мейн-стрит? Кобылке это не нравилось, но она была послушной и покорно перешла на рысь.

— Давай, Баньши, когда я войду в дом, то стащу для тебя немного печенья, — прошептала ей на ухо Илейн.

Уильям и Кура, вообще-то, должны были услышать топот копыт, но в эту ночь он был лишь частью их собственной мелодии, они, чувствуя пульс земли, не слышали ничего, кроме дыхания и биения своих сердец.

Если бы парочка осталась в тени дома, Илейн не заметила бы их. Она предполагала, что пансион будет закрыт, и хотела войти через конюшни. Но Кура и Уильям стояли на свету, в сиянии луны, словно на сцене. Увидев их, Баньши испугалась и уперлась копытами в землю. У Илейн захватило дух. Она ничего не понимала. Ей, наверное, кажется! Если она сейчас закроет глаза и откроет снова, Уильяма и Куры здесь не будет.

Девушка попыталась сделать вдох, выдох и поморгать, но когда она снова посмотрела на улицу, пара все еще целовалась. Самозабвенно, сливаясь в один силуэт в лунном сиянии, которым была залита улица. Внезапно в доме вспыхнул свет, открылась дверь.

— Кура! Силы небесные, что ты там делаешь?

Бабушка Хелен! Значит, ей не привиделось. Хелен тоже видела это. И теперь...

Позже Хелен сама не могла сказать, что заставило ее перед сном еще раз спуститься вниз, — может быть, цветы, которые забыла Лейни. Она говорила о них с таким предвкушением. Несомненно, она вернется, если заметит пропажу по дороге. А тут перед домом тени, точнее, одна тень.

И стук подков...

Хелен увидела, как отпрянули друг от друга Кура и Уильям, — и на миг поймала взгляд испуганных глаз внучки, прежде чем сивая кобылка повернулась и помчалась прочь, словно за ними гнался черт. Прочь!..

— Ты сейчас же зайдешь в дом, Кура! А вы, мистер Уильям, немедленно поищите себе другое пристанище. Ни единой ночи вы не проведете под одной крышей с этим ребенком. Иди в свою комнату, Кура, мы поговорим завтра! — Губы Хелен сжались в узкую полоску, между бровями залегла морщина.

Внезапно Уильям понял, почему его старатели испытывали перед Хелен такой суеверный ужас.

— Но... — Слова застряли у него в горле, когда Хелен бросила на него холодный, полный презрения взгляд.

— Никаких «но», мистер Уильям. Я не хочу вас больше здесь видеть.

Глава 7

— Честное слово, Флёр, я его не увольнял!

Рубену О'Кифу постепенно начинали надоедать инквизиторские расспросы жены. Рубен терпеть не мог, когда Флёретта вымещала на нем свое дурное настроение, несмотря на то что на самом деле он был совершенно не виноват в семейной катастрофе, разразившейся вокруг Илейн, Уильяма и Куры.

— Он сам уволился. Сказал, что собирается на Кентерберийскую равнину. В конце концов, ему нужны овцы...

— Охотно верю! — язвила Флёретта. — Наверное, нацелился на весьма определенные десять тысяч овец! Я никогда не доверяла этому парню! Нужно было сразу отправить его куда подальше!

Флёретта и сама понимала, что действует Рубену на нервы, но в конце дня ей был просто необходим громоотвод. Вчера вечером Илейн хоть и вернулась домой, но ни с кем не захотела разговаривать. Утром девушка не вышла к завтраку, а Флёр нашла в стойле неухоженную Баныши. Конечно, Илейн покормила ее, набросила на нее одеяло, но не помыла и даже не вытерла. Засохший пот говорил о том, что скакали на ней, не жалея сил, и это было так не похоже на Илейн — забыть о своей лошадке. Наконец она поднялась наверх, чтобы посмотреть, что случилось с дочерью, и нашла ее в слезах, безутешно плачущую в постели и прижимавшую к себе собачонку Келли. Флёретта ничего не смогла от нее добиться, и только Хелен рассказала ей о случившемся, но уже после полудня.

Это тоже было невероятно: Хелен приехала в поместье «Слиток» одна, во взятом напрокат экипаже, запряженном лошадью Леонарда. Обычно она не правила сама и, уж конечно, не ездил верхом. Раньше, когда Хелен жила на Кентерберийской равнине, у нее был мул, но после смерти Непумука нового она себе не завела. И этим утром она не воспользовалась даже помощью Гвин.

— Гвинейра собирает вещи, — процедила она, когда Флёретта спросила ее об этом. — Она очень сожалеет о случившемся и считает, что в ближайшее время Илейн лучше не видеть Куру. В остальном же она весьма сдержанна и о том, что касается наказания, молчит. И об интернате в Англии или, что еще лучше, в Веллингтоне никто уже не заговаривает. Хотя, учитывая ситуацию, это было бы наилучшим решением для избалованной и капризной девчонки. Кура должна понять, что нельзя

получить все, что ты хочешь.

— Ты считаешь, что она соблазнила Уильяма? — спросила Флёретта. В принципе, она была не готова даже мысленно признать в поведении Уильяма какие-то смягчающие обстоятельства.

Хелен пожала плечами.

— По крайней мере она не сопротивлялась. Он не вытаскивал ее из дому; должно быть, девчонка пошла за ним и Илейн. В остальном же там, конечно, и соблазнять было нечего. Или, как выразилась Дафна, эта девочка может собирать парней, как спелые сливы.

Флёретта едва не рассмеялась. Она не привыкла, чтобы Хелен так выражалась.

— А теперь он поедет за ней на Кентерберийскую равнину. Что говорит на этот счет мамочка?

Хелен снова пожала плечами.

— Думаю, она сама еще не знает. Но у меня есть на этот счет довольно мерзкое подозрение. Мне кажется, она видит в этом Уильяме ответ на все свои молитвы...

— Илейн справится...

Только это и слышала Флёретта на протяжении последующих недель. Снова и снова, потому что уход Уильяма, конечно же, стал темой для разговоров во всем городе. Несмотря на то, что свидетелем его с Курой поцелуя была только Илейн, во время увольнения его разговор слышали некоторые клиенты и сотрудники. А потом все, в первую очередь женщины, сложили вместе два и два, едва были произнесены слова «Кентерберийская равнина», а Гвинейра с Курой Уорден уехали практически в тот же день, что и бухгалтер Рубена. Илейн почти не выходила в город, хотя Флёретта не уставала объяснять дочери, что ей совершенно нечего стыдиться. Большинство людей скорее сочувствовали девушке. Старшие жители Квинстауна не завидовали Илейн из-за ее поклонника, да и приличных девушек ее возраста, которые наслаждались тем, что болтали о ее несчастье, было немного. И все же Илейн плакала, не переставая. Она запиралась в комнате и всхлипывала без остановки.

— Все пройдет, — произнесла Дафна, когда Хелен рассказала ей об этой истории за чаепитием.

Илейн уже не сидела за стойкой администратора, да и в магазине тоже не помогала. Когда она не рыдала, то уходила в лес с собакой и лошадью. Она неизбежно бывала в тех местах, где они встречались с Уильямом, устраивали пикник или целовались, — и все заканчивалось тем, что

девушка вновь принималась плакать.

— Это ведь была первая любовь. Через это нужно пройти, — продолжала Дафна. — Я до сих пор прекрасно помню, как ревела сама. Мне было двенадцать, а он был моряком. Он лишил меня девственности, подонок, и даже не заплатил. Вместо этого он рассказал мне, что женится на мне и увезет с собой в далекие страны. Какая глупость! С каких это пор матросы берут своих возлюбленных с собой в море? Но он все плел и плел, что будет прятать меня в спасательной шлюпке. Когда он потом исчез, мир для меня, казалось, рухнул. С тех пор я мужчинам больше не верю. Но это исключение, мисс Хелен. Большинство тут же бросаются на шею следующему. Было бы хорошо, если бы ваша Лейни нашла себе занятие. Сидеть и плакать — это никому не пойдет на пользу.

Поэтому Хелен стала пытаться выманить Илейн из заточения, сама — уговорами, Флёретта и Рубен — мягко, но настойчиво. Но им удалось выманить ее в город лишь спустя несколько недель и уговорить помочь в отеле или магазине.

Девушка, которая в конце концов снова стала показывать образцы тканей и вести списки постояльцев, уже не была прежней Илейн. И дело было не только в том, что она похудела, казалась бледной и невыспавшейся — все это, как заявила Дафна, можно наблюдать практически у всех, кто пережил любовную драму. Пугало поведение Илейн. Она перестала улыбаться людям, ходить по городу с гордо поднятой головой, не встряхивала своими локонами. Вместо этого она старалась быть как можно незаметнее. Предпочитала больше помогать на кухне, чем за стойкой администратора, чаще работала на складе, чем с клиентами. Покупая платье, она выбирала уже не яркое и веселое, а что-нибудь поскромнее. А свои волосы, о которых Уильям как-то сказал: «Словно ангелы спряли медь» (еще одна фраза, которую он произносил не всерьез), она нетерпеливо приглаживала влажной ладонью, прежде чем завязать в хвост. И если раньше Илейн нравилось, что ее волосы пляшут, словно наэлектризованные, то теперь, вместо того чтобы расчесать их и наэлектризовать еще больше, она побыстрее стягивала их на затылке.

Казалось, девушка поразительным образом съежилась; она ходила, опустив голову и ссутулившись. Каждый взгляд в зеркало доставлял Илейн мучение, ибо в нем она видела лишь отвратительное, в лучшем случае заурадное лицо. Глупое и неталантливое — ничто по сравнению с чудесной Курой Уорден. Илейн считала себя худой и плоскогрудой, в то время как раньше называла себя хрупкой и стройной. «Как эльфийка», — говорил Уильям. Тогда она считала это удивительным комплиментом. Но какому

мужчине нужна эльфийка? Парням нужна богиня, такая, как Кура.

Илейн предавалась саморазрушению, несмотря на то что Ингер не уставала ее разубеждать. Девушки сдружились. Рубен нанял в магазин вместо Уильяма Сёрена, и молодой швед собирался через несколько недель жениться на Ингер. На некоторое время это вырвало Илейн из пелены печали. Впрочем, особенной помощи от Ингер не было. Что ж, хотя бы Илейн не считала лестью, когда подруга беспечно заявляла, что за такую девушку Дафна готова была бы кусать себе ногти. Конечно, для публичного дома она, может, и достаточно хороша, но такой мужчина, как Уильям, не полюбит его никогда.

Со временем лицо Уильяма все больше и больше стиралось из памяти. Теперь она вспоминала его прикосновения и поцелуи, не испытывая ужасной боли оттого, что «больше никогда». В принципе, произошло именно то, что предсказывали Дафна и остальные: Илейн потеряла Уильяма...

Уильям отправился на Кентерберийскую равнину в тот же день, что и Гвинейра с Курой, хотя, конечно же, эти трое путешествовали по отдельности. Гвин сложила в повозку лишь небольшое количество вещей и попросила Рубена прислать остальные с ближайшим транспортом, который будет отправляться в Крайстчерч, а затем направила своего жеребца на север. Уильяму, который нашел приют в лагере старателей, нужно было сначала купить лошадь и лишь после этого отправиться в путь. Тем не менее он ехал быстрее Гвин и Куры, поскольку женщины ночевали на фермах у своих знакомых и из-за этого им приходилось ехать круглыми путями.

Уильям же почти не останавливался. Спать в кустах ему не нравилось, а сейчас, зимой, было к тому же ощутимо холодно. Поэтому он прибыл в Холдон на два дня раньше, чем Гвин, снял комнату в местном отеле, довольно грязном заведении, и стал искать работу. При этом поселение ему не особенно понравилось. Холдон состоял из одной только Мейн-стрит, обрамленной привычными магазинами, — здесь были паб, врачебный кабинет, похоронное бюро, кузница, мелочная лавка с большим деревянным складом. Все поселение было построено из дерева, самые высокие дома, которые не мешало бы покрасить, были двухэтажными. Дорога плохо утрамбована; сейчас, в зимнее время года, было грязно, летом наверняка довольно пыльно. Все это находилось словно в пустоте: в окрестностях хоть и было небольшое озерцо, но в основном лишь пастбища, все еще зеленые, несмотря на зиму. Вдалеке в ясную погоду

можно было увидеть Альпы. Казалось, они находятся довольно близко, но это впечатление было обманчивым. Пришлось бы скакать не один час, чтобы хоть немного приблизиться к горам.

Повсюду на просторах вокруг Холдона располагалось множество крупных и мелких овечьих ферм, которых, впрочем, отделяло друг от друга расстояние на несколько миль. Говорили здесь и о поселениях маори, но где они находятся, практически никто не знал. Судя по всему, аборигены путешествовали редко.

Киворд-Стейшн, ферму Уорденов, знал, конечно, всякий. Миссис Дороти Кендлер, жена лавочника и, судя по всему, местная сплетница, подробно рассказала историю семьи. С благоговением поведала о том, что Гвинейра Уорден — настоящая поместная дворянка из Уэльса, которую давным-давно привез в Новую Зеландию некий Джеральд Уорден, основатель Киворд-Стейшн.

— Вы представляете, на том же самом судне, на котором приплыла и я! Боже мой, как же мне тогда было страшно! Но мисс Гвин не такая, ей это нравилось, она любит приключения. Она должна была выйти здесь замуж за сына мистера Джеральда, мистера Лукаса. Обаятельный человек, этот Лукас, правда, очень милый, сдержанный господин — вот только работа на ферме ему не очень-то нравилась. Видите ли, он был скорее художником. Рисовал. А потом исчез — мисс Гвин говорит, что уехал в Англию, продавать свои картины. Но так ли это? Всякое болтают. В какой-то момент его объявили мертвым, упокой Господь его душу. И мисс Гвин вышла замуж за этого Джеймса МакКензи. Он тоже приятный человек, правда, ничего не хочу сказать против мистера Джеймса, но он, конечно же, угонял скот! В его честь называли возвышенность МакКензи! Он там прятался, пока его не поймал этот Сайдблоссом. М-да, и мистеру Джеральду тогда не поздоровилось, в тот же день, что и мистеру О'Кифу. Дурное дело, дурное дело. О'Киф убил Уордена, а его внук потом застрелил его. Позже все представили как несчастный случай...

После получаса в обществе миссис Кендлер у Уильяма гудела голова. Наверняка пройдет еще какое-то время, прежде чем удастся разобраться с этим. Но уже это первое впечатление о семье Уорденов давало надежду: по сравнению со всеми ошибками этой семьи неудавшееся покушение на ирландского политика было, пожалуй, вполне допустимым грехом.

Несмотря на это, ему придется поднапрячься, чтобы произвести хорошее впечатление. После скандала, который устроила Хелен О'Киф из-за его поцелуя с Курой, мисс Гвин наверняка наслушалась о нем много нелестного. Именно в этом и крылась причина того, что Уильям сразу же

заялся поисками работы. Ему нужно получить хорошее место, а уж потом отправляться с визитом к Уорденам. Ведь мисс Гвин не должна подумать, что он охотится за приданым Куры. Эти сплетни Уильям готов был опровергнуть в любое время! Материальная заинтересованность могла играть роль, когда он ухаживал за Илейн, но Кура... Уильям захотел бы ее, даже если бы она была нищенкой.

Впрочем, на окрестных фермах ситуация с вакантными местами оказалась не очень благоприятной. Руководящих должностей вообще никто не предлагал; Уильям мог начать только с погонщика скота, и даже такие места зимой были редки. Это не говоря уже о жалкой оплате, весьма скромном жилье и тяжелой работе. Впрочем, полученный в магазине Рубена опыт бухгалтера помог ему. Семья Кендлер пришла в неописуемый восторг, когда он поинтересовался, нет ли у них работы. Супруг Дороти, который сам, наверное, ходил только в деревенскую школу, узнав, какое образование получил Уильям, отреагировал с огромным воодушевлением.

— Мне всегда так тяжело обращаться с книгами! — сознался он. — Прямо наказание какое-то. Я люблю работать с людьми, умею покупать и продавать. Но числа... Они у меня скорее в голове, чем в книгах.

Соответственно выглядели и его бумаги. Бросив лишь мимолетный взгляд, Уильям нашел несколько разных возможностей, как упростить складское хозяйство и, в первую очередь, как сэкономить на налогах. Кендлер просиял, как медный грош, и тут же выплатил премию. Кроме того, Дороти, образцовая домохозяйка, позаботилась о достойном пристанище для Уильяма. Она сдала ему комнату в доме свояченицы и стала почти каждый день приглашать на обед. Причем никогда не забывала продемонстрировать молодому человеку прелести своей красивой дочери Рэйчел. При других обстоятельствах Уильям, пожалуй, заинтересовался бы ею. Рэйчел была высокой девушкой с темными волосами и добрыми карими глазами. Очень миленькая, но в сравнении с Курой ее кандидатура отпадала так же, как и Илейн.

Ни Уорденов, ни МакКензи в городе видно не было. Хоть с Киворд-Стейшн и поступали заказы, но за покупками Гвинейра посылала только слуг. Как-то во время очередного чаепития Дороти разболтала ему, что Гвинейра почти все платья покупает в Крайстчерче.

— Сейчас, когда дороги стали лучше, это уже не так сложно. Раньше это было прямо-таки путешествие на край света, но сейчас... Да и малышка, ее внучка, очень избалована. Не припомню, чтобы она ступила на порог нашего магазина! Любую мелочь нужно заказывать в Лондоне!

Эта информация разочаровала Уильяма. Конечно, хорошо, что у Куры есть вкус, предлагаемые в магазине Кендлеров платья действительно были ниже ее уровня. Но надежду встретиться с ней в Холдоне — сначала случайно, а потом, возможно, тайно, — наверное, стоит похоронить.

Как бы там ни было, мисс Гвин появилась спустя почти шесть недель после прибытия Уильяма на Кентерберийскую равнину. Она сидела на козлах крытой повозки рядом со стареющим, но довольно крупным и сильным мужчиной. Оба приветливо здоровались с местными жителями, и не похоже было, чтобы этот мужчина работал у нее. Скорее всего, это ее муж, Джеймс МакКензи. Уильям воспользовался своей удобной позицией за конторкой магазинчика, чтобы внимательнее присмотреться к паре. У МакКензи были каштановые, несколько взлохмаченные волосы, в которых уже появилась первая седина. Кожа была загорелой и обветренной. На лице было много мимических морщин, как и у мисс Гвин; судя по всему, брак этих людей был гармоничным. Однако особенно привлекали умные карие глаза Джеймса, казавшиеся добрыми, хотя этого мужчину вряд ли можно было легко обмануть.

Уильям задумался, не стоит ли свести знакомство с Джеймсом, но отбросил эту мысль. Возможно, мисс Гвин жаловалась на него; будет лучше, если он подождет еще пару недель. Впрочем, ему очень хотелось снова увидеть Куру. И в ближайшее воскресенье он оседлал свою застоявшуюся в последнее время лошадь и отправился в Киворд-Стейшн.

Как и большинство посетителей, Уильям почувствовал себя почти раздавленным при виде главного дома среди кустарника. Только что он ехал по бескрайней степи, на которой время от времени встречались только груды камней или маленькие кристально чистые озерца. А потом дорога свернула и внезапно привела в загородную Англию. Тщательно усыпанный галькой, очень ухоженный подъезд вел сначала через что-то вроде аллеи, обрамленной южными буками и кордилинами, а затем взору открывался вид на ротонду, обсаженную цветущими красными кустами. За ней находился въезд в Киворд-Стейшн. Это не ферма, это самый настоящий замок! Очевидно, дом, построенный из типичного для страны серого песчаника, который использовали для «монументальных построек» даже в таких городах, как Крайстчерч или Данидин, проектировался английским архитектором. Уильям с интересом и восторгом смотрел на двухэтажный дом, фасад которого оживляли башенки, эркеры и балконы. Конюшен видно не было, и он предположил, что они находятся за домом, равно как и сад. Он не сомневался в том, что в резиденции есть ухоженные сады,

возможно, даже розарий, — несмотря на то, что мисс Гвин не произвела на него впечатления человека, который очень любит заниматься садоводством. Куре такое подошло бы больше. Уильям стал грезить о Куре, одетой в белое, в вышитой цветами шляпе. Вот она обрезает розовые кусты, а затем поднимается по лестнице в дом с целой корзиной цветов...

Однако мысль о Куре вернула его обратно в реальность. Просто вторгнуться сюда невозможно! Встретить девушку «случайно» тоже немислимо, ведь Куру нельзя отнести к любителям природы. Если она выходит из дома, то наверняка только в сад, а он, скорее всего, окружен забором. Кроме того, там прорва садовников; в пользу того, что их несколько, свидетельствовал уже один только ухоженный подъезд.

Уильям развернул коня. Он не хотел, чтобы его здесь увидели. Погруженный в мрачные размышления, он принялся объезжать поместье по большой дуге. И действительно, справа и слева от господского дома показались дороги, ведущие к стойлам и выгонам, где на редкой зимней траве паслись кони. Однако Уильям не стал сворачивать туда: опасность встретить людей, которые станут его расспрашивать, показалась ему слишком большой. Вместо этого он направил коня по узкой тропке, ведущей через луг, и наткнулся на негустой лесок. Окружающее немного напоминало Англию или Ирландию; южные буки, среди которых почти полностью отсутствовал подлесок, выглядели вполне по-европейски. Через лес причудливо вилась тропа, вытопанная скорее ногами людей, чем копытами лошадей. Исполненный любопытства, Уильям направился по ней и, повернув на первом повороте, едва не врезался в девушку, которая, казалось, задумалась так же, как и он. На ней было строгое темное платье в сочетании с темной же шляпкой, из-за которой она казалась старше. На Уильяма она произвела сюрреалистичное впечатление английской гувернантки, возвращающейся из церкви.

Молодой человек остановил лошадь в последний момент и улыбнулся красивой извиняющейся улыбкой. Нужно было срочно придумать объяснение своему пребыванию здесь.

Девушка была не очень-то похожа на специалистку по скотоводству. Может быть, она сочтет его работником. Уильям вежливо поздоровался и извинился. Если сейчас он быстро поедет дальше, девушка о нем и не вспомнит.

Сначала она ответила коротко и незаинтересованно, не поднимая глаз. И только после извинения бросила на него более пристальный взгляд. Судя по всему, она обратила внимание на его произношение. Уильям проклял свой акцент, выдававший его принадлежность к высшим слоям общества.

Пожалуй, ему действительно нужно попытаться развивать свой ирландский.

— Не стоит извиняться, я тоже вас не заметила. Здешние дороги приходится в основном угадывать. — Девушка недовольно скривилась, а потом предприняла попытку несмело улыбнуться. У нее были очень светлые волосы и бледная кожа. Черты ее слегка удлинённого, но точёного лица, а также серо-голубые глаза казались размытыми. — Я могу вам чем-нибудь помочь? Вы ведь не собирались на самом деле к маори?

Судя по тому, как девушка произнесла это слово, можно было подумать, что речь идет о каком-то племени каннибалов, посещать которое было бы верхом безумия. А сама она, в своем простом темно-сером платье и темной скучной шляпке, представлялась миссионеркой. Под мышкой она держала что-то вроде нотной тетради.

Уильям улыбнулся.

— Нет, я направлялся в Холдон, — заявил он. — Но боюсь, что не туда свернул.

Девушка нахмурила лоб.

— Да, вы действительно заблудились. Это пешеходная тропа между лагерем маори и Киворд-Стейшн... Здание за вашей спиной — господский дом, а мимо лагеря маори вы, наверное, уже проезжали, но с дороги его не видно. Лучше всего вам будет поехать обратно по направлению к дому и дальше ехать по главной дороге.

Уильям кивнул.

— Как я могу не последовать совету столь прелестной девушки! — галантно произнес он. — Но что такая юная леди, как вы, делает у маори?

Последнее его и правда заинтересовало. В конце концов, эта особа тоже говорила на идеальном английском высших слоев общества.

Незнакомка закатила глаза.

— Мне поручили провести с этими дикарями... что-то вроде душевспасительной беседы. Священник попросил меня организовать в воскресенье молебны. Прежняя учительница, мисс Хелен, всегда так делала, а потом миссис Уорден...

— Миссис Гвинейра Уорден? — удивленно переспросил Уильям, хоть это и ставило под угрозу его маскарад. Но миссис Гвин не показалась ему похожей на богомолку. Это больше подходило мисс Хелен.

— Нет, миссис Марам Уорден. Она сама маори, но снова вышла замуж и сейчас живет в Киворд-Стейшн, в соседнем лагере. Она там и школу ведет.

Судя по выражению лица юной леди, миссионерская деятельность не

доставляла ей много радости. Но подождите, разве она только что не говорила об «учительнице»? Возможно ли, что он наткнулся на гувернантку Куры Уорден?

Уильям едва помнил себя от счастья. По крайней мере если отношения между Курой и ее любимой мисс Уитерспун действительно настолько близкие, как намекала девушка, будучи в Квинстауне, то у него есть шанс.

— Вы преподаете у маори? — поинтересовался он. — Только там или... я не смею надеяться... Но мисс Уорден с такой любовью отзывалась о мисс Хизер!

В принципе, Кура не говорила о своей учительнице «с любовью», в лучшем случае упоминала о вынужденном союзе против окружавших ее невежд. Но как бы там ни было, эта мисс Уитерспун была единственной в Киворд-Стейшн, с кем она поддерживала хоть в какой-то степени дружеские отношения. И эту девушку наверняка нужно немного подбодрить.

На лице мисс Уитерспун появилась сияющая улыбка.

— Правда? Кура отзывалась обо мне с теплотой? Я очень люблю ее, несмотря на то что она довольно холодна. Но откуда вы вообще знаете Куру?

Девушка пристально смотрела на него, и Уильям принял виноватый, но одновременно с этим и несколько плутовской вид. Неужели Кура действительно ничего не рассказывала о нем? Но тут мисс Хизер, похоже, сделала определенные выводы.

— Погодите, вы ведь не... — Недоверчивый взгляд гувернантки сменился восхищенным. — Нет, это наверняка вы! Вы — Уильям Мартин, не так ли? Судя по описанию, которое сделала Кура...

Кура описала Уильяма до мельчайших подробностей. Его светлые волосы, улыбку, от которой на щеках появлялись ямочки, яркие голубые глаза... Мисс Хизер просияла.

— Как романтично! Кура знала, что вы приедете. Она просто знала! Она была ужасно расстроена, когда миссис Гвин так внезапно отозвала ее из Квинстауна...

Отозвала? Уильям удивился. Но, судя по всему, гувернантке просто не все рассказали. Разумеется, Кура не могла доверять ей полностью. Уильям на мгновение задумался, решив быть осторожнее. С другой стороны, это бесцветное создание было его единственной надеждой. Он снова подключил свой шарм.

— Я не медлил ни дня, мисс Хизер. После того как Кура уехала, я немедленно уволился, купил коня... и вот я здесь. Я нашел работу в

Холдоне... пока еще не на руководящей должности, но я получу повышение! Однажды я смогу открыто ухаживать за Курой.

Лицо мисс Хизер вспыхнуло. Именно это она и хотела услышать. Очевидно, она испытывала слабость к романтическим историям.

— Конечно, Кура еще очень юна, — заметила она. — Тут нужно понять миссис МакКензи, хотя девочка сама, конечно же, этого не осознает. Кура была очень зла, когда ее так внезапно... э-э-э... забрали от вас... — Мисс Хизер покраснела.

Уильям склонил голову.

— Мое сердце тоже едва не разорвалось на части, — признался он. Уильям надеялся, что это прозвучало не слишком грубо, но мисс Хизер смотрела на него с пониманием. — Впрочем, не поймите меня превратно. Я вполне осознаю ответственность. Кура — цветок, прекрасный, но еще не полностью раскрывшийся. Было бы безответственно уже сейчас... — Если сейчас он скажет «сорвать», молодая леди, пожалуй, провалится сквозь землю от стыда. Поэтому Уильям решил не завершать фразу. — Впрочем, я готов ждать Куру, пока она не подрастет... или мисс Гвин не признает, что она выросла.

— Кура очень зрелая для своего возраста, — добавила мисс Хизер. — Относиться к ней как к ребенку наверняка было бы ошибкой.

На самом же деле Кура дулась со времени своего возвращения из Квинстауна и не далее, как сегодня утром, снова сидела с недовольным видом между ней и Джеймсом МакКензи. После пятого повторения оратории Баха, которого Кура как раз разучивала, в то время как остальная семья завтракала, у Джеймса закончилось терпение.

«Тебе нет необходимости завтракать с нами, Кура, — объявил он. — Но уж если ты делаешь это, совсем не обязательно вымещать на нас свое дурное настроение. Я больше не намерен слушать эту депрессивную музыку. Тут даже корова лишилась бы аппетита!» Джек, хихикая, встал на сторону отца, ну а миссис Гвин, по своему обыкновению, промолчала. Наконец обиженная Кура убежала в свои комнаты, и Хизер пришлось ее утешать. После чего стала следующей жертвой, ибо на нее обрушились громы и молнии. Гувернантка не должна поддерживать глупости Куры, заявила миссис Гвин, лучше пусть занимается своими обязанностями и отправляется к маори служить молебен.

Конечно же, Уильям ничего этого не знал, но почувствовал неприятие мисс Хизер по отношению к миссис Гвин и Джеймсу МакКензи. Нужно рискнуть.

— Мисс Хизер... нет ли возможности увидеть Куру? Не привлекая к

этому ее бабушку и дедушку? Я не хочу ничего бесчестного, ни в коем случае... одного взгляда на нее, одного привета будет достаточно, чтобы сделать меня счастливым. И я очень надеюсь на то, что она тоже по мне скучает... — Уильям внимательно разглядывал свою собеседницу. Верную ли струну он задел?

— Скучает по вас? — срывающимся голосом взволнованно переспросила мисс Хизер. — Мистер Уильям, она тоскует! Дитя страдает... А вы бы слышали, как она поет! Ее голос стал еще более выразительным — вот как глубоко она все переживает...

Уильям обрадовался, услышав это, несмотря на то что Куру он не запомнил настолько сентиментальной. Например, он не мог себе представить, чтобы она разразилась слезами. Но если этой мисс Хизер нравится роль спасительницы жизни, которой удалось предотвратить самоубийство на почве любовной трагедии, то...

— Мисс Хизер, — оборвал он ее причитания. — Не хочу настаивать, но есть ли какая-нибудь реальная возможность нашей с Курой встречи?

Похоже, девушка наконец призадумалась. И очень быстро пришла к выводам.

— Может быть, в церкви, — после довольно продолжительной паузы сказала она. — Я ничего не могу обещать, но обязательно посмотрю, что можно сделать. В любом случае приходите в следующее воскресенье на мессу в Холдоне...

— Кура хочет поехать в Холдон? — удивленно спросил Джеймс МакКензи. — Принцесса готова смешаться с простым народом? Откуда такая внезапная перемена?

— Порадуйся же, Джеймс, вместо того чтобы видеть все в мрачном свете!

Гвинейра только что объявила мужу, что мисс Хизер и Кура намерены в будущее воскресенье сходить на мессу. Остальная часть семьи могла поехать с ними, а могла насладиться спокойным воскресным утром, гарантированно без арий и адажио. Одно это было уже веским доводом в пользу того, чтобы не ездить на мессу. А если Джеймс или Джек узнают, почему на самом деле Кура хочет ехать в Холдон, то наверняка не поведут туда лошадей. Гвин радовалась спокойному семейному завтраку с Джеком — или, возможно, даже наедине с Джеймсом в их комнате. Это ей нравилось еще больше.

— Кура давно уже работает над этим забавным произведением Баха. И теперь хочет услышать его в исполнении на органе. Это ведь понятно.

— И она действительно собирается играть сама? Перед простыми смертными в Холдоне? Гвин, это странно! — Джеймс нахмурил лоб и свистом подозвал собаку.

Гвин нашла его в конюшнях. Энди и еще несколько других работников чистили овцематок, в то время как Джеймс командовал пастушьими собаками, которые их сгоняли. Довольная Монди как раз припустила за толстым строптивым клубком шерсти.

— А кто же еще должен играть? — спросила Гвин, натягивая на голову капюшон воцеленого плаща. Снова пошел дождь. — Органистка в Холдоне ужасна, — именно по этой причине Кура уже многие годы не ходила в холдонскую церковь.

Зимняя погода заставила Джеймса задуматься и о другом.

— Послушай, Гвин, разве эта пьеса не называется «Пасхальной ораторией»? У нас август на дворе...

Гвин закатила глаза.

— Мне все равно, пусть это будет хоть «Рождественская оратория» или даже оратория под названием «Папа любит Ранги»... — При упоминании маорийской легенды о сотворении, в которой шла речь о разделении любящих неба и земли, причем Ранги символизировал небо, а Папа — землю, Гвинейра улыбнулась. — Главное, чтобы Кура перестала ходить с таким лицом, как у Христа, который терпит страдания, и наконец-то задумалась о чем-то другом.

Глава 8

Кура Уорден, играющая на органе в Холдоне, — это целое событие. И на богослужение пришло столько людей, как никогда за последние месяцы. Неудивительно, ведь каждому жителю хотелось увидеть и услышать загадочную наследницу Уорден. На мессе это сказалось очень благоприятно: молитвы произносились с необычайным усердием и вдохновением. Увидев неземную красоту Куры, все мужчины тут же впали в различные стадии благоговения, в то время как женщины были тронуты до глубины души, услышав пение девушки. Необычайно красивый и сильный голос Куры заполнил маленькую церквушку, а ее игра на органе была невероятно виртуозной, несмотря на то что она упражнялась всего один раз.

Уильям не мог наглядеться на ее стройную фигуру. На Куре было простое, но подчеркивавшее формы темно-голубое бархатное платье; волосы поддерживались на лбу бархатной лентой и ниспадали на спину темными волнами. Уильям представил себе, как целует нежные, но очень сильные пальцы, порхающие по клавишам органа, и ему казалось, что он снова чувствует, как эти пальцы исследуют его лицо и тело в ту ночь в Квинстауне. Конечно, органистка сидела спиной к общине, но время от времени поднимала лицо от нот, и Уильям мог его видеть. Молодой человек вновь был очарован правильными чертами, одновременно экзотическими и аристократическими, и священной серьезностью, с которой она играла. Нужно поговорить с ней после мессы... Нет, нужно поцеловать ее! Просто видеть ее было невыносимо, он должен прикоснуться к ней, почувствовать ее, вдохнуть ее аромат...

Уильям заставил себя улыбнуться мисс Хизер Уитерспун, сидевшей с прямой спиной на одной из передних скамеек и время от времени бросавшей на него требующие признания взгляды. За то, что она устроила эту встречу? Возможно, она сделает это еще раз, чтобы свести влюбленных вместе. Или она просто гордится своей одаренной ученицей?

Но Уильяма и Куру свела вместе не она, а Дороти Кендлер, причем совершенно бесхитростно. Как и почти всем жителям Холдона, ей не терпелось посмотреть на вундеркинда вблизи, и Уильям предоставил ей идеальный повод.

— Идемте, мистер Уильям, поздороваемся! Вы ведь знакомы с этой девушкой, не так ли? Она, помнится, гостила в Квинстауне у

родственников. Вас наверняка представили друг другу...

Уильям пробормотал что-то о «мимолетном знакомстве», но Дороти уже взяла его под руку и храбро направилась прямо к Кура и мисс Хизер.

— Вы играли исключительно прекрасно, мисс Уорден! Я руковожу женским кружком и готова от имени всех нас заявить, что это было бесподобно! Этот джентльмен, кстати, мистер Уильям, думаю, вы знакомы...

До сих пор Кура смотрела на толпу привычным скучающим взглядом — или, точнее, смотрела сквозь толпу. Однако теперь ее сияющие голубые глаза оживились, хотя степень проявленного ею интереса была вполне умеренной: Кура хорошо знала, что за ними наблюдают, и держала себя в руках. Уильям невольно подумал об Илейн. Она сейчас наверняка покраснела бы и лишилась дара речи. Но Кура повела себя достойно.

— Действительно, мистер Уильям. Рада вас видеть.

— Идемте с нами в зал общины! — пригласила ее Дороти. — Каждое воскресенье мы пьем там чай после мессы. А сегодня, после такой торжественности...

Мисс Хизер поглядела на нее несколько измученно, но Кура вежливо согласилась.

— Я бы с удовольствием выпила чаю, — произнесла она, улыбаясь жене лавочника. И только Уильям знал, кому на самом деле предназначалась эта улыбка.

В общинном зале он принес девушке чай и пирог, но Кура лишь сделала глоток и раскрошила пирог между пальцами. Вежливо и односложно отвечая на вопросы священника и женщин из местной общины, она то и дело одаривала Уильяма короткими, длившимися едва ли мгновение взглядами. В конце концов ему стало невмоготу и он подумал, что не выдержит этого мучения. Но потом, прощаясь с женским кружком, Уильям на какой-то миг оказался рядом с ней и прошептал несколько слов:

— Ты знаешь дорожку между Киворд-Стейшн и лагерем маори? Давай встретимся там на закате. Я скажу, что навещу родных.

Вскоре после этого Кура извинилась перед своими восторженными поклонниками из Холдона. Преподобный спросил ее, будет ли она теперь иногда играть на органе для общины, но Кура ответила лишь приветливыми отговорками.

Уильям вышел из зала раньше Куры и ее гувернантки. Он боялся, что выдаст себя жестом или взглядом, когда будет прощаться. При этом он не знал, как провести остаток дня.

На закате на лесной тропе. Одна...

Последнее оказалось ошибочным предположением: Кура пришла не одна, а в сопровождении Хизер Уитерспун. Казалось, она сама не в восторге от этого обстоятельства, ибо обращалась с гувернанткой, как с надоедливym лакеем. Впрочем, та уходить не пожелала, приличия были для нее превыше всего.

Тем не менее Уильям едва не умер от блаженства, когда Кура наконец снова стояла перед ним. Он осторожно взял ее руку и поцеловал — и от одного этого прикосновения внутри у него вспыхнули тысячи костров, оживлявших, но не обжигавших. Кура открыто улыбалась ему. Он тонул в ее глазах, не в силах оторваться от созерцания ее шоколадной кожи. Наконец он коснулся ее щеки дрожащими пальцами, и Кура прижалась к нему, как котенок — или, скорее, как прирученный тигр, — и, мягко потершись лицом о его ладонь, слегка укусила большой палец руки. Уильям едва сумел скрыть свое возбуждение, да и Кура, судя по всему, испытывала то же самое. Мисс Хизер, впрочем, откашлялась, когда девушка подставила ему губы для поцелуя. По всей вероятности, подобная интимность была для нее явно чрезмерной.

Как бы там ни было, гувернантка стерпела прогулку рука об руку, хотя пальчики Куры при этом играли с ладонью Уильяма, пробирались к запястью и ласкали его, рисуя маленькие круги. Уже одного этого было довольно, чтобы Уильям почти перестал дышать. Двум влюбленным было очень трудно в таких обстоятельствах поддерживать нормальный разговор. Уильям и Кура не хотели разговаривать — они хотели любить друг друга.

Они обменивались любезностями по поводу концерта Куры и новой работы Уильяма. Кура слегка пожаловалась на свою семью. Ей очень хотелось как можно скорее избавиться от бабушкиной опеки.

— Конечно, я могла бы жить и у мамы, — поясняла она. — Но тогда мне нельзя будет играть на рояле, он принадлежит бабушке. И мисс Хизер не захочет жить в деревне маори, особенно в той, что на О'Киф-Стейшн.

Уильям узнал, что Марама и ее муж жили на прежней ферме родителей Рубена О'Кифа. После смерти своего мужа Хелен продала ее Гвинеyre, а та отдала ее маори в качестве компенсации за беспорядок при продаже Киворд-Стейшн. Вожак Тонга принял это предложение только потому, что сама Кура, назначенная в наследницы поместья Уорденов, тоже несла в себе кровь маори.

— Поэтому все сходят с ума и хотят, чтобы я оставила себе эту скучную ферму, — вздохнула Кура. — Мне это вообще неинтересно, я слышу слова «Ты наследница!» по три раза на дню, и моя мать говорит то

же самое. При этом ей хотя бы все равно, выйду я замуж за маори или за *пакеха*. А для бабушки мир рухнет, если я возьму в мужья кого-нибудь из племени Тонги.

Уильям же сходил с ума от любви и желания. Он столь же мало слушал рассказы Куры, как прежде болтовню Илейн. Но ее последние слова достигли его рассудка. Впрочем, подумает он о них позже.

Возможно, у него с Гвинейрой Уорден все же больше общих интересов, чем он думал до сих пор. И вероятно, эта госпожа не так будет противиться разговору...

— Надеюсь, что я тебя неправильно понял, Гвин. Ты ведь не собираешься в самом деле разрешить ей официально встречаться с парнем, который разбил сердце нашей Лейни?

Джеймс МакКензи налил себе виски из бара, что за все те годы, на протяжении которых он был фактическим главой этого дома, случалось довольно редко. Пока он был всего лишь старшим работником Джеральда Уордена, его почти не приглашали в салон, и старик, конечно же, никогда не предлагал ему выпить. В принципе, Джеймс был весьма равнодушен к алкоголю, но сегодня ему нужно было подкрепиться. Он только что видел, как молодой человек, которого Дороти Кендлер недавно представила ему как Уильяма Мартина, чинно въехал через главный вход. Впрочем, представила не лично, иначе Джеймс, вероятно, сказал бы ему несколько подходящих слов по поводу Лейни. Он сделал большой глоток из своего бокала.

Письма Флёретты все еще выглядели очень печально; судя по всему, Лейни даже спустя три месяца после скандала с кухиной не оправилась от горя. Джеймс прекрасно понимал ее состояние; он еще слишком хорошо помнил жгучую ревность, которую испытал после первой встречи с Гвинейрой, которая досталась Лукасу, обещанному ей жениху. Когда же потом она забеременела от другого, он почувствовал, что сердце его разбито, и бежал из поместья, как и Лукас Уорден. Если бы он только знал, что тот злополучный ребенок, Пол, появился на свет в результате изнасилования! У него до сих пор сжималось сердце при мысли, что собственный свекор так обошелся с Гвинейрой. Возможно, все произошло бы иначе, в том числе и с Полом, и тогда у них на шее не сидела бы эта капризная Кура, которой сейчас Гвин собиралась разрешить общаться с Уильямом Мартином! Наверняка его жена не в себе! Джеймс налил еще виски.

Он видел, что Гвин была очень взволнована, иначе с чего бы ей тоже

наливать себе виски.

— А что мне делать, Джеймс? — спросила она. — Если мы запретим им встречаться, они будут делать это тайно. Кура достаточно просто переехать к маори. Мараманга наверняка не станет указывать девочке, с кем ей делить постель.

— Она не переедет к маори, потому что туда не разрешат забрать ее любимое фортепьяно. Этот ультиматум гениален, Гвин, — одна из немногих верных идей, которые пришли тебе в голову при воспитании этого ребенка. — Джеймс сделал еще один большой глоток.

— Спасибо! — прошипела Гвин. — Давай, обвини меня во всем! Но ты тоже был здесь, когда она росла, если я ничего не путаю.

— И ты много раз удерживала меня от того, чтобы положить Куру поперек колена и как следует всыпать ей. — Джеймс накрыл руку жены ладонью и успокаивающе улыбнулся. Он не хотел ссориться и спорить по поводу воспитания Куры; все равно уже ничего не изменишь, а эта тема достаточно часто приводила к ссорам между ним и Гвинейрой. И вот теперь эта история с Мартином...

— Может быть, она наплюет на фортепьяно. Она влюблена в него, Джеймс, по уши. И он в нее тоже, — сказала Гвин и добавила, как бы отвечая на нежное прикосновение Джеймса и желая напомнить их собственную историю: — Ты прекрасно знаешь, что тут ничего не изменишь.

Но его было трудно умиротворить.

— Не надо мне рассказывать о вечной любви. Только не в случае с парнем, который только что бросил свою предыдущую девушку. И наша обворожительная Кура тоже оставила своего Тиаре, как ненужную рубашку. Да, я знаю, тебе это на руку. Но если эти двое в конце концов сойдутся, я не стал бы сразу говорить о любви. Не считая того, что пишет о нем Флёр...

— Да? — переспросила Гвин. — И что же она пишет? Что такого ужасного он сделал? Уильям из хорошей семьи, образован и, судя по всему, интересуется культурой, именно поэтому он привлек внимание Куры. А то, что он восхищался фениями... Боже мой, любому мальчишке хочется поиграть в Робин Гуда.

— Но не каждый пытается взорвать шерифа Ноттингемского, — упрямо заметил Джеймс.

— Он ведь не сделал этого. Он позволил впутать себя в дурную историю, это я признаю. Но именно тебе следовало бы проявить понимание.

— Ты имеешь в виду мое прошлое? Когда я был угонщиком скота? — уточнил Джеймс. Впрочем, этот аргумент уже давным-давно перестал выводить его из себя. — Как бы там ни было, я никогда не воровал не у *тех*, в то время как Уильям едва не взял на душу грех, собираясь прикончить того, кто ратует за его дело. Ну ладно, все это грехи молодости, и я не собираюсь об этом говорить. Однако по отношению к Илейн он повел себя как последний негодяй, и это не дает повода думать, что он поведет себя лучше по отношению к Куре.

Гвинейра допила остатки виски и протянула Джеймсу бокал. Нахмурившись, он наполнил его во второй раз.

— За Куру я не боюсь... — сказала Гвинейра.

Тут Джеймсу следовало признать ее правоту. Если бы речь шла не об Уильяме, он бы, наверное, скорее переживал за молодого человека.

— Она его удержит, пока будет хотеть этого. И... боже мой, Джеймс, взгляни на это объективно. Допустим, он бросил бы не Лейни, а какую-нибудь другую девушку. Допустим, ты бы об этом ничего не знал. Тогда... — Она нервно взяла в руку бокал.

— И что тогда?.. — переспросил Джеймс.

Гвин глубоко вздохнула.

— Тогда ты сказал бы, что его послало нам само небо! Джеймс, английский джентльмен, который наилучшим образом впишется в здешнее общество... ты же знаешь людей. Даже если всплывет история с покушением, они сочтут его еще интереснее. И он родом с овечьей фермы. Он с удовольствием переедет сюда. Мы могли бы взять его на работу. Рубен считает его способным. Может быть, однажды он станет руководить фермой, рука об руку с Курой, — Гвинейра говорила почти мечтательно. По завершении ее разговора с Уильямом, состоявшегося после полудня, Гвин осталась вполне удовлетворенной, потому что молодой человек, который произвел на нее хорошее впечатление еще в Квинстауне, показался ей идеальным союзником.

— Гвин, девочка не развернется на сто восемьдесят градусов, став миссис Мартин! — заметил Джеймс.

— А что ей еще остается? — резко заметила Гвинейра. — Если она выйдет за него замуж, то в любом случае окажется привязанной к Киворд-Стейшн. Добровольно. И крепче, чем прежде. Тогда она не сможет так просто продать ферму. И не сможет сбежать к маори и жить в хижине...

— Ты хочешь расставить для нее силки? — почти с недоумением поинтересовался Джеймс.

— Она сама себе их расставит! — заявила Гвин. — Мы же ее не

спариваем. Она по собственному желанию встречается с этим молодым человеком. И если это выльется во что-то большее...

— Гвин, ей пятнадцать! — тяжело вздохнув, напомнил Джеймс. — Видит Бог, не то чтобы я особенно любил ее, но нужно же дать ей шанс подрасти...

— И воплотить в жизнь свои безумные идеи? Джеймс, если она действительно поедет в Англию и ее мечта стать певицей не осуществится, она продаст ферму, а нас, вполне возможно, отправит куда подальше пинком под зад! — Гвин уже не наливала себе, но начала нервно ходить взад-вперед по комнате. — Я проработала здесь сорок лет и не хочу, чтобы теперь все зависело от прихоти какого-то ребенка!

— До ее совершеннолетия пройдет еще шесть лет, — успокоил ее Джеймс. — А как насчет предложения Хелен отправить ее в интернат? Флёр мне писала об этом, и это показалось мне весьма разумным.

— Это было до Уильяма, — заметила Гвин. — И он представляется мне надежным выходом. Однако не забывай, что окончательно еще ничего не решено. Я не сказала ему, что позволяю ухаживать за внучкой, Джеймс. Он просто может ходить с ней в церковь...

Кура два месяца радовалась «официальному сопровождению» Уильяма Мартина. Затем это ей основательно надоело. Конечно, было чудесно, ни от кого не таясь, иметь право видеться с возлюбленным, но ничего большего, чем украдкой сорванного поцелуя или поспешного обмена нежностями, у них так и не случилось. Холдон был консервативнее, чем Квинстаун; здесь не было золотоискателей или публичных домов, только церковное общество и женский кружок. Кто с кем «ходит», знали все, ибо за этим тщательно следили. Даже если бдительность Хизер Уитерспун слегка притуплялась, Дороти Кендлер или ее свояченица, преподобный или его супруга всегда были готовы наблюдать за влюбленными. И, конечно же, с просто брызжущей во все стороны любезностью. Все были исключительно милы и к прекрасной наследнице Уорден, которая наконец-то стала показываться в деревенском обществе, и с ее совершенно потрясающим ухажером. Дороти вздыхала, что после Гвинейры и Лукаса в округе не было такой красивой пары, и могла часами рассказывать о том, как тогда она, еще совсем девочка, помогала на свадьбе.

Впрочем, Кура не хотела пить чай и болтать, в то время как все люди, словно загипнотизированные, таращились на их сцепленные с Уильямом руки. Она умирала от желания и хотела испробовать с Уильямом все то, чему научил ее в телесной любви Тиаре. Уильям, судя по всему, виртуозно

владеет этой игрой, иначе не сумел бы соблазнить ее маленькую чопорную кузину на ласки на берегу озера. Если бы только она могла час или два побыть с ним наедине! Но что касается этого, то ее до сих пор весьма уединенная жизнь лишала истомленную девушку каких бы то ни было шансов. Кура боялась лошадей, поэтому совместная верховая прогулка была невозможна. Она почти никогда не выходила за территорию главной усадьбы, так что не могла предложить Уильяму посмотреть ферму, озеро, каменный круг или хотя бы овец. Даже фортепьяно стояло не в ее личных комнатах. Если она пригласит Уильяма, чтобы сыграть ему, это произойдет в салоне и по всем правилам, в присутствии Хизер Уитерспун. Раз или два Кура пыталась прокрасться на тропу между деревней маори и встретиться там с Уильямом после того, как официально он уже уехал домой. При этом ей даже удавалось избавиться от мисс Хизер. Но один раз за ней пошли Джек и его друзья — и пока они целовались, мальчишки обстреляли их бумагой из рогаток. Второй раз их застали врасплох несколько маори, которые, конечно, тут же разболтали в лагере, что у Куры появился возлюбленный. Тиаре сразу вызвал ее на разговор, что, разумеется, несколько не встревожило Куру. А вот ярость Тонги была ей более чем неприятна. Вождь был совершенно не в восторге от английского переселенца, который внезапно решил наложить лапу на коренные земли его народа.

— Твой долг — вернуть эту землю племени! Ты должна взять в мужа одного из наших, хотя бы родить ребенка от одного из нас. После этого можешь делать все, что тебе заблагорассудится!

Тонга тоже знал о далеко идущих планах Куры, но маори относились к этому спокойнее, чем ее бабушка. Если Кура оставит наследника и если в Англии ей не взбредет в голову продать Киворд-Стейшн, то, по мнению Тонги, она могла заниматься чем угодно. Впрочем, вождь маори готовился к худшему, поскольку понимал, что может произойти, если Куру предоставить самой себе. Туземцы ничего не знали о дисциплине певицы. Они видели в ней только очень чувственную девушку, которая уже в тринадцать лет бросала жадные взгляды на парней из племени. А теперь появился этот англичанин, с которым она пока что еще не делит ложе, потому что *пакеха* удерживают ее от этого почти насильно. Если появится нужный человек, она добровольно отдаст ему Киворд-Стейшн. Тонга с таким же удовольствием, как и Гвин, привязал бы Куру к этой земле — вот только желательно не к этому *пакеха*, который слишком уж напоминал ему о давнем враге, Поле Уордене. И хотя внешне они были не похожи — Пол был темноволосый и ростом ниже Уильяма, — в поведении нового

поселенца угадывалось некое пренебрежение и он просто не замечал маори, работавших на ферме. Его нетерпеливая рука на поводьях коня, его вызывающий вид... Тонга не ждал ничего хорошего и прямо заявил об этом Кура. Не очень-то дипломатично, как с улыбкой поведала Гвинеира своему супругу после того, как Кура всерьез пожаловалась ей на жоака. Гвинеире, как и прежде, нравился поклонник Куры, в то время как Джеймс отмечал практически то же самое, что и Тонга.

В любом случае Кура была разочарована. Она представляла себе «официальное сопровождение» совсем иначе. Иметь право с этого момента ходить на весенние праздники на соседние фермы или танцевать вокруг «майского дерева» в Холдоне, которое ставили в октябре, совершенно не возбуждало ее.

Уильям чувствовал примерно то же самое, несмотря на то что праздники он любил. Особенно ему нравились приглашения на соседние фермы или в Крайстчерч. Ведь благодаря этому у него появлялась возможность знакомиться с новыми людьми, которые обычно водили его по своей земле. Таким образом, Уильям получал представление о том, как занимаются овцеводством на Кентерберийской равнине, и при этом ему не нужно было задавать любопытных вопросов в Киворд-Стейшн. Спустя пару месяцев он почувствовал, что вполне готов руководить подобной фермой, и ему не терпелось попробовать себя в качестве «овечьего барона». А работа в магазине Кендлеров ему уже порядком надоела.

Однако при всех его надеждах, которые он возлагал на Киворд-Стейшн, ему нужна была в первую очередь Кура. Он каждую ночь просыпался, тайно меняя простыни, чтобы свояченица Дороти не принялась, хихикая, рассказывать, что его мужское достоинство непроизвольно разряжается по ночам. Когда он встречался с Курой, ему не хватало даже красивых слов; он мог только чувствовать, и со временем уже не удавалось скрывать эрекцию, возникавшую у него от одного ее вида. Он должен был получить эту девушку. Поскорее.

— Малышка, — сказал он наконец, когда они отошли на такое расстояние от жителей Холдона, что их не было слышно. Ежемесячный церковный пикник объединили с катанием на лодках, и Уильям налегал на весла, катая свою возлюбленную по озеру Бенмор. Впрочем, они все еще оставались в пределах видимости с берега и по меньшей мере трех других лодок, в которых подобные же страдания испытывали другие влюбленные пары. — Если ты действительно не хочешь ждать, мы должны пожениться.

— Пожениться? — испуганно переспросила Кура. До сих пор она об этом не задумывалась. Она мечтала только о том, чтобы любить его и

одновременно с этим снискать славу певицы. Над тем, как это будет выглядеть на самом деле, она себе голову не ломала.

Уильям улыбнулся и обнял девушку — это было еще дозволено — одной рукой.

— Неужели ты не хочешь за меня замуж?

Кура закусил губу.

— А я смогу петь, если я буду замужем?

Уильям удивленно покачал головой.

— Что за вопрос? Только любовь позволит твоему голосу расцвести по-настоящему!

— И ты поедешь со мной в Лондон? И в Париж? — Кура взяла его под руку, пытаясь насладиться близостью, насколько это вообще было возможно сейчас.

Уильям судорожно сглотнул. Лондон? Париж? А почему бы, собственно, и нет? Уорденны богаты. Так что он вполне может пообещать ей путешествие по Европе!

— Ну конечно же, любимая. С огромной радостью! Европа ляжет к твоим ногам!

Кура грациозно изогнулась и, повернувшись спиной к любопытным взглядам, поцеловала его в плечо и шею.

— Тогда давай поженимся поскорее, — промурлыкала она.

В принципе, Гвинейра рассчитывала на то, что Уильям женится на ее внучке, но когда он так быстро попросил руки Куры, у нее проснулась совесть. И в конце концов ее любовь к Куре возобладала над любовью к Киворд-Стейшн. Джеймс прав, нужно оставить девушке выбор между замужеством и карьерой певицы, и неважно, как относится к этому лично она.

Поэтому Гвин, испытывая внутреннее сопротивление, пригласила Куру на разговор и представила ей план, предложенный Хелен.

— Поезжай на два года в Англию, в школу. Мы подыщем интернат, где ты сможешь брать уроки пения. Если потом тебя примут в консерваторию, будешь изучать музыку. А замуж выйти ты всегда успеешь.

Гвин была уверена, что Кура забудет Уильяма самое позднее через год. Но ей этого не сказала.

Кура отреагировала совершенно без энтузиазма. А ведь еще пару недель назад она пришла бы в восторг, если бы Гвин сделала ей такое предложение. Теперь она упрямо поднялась с кресла и принялась расхаживать по комнате.

— Ты просто хочешь помешать мне выйти замуж за Уильяма! — бросила она в лицо бабушке. — Не думай, что я этого не понимаю. Ты не лучше, чем Тонга!

Гвин растерялась. Ее намерения и намерения Тонги были, в общем-то, диаметрально противоположными. Насколько она могла судить, Уильям хоть и действовал на вожака маори подобно тому, как действует красная тряпка на быка, но это все равно было лучше, чем отъезд Куры из Киворд-Стейшн.

— Остается только, чтобы ты объявила мне свою идею о племенной кобыле!

Гвинейра вообще перестала что-либо понимать, а Кура не прекращала сыпать обвинениями.

— Но вы ошиблись! Без Уильяма я никуда отсюда не поеду! И я совершенно не собираюсь сразу же беременеть! Я хочу получить и то, и другое, дорогая бабушка! У меня будут и Уильям, и карьера! Я вам всем покажу! — Кура выглядела просто потрясающе, когда злилась, но на Гвин это впечатления не произвело.

— Ты не можешь получить все, Кура. Замужние новозеландки не поют в оперных театрах Европы. И уж тем более, если мужу нравится корчить из себя «овечьего барона»!

Гвин закусила губу. Последнее замечание явно было ошибкой. Это не укрылось от Куры.

— Значит, ты признаешь! Вы считаете, что Уильям охотится за приданым! Вы думаете, что ему нужна не я, а Киворд-Стейшн! Но вы ошибаетесь. Уильяму нужна я, я одна! А мне нужен он.

Гвин пожалала плечами. Никто не сможет упрекнуть ее в том, что она не пыталась отговорить Куру повременить с замужеством.

— Так забирай его, — спокойно произнесла она.

— Мистер Мартин? — Джеймс МакКензи окликнул Уильяма, когда тот, сияя, словно медный грош, выходил из главного дома Киворд-Стейшн.

Гвинейра только что сообщила ему, что не возражает против его сватовства. Раз мать Куры ничего не имеет против, она начнет подготовку к свадьбе.

Конечно же, Джеймс знал об этом, а потому уже несколько дней пребывал в дурном расположении духа. Гвинейра попросила его не вмешиваться в это дело, но он просто не мог удержаться, чтобы не попробовать этого Уильяма как следует на зуб. Он преградил ему путь, практически угрожающе возвышаясь над ним.

— У вас ведь нет планов на сегодня? Разве что, может быть, отпраздновать успех, я так полагаю. Но вы берете кота в мешке. Ведь до сих пор вы даже не видели Киворд-Стейшн. Вы позволите устроить вам экскурсию?

Улыбка застыла на лице Уильяма.

— Да, конечно, но...

— Никаких «но», — перебил его Джеймс. — Мне будет очень приятно! Идемте, седлайте коня, и мы немного прокатимся.

Уильям не осмелился возразить. Да и зачем, в принципе, это делать, если ему уже много недель хотелось осмотреть Киворд-Стейшн? Возможно, было бы лучше иметь иного проводника, нежели мрачный супруг миссис Гвинейры, но тут уж ничего не поделаешь. Он послушно направился в конюшню и надел седло на свою лошадь. Обычно он уже не делал этого сам: чаще всего в конюшне околачивался кто-то из мальчишек-маори и мог взять эту задачу на себя. Однако сегодня он не осмелился перепоручить это дело кому-нибудь другому. Джеймс МакКензи наверняка подыскал бы для такого случая не очень-то дружелюбное замечание. Он терпеливо ждал у конюшни со своим каурым жеребцом, пока Уильям выведет свою лошадь и сядет в седло.

Джеймс без дальнейших слов выехал на дорогу, ведущую в сторону Холдона, но затем свернул и поскакал в направлении деревни маори. Уильям видел поселение впервые и был удивлен. Он готовился увидеть примитивные хижины или палатки; вместо этого здесь обнаружился красивый общинный дом, украшенный богатой резьбой и стоявший у самого озера. Камни у земляной печи приглашали присесть.

— *Варенуи*, — заметил Джеймс. — Вы говорите по-маорийски? Вам нужно научиться. И было бы неплохо наряду с традиционным празднеством устроить свадебную церемонию по обычаям народа Куры.

Уильям с отвращением скривился.

— Не думаю, что Кура считает этих людей своим народом, — заметил он. — И я совершенно не собираюсь ложиться с Курой в постель перед всем племенем, как предписывают обычаи маори. Это против всяких приличий...

— Только не для маори, — добродушно произнес Джеймс. — И вам совершенно не обязательно ложиться с ней при всех. Довольно разделить с ней ложе, поесть и выпить с этими людьми... Мать Куры будет рада. И к вам сразу же начнут лучше относиться. Тонга, вожак, признаться, не в восторге от того, что вы берете ее замуж.

Уильям криво усмехнулся.

— Что ж, в этом вопросе у вас с Тонгой много общего, правда? — воинственно поинтересовался он. — Что все это значит? Мне стоит ожидать копье в спину?

Джеймс покачал головой.

— Нет. В принципе, эти люди не любят насилия.

— Ах, вот как? А отец Куры?

Джеймс вздохнул.

— В той или иной степени это был несчастный случай. Пол Уорден провоцировал маори до предела. Но его убийца был не отсюда. Несовершеннолетний глупец с фермы Сайдблоссома, которому довелось пережить весьма неприятный опыт с *пакеха*, когда он был еще совсем ребенком. Пол поплатился не за собственные грехи. Тонга искренне сожалел о его смерти.

— Это ему мало помогло! — съязвил Уильям.

На это Джеймс ничего не ответил.

— Я просто хотел сказать, что для всех участников этого дела было бы лучше, если бы вы поладили с маори. Я уверен, что Кура тоже обрадовалась бы.

На самом деле Джеймс хоть и придерживался мнения, что Кура не нравится ничего, кроме исполнения собственных внезапных прихотей, но это он решил оставить при себе.

— Тогда пусть Кура сама мне об этом скажет, — заявил Уильям. — Впрочем, мне все равно, мы можем пригласить этих людей на свадьбу. Ведь это будет праздник для прислуги, верно?

Джеймс резко втянул в себя воздух, но ничего не ответил. Молодой человек очень скоро поймет, что Тонга и его люди отнюдь не считают себя «прислугой» Уорденов.

Сейчас, после полудня, лагерь маори был относительно пуст; лишь несколько женщин готовили ужин и присматривали за играющими у озера маленькими детьми. Остальные были заняты работой в усадьбе Уорденов, охотой или в поле. Как бы там ни было, Уильям видел почти одни только морщинистые лица, покрытые татуировками, которые напугали бы его, если бы принадлежали молодым людям.

— Эти татуировки просто ужасны! — заметил он. — Слава богу, что никому не пришло в голову так изуродовать Куру.

Джеймс улыбнулся.

— Но ведь вы все равно любили бы ее, правда? — насмешливо поинтересовался он. — И не переживайте, молодым маори уже не делают

татуировки. Правда, Тонга, будучи вожаком, сделал себе татуировку, но, как я считаю, просто для провокации. Изначально татуировка обозначала принадлежность к определенному племени. У каждой общины были свои татуировки, вроде герба для английского дворянства.

— Но детям их не выкалывали на теле! — возмутился Уильям. — Англия — цивилизованная страна!

Джеймс усмехнулся.

— Да, я и забыл, что англичане впитали спесь с молоком матери. Мой народ считал иначе. Мы, шотландцы, разрисовывали себя синей краской, когда выступали против захватчиков. А как насчет этого у истинных ирландцев?

Уильям выглядел так, словно готов был вот-вот наброситься на Джеймса.

— Что все это значит, мистер МакКензи? — спросил он. — Вы хотите оскорбить меня?

Джеймс невинно поглядел на него.

— Оскорбить? Я? Вас? Зачем мне это? Я просто подумал, что стоит напомнить о ваших же собственных корнях. В остальном же я просто даю хорошие советы. И вот вам первый: не превращайте маори в своих врагов!

Мужчины ехали через лагерь и сейчас проезжали мимо длинного спального дома, кладовых на сваях — *патака*, как пояснил Джеймс, — и нескольких отдельных домов. Джеймс здоровался со стариками, перебрасываясь с ними парой приветливых фраз. Одна женщина, похоже, спросила об Уильяме, и Джеймс представил ей молодого человека.

После этого старухи зашушукались, и Уильям несколько раз разобрал слово Кура-маро-тини.

— Сейчас вам следует вежливо сказать *киа ора* и поклониться дамам, — произнес Джеймс. — В принципе, еще принято тереться носами, но, судя по всему, это будет для вас чересчур...

Он перебрался с женщинами парой слов, которые тут же захихикали.

— Что вы сказали? — недоверчиво поинтересовался Уильям.

— Я сказал, что вы стесняетесь, — ответил Джеймс, который веселился от души. — Ну же, поздоровайтесь наконец!

От ярости Уильям покраснел, но послушно повторил слова приветствия. Старухи искренне обрадовались и с улыбкой поправили его произношение.

— *Хаере мау!* — кричали Уильяму дети. — Добро пожаловать!

Маленький мальчик подарил им кусочек жадеита. Джеймс рассыпался

в благодарностях и заставил Уильяма сделать то же самое.

— Это *поунаму*. Он должен приносить счастье. Очень щедрый подарок от малыша... с которым, кстати, вам стоит быть приветливее. Это младший сын Тонги.

Малыш уже действительно вел себя как вожак, с достоинством приняв благодарность *пакеха*. Наконец мужчины покинули деревню. Земля вокруг лагеря не принадлежала Уорденам; здесь было лишь несколько возделываемых маори полей и садов. Вскоре после этого они проехали мимо больших загонов для лошадей, в которых частично находились овцы. Животные толпились вместе, потому что снова начался дождь. В таких обстоятельствах их кормили в том числе и сеном.

— Для большинства овец корма хватает и зимой, — пояснил Джеймс. — Но маток мы подкармливаем. Тогда ягнята будут крепче и их можно будет раньше перегнать на высокогорье, что, опять же, позволит сэкономить корм. А вот здесь у нас крупный рогатый скот... Мы занялись этим, когда появились рефрижераторные суда, которые ходят в Англию. Раньше мясо поставляли только в Отаго или на Западное побережье. У старателей и горняков всегда отменный аппетит. Но сейчас в Англию регулярно ходят суда с холодильными камерами. Это хорошее предприятие. А пастбищ на Киворд-Стейшн хватает. Вон там первые сараи для стрижки овец.

Джеймс указал на большое невысокое здание, которое еще несколько недель назад Уильям оценить бы не смог. Сейчас же он знал от других фермеров, что здесь находится сухое место для стригалей, которые по весне путешествуют от фермы к ферме, чтобы избавить овец от шерсти.

— Первый? — спросил Уильям.

Джеймс кивнул.

— Всего у нас три. И нам нужны стригали на три недели. Вы понимаете, что это значит.

Уильям усмехнулся.

— Много овец, — заявил он.

— Больше десяти тысяч по последним подсчетам, — произнес Джеймс и добавил: — Довольны?

Уильям взвинулся.

— Мистер МакКензи, я знаю, что вы подозреваете меня в дурных намерениях. Но мне ваши чертовы овцы не нужны! Мне нужна исключительно Кура! Я женюсь на ней, а не на вашем бизнесе по продаже мяса крупного рогатого скота!

— Вы женитесь и на этом тоже, — заметил Джеймс. — И не нужно

мне рассказывать, что вам это безразлично.

Уильям бросил на него гневный взгляд.

— Еще как безразлично! Я люблю Куру. Я сделаю ее счастливой. Все остальное не играет роли.

Мне нужна только Кура, а ей нужен я!

Джеймс кивнул, хотя Уильяму не удалось переубедить его.

— Что ж, вы ее получите.

Воля человеческая
Квинстаун, озеро Пукаки,
Кентерберийская равнина
1894–1895 гг.

Глава 1

Уильям Мартин и Кура-маро-тини Уорден поженились незадолго до Рождества 1893 года. Свадьба была самым роскошным праздником, состоявшимся в Киворд-Стейшн со времен смерти ее основателя Джеральда Уордена. Год в Новой Зеландии сменялся в самый разгар лета, поэтому праздновать можно было в саду. Гвинеира поручила поставить дополнительные павильоны и шатры, чтобы быть готовой к внезапному летнему дождю, однако погода тоже была за молодых. Солнце сияло, пытаясь затмить гостей, явившихся в большом количестве, чтобы поздравить молодоженов. Здесь собралась половина Холдона, а впереди всех, конечно же, находилась постоянно всхлипывавшая Дороти Кендлер.

— Она еще на моей первой свадьбе рыдала так, что едва глаза не заплакала, — сообщила Джеймсу Гвинеира.

Конечно же, пришли и жители окрестных ферм. Гвинеира приветствовала лорда и леди Баррингтон, а также их младших детей. Старшие учились в Веллингтоне или в Англии, одна из дочерей вышла замуж и уехала на Северный остров. Бизли, которые раньше были самыми ближайшими соседями, умерли, не оставив прямых наследников, и дальние родственники решили продать ферму. Теперь майор Ричлэнд, ветеран Крымской войны, занимался разведением овец и лошадей так же «по-джентльменски», как и Реджинальд Бизли. К счастью, у него были способные управляющие, которые просто не обращали внимания на противоречивые приказы незадачливого фермера.

Из Крайстчерча приехали Джордж и Элизабет Гринвуд, тоже в сопровождении лишь своих дочерей. Один из их сыновей еще учился в Англии, второй заканчивал практику в австралийских филиалах торгового дома.

Старшая дочь Дженнифер, бледная светловолосая девушка, склонная к робости, и вовсе умолкла, едва увидела Куру-маро-тини.

— Она прекрасна! — только и прошептала она, глядя на Куру в подвенечном платье сливочного цвета.

И этого нельзя было отрицать. Сшитое в Крайстчерче платье подчеркивало идеальные формы Куры и не казалось при этом непристойным. Венок у нее был из свежих цветов, длинные, до бедер, распущенные волосы вполне заменяли собой фату. Несмотря на то, что она казалась такой же безразличной, как и на всех остальных праздниках,

которые соизволила почтить своим присутствием, глаза девушки вспыхивали всякий раз, когда ее взгляд падал на жениха. Когда она шла к алтарю, движения ее были грациозны, как у танцовщицы. Впрочем, была еще одна небольшая проблема, прежде чем приехавший из самого Крайстчерча епископ мог соединить пару под украшенным цветами балдахинном.

Дженнифер Гринвуд, которая обычно играла на органе в Крайстчерче — по мнению священника, «просто ангельски», — утратила мужество. И неудивительно, ведь Дороти Кендлер ярко живописала ее матери, как брачующиеся встретились после сенсационного концерта Куры в Холдоне.

— Я не могу, — шептала Дженни матери, краснея до ушей. — Особенно теперь, когда я ее увидела. Я наверняка собьюсь, и все будут смотреть на меня и сравнивать с ней. Я думала, что рассказ про Илейн О’Киф — преувеличение, но...

Гвин, до ушей которой долетели эти слова, закусила губу. Конечно, Гринвуды наверняка были посвящены во все подробности скандала вокруг Илейн и Куры в Квинстауне. Джордж и Элизабет крепко дружили с Хелен; в юности они оба были ее любимыми учениками. В Англии Хелен была домашней учительницей Джорджа, а Элизабет была из числа сирот, которых она позже сопровождала в Новую Зеландию. При этом Хелен ничего не скрывала, по крайней мере от Джорджа. Без сильной поддержки торговца, занимавшегося экспортом и импортом шерстью, ее муж Говард не смог бы долго удерживать свою ферму и замужняя жизнь Хелен была бы еще драматичнее, чем это произошло на самом деле. Кроме того, Рубен О’Киф буквально боготворил своего «дядю Джорджа»; даже младшего сына назвал в его честь. Вполне возможно, что в разговорах Рубена с Гринвудом — или Джорджа со своим крестным — всплыли неприятные подробности.

Элизабет, светловолосая, все еще стройная женщина в простом элегантном платье, предприняла попытку уговорить дочь.

— Это ведь совсем простой «Свадебный хор», Дженни. Ты сыграешь его, даже если тебя разбудить среди ночи! Ты ведь уже играла в соборе!

— Но когда она так смотрит на меня, я готова провалиться сквозь землю... — Дженни кивнула в сторону Куры, которая действительно бросила на нее недружелюбный взгляд. В конце концов, музыка должна была зазвучать давным-давно.

К тому же Дженни совершенно не было нужды прятаться. Она была высокой, очень стройной девушкой с золотистыми волосами и узким худощавым лицом, на котором выделялись большие матово-зеленые глаза.

Однако сейчас она растерялась, опустила голову, пряча лицо за волосами, словно за занавеской.

— Нет, мы не можем так рисковать! — Молодой человек, до сих пор находившийся в последнем ряду, хотя Гвин, конечно же, отвела ему место впереди, галантно поклонился. Стивен О'Киф — единственный представитель родственников из Квинстауна — был в числе ближайших родственников невесты. Его послали вместо себя Флёретта и Рубен, чтобы не спровоцировать новый скандал, бойкотируя свадьбу. Флёретта ясно дала понять в своем письме, что, несмотря на свои искренние поздравления в адрес Куры и Уильяма, она ни в коем случае не хочет, чтобы Илейн присутствовала на празднике. «От нее осталась лишь бледная тень, хотя, кажется, наша дочь постепенно приходит в себя после того, как мистер Мартин отверг ее. К сожалению, в этом она винит исключительно себя. Вместо того чтобы злиться, Илейн терзает себя размышлениями о том, что она сделала не так и насколько она некрасива по сравнению с кузиной. Мы ни в коем случае не хотим, чтобы она увидела Куру в облике ослепительной невесты», — писала Флёретта.

Зато у Стивена были рождественские каникулы, и он добровольно отправился в Киворд-Стейшн. Несмотря на то что он был в курсе случившегося между Илейн и Курой из писем матери, молодой человек не воспринял случившееся всерьез. Приехав в Квинстаун, он буквально пришел в ужас из-за того, какой расстроенной и сломанной казалась его сестра. И он не мог упустить возможности познакомиться с обоими виновниками столь трагичной перемены.

— Если вы позволите... — Стивен с улыбкой поклонился Дженни Гринвуд и занял ее место за роскошным роялем, который успешно заменял здесь орган. Новенький инструмент был свадебным подарком Гвинейры своей внучке, хотя Джеймс недовольно ворчал: «Из-за него нам придется убрать половину мебели из салона!»

— А ты умеешь играть? — удивилась Гвинейра, вставшая со своего места, чтобы разобраться, в чем причина задержки.

Стивен улыбнулся.

— Я ведь внук Хелен О'Киф и вырос рядом с ее церковным органом. А этот смешной свадебный марш смог бы сыграть даже Джорджи.

И без дальнейших проволочек он извлек из рояля первые звуки, а затем спокойно сыграл произведение, даже с некоторой небрежностью. Жених и невеста тем временем подошли к импровизированному алтарю. Поскольку Стивен не знал песни для следующего выхода, он сыграл вместо нее весьма темпераментную «Amazing Grace», за что был вознагражден

веселым взглядом со стороны Джеймса МакКензи и суровым — от Гвинейры. Ведь текст песни «Какие сладкие звуки, спасающие такую бедняжку, как я» был не очень-то лестен по отношению к юной невесте.

Как бы там ни было, Стивен сыграл безупречно. Неуверенность была ему чужда. Дженнифер с благодарностью улыбалась ему из-под занавески волос.

— За это мне полагается первый танец, да? — прошептал ей Стивен, и Дженнифер снова покраснела, правда, на этот раз от радости.

Тем временем перед павильоном устроилась группа музыкантов из маори. Марама, мать Куры, присоединилась к ним и спела несколько традиционных песен. При этом каждый сразу понял, от кого девушка унаследовала свой чудесный голос: среди своего народа Марама была известной певицей. Впрочем, голос у нее был выше, чем у Куры, и имел почти эфирный тембр. Если добрые духи, которых призывала в своих песнях Марама, слышали ее, то они вряд ли сумели бы устоять перед ней, в этом Гвинейра не сомневалась. Гости тоже слушали ее как зачарованные.

И только Уильяму, похоже, представление тещи казалось скорее неуместным, несмотря на то что Марама была одета по-западному, да и остальные музыканты не надели экзотических нарядов и не выделялись татуировками. В общем, жених старательно пытался не замечать туземцев и, казалось, обрадовался, когда их музыкальное представление закончилось. Поздравления гостей порадовали его гораздо больше, хотя ему показалось несколько странным, что «овечьи бароны» поздравляли Гвинейру по меньшей мере столь же сердечно, сколь и новобрачных.

— Невероятно, как вам это удалось! — произнес лорд Баррингтон, пожимая ей руку. — Парень просто находка для Киворд-Стейшн, вы словно сами его испекли!

Гвинейра рассмеялась.

— Это не так, он сам такой получился, — потупившись, скромно ответила она.

— Вы действительно не приложили никаких усилий? Не напоили Куру приворотным зельем или чем-то в этом роде? — поинтересовалась Франсина Кендлер, повитуха из Холдона и одна из старейших подруг Гвин.

— Его пришлось бы заказывать у вас! — поддразнила ее Гвин. — Или вы полагаете, что колдунья маори приложила свою руку к тому, чтобы в Киворд-Стейшн появился наследник из Англии?

Тонга, конечно же, тоже пришел, причем не лишил себя удовольствия появиться в национальных одеждах и с регалиями вождя. Он с каменным

лицом наблюдал за церемонией, а затем, как и полагается, поздравил пару. Тонга великолепно говорил по-английски и умел отлично вести себя в обществе — если опускался до того, чтобы проявить свои манеры по отношению к *пакеха*. Он тоже был из лучших учеников Хелен О'Киф.

Остальные маори больше старались держаться в тени, даже Марама и ее супруг. Гвинейра с удовольствием отвела бы им более значимую роль, однако эти люди тонко чувствовали, что именно требуется от главных действующих лиц праздника. Впрочем, Куре, казалось, было безразлично все. Однако скептическое отношение Уильяма к племенам уже стало притчей во языцех. Поэтому Гвин была рада, когда за столом Джеймс, бегло говоривший на языке маори, присоединился к гостям из племени и завел с ними оживленный разговор. Он тоже чувствовал себя в обществе «овечьих баронов» и крайстчерчской знати не в своей тарелке. Он ведь просто «удачно женился» и не имел настоящих прав на землю, которую обрабатывал. Часть этих людей преследовала его в прошлом, когда он угонял скот. И встретиться в обществе было неприятно для обеих сторон.

— Я очень надеюсь, что она будет счастлива, — прошептала Марама своим певучим голосом. Она не возражала против Уильяма, но испытывала неловкость из-за его сегодняшнего поведения. — И верю, что он не помешает сам себе, как тогда Пол... — Марама любила Пола Уордена всей душой, но ее влияние на него всегда было весьма ограниченным.

— Как мне кажется, имя «Пол» что-то слишком часто всплывает в связи с этим Мартином, — мрачно заметил Тонга.

Джеймс только кивнул.

Уильям наслаждался своей свадьбой. Он был на седьмом небе от счастья. Конечно, были некоторые шероховатости вроде незапланированного выступления маори и крепкого рукопожатия наглого молодого человека, представлявшего семейство О'Киф.

— Наилучшие пожелания лично от моей сестры! — сказал Стивен и враждебно посмотрел Уильяму прямо в глаза. Он был первым молодым человеком, который, похоже, совершенно не отреагировал на красоту Куры. Несмотря на то, что она улыбнулась ему, Стивен поздравил ее так же холодно, как и Уильяма. А потом его игра на рояле. «Amazing Grace»... Ничего хуже он подобрать не мог.

Зато «овечьи бароны» приветствовали новичка в своем кругу весьма дружелюбно. Уильям с удовольствием пообщался с Баррингтоном и Ричлендом, был представлен Джорджу Гринвуду и надеялся, что сумел произвести хорошее впечатление. В общем же праздник прошел

удовлетворительно. Еда была изысканной, вина — первоклассными, шампанское лилось рекой — в этом отношении прислуга Гвин, похоже, была вышколена как следует. В остальном же поварахи и служанки-маори, равно как и странный мажордом Мауи, пожилой туземец, часто казались ему слишком самоуверенными. Но с ними он справится. Нужно будет поговорить на этот счет с Курой.

Тем временем прибыли музыканты из Крайстчерча и заиграли в парке танцевальную музыку. Согласно правилам, Уильям и Кура открыли бал вальсом. Впрочем, девушке праздник уже давно надоел.

— Когда же мы сможем уйти? — нетерпеливо прошептала она, так сильно прижимаясь к нему, что гости могли заметить. — Я жду не дождусь, когда мы останемся наедине...

Уильям улыбнулся.

— Держись, Кура. Еще пару часов придется потерпеть. Мы должны показать себя с лучшей стороны. Это важно. Мы ведь представляем Киворд-Стейшн...

Кура нахмурила лоб.

— Почему мы должны представлять эту ферму? Я думала, мы поедем в Европу.

Уильям элегантно развернул ее влево, чтобы получить время для размышления. О чем это она? Она ведь не думает на самом деле, что он сейчас...

— Всею свое время, Кура, — успокаивая юную жену, произнес он. — Пока что мы здесь, и я сгораю так же, как и ты.

По крайней мере это было правдой. Он уже предвкушал, как сегодня ночью овладеет Курой, не привлекая к себе осуждающих взглядов. Его возбуждало одно только прикосновение к ней во время танца.

— Мы останемся до фейерверка, а потом убежим. И с бабушкой твоей мы так договорились. Никому из нас не хочется слушать эти двусмысленные фразы, когда все прощаются с новобрачными.

— Ты обсуждал с бабушкой, когда мы пойдем в постель? — недовольно поинтересовалась Кура.

Уильям вздохнул. Он сходил с ума по Куре, но сегодня она вела себя как избалованный ребенок.

— Мы должны следовать этикету, — спокойно ответил он. — А теперь давай выпьем чего-нибудь. Если ты будешь продолжать тереться об меня, я возьму тебя прямо здесь, посреди танцплощадки.

Кура рассмеялась.

— Почему бы и нет? Маори были бы в восторге. Переспи со мной на

виду у всего племени! — И она прижалась к нему еще крепче.

Уильям энергично высвободился.

— Веди себя прилично, — прошептал он ей. — Я не хочу, чтобы эти люди шептались о нас.

Кура непонимающе посмотрела на него. Она *хотела*, чтобы люди шептались о них! Она хотела быть звездой, хотела, чтобы ее имя было у всех на устах. Ей нравилось, когда в европейских газетах писали о знаменитых певицах, таких, как Матильда Маркези, Дженни Линд или Аделина Патти. Когда-нибудь она тоже станет путешествовать по Европе, будет купаться в роскоши...

Она решительно обвила руками шею Уильяма и поцеловала его, несмотря на то что они стояли посреди танцевальной площадки. Это был долгий страстный поцелуй, не заметить который не мог никто.

— Она прекрасна, не правда ли? — то и дело повторяла Дженни Гринвуд.

На этот раз она обращалась к Стивену, который, как и обещал, пригласил ее на первый же танец. Увидев, как страстно Кура целует Уильяма, словно собираясь устроить первую брачную ночь прямо на танцплощадке, Стивен почувствовал, что его раздирает между весельем и недовольством. Жениху, похоже, поведение Куры было неприятно. Казалось, он готов был провалиться сквозь землю. Резко оттолкнув от себя юную жену, он обронил несколько рассерженных слов. Негармоничное начало брака.

— А еще говорят, что она очень красиво поет. Моя мать часто повторяет, что к колыбели некоторых людей приходили сразу все феи. — Создавалось впечатление, что Дженни даже не скрывает, что слегка завидует Куре.

Стивен рассмеялся.

— О Спящей красавице тоже так говорили, но, как оказалось, все получить невозможно. И я вовсе не нахожу ее красивой. По крайней мере мне гораздо больше нравится другая девушка на этом празднике.

Дженни покраснела, не осмеливаясь поднять взгляд.

— Ты врешь... — прошептала она.

Джордж Гринвуд представил Стивена своей жене и дочери после венчания как старшего сына Рубена, после чего Дженни и Стивен быстро перешли на «ты». В конце концов, в детстве они часто играли вместе, однако последний раз О'Кифы приезжали в Крайстчерч почти десять лет назад. Младшая сестра Дженни, Шарлотта, которая сейчас с любопытством

сновала вокруг них, тогда еще лежала в колыбели.

Стивен положил руку на сердце.

— Дженнифер, в важные для меня моменты жизни я никогда не вру... по крайней мере пока что не врал. Когда меня допустят к адвокатской практике, это может измениться. Но сегодня я честно и откровенно заявляю тебе, что вижу здесь даже нескольких девушек, которые красивее, чем Кура-маро-тини. Не спрашивай меня почему, я не смогу объяснить. Но этой девушке чего-то не хватает, чего-то очень важного. Кроме того, я не люблю, когда другим не дают возможности дышать. А ты некоторое время назад едва не лишилась чувств от одного только взгляда на нее.

Занавеска из волос Дженни слегка расступилась, когда она посмотрела на него.

— Может быть, ты хочешь потанцевать с другими девушками, которых находишь красивее, чем она?

Стивен рассмеялся, нежно убрал прядь волос с ее лба.

— Нет, только с той девушкой, которую считаю красивее всех.

Уильям понял, что два бокала шампанского, которые выпила Кура, полностью раскрепостили ее. Остудить ее пыл не смогла даже его нелюбезная реакция на поцелуй. Она не отпускала его руки. Но вот наконец-то запустили фейерверк, и Уильям перевел дух. Затем новобрачные попрощались с гостями и направились к дому. Кура шаловливо хихикала, когда они бежали к входу, и захотела, чтобы он перенес ее через порог. Уильям послушно поднял ее.

— Вверх по лестнице тоже? — спросил он.

— Да, пожалуйста! — смеясь, крикнула Кура.

Уильям торжественно поднимался с ней по изгибающейся лестнице, которая вела из салона на второй этаж. Там находились комнаты членов семьи, и Уильям был очень доволен договоренностью, что здесь в будущем будут находиться покои молодой четы Мартинов. Сначала Кура хотела остаться в своих комнатах. У нее была просторная спальня, гардеробная и «кабинет», где мисс Уитерспун давала ей уроки. Раньше в этих комнатах жил Лукас Уорден, первый муж Гвинейры. Если добавить к этому еще одну комнату для молодого супруга, этого вполне хватило бы, однако Уильям воспротивился.

— Ты наследница, Кура, и все здесь принадлежит тебе. Но ты довольствуешься комнатами, окна которых выходят на задний двор...

— Мне безразлично, куда выходят мои окна, — спокойно ответила Кура. — Все равно везде одна трава.

Последнее замечание послужило доказательством того, что она, судя по всему, в окно никогда не смотрит. Из комнат Куры видны были стойла и несколько огороженных выгонов, окна Гвинейры выходили в парк, но Уильям договорился о комнатах с видом на подъездную аллею.

— Эти комнаты были предназначены для владельца всего поместья. И они должны быть твоими. Ты могла бы даже поставить там рояль...

Анфилада комнат, о которой говорил Уильям, пустовала на протяжении вот уже шестнадцати лет. В них жил Джеральд Уорден, и Гвинейра никогда ничего там не трогала. Джеймса и подавно это не интересовало. Ему было достаточно спальни Гвинейры, собственной он никогда не требовал. Джек жил в бывшей детской Флёретты.

Гвинейра удивилась и заподозрила неладное, когда Кура потребовала перенести ее вещи.

— Вы что, хотите жить среди старой мебели? — спросила она. При мысли о том, что Кура собирается жить в комнатах Джеральда и, возможно, даже спать в его спальне, по спине у нее пробежал холодок.

— Кура может поставить новую мебель, — заявил Уильям, когда Кура ничего не ответила.

В принципе, ей было все равно, как обставлены комнаты, главное — чтобы все было дорогим и соответствовало последнему писку моды. Очевидно, она опасалась критики мисс Уитерспун и сразу же, чтобы предотвратить ее вероятные возражения, предоставила возможность практически полностью обставлять комнаты. Хизер тут же целиком растворилась в процессе, стала перелистывать каталоги в поисках понравившихся вещей и, не задумываясь о деньгах, выбирала все самое красивое. Уильям охотно поддерживал ее в этом, и они часто проводили целые вечера за обсуждением местной или импортной древесины — в итоге именно это оказалось главным при принятии решения полностью заказать всю обстановку из Англии. Расходы не пугали Гвинейру — казалось, Киворд-Стейшн купается в деньгах.

Теперь комнаты с недавно поклеенными обоями и новой мебелью полностью соответствовали вкусу Уильяма. Что касается Куры, то она равнодушно согласилась.

— Все равно мы будем жить здесь не так уж долго, — спокойно произнесла она, отчего у мисс Уитерспун едва не случился сердечный приступ.

Гувернантка тоже полагала, что вместе со свадьбой закончатся и далеко идущие планы Куры.

— Пусть моя невеста мечтает, она еще так юна, — терпеливо заметил

Уильям. — Когда у нее будет ребенок...

Мисс Хизер улыбнулась.

— Да, это верно, мистер Уильям. Но на самом деле это такое расточительство. У Куры восхитительный голос...

Уильям вынужден был признать ее правоту. Кура будет петь детям на ночь самые чудесные колыбельные.

Сейчас он перенес свою несколько вздорную молодую жену через порог их общей спальни. Конечно, у него и у нее были и свои комнаты. Спальня была выдержана в теплых свежих тонах, балдахин над кроватью и гардины были сшиты из тяжелого шелка. Уильям увидел, что кто-то постелил свежее белье, — здесь же стояла горничная Куры, готовая помочь ей раздеться.

— Нет, оставь это. — Тяжело дыша от возбуждения, Уильям отослал девушку-маори, потому что, подержав Куру в объятиях, он распалился еще сильнее.

Девушка, хихикая, удалилась. Уильям опустил жену на постель.

— Ты сама снимешь платье или...

— Какое платье? — Кура просто разорвала вырез. Она не стала мучиться с крючками и корсажем. Да и зачем? Все равно подвенечное платье она надевать больше не будет.

Уильям почувствовал, как нарастает возбуждение. Ее необузданность крушила все рамки приличий. Отбросив размышления, он тоже потянул нежную ткань, как можно скорее выбрался из брюк и, еще наполовину одетый, бросился на нее. Он целовал ее шею, верх груди, снимая корсаж, что получилось не так быстро, поскольку китовый ус упорно сопротивлялся. Но потом она наконец-то осталась голой и требовательно протянула руки к нему. В принципе, Уильям знал, что с девственницами нужно обращаться нежно, — дочери его арендаторов временами даже плакали, когда он с ними спал. Однако Куре было неведомо чувство стыда. Она хотела почувствовать его в себе и, судя по всему, прекрасно знала, что ее ждет. Это показалось Уильяму странным. По его мнению, женщина не должна быть такой жадной. Но потом он полностью отдался ее страсти, целовал ее, терся об нее и, наконец, ликуя, вошел в нее. Кура резко вскрикнула — Уильям не знал, от боли или от страсти, — затем громко застонала, когда он стал двигаться внутри нее. Она впивалась ногтями в его спину, словно хотела заставить Уильяма войти еще глубже. Наконец он взорвался в экстазе, в то время как Кура впилась зубами в его плечо и заплакала от наслаждения, чувствуя утоленное желание. Но вскоре она уже снова целовала его, требуя большего.

Ничего подобного с Уильямом никогда прежде не случилось, он никогда не думал, что такая страстность вообще возможна. А Кура тонула в невероятном потоке мелодий и чувств, и ни одна ария или любовная песня не вызывала у нее такого восторга. До сих пор музыка правила ее жизнью, и она знала, что гармония никуда не денется. Но это было сильнее, и она готова была сделать все, чтобы пережить подобное снова и снова. Броня равнодушия этой девушки треснула в первую брачную ночь, и Уильям дал Куре все, о чем она мечтала.

Джеймс МакКензи наблюдал за Гвинейрой, весело порхавшей от одного танцора к другому. Невероятно, что этому сгустку энергии скоро шестьдесят. Но сегодня Гвин чувствовала, что все ее желания исполнились, — причем совсем не так, как в тот день, когда Джеймс видел, как она танцует с Лукасом Уорденом. Семнадцатилетняя девушка вела себя церемонно, натянуто и очень нервничала перед первой брачной ночью, в которую тогда так ничего и не произошло. Гвинейра была еще девственницей, когда спустя добрый год она попросила Джеймса помочь ей зачать ребенка, наследника Киворд-Стейшн. Джеймс постарался изо всех сил, но линия Уорденов все-таки восторжествовала. И кто знает, что будет в итоге с этим Уильямом.

Внезапно Джеймс затосковал по Монди, своей собаке, которую оставил в конюшнях, — так же, как во время свадьбы с Лукасом Гвин оставила свою Клео. Он рассмеялся про себя, вспомнив о «собачьем представлении», которое Джеральд Уорден хотел устроить тогда в день свадьбы. Он купил в Уэльсе выводок бордер-колли, прирожденных пастушьих собак, и пожелал показать друзьям и соседям, как сильно эти животные могут повлиять на работу фермы. Лучшая, самая воспитанная собака принадлежала Гвинейре, но, конечно же, невеста не могла сама продемонстрировать собаку, вместо нее это должен был сделать Джеймс. Он никогда не забудет, как взволнованная Гвин стояла там в подвенечном платье и каким встревоженным стало ее лицо, когда она поняла, что Клео не слушается его приказов и что ей придется вмешаться. После этого она сама, в развевающейся фате, провела собаку через все задания. Он помнил счастливую улыбку, подаренную ему, улыбку, которую никогда не удавалось вызвать у нее Лукасу. Гораздо позже она отдала ему с собой в изгнание Пятницу, дочь Клео. А Монди, теперешняя собака Джеймса, была, соответственно, ее внучкой.

Джеймс встал и направился к конюшням. Гости обойдутся и без него, а шампанское все равно он не любит. Лучше пропустить пару стаканчиков

виски с Энди Мак-Эроном и другими скотоводами.

Путь к конюшням был подобен путешествию в прошлое. Над домом только что взорвался фейерверк, и Джеймс вспомнил, как когда-то в сочельник впервые танцевал с Гвинейрой. Сегодня молодые скотоводы тоже кружили девушек под импровизированную игру скрипки и гармонии, и здесь снова было веселее, чем на церемонном празднике в саду.

Джеймс с улыбкой заметил парочку, которая тоже, пожалуй, была не совсем на своем месте. Его внук Стивен с наслаждением танцевал джигу с Дженни Гринвуд. Маленькая Шарлотта попыталась уговорить Джека потанцевать, но он поспешно ретировался. Джеку было все равно, что играют — вальс или джигу, — танцы он считал глупостью.

Монди и еще несколько собак отбежали от старших скотоводов, сидевших у костра и пускавших по кругу флягу, и бросились к Джеймсу. Он поздоровался с четвероногими друзьями и взял флягу.

Мак-Эрон указал на сено, лежавшее рядом с ним.

— Вот, садись, если твой костюм это выдержит, — я тебя сегодня едва узнал.

Джеймс действительно впервые в жизни надел вечерний костюм.

— Гвин хотела, чтобы все было идеально, — ответил он, присаживаясь.

— Тогда на ее месте я поискал бы другого внучатого зятя, — усмехнулся Покер Ливингстон, еще один заслуженный пастух, с которым Джеймса соединяла давняя дружба. — Признаю, этот Мартин выглядит хорошо, но что из этого выйдет в конечном счете?

Джеймс знал, что Энди тоже настроен скептически. На протяжении своих недолгих шести недель помолвки Уильям время от времени помогал в Киворд-Стейшн, и у мужчин была возможность испытать его. Он произвел не самое лучшее впечатление, особенно во время стрижки овец, когда на счету действительно была каждая пара рук и нужно было выложиться на полную катушку. Как оказалось, Уильям Мартин никогда еще не стриг овец, что в обычной ситуации не представляло бы собой проблемы, если бы молодой человек не хвастался при каждом удобном случае тем, что он родом с овечьей фермы. С перегонем скота и умением обращаться с собаками, как выяснилось, Уильям тоже не был знаком и, судя по всему, учиться не собирался. Говоря о помощи, он, похоже, подразумевал «надзор». Но когда позже стало понятно, что он действительно внимателен и умело обращается с цифрами, добродушный Энди с готовностью передал ему контроль над загоном для стрижки овец № 3. К сожалению, Уильям не остановился на подсчете количества овец на

одного стригаля, его охватило тщеславие. Каждый год награждали лучшего стригаля, и, чтобы победить, Уильям изобрел несколько странных идей для сокращения рабочего процесса. Однако чаще всего его предложения были далеки от практики, особенно раздражало вмешательство Уильяма в работу стригалей, которые резко реагировали на всякую критику. Лучшие стригали считали себя элитой среди рабочих Новой Зеландии и вели себя соответственно. Энди, Джеймсу и в конце концов даже Гвинейре пришлось снова успокаивать работников и улаживать конфликт — все это были не очень хорошие предзнаменования для дальнейшей работы Уильяма в поместье.

— Все могло быть еще хуже, — спокойно заметил Энди, делая большой глоток виски. — Слушайте, парни, вам не кажется, что сегодня время обернулось вспять? У меня такое впечатление, будто все происходит так же, как и в тот день, когда мисс Гвин выходила замуж за мистера Лукаса, этого свистуна... — Он передал флягу Покеру.

— Ай, да ладно тебе, новый ничем не лучше... — сказал Покер, которому Уильям действительно проиграл.

Джеймс задумался и сделал очередной глоток виски, который, однако, ему не помог, и его заключительная речь получилась довольно неуверенной:

— Если... вы спросите меня, оба... они свистуны. Лукас Уорден... он свистел очень тихо, скорее как... как свисток для собак... никто не слышал. Но этот... хоть Гвин и слушать не хочет... этот свистит очень громко и резко. В конце концов об этом будут свистеть все скворцы!

Глава 2

Рубен О'Киф пребывал в дурном расположении духа, и Флёретта не стала ехать в город, а на протяжении нескольких последующих дней решила заняться неотложными домашними делами. Впрочем, это не имело никакого отношения к тому, что в этот день в далекой Киворд-Стейшн праздновали свадьбу Куры и Уильяма Мартина. Рубен давным-давно забыл о молодом человеке, поскольку он был совсем не злопамятен. В принципе, его терпимость к ближним своим имела одно исключение: Джон Сайдблоссом с Лайонел-Стейшн. Именно он сейчас опять приехал в Квинстаун в сопровождении своего сына. Хелен сдала им обоим комнату, за что Рубен на нее неожиданно обиделся.

— Не будь ребенком! — решительно заявила его мать. — Конечно, этот парень не джентльмен, хоть изо всех сил и делает вид. Но не могу же я отказать ему под предлогом того, что двадцать лет назад он ухаживал за моей невесткой...

— Он пытался изнасиловать ее! — возмущенно воскликнул Рубен.

— Без сомнения, он зашел слишком далеко, но это было давно. И Джеральд Уорден поддерживал его в безумной уверенности, что она станет для него идеальной женой.

— А МакКензи? Ты хочешь простить ему и то, что он сцапал Джеймса?

В то время Сайдблоссом был предводителем отряда, который вел бесплодные многолетние поиски угонщика скота МакКензи.

— Его нельзя в этом обвинять! — заметила Хелен. — Он был не единственным, кому надоели эти кражи, да и Джеймс тогда... тоже не сказать, что покрыл себя славой... несмотря на то, что сейчас все делают вид, будто он был Робинотом Гудом во плоти! Поведение во время задержания — это другое дело, тут Сайдблоссом повел себя совершенно недопустимо. Но в том случае это было и хорошо, иначе они бы, возможно, поймали и Флёретту, и тогда сейчас не было бы никакого универсама «О'Кей».

Рубен не любил об этом задумываться, однако мать действительно была права: начальный капитал для открытия своего дела им принесла разбойничья деятельность МакКензи. Флёретта была вместе с отцом, когда Сайдблоссом поймал его, однако во всеобщей суматохе сумела сбежать.

— Ты говоришь так, словно я должен быть благодарен

Сайдблоссому, — желчно произнес Рубен.

— Просто будь вежлив, — рассмеялась Хелен. — Относись к нему, как к любому другому клиенту. Через несколько дней он снова уедет, и вскоре ты забудешь о нем. Кроме того, ты каждый раз неплохо зарабатываешь на нем, так что не жалуйся.

И в самом деле, Сайдблоссом приезжал в Квинстаун не чаще двух-трех раз в год; у него были дела с одним из местных фермеров. И каждый раз он пользовался возможностью скупить почти весь универмаг «О'Кей», причем в последнее время он заказывал также ткани и дорогую мебель, поскольку недавно женился на молодой женщине. Его жене Зои едва ли исполнилось двадцать, она была дочерью золотоискателя с Западного побережья, которому удалось быстро разбогатеть и так же быстро потерять деньги, потому что он неправильно вложил их. В Квинстауне болтали, что девушка была очаровательной, но очень избалованной и замкнутой в общении, — но при этом до сих пор почти никто не видел ее. Лайонел-Стейшн, ферма Сайдблоссонов, находилась в очень красивом месте, однако слишком далеко от других поселений на западной оконечности озера Пукаки. До Квинстауна им приходилось много дней скакать верхом; и молодой женщине, похоже, казалось излишне трудным сопровождать супруга в этих поездках. Конечно, женское население в первую очередь задавалось вопросом, что делает такая молодая особа, будучи там совсем одна. Однако это было не настолько важно, чтобы женщины Квинстауна стали подвергать себя тяготам пути, дабы нанести визит вежливости на отдаленную ферму.

— Ты сегодня не взял с собой Лейни? — наконец сменила тему Хелен. — Похоже, и Флёретта спряталась? Нам обоим не помешала бы помощь, ты не находишь? Близняшки ведь не могут поспевать везде... Как тут не пожалеть, что у нас не тройняшки!

Лори и Мэри по необходимости работали как у Хелен горничными, так и продавщицами в универмаге «О'Кей».

Рубен рассмеялся.

— Вот это получилась бы полнейшая путаница. Еще одна совершенно такая же блондинка, имя которой заканчивается на «и»! Но ты права, Илейн бы мне пригодилась. Вот только во Флёр просыпается насадка, как только Сайдблоссом въезжает в город. Она с удовольствием завесила бы свою Лейни тряпками, а еще лучше — вообще не выпускала бы из дома. А ведь девочка и без того стала слишком робкой и одевается как серая мышка. Сайдблоссом не удостоил бы ее второго взгляда.

Хелен закатила глаза.

— Это не считая того, что этому человеку уже за шестьдесят. Хоть он и хорошо сохранился, но уж точно не тот человек, который набросится на девушку прямо за стойкой администратора.

Рубен рассмеялся.

— Флёр готова ожидать от него чего угодно. Но, может быть, Лейни придет ближе к вечеру. Ей, должно быть, уже тесновато дома. И на пианино она уже играть не хочет... — Он тяжело вздохнул.

Хелен помрачнела.

— Я хоть и мирный человек, но этому Уильяму Мартину хочется пожелать всего наилучшего! Лейни была таким веселым, счастливым созданием...

— Она справится, — заявил Рубен. — А что касается «всего наилучшего», то, по мнению Джорджа, оно у него уже есть. Он считает брак с Курой Уорден худшим, что может случиться с человеком. Возможно, мне стоит начать переживать за него?

Хелен рассмеялась.

— Должна сказать, что Джордж иногда бывает удивительно наблюдательным. Будем надеяться, что, достигнув брачного возраста, он научится чувствовать внутреннюю сущность человека. Пришли ко мне Лейни, если она придет, ладно? Пусть посидит в приемной, а я тем временем позабочусь о еде. Оба Сайдблоссома будут обедать, не могу же я подать овощной суп...

И действительно, после полудня Илейн появилась в городе. Она съездила на овечью ферму, чтобы потренировать Келли. Бордер-колли нужно было набираться опыта в работе с овцами, а поскольку в поместье «Слиток» пока что не было шерстоносных животных, Илейн поехала к Стеферсам. В принципе, Флёретта этого не одобряла. Стеферсы, немецкие переселенцы, были замкнутыми людьми, они редко показывались в Квинстауне и почти ни с кем не поддерживали связей. Мистер и миссис Стеферс были людьми среднего возраста, и Флёретта считала, что женщина производит впечатление несчастного и удрученного человека. Илейн ничего не могла сказать на этот счет. Она практически никогда не встречалась с владельцами фермы, общалась в основном с их загонщиками. Которые, опять же, были в основном из маори.

На ферме в последние недели поселилось племя, относившееся к Илейн с обычным дружелюбием, отличающим этот народ, а к Келли — со спокойным прагматизмом. Девушка и собака никому не мешали, даже помогали, поэтому Илейн часто приглашали поесть с ними или принять

участие в празднике племени, а иногда давали им с собой в подарок для матери рыбу со сладким картофелем. После происшествия с Уильямом Илейн предпочитала проводить время с маори, а не со своими ровесниками в городе, что начинало тревожить Флёретту. Она сама выросла в окружении маори, идеально говорила на их языке и иногда даже ездила вместе с Илейн к ее новым друзьям, чтобы освежить свои знания. С тех пор маори стали чаще приходить в город и делать покупки в универмаге «О'Кей», что, опять же, вызывало недовольство у мистера Стеферса. «С недавнего времени маори стали просить больше денег», — пожаловался он во время одного из своих редких визитов в Квинстаун. Раньше они платили загонщикам и горничным продуктами и при этом сильно обсчитывали маори.

Впрочем, сегодня у маори в Стеферс-Стейшн делать было особо нечего, хуже того, одна из девушек племени по секрету рассказала Илейн, что они планируют уходить. Ведь овец Стеферсов перегнали на лето на высокогорья, а мистер Стеферс жаден; он дает им работу не каждый день, а когда больше всего нуждается в их помощи. Поэтому племени придется уйти на несколько месяцев, удить рыбу и охотиться в горах, и вернутся они уже только осенью, когда надо будет перегнать овец. Такова была традиция маори, и, похоже, они даже радовались этому. А вот Илейн и Келли предстояло безрадостное лето.

Теперь девушка срочно искала для себя занятие; именно в этот день она ни в коем случае не хотела предаваться размышлениям. Ведь сегодня свадьба... В какой-то степени со стороны матери было довольно трогательно не говорить ей точной даты, но, конечно же, Илейн все равно все выяснила. Было уже даже не так больно. Если бы она вела себя разумно, то никогда не стала бы лелеять какие бы то ни было надежды. В сравнении с такой девушкой, как Кура, она могла только проиграть.

Погрузившись в печальные размышления, Илейн поставила Баньши в бабушкину конюшню и, к своему удивлению, обнаружила там двух чужих коней, одного прекраснее другого! Оба были вороными, один мерин, второй жеребец, что было довольно-таки необычно. Большинство фермеров, даже самые богатые «овечьи бароны», предпочитали кобыл и мерин, которые были более практичными в обиходе. Впрочем, этот роскошный парень, похоже, был отлично воспитан. Он практически не задрожал, когда Илейн провела мимо него Баньши. Кобылка все равно была уже покрыта; скоро у нее будет жеребенок от Оуэна.

Мерин, без сомнения, арабского происхождения и практически не уступал жеребцу по красоте, — наверное, он был его сыном или братом. Маловероятно, чтобы кто-то сумел купить по отдельности двух таких

похожих животных. Значит, два всадника, которые путешествуют вместе? Илейн стало любопытно. Нужно будет спросить бабушку Хелен.

Илейн пошла по прямой дорожке от конюшни к дому и отряхнула с одежды пыль и конский волос, прежде чем войти в дом. Переодеваться она не будет. Где бы ни пришлось помогать — в кухне или в магазине, — она не собиралась производить впечатление. Волосы тоже были небрежно собраны в пучок на затылке. Как и прежде, Илейн практически не следила за внешностью.

За стойкой администратора сидела одна из близняшек и, судя по всему, скучала, пытаясь вести приходную книгу.

— О, привет, мисс Лейни! И Келли! — Светловолосая женщина одарила Илейн своей сияющей улыбкой и погладила собаку, которая тут же, виляя хвостом, запрыгала вокруг нее.

Илейн была уверена, что Келли различает близняшек. Самой ей все еще приходилось угадывать. Посмотрим... Бабушка говорит, Мэри более общительная. Значит, скорее за стойкой администратора сидит она, а Лори готовит...

— Привет, Мэри! — наудачу выпалила она.

Близняшка захихикала.

— Лори. Мэри помогает в магазине. А у нас сегодня стооолько дел! У мисс Хелен много постояльцев, нужно готовить. Но теперь вы здесь. Мисс Хелен сказала, что вы должны взять на себя приемную, а я пойду на кухню...

Это Илейн не понравилось. Ей уже не очень хотелось сидеть за стойкой администратора; с другой стороны, одна она в кухне не справится. Она ведь даже не знает, что собирается подавать Хелен. Поэтому она послушно заняла место Лори. Келли последовала за Лори на кухню, где ей наверняка перепадет лакомый кусочек.

В любом случае здесь Илейн могла удовлетворить свое любопытство. Новые постояльцы должны ведь вписать себя в книгу, так что она быстро сумеет выяснить, кому принадлежат те лошади, что стоят в конюшне...

Джон и Томас Сайдблоссом.

Илейн едва не расхохоталась. Если бы ее мать знала, что она угодила прямо в логово льва! Она знала старую историю о Джоне Сайдблоссоме и своей семье, но относилась ко всему этому не особенно серьезно. Как бы там ни было, это произошло двадцать лет назад — для юной Илейн минула целая вечность. Впрочем, для Флёретты это не было поводом, чтобы перестать волноваться. Однажды Илейн видела Сайдблоссоме издали и не нашла в его внешности ничего пугающего. Высокий мускулистый

человек с выдубленной ветром кожей и довольно длинными, когда-то темными волосами, в которых уже поселилась седина. Прическа несколько необычна, но в остальном... Мать Илейн любила говорить о «холодном взгляде», но настолько близко Илейн никогда к нему не подходила. А Флёретта за последние двадцать лет и подавно. Она всегда пряталась в поместье «Слиток», стоило ей услышать о предполагаемом визите Сайдблоссома.

Илейн слышала шаги в пристройке, похожей на террасу, и замерла. Больше всего девушке хотелось стать невидимой, но ей нужно было улыбаться и приветствовать постояльцев. Она опустила взгляд, когда красивая яркая музыка ветра, издаваемая колокольчиком, который Хелен повесила у входа в пансион, возвестила о прибытии гостей.

— Добрый вечер, мисс Лейни! Как радостно вас снова здесь видеть!

Слава богу, это всего лишь мистер Диппс, старший из двух банковских служащих. Илейн кивнула ему.

— Вы сегодня рано, мистер Диппс, — заметила она и стала искать его ключ.

— Потом мне нужно будет еще вернуться в банк. Мистер Стеферс хочет поговорить о кредите, а в рабочее время он приехать не может, поскольку должен заботиться о своем скоте. Сам виноват, что не нанимает людей на весь год. А теперь жалуется, что его маори уходят. Что ж, в любом случае я решил, что раз потом придется засидеться, то лучше сейчас уйти пораньше. Может быть, мне удастся сходить в баню, мисс Лейни? Или это очень тяжело устроить?

Илейн пожала плечами.

— Я могу спросить Лори, но сегодня у близняшек полно работы, хотя вполне допускаю, что печи натоплены. У нас новые постояльцы, и, возможно, они тоже захотят сходить в баню.

Она быстро выбежала в кухню и почти с завистью поглядела на строгающую морковь Лори. Она предпочла бы спрятаться здесь, вместо того чтобы встретиться с этим Сайдблоссомом. С другой стороны, ей несколько любопытно...

Лори подняла голову, оторвавшись от работы, и слегка задумалась.

— Баня? М-м-м, мы топили, да. Но хватит ли воды на троих? Пусть мистер Диппс будет поэкономнее. Раз уж он банкир, думаю, у него получится.

Мистер Диппс услышал замечание — Илейн забыла закрыть дверь — и довольно улыбнулся.

— Я постараюсь сделать честь своему банку. Если нет, я лично

принесу наверх пару ведер, обещаю. Ключи у вас, мисс Лейни?

Илейн принялась искать ключи от бани, когда услышала новый звонок музыки ветра. В следующее мгновение, когда девушка наконец нашла ключ в ящике стола и обернулась к мистеру Диппсу, она оказалась лицом к лицу с новым гостем. Высокий темноволосый мужчина стоял за спиной банкира и неотрывно смотрел на Илейн бездонными карими глазами.

Его внезапное появление почти до смерти напугало ее, девушка потупилась и покраснела. И в то же время внутри у нее проснулась злость на саму себя. Здесь нельзя так себя вести! Этот человек примет ее за безнадежно тупую гусыню. Она заставила себя поднять глаза.

— Добрый вечер, сэр. Что я могу для вас сделать?

Мужчина окинул ее взглядом, а затем одарил приветливой улыбкой. Он был очень высоким, атлетического телосложения, с резко очерченным, почти угловатым лицом. Вьющиеся волосы были аккуратно зачесаны, как будто он только что пришел с деловой встречи

— Томас Сайдблоссом. Мой ключ, пожалуйста. И ключ от бани, мы заказывали.

Мистер Диппс улыбнулся, словно извиняясь.

— Он как раз у меня. Если я могу предложить свои услуги в качестве проводника, то нам не нужно будет тревожить мисс Лори.

— Я... я могу позвать слугу, если нужно будет больше воды, — пролепетала Илейн.

— Думаю, мы справимся, — коротко ответил Сайдблоссом. — Спасибо, мисс Лори.

— Нет, я хочу сказать, большое спасибо, но я... я не Лори... — Теперь Илейн смотрела на молодого человека более открыто, радуясь его улыбке, благодаря которой черты его лица казались мягче.

— А как же тогда вас зовут? — оживившись, поинтересовался он. Похоже, парень не обижался на ее лепет.

— Илейн.

Томас Сайдблоссом не имел особого опыта в обхождении с девушками-*накеха*. В окрестностях фермы, на которой он вырос, их просто-напросто не было, а во время путешествий он общался лишь с парой шлюх. Впрочем, они его практически не удовлетворили. Когда Томас со страстью думал о женщине, ему скорее представлялось коричневое широкобедрое тело, чем светлокжее создание. Волосы должны быть прямыми и черными, достаточно длинными, чтобы их можно было намотать на палец или взять в руку как поводья. Он отогнал от себя видение покорности —

запрокинутую голову, открытый в крике рот. Отогнал от себя мысль об Эмере. Этому здесь нет места. Потому что хоть у него и не было опыта общения с приличными девушками-*накеха*, даже наглые мерзавки из публичных домов дали ему понять, что он и близко не может ожидать от них того, что делала для его отца Эмере.

Значит, если он хочет жениться, нужно идти на компромисс. А от женитьбы никуда не уйти: Томасу Сайдблоссому необходим наследник. Он ни в коем случае не имеет права рисковать, ведь отец может зачать с новой женой соперника для него. Не считая того, что он уже едва сдерживался. Все эти женщины в доме, принадлежащие Джону Сайдблоссому... или же были табу, потому что... нет, об этом Томас тоже не должен думать. Для него было ясно одно: нужна женщина лично для него, которая будет принадлежать ему и которая никогда и никому не принадлежала прежде. Это должна быть подходящая девушка из хорошей семьи. Но только не хихикающее, самоуверенное создание из тех, что ему то и дело с надеждой представляли деловые партнеры. Дочери этих «овечьих баронов» или банкиров часто были красивы. Но их манера оценивающе, почти жадно осматривать его, их откровенные разговоры, возмутительная манера одеваться... Все это отталкивало Томаса.

Вот почему его заинтересовала эта хрупкая рыжеволосая девушка за стойкой администратора, историю которой, похоже, теперь собирался рассказать ему мистер Диппс. В бане банкир разговорился. Он оказался человеком словоохотливым, а маленькая Илейн была прекрасным поводом для сплетен, что, конечно же, сразу же выводило ее из игры, с точки зрения Томаса. Жаль, однако похоже, эту девушку уже нельзя считать нетронутой.

— Этот парень разбил Илейн сердце, — с искренним сочувствием рассказывал Диппс о взаимоотношениях Илейн и Уильяма Мартина. — Но та малышка, с которой он обманул ее, конечно, совершенно другого калибра. С ней и тягаться некому. Принцесса маори.

Последнее Томаса мало интересовало. О девушке-маори в роли хозяйки Лайонел-Стейшн не может быть и речи. Зато Илейн произвела на него хорошее впечатление. Такая милая и робкая, в простом закрытом платье для верховой езды. При этом хорошо сложена, с длинными шелковистыми волосами... обтянутые шелком поводья... На секунду Томас позволил себе вообразить, как рыжеволосая занимает место Эмере.

Но, тем не менее, после откровений Диппса он не удостоил бы девушку второго взгляда, если бы его отец тоже не упомянул Илейн.

— Ты видел ту рыженькую за стойкой администратора? —

осведомился Джон Сайдблоссом, когда позже мужчины вошли в свою комнату.

Томас только что пришел из бани и переодевался, а Джон как раз вернулся после очередных переговоров с Германом Стеферсом. Переговоры прошли хорошо; этот человек согласился купить целую отару лучших овцематок и по уши влезть в долги. Тем не менее для него это тоже могло стать хорошей сделкой, если он будет как следует заниматься животноводством и не станет экономить не на тех вещах. В принципе, Сайдблоссом не отказался бы продать ему еще и парочку баранов, но упрямый немец заявил, что они ему не нужны. Сам виноват, если впоследствии окажется, что молодняк не соответствует ожиданиям.

Томас безразлично кивнул, несмотря на то что перед его внутренним взором снова возникла желанная картинка.

— Да, я уже познакомился с малышкой. Ее зовут Илейн. Но это использованный товар. Говорят, у нее что-то было с англичанином.

Джон рассмеялся, но это был смех хищника, не сердечный мужской смех, с которым он обычно рассказывал о своих похождениях по различным борделям на Западном побережье.

— Она — использованный товар? Кто это тебе сказал? Да, возможно, эта девушка была влюблена, но она же гимназистка, Том. Она не пойдет в постель со всяким встречным.

— Я уже слышал, что она родственница владелицы отеля, — заметил Томас. — И у нее тоже рыжие волосы... хотя она ведет себя не так, как обычно ведут себя те, кто вырос при пабе.

Сайдблоссом расхохотался еще громче.

— Ты думаешь, что она родственница Дафны О'Рурк? Мадам? Невероятно! Куда подевалось твое чувство стиля, мальчик? Нет, нет, рыжие волосы — наследство Уорденов. Это у нее от легендарной миссис Гвин.

— Гвинейры Уорден? — оживился Томас, застегивая жилет своего костюма-тройки. — С Киворд-Стейшн? Которая сейчас замужем за тем угонщиком скота?

— Именно. И она же точная копия своей матери и бабушки. Только, похоже, помягче. Флёретта не лезла за словом в карман, а уж старушка Гвин и подавно! Но потрясающая женщина, обе потрясающие! Так что присмотришься к малышке внимательнее. Тем более что у меня с этой семьей старые счеты...

Томас не был уверен, хочет ли он помочь отцу получить по счетам. Но то, что он услышал о семье Илейн, заинтересовало его: он был наслышан о

своем отце и Флёретте Уорден; об этом многие годы говорили во всей округе. Единственная женщина, воспротивившаяся Джону Сайдблоссому. После громкой помолвки исчезла под покровом ночи, а потом объявилась в Квинстауне уже замужней женщиной — попробовал бы кто повторить успех Флёретты. Эта девушка, Илейн, явно ничего подобного не устроит. Тем лучше. Интерес Томаса Сайдблоссоба и его охотничий инстинкт вспыхнули с новой силой.

Как бы там ни было, в этот вечер он воздержался от запланированного визита к Дафне. Что подумают, если сегодня он будет развлекаться со шлюхой, а на следующий день начнет ухаживать за девушкой из хорошей семьи? Однако его надежды повстречаться с Илейн за столом хозяйки пансиона не оправдались. Девушка уже уехала домой. Кроме того, он узнал, что она не наемная работница, а внучка Хелен. Вот откуда это недоразумение относительно родственных связей с Дафной!

— Илейн — очень милая девушка, но ее нужно разговорить, — поведала Хелен. — Она очень расстроилась из-за того, что так смущенно вела себя за стойкой администратора. Она опасается, что вы сочли ее совершенной глупышкой.

Хелен, которая в открытую обсуждала Лейни с Сайдблоссобами, было немного не по себе. С другой стороны, похоже, этот молодой человек хорошо воспитан, приветлив и предупредителен. Он очень вежливо интересовался Илейн и выглядел по меньшей мере так же хорошо, как Уильям Мартин. А еще он богат! Может быть, Илейн отгадет, если за ней станет ухаживать другой видный мужчина? Главное — чтобы не всерьез. Лишь несколько доброжелательных разговоров, немного восхищения в темных глазах молодого человека — взгляд Томаса Сайдблоссоба был не таким резким и колючим, как у отца, скорее мечтательным, — и, может быть, Илейн снова расцветет? Девочка так красива! Самое время, чтобы кто-нибудь напомнил ей об этом!

— В принципе, мне кажется очень милым, если молодая девушка ведет себя немного... хм... сдержанно, — произнес Томас. — Мисс Илейн очень понравилась мне. Если бы вы передали ей это...

Хелен улыбнулась. Ну вот, Илейн наверняка скоро будет снова краснеть от радости, а не от недостатка уверенности.

— Надеюсь, мне снова удастся встретиться с ней здесь и поговорить немного больше. — Томас Сайдблоссоб тоже улыбнулся.

Хелен показалось, что нужные вехи расставлены.

Глава 3

Томас вскоре встретился с Илейн в магазине ее отца, где он выбирал ткань для своих новых костюмов. В Квинстауне были отличные портные, как заметил его отец. И за работу брали гораздо меньше, чем их коллеги в Данидине. Если задуматься, совершенно нет никакого повода отправляться в долгое путешествие в Данидин из-за всякой мелочи. Выбор в Квинстауне ему очень понравился во всех отношениях. К тому же ткани для костюмов, имевшиеся в наличии у Рубена, были не только хорошего качества, но и продемонстрированы самыми нежными ручками.

Илейн как раз укладывала на полку рулоны, когда Томас вошел в отдел текстиля. Его отец тем временем беседовал с Рубеном О'Кифом. Тем лучше, поскольку Томасу хотелось увидеться с девушкой наедине.

Заметив его, Илейн стала пунцовой. Но, на взгляд Томаса, это было ей к лицу. Кроме того, ему нравились и робость, и страх в ее глазах. Кстати, чудесные глаза, блестящие, как море на солнце, с оттенком зелени. Кроме того, на ней снова было платье для верховой езды, как и вчера. Что ж, в тщеславии ее совершенно нельзя упрекнуть.

— Доброе утро, мисс Илейн. Видите, я запомнил ваше имя.

— У меня... у меня ведь нет сестры-близняшки... — Глупое замечание вырвалось наружу прежде, чем Илейн успела придумать что-либо более подходящее. Однако Сайдблоссом, похоже, развеселился.

— Какое счастье! Мне кажется, вы уникальны! — галантно ответил он. — Вы не покажете мне кое-какие ткани, мисс Илейн? Мне нужно два костюма. Что-нибудь дорогое, но неброское. Чтобы годилось для похода в банк, для формальных вечеров — точнее говоря, для собрания животноводов в Данидине.

Еще пару месяцев назад Илейн кокетливо возразила бы, что животноводы скорее носят кожаные куртки и бриджи. Но сейчас она не нашлась что ответить. Вместо этого она смущенно уронила волосы на лицо; сегодня она распустила их, и за ними можно было неплохо спрятаться. Когда она опускала голову, никто не мог видеть ее лица, но и она тоже не могла толком видеть ничего вокруг.

Томас с улыбкой наблюдал, как она касается пальцами тканей, которые были представлены здесь в ассортименте. Она действительно очень мила. И внизу она тоже должна быть рыжей. У Томаса уже как-то была рыжая шляха, но волосы у нее на лобке оказались светло-русыми. Это разозлило

его. Он терпеть не мог, когда его обманывают.

— Вот, есть коричневые оттенки, — предложила Илейн.

«Так подходит к его глазам», — подумала она, но не осмелилась произнести это вслух. В любом случае это подойдет ему больше, чем серый костюм, который он надел сегодня. У него красивые глаза, в них есть что-то загадочное, что-то тайное...

Илейн положила перед ним рулоны ткани.

— Какую бы выбрали вы, мисс Илейн? — приветливо поинтересовался он. У него был низкий голос, даже с некоторой хрипотцой, не такой светлый тенор, как у Уильяма.

— О, я... — Удивленная вопросом Томаса, она снова смутилась, но все же показала на коричневую ткань.

— Хорошо, тогда я беру ее. Портной обратится к вам, когда снимет мерки. Большое спасибо за совет, мисс Илейн.

Томас Сайдблоссом направился к выходу. И вдруг Илейн захотелось его задержать.

Почему бы просто что-нибудь не сказать? До истории с Уильямом ей всегда легко удавалось заводить разговоры с людьми! Илейн открыла рот, но не смогла заставить себя произнести и звука.

Внезапно Сайдблоссом обернулся.

— Я бы хотел увидеться с вами снова, мисс Илейн. Ваша бабушка сказала мне, что вы ездите верхом. Вы не прокатитесь со мной?

Илейн не стала говорить родителям о назначенной встрече с Томасом Сайдблоссомом. Не только потому, что знала, как относится ее мать к его отцу, — больше всего она боялась нового отказа. Никто не должен знать о том, что еще один мужчина заинтересовался Илейн О'Киф! Поэтому она быстро направила Баньши к городу, и Сайдблоссом оправдал ее надежды — он вел себя как истинный джентльмен. Жителям города могло показаться случайностью, что его вороной и сивая кобылка Илейн покинули конюшни пансиона Хелен одновременно, кроме того, то, что всадники обменялись при этом парой слов, было совершенно нормально. И только Дафна проводила Илейн и Томаса испытующим взглядом. Ее было не так-то легко обмануть. Она видела интерес как в его, так и в ее глазах. И все это Дафне не понравилось.

Как оказалось, Томасу принадлежал мерин, а вороной жеребец — его отцу. И действительно, кони тоже оказались отцом и сыном.

— Как-то мой отец купил в Данидине арабского жеребца, — сказал

Томас. — Фантастический конь. С тех пор он их разводит. У него всегда есть вороной жеребец. Хазан уже третий. А моего коня зовут Хол.

Илейн представила свою Баньши, но не стала обрушивать на Томаса — как когда-то на Уильяма — поток слов о том, как ее бабушка Гвинеира разводит валлийских кобов. Как и прежде, в присутствии Томаса она не могла выдавить из себя ни слова. Однако ему это, похоже, не мешало. Может быть, она отпугнула Уильяма своей болтовней? Илейн вдруг стало жарко от осознания, что Кура почти на каждый вопрос отвечала только «да» или «нет». Наверное, нужно быть еще более сдержанной.

Поэтому она молча скакала рядом с Томасом, который, однако, без проблем поддерживал разговор самостоятельно. При этом он задавал своей спутнице очень заинтересованные и приличные вопросы. Илейн отвечала «да» и «нет», насколько это было возможно. В остальных случаях отделялась короткими замечаниями и пряталась за волосами. В принципе, на протяжении всей прогулки она лишь один раз не удержалась, предложив поскакать наперегонки, когда они выехали на длинную прямую дорогу. Но тут же пожалела об этом. Уильяму никогда не нравились такие скачки, а когда она настаивала, он ужасно сердился. Однако Томас повел себя иначе. Похоже, ему даже пришлось по душе эта идея, и он на полном серьезе поставил своего коня рядом с кобылкой Илейн, предоставив ей возможность скомандовать старт. Конечно же, арабский скакун Хол без труда обогнал Баньши. Смеясь, Илейн достигла цели, отставая от него на целых три корпуса.

— Она стельная, — извинилась она за кобылку.

Томас спокойно кивнул, не выказывая особого интереса.

— За этим и нужны кобылы. Но вы отчаянная наездница.

Илейн расценила это как комплимент. Когда позже они возвращались обратно, впервые после предательства Уильяма она подняла голову и позволила волосам развеяться на ветру.

Рубен ворчал, а Флёретта продолжала заниматься домашними обязанностями, когда Сайдблоссомы сообщили, что хотят продлить свое пребывание в Квинстауне. Об отношениях, развивающихся между Томасом и Илейн, догадывалась только Хелен, от которой частые встречи этих двоих не укрылись точно так же, как и первые перемены в поведении Илейн. Конечно, ее терзали угрызения совести, поскольку она слишком увлеклась таинственностью. С другой стороны, Илейн снова начала смеяться, оказалось, что у нее есть и более красивая одежда, а ее глаза опять засияли. То, что она, разговаривая с Томасом, как и прежде, опускала голову и

взвешивала каждое слово, не показалось Хелен важным. В ее время в Англии так скромно вели себя все девушки; откровенное поведение Илейн в отношении Уильяма прежде расценивалось ею как отталкивающее. Кроме того, сравнивая Томаса Сайдблоссомы с Уильямом, Хелен делала выводы в пользу первого. Конечно, Уильям был обаятелен и красноречив, но быстро начинал обижаться и отличался излишней импульсивностью. Во время застольных разговоров с ним Хелен всегда чувствовала себя так, словно сидела на пороховой бочке. Зато Томас был сдержан и вежлив, джентльмен с ног до головы. Отправляясь на верховую прогулку с Илейн, он держал поводья ее лошади; во время воскресного похода в церковь, к которому, словно это было само собой разумеющимся, присоединились Сайдблоссомы, он перекинулся с девушкой лишь парой слов, и даже Флёретта не обратила внимания на их дружеские взаимоотношения. Впрочем, Флёр была занята тем, чтобы казаться как можно более незаметной. Рубен и Флёретта О'Киф даже близко к Сайдблоссомам не подошли. Соответственно, оба удивились, когда по окончании общинного пикника Томас пригласил Илейн прокатиться на лодке. Как обычно, находчивый союз меценатов, собиравший деньги на строительство новой церкви, сдавал лодки влюбленным парочкам.

— Я познакомился с вашей дочерью в пансионе мисс Хелен и чувствовал бы себя польщенным, если бы мне удалось ее немного порадовать.

Илейн тут же густо покраснела — слишком хорошо помнились ей последние развлечения с Уильямом.

Судя по лицу Флёретты, та готова была отказать в грубой форме, однако Рубен мягко положил руку на плечо жены. Сайдблоссомы — хорошие клиенты, что же до поведения Томаса, то у него никогда не было нареканий, так что отказывать ему нет никаких причин. И пока Флёретта пыталась спорить с мужем, Томас повел нервничающую Илейн к ближайшей лодке с согласия ее отца. Илейн совершенно не обратила внимания на то, что он даже не спросил, хочет ли она ехать, и что он — как и Уильям — не позволил ей выбрать цвет лодки. Томас просто направился к ближайшей лодке и галантно помог девушке забраться в нее. Илейн, захваченная своими чувствами и воспоминаниями, за все время катания не произнесла ни слова, но выглядела при этом очень красиво. В то воскресенье на ней было светло-голубое шелковое платье, в волосы вплетены подходящие по цвету голубые ленты. Не оборачиваясь к Томасу, она смотрела на воду. У Томаса было время восхититься ее профилем и снова подавить в себе воспоминания. Силуэт Эмере в лунном свете, игра

теней... Она тоже никогда не смотрит в глаза мужчине, который овладевает ею... В свете солнца это казалось невероятным. Но если Томас возьмет жену, то с ней нужно будет видаться и при свете. Она всегда будет рядом, не только для того, чтобы заполнить собой его ночи и оживить самые мрачные фантазии. Но Илейн тихая, ее легко запугать.

Поддерживать ее спокойствие будет, должно быть, легко. Он осторожно начал разговор о ферме Сайдблоссомов на озере Пукаки.

— Из дома открывается прекрасный вид на озеро, по стилю поместье можно сравнить с Киворд-Стейшн, хоть оно и не так велико. У нас красивый сад, прислуги довольно... правда, Зои считает, что маори плохо вышколены. Она очень старается, но вторая женщина в доме была бы на пользу Лайонел-Стейшн.

Илейн закусила губу. Что это, предложение? Или осторожное прощупывание? Она осмелилась взглянуть в лицо Томасу и увидела в его глазах серьезность, даже некое напряженное ожидание.

— Я... слышала, что ферма очень... уединенная, — заметила она.

Томас рассмеялся.

— Ни у одной крупной овечьей фермы нет близких соседей, — заметил он, отсмеявшись. — Рядом с Лайонел-Стейшн есть только лагерь маори, и ближайшее крупное поселение — это Квинстаун, впрочем, по пути есть еще несколько деревень. Там одиноко, только если чувствовать себя очень несчастным...

Судя по всему, Томас частенько предавался грустным размышлениям.

Илейн робко взглянула на него.

— Неужели вам часто бывает одиноко? — нерешительно поинтересовалась она.

Томас серьезно кивнул.

— У меня рано умерла мать. А та женщина-маори, которая возилась со мной... она никогда не давала мне того, что мне было нужно. А позднее меня отправили в интернат в Англию.

Илейн посмотрела на него уже заинтересованно, забыв о робости.

— О, вы были в Англии? И как там? Должно быть, совершенно иначе, чем здесь...

Томас улыбнулся.

— Что ж, там нет Веты, если вы считаете, что не можете жить без «Бога мерзких вещей».

— Это на языке маори, верно? «Бог мерзких вещей». Вы говорите по-маорийски?

Томас пожал плечами.

— Так себе. Как я уже говорил, мои няньки были туземками. Такого в Англии, конечно же, нет. Там детей укладывают в постель милые нянюшки, поют им колыбельные на ночь. Вместо того... — Томас прервался, и на лице его появилось болезненное выражение.

Илейн увидела эту перемену и почувствовала, как внутри у нее зарождается сочувствие. Она храбро накрыла его руку ладонью. Он опустил весла.

— Я бы не возражала жить на ферме, даже если она довольно уединенная. И я ничего не имею против Веты... — Она действительно в детстве бесстрашно ловила огромных насекомых, а потом вместе с братьями заставляла их прыгать наперегонки.

Томас снова взял себя в руки.

— Я мог бы вернуться к этому, — сказал он.

Илейн снова почувствовала, как внутри у нее поднимается тепло, которое вызывал в ней и Уильям, когда нежно говорил с ней.

Держа Томаса под руку, она, легко пританцовывая, вернулась к родителям.

— О чем он говорил с тобой? — недовольно поинтересовалась Флёретта, когда Томас попрощался, отвесив идеальный поклон.

— О, всего лишь о Вете, — пробормотала Илейн.

— Ваша маленькая внучка снова влюбилась, — заявила Дафна во время чаепития с Хелен. — Судя по всему, у нее склонность к мужчинам, от которых у меня мурашки по коже!

— Дафна! — строго произнесла Хелен. — Это еще что за новости?

Дафна улыбнулась.

— Простите, мисс Хелен, я хотела сказать, что мисс О'Киф испытывает симпатию к господам, которые вызывают у меня несколько жутковатое ощущение.

— Ты хоть раз сделала дружелюбное замечание относительно какого-нибудь из известных тебе мужчин? — поинтересовалась Хелен. — Не считая тех, которые... э... в некотором смысле довольны сами собой?

Дафна отдавала явное предпочтение барменам и слугам, которые испытывали склонность к собственному полу. Так, она всегда очень приветливо отзывалась о Лукасе Уордене, с которым познакомилась незадолго до смерти.

Теперь она рассмеялась.

— Это выражение нужно запомнить! Чаепитие у вас всегда так поучительно, мисс Хелен. А что касается мальчиков... гомосексуалисты

практичнее, они не соблазняют девочек. А нормальные скучны. Так почему я должна говорить что-то дружелюбное о людях, которые чаще всего даже не мои клиенты? Впрочем, эти Сайдблоссымы... Парень еще никогда у нас не бывал, но старик — наш любимый клиент, и это еще мягко сказано...

— Я не хочу об этом слышать, Дафна! — энергично заявила Хелен. — Не считая того, что поведение мистера Томаса во всех отношениях очень благородно. И Илейн буквально расцвела.

— Цветение может оказаться очень коротким, — заметила Дафна. — Думаете, у него честные намерения? И даже если так... Мисс Флёр будет не в восторге.

— Об этом еще вообще рано говорить! — отмахнулась Хелен. — В остальном же я скажу Флёр то же самое, что и тебе. Мистер Томас и мистер Джон — совершенно разные люди. Какие бы ошибки ни совершил один, второй необязательно унаследовал их. Например, мой Говард тоже не был джентльменом, но Рубен совершенно не похож на него. В семье Сайдблоссов все могло сложиться точно так же.

Дафна пожала плечами.

— Могло, — заметила она. — Но если я правильно помню, вы выяснили это обстоятельство насчет мистера Говарда, когда уже застряли вместе с ним на Кентерберийской равнине.

Ингер выразилась яснее, хотя, конечно же, не стала посвящать Илейн во все подробности опыта, пережитого с Джоном Сайдблоссомом.

— Дафна пускает к нему только самых опытных девушек. Всегда начинаются какие-то споры. Обычно он хочет самых молоденьких, и отчасти мы бы тоже были не против, потому что... Что ж, таким девушкам всегда достается больше денег и несколько выходных. Но Дафна уступила лишь однажды, потому что Сьюзен действительно очень срочно были нужны деньги.

Ингер смущенно указала рукой на низ живота, Впрочем, Илейн не совсем поняла этот жест.

— После этого... — Илейн с удивлением увидела, как ее подруга впервые за все время их общения покраснела. — После этого деньги можно было использовать на что-то другое. Плод... не пережил той ночи. Но Сьюзен... в общем, ей было не очень хорошо. Мисс Дафне пришлось вызывать врача. И после этого Сьюзен всякий раз сбегает при появлении мистера Джона. Она больше не может его видеть.

Все это казалось Илейн странным. Что за «плод» разрушил тогда мистер Сайдблоссом? Но она ведь все равно собиралась слушать не о

мистере Джоне, ей просто хотелось поболтать о Томасе. Она подробно расписала подруге, как проводила с ним время. Ингер, внимательно слушавшая ее, ничего осуждающего в поведении Томаса не отметила. Если ей что-то и показалось тревожным, так это скорее его излишне сдержанное поведение.

— Странно, что он ни разу не попытался поцеловать тебя, — произнесла она после раздражающе долгого описания прогулки с ним на лошадях, во время которой Илейн и Томас лишь обменялись взглядами.

Илейн пожала плечами. Ни в коем случае нельзя признаваться, что как раз сдержанность Томаса ей и нравится. После происшествия с Уильямом она боялась прикосновений. Она не хотела, чтобы в ней снова пробудилось что-то, что не нашло бы выхода.

— Просто он настоящий джентльмен. Он хочет дать мне время, и иногда мне кажется, что у него серьезные намерения, — слегка покраснев, сказала она.

Ингер рассмеялась.

— Будем надеяться! Когда у парней несерьезные намерения, они быстрее переходят к делу! Щадят в лучшем случае леди...

Томас все еще колебался. С одной стороны, образ Илейн стал часто закрадываться в его сны и он, конечно же, понимал, что она вполне подходящая невеста. С другой стороны, он чувствовал себя почти что изменником — это было совершенно безумное чувство, ведь как бы там ни было, он никогда не прикасался к Эмере. Она ни в коем случае не потерпела бы его, даже когда он был маленьким мальчиком, которому хотелось невинных нежностей. Но иногда ему казалось, что вот-вот закроется окно, окончится эра, если он сейчас всерьез начнет ухаживать за Илейн и в конце концов привезет ее в Лайонел-Стейшн. Томас не мог принять решение — но скоро ему придется сделать это, поскольку Джон Сайдблоссом торопит его. Несмотря на то, что он был более чем доволен выбором сына, Джон злорадствовал, представляя, как будет танцевать с Флёреттой О'Киф на свадьбе Томаса и Илейн. Впрочем, сейчас он хотел вернуться на ферму. Квинстаун исчерпал себя; он переделал все дела, побывал в постели с каждой шлюхой, к которой его допустила Дафна. Ему уже хотелось вернуться к Зои, своей молодой жене, и своим занятиям во дворе. Скоро наступит время перегона овец, и вот тогда ему будет нужен Томас. Идею оставить его в Квинстауне одного, чтобы он мог спокойно заняться уходом, Сайдблоссом-старший отменил сразу же.

— И на каком основании ты собираешься остаться? — спрашивал он

сына. — Сайдблоссом, оббивающий порог какой-то женщины, словно кобель перед домом, где живет сучка в течке? Сделай наконец все как полагается! Спроси девушку, потом ее отца. А лучше наоборот, хотя сейчас так никто не делает. Малышка у тебя уже и так с рук ест, верно я говорю?

Томас усмехнулся.

— Малышка уже созрела... хотя я не знаю, что она на самом деле представляет собой. Судя по тому, насколько она робка и нерешительна, этот Уильям Мартин научил ее немногому. Как я мог сомневаться, что она девственница! Она вздрагивает, стоит мне случайно коснуться ее. Сколько времени ты мне дашь?

Сайдблоссом закатил глаза.

— Когда она будет в твоей постели, три минуты. В остальном же... Я хочу уехать самое позднее через неделю. До тех пор, надеюсь, ты получишь ее согласие.

— Но я хочу за него замуж! — Илейн упрямо запрокинула голову и едва не топнула ногой. Впервые за многие месяцы Флёретта и Рубен стали узнавать свою оживленную, воинственно настроенную дочь. Впрочем, им хотелось бы иметь для этого совсем другой повод.

— Илейн, ты не понимаешь, что говоришь, — заявил Рубен. В отличие от Флёретты, которая на сообщение Илейн, что они с Томасом Сайдблоссомом помолвлены, отреагировала истерикой, он пытался сохранять спокойствие. — Ты соглашаешься на помолвку с незнакомым мужчиной, история семьи которого весьма спорна, и это еще мягко выражаясь...

— Один из моих дедов воровал скот, второй был убийцей! Неплохая компания! — едко заметила Илейн.

Рубен закатил глаза.

— С этой семьей нас связывают не самые лучшие воспоминания, — поправился он. — Ты хочешь выйти за него замуж и уехать на ферму, вдаль от цивилизации. Лейни, по сравнению с Лайонел-Стейшн поместье «Слиток» находится, можно сказать, в центре города!

— И что? У меня есть лошадь, я умею ездить верхом. Киворд-Стейшн тоже расположена в уединенном месте, и бабушке Гвин это не мешает. Кроме того, там есть еще Зои, мистер Джон...

— Старый бабник, который только что купил себе в постель молодую девушку! — крикнула Флёр, на миг заставив Илейн лишиться дара речи. Подобных выражений она готова была ожидать от Дафны, но никак не от своей воспитанной матери.

— Он ведь не покупал Зои...

— Еще как покупал! Об этом говорит половина Западного побережья!

Судя по всему, на протяжении последних недель Флёретта занималась не только домашними делами, но и наносила многочисленные визиты близким и дальним соседям. И, конечно же, всплыли все сплетни, какие только были на Южном острове.

— Мистер Локвуд, отец Зои, был практически разорен. Совершенно не знал, что делать с фермой и со своей жизнью... этакий выскочка, наживший состояние старательством, но не знавший, как его удержать. Сайдблоссом оплатил его долги и предоставил ему парочку племенных овец, а за это получил девушку. Я называю это покупкой.

Флёр бросила на дочь гневный взгляд.

— Но мы с Томасом любим друг друга, — заявила Илейн.

— Ах, вот как?! — воскликнула Флёретта. — Об Уильяме ты говорила то же самое!

Это было уже слишком. Илейн готова была вот-вот расплакаться, при этом испытывая желание запустить в мать каким-нибудь тяжелым предметом.

— Если вы не позволите мне, мы подождем моего совершеннолетия. Но я в любом случае выйду за него замуж, и вам меня не удержать!

— Так ждите! — гневно крикнула Флёр. — Может быть, за это время ты одумаешься.

— А еще я могу убежать вместе с ним!

Рубен с ужасом представил себе несколько лет жизни под одной крышей с надутой, как сыч, дочерью. Он не считал Илейн поверхностной девушкой. Кроме того, он заметил, как изменилась дочь. Судя по всему, общение с Томасом Сайдблоссом пошло ей на пользу. Если бы только эта Лайонел-Стейшн не была так ужасно далеко...

— Флёр, я думаю, нам стоит поговорить об этом наедине, — попытался урезонить он жену. — Никакого ведь толку от криков не будет. Возможно, если установить прилично долгий срок помолвки...

— И речи быть не может! — Флёретта еще слишком хорошо помнила ночь, когда Джон Сайдблоссом накинудся на нее в одной из конюшен Киворд-Стейшн. К счастью, тогда ей на помощь поспешила мать, но после этого Флёр пришлось пройти через салон в разорванном платье, и при этом она наткнулась на Джеральда Уордена с его собутыльниками. Это была самая неприятная сцена в ее жизни.

— Мам, ты же его совсем не знаешь! Ты и словом не обмолвилась с Томасом, но считаешь его сатаной во плоти! — удивилась Илейн.

— Что правда, то правда, — произнес Рубен. — Ну же, Флёр, открой свое сердце. Давай пригласим молодого человека к нам, посмотрим, каков он.

Флёретта метнула на него гневный взгляд.

— Это так отлично сработало с Уильямом! — ехидно заметила она. — В конце концов, все были довольны, кроме меня. Но так люди не проверяются. Речь идет о жизни Лейни...

— Вот именно, о *моей*! Но тебе, видишь ли, обязательно нужно вмешиваться!

Рубен вздохнул. Судя по всему, это может продолжаться еще несколько часов. Флёретта и Илейн ругались редко, но если уж доходило до ссоры, в долгу не оставался никто. Не стоит выслушивать их перебранку. И он, выдержав паузу, спокойно встал и направился в конюшню, где оседлал свою лошадь. Может быть, стоит просто поговорить с Сайдблоссом? И лучше всего не только с отцом, но и с сыном.

В открытую Рубен с Джоном Сайдблоссом не ссорился. Он считал его мало симпатичным человеком и все еще испытывал к нему неприязнь. К тому же Рубену было известно, что крупный, умеющий не пьянеть, замкнутый фермер мало с кем дружил. В объединении животноводов о нем помнили со времен охоты на Джеймса МакКензи, но слава эта была дурная. Его тогдашнее поведение оттолкнуло от него многих джентльменов, хотя поимка была, вне всякого сомнения, успешной. А что касается Флёретты, Рубен и Сайдблоссом никогда не были официальными соперниками. Флёр и Рубен стали парой давно, а Сайдблоссом только начал ухаживать за ней. Ну а потом та давняя история... Насколько знал Рубен, большую роль тогда сыграл алкоголь, а еще — демонстративное позерство. Спустя двадцать лет он готов был простить ему это. К тому же следовало прислушаться к Хелен: Сайдблоссом был хорошим клиентом, платежеспособным и надежным; этот человек не торговался, предпочитал качество дешевому блеску и быстро принимал решение, когда дело касалось крупных покупок.

Сейчас он тоже быстро перешел к делу после того, как мужчины встретились в пабе. Рубен предложил это место для встречи, чтобы в общих чертах обсудить помолвку.

— Я знаю, что ваша жена все еще зла на меня, и мне это неприятно, — заявил Сайдблоссом. — Однако я считаю, что молодым людям не стоит страдать из-за этого. При этом я не собираюсь говорить здесь о большой любви, я этого не люблю. Но, по моему мнению, союз весьма подходящий. Мой сын — настоящий джентльмен и может предложить вашей дочери

достойную жизнь. Лайонел-Стейшн — очень крупное поместье. И если моя юная жена не преподнесет мне новый сюрприз...

Его улыбка напомнила Рубену акулий оскал.

— ...то сын Томас будет моим единственным наследником. Так что на этот раз вы точно не имеете дело с охотником за приданым.

— На этот раз? — вскинулся Рубен.

— Да бросьте, об этом только ленивый не говорит, и вы знаете, что я имею в виду Уильяма Мартина. Целеустремленный молодой человек. Вы собираетесь упрекать его в том, что он предпочел Киворд-Стейшн филиалу магазина?

Рубен почувствовал, что закипает.

— Мистер Сайдблоссом, я не продаю дочь тому, кто предложит больше...

— Вот и я о том же, — нисколько не смутившись, кивнул Сайдблоссом. — Но самое главное — любовь, так даже в Библии сказано. Просто отдайте дочь замуж, не думая о финансовой подоплеке дела.

Рубен решил взглянуть на это дело с другой точки зрения.

— Вы любите мою дочь? — обратился он с вопросом к молодому Сайдблоссому, который до сих пор молча сидел за столом. Когда говорил старший, молодой предпочитал помалкивать, это Рубен заметил еще в магазине.

Томас Сайдблоссом поднял голову и бросил на Рубена взгляд своих бездонных карих глаз.

— Я хочу жениться на Илейн, — торжественно и серьезно заявил Томас. — Я хочу, чтобы она была только моей, хочу заботиться о ней, холить и лелеять. Этого довольно?

Рубен кивнул.

И только гораздо позже, снова задумавшись о его словах, он заметил, что «объяснение в любви» этого молодого человека могло с таким же успехом быть мотивацией для покупки домашнего любимца...

Глава 4

О'Кифы и Сайдблоссомы сошлись на шестимесячной помолвке. Свадьба была намечена на конец сентября, в один из дней новозеландской весны, еще до стрижки овец, во время которой Томас и Джон должны были находиться в поместье. Флёретта настояла на том, чтобы до свадьбы Илейн хотя бы один раз съездила в Лайонел-Стейшн. По ее мнению, девушке необходимо было увидеть, на что она соглашается. В принципе, Флёр собиралась сопровождать дочь сама, но потом мужество оставило ее. Все в ней восставало против того, чтобы провести хотя бы одну ночь под одной крышей с Джоном Сайдблоссомом. Она по-прежнему была решительно настроена против этого союза. Впрочем, разумных аргументов у нее не нашлось. Мужчины встретились и все обсудили, причем у Рубена сложилось не самое плохое впечатление об отце и сыне Сайдблоссомах.

— Ладно, старик — негодяй, это всем известно. Но он ничуть не хуже, чем, к примеру, Джеральд Уорден. Это такое поколение. Охотники на тюленей, китобои... Боже мой, они сколотили состояния не в бархатных перчатках. Грубые, наглые люди! Но уже присмирели, и мальчик, похоже, воспитан хорошо. Обычно как раз у таких людей, как Джон Сайдблоссом, вырастают потом слабаки. Вспомни хотя бы Лукаса Уордена!

О Лукасе Уордене, которого она долгое время считала своим отцом, у Флёретты остались только хорошие воспоминания. Когда она наконец согласилась познакомиться с Томасом Сайдблоссомом, то у нее действительно не нашлось возражений против молодого человека. Ее только удивляло поведение Илейн по отношению к нему. Когда рядом с ней был Уильям, в девушке буквально кипела жизненная энергия, а Томас скорее заставлял ее замкнуться. При этом, как ни странно, Флёр уже начала привыкать к тому, что ее дочь снова весело болтает и носится по дому в развевающихся юбках и с распущенными волосами.

В конце концов она попросила Хелен сопровождать внучку и Сайдблоссомов, а Леонард МакДанн предложил свои услуги в качестве возницы. Флёр доверяла мнению обоих спутников, но когда они вернулись, отзывы их несколько разнились.

Хелен сыпала похвалами в адрес гостеприимного дома, его чудесного расположения и хорошо вышколенной прислуги. Зои Сайдблоссом она нашла восхитительной и прекрасно воспитанной.

— Абсолютная красавица! — щебетала она. — Бедная Илейн тут же

снова закрылась, увидев перед собой такое сияющее создание!

— Сияющее? — переспросил МакДанн. — Что ж, мне малышка показалась скорее холодной, хотя выглядит она, конечно, как ангелочек из сусального золота. Я совершенно не удивлен, что Лейни вспомнила о Куре. Вот только эта юная особа нашей девочке не помешает. Смотрит только на своего супруга, а молодой Сайдблоссом смотрит только на Лейни. А прислуга... Может быть, эти люди и вышколены великолепно, но хозяев своих боятся. Даже маленькая Зои не исключение! Среди горничных этот ангелочек превращается в генерала. Да еще эта женщина, экономка Эмере... словно черная тень. Признаться, она показалась мне совершенно жуткой.

— Ты преувеличиваешь! — перебила его Хелен. — Ты просто слишком мало общался с маори...

— Подобных женщин-маори мне до сих пор не приходилось встречать! Ее игра на флейте... и всегда ночью. Так и испугаться можно! — МакДанн встряхнулся. В принципе, он был человеком уравновешенным, твердо стоял на земле, и отращения к маори за ним никто прежде не замечал.

Хелен рассмеялась.

— Ах да, *путорино*. Действительно, она звучит довольно жутко. Ты когда-нибудь слышала ее, Флёр? Деревянная флейта весьма странной формы, на которой можно практически играть на два голоса. Маори говорят о мужском и женском голосе...

— Мужском и женском? — переспросил МакДанн. — Что ж, мне эти звуки показались похожими на те, что издает тонущая кошка... по крайней мере у меня создалось именно такое впечатление.

Несмотря на тревогу, Флёретта не удержалась и захихикала.

— Похоже на *вайруа*. Впрочем, я ее тоже не слышала. А ты, мисс Хелен?

Хелен кивнула.

— Его могла пробудить Матахоруа. И вот тут уж у каждого по спине полз холодок...

Матахоруа когда-то была колдуньей на О'Киф-Стейшн, советами которой «по женским вопросам» в молодые годы пользовались Хелен и Гвинейра.

— *Вайруа* — это третий голос *путорино*, — пояснила Флёретта ничего не понимающему МакДанну. — Голос духов. Его слышно очень редко. Очевидно, нужно особое умение, чтобы вызвать его из флейты.

— Или особый дар, — сказала Хелен. — Как бы там ни было, эта

Эмере наверняка считается *тохунга* среди своего народа.

— И поэтому она играет на флейте ночью, пока все ночные птицы не присоединятся к игре? — поинтересовался МакДанн, в голосе которого явно звучал скепсис.

Флёретта снова рассмеялась.

— Может быть, ее племя не решается прийти к ней днем, — предположила она. — Судя по тому, что я слышал, Сайдблоссом относится к маори не самым лучшим образом. Вполне возможно, что они приходят к своей колдунье тайно.

— При этом по-прежнему открытым остается вопрос, что делает маори-*тохунга*, занимая место экономки при таком омерзительном *пакеха*... — проворчал МакДанн.

Хелен отмахнулась.

— Не слушай его, Флёр. Он просто злится из-за того, что Сайдблоссом выиграл у него в покер двадцать долларов.

Флёретта закатила глаза.

— Вы еще дешево отделались, Леонард, — попыталась она утешить МакДанна. — Он и не таких потрошил. Или вы думаете, что деньги на Лайонел-Стейшн он сколотил на ловле китов?

Это должно было казаться маловероятным всякому. Для этого господский дом был слишком изысканным, мебель и обстановка комнат — слишком дорогими. Все это великолепие напугало Илейн, в то время как Зои, судя по всему, подобное было знакомо еще по родительскому дому. В любом случае она обходилась с дорогим фарфором и хрусталем очень спокойно, а вот Лейни приходилось сосредоточиваться и вспоминать давно забытые уроки Хелен, чтобы за ужином разобраться с многочисленными ложками, ножами и вилками.

Впрочем, в этих страхах она никому не призналась. На вопрос Флёретты она заявила, что Лайонел-Стейшн — очень красивое поместье. Дом ей понравился, ферму она толком не осмотрела, хотя, признаться, больше всего рассчитывала именно на это. Но все можно наверстать и после свадьбы. Томас был чудесен, очень предупредителен и вежлив. Она по-прежнему влюблена в него, да и вообще, она всегда мечтала о том, чтобы жить на крупной ферме. При этом в ее глазах вспыхивали знакомые огоньки, ведь как бы там ни было, еще с детства Илейн мечтала о Киворд-Стейшн. Какой-то жуткой экономки или игры на флейте ночью она не заметила. Ей нужно было справиться с другими впечатлениями. Возможно, думала она, все дело в том, что ее комната была не в том крыле, что у Хелен и Леонарда, и звуки *паторино* туда не долетали.

Собственно говоря, Флёретта сама не знала, что ей по-прежнему не нравилось во всем этом деле. Наверное, она просто руководствовалась своими предубеждениями. Впрочем, постепенно она стала воздерживаться от демонстрации не дающих покоя смутных ощущений — в сочетании с темой под названием «Уильям» это все равно никого не интересовало. Тем сильнее удивилась женщина, когда с ней заговорила та, которая разделяла ее тревогу: Дафна О'Рурк.

Хозяйка «непристойного отеля» заговорила с ней за два месяца до свадьбы, когда они встретились на Мейн-стрит. Флёретта отметила, что для своего образа жизни Дафна вела себя очень незаметно и одевалась весьма сдержанно. На ней было темно-зеленое бархатное платье, украшенное воланами, которых оказалось не больше, чем это принято у обычных горожанок.

— Надеюсь, что не оскорблю вас, миссис Флёр, однако мне хотелось бы поговорить с вами.

Флёретта удивилась, но при этом открыто повернулась к ней.

— Конечно же, мисс Дафна. Почему бы мне не...

— Потому что! — Дафна усмехнулась и указала рукой на трех почтенных матрон, уже бросавших на них любопытные взгляды.

Флёретта улыбнулась.

— Что ж... мы можем пойти ко мне и попить чаю. Если вам, конечно, это мешает. Мне все равно.

Дафна улыбнулась еще шире.

— Знаете что? В таком случае мы дадим им еще больше поводов для сплетен и пойдем ко мне. Паб еще закрыт, мы можем посидеть там. — Она указала на вход в отель, мимо которого они только что проходили.

Флёретта колебалась недолго. Она и раньше бывала в заведении Дафны, даже первую брачную ночь с Рубеном они провели здесь. Так чего манерничать? Хихикая, как школьницы, обе женщины вошли внутрь.

Здесь многое изменилось с тех пор, как Флёретта приехала в Квинстаун. Теперь паб был обставлен гораздо богаче. Однако он выглядел практически так, как и все забегаловки на англо-саксонских землях: здесь были деревянные столы и стулья, высокие барные табуреты, деревянные брусья и целая батарея бутылок на полках над стойкой. Однако сцена, на которой танцевали девушки, была украшена с гораздо большей любовью, чем простой деревянный помост, стоявший там раньше. На стенах висели картины и зеркала, несколько фривольные, но Флёретта не нашла повода краснеть.

— Давайте пойдем в кухню! — предложила Дафна и повела Флёретту

в свое пространство за барной стойкой. Это тоже было необычно: в отеле Дафны подавали не только виски, но и скромную горячую еду.

Дафна поставила чайник, а Флёретта тем временем непринужденно присела за кухонный стол. Он оказался довольно длинным; судя по всему, Дафна кормила здесь своих девочек.

— Так в чем же дело, мисс Дафна? — спросила Флёр, когда хозяйка поставила перед ней красивую фарфоровую чашку.

Дафна вздохнула.

— Надеюсь, вы не расцените это как вмешательство в личную жизнь. Но, черт побери... Простите. Вам ведь это тоже не нравится!

— *Это?* — осторожно переспросила Флёретта.

— Помолвка вашей дочери с этим Сайдблоссомом. Вы действительно хотите отослать девочку в глушь на самой дальней оконечности озера Пукаки? Одну с этими парнями? — Дафна налила чаю.

— То, чего хочу я, роли не играет, — заметила Флёретта. — Илейн настаивает на этом. Она влюблена. И Хелен...

— ...расписывает Лайонел-Стейшн самыми яркими красками, я знаю. — Дафна подула на чашку. — Поэтому я и заговорила с вами, мисс Флёр. Мисс Хелен... что ж, она ведь леди. Вы, конечно, тоже, но, скажем так, она очень... леди из леди. Есть вещи, о которых я с ней говорить не могу.

— Вы что-то знаете, мисс Дафна? О Томасе Сайдблоссоме? — Флёретта заметно занервничала.

— Не о молодом. Но старик... Что ж, я не стала бы оставлять с ним свою дочь наедине. Да и о его браке рассказывают странные вещи...

Флёретта хотела что-то возразить, однако Дафна жестом остановила ее.

— Я знаю, что вы хотите сейчас сказать. Старик пользуется дурной славой, но мальчик может быть совсем не таким. Мисс Хелен мне это уже говорила. И я ведь про мальчика ничего не говорю. Я только хочу... — Дафна закусила губу. — Возможно, вам стоит рассказать Илейн до свадьбы, что ей предстоит.

— Я должна... что? — Теперь Флёретта все же покраснела. Она от всей души любила Рубена и не стеснялась того, чем они занимались в постели друг с другом. Но говорить об этом с Илейн?

— Вы должны сказать ей, что происходит в постели между мужчиной и женщиной, — уточнила Дафна.

— Что ж, я думаю, основное она знает. А в остальном... мы ведь сами все это выясняли постепенно... Я хочу сказать... — Флёретта не находила

слов.

Дафна снова вздохнула.

— Миссис Флёр, я не знаю, как выразиться яснее. Но, скажем так, не все узнают одинаковые вещи и не каждый раз это оказывается радостным открытием. Расскажите ей, что обычно происходит между мужчиной и женщиной!

Разговор Флёретты с Илейн оказался довольно щекотливым и оставил больше вопросов, чем дал ответов.

В принципе, пояснила она дочери, между мужчиной и женщиной все происходит так же, как и между жеребцом и кобылой. Вот только у женщины нет течки, по крайней мере не «в том смысле», и что все, конечно же, происходит на супружеском ложе под покровом ночи, а не при свете дня и не у всех на глазах. Оуэн и Баньши совершенно никого не стеснялись.

Илейн залилась краской, ее мать не меньше. Наконец обе лишились дара речи. Поразмыслив, Илейн решила обратиться с вопросами к другим посвященным, которые не совсем леди. Вечером она направилась к Ингер.

Впрочем, она застала подругу не одну. Ингер болтала на своем родном языке со светловолосой девушкой, в которой Илейн узнала новую звезду из заведения Дафны. Она хотела тут же уйти, однако Ингер махнула ей рукой, приглашая остаться.

— Марен все равно уже уходит. А пока посиди с нами. Или тебе неприятно?

Илейн покачала головой. Однако Марен покраснела; судя по всему, разговор двух девушек касался довольно скользкой темы. Они тут же продолжили, и по лицу Марен было заметно, что ей это неприятно.

— А ты не могла бы переводить для меня? — наконец рассерженно спросила Илейн. — Или говорите сразу по-английски. Марен все равно ведь придется выучить язык, раз уж она решила остаться здесь.

Недавно приехавшие девушки обычно плохо говорили на языке Новой Зеландии — наверняка это было еще одной причиной, почему некоторые спешили отправиться в бордель, вместо того чтобы найти себе достойное занятие.

— Тут довольно сложное дело, — заметила Ингер. — Дафна попросила меня объяснить Марен кое-что... поскольку она пока не понимает по-английски.

— Что же? — В Илейн проснулось любопытство.

Ингер закусил губу.

— Не знаю, стоит ли это знать приличным девушкам.

Илейн закатила глаза.

— Судя по всему, речь идет о мужчинах, — сказала она. — А я скоро выхожу замуж, так что можете спокойно...

Ингер рассмеялась.

— Как раз *поэтому* тебе и не стоит знать.

— Речь идет о том, как женщина нет получить ребенка, — на ломаном английском произнесла Марен, пристыженно уставившись в пол.

Илейн рассмеялась.

— Что ж, в этом ты знаток, — заметила она, глядя на живот Ингер. Через несколько недель молодая женщина собиралась родить первенца.

Ингер захихикала.

— Чтобы знать, как помешать завести ребенка, нужно для начала знать, как его сделать.

— Моя мама сказала, что это точно так же, как между кобылой и жеребцом, — заявила Илейн.

Марен прыснула. «Судя по всему, не так уж плохо она говорит по-английски», — подумала Илейн.

— Обычно мужчина и женщина делают это лежа, — пояснила она. — И при этом они смотрят друг на друга, если ты понимаешь, о чем я говорю. По-другому тоже можно, только... это не для леди.

— Почему же? Моя мама сказала, что это приятно... по крайней мере если все правильно, — сказала Илейн. — С другой стороны, если это так приятно, то почему тогда все девушки не хотят... э... — Она бросила многозначительный взгляд на «спецодежду» Марен, красное платье с глубоким вырезом.

— Моя не нравится, — пробормотала Марен.

— Ну, не с чужими. Но если любить мужчину, то да, — подытожила Ингер. — Впрочем, мужчинам всегда нравится. Иначе бы они не стали за это платить. А если хочешь ребенка, — она погладила себя по животу, — это неизбежно.

Илейн почувствовала, что запуталась.

— Так что же? Я думала, дети получаются, если это делать как... — Она бросила взгляд на Келли. Маленькая собачка ластилась к Марен.

Ингер закатила глаза.

— Лейни, ты не лошадь и не собака, — строго произнесла она и начала повторять то, что только что рассказывала Марен по-английски. — Женщина может заполучить ребенка, если она будет с мужчиной как раз посередине между двумя месячными кровотечениями. Точно посередине. В такие дни Дафна дает своим девушкам выходные. Тогда они должны только

танцевать, петь и помогать в баре.

— Но в таком случае этого ведь будет довольно, — сказала Илейн, — если это делать только в это время. Ну, по крайней мере, если хочешь ребенка.

Ингер закатила глаза.

— Вот только твой муж не согласится так. Он всегда будет хотеть. Это я тебе гарантирую.

— А если делать в этот дни? — Похоже, Марен тоже не совсем поняла.

— Тогда нужно сделать промывание теплой уксусной водой. Сразу после... Вымой из себя все, даже если будет печь, и возьми столько уксуса, сколько выдержишь. На следующее утро помой еще раз. Хоть Дафна говорит, что это не наверняка, но попытаться стоит. Она говорит, ей всегда помогало. Ей ни разу не пришлось ничего убирать.

Илейн даже не задумалась над тем, что значит «убирать». При одной только мысли о том, что придется мыть интимные части тела уксусом, ее пробрала дрожь. Но ничего подобного ей никогда не придется делать. Она ведь хочет иметь детей от Томаса.

Глава 5

Над Киворд-Стейшн собиралась гроза, и Уильям Мартин пришпорил коня, чтобы успеть попасть домой до дождя. При этом внутри у него kloкотало так же, как и в небе над горами, утонувшими в тучах, которые ветер с силой гнал в сторону Кентерберийской равнины. Вот уже первая туча закрыла солнце, грянул гром, над землей прокатился глухой рокот. Свет на ферме стал удивительно бледным, почти призрачным; кусты и изгороди отбрасывали угрожающие тени. Вот ударила первая молния, и стало казаться, что воздух в одно мгновение наэлектризовался. Уильям поскакал быстрее, но не сумел избавиться от охватившей его ярости. Напротив, чем сильнее дул ветер, тем больше ему хотелось обладать могуществом, метать молнии, чтобы дать волю своему гневу и разочарованию.

Но если он сейчас вернется к Кура, нужно успокоиться; может быть, тогда ему удастся убедить ее хотя бы иногда становиться на его сторону, особенно в тех случаях, когда речь идет о ферме. Если бы она отчетливее заявила о своих, а значит, и о его будущих притязаниях! Но до сих пор он занимался этим один. Похоже, она совершенно не слышала его жалоб на строптивых пастухов, ленивых маори и упрямых мастеров. Чаще всего она слушала его с отсутствующим выражением лица и отвечала невпопад. Кура, как и прежде, жила только ради музыки — и она все еще не оставила мечту выступить в Европе. Когда Уильям рассказывал о новом оскорблении со стороны Гвинейры или Джеймса МакКензи, Кура утешала его ничего не значащими фразами, а потом добавляла: «Успокойся, милый, мы все равно скоро будем в Англии».

Неужели он действительно когда-то думал, что эта девушка умна?

Расстроенный донельзя, он направил коня между аккуратно огороженными выгонами, где крупные, покрытые толстым слоем шерсти овцематки спокойно ели сено, не обращая внимания на непогоду. И это при том, что рядом с фермой полно травы! Несмотря на то, что весеннее солнце светило по-прежнему робко, временами уже бывали вполне жаркие дни, вот как сегодня. А вокруг озера и поселения маори стояла высокая, еще прошлогодняя трава, продолжавшая расти. Поэтому Уильям приказал Энди Мак-Эрону перегнать овцематок туда. Но этот парень просто не обратил внимания на его указания и, кроме того, натравил на Уильяма Гвинейру. И та только что серьезно отчитала его возле стойл для крупного рогатого

скота.

— Уильям, подобные решения принимаю я, в крайнем случае Джеймс. Вы не имеете к этому отношения. Овцы вот-вот начнут ягниться, и за ними нужен присмотр, нельзя просто так взять и послать животных куда глаза глядят.

— Почему нет? В Ирландии мы всегда так делали. Один-два пастуха — и вперед, в холмы. К тому же там живут маори. Они могли бы заодно присмотреть за овцами, — защищался Уильям.

— Когда наши овцы пасутся на землях маори, им это нравится так же, как и нам, когда они оказываются на наших, — пояснила Гвинейра. — Мы не выпасаем овец в районе их домов и, конечно же, в районе озера, у которого они живут, как и рядом со скалами, которые они называют «каменными воинами». У маори есть святыни...

— Вы хотите сказать, что мы отказываемся от нескольких гектаров чудесных пастбищ, потому что эти простофили поклоняются каким-то камням? — агрессивно переспросил Уильям. — Такой человек, как Джеральд Уорден, никогда не согласился бы на подобную чушь!

За последние месяцы Уильям многое слышал о Джеральде Уордене, и его уважение к основателю фермы возросло. Похоже, у Уордена был стиль, это подтверждал господский дом. Наверняка он держал всех в ежовых рукавицах — и работников, и семью. По мнению Уильяма, Гвинейра шла на слишком большие уступки.

Теперь ее глаза сердито сверкнули, как и каждый раз, когда Уильям заговаривал о качествах старого «овечьего барона».

— Чаще всего Джеральд Уорден прекрасно знал, с кем не стоит связываться! — резко оборвала она его и продолжила уже более примирительным тоном: — Боже мой, Уильям, подумайте хоть немного. Вы ведь читаете газеты и знаете, что происходит в других колониях. Восстания туземцев, резня, присутствие военных... там все равно что на войне. Зато маори впитывают цивилизацию, как губки! Они учат английский, слушают, что говорят наши миссионеры. Они даже заседают в парламенте уже на протяжении двадцати лет! И я должна нарушить этот мир только ради того, чтобы сэкономить немного сена? К тому же должна сказать, что эти камни выглядят весьма декоративно на зеленой траве...

Лицо Гвинейры приняло мечтательное выражение. Но, конечно же, она не сказала Уильяму, что ее дочь Флёретта была зачата вот в таком «кругу каменных воинов».

Уильям посмотрел на нее так, словно она была не в себе.

— Я думал, у Киворд-Стейшн уже есть проблемы с маори, — заметил

он. — И как раз вы...

О ссорах между Тонгой и Гвинейрой Уорден ходили легенды.

Гвинейра фыркнула.

— Наши разногласия с вожаком Тонгой не имеют ничего общего с нашей национальной принадлежностью. Они были бы, даже если бы он был англичанином... или ирландцем. С упрямством этой национальной группы у меня тоже связаны определенные воспоминания. Англичане и ирландцы ссорятся, кстати, из-за таких мелочей, из-за которых вы как раз и начали спор. Так что лучше не лезьте в это дело!

Уильям подчинился. А что еще ему оставалось? Но споры подобного рода накапливались, отчасти и с Джеймсом МакКензи. Последнего, к счастью, сейчас не было — он поехал на свадьбу своей внучки Илейн в Квинстаун. Очень хорошо! Уильям от всей души желал девушке счастья, тем более что ее будущий супруг к тому же был, похоже, хорошей партией для нее. Кстати, он ничего не имел против того, чтобы поехать с Курой на свадьбу и поздравить молодых. Он совершенно не понимал, почему так решительно воспротивилась Гвин. Кроме того, у него не шла из головы мысль о том, почему сама она тоже решила не ездить на свадьбу. Он вполне смог бы управлять Киворд-Стейшн. Может быть, ему даже удалось бы немного приструнить работников. А вообще-то, отношения с прислугой и работниками у него складывались не очень хорошие. Люди здесь заметно отличались от тех, что жили в Ирландии, где он всегда находил общий язык с арендаторами. Но в Ирландии арендаторы боялись своих лендлордов и с благодарностью и приятной реакцией реагировали на каждое ослабление поводов. А здесь... Если Уильям крепко ругал пастуха, тот даже и не думал увольняться, а просто брал свои вещи, заезжал в большой дом за оставшейся оплатой и отправлялся восвояси, чтобы наняться на следующей ферме. Старые перегонщики скота, такие как Мак-Эрон или Ливингстон, были еще хуже; они просто не обращали на него внимания. Иногда Уильям грезил о том, как уволит их, едва только Кура достигнет совершеннолетия и передаст ему управление фермой. Но даже это не пугало людей. У Мак-Эрона и Ливингстона, к примеру, были давние связи с женщинами в Холдоне. Вдова, с которой жил Мак-Эрон, даже владела небольшой фермой. А маори все равно всегда были сами по себе. Они тоже исчезали, просто бросая свою работу, как только Уильям начинал кричать. А на следующий день снова приходили — или не приходили. Они делали все, что хотели, и Гвинейра спускала им это с рук...

— Пожар!

Еще мгновение назад Уильям задумчиво ехал верхом, низко надвинув

широкую шляпу, чтобы спрятаться от дождя. Тот уже грохотал так громко и сильно по крышам Киворд-Стейшн, что заглушал все остальные звуки. Но теперь Уильям услышал быстрый топот подков и звонкий голос за своей спиной. К нему скакал мальчик-маори на лошади без седла, накинув на нее вместо уздечки веревку.

— Скорее, скорее, мистер Уильям! В стойла для крупного рогатого скота ударила молния, и быки выбежали из загоронок! Я за помощью, а вы скачите скорее! Горим!

Мальчишка едва придержал коня, чтобы передать сообщение, а затем, не дожидаясь ответа Уильяма, помчался прямо к дому. Уильям развернул коня и тоже перешел в галоп. Стойла для крупного рогатого скота находились ближе к озеру, и там хозяева фермы держали много быков и коров. Если животные действительно разбежались... Вполне вероятно, что у маори сегодня будут гости на их священных лужайках!

И в самом деле, вскоре Уильям почувствовал запах гари. Должно быть, молния ударила очень сильно. Несмотря на дождь, пламя бушевало уже в складе для кормов, и вокруг стойл царило лихорадочное оживление. Погонщики скота бегали вокруг, пытаясь отвязать последних оставшихся в дыму быков. Среди них была и Гвинейра Уорден. Она как раз, кашляя, вывалилась из стойла, окунула тряпку в ведро с водой, поднесла к лицу и снова вбежала внутрь. Судя по всему, пока еще опасности обрушения крыши не было, но животные могли задохнуться в стойлах. Маори — в такой ситуации мгновенно прибежали все жители деревни — быстро организовали цепочку с ведрами от колодца к стойлам; женщины и дети передавали ведра от озера по еще одной цепочке. Но хуже всего было то, что освобожденные быки и коровы ревели и бегали под дождем, не обращая внимания на происходящее вокруг, превращая землю в болото и опрокидывая ограждения пaddockов. Джек МакКензи и еще несколько других мальчишек, презрев опасность, пытались их остановить, но запаниковавшие животные никого не слушали. При этом телки и быки не находились в непосредственной опасности, поскольку практически все стойла были открыты. Внутри было привязано лишь несколько молочных коров и быков — именно их Гвинейра вместе с другими помощниками и пыталась освободить.

— Идите внутрь, Уильям, к быкам! — крикнула ему Гвин, пытаясь перекричать ветер. Она только что выбежала во второй раз, таща за собой корову, которая, похоже, внутри чувствовала себя в большей безопасности. — Там еще нужны люди, которые что-то понимают в скоте!

В принципе, Уильям собирался проверить цепочку людей,

передававших ведра, и подстегнуть их, чтобы они работали быстрее, но теперь он неуверенно развернулся в сторону загона для быков.

— Давайте уже! — заревел Энди Мак-Эрон и, не спрашивая разрешения, вскочил на лошадь Уильяма, когда тот наконец спешился.

— Бросайте это, мисс Гвин, здесь достаточно помощников! Нам нужны хорошие наездники, чтобы снова загнать быков в загоны. Иначе они растопчут деревню маори, как и свои паддоки! — Старый загонщик скота грубо ударил лошадь Уильяма пятками по бокам. Похоже, животному столь же мало улыбалось соваться в ту суматоху, как и ее наезднику. При этом положение уже начинало становиться критическим. Пока мальчишки удерживали телок и молочных коров, молодые быки уже давно отправились в путь. Уильям видел, как Гвинейра, передав коров другим помощникам, тоже вскочила на свою лошадь. Вместе с Энди она галопом помчалась в сторону лагеря маори. Ее кобылку-коба не нужно было подгонять, казалось, она только и ждет возможности поскорее убраться подальше от горящих построек.

Теперь Уильям наконец приблизился к стойлу, однако попутно разозлился на Мак-Эрона за то, что тот просто взял и отобрал у него лошадь. Почему этот парень не мог освободить быков, в то время как Уильям поехал бы с Гвинейрой?

Тем временем пламя уже бушевало даже в стойлах молочных коров, но их успели вывести наружу. Две женщины-маори, которые, похоже, разбирались в этом, отвязали последних животных и теперь заманивали их в паддок, ограждение которого кое-как тем временем приводили в порядок мужчины. Мальчишки гнали телок в ту же сторону. Животные заметно успокоились, поскольку дождь и молнии начали постепенно утихать.

Уильям вошел в стойло, но Покер Ливингстон удержал его.

— Сначала возьмите тряпку и держите ее возле носа, иначе надышитесь дыма. А потом пойдете со мной. Давайте же! — Старый погонщик скота снова вбежал в стойло, прямо к бьющему копытами и мычащему быку.

Животные, стоя в своих стойлах, испытывали смертельный страх перед огнем. Уильям принялся возиться со щеколдой на первом стойле. Ему было не по себе, оттого что он находился рядом с бушующими чудовищами и собирался снимать с них цепи, но если Покер считает...

— Нет, не входить! — пророкотал погонщик скота и оббежал вокруг заграждений. — Неужели вы еще никогда не имели дела с крупным рогатым скотом? Эти бестии убьют вас, если вы войдете сейчас в стойло. Вот, идите сюда, держите меня. Я попытаюсь отсоединить цепь снаружи!

Покер взобрался по стойлу и едва удержался в опасном положении на узком ребре. Пока он держался за балку, это работало, но чтобы отвязать цепочку, ему нужно было наклониться ниже и иметь две свободные руки. Платок ему, конечно же, тоже пришлось бросить, но пока что здесь было еще не слишком дымно.

Уильям тоже взобрался на деревянную перегородку, сел на нее верхом и ухватил Покера за пояс. Тот опасно закачался, но удержал равновесие и принялся возиться с цепью первого быка. Обоим мужчинам пришлось сильно изворачиваться, чтобы могучее животное не ударило их рогами.

— Открывай стойло, Маака! — крикнул Покер мальчишке-маори, стоявшему наготове у стойла. Мальчик, еще только что перегонявший с Джеком коров, мгновенно спрятался за воротами, стоило быку рвануть наружу.

— Хорошо. Теперь номер два. Но осторожнее, Маака, этот совсем дикарь... — Покер начал взбираться на бортик следующего стойла. Бык закатил глаза и стал опасно бить копытом.

— Давай я сделаю, Покер! Я быстрее! — Старательный маленький Маака уже взобрался на бортик, прежде чем старый Ливингстон успел найти нужное место. С грациозностью танцора Маака балансировал на деревянной перегородке.

Уильям хотел как можно скорее покончить с этим. Пламя быстро приближалось, дым стал гуще, и мужчины уже едва дышали. Но ни Покер, ни Маака, похоже, даже не думали о том, чтобы принести животных в жертву.

Уильям ухватил Мааку за пояс, как до этого Покера, в то время как погонщик скота самостоятельно решил проблему с третьим быком. То был молодой бычок, без цепи, привязанный к стойлу с помощью веревки. Покер быстро перерезал ее ножом снаружи стойла, и Джеку МакКензи, который как раз вошел в здание, осталось только открыть дверь. Бычок выбежал наружу еще до того, как Покер успел вернуться из коридора к двери, чтобы выпустить животное. Тем временем Джек и Покер пытались открыть дверь последнего стойла, которую, судя по всему, заело. Маака же продолжал возиться с цепью быка, который стал беситься еще больше, когда увидел, что его сородича выпустили. Мальчик сильно наклонился вперед и практически парил над перегородкой. А потом...

Уильям не понял, то ли Маака все же подставился под удар рогов, то ли всему виной было то, что он сам неуверенно сидел на перегородке, то ли просто порвался пояс, за который он держал Мааку. А может быть, рухнувшая крыша над стогом сена сотрясла здание и заставила потерять

равновесие. Уильям не смог бы сказать, что произошло раньше — он услышал крик Мааки или почувствовал, как кожаный пояс выскользнул у него из рук. Однако потом он увидел, как мальчик упал между копытами быка, в то время как сам он рухнул в угол стойла — животное не могло напасть на него там, пока оно было привязано. При этом Уильям тут же осознал, что бык свободен. Должно быть, Маака расцепил цепь в тот самый миг, когда упал. Быку потребовалось не более пары секунд, чтобы понять, что он свободен; затем он бросился в сторону и попытался бежать, однако стойло все еще было закрыто. Покер и Джек воевали с замком, но бык, конечно же, не хотел ждать и как безумный носился по стойлу. И тут он заметил Мааку, который, скрючившись, лежал на полу и пытался закрыть лицо. Мальчик захныкал, когда к нему приблизилась большая рогатая голова быка.

— Отвлеките быка, мистер Уильям, черт вас побери! — взревел Покер и принялся лихорадочно крутить ручку запора. Но та никак не поддавалась.

Уильям, словно загипнотизированный, смотрел на огромное животное. Отвлечь? Но тогда эта тварь бросится на него! Это же безумие! А теперь раненый мальчик еще и пытался ползти в его сторону...

— Сюда, Стоунволл!

Краем глаза Уильям увидел, что Джек МакКензи размахивает тряпкой у выхода, чтобы привлечь к себе внимание животного. Мальчик бесстрашно вскочил на перегородку в тот момент, когда в задвижке что-то наконец сдвинулось с места и дверь распахнулась. Вот только бык заметил это не сразу; похоже, его ярость и страх, как и прежде, были сосредоточены на Мааке. Зверь опустил рога, приготовился ударить... но тут Джек хлестнул его своей мокрой тряпкой по заду и заплясал за его спиной, словно тореро.

— Ко мне, Стоунволл, сюда!

У выхода что-то ревел Покер, судя по всему, хотел отозвать мальчика. Но тот по-прежнему стоял в стойле и атаковал быка, который начал медленно поворачиваться.

— Поймай меня! Ну же! — дразнил его Джек, чтобы со скоростью молнии развернуться, как только животное пришло в движение.

Мальчик проворно, одним прыжком перемахнул через загородку и оказался в безопасности, когда Стоунволл наконец заметил, что у него появилась возможность выбежать. Массивный бык ринулся к выходу, сбил с ног Покера Ливингстона и был таков. Должно быть, работавшие перед стойлом мужчины слышали крики, потому что внутрь ринулись помощники. Тем временем пламя уже ярко освещало стойло. Уильям

закашлялся и почувствовал, что его схватили под руки и вытащили наружу крепкие погонщики скота из маори. Двое других мужчин вынесли Мааку, а третий помог подняться закашлявшемуся Покеру.

А затем Мартин, с трудом переводя дух, вдохнул чистый вечерний воздух, напитанный озерной влагой, и лишь краем сознания отметил, что за их спинами рушатся остальные части стойл.

Несколько мужчин возились с Маакой и Покером, однако помощник Мартина не оставил ему времени прийти в себя. Он снова почувствовал недостаток уважения со стороны маори. Неотесанный чурбан бесцеремонно поставил Уильяма на ноги.

— Вы ранены? Нет? Тогда идемте, нужно перегнать овец. Здесь уже делать нечего, но крупный рогатый скот нужно хоть куда-то поместить. Только что прискакал мальчик, сообщил, что миссис Гвин гонит быков к загонам для стрижки овец. Нужно выгнать оттуда овец, чтобы быки могли войти в паддоки. И поскорее, они могут прийти в любой момент! — Мужчина побежал к загонам, но несколько раз обернулся на бегу, словно хотел удостовериться, что Уильям послушно следует за ним.

Уильям спросил себя, почему Гвин просто не перегнала быков сразу в загон для стрижки овец, и хотел уже отдать такой приказ. Однако успел удержаться, увидев маленькие входы в загон. Здесь овцы находились после стрижки, и выгоняли их практически по одной, чтобы потом снова собрать в паддоках. Через эти узкие ворота всадникам никогда не удастся загнать растревоженное стадо. Овцы тоже были не в восторге от перехода. Со стрижкой у них были связаны не самые приятные воспоминания, стригали обходились с ними далеко не лучшим образом. Но тут основную работу выполняли собаки-пастухи. Уильяму и остальным мужчинам достаточно было направлять поток овец в нужные загон и закрывать за ними ворота.

Уильям почти не видел, как Гвин и Энди загнали волов, но, конечно же, позже услышал об их весьма зрелищной работе. Они настигли стадо волов почти у самой деревни маори, остановили его, развернули и погнали обратно — всего четверо всадников и одна собака-пастух. Поэтому ущерб, причиненный ударом молнии, оказался довольно терпимым. Несмотря на то что загон для крупного рогатого скота были полностью уничтожены, деревянную постройку можно было восстановить, а запасы сена были все равно практически израсходованы. Животные растоптали всего лишь пару полей маори, и этот ущерб Гвинейра собиралась возместить. Скот не был потерян, помощники отделались лишь несколькими шрамами и легким отравлением дымом. Только Покеру и Мааке досталось больше всех.

Старый погонщик скота получил много ушибов и вывихнул плечо; у мальчика-маори были сломаны ребра, на голове красовалась ужасная рана.

— В принципе, все могло закончиться гораздо хуже, — заявил Энди Мак-Эрон, когда все наконец осталось позади и волы занялись пережевыванием сена в новых загонах.

Джеку и его друзьям удалось перегнать быков в сторону загон для стрижки овец и поставить туда же, куда и стадо волов. Теперь они гордо расхаживали среди работников. Рассказы Джека о том, что в Европе дают деньги за то, что злишь быка и машешь перед ним красной тряпкой на виду у зрителей, пробудили у мальчишек-маори желание изучить профессию тореро.

— Как это вообще произошло? — спросил Энди. — Маака ведь не входил в загон к Стоунволлу?

Пока Гвинеира ругала сына, обвиняя его в беспочвенном легкомыслии, Мак-Эрон принялся расследовать происшествие. Однако Джек и остальные помощники ничего не могли сказать по этому поводу, потому что никто из них не видел, как произошел несчастный случай. С самим Маакой поговорить пока не удавалось. Наконец взгляд Мак-Эрона упал на Покера, который сидел под одеялом, все еще сильно кашляя.

— Супруг принцессы свалил... Прошу прощения, уронил, — заявил старый перегонщик скота с многозначительной ухмылкой. А потом его лицо снова перекопилось от боли. — Кто-нибудь может вправить мне плечо? Я обещаю не кричать.

— О чем вы вообще думали? — воскликнула Гвинеира. Она закончила отчитывать сына, выставила усердным помощникам бочонок виски. В качестве награды за помощь женщины-маори получили мешок семян. Теперь, по пути в главный дом, Гвинеира воспользовалась моментом, чтобы разделать под орех Уильяма. Она промокла насквозь, испачкалась, пребывала в самом дурном расположении духа и искала козла отпущения. — Как вы могли позволить мальчику упасть?

— Я уже говорил, это был несчастный случай! — защищался Уильям. — Я бы никогда...

— Вы вообще не должны были подпускать туда мальчика! Неужели вы сами не могли отвязать цепь? Ребенок мог погибнуть! И Джек тоже! Но пока двое недорослей пытались освободить быка, сами вы отсиживались в углу и смотрели на животное, словно кролик на удава!

Покер выразился не совсем так, значит, наверняка это сказал Джек. Уильям снова почувствовал, как внутри у него все закипает от гнева.

— Все было иначе! Я...

— Все было именно так, — перебила его Гвинеира. — Зачем мальчикам врать? Уильям, вы постоянно пытаетесь укрепить здесь свое положение, и я это прекрасно понимаю. Но потом с вами случаются такие истории! Если вы никогда не имели опыта обращения с быками, почему вы сразу об этом не сказали? Вы могли помочь передавать по цепочке ведра или чинить загоны...

— Я должен был поехать с вами! — заявил Уильям.

— Чтобы потом свалиться с лошади? — грубо поинтересовалась Гвинеира. — Уильям, очнитесь! Это не то дело, которым можно заниматься в роли джентльмена, живущего за городом! Здесь нельзя утром спокойно объехать ферму вместе с охотничьей собакой, раздавая ценные указания. Вы должны понимать, что делаете, и знать, что вам повезло, если у вас есть такие люди, как Мак-Эрон или Покер, которые помогают вам в этом! Такие люди невероятно ценны. Нельзя сравнивать это с сельским хозяйством в Ирландии!

— У меня на этот счет свое мнение, — гордо заявил Уильям. — Мне кажется, все дело в стиле руководства...

В свете уходящего дня он увидел, как Гвинеира закатила глаза.

— Уильям, ваши арендаторы в Ирландии в течение многих поколений живут на одном месте. Им вообще не нужны лендлорды, они и сами могут справиться со всем — и, вполне возможно, даже лучше! Но здесь приходится иметь дело главным образом с новичками. Маори — очень одаренные перегонщики скота, но овцы пришли сюда вместе с *пакеха*, а конкретно в эту местность — всего лет пятьдесят назад, вместе с Джеральдом Уорденом. Здесь нет традиции. А белые погонщики скота — авантюристы, они вообще непонятно откуда берутся. Их нужно учить, и в этом случае не помогут демонстративные позы. Послушайте меня наконец и посидите тихонько хоть пару месяцев. Учитесь у таких людей, как Джеймс, Энди и Покер, вместо того чтобы обращаться с ними так бесцеремонно!

Уильям хотел что-то возразить, но тут они подъехали к дому и остановили лошадей у конюшни. Гвинеира совершенно спокойно завела свою кобылу внутрь и начала расседлывать ее; конюхи, видимо, уселись в каком-то сарае и праздновали. Можно было сказать, что если вся прислуга дома не присоединилась к импровизированной вечеринке, то им повезло.

Уильям тоже самостоятельно поставил лошадь и подумал о том, что сейчас ему нужна только ванна и спокойный вечер в обществе жены. По крайней мере в этом можно быть практически уверенным. Гвинеира рано

уходила к себе, и если Кура снова будет настаивать на том, чтобы провести несколько часов у рояля, сегодня Уильям ничего не имел против личного концерта. При этом он может пить виски — и предвкушать, что они потом устроят в спальне. Как и прежде, каждая ночь с Курой становилась открытием. Чем больше опыта она набиралась, тем более утонченные идеи приходили ей в голову относительно того, как сделать его счастливым. Она не испытывала никакого стыда, любила всеми фибрами души и предлагала ему свое гибкое тело в таких позах, от которых иногда краснел даже Уильям. Но ее радость от любви была совершенно невинной и свободной. В этом отношении она была настоящее дитя природы. И имела природный талант.

Гвинейра придержала перед Уильямом дверь и бросила свой мокрый плащ в прихожую.

— Уф, ну и денек. Думаю, я позволю себе выпить немного виски...

В качестве исключения Уильям целиком и полностью придерживался ее мнения, но ни он, ни она не успели направиться к бару.

Сегодня из салона, вопреки ожиданиям, доносились не пение и игра на рояле, а тихие голоса и громкие всхлипывания.

Плачущая Кура сидела на диване. Мисс Уитерспун отчаянно пыталась успокоить ее.

Уильям обвел комнату строгим взглядом. На столике перед диваном стояли три чайные чашки. Судя по всему, у дам были гости.

— Ты этого хотела! — Увидев бабушку, Кура вскочила и бросила на нее гневный взгляд. — Ты этого хотела! Ты точно знала, что это произойдет! А ты подыграл! — Последнее было адресовано Уильяму. — Ты совершенно не хотел ехать в Европу. Вы все не хотели, чтобы я... чтобы я... — Кура снова начала всхлипывать.

— Кура, веди себя как подобает леди! — Мисс Уитерспун попыталась придать своему голосу суровый оттенок. — Ты замужняя женщина, и это совершенно нормально...

— Я хотела в Англию. Я хотела изучать музыку, — причитала Кура. — А теперь...

— В первую очередь ты хотела Уильяма, ты мне сама сказала, — резко и решительно заявила Гвинейра. — А теперь возьми себя в руки и объясни, почему ты его больше не хочешь. Сегодня утром за завтраком ты казалась мне вполне счастливой. — Гвин действительно налила себе виски. Какая бы блажь ни взбрела в голову Куре, ей нужно было обратиться с силами.

— И это правда, любимая... — Несмотря на то, что Уильяму совсем не нужны были осложнения после такого напряженного дня, он присел рядом

с Курой и попытался обнять ее. Может быть, она спросит, почему от него воняет дымом, почему он весь в саже. Но, похоже, Кура совершенно не обратила на это внимания.

— Я не хочу этого... я не хочу... — Она продолжала истерически всхлипывать. — Почему ты не был осторожен? Почему ты... — Она вырвалась из объятий мужа и заколотила кулачками по его груди.

— Постарайся успокоиться, Кура! — строго воскликнула мисс Уитерспун. — Ты должна радоваться, вместо того чтобы бушевать. А теперь прекрати плакать и расскажи своему мужу последние новости!

Гвинейра тем временем решила подойти к проблеме с другой стороны. Она обернулась к Моане, экономке-маори, которая как раз собралась убрать чайную посуду.

— Кто приходил в гости, Моана? Почему моя внучка так расстроена? Что-то случилось?

Широкое лицо Моаны просияло. Судя по всему, она совершенно не переживала.

— Я не слышать, мисс Гвин, — довольно объяснила она, но потом понизила голос, словно сообщая великую тайну: — Но была мисс Франсина. Мисс Уитерспун посылать за ней для Куры!

— Франсина Кеңдлер? — Недовольное лицо Гвинейры просветлело. — Акушерка из Холдона?

— Да, — всхлипнула Кура. — А теперь можете радоваться, что привязали меня к этой проклятой ферме! Я беременна, Уильям, я беременна!

Уильям переводил взгляд с плачущей Куры на смущенную мисс Уитерспун, а затем на сияющую Моану. Наконец он поглядел на Гвин, которая пила виски и на лице которой появилось выражение довольной кошки, наконец-то пробравшейся в молочную кладовую. А потом она посмотрела на него.

И Уильям Мартин понял, что Гвинейра Уорден МакКензи в этот миг простила ему все.

Глава 6

В то время как Уильям Мартин таким образом укрепил свое положение на Киворд-Стейшн, в Квинстауне праздновали свадьбу Илейн О'Киф и Томаса Сайдблоссомом.

Атмосфера была немного напряженной, особенно во время обязательного вальса, который должны были танцевать мать невесты и отец жениха. Флёретта О'Киф вела себя так, словно ее принуждает к танцу некий гипертрофированный Вета. По крайней мере так выразился Джордж, и за это был отчитан своей бабушкой Хелен. Рубен нашел его замечание весьма подходящим, хотя и не преминул отметить, что Флёретта никогда не боялась крупных насекомых, — в отличие от контакта с Джоном Сайдблоссомом.

Сам Рубен наслаждался танцем с юной мачехой Томаса. Зои Сайдблоссом едва ли исполнилось двадцать лет, и она действительно была очень красива. У нее были золотые волнистые волосы, уложенные в прическу, хотя обычно она носила их распущенными. Лицо ее было аристократически бледным, с ровными чертами, глаза — темно-карими, что, с учетом цвета ее волос и кожи, выглядело очень необычно. Молодая женщина была вежливой и воспитанной, и Рубен не мог подтвердить мнение Леонарда относительно того, что она красива, однако холодна как лед.

Впрочем, что касается вопроса о красоте, то невеста сегодня превзошла всех. На Илейн было богато вышитое белое платье с широкой юбкой и очень тонко зашнурованной талией. Она практически ничего не могла есть за столом. Лицо ее, казалось, сияло изнутри, а волосы сверкали под кружевной фатой и венком из белых цветов. Джеймс МакКензи заверил ее, что никогда не видел такой красивой невесты, кроме, может быть, своей Гвинеяры, и для Илейн это стало самым чудесным комплиментом. В конце концов, последней невестой, которую видел ее дед, была Кура Уорден. По числу гостей и размаху свадебное торжество Илейн тоже ни в чем не уступало празднику Куры. Джордж Гринвуд не преминул приехать со всей своей семьей — наверняка в ответ на настоятельные просьбы Дженни, желавшей укрепить знакомство со Стивенном. С момента прибытия Гринвудов оба не спускали друг с друга глаз.

— Смотри, твоя дочь будет следующей невестой, — стал поддразнивать Джеймс МакКензи гордого отца.

— Я ничего не имею против, — заявил Джордж. — Но думаю, что молодой человек для начала хочет закончить учебу. И Дженни еще тоже очень молода, хотя, похоже, детям этого поколения юный возраст совершенно не мешает!

Томас и Джон Сайдблоссом вели себя безупречно на протяжении всего торжества. Сайдблоссом заставил себя почти дружески поприветствовать даже Джеймса МакКензи. Флёретта ожидала худшего, ведь как бы там ни было, именно Джон тогда поймал угонщика скота Джеймса МакКензи и потащил его в суд. Причем последнее — в прямом смысле слова; у Джеймса тоже были свои причины сильно ненавидеть отца жениха. Но от него Флёретта ожидала хорошей выдержки. Он старался держаться как можно подальше от Сайдблоссом, особенно когда наступил вечер и рекой полилось виски. Флёретта строго следила за тем, сколько пьет Джон, несмотря на то что знала, что он может переварить целую прорву и ничего не будет заметно. Он и на этот раз поступил точно так же, но если его поведение и изменилось хоть сколько-нибудь, то лишь в том, что он стал крепче обнимать свою молодую жену — особенно в те моменты, когда Зои осмеливалась заговорить с кем-нибудь из мужчин или даже потанцевать.

То же самое заметила и Ингер, которая из-за своего большого живота отказалась от роли подружки невесты, — но только со стороны Томаса Сайдблоссом. Он не спускал с Илейн взгляда, и чем дальше, тем более властным казался. А Илейн в этот день стала практически самой собой. Она чувствовала себя бесконечно счастливой благодаря удавшемуся празднику, приветливым и восхищенным взглядам гостей и множеству комплиментов. Но, конечно же, она нервничала, ведь ей предстояла первая брачная ночь — Томас заказал самую большую комнату в пансионе Хелен.

Раньше нервозность Илейн выражалась в безостановочной болтовне: она просто выговаривала и высмеивала свой страх.

Сейчас она попыталась сделать то же самое. Перемены в ее поведении после предательства Уильяма постепенно сходили на нет. Илейн шутила с Дженни Гринвуд и своим братом, позволяла Джорджи поддразнивать себя и танцевала с Сёреном.

Последнее Томас решительно пресек: он вышел на танцплощадку, встал между болтающими молодыми людьми и холодно улыбнулся.

— Вы не против, если я украду у вас свою жену? — вежливо поинтересовался он, серьезно глядя в глаза Сёрену.

Молодой швед попытался сохранить видимость шутливого тона.

— Вы ведь сами сказали, что она ваша! — приветливо ответил он, отпустил Илейн и церемонно поклонился ей. — Очень приятно, миссис

Сайдблоссом!

Илейн впервые услышала свою новую фамилию и так обрадовалась и разволновалась, что совершенно не обратила внимания на недовольство Томаса.

— О, Томас, разве этот праздник не чудесен? — с трудом переводя дыхание, щебетала она. — Я могла бы танцевать вечно...

— Ты танцуешь уже слишком долго, — заметил Томас и умело закружил Илейн в вальсе, игнорируя ее попытку нежно прижаться к нему. — И слишком со многими. Ты ведешь себя неподобающе. Это совсем не похоже на тебя. Нам пора уходить.

— Уже? — разочарованно спросила Илейн.

Она надеялась посмотреть фейерверк над озером. Джорджи намекал на это, да и родители знали, что она всегда мечтала о фейерверке в день свадьбы.

— Пора, — повторил Томас. — Мы поедem на лодке. Я договорился с твоим отцом.

Илейн знала об этом, потому что видела, как Дженни со Стивеном все утро были заняты тем, что украшали лодку цветами. Ночная прогулка пары должна была быть романтической, и Илейн с нетерпением ждала этого. Однако она все же испытывала некоторую грусть из-за того, что ей не разрешили забрать с собой на Лайонел-Стейшн Баньши. У кобылы появился жеребенок. Несколько месяцев тому назад она произвела на свет прекрасного жеребца. Миниатюрный жеребец был коренаст и совершенно здоров; он без проблем смог бы преодолеть расстояние до Лайонел-Стейшн вместе с матерью. Однако Томас заявил, что это задержит всех, потому что кобылка не сможет бежать достаточно быстро. Впрочем, Илейн не разделяла его мнения, поскольку кортеж и не собирался двигаться быстро. Рубен отправлял в Лайонел-Стейшн грузовую повозку с приданным и некоторыми покупками Сайдблоссомов, а Зои путешествовала в карете. С учетом более чем плохих дорог между Квинстауном и фермой это наверняка могло дать больше поводов для задержек, чем присутствие крепкого жеребенка из породы кобов. Однако Томас настоял на своем, и Илейн уступила. Джон Сайдблоссом сможет забрать ее кобылку во время следующего визита в Квинстаун. А в ближайшие дни Илейн составит компанию Зои в ее комфортабельной полукаретке.

Илейн не стала ни с кем прощаться, и Ингер ободряюще улыбнулась подруге, когда Томас повел ее к украшенной венками лодке. Катание по реке действительно стало очень романтическим, особенно когда в поместье «Слиток» зажгли фейерверк. Илейн наслаждалась яркими каскадами света

и звездным дождем над темными силуэтами деревьев и не удержалась, начав болтать о прелести отражающихся в воде зеленых, синих и красных огней.

— О, Томас, это была чудесная идея — полюбоваться фейерверком с реки, и он только для нас! Посмотри, разве сегодняшняя ночь не прекрасна? Мы должны любить друг друга прямо здесь, под открытым небом, как маори... Моя бабушка Гвинейра рассказывала о таких романтических историях. Когда она была молода, она всегда ездила с погонщиками скота, и потом... Ах, Томас, я тоже так хочу! Я так рада, что буду жить на ферме, со всеми этими животными... И Келли — чудесная пастушка! Смотри, мы вдвоем заменим троих перегонщиков! — Илейн сияла от счастья и снова предприняла попытку прижаться к Томасу, как когда-то к Уильяму. Но тот снова оттолкнул ее.

— Что за идея! Перегон скота! Ты моя жена, Илейн! Ты ни в коем случае не будешь возиться в стойлах! Поистине, сегодня я тебя совершенно не узнаю. Неужели шампанское в голову ударило? Садись на свое место и сиди тихо, пока не приедем. Эта болтовня невыносима!

Отрезвленная его грубым тоном, Илейн ушла на свою скамью.

Но затем музыка на берегу прервала ссору между молодой парой. Лодка проезжала мимо Стеферс-Стейшн. Судя по всему, друзья Илейн из племени маори, которые вернулись как раз к перегону скота, собрались у реки, чтобы спеть серенаду для брачующихся.

Илейн разглядела *хака*, что-то вроде музыкального спектакля, во время которого действие изображалось в танце, мужчины и женщины пели, а на заднем плане играли на таких традиционных инструментах, как *коауау*, флейтах *нгуру* и *паторино*.

— О, Томас, давай остановимся! — попросила восхищенная Илейн. — Они играют для нас...

А потом увидела перекошенное лицо Томаса. Гнев? Боль? Ненависть? Казалось, что-то вызывает в нем неукротимую, почти неудержимую ярость. И странную примесь страха...

Илейн отодвинулась в свой уголок лодки, а Томас все с тем же перекошенным лицом взялся за весла. В принципе, течения реки хватало для того, чтобы позволять реке просто нести лодку, однако Томас греб с такой силой, словно старался от кого-то убежать.

У Илейн на языке вертелись тысячи вопросов, но она молчала. Томас оказался совсем не таким, каким она ожидала его увидеть. Постепенно Илейн начинала испытывать страх перед первой брачной ночью, хотя до этого ей удавалось сдерживать свою нервозность в рамках приличия. После

разговоров с Ингер и Марен и, в первую очередь, после ласк Уильяма она казалась себе уже вполне опытной. С недавних пор девушка снова разрешила себе думать об Уильяме — почти без горечи. Она вспоминала его прикосновения и поцелуи. Ей нравилось позволять ему прикасаться к себе, и от возбуждения она становилась влажной. Тогда она чувствовала себя неловко, однако Ингер сказала ей, что это совершенно нормально и сильно облегчает любовь для женщины. Вот и недавно, когда она сидела рядом с Томасом и восхищалась фейерверком, девушка почувствовала, как к срамному месту приливает тепло, как она становится влажной, однако теперь от этого не осталось и следа. Что, если Томасу не удастся потом снова возбудить ее? И захочет ли он вообще делать это? В данный момент ей казалось, что он готов разорвать на клочки любого.

Илейн энергично отбросила эти мысли прочь. Томас наверняка обнимет ее, погладит и будет нежен. И она будет готова принять его.

К их огромному удивлению, в пансионе Хелен их ожидали близняшки. А ведь обе они совсем недавно танцевали на свадьбе!

— Даф... э-э-э, то есть мисс Хелен сказала, что мы должны прийти пораньше и помочь вам, миссис Лейни! — защебетала Мэри.

— Потому что кто-то должен помочь вам раздеться! — добавила Лори. — И с волосами...

Томас был не в восторге.

— Большое спасибо, но я сам помогу жене, — отказался от помощи он. Но не принял во внимание упрямство близняшек, получивших четкие указания Дафны О'Рурк.

— Нет, нет, мистер Томас, так не годится! — запротестовала Мэри. — Мужчина должен ждать, пока девушка будет готова. У нас уже готов горячий шоколад...

Томас заскрипел зубами и с трудом сдержался.

— Принесите мне виски!

Лори покачала головой.

— Никакого алкоголя в доме мисс Хелен, в лучшем случае вино. У нас есть бутылка, но она на потом. Можете немного выпить с миссис Лейни, когда...

— До или после, — захихикала Мэри.

Томас сжал кулаки. Его собираются контролировать здесь? Сначала эта флейта на берегу реки... проклятые маори! Они снова пробудили в нем это чувство, эти воспоминания! А теперь эти бабы! Какое им дело до того, что он делает со своей женой? А Илейн, похоже, еще и рада отсрочке.

— До скорого, любимый! — прощбетала она и, довольная, стала подниматься по лестнице вслед за близняшками.

Томас опустилс в кресло и заставил себя успокоиться. Завтра никто уже не встанет у него на пути...

Мэри и Лори устроили настоящее представление из переодевания Илейн, расчесывания и укладывания ее волос. Наконец Мэри помогла ей надеть чудесную шелковую ночную сорочку с дорогой вышивкой, а Лори налила вино в хрустальный бокал.

— Вот, миссис Лейни, выпейте! — приказала она. — Это очень хорошее вино, свадебный подарок от Дафны.

— Вас послала Дафна? — Внезапно Илейн занервничала. До сих пор она полагала, что этот сюрприз для нее подготовила Хелен.

Мэри кивнула.

— Да, миссис Лейни. И она сказала, что вы должны обязательно выпить бокал заранее, а потом еще один вместе с ним, прежде чем... ну, вы понимаете. Глоток вина сделает все легче и приятнее.

Илейн знала, что сейчас леди следовало возмутиться, потому что с Уильямом ей не нужен был алкоголь, чтобы чувствовать себя в его объятиях хорошо и уверенно. Но, судя по всему, Дафна знает, о чем говорит. И девушка послушно выпила вино. Оно было сладким. Илейн улыбнулась.

— Тогда скажите, пожалуйста, мистеру Томасу...

— ...что вы готовы? — почти хором захихикали близняшки. — Сделаем, миссис Лейни! И удачи!

Томас не захотел вина. А Илейн казалось, что будет красиво предстать перед ним в облике римской богини любви, в красивой ночной сорочке, с распущенными волосами и бокалом вина в руке, чтобы поприветствовать своего возлюбленного. Но Томас отодвинул бокал — еще немного, и он выбил бы его у нее из руки.

— Что это значит, Илейн? Мы что, в игры играем? Ложись в постель, как послушная жена. Я знаю, что ты красива, тебе совершенно нет нужды демонстрировать себя подобно шлюхе.

Илейн судорожно сглотнула. Словно побитая собака, она отошла к постели и легла на спину. Судя по всему, это Томасу понравилось.

— Вот так-то лучше. Подожди, пока я разделюсь. Ты могла бы помочь мне в этом, но не полуголой, это не подобает леди. А теперь подожди.

Томас спокойно разделся, аккуратно сложил вещи на стул. Но Илейн

все равно слышала, что он дышит быстрее обычного, и испугалась, когда увидела его член после того, как он снял брюки. Ингер сказала, что он набухнет... но чтобы так? О боже, ведь если он войдет в нее этим, будет больно! Илейн сжалась, перевернулась на бок и слегка отодвинулась от него. Томас бросил на нее сердитый взгляд. Теперь его дыхание участилось еще больше. Он схватил ее за плечи, резким движением вернул в исходное положение и лег сверху.

Илейн хотела закричать, когда он вошел в нее без подготовки, но он закрыл ей рот своим. Его язык и член оказались в ней одновременно. Илейн едва не укусила его от ужаса и боли. Она захныкала, когда он стал двигаться внутри нее, постанывая от наслаждения. Его движения стали быстрее, дыхание стало прерывистым — Илейн едва могла сдерживаться от боли.

— Ах, как хорошо было... — это были его единственные слова, когда чуть позже он перевел дыхание.

— Но... — Илейн собралась с духом, когда боль отступила. — Ты не хочешь... разве ты не должен сначала поцеловать меня?

— Я совершенно ничего не должен, — холодно заметил Томас. — Но если ты хочешь...

Ему понадобилось совсем немного времени, чтобы отдохнуть; затем он снова лег на нее сверху и на этот раз поцеловал — сначала в губы, так же глубоко и требовательно, как только что, затем в шею и грудь. Это тоже было больно, потому что больше напоминало укусы, чем поцелуи, совсем не так, как с Уильямом. Илейн сжалась еще сильнее. Она застонала, когда он снова вошел в нее, и на этот раз ей казалось, что это никогда не закончится. Но затем он отпустил ее. Снова была жидкость, как и в первый раз. Теперь Илейн знала, что вымывают из себя шлюхи уксусной водой, если их заставляли заниматься любовью в неподходящие дни. И мысль о небольшом количестве уксусной воды или хотя бы воды с мылом показалась вдруг очень заманчивой. Она чувствовала себя израненной, испачканной и обесчещенной. Замерев, она лежала рядом с Томасом, который вскоре уснул. Дрожа, Илейн выбралась из постели.

Ванная на этом этаже находилась прямо рядом с ее комнатой. Если немного повезет, в это время никто не будет выходить из комнаты; постояльцы пансиона еще были на свадьбе. На ее свадьбе.

К удивлению Илейн, в ванной комнате горели лампы и близняшки ждали ее с мисками горячей воды и ароматным мылом.

Увидев обеих, Илейн разрыдалась. Вот в чем заключался свадебный подарок Дафны! Она не должна была пережить это в одиночку. И, судя по

всему, близняшки знали, что делают. Сейчас они даже щебетать перестали, говорили негромко и пытались ее утешить, сняли с нее сорочку и вымыли тело.

— Бедняжка! Завтра еще будет больно, но потом быстро заживет.

Лори потеряла губкой пятна, оставшиеся после жадного посасывания и укусов Томаса, которые он называл «поцелуями».

— Это всегда так? — всхлипывала Илейн. — Если каждый раз будет так, я лучше умру...

Мэри обняла ее.

— Нет. К этому привыкаешь.

Илейн вспомнила, как Дафна говорила близняшкам, что привыкнуть к этому невозможно.

Лори дала ей еще немного вина; судя по всему, Дафна прислала не одну бутылку. Илейн пила жадно, как никогда. Говорят, в вине можно найти забвение, но даже если так, она знала, что случившееся повторится и завтра, и послезавтра...

— Поблагодарите Дафну, — прошептала Илейн, прощаясь с близняшками, и с бьющимся от страха сердцем вернулась в комнату, где спал ее супруг.

— И что мы скажем Дафне? — спросила Лори сестру, когда женщины собирали вещи. — Я хочу сказать, он ведь не был с ней мил...

Мэри пожала плечами.

— Верно. Но разве многие милы? Дафна не спрашивала, мил ли он. Она хотела знать, будет ли он... — Она пристыженно замолчала.

Лори поняла ее без слов.

— Да, ты права. Просто мне так стало жаль мисс Лейни. Но, судя по всему, мисс Дафне беспокоиться не о чем. Насколько я могу судить, он нормальный.

Глава 7

Илейн очень обрадовалась, узнав, что на следующее утро ей не придется ехать верхом. Не только потому, что невероятно сильно болел низ живота и вообще все тело (она спала очень плохо, в неудобной позе, на краешке кровати), но и потому, что ее лицо опухло и покраснело от слез. Впрочем, Томас на это ничего не сказал, равно как и Зои, с которой ей предстояло делить карету на протяжении ближайших дней, а потом и дом. Илейн надеялась на какое-то дружеское участие, ведь молодая женщина наверняка догадывалась, что случилось этой ночью. Но Зои упрямо молчала. А больше Илейн довериться было некому.

Сайдблоссомы захотели уехать пораньше, и Илейн едва успела обнять родителей на прощание. Конечно же, Флёретта увидела, что с ней что-то не так, но для расспросов времени не осталось. Только с Хелен Илейн удалось увидеться наедине, когда она помогала ей выносить посуду для завтрака. Та сразу же заметила натянутые болезненные движения Илейн.

— Плохо было, дитя? — сочувственно поинтересовалась пожилая леди.

— Это было ужасно.

Хелен понимающе кивнула.

— Знаю, маленькая моя. Но будет лучше, поверь мне. И ты молода, быстро забеременеешь. Может быть, тогда он оставит тебя в покое.

Всю первую половину дня пути Илейн провела в карете, судорожно пытаясь вычислить, могло ли случившееся прошлой ночью привести к зачатию ребенка. Все в ней восставало при мысли о том, что она могла зачать. Но постепенно она успокоилась. Последнее кровотечение у нее закончилось четыре дня назад, и если верить Ингер, зачать в это время было невозможно.

У полукаретки Зои были довольно хорошие рессоры, однако дороги вокруг озера Вакатипу находились не в самом лучшем состоянии. Илейн издавала стон каждый раз, когда они снова попадали в особенно глубокую выбоину. Она отчаянно пыталась завязать разговор с Зои, но у молодой женщины, похоже, не было интересов, кроме домашнего хозяйства и различных предметов роскоши, которыми она украшала Лайонел-Стейшн. Она могла долго говорить о мебели и тканях для занавесок, и при этом молодой женщине не приходило в голову спросить мнение Илейн и

поинтересоваться, что нравится лично ей. Спустя несколько часов Илейн была исполнена решимости не позволять мужу ограничивать ее занятия одним домом. С Зои ей будет невероятно скучно. Нужно завоевать место на овечьей ферме, ведь бабушке Гвин это в конце концов удалось. Она задумчиво поглаживала Келли, которая, конечно же, заметила, что ее хозяйка нуждается в утешении.

Зои недовольно поглядела на животное.

— Надеюсь, ты не собираешься держать свою псину в доме?

Илейн заметила, как в ней закипает ярость.

— Она не псина. Это кивордский бордер-колли. Это самые известные собаки во всей Новой Зеландии. Пятнице, ее бабке, даже хотели поставить памятник в Крайстчерче. Они ведут свой род от силкхэмских колли, которые известны во всей Великобритании. — Илейн, раздраженная вопросом Зои, добавила: — Если бы у всех переселенцев человеческого рода была такая родословная...

Красивое лицо Зои скривилось, превратившись в яростную маску. Илейн совершенно не хотела задеть собеседницу; ее последнее замечание было скорее шуткой. Но, похоже, предки Зои были не самыми приличными людьми.

— Я не хочу, чтобы в доме были животные! И Джон тоже! — резко заявила она.

Илейн напряглась. Если Зои хочет побороться за власть...

— У нас с Томасом наверняка будут свои комнаты, — произнесла она. — Которые я смогу обставить по своему вкусу. Например, я не люблю рюши и воланы.

На протяжении нескольких следующих часов в полукаретке царило молчание. Илейн сосредоточилась на красоте окружающих пейзажей и осматривала места, мимо которых они проезжали. Сначала они ехали вдоль озера, затем пересекли равнину в направлении Эрроутауна. Здесь росла трава, похожая на ту, что растет на Кентерберийской равнине. Несмотря на то что в этих местах не было такого простора, растений оказалось значительно больше. Тут должен был быть центр овцеводства, если бы стригаль по имени Джек Тева почти тридцать лет назад не нашел здесь золото. С тех пор в эту местность устремлялись золотоискатели. В первую очередь вырос городок Эрроутаун. Илейн спрашивала себя, действительно ли в ручьях, мимо которых они проезжали, и в реках, чудесные берега которых, поросшие лесом, приглашали остановиться и отдохнуть, есть золото.

Томас говорил ей, что они переночуют в Эрроутауне, на самом же деле

они оставили город позади и сделали остановку на овечьей ферме, с владельцем которой был знаком Сайдблоссом. Впрочем, дом имел мало общего с Киворд или Лайонел-Стейшн; он был очень простым, комнаты для гостей — крошечными. Однако хозяева оказались радушными людьми, как, в общем-то, и все фермеры в Новой Зеландии. Ведь Гарден-Стейшн тоже была расположена в очень уединенном месте и гости сюда приезжали редко. Илейн по мере сил старалась удовлетворить любопытство мисс Гарденер относительно новостей из Квинстауна и Отаго, несмотря на то что желания болтать у нее не было. На самом деле она чувствовала смертельную усталость и опустошенность после поездки, а душа ее наполнилась страхом в ожидании ночи с Томасом. Во время путешествия и утром ее супруг практически не обмолвился с ней ни словом, и теперь разговор с мистером Гарденером поддерживала исключительно мужская часть представителей семейства Сайдблоссомов. Женщины были предоставлены сами себе. От Зои помощи ждать не стоило. Она молча ела предложенные блюда. От усталости и нервозности Илейн не могла проглотить и кусочка, а миссис Гарденер тем временем расспрашивала ее. Наконец Зои попросила разрешения удалиться. Илейн с удовольствием последовала за ней, а миссис Гарденер, которая, казалось, и была слегка разочарована, проявила понимание.

— Должно быть, вы устали, деточка, после свадьбы-то... а потом сразу такое путешествие. Я еще очень хорошо помню то время, когда я только вышла замуж...

Илейн опасалась, что сейчас начнутся пространные рассуждения о жизни в браке, но миссис Гарденер, похоже, хотела намекнуть на что-то другое. Когда она принесла Илейн воду для мытья, то словно бы невзначай рядом с миской поставила горшочек с мазью.

— Может быть, вы найдете ей применение, — произнесла она, не глядя на Илейн. — Я делаю ее сама, из свиного жира и экстрактов растений. Видите ли, календула растет у меня в саду.

До сих пор Илейн никогда не прикасалась к своему срамному месту, но когда миссис Гарденер ушла, она с гулко бьющимся сердцем зачерпнула мазь из баночки и смазала ею израненную область между ногами. Боль мгновенно улеглась. Переведя дух, Илейн разделась и упала на постель. Томас еще пил с Гарденером и его сыновьями — судя по всему, он способен был выпить так же много, как и его отец, и Илейн уснула прежде, чем Томас пришел к ней. Впрочем, это ее не спасло. Она проснулась в испуге, оттого что кто-то схватил ее за плечо и перевернул на спину. Девушка испуганно вскрикнула. Келли, спавшая у порога, залаяла.

— Успокой эту тварь! — хрипло проревел Томас.

Илейн увидела, что он уже разделся. Кроме того, он крепко держал ее. И как она должна идти успокаивать собаку?

— Уходи, Келли! Все в порядке! — Илейн попыталась позвать животное, но ее голос звучал так испуганно, что она и сама не поверила бы себе. А ведь собаки очень хорошо чувствуют настроение...

Наконец Томас оторвался от жены, подошел к двери и выгнал собаку грубым пинком. Келли заскулила, но продолжала лаять. Теперь Илейн боялась уже не за себя, а за собаку. Она перевела дух, услышав в коридоре приветливый голос миссис Гарденер. Судя по всему, она увела сопротивляющуюся Келли. Илейн возблагодарила Бога и хозяйку дома и покорно легла в постель, в то время как Томас вернулся к ней.

Сегодня он тоже не стал тратить время на нежности. Вместо этого вошел в жену, даже не раздев ее. Он задрал ей сорочку настолько резко, что она порвалась.

Илейн задержала дыхание, чтобы не закричать, — было бы очень неприятно, если бы услышала миссис Гарденер. Но на этот раз, когда он задвигался в ней, это оказалось далеко не так больно, как прошлой ночью. Кроме того, мазь помогла Томасу войти с меньшим сопротивлением. Этой ночью он ограничился одним разом и, судя по всему, сразу заснул, как только успокоилось дыхание. Он даже не стал утруждать себя тем, чтобы скатиться с тела Илейн. Она чувствовала запах его пота и резкий запах виски. Должно быть, он выпил много. Чувства Илейн колебались между страхом и отвращением. Проснется ли он, если она шелохнется под ним? Спать в таком положении всю ночь она вряд ли сможет, это исключено.

Наконец она собралась с духом и отодвинула тяжелое тело Томаса в сторону. Затем со всей предосторожностью выбралась из постели, нащупала свой халат — элегантную вещь, купленную в Данидине, заказывая которую она представляла себе уютные завтраки с любимым супругом, — и выбралась из комнаты. Уборная находилась внизу, рядом с проходом в кухню, поэтому Илейн нужно было спуститься по лестнице. Из кухни она услышала тихое поскуливание. Это скулила Келли. Илейн забыла о том, что собиралась сделать, открыла дверь в кухню и пошла на жалобный голос. Наконец она нашла собаку в углу кладовой миссис Гарденер. Здесь же Илейн и уснула, однако, к счастью, проснулась до того, как рассвело. Она поспешно заперла Келли и украдкой поднялась по лестнице. Хорошо, что Томас ничего не заметил. Он по-прежнему спал, лежа поперек узкой кровати, и храпел. Илейн вытащила из-под Томаса одеяло и провела остаток ночи, свернувшись калачиком на полу. И только

когда утром Томас сонно пошевелился, она смогла улечься на край кровати.

Если так пойдет и дальше, она умрет от недосыпания. Илейн чувствовала себя ужасно. Сочувственные взгляды миссис Гарденер делу не помогли.

— Возьмите мою мазь с собой... ах да, и рецепт я вам сейчас тоже запишу! — произнесла добродушная хозяйка дома. — Жаль, что вы не оставите мне за это свою маленькую собачку! Такое милое животное! Она сослужила бы нам хорошую службу!

Илейн в панике едва не решила подарить свою Келли; тогда животное, по крайней мере, оказалось бы в безопасности. Ночью она боялась, что Томас может серьезно покалечить Келли, пиная ее. Но в Лайонел-Стейшн можно будет решить проблему. Вместо этого она решила написать письмо бабушке Гвин. Наверняка в Киворд-Стейшн найдется колли для миссис Гарденер; нужно будет только проследить, чтобы ее привезли сюда. Но это вполне можно устроить. В этот день Илейн готова была подарить приветливой хозяйке все, что угодно!

Этот день оказался похож на предыдущий. Они ехали по дороге в сторону Кардроны и быстро поднялись в горы; временами здесь еще даже встречался снег. Илейн, по-прежнему очень усталая и израненная, мерзла в карете. Она не подумала о том, чтобы достать из багажа свое зимнее пальто. Наконец возникший ее отца, молодой расторопный рыжеволосый ирландец, остановился и достал для мерзнущих женщин одеяла и меха, которые они везли в сундуках. Теперь Илейн было тепло, но, несмотря на это, она перевела дух только тогда, когда они доехали до отеля в Кардроне, где им предстояло провести ночь. Это было простое приземистое деревянное строение, в барный зал которого женщин не допускали. Илейн и Зои не разрешили даже погреться у камина, и им пришлось сразу отправиться в свои комнаты. Там горничные накрыли им ужин и принесли теплое пиво, и Илейн выпила столько, сколько в нее влезло. На вкус напиток был отвратительным. Раньше она никогда не пила алкогольные напитки, не считая вина, но вспомнила о подарке Дафны. Алкоголь может все облегчить.

К сожалению, пиво не подействовало, как раз напротив. Эта ночь была хуже всего, что довелось пережить Илейн до сих пор, потому что на этот раз Томас пришел к ней почти сразу после прибытия, к тому же он не был пьян. Сначала Илейн надеялась, что это сделает его терпеливее и нежнее, но она задрожала уже от одного его прикосновения. К ее ужасу, его это, похоже, только возбудило.

— Ты очень красива, когда так ломаешься! — произнес он. — Мне нравится гораздо больше, чем тот номер, который ты недавно отколола. И это, надо признать, подходит моей невинной малышке из деревни...

— Пожалуйста, не надо! — Илейн отодвинулась, когда он схватил ее за грудь. Она еще не успела полностью раздеться, на ней был надет корсет, но его это не смущало. — Пожалуйста, не так... разве мы не можем быть немного... нежными?

Она покраснела под его насмешливым взглядом.

— Нежными? Что ты хочешь этим сказать? Какая-то игра? Тебя научила чему-то твоя подружка-шлюха? Не надо мне ничего рассказывать. Я узнавал о твоём окружении! И как же ты хочешь? Так?

Он сорвал с нее корсет, швырнул ее на кровать и стал мять груди. Это было больно, Илейн стала извиваться под его руками, но он только рассмеялся и уже собрался войти в нее.

— Или что-то более необузданное? Может быть, так?

Илейн захныкала, когда он перевернул ее.

«Мужчины и женщины обычно смотрят друг на друга, когда делают это», — говорила Ингер. Но разве это обычно?

На протяжении следующего дня пути они спускались с гор. Путешествие пошло быстрее, стало ощутимо теплее. Среди скал теперь показалась трава. Кое-где пробивались желтые и белые весенние цветы, но они совершенно не радовали Илейн, погруженную в мрачные мысли. У озера Ванака, это она помнила еще по своему первому путешествию, пейзажи были красивее, чем в Квинстауне. Скалы не так резко сходили к озеру, здесь были пляжи и леса. День был чудесным. Впервые со дня свадьбы погода прояснилась, и вид на озеро открыл взгляду сказочный пейзаж. К темно-синей воде льнул пляж, массивные деревья отражались в воде, и, казалось, здесь не было ни единой души. Однако это впечатление было обманчивым, поскольку здесь неподалеку находилось местечко Ванака — маленький город, сравнимый с Холдоном, что рядом с Киворд-Стейшн, вот только расположенный в гораздо более живописном месте. Сайдблоссомы пересекли Ванакку днем, а затем поехали вдоль реки Кардрона по направлению к озеру Хавеа. Это был большой крюк, но другая дорога вела прямо вдоль озера через горы, и там практически не было возможности проехать с повозками.

Последнюю ночь путешественники снова провели на ферме, теперь у реки Хавеа. А затем наконец-то Илейн смогла перевести дух. Мужчины так напились самодельным виски ирландского фермера, что Томас даже не

дошел до постели. Илейн впервые за последние дни выпалась, и настроение у нее значительно улучшилось, когда выяснилось, что им предстоит завершающий этап путешествия. Впрочем, по пути она нервничала все больше и больше. Неужели во время первого приезда они ехали через эти безлюдные горы? Пейзажи были восхитительны, и от вида на темно-синее озеро посреди гор просто захватывало дух, но за весь день им не встретилось ни одно поселение. Илейн взглянула правде в глаза: даже если ей дадут лошадь — между Лайонел-Стейшн и Ванакой два дня пути верхом! То, на что она раньше практически не обращала внимания, предстало перед ней совершенно четко: Сайдблоссомы, Зои и, возможно, еще парочка перегонщиков скота, будут единственными белыми людьми, которых она теперь будет видеть на протяжении нескольких месяцев.

Лайонел-Стейшн располагалась в Макароа, на западном берегу озера Пукаки. Поместье занимало бухту у впадения реки Макароа в озеро, и вокруг господского дома, так же как и вдоль озера до высокогорья МакКензи, простиралась пастбища, где паслись овцы Сайдблоссомов. Слуги в доме были исключительно из маори, но, судя по всему, деревня туземцев находилась не очень близко: люди спали во временных постройках в Лайонел-Стейшн. Даже Илейн, которая не слишком хорошо разбиралась в обычаях маори, могла бы сказать, что это вело к частой смене прислуги. Маори были привязаны к семье, их тянуло назад, в племя, несмотря на то что они работали на *пакеха*. Ожидавшая их сегодня прислуга состояла по большей части из других людей, чем те, что запомнились Илейн по прошлому визиту. По дороге Зои ругалась, жалуясь, что ей приходится постоянно нанимать на работу новых людей. Впрочем, ей это удавалось, поскольку новые слуги, как и прежние, вели себя безупречно. За ними следила экономка-маори: Илейн узнала пожилую женщину, которую зимой ей представили как Эмере. На ее лице была татуировка, но даже без традиционного украшения маори она выглядела бы мрачно. У нее были длинные черные распущенные волосы, в которых уже появились белые нити, — необычно для служанки при такой строгой хозяйке, как Зои, ценившей западную одежду и даже настоявшую на том, чтобы горничные носили чепчики. Однако Эмере, похоже, командовать собой не позволяла. Она казалась самоуверенной и при встрече смерила Зои и Илейн оценивающим взглядом бездонных невыразительных глаз.

Илейн поздоровалась с ней так сердечно, насколько это было возможно после такого путешествия. Нужно построить хорошие отношения хотя бы с прислугой; совсем без друзей в Лайонел-Стейшн

будет плохо.

Впрочем, Томас не оставил ей времени для долгого вступления.

— Идем, Илейн, я покажу тебе, где мы будем жить. Я велел обставить западное крыло исключительно для нас. Зои была так мила, что помогла мне с мебелью.

Илейн, которая после первой ночи в одиночестве стала не такой запуганной и послушной, а начала сердиться на такое обращение, недовольно пошла за ним.

Томас замер перед входом; дверь в западное крыло вела из шикарно обставленного холла.

— Перенести тебя через порог? — с усмешкой спросил он.

Илейн почувствовала, как в душе закипает ярость.

— Прибереги свою романтичность для интимных часов! — резко ответила она.

Томас удивленно посмотрел на нее, затем взгляд его стал настороженным, в глазах блеснула злость. С непривычным мужеством Илейн ответила на его мрачный взгляд.

Как и ожидалось, в западном крыле было полно цветочных воланов и темной точеной мебели. Ни то, ни другое не отвечало вкусам Илейн. В обычной ситуации ей было бы все равно, поскольку она предпочитала проводить время на улице, а не в доме. Если же она читала интересную книгу, то практически не замечала ничего вокруг. Но теперь Илейн возмутилась.

— А я могу изменить обстановку, если мне что-то не нравится? — спросила она, и тон получился агрессивнее, чем ей хотелось.

— А что тебе здесь не нравится? — поинтересовался Томас. — Обстановка выполнена в самом лучшем вкусе, все, кто смотрел комнаты, сошлись на этом. Конечно, ты можешь поставить свою мебель, но...

— Может быть, у меня не особенно изысканный вкус, но я люблю видеть собственные руки! — заявила Илейн и решительно раздвинула в стороны тяжелые шторы. Для этого ей потребовалось немало сил, поскольку Зои предпочитала тяжелые бархатные полотна, совершенно исключавшие внешний мир. — По меньшей мере это точно нужно убрать!

Томас смотрел на нее, и его взгляд, казалось, гипнотизировал ее. Неужели неделю назад она предполагала ранимость за этим непроницаемым выражением лица? Его тайны уже успели раскрыться. Может быть, в детстве Томас действительно чувствовал себя потерянным и одиноким, однако он нашел способ получать то, что ему нужно.

— Мне нравится, — раздраженно заявил он. — Я прикажу принести

твои вещи. Лучше сразу скажи слугам, куда их поставить. — И с этими словами он отвернулся, оставив Илейн униженной и испуганной, поскольку угроза в его голосе была совершенно неприкрытой.

И что ей теперь делать со всем своим приданым? И из-за ссоры Томас даже не показал ей их общие комнаты. Илейн отчаянно оглядывалась по сторонам.

— Я могу чем-нибудь помочь вам, мадам? — донесся от входа чопорный, но очень молодой голос. — Я Паи, ваша горничная. По крайней мере должна ею быть, если вы не против, так сказала миссис Зои...

Илейн озадаченно глядела на девушку. У нее никогда еще не было горничной. Зачем ей она? Похоже, маленькая Паи этого тоже толком не знала. Ей было самое большее тринадцать лет, и она казалась не на своем месте в черной униформе служанки с белым передником и чепчиком. И это формальное обращение по-французски! Очевидно, Зои послала своей «приемной невестке» ту девочку, которая меньше всего нужна была ей в хозяйстве. Внутри Илейн снова проснулись гнев и упрямство. Но Паи ведь не виновата. Девушка выглядела невинной и симпатичной, со своим широким, непривычно светлым лицом и густыми черными волосами, которые были строго заплетены в косы, подчеркивая сердцевидную линию волос. Наверняка не чистокровная маори, метиска, как и Кура, впрочем, ее красота не настолько ярко выражена.

Илейн улыбнулась.

— Очень рада. *Kia ora*, Паи! Скажи, ты здесь ориентируешься? Сейчас мужчины принесут целую гору вещей, и нам нужно куда-нибудь их расставить. У нас есть... у меня есть еще другие помощники?

Паи усердно закивала.

— Да, мадам, еще одна горничная, Рахера. Но она робкая, плохо говорит по-английски. Ее взяли около двух недель тому назад.

Все было именно так, как и предполагала Илейн. Опытных слуг Зои оставила себе, а ей придется возиться с новичками. Что ж, во всяком случае она постарается задержать девушек на ферме.

— Это не страшно, Паи, я немного говорю по-маорийски, — приветливо сказала она. — А ты по-английски говоришь очень хорошо, так что как-нибудь разберемся. Приведи сюда Рахеру... или нет, сначала покажи мне комнаты. Я должна хоть примерно представить себе, что куда поставить.

Паи повела Илейн по комнатам, и молодая женщина сразу же почувствовала себя лучше. Судя по всему, Илейн была отведена отдельная спальня и гардеробная. Так что ей не придется делить постель с супругом

каждый день или, по крайней мере, не всегда спать рядом с ним. Кроме того, здесь были салон и кабинет, смежные друг с другом; обе комнаты оказались невелики. В принципе, в Лайонел-Стейшн все было устроено так же, как и в Киворд-Стейшн: самые важные комнаты использовались всеми обитателями дома, и ели тоже все вместе. По крайней мере в западном крыле дома не было кухни, зато имелись целых две роскошные современные ваннные комнаты.

Илейн была сообразительна и обладала хорошим пространственным воображением. Поэтому она легко представила себе общую планировку комнат и, когда мужчины — возничий ее отца и один из работников-маори — внесли мебель и сундуки, смогла довольно точно определить, что куда подойдет. Паи тоже оказалась смышленной. Может быть, опыта у нее было маловато, но то, что она должна была делать в качестве горничной, то есть следить за одеждой своей госпожи и сразу перенести ее в гардеробную, она понимала. Итак, Паи поспешно раскладывала белье в ящики в спальне Илейн, опустошала чемоданы, убирая все в шкафы, а Рахера тем временем расставляла посуду и хрусталь в серванты с осторожностью, граничившей с благоговением. Помощник из маори оказался братом Рахеры, и звали его Пита. Он рассказал Илейн, что работает на перегоне скота, но предложил свои услуги в качестве носильщика, чтобы быть поближе к Рахере.

«Скорее всего, чтобы быть ближе к Паи, — подумала Илейн, заметив предательский блеск в глазах молодого человека и девушки. — Но тем лучше. Если у Паи здесь будет друг, она не сбежит сразу же».

— Это есть хороша собака! — сказал Пита, глядя на Келли, зашедшую в дом вместе с возничим Рубена. Последние ночи она провела с ним же в крытой повозке.

Теперь Илейн нужно было придумать какой-то выход. Это тоже было непростой, но срочной задачей.

— Хороша для овец! Купить мистер Томас? — Пита тоже не самым лучшим образом говорил по-английски. Илейн подумала, что нужно обязательно выяснить, откуда эти люди, из каких племен и откуда взялись такие сильные различия в образовании.

— Нет, — ответила она, с горечью улыбнувшись. — Он получил ее в придачу. Ее зовут Келли. Это моя собака. — Она показала на себя, увидев, что Пита не совсем понял. — Слушает только меня!

Пита кивнул.

— Очень красивая собака. Ты нам дать для овцы!

— Вы! — послышалось от двери. В комнату, шелестя платьем, вошла Зои Сайдблоссом.

Молодая женщина уже успела переодеться с дороги и, судя по всему, принять ванну; в любом случае она выглядела свежее и гораздо лучше, чем чувствовала себя Илейн. И у нее было достаточно энергии, чтобы одернуть слугу.

— «Если вы и мистер Томас не возражаете, мы хотели бы позаимствовать у вас собаку для работы с овцами». Повтори, Пита! В своем доме я не хочу слышать этот туземный лепет. И в первую очередь привыкай к правильному обращению: «вы» и «мадам».

Зои Сайдблоссом дождалась, пока напуганный Пита повторил ее сложную формулировку, наверняка совершенно не разобравшись, что он сказал. И только после этого она обернулась к Илейн:

— Ты всем довольна? Томас сказал, что... обстановка понравилась тебе больше всего. — Губы молодой женщины растянулись в сардонической улыбке.

— Моя мебель слегка смягчит впечатление, — с железным спокойствием ответила Илейн. — И если бы Пита был так добр, чтобы помочь сестре слегка раздвинуть шторы... Кстати, не нужно называть меня «мадам», Пита. Обращайся ко мне «миссис Илейн» или «миссис Лейни».

Пита и Рахера переглянулись, как напуганные крольчата.

— Мы будем ждать тебя к ужину в восемь, — сдержанно произнесла Зои и величественно выплыла из комнаты.

— Коза! — фыркнула Илейн.

Паи улыбнулась ей.

— Что мадам сказали?

Было почти восемь часов, когда все чемоданы были наконец опустошены, а вся мебель расставлена по комнатам. Большую часть Илейн разместила в своей спальне и в гардеробной; кроме того, она переставила стоявшую там прежде мебель в другие комнаты. И теперь у нее оставалось лишь десять минут для того, чтобы переодеться к ужину. Еще во время своего первого визита она заметила, что здесь к этому относятся довольно-таки формально. Может быть, на этом настаивает Джон Сайдблоссом? Или Зои? В любом случае от этого зависит, насколько строго придерживаются регламента мужчины. Илейн не думала, что Зои обладает в этом доме такой властью, как пытается показать. Во время путешествия она всячески старалась угодить Джону.

Однако в грязном дорожном платье Илейн не села бы за стол даже в Квинстауне. Нужно хотя бы слегка привести себя в порядок и переодеться. К счастью, Паи уже достала другое платье. Но прежде возница отца хотел

попрощаться с Илейн.

— Неужели вы собираетесь сразу уехать, Пат? — удивленно спросила она. — Вы ведь можете спокойно отправиться в путь завтра. Здесь наверняка найдется для вас постель.

Патрик О'Мэлли кивнул.

— Я переночую в комнатах для слуг. Меня пригласил Пита. Впрочем, я мог бы поспать и в повозке, как во время путешествия...

Это действительно было так. Илейн с молчаливым сожалением отметила, что никто из Сайдблоссов не подумал о том, где будет ночевать Пат. Это показалось ей грубым. По крайней мере в отеле комнаты были.

— Но я собираюсь уехать завтра ни свет ни заря. Если нет груза и не задерживают дамы, я мог бы легко доехать до Ванакки... — Пат заметил легкую обиду на лице Илейн и сразу же поправился: — Извините, миссис Лейни, я... э... не это имел в виду. Я знаю, обычно вы хорошо ездите верхом. Но полукаретка миссис Сайдблоссом и эти ленивые клячи...

Илейн понимающе улыбнулась. Она тоже заметила, что благородные кони, запряженные в карету Зои, не могли держать темп наравне с такой тягловой лошастью, как Оуэн, или с упряжкой кобов.

Пат уже собирался прощаться, но, похоже, что-то удерживало его.

— Миссис Лейни... все действительно в порядке? — наконец пробормотал он. — И с... — Он бросил взгляд на Келли. Илейн не рассказывала ему, почему во время путешествия собаку отправили к нему, но Патрик был неглуп.

Илейн пыталась подыскать слова. Она не знала, что ответить на этот вопрос и тогда, когда за спиной Пата появился Томас Сайдблоссом.

— Я попрошу обращаться к моей супруге «миссис Сайдблоссом»! — резко сказал он. — Это простецкое обращение я запрещаю, парень. Это свидетельствует об отсутствии уважения. Кроме того, ты ведь собирался уезжать, не так ли? Так что попрощайся, как положено. Я хочу сегодня же увидеть, как сверкают подковы твоих лошадей!

Пат О'Мэлли усмехнулся в ответ. Его было не так-то легко запугать.

— С удовольствием, мистер Сайдблоссом, — спокойно ответил он. — Но я и не знал, что стал вашим слугой. Так что прошу вас, не нужно этого простецкого обращения. Я не припомню, чтобы когда-либо разрешал вам называть меня на «ты».

Томас сохранил спокойствие, но зрачки его расширились. Илейн снова увидела пропасть в его взгляде. Что бы он сейчас сделал, если бы Пат действительно был его слугой?

Впрочем, тот встретил его взгляд совершенно бесстрашно, почти с наглостью.

— До свидания, миссис Лейни! — произнес он. — Так что передать вашему отцу?

Во рту у Илейн пересохло, лицо посерело.

— Скажите моим родителям... что у меня все хорошо.

Глава 8

Томас не оставил Илейн времени на то, чтобы привести себя в порядок. Он велел ей следовать за ним в том виде, в котором она была; поэтому, представ перед безупречно одетой Зои и мужчинами, сменившими дорожную одежду на костюмы, Илейн чувствовала себя униженной и грязной. Похоже, Эмере тоже отметила это, поскольку бросала на Илейн непонятные взгляды. Неодобрительные? Презрительные? Или она просто с любопытством ожидала реакции собравшихся за столом? Впрочем, на поведение Эмере Илейн жаловаться не приходилось, она была вежлива и обслуживала очень ловко.

— Эмере учила еще моя первая супруга, — пояснил Джон Сайдблоссом, не глядя на крупную женщину-маори. — Мать Томаса. Она умерла очень рано и почти не оставила нам обученной прислуги...

— А откуда здесь вообще берутся маори? — спросила Илейн. — Ведь поблизости вроде нет деревни.

И почему Эмере все еще здесь, вместо того чтобы выйти замуж и нарожать детей? Или заботиться о своем племени? Ведь бабушка Хелен рассказывала, что Эмере *тохунга*. Если она действительно способна пробуждать голос *вайруа* в *путорино*, ее должны считать очень могущественной колдуньей. И сейчас, когда Илейн впервые смогла рассмотреть экономку поближе, ей показалось, что ее широкое лицо и сердцевидная линия волос кого-то напоминают... Но кого же? Девушка ломала себе голову.

— Мужчины подрядились на ферме, — пояснил Томас. — Работают погонщиками скота, ну и все остальное делают. А девочки... иногда они приводят их с собой, иногда мы получаем их из миссионерской школы в Данидине. Сироты... — Последнее слово он произнес со значением и, кажется, при этом бросил на своего отца насмешливый взгляд.

Илейн снова запуталась. Она никогда не слышала, чтобы у маори были сироты. Это не соответствовало их представлениям о семье. Бабушка Хелен объясняла ей, что дети-маори называют мамами или бабушками всех женщин, в зависимости от поколения, племя воспитывает всех детей вместе. Не может быть, чтобы они оставляли сирот на пороге миссионерской школы!

Как бы там ни было, образование, полученное в такой школе, объясняло первоклассное знание английского языка у Паи, а также

основные познания в домоводстве. Илейн решила позже спросить девочку, откуда она родом.

Еда за столом у Сайдблоссов была великолепной, но в ней чувствовалось сильное влияние маорийской кухни; больше всего было жареного мяса, рыбы и сладкого картофеля. Илейн спросила себя, всегда ли это так или же Зои обычно следит и за кухней, составляя меню. Она почти не помнила, что подавали во время ее первого визита. Тогда Илейн обращала внимание только на Томаса. Кроме того, она влюбилась в окружающие Лайонел-Стейшн пейзажи и вообще превозносила все до небес. Теперь же Илейн задавалась вопросом, как она могла быть настолько слепа? Да еще к тому же сразу после Уильяма.

Что ж, ничего подобного больше не повторится. Она больше не влюбится, она...

Она замужем. И от осознания, что из этой ситуации теперь нет выхода, у нее сжалось сердце. Все это не кошмар, от которого она однажды очнется. Это реальность, и ее не изменить! Конечно, существует развод, но для него должны быть веские причины, а она наверняка не сможет рассказать судье, что Томас делал с ней каждую ночь! При одной только мысли о том, чтобы рассказать об этом кому бы то ни было, она готова была умереть от стыда. Нет, развод — не выход. Нужно научиться жить с этим. Она решительно проглотила застрявший в горле кусок, несмотря на то что во рту было так же сухо, как и раньше. Зато вино есть. Илейн взяла бокал. Только не слишком много. Ей нужна ясная голова. Еще нужно пристроить Келли. Может быть, обратиться к Паи или, что еще лучше, к Рахере? Она отведет собаку к брату, и Пита за ней присмотрит. А потом... Илейн вспомнила другие ценные мысли из опыта Дафны О'Рурк. Забеременеть нельзя, по крайней мере пока что!

В этот первый месяц брака судьба была благосклонна к Илейн. Незадолго до того, как, по ее расчетам, спать с Томасом стало бы опасно, мужчины уехали перегонять овец на высокогорья. Для овцематок они использовали открытые Джеймсом МакКензи потайные луга в котловине. С животными скакать туда было два дня, по меньшей мере еще один день понадобится для того, чтобы вернуться, и, может быть, мужчины еще задержатся, чтобы порыбачить или поохотиться где-нибудь. Если немного повезет, критические дни будут уже позади.

На то, что ее муж добровольно откажется от нее, Илейн не рассчитывала. Томас спал с ней почти каждый день, и о том, чтобы «привыкнуть», не могло быть и речи. Когда он входил в нее, ей, как и

прежде, казалось, что ее вот-вот разорвет на части. Мазь приветливой миссис Гарденер уже давно закончилась, и Илейн еще не позаботилась о том, чтобы достать необходимые составляющие для новой. Когда Томас наваливался на нее или сдавливал пальцами грудь, на теле оставались синяки. Хуже всего было, когда она сердила его или вела себя «не как леди». Он называл это «играми» и наказывал ее, следуя своим правилам. Существовали способы войти в женщину, о которых Ингер не знала или о которых не стала рассказывать Илейн.

Видя на теле Илейн следы жестокости Томаса, Паи постоянно краснела.

— Я точно не стану выходить замуж! — однажды категорично заявила она. — Я не буду спать с мужчиной, я не хочу!

— Но ведь это так хорошо! — мягко заметила Рахера. Она была восхитительной девушкой примерно пятнадцати лет, невысокой и приземистой, но очень красивой. — Я с удовольствием замуж, за мужчину из мое племя. Но не могу, должна работать... — Лицо ее стало грустным.

Как уже знала Илейн, Пита и Рахера не были «пришлыми», они были родом из племени, которое преимущественно жило на земле МакКензи. К сожалению, вожак пошел по следам легендарного угонщика скота и племя попало под подозрение, когда исчезло стадо овец, принадлежавшее Сайдблоссомам. Впрочем, животные вскоре нашлись, и Сайдблоссом, понимавший, что вожак скроется вместе со своим племенем, как только он поставит в известность полицию, возложил ответственность на молодых маори, которых случайно встретил рядом с овцами. Теперь Рахера, Пита и еще двое мальчиков отработывали наказание — назначенный Сайдблоссомом бесконечный штраф. Илейн знала, что парни отделались бы гораздо дешевле, если бы предстали перед судом, а Рахеру, наверное, вообще не стали бы обвинять.

— Ты... уже пробовала? — пристыженно поинтересовалась Паи. — Я хочу сказать... с мужчиной? — В ее поведении и манерах чувствовалось образование, данное миссионерами. Она никогда не жила среди своего народа и даже говорила на родном языке не очень хорошо.

Рахера улыбнулась.

— О да. Его зовут Тамати. Хороший человек. Сейчас он работает на шахте в Грейстоуне. Когда он освободиться, мы сделаем в *варенуи*. Тогда мужчина и женщина...

Илейн впервые в жизни увидела смысл в обычае маори спать у всех на виду, перед всем племенем. Что сказали бы женщины племени, если бы

узнали, что делает с ней Томас каждую ночь?

Илейн воспользовалась отсутствием мужчин, чтобы наконец-то осмотреться в конюшнях Лайонел-Стейшн. В доме в такие дни ей уже становилось скучно. В их комнатах делать было просто нечего. Здесь не готовили еду, а уборкой занимались девочки. Хотя Рахера понятия не имела о том, как нужно чистить серебро и натирать пол, она бралась за все с излишней ретивостью. Зато Паи была очень педантична. Илейн не знала, во что верит девочка, но относительно воспитания идеальной английской домохозяйки или служанки можно было сказать, что миссионерская школа проделала первоклассную работу. Паи учила Рахеру и следила за тем, чтобы она все делала правильно. Илейн при этом только мешала. Такие развлечения, как книги или граммофон, в доме Сайдблоссомов практически отсутствовали. И отец, и сын, судя по всему, читали мало, а Зои ограничивалась женскими журналами. Илейн проглотила их тоже, но они приходили не чаще раза в месяц, и она прочитывала все за один день.

Впрочем, в большом зале стояло фортепьяно, которым Зои не пользовалась. Что касается музыки, то в ее воспитании в духе истинной леди, похоже, оставили большой пробел. Илейн снова начала играть — она немного разучилась делать это, поскольку не прикасалась к своему инструменту со времен истории с Курой. Однако здесь упражнения заполняли бесконечные пустые часы, и вскоре она стала браться и за более сложные произведения.

Но сейчас путь в стойла был свободен, и в сопровождении довольной Келли Илейн стала обходить внешние постройки. Как и ожидалось, они оказались обширными. У самого дома были только конюшня и каретный сарай, как и в Киворд-Стейшн. Илейн бросила взгляд на чистые загоны. Почти одни вороные, хотя время от времени встречались и каурые, — и все смотрели на нее и приветственно ржали. У них были маленькие благородные головы, как и у верховых животных Джона и Томаса, и бурная радость от любого развлечения свидетельствовала о большой доле чистой крови. Илейн почесала за ухом маленького вороного жеребца, который нетерпеливо бил копытом о дверь загона.

— Я знаю, каково тебе, — вздохнула она. — Но сегодня я себя не очень хорошо чувствую. А завтра покатаемся. Хочешь?

Малыш фыркнул и понюхал ее руку и платье для верховой езды, которое она впервые достала из шкафа в Лайонел-Стейшн, чтобы пойти в конюшни. Может быть, еще чувствует запах Баньши?

Илейн снова вышла на солнце и направилась по тропинке, которая

вела к другим зданиям. Вскоре она наткнулась на Питу и еще одного мальчика-маори, которые пытались загнать нескольких вырвавшихся баранов в недавно отремонтированный загон. Эти овцы были еще излишне резвыми и молодыми и наверняка с удовольствием пошли бы за матерями и племенными барашками на высокогорья. На попытки Питы усмирить их они не обращали внимания. Один нахал даже напал на мальчишку-маори.

Сначала Илейн посмеялась над маленьким барашком, от которого в испуге бросился бежать малолетний погонщик. Но затем сердце ее гулко застучало. Вмешаться? Келли сидела рядом с ней, вывалив язык и приготовившись бежать по первой команде. Ей не терпелось загнать этих овец куда положено. Вообще-то, навыков Илейн не хватало — она чаще всего просто импровизировала. Что, если не получится? Она страшно опозорится.

С другой стороны... что ей терять? В худшем случае оба маори посмеются над ней. Это она переживет. Но если немного повезет, ей удастся произвести впечатление. К тому же мальчики наверняка расскажут об этом, и, возможно, Томас сам поймет, что снаружи от нее больше толку, чем взаперти, в доме.

Илейн пронзительно свистнула, и Келли рванула с места, как пуля. Маленькая трехцветная собака бросилась между маори и наглым барашком, коротко залаяла, встала перед овцой и дала ей понять, что она здесь ничего не решает. Барашек тут же развернулся. Келли понеслась за ним по пятам, затем обернулась ко второму. Несколько секунд спустя все шестеро были собраны в стадо, а собака бросила на Илейн сияющий взгляд, как умеют смотреть только колли. Илейн размеренным шагом приблизилась к воротам в загон. Сейчас нельзя бежать, это запутает овец. Демонстративно приоткрыла ворота и снова свистнула Келли. И овцы тут же потопали в загон, всем своим видом демонстрируя, что учились ходить строем.

Илейн рассмеялась и от души похвалила Келли. Маленькая собака едва помнила себя от гордости. Она прыгала вокруг хозяйки, а потом переключилась на своего нового друга Питу. Она действительно нашла себе ночное убежище у него в стойле и, похоже, чувствовала себя отлично.

— Это хорошо быть, мисс Лейни! Как чудо! — Пита был в восторге.

— Да, мадам! Это было великолепно! Я слышал о таких собаках-пастухах, но питомцы мистера Джона работают далеко не так идеально, — произнес второй маори.

У Илейн от удивления отвисла челюсть. Мальчик выражался так же изысканно, как Паи. Может, ей показалось или он действительно похож на

нее внешне? Без сомнения, тоже полукровка, но что-то в его угловатых чертах лица показалось Илейн знакомым. Ничего подобного она никогда прежде не видела среди мужчин и женщин маорийской крови. В принципе, она без труда различала приземистых темнокожих людей, что далеко не сразу удавалось белым, — но семейного сходства среди тех немногих туземцев, которых она знала, девушка до сих пор не замечала.

Минуточку... Семья? Эти резкие черты не могут быть наследием маори! У Илейн появилась догадка. Нужно разобраться.

— Моей собаке очень нравится следить за овцами, — сказала она, — но что действительно фантастично, так это твой английский язык, молодой человек...

— Арама, мадам, Арама к вашим услугам. — Молодой человек вежливо поклонился.

Илейн улыбнулась.

— Всего лишь «миссис Лейни», Арама. При слове «мадам» мне представляется эдакая матрона в кресле с высокой спинкой. А теперь расскажи мне, где ты так хорошо выучил английский? Ты родственник Паи?

Он был похож на Паи. А Паи похожа на Эмере. Эмере и...

Арама рассмеялся.

— Об этом мне неизвестно. Мы оба сироты, из миссионерской школы в Данидине. Туда нас отдали совсем маленькими. По крайней мере так говорил преподобный. — Арама подмигнул ей. Ему было около двадцати лет, то есть совсем не такой ребенок, как Паи. Скорее всего, он тоже заметил сходство, как и Илейн. И вероятно, на этой ферме были еще мальчики и девочки, тоже «входившие в семью».

Илейн была шокирована. Не столько потому, что Джон Сайдблоссом спал или продолжает спать со своей служанкой-маори. Но, должно быть, это происходило на глазах у его сына. Томас, по всей вероятности, видел по меньшей мере две беременности Эмере... И разве не она была его няней? И как мог Джон заставить женщину отдать детей в приют?

Илейн побледнела.

— А еще есть? — хриплым голосом поинтересовалась она.

На лице Арамы появилось испытующее выражение.

— Овцы? — осторожно переспросил он. — Для собаки? Куча. Если хотите, пойдемте, я...

Илейн не ответила, просто стояла и выжидающе смотрела на него.

— Мистер Сайдблоссом взял пятерых детей-метисов из миссионерской школы в Данидине, — наконец ответил Арама. — Две

девочки-служанки для дома и три мальчика, которые учатся работать на ферме. Я здесь уже четыре года, и он мне доверяет. Я руковожу фермой, когда он с остальными перегоняет овец. И...

— Мистер Томас знает об этом? — бесцветным голосом поинтересовалась Илейн.

Арама пожал плечами.

— Не знаю, да я и не спрашивал. И вам не следует делать этого, мистер Сайдблоссом очень вспыльчив. Равно как и мистер Томас. Вы не хотите нам помочь с еще парочкой овец? Мы чинили загоны, и нужно кое-кого перегнать.

Илейн кивнула. О том, что она только что узнала, можно подумать позже. Кроме того, и о новости, которую сегодня утром ей с гордостью сообщила Зои: она, Зои Сайдблоссом, беременна. У Томаса будет сводный брат или сестра. Что ж, по крайней мере для ее мужа это не в новинку...

Поэтому Илейн решила отогнать от себя размышления о своеобразном способе, которым Джон Сайдблоссом увеличивал численность своей прислуги, и последовала за Арамой и Питой к другим загонам. Для такой собаки, как Келли, работы было немного. Большинство овец паслось на высокогорных пастбищах; здесь остались лишь больные животные и овцематки, которых поздно покрыли и которые еще не ягнились, а также несколько дюжин овец на продажу. Последние доставили Келли наибольшее удовольствие, потому что эти отары были многочисленнее и собака чувствовала, что ее помощь действительно нужна. Илейн тоже впервые почувствовала себя почти счастливой, когда вечером шла домой.

— От тебя пахнет овцами! — пожаловалась Зои, когда они столкнулись в дверях. — В теперешнем состоянии я не могу выносить этот запах.

Эту фразу Илейн слышала еще за завтраком, причем дважды. Сначала Зои не понравился запах кофе, потом ей стало дурно при виде яичницы-болтуни. Если так пойдет и дальше, Илейн и домашней прислуге женского пола предстоят тяжелые месяцы.

— Я сейчас помоюсь, — ответила она Зои. — И ребенку стоит пораньше привыкать к запаху овец. Вряд ли мистер Джон будет воспитывать из него садовника.

И с этими словами Илейн ушла в свои комнаты. Она была очень даже довольна собой. Постепенно она снова обретала свой колкий язычок, хотя раньше не была такой резкой и злобной. «Может быть, стоит быть более терпеливой с Зои, — подумала Илейн. — Тем более что она, возможно, сделала те же выводы, что и мы с Арамой». Столь близкое соседство Эмере

должно очень сильно действовать Зои на нервы. В отличие от Илейн, у Зои не было возможности удалиться в уединенное западное крыло дома. Ей и Джону принадлежали общие комнаты, к которым прилегалла кухня. И над всем этим царила Эмере. Ледяная, с непроницаемым взглядом. Возможно, Зои постоянно приходится переживать настоящий ад!

На следующий день Илейн с утра отправилась в конюшни. У Арамы и тех немногих мужчин, которые остались на ферме, было много работы для Келли. Когда примерно к полудню они закончили, Илейн решила попробовать прокатиться. Арама предложил ей оседлать маленького вороного, которого она гладила вчера.

— Его зовут Хан, — сказал Арама. — Ему три года, и он всего пару месяцев ходит под седлом. Вы ведь умеете ездить верхом, правда?

Илейн кивнула и рассказала о Баньши.

— Мой отец пришлет ее сюда, как только жеребенок станет самостоятельным. Я уже предвкушаю это, очень соскучилась по ней.

Взгляд Арамы стал скептическим, что довольно сильно удивило Илейн. Неужели он не верит в ее способности наездницы? Или ему не нравится мысль о сивой кобыле в этой темной конюшне? Что касается ее питомицы, то Илейн не собиралась запирать свою лошадь в стойле. Баньши привыкла к пастбищам.

Впрочем, она быстро развеяла сомнения относительно своих умений верховой езды. Илейн ловко и без посторонней помощи взобралась на спину Хана и рассмеялась, когда Арама с сожалением заявил, что не может предоставить ей дамское седло.

— Мисс Зои не ездит верхом.

Почему он произнес это с таким значением?

Неважно, у Илейн не было желания разбираться в высказываниях Арамы, она хотела исследовать новые окрестности. Вскоре она поняла, что ездить верхом на Хане для нее настоящее удовольствие. Жеребец был бодр, шел легко, и Илейн, не привыкшая к арабским скакунам, наслаждалась ощущением легкости. Когда кобы ее бабушки неслись галопом, под их копытами, казалось, дрожала земля, а Хан, по ее впечатлению, едва касался земли.

— Я могла бы к этому привыкнуть! — заметила Илейн и похлопала вороного по шее. — Завтра повторим!

Во время этой первой поездки она ограничилась осмотром местности, которая находилась в непосредственной близости от фермы, и посетила загоны для овец. В Лайонел-Стейшн их было два, оба довольно большие.

Здесь не выращивали крупный рогатый скот, как в Киворд-Стейшн, для этого здешние места были слишком гористыми. Крупный рогатый скот окупался только на по-настоящему просторных пастбищах, как, например, на Кентерберийской равнине. Его нельзя было так просто перегнать на лето в предгорья, как овец.

На следующее утро Илейн вышла рано, предварительно упаковав себе обед. Она хотела проехаться вдоль реки в сторону гор и посмотреть хотя бы подступы к земле МакКензи. Так сказать, заняться семейной историей. Она захихикала, вспомнив о деде и о том, как ее мать тогда неслась сломя голову, убегая от преследователей. Флёретта отыскивала отца, убегая от Сайдблоссома, — и оба едва не угодили в одну и ту же ловушку.

Илейн от всей души наслаждалась прогулкой. Погода была великолепной, сухой, солнечной и слегка ветреной — идеальной для поездки верхом. Хан старался, но шел ровнее, чем вчера, и не пытался каждый раз перейти в галоп. Поэтому Илейн могла сосредоточиться на окружающем пейзаже и любоваться панорамой высоких гор справа и слева от реки Хаас, уходившей на северо-запад. Келли весело сопровождала ее, лишь время от времени отбегая в сторону, чтобы погнаться за зайцем, чего она, вообще-то, не должна была делать, поскольку для пастушьих собак охота была занятием предосудительным. Однако проблема кроликов в Новой Зеландии встала несколько лет назад настолько остро, что даже такие пуристы, как Гвинейра МакКензи, отказались от того, чтобы ругать своих собак за небольшую охоту. На каком-то корабле завезли кроликов, и, ввиду отсутствия естественных врагов, они размножились в катастрофических масштабах. В некоторых районах возле Отаго они уже даже начали оспаривать траву у полезных животных. Целые равнины, на которых обычно паслись овцы, оказались просто дочиستا выедены длинноухими. Пришедшие в отчаяние поселенцы наконец завезли и выпустили лис, рысей и других диких животных, которые охотятся на кроликов. Но хищников было по-прежнему недостаточно, чтобы справиться с этим количеством грызунов.

Впрочем, со стороны Келли длинноухим нечего было ждать опасности. Она просто восторженно гонялась за ними, но ни одного так ни разу и не поймала. Гвинейра обычно говорила, что бордер-колли скорее пытаются согнать кроликов в стадо, чем хотят слопать.

Ближе к полудню Илейн устроилась у русла ручья, впадавшего в реку Хаас небольшим водопадом. Илейн уселась на один из валунов, разложила свой обед на другом, заметив, что камни напоминали импровизированные

стол и стулья. Это бы понравилось маори. Илейн задумалась над тем, не стоит ли племя Рахеры здесь подолгу, но следов не нашла. Что ж, она сама тоже не оставит следов — маори обращались со своей землей аккуратно, и Флёретта с Рубеном учили своих детей вести себя так же. Конечно, Хан немного попасся, и его копыта оставили следы в высокой траве, но они исчезнут через день. А сама Илейн даже костер не разводила. После еды она немного полежала на солнце, наслаждаясь ясным сказочным днем.

Что касается пейзажа, то новая родина ей нравилась. Если бы только Томас вел себя нормально! Неужели ему так нравится мучить и унижать ее? Но, возможно, за этим кроется какой-то страх? Может быть, стоит еще раз поговорить с ним, попытаться пояснить свою точку зрения и убедить его, что никакой опасности нет. Она ведь не может убежать от него или даже изменить. Если бы он только мог научиться доверять ей! Здесь, под солнечными лучами, вдали от мрачного, кажущегося кошмарным дома, после трех дней свободы без Томаса собственное положение уже не воспринималось Илейн как безнадежное.

Наполненная оптимизмом, она наконец оседлала Хана. Вообще-то, ей нужно было вернуться в Лайонел-Стейшн. Но она поддалась искушению исследовать еще несколько изгибов реки, чтобы посмотреть, что прячется за ними. Кроме того, она до сих пор почти все время поднималась в гору. Река уже была далеко под ней, в каньоне; сверху казалось, будто кто-то разрезал землю ножом, а затем направил в получившуюся борозду воду. Поэтому путь домой будет все время идти под гору и пройдет гораздо быстрее. Счастливая Илейн наслаждалась видом, смеялась над Келли, взволнованно стоявшей над пропастью и с любопытством глядевшей на реку. Девушка размышляла, где же начинается земля МакКензи и где находится знаменитый перевал, через который Джеймс перегонял овец и где долгое время скрывался от глаз преследователей.

Уже давно перевалило за полдень, когда Илейн наконец приняла решение повернуть назад. Внезапно Хан поднял голову и заржал. Ему ответили другие лошади, а несколько собак приветствовали Келли. Илейн поглядела туда, откуда доносилось ржание, и увидела всадников: Джона и Томаса Сайдблоссомов и их команду. Они приехали гораздо быстрее, чем предполагала Илейн.

Несмотря на ободряющие мысли, которым совсем недавно предавалась девушка, ее охватили уже привычный страх и недоверие, когда она увидела, что к ней приближается Томас. Внутренний голос подсказывал, что ей надо бежать. Возможно, мужчины еще не увидели ее,

да и Хан очень быстр. Но девушка тут же обругала себя за такие мысли. Эти люди — ее семья, и она не сделала ничего плохого. Бежать нет причин. Нужно наконец перестать вести себя в присутствии Томаса словно перепуганный кролик. Илейн приветливо улыбнулась и поскакала навстречу мужчинам.

— Какой сюрприз! — радостно воскликнула она. — Я совершенно не думала, что встречу вас здесь. Я думала, вы вернетесь только завтра.

Томас холодно посмотрел на нее.

— Что ты здесь делаешь? — медленно растягивая слова, спросил он жену, вместо того чтобы ответить на приветствие.

Илейн заставила себя посмотреть ему в глаза.

— Катаюсь, что же еще? Я решила посмотреть окрестности, а поскольку мою лошадь еще не пригнали, то я взяла Хана. Это ведь можно было сделать, не так ли? — Последняя фраза прозвучала слишком робко. Но сохранять уверенность в себе было непросто, когда Томас надевал эту непроницаемую маску. И, судя по всему, Илейн была не единственной, кому ситуация показалась угрожающей. Работники Сайдблоссомов, почти все мальчишки-маори, отодвинулись подальше.

— Нет, этого делать было нельзя! — прошипел Томас. — Этот жеребец еще практически не объезжен, с тобой могло случиться все, что угодно. Не считая того, что это неподходящая лошадь для дамы. Кроме того, кататься одной здесь неприлично...

— Но Томас! — удивленно воскликнула Илейн. Его аргументы были настолько абсурдны, что, несмотря на напряженность ситуации, она едва не рассмеялась. — Меня ведь никто здесь не видит! С тех пор как я отъехала от Лайонел-Стейшн, я не встретила никого, кто мог бы счесть мое поведение неприличным!

— Зато я считаю его неприличным, — холодно заявил Томас. — И только это имеет значение. Я ничего не имею против того, чтобы ты время от времени каталась — вместе со мной, на спокойной лошади. Но одна ты с фермы больше не уйдешь. Мы друг друга поняли?

— Но я всегда каталась одна, Томас. С детства. Ты не можешь запретить меня!

— Не могу? — холодно поинтересовался он. — Вижу, начинаются обычные игры. Кто знает, что или кого ты здесь искала. А теперь идем, мы поговорим об этом позже.

Мужчины взяли Илейн в кольцо, словно она была сбежавшим пленником, которого поймали и теперь вели обратно в тюрьму. Внезапно окружающий пейзаж перестал ей казаться неописуемо прекрасным. Вместо

этого горы встали перед ней подобно стенам темницы. А Томас в течение всего пути к дому ни разу не обратился к ней. Трехчасовая дорога обратно прошла в полном молчании.

Арама и Пита, ждавшие ее в конюшне, приняли у нее поводья Хана. На лице парней, особенно Арамы, читалась искренняя тревога.

— Не стоило вам так долго кататься, миссис Лейни, — тихо произнес он. — Я опасался чего-то подобного, но думал, мужчины вернутся только завтра. Но не бойтесь, мы не расскажем, что вы помогали нам с овцами.

Илейн с удовольствием сама поставила бы коня в стойло, как и вчера, но Томас позвал ее в дом.

— Переодевайся, чтобы ты хотя бы к столу вышла, как подобает леди! Дрожа, Илейн сбежала в гардеробную. К счастью, Паи уже приготовила для нее платье и быстро помогла ей зашнуроваться.

— Мистер Томас... возмущен? — осторожно спросила она. Илейн кивнула.

— Я не выдержу этого, — прошептала она. — Он хочет запереть меня, а я не могу так...

— Ч-ш-ш... — Паи, которая только что причесывала ей волосы, провела рукой по щеке, успокаивая госпожу. — Не плакать. Этим горю не поможешь. Я по приюту знаю. Иногда дети плакали, но это не помогало. К этому привыкаешь, миссис Лейни... ко всему можно привыкнуть.

Илейн казалось, что она вот-вот закричит, если еще раз услышит эту фразу. Она скорее умрет!

Зои ждала всех с лицемерной улыбочкой.

— И ты вернулась, Илейн! Как хорошо! Может быть, в ближайшие дни ты снова будешь уделять мне немного больше времени. Неужели тебе так нравится проводить время, перегоняя скот с собакой...

Илейн стиснула зубы. Томас бросил на нее ледяной взгляд.

— Раньше я тоже немного каталась, — бодро продолжала Зои, пока подавали еду. Сегодня она практически в одиночку вела разговор за столом. Томас, как и прежде, молчал, а Джону, похоже, было интересно наблюдать за молодыми супругами. — Ты только представь себе, Лейни, у меня даже была лошадь, когда я приехала сюда. Но потом мне надоело. У господ ведь нет времени сопровождать леди на прогулке. И Джон продал лошадь...

Это еще что такое? Предупреждение? Или Зои уже предвкушает, что Томас наверняка продаст любимую Баньши Илейн, как только животное окажется в Лайонел-Стейшн? Теперь Илейн поняла, почему ее кобылка не поехала с ними. Дело не в том, что жеребенку было бы тяжело проделать столь далекий путь, — просто Томас во что бы то ни стало хочет привязать

Илейн к дому.

Эмере, маорийка, как обычно, молча обслуживала сидевших за столом господ. Но она тоже внимательно смотрела на Илейн. А ночью заиграла флейта *пекорино*. Илейн попыталась не слушать призрачный голос, но он звучал ближе обычного, и заглушить его не могли даже самые толстые шторы.

В эту жуткую ночь Илейн впервые попробовала подмывание уксусом. При этом она стонала от боли. Она и без того едва дошла до ванной после того, как Томас «поиграл» с ней, яростнее и сильнее, чем когда-либо. Жуткие мелодии флейты Эмере, казалось, еще больше распаляли его ярость.

Когда он наконец ушел от нее, Илейн почувствовала, что больше всего на свете ей хочется забраться под одеяло, пока не отступит боль, но затем вспомнила об указаниях Ингер, позволявших предотвратить нежелательную беременность. Потому что нельзя, чтобы у нее появился ребенок. Ни в коем случае!

Глава 9

Брак Уильяма и Куры Мартин стал странным с тех пор, как Кура узнала о своей беременности. Казалось, молодая женщина злится за что-то практически на всех обитателей Киворд-Стейшн. Кура все дни проводила в одиночестве, в лучшем случае с Хизер Уитерспун. Она почти перестала играть на рояле, и голоса ее не было слышно уже на протяжении нескольких недель. Гвинеира переживала, а Джеймс и Джек отдыхали.

— Блаженный покой! — радовался Джеймс в вечер своего возвращения из Квинстауна, потягиваясь в кресле. — А ведь раньше я очень любил музыку! Но теперь... не делай такое лицо, Гвин! Пусть дуется. Может быть, все дело в беременности. Говорят, беременные женщины становятся странными.

— Большое спасибо! — отозвалась Гвинеира. — Почему ты не говорил мне об этом раньше? Когда я носила Джека, ты заявлял, что беременность красит меня! О том, что я странная, и речи не было.

— Просто ты чудесное исключение, — смеясь, ответил Джеймс. — Поэтому я и влюбился в тебя с первого взгляда. И Кура снова возьмет себя в руки. Будем надеяться, что теперь до нее наконец-то дошло, что брак — это не игрушки.

— Она ужасно несчастна, — вздохнула Гвин. — И злится на всех нас, а больше, конечно, на меня. А ведь я действительно предоставила ей выбор...

— Что ж, исполнение желаний не всем приносит счастье, — негромко произнес Джеймс. — Но тут уж ничего не поделаешь. Мне даже почти жаль Уильяма, ему достается больше остальных. Но, кажется, он не обращает особого внимания на эти капризы.

Причиной последнего было в первую очередь то, что дурное настроение Куры ограничивалось в основном дневным временем. Ночью, казалось, она прощала Уильяму все и становилась еще более головокружительной любовницей, чем прежде. Создавалось впечатление, что днем она копила энергию, для того чтобы ночью удовлетворить себя и Уильяма, поэтому одна кульминация сменялась другой. Днем же Уильям занимался работой на ферме — и чувствовал себя уже лучше. Гвинеира оставила его в покое. Даже если ей что-то не нравилось, она чаще вставала на его сторону, причем и в тех случаях, когда разногласия возникали с Джеймсом МакКензи. Однако Джеймс был от природы человеком

спокойным. Он никогда не относился к Киворд-Стейшн как к своей собственности, поэтому оставлял решения Уильяма, если они оказывались неправильными, без комментариев. Возможно, молодой человек однажды станет здесь хозяином — пора Джеймсу привыкать к тому, что он будет им командовать.

А вот Покер Ливингстон отстранился от дел. Он заявил, что травма руки мешает ему принимать участие в тяжелой работе на ферме, и теперь жил у своей подруги в городе. Уильям, ликуя, занял место Покера и занимался тем, что следил, как люди чинят что-то и выполняют другие задачи, возникавшие в течение летнего сезона. Вскоре после этого жившее в Киворд-Стейшн племя отправилось в длительный поход. Джеймс только закатил глаза и нанял белых работников в Холдоне.

— Этот внучок обходится дорого, — сказал он Гвинейре. — Может быть, тебе стоило бы удовлетвориться маори в качестве производителя? Тогда племя не сбежало бы, а если бы сбежало, то, возможно, они утащили бы с собой Куру и нам не пришлось бы лицезреть ее недовольную физиономию. Она ведет себя так, будто это мы ее обрюхатили!

Гвинейра вздохнула.

— Почему Уильям не может найти общий язык с маори? В Ирландии у него были проблемы из-за того, что он слишком потакал арендаторам, а здесь он пугает туземцев...

Джеймс пожал плечами.

— Просто наш Уилли любит, когда ему благодарны. А как ты понимаешь, Тонга далек от этого... И ведь он действительно ничего не должен Уильяму! Посмотри правде в глаза, Гвин, Уильям и мысли не допускает, чтобы вести себя на равных с остальными. Он хочет быть главным, и горе тому, кто в этом усомнится.

Гвинейра с несчастным видом кивнула, но заставила себя улыбнуться.

— Пошлем-ка мы их обоих на собрание овцеводов в Крайстчерч, — сказала она. — Там наш деревенский джентльмен сможет почувствовать свою важность. Кура отвлечется, а ты тем временем займешься починкой изгороди. Или ты сам хотел поехать на собрание?

Джеймс отмахнулся. Он считал, что собрания животноводов совершенно излишни. Несколько речей, парочка дискуссий по поводу решения актуальных проблем, а затем обильная попойка, в ходе которой предложения становятся все более и более безумными. В прошлом году майор Ричлэнд действительно высказал идею относительно кроликов и предложил основать охотничий союз. Тот факт, что при этом охотятся на лис, а не на кроликов, похоже, ускользнул от его внимания.

Как бы там ни было, Джеймс не считал эти встречи необходимыми; к тому же все знали, что объединение животноводов в Крайстчерче было создано для борьбы с неким вполне конкретным угонщиком скота. Об этом обстоятельстве лорд Баррингтон обычно вспоминал после третьего бокала, причем в присутствии МакКензи.

— Что ж, надеюсь, они не наведут Уилли на глупые мысли, — пробормотал Джеймс. — А то еще чего доброго вместо овец мы скоро начнем разводить охотничьих собак...

Уильям наслаждался поездкой в Крайстчерч сполна и, когда вернулся, казалось, подрос на несколько дюймов. Кура потратила целое состояние в ателье портного, в остальном же пребывала в еще худшем настроении, чем обыкновенно. То, что Уильяма благосклонно, словно само собой разумеющееся, приняли в кругу «овечьих баронов», окончательно открыло ей глаза: брак и ребенок привязали ее к Киворд-Стейшн. Уильям никогда не собирался следовать за ней по оперным театрам Европы в роли музы мужского пола. На путешествие, возможно, он бы пошел, но наверняка не согласился бы на длительное пребывание и уж тем более не разрешил бы ей учиться в консерватории. Во время долгих часов, проводимых в одиночестве, Кура злилась на мужа и на саму себя, чтобы позже все равно снова обнимать Уильяма. Когда Уильям целовал и ласкал ее тело, она забывала обо всех своих остальных желаниях и потребностях. Его восхищение заменяло аплодисменты толпы, а когда он входил в нее, это наполняло ее сильнее, чем музыка. Если бы только не эти бесконечные дни и необходимость наблюдать за тем, как меняется ее тело. Уильям считал, что беременность сделала Куру еще красивее, но сама она ненавидела свои новые округлости. И при этом все почему-то считали, что она должна невероятно радоваться ребенку, — Кура же испытывала к нему в лучшем случае безразличие.

Наконец наступила осень, мужчины отправились перегонять овец на высокогорье, и Уильям страшно опозорился, заблудившись во время поисков отбившихся от стада овец. Только спустя день его нашли с помощью поискового отряда.

— Мы уже думали, что он смылся, — с ухмылкой докладывал Энди язвительно улыбающемуся Джеймсу.

На этот раз оба МакКензи не поехали перегонять овец. Гвин считала, что Куру нужно общество, а у Джеймса постепенно начинали болеть кости, когда он целый день проводил в седле, а ночью спал на холодной земле. Он уже вполне представлял себе, что однажды передаст ферму Уильяму, а сам

переедет вместе с Гвин в домик поменьше и поуютнее. Парочка овец, собаки, а вечером — теплый огонь камина, который он вполне может развести сам, не обращаясь за помощью к работникам. О такой жизни Гвин и Джеймс мечтали еще в молодости, и МакКензи не видел причин, чтобы наконец не сделать мечту реальностью. И только из-за Джека ему было немного больно отказываться от фермы. Его сын еще молод, но обещает стать великолепным животноводом. Сейчас Энди тоже не мог нахвалиться на парня.

— У Джека просто какое-то чутье на эту работу, — говорил он. — Парень может найти любую овцу, и собаки его прекрасно слушаются. Неужели нет никакой возможности передать поместье ему?

Джеймс покачал головой.

— Просто он не Уорден. Если бы Гвинейра унаследовала ферму, все было бы иначе. Конечно, в этом случае Стивен, Джорджи и Илейн были бы в очереди наследования все равно впереди Джека, но с О'Кифом мы бы договорились. У Стивена и Джорджа нет к этому интереса, а у Илейн теперь есть собственная овечья ферма.

— Но Кура это тоже неинтересно! — заметил Энди. — Жаль, что ее нельзя было выдать за Джека. Ладно, это смахивало бы на инцест, но хорошая кровь...

Джеймс громко расхохотался.

— На это Джек не согласился бы ради всех овец, Энди! Я думаю, даже если бы Кура оказалась последней девушкой на земле, он ушел бы в монастырь!

Приближались роды Куры, и настроение у нее стало еще хуже, чем прежде. Зато Уильям старался изо всех сил, больше времени проводил дома и пытался настроить ее на более миролюбивый лад — впрочем, получалось у него плохо. С тех пор как он перестал приходить к ней ночью, чтобы не повредить ребенку, она относилась к нему с ледяным презрением, иногда впадала в гнев и швыряла в него предметами. Создавалось впечатление, что в поместье уже не осталось никого, кто мог бы немного подбодрить Куру. Она не хотела быть беременной. Она не хотела рожать ребенка. И последнее место, в котором она хотела находиться, было Киворд-Стейшн.

Марам, ее мать, переживала из-за того, что все это могло повредить ребенку, и Гвинейра порой, глядя на нее, вспоминала собственную беременность, когда она носила Пола. Она тоже отказывалась от ребенка. Но Пол был плодом изнасилования, в то время как Кура ждала дитя любви. Гвинейра почувствовала почти что облегчение, когда наконец у внучки

начались схватки. Марама и Ронго-Ронго, повитуха маори, были с ней, чтобы помочь Кура, кроме того, Гвинеира послала за Франсиной Кендлер, чтобы та не чувствовала себя оскорбленной. Впрочем, когда приехала повитуха из Холдона, ребенок уже появился на свет. Кура разродилась легко; после шести часов схваток она произвела на свет очень маленькую, но совершенно здоровую девочку.

Показывая ее Гвинейре, Марама сияла.

— Вы ведь не сердитесь, мисс Гвин? — обеспокоенно спросила она.

Гвинеира улыбнулась. Когда родилась Кура, Марама задала тот же вопрос.

— Да нет же, мы поддерживаем женскую линию! — ответила она, принимая ребенка из рук Марамы. Пристально взгляделась в крохотное личико. Пока еще было неясно, чьи черты унаследовала девочка, но пушок у нее на голове, похоже, был скорее золотистым, чем черным.

— Как Кура хочет ее назвать? — спросила Гвинеира, покачивая малышку. Ребенок напомнил ей новорожденную Флёретту, и на нее нахлынула волна нежности.

Марама с несчастным видом пожала плечами.

— Не знаю. Она ничего не говорит, даже толком не посмотрела на ребенка. «Отнеси ее к бабушке, — только и сказала она. — Мне жаль, что это не мальчик». И тут Уильям говорит: «В следующий раз, любимая», и Кура просто взбесилась. Ронго-Ронго дала ей сонный напиток. Я не знаю, правильно ли это, но она так бесновалась...

Уильям тоже был недоволен. Он не сомневался, что будет мальчик, и теперь казался разочарованным. Зато Тонга послал подарок к родам, поскольку у маори признавались наследники женского пола.

Гвинейре было все равно, кто это — мальчик или девочка.

— Главное, чтобы она не была музыкальной, — сказала она, обращаясь к Джеймсу, и уложила ребенка в колыбельку. Поскольку, судя по всему, никто не подумал об этом, она превратила музыкальный салон Куры в детскую. Колыбельку Джеймсу тоже пришлось принести из сарая. Похоже, никто не задумался даже об имени.

— Назови ее в честь любимых певиц Куры, — посоветовал Джеймс. — Как их там всех звали?

Гвинеира закатила глаза.

— Матильда, Дженни и Аделина. Мы не можем поступить так с ребенком! Я спрошу отца. Может быть, мы назовем ее в честь его матери.

— Тогда, скорее всего, ее будут звать Мэри или Брайди... — задумчиво произнес Джеймс.

Однако вскоре выяснилось, что Уильям уже побеспокоился по поводу имени для дочери.

— Это должно быть совершенно особое имя! — заявил он, уже слегка захмелев от виски. Гвинейра встретила его внизу, в салоне. — Что-то, что выражает наш триумф на этой земле! Думаю, я назову ее Глорией!

— Только Тонге это объяснять не нужно, — с ухмылкой сказал Джеймс, когда Гвинейра поделилась с ним новостью.

С ним уже был Джек, и отец с сыном занимались тем, что закрепляли игрушку над колыбелькой. Пока что, объяснял Джеймс сыну, малышка еще толком не видит, но со временем покачивающийся медвежонок будет приковывать внимание ребенка и успокаивать его.

— И кто она вообще? Моя тетя? — Джек с восхищением заглянул в колыбельку, в которой спала Глория.

— Можешь спокойно трогать ее, — подбодрила его Гвин. — Да, кто она ему? Отец Куры был твоим сводным братом. Значит, Кура твоя сводная племянница. А малышка — сводная внучатая племянница. Как же все сложно!

Джек улыбнулся ребенку. На его лице снова появилось выражение, которое обычно было у его отца при взгляде на новорожденных животных: недоверчивое удивление, почти благоговение. Наконец он опустил руку в колыбельку и осторожно коснулся пальцем ручки Глории.

На миг малышка открыла глаза и тут же закрыла их снова. Казалось, она подмигнула Джеку. Ее крохотная ручонка крепко сомкнулась вокруг пальца Джека.

— Кажется, она мне нравится, — произнес мальчик.

В последующие дни забота о маленькой Глории стала главным камнем преткновения живущих в Киворд-Стейшн женщин. Повариха Кири, а за ней и Марама были строго против того, чтобы избавить Куру от ухода за ребенком. Много лет назад Кири после злосчастной беременности Гвин заботилась о маленьком Поле и позже поняла, что это было ошибкой. Мать так и не сумела построить нормальные отношения с мальчиком и по-настоящему полюбить его ни когда он был подростком, ни когда стал взрослым мужчиной. Если бы она просто не обращала внимания на крики Пола, Гвин рано или поздно была бы вынуждена сблизиться с ребенком — и у нее развились бы материнские чувства. С Курой и Глорией будет то же самое, заявляла Кири.

Однако Гвинейра считала, что обязана заняться маленькой правнучкой. Уже хотя бы потому, что больше никто этого делать не будет. По крайней

мере Кура не собиралась брать ребенка на руки, когда он начинал кричать. Она предпочитала выйти в другую комнату, чтобы не слышать малышку. То, что маленькую Глорию разместили в ее салоне, самой дальней комнате в анфиладе, оказалось ошибкой. Детская граничила с коридором, так что плач Глории слышали остальные обитатели дома. Но если Кура уходила в спальню или гардеробную, то до нее почти не доносился голос плачущего младенца. Что же касается Хизер Уитерспун, то крики малышки действовали ей на нервы; к тому же она боялась уронить ребенка, если брала его на руки, — и когда Гвин однажды увидела, как Уитерспун это делает, она стала разделять тревогу гувернантки.

— Боже мой, мисс Хизер, это же ребенок, а не кукла! Головка не прикручена, ее нужно поддерживать. В этом возрасте Глория еще не может держать ее самостоятельно. И ребенок не укусит вас, если вы прижмете его к себе. И не взорвется — не нужно держать девочку, словно коробок с динамитом.

После этого мисс Хизер вообще отстранилась. Равно как и Уильям, который, впрочем, нанял няню, некую миссис Уилер. От девушки-маори он отказался. Правда, довольно старательная миссис Уилер могла начинать работу только в девять утра, поскольку приезжала из Холдона, а вечером по возможности предпочитала уехать домой до наступления темноты. Джеймс ворчал, что человека, которого пришлось нанять для того, чтобы привозить и увозить миссис Уилер, можно было сразу научить пеленать ребенка, по затраченному времени получилось бы то же самое.

Как бы там ни было, ночью не находилось никого, кто бы кормил и утешал Глорию, и часто бывало так, что Джек приходил в спальню родителей и сообщал об этом. Мальчик спал в комнате, прилегавшей к новой детской, и, соответственно, первым слышал крик. Будучи энергичным и деятельным, он вначале просто брал девочку из колыбельки и клал рядом с собой, как щенка, которого получил на Рождество. Того, впрочем, он перед сном кормил, после чего животное сладко засыпало, а Глория была голодна, и успокоить ее было невозможно.

И Джеку не оставалось ничего иного, кроме как будить мать. Поскольку он все делал как полагается, то в первое время пытался обращаться к Кура, но та оставалась равнодушной. В своей спальне она столь же мало слышала его стук, как и плач Глории, а просто войти в ее комнаты мальчик все же не отваживался.

— А чем занимается Уильям? — ворчал Джеймс, когда Гвинеира встала третью ночь подряд. — Нельзя ли ему объяснить, что недостаточно

просто зачать ребенка?

Гвинеира набросила на себя халат.

— А он вообще не слышит. И Кура тоже; одному небу известно, о чем они думают. Как бы там ни было, я не могу представить себе Уильяма с бутылочкой молока в руке. А ты?

Джеймс уже готов был ответить, что для начала Уильяму нужно выпустить из рук бутылку виски, но не захотел тревожить Гвинеиру. Она была настолько занята ребенком и фермой, что не обращала на это никакого внимания, однако он в последнее время заметил, что запасы алкоголя явно уменьшились. Судя по всему, брак Куры и Уильяма был уже не таким счастливым, как в начале их совместной жизни и в первые месяцы беременности. Они не уходили рано в постель, не обменивались влюбленными взглядами, а старались не смотреть друг на друга. Зато Уильям еще долго сидел в салоне после того, как Кура уходила к себе. Он частенько болтал там с мисс Уитерспун — и Джеймс готов был многое отдать за то, чтобы узнать, о чем они говорили друг с другом. Но чаще всего Уильям сидел там один, с вечно полным бокалом в руке.

Действительно, отношения Уильяма и Куры не улучшились после рождения Глории, как он надеялся. Поступая, как ему думалось, поджентльменски, Уильям предоставил жене возможность отдохнуть после родов, а потом, спустя четыре недели, снова предпринял попытку прийти к ней. В принципе, он исходил из того, что ему будут более чем рады. Ведь Кура неделями укоряла его в том, что он не желает ее из-за огромного живота. И в самом деле, сейчас она с удовольствием принимала поцелуи и ласки мужа, заводила его, но, когда он, уже готовый взорваться, хотел войти в нее, отталкивала его.

— Ты ведь не думаешь, что это произойдет со мной еще раз, — холодно заявила она, когда он сумел настолько совладать с собой, чтобы пожаловаться. — Я больше не хочу детей. Так что оставим это. Остальное можем продолжать, от этого детей не бывает.

Сначала Уильям не принимал ее слова всерьез и продолжал попытки добиться благосклонности жены, но Кура была упряма. При этом она изо всех сил старалась довести его до экстаза. И отстранялась только в самый последний момент. Самой ей, похоже, это неудобств не доставляло; казалось, она довольствуется тем, что сводит Уильяма с ума.

Однажды ночью он утратил контроль над собой и взял жену силой, поборов ее сопротивление. Он смеялся, когда она царапала и колотила его. Однако ее сопротивление вскоре сошло на «нет», она тоже наслаждалась

происходящим. Вот только это было непростительно. Уильям извинился в ту же ночь, потом еще трижды на следующий день; он был искренне подавлен. Кура приняла его извинения, но вечером ее комната оказалась заперта.

— Мне очень жаль, — сказала Кура, — но это рискованно. Это будет происходить с нами снова и снова, а я больше не хочу иметь детей.

Вместо этого она опять начала петь и играть на рояле. Целыми днями, как и до брака.

— Действительно, нужно не раз подумать, чего ты хочешь на самом деле... — вздыхала Гвинейра, качая маленькую Глорию. Судя по всему, ее молитвы относительно того, чтобы ребенок оказался немзыкальным, были услышаны: едва начинал звучать рояль, как Глория принималась душераздирающе кричать.

— Я возьму ее с собой на конюшню, — радостно заявил Джек, тоже намереваясь сбежать от Бетховена и Шуберта. — С собаками она совершенно спокойна, даже смеется, когда Монди облизывает ее. Как думаешь, ее можно научить ездить верхом?

Уильям сходил с ума от того, что видел Куру днем, наблюдал, как ее фигура снова принимает прежние сногшибательные формы, как ее движения становятся грациозными и легкими, не такими тяжелыми, как на протяжении последних недель беременности. Все в ней заводило его: и ее голос, и танец длинных пальцев по клавишам рояля... Иногда одной мысли о ней оказывалось довольно, чтобы возбудить его. Попивая виски в одиночестве, он вновь и вновь мысленно возвращался в ночи их любви. Вспоминал каждую позу, с тоской думал о каждом поцелуе.

Возможно, Кура чувствовала то же самое, ибо он, в свою очередь, тоже замечал ее страстные взгляды.

Кура не знала, какой еще поворот может принять их жизнь, но при мысли о том, чтобы остаться в Киворд-Стейшн, рожать одного ребенка за другим, каждый раз при этом становиться толстой и ходить, переваливаясь, как утка, она приходила в ужас. Пара месяцев удовольствия в перерывах между беременностями не могли компенсировать недостатки. А Ронго-Ронго не оставила ей никаких иллюзий, заявив:

— До того времени, как тебе исполнится двадцать, ты можешь родить еще троих детей — и кто знает, сколько всего.

Стоило Куре представить себе трех вопящих детишек, как по спине у нее пробежал холодок. Несмотря на то что Глория казалась ей миленькой, она не знала, что с ней делать, равно как и со всеми теми маленькими

собачками, кошечками и ягнятами, которые приводили в такое восхищение Гвинейру и кузину Илейн. Больше детей она иметь не хотела.

Тем не менее отказ от любви Уильяма все больше и больше раздражал ее. Ей нужно было хоть что-то, будь то музыка, аплодисменты или удовлетворение от любви. Только музыка была безопаснее. Поэтому она снова стала заниматься игрой на рояле, петь и ждать. Что-то должно было случиться.

Глава 10

Родерик Барристер обладал не самым чудесным бельканто. Но он обучался музыке в нескольких знаменитых учебных заведениях и храбро прорывался через важнейшие оперные партии теноров. Кроме того, он прекрасно выглядел: густые гладкие длинные черные волосы придавали бóльшую убедительность оперному герою; его хорошо очерченное лицо казалось чуть мягче, чем те классические черты, которые обычно трогали женские сердца, а в глазах сверкал огонь. Уже благодаря одной своей внешности он постоянно получал ангажементы в небольших ансамблях и приглашения на песенные вечера. Но для карьеры на большой сцене этого было мало, и Родерик уже почти перестал питать надежды.

Впрочем, он любил свою публику и страстно жаждал звездной славы — а кроме того, был неглуп. Поэтому он сразу же ухватился за возможность стать крупной рыбкой в маленьком пруду, когда новозеландский бизнесмен взялся за создание ансамбля для турне по Новой Зеландии и Австралии. Джордж Гринвуд, богатый, уже немолодой мужчина, преследовал в этом вопросе скорее альтруистические цели, чем стремление к тому, чтобы нажить немалое богатство. Конечно, какие-то деньги он рассчитывал заработать, однако для него было гораздо важнее порадовать свою жену Элизабет. Много лет назад супруги провели несколько месяцев в Англии, и тогда еще молодая женщина была покорена очарованием оперы. На Южном острове Новой Зеландии пока еще не было оперного театра — любители бельканто вынуждены были довольствоваться граммофонами и пластинками. И теперь, желая восполнить этот пробел, Джордж использовал свое очередное пребывание в Лондоне для создания коллектива из певцов и танцоров.

Родерик, бывший в числе первых претендентов, вскоре понял, что здесь он может успешно использовать и свой организаторский талант. Джордж Гринвуд не имел ни малейшего представления о музыке, да и интерес к ней у него был невелик. Необходимость оценивать певцов и танцоров наряду с такой работой казалась ему обременительной, не считая того, что нужно было решить, кто из них лучше владеет своей профессией. Поэтому он с удовольствием принял предложение Родерика помочь с отбором, и Барристер внезапно увидел себя в роли импресарио.

Он добросовестно исполнял ее, нанимая самых красивых и послушных балерин, а танцоров отбирал таких, которые отдавали

предпочтение своему полу. Не стоит ведь брать с собой конкурентов за море! Отбирая певиц, теноров, басов и баритонов, он следил в первую очередь за тем, чтобы не ангажировать никого, кто превосходил бы его по голосовым и внешним данным. Его будущая партнерша, первое сопрано, соответственно, представляла собой посредственность как внешне, так и по голосовым данным, хотя была очень добрым человеком. Сабина Конетти, равно как Родерик, прекрасно понимала, что великое искусство ей не светит. Она была благодарна за хорошо оплачиваемый ангажемент, всегда могла позаботиться о Родерике — в отличие от балерин — и вообще всем своим видом выражала готовность прижать к своей пышной груди всякого, кто пожалуется ей на жизнь. Это кое от чего освободило Родерика; он был избавлен ото всех личных проблем ансамбля, из-за которых другим импресарио частенько приходилось не спать ночами. В его маленьком ансамбле царили мир и любовь — как выяснилось, публика была непритязательна. Еще на судне, пароходе, который проделал весь путь за несколько недель, труппа дала пару концертов и путешественники осыпали деятелей искусства и довольного Джорджа Гринвуда похвалами.

Поэтому Родерик не переживал по поводу первого выступления ансамбля в Крайстчерче, на Кентерберийской равнине. Сабина Конетти на деле оказалась, пожалуй, еще лучше, чем Дженни Линд.

Крайстчерч тоже стал для артистов приятным сюрпризом. Певцы и танцоры готовились увидеть дыру на краю света, но на самом деле приехали в город, в котором чувствовалось стремление не уступать английским метрополиям. Аттракционом города служил пущенный еще в 1880 трамвай, пестро разукрашенный, ходивший по миленьким улицам. Крайст-колледж привлекал студентов со всей Новой Зеландии и придавал городу налет молодости, а скупых тут вообще не было. Овцеводство, а с недавних пор и разведение крупного рогатого скота позволили Кентербери сколотить приличное богатство, а отцы города готовы были делать внушительные вложения в различного рода общественные заведения.

Впрочем, оперного театра пока еще не было; представление должно было состояться в отеле. Родерик снова возблагодарил небо за Сабину. Пока она возилась с жалобами певцов на плохую акустику банкетного зала в отеле «Уайт Харт» и выслушивала танцоров, волновавшихся по поводу слишком маленькой сцены, он решил сначала познакомиться с городом, а затем, незадолго до выступления, украдкой оглядел публику. Собрание хорошо одетых, исполненных радостного предвкушения людей, которые сейчас будут превозносить его, словно он сам Пол Каллиш во плоти, вдохновило Родерика Барристера. Сбывшаяся мечта! А потом он увидел

девушку...

Именно Хизер Уитерспун привлекла внимание Уильяма и Куры Мартин к гастроям оперного ансамбля. Хотя Джордж Гринвуд информировал на этот счет Гвинейру, она совершенно забыла об этом — поскольку ни Джек, ни Джеймс не испытывали желания пойти.

— Вообще-то, опера это красиво. — Гвинейра предприняла еще одну попытку переубедить сына, впрочем, без особого энтузиазма.

Она хотела дать ему возможность получить разностороннее образование, и в этом вопросе Джеймс тоже обычно поддерживал ее. Турне Королевской труппы имени Шекспира в прошлом году МакКензи посетили с огромным удовольствием, причем Джеку больше понравились бои на мечах, чем песни о любви Ромео и Джульетты. Судя по всему, оперу семья Гвин не воспринимала.

— Да и что нам делать с Глорией? — выдвинул новый аргумент Джек. — Она ведь будет плакать, если мы уйдем надолго, а если возьмем ее с собой, будет плакать еще сильнее. Она же не любит этого шума.

В последнее время мальчик обзавелся привычкой таскать за собой всюду свою «внучатую племянницу», словно какого-нибудь щенка. Вместо медвежонка, который висел над ее колыбелькой, в конюшне над ней покачивалась ненужная корзинка, а когда Глория пыталась что-то ухватить, он совал ей в ручку несколько соломинок или щетку для чистки лошадей, чтобы она могла поиграть. Похоже, малышке это нравилось. Пока ее мать не начинала петь или играть на рояле, она вела себя спокойно, а с тех пор, как Джек освоил подогрев молока, малышка еще и стала безмятежно спать.

О предстоящем вечере в опере Кура и Уильям никого в известность не поставили. Постепенно две жившие в Киворд-Стейшн семьи все больше отдалялись друг от друга. Стоявший в центре салона рояль и вечерние концерты Куры рано загоняли Джеймса и Джека в свои комнаты, и, несмотря на то, что молодая женщина уходила к себе довольно рано, никому не хотелось составлять Уильяму компанию, который пристрастился к виски. Кроме, конечно же, Хизер Уитерспун.

— Неужели между этими двоими что-то происходит? — в какой-то момент недовольно поинтересовался Джеймс. — Я хочу сказать, что не могут же они ночи напролет беседовать о том, как учились в интернатах?

Гвинейра рассмеялась.

— Как бы там ни было, Джек утверждает, что между Курой и Уильямом больше ничего не происходит. Причем именно так он и выразился. Может, это ты на него плохо влияешь? Хелен была бы в ужасе!

Как-то вечером он слышал, как они ссорились. О чем он, опять же, рассказал не мне, а своему другу Хоне. Я просто случайно услышала. С недавнего времени они оба стали интересоваться девочками. Причем Хоне кажется гораздо более зрелым, чем Джек. Видимо, на нашего мальчика плохо повлияла Кура. Чего доброго, в монастырь уйдет!

Джеймс усмехнулся.

— Думаю, это маловероятно. Хотя Джек хороший пастух, но я уверен, что ему не понравится, если он не сможет стричь своих двуногих овец и перегонять их, куда ему вздумается. Кроме того, ни у одной конфессии на страже добродетели не стоят бордер-колли, насколько мне известно.

— Было бы совсем неплохо, — захихикала Гвин. — Ты еще помнишь, как лаяла Клео, когда ты прикасался ко мне?

Джеймс бросил на лежавшую в корзинке Монди испытующий взгляд.

— Теперешний страж спит. Так что давай воспользуемся моментом...

Конечно же, Кура горела в предвкушении поездки в Крайстчерч, и Хизер Уитерспун — не меньше. Уильяма во время путешествия скорее интересовало поддержание контактов с другими «овечьими баронами», но он тоже ехал с удовольствием. Гвинейра отпустила мисс Уитерспун. Как и прежде, она была недовольна ее работой как по обучению Джека, так и детей-маори. Но Хизер нечасто просила отгулы, поэтому Гвинейра не могла ей этого запретить.

— Может быть, она влюбится в певца и уйдет от нас! — с надеждой заметил Джеймс.

Впрочем, рассчитывать на это не стоило: чувства у Хизер уже были. Несмотря на то что Уильям пока не проявлял явного интереса к другим женщинам, а все мечтал о том, как бы снова завоевать «крепость Куры», мисс Уитерспун сидела с ним почти каждый вечер, и на то были свои причины. Когда-нибудь он должен увидеть в ней женщину. По крайней мере она на это надеялась. В книгах и журналах, которые она читала, все всегда заканчивалось хорошо. Женщине достаточно долгое время быть мягкой, терпеливой и всегда готовой выслушать.

Итак, Кура, Уильям и Хизер отправились в Крайстчерч, и, конечно же, первый взгляд Родерика Барристера, брошенный в зрительный зал, упал на Куру-маро-тини.

— Госпожа, ты видела девушку там, внизу? — Граничившее с благоговением удивление Родерика требовало выхода.

Сабина со скучающим видом выглянула из-за занавеса.

— Какую? Я вижу там по меньшей мере десять. И после выступления все они будут твоими. Ты собираешься сначала давать «Памино» или «Дона Хосе»?

— Мы начнем с Моцарта... — рассеянно пробормотал Родерик. — Но как ты можешь видеть там десять девушек? Рядом с этой весь зал словно растворяется в тумане! Эти волосы, это лицо... В ней есть нечто экзотическое... А как она двигается... Да она рождена, чтобы танцевать!

— У тебя всегда была слабость к танцовщицам, — вздохнула Сабина. — Бригитта и Стефани из-за тебя друг другу глаза готовы выцарапать. Будь немного сдержаннее... А теперь иди гримируйся, пора! «Туман» хочет, чтобы его развлекали!

Труппа давала отрывки из «Волшебной флейты», «Кармен» и «Трубадура», причем в последнем случае они играли знаменитый квартет из финальной сцены, который в ансамбле никто по-настоящему не знал. Особенно же меццо-сопрано труппы, молодая девушка, которая, вообще-то, больше танцевала и лишь немного училась пению; партию Азучены она пела просто ужасно. Впрочем, ее почти не было слышно, поскольку мужчины изо всех сил пытались петь если уж не красиво, то хотя бы громко. Из-за этого Сабина уже не однажды заявляла, что в следующий раз выйдет выступать в берушах, хуже сделать ее Леонору в принципе невозможно.

Правда, среди благожелательной публики Крайстчерча лишь одна слушательница обратила внимание на слабость выступления, поскольку сосредоточилась на женских голосах. Значит, это опера? И больше ничего не нужно, чтобы выступать с международным ансамблем? С одной стороны, Кура была разочарована, с другой — в ней снова затеплилась надежда. Эта девушка, которая сейчас с трудом пела Азучену, а до того, словно ворона, прокаркала партию Кармен, и близко не могла сравниться с ее собственными данными! А сопрано! Однако тенор Куре понравился. Хорош, тоже попадает не во все ноты, но, возможно, дело в том, что у него слабая партнерша. В любом случае сердце Куры затрепетало — больше всего ей хотелось запеть, когда его Кармен самым жалким образом потерпела в дуэте поражение, и даже предполагала, что сможет спеть Памину лучше, чем эта Сабина. Кроме того, мужчина выглядел хорошо, в точности так, как она всегда представляла себе Манрико и Памино, или как их там всех зовут. Кура знала, что это третьеклассное представление, но никогда прежде она не испытывала такого сильного желания стоять на сцене, как в этот день.

Хизер Уитерспун тоже могла оценить качество пения, однако она была целиком и полностью поглощена своей влюбленностью. Уильям сидел между ней и Курой — и как же легко было представить, что он принадлежит ей! А потом он пойдет с ней на прием, который Джон Гринвуд устраивал для отдельных гостей и певцов. Но туда были приглашены, конечно же, только Уильям с Курой. Несмотря на это, целых два часа Хизер казалось, что она находится в другом мире, и ей было все равно, попадают эти люди в ноты или нет.

Во время устроенного Гринвудом приема Уильяму очень не хватало ее общества. Ему было смертельно скучно, поскольку, кроме Гринвудов, там практически не было интересных людей. Судя по всему, «овечьи бароны» равнин, по крайней мере во время стрижки овец, не очень сильно интересовались пением и танцами. К Ричлэндам, как сообщил Джордж, недавно пришли стригали.

— Потом, наверное, пойдут в Киворд-Стейшн, — произнес торговец. — Разве ваша помощь не понадобится, мистер Мартин?

Уильям слегка покраснел. Гвинейра действительно не сказала ему ни слова о том, что вот-вот начнется стрижка. Возможно, это была очередная попытка отстранить его. К тому моменту, как он вернется, все животные будут в загонах и готовы к стрижке, и работники начнут снова трепать языками, болтая о том, что молодой господин предпочитает слушать оперы, нежели работать.

Уильям кипел от гнева, а поведение Куры не способствовало тому, чтобы успокоить его. Вместо того чтобы оставаться рядом, как она чаще всего и поступала ввиду отсутствия интереса к другим гостям, Кура сегодня порхала от одного певца к другому. Особенно ей понравился темноволосый красавец.

— Правда? Вы поете, мисс?.. — как раз спрашивал мужчина с тем жадным выражением, которое появлялось на лице любого представителя мужского пола в присутствии Куры.

— Уорден... то есть нет, Мартин. Миссис Мартин. — В последний момент Кура, похоже, вспомнила о своем семейном положении.

Казалось, певец был разочарован. Уильям же готов был избить Куру.

Он спросил себя, продолжать ли слушать разговор, однако потом передумал и решил не мучиться. Вместо этого он направился к бару. Виски развеселит его. А за Курой можно следить и оттуда. Ревности Уильям при этом не испытывал; он знал, что Кура потрясает любого мужчину с первого

взгляда. Почему в случае с этим певцом все должно быть иначе? А если он будет вызывать всякого, кто бросает на Куру жадные взгляды, то спать будет некогда от драк и дуэлей. Уильям полагался на Куру: если уж она не пускает в постель его, то не станет внимать просьбам другого. А как только она выйдет из комнаты, он снова будет рядом, уже хотя бы ради того, чтобы ей не пришлось в голову запереть их общий номер в отеле.

Тем временем Кура улыбалась Родерику. От ее улыбки захватывало дух.

— Я хотела стать певицей. У меня меццо-сопрано. Но потом у меня приключилась любовь...

— И мир оказался лишен такого чуда, как вы! Богиня искусства не должна была этого допустить... — Родерик льстил девушке, хотя ни на миг не поверил в ее выдающийся талант. Очередная женщина, преувеличивающая ценность взятых ею трех уроков игры на фортепьяно... Но некоторым из них он был готов дать возможность несколько часов насладиться своим гением. — Мы пробудем здесь еще неделю, и если вдруг вы передумаете... — милостиво произнес он, — то сможете спеть мне.

Легко пританцовывая рядом с Уильямом, когда они шли через фойе, Кура сияла.

— Уильям! Я всегда это знала! Я знала, что могу петь в опере! Импресарио сказал, что я должна хотя бы разок спеть. О, Уильям, я должна сделать это! Завтра же! Может быть, мне совершенно не нужно это долгое обучение. Думаю, мы можем просто поехать в Лондон, и я спою, а потом...

— Сладкая моя, я с удовольствием позволил бы тебе это, но завтра мы должны возвращаться на ферму! — Уильям принял это решение довольно спонтанно, еще во время третьего бокала виски. — Там начинается стрижка. Я нужен там, я не могу бросить миссис Гвин и остальных с этой прорвой работы...

— Ах, они двадцать лет справлялись без тебя! — заметила Кура и была отчасти права. — Ну же, дай мне хоть один день! Позволь мне спеть этому мистеру Барристеру, а потом... Потом посмотрим... — Кура взяла его за руку, и Уильям вновь почувствовал надежду на сказочную ночь в ее объятиях.

Он поцеловал ее, едва они вошли в комнату, и почувствовал, что прав, когда она жадно ответила на его поцелуй. Постепенно он спустился губами ниже, к ее шее, поцеловал область декольте, которую открывал вечерний наряд, и начал стягивать с нее платье.

— Боже мой, Кура, ты так прекрасна... люди будут готовы платить

любые деньги, только чтобы увидеть тебя на сцене, и неважно, будешь ты петь или нет, — хриплым голосом прошептал он.

Кура дала ему раздеть себя. Она стояла перед ним обнаженная, позволяя гладить и целовать свое тело, и наконец опустилась на кровать, после чего его губы коснулись внутренней стороны ее бедер, затем принялись ласкать ее интимную зону. Она застонала, негромко вскрикнула и быстро достигла высшей точки наслаждения. Не помня себя от счастья, она обхватила руками его голову, стала гладить по волосам, касаться его груди своими волосами.

— Подожди... — с трудом произнес Уильям. — Подожди, я должен снять брюки... — Ему казалось, что его член вот-вот порвет ткань. Наконец он сорвал с себя брюки, освободился и хотел, чтобы Кура села сверху, была над ним, хотел войти в нее... стать с ней единым целым, как часто бывало раньше. Но Кура решительно отстранилась.

— Кура, ты не можешь... — Уильяму понадобилась просто нечеловеческая сила воли, чтобы не схватить ее за длинные распущенные волосы, не притянуть к себе, не сжать ее плечи и не взять силой. Это уже слишком, это просто слишком...

Но Кура непонимающе посмотрела на него.

— Я же сказала тебе, что больше не хочу этого делать. Особенно теперь, когда есть шанс, что я смогу петь. Я не хочу еще одного ребенка!

Уильям, пошатываясь, встал с постели. Если сейчас он останется, то возьмет ее силой! Разве он мог предполагать, что она практически доведет его до оргазма, а потом вынудит спать с ней, как брат и сестра. Эрекция постепенно спадала, но ему нужно было освободиться. Он уйдет, найдет ванную и поможет себе сам, а потом... может быть, найдется другая комната. Но как будет неприятно спрашивать об этом у администратора...

По пути в ванную он встретил Хизер Уитерспун. В обычной ситуации Уильям испытал бы неловкость, ведь он был не совсем одет. Но она спокойно и понимающе улыбнулась. При этом она тоже была одета совершенно по-домашнему. Уильям окинул ее взглядом. Волосы спадают на плечи, ноги босы. И лицо Хизер просветлело, когда она увидела его.

— Мистер Уильям! Тоже не можете уснуть? Как прошел прием?

Поверх шелковой ночной рубашки на ней был только легкий халат. Под ним отчетливо прорисовывалась грудь, свободная от корсета и скучных старомодных платьев, и фигура у нее была довольно женственная. Взгляд ее манил, губы влажно блестели, глаза сияли.

Думал Уильям недолго. Он обнял ее.

На следующее утро Уильям практически не оставил Куры времени на завтрак. Когда он вернулся в ее постель, удовлетворенный любовью с Хизер и пьяный от виски, стояла уже поздняя ночь, но жена спала крепко и сладко. Кура была неведома ревность: для этого она чувствовала себя слишком уверенно. И теперь она сильно протестовала против отъезда, но настоять на своем не сумела.

— Этот парень все равно не будет тебя слушать, просто будет похотливо разглядывать, — заявил Уильям своей возмущавшейся жене. — Сделает он это или нет, совершенно неважно. А стрижку без меня они начать не могут. То есть... могут, конечно, но я потеряю лицо перед работниками фермы. Как это будет выглядеть? Будущий хозяин Киворд-Стейшн цепляется за подол несостоявшейся дивы, а остальные должны делать за него всю работу!

Своими словами о том, что она — несостоявшаяся дива, Уильям очень сильно задел ее за живое, за что был вознагражден спокойной дорогой домой. Кура замкнулась в себе и молчала, лишь перекинулась парой слов с Хизер. При этом они ехали быстро. Легкую полукаретку тянула упряжка из двух кобов, к тому же за последние годы дороги стали гораздо лучше. Уже давно не нужно было думать о том, где остановиться на ночлег во время путешествия из Крайстчерча в Холдон.

Путешественники вернулись в Киворд-Стейшн в тот же день, к вечеру, и Уильям, почти ликуя, оживленно заявил, что будет принимать участие в стрижке. На следующее же утро он возьмет на себя наблюдение за тем, как будут перегонять овец в загоны для стрижки. Ночь он начал с пары бокалов виски — а закончил ее в постели Хизер Уитерспун.

Хизер, переполненная любовью к Уильяму, не знала, как реагировать на жалобы Куры по поводу того, что ей не удалось попасть на прослушивание. Она ни в коем случае не хотела, чтобы Кура уехала в Англию, — по крайней мере не вместе с Уильямом. Но Кура не оставляла ни малейшего сомнения в том, что она когда-либо уедет из Киворд-Стейшн без Уильяма. С другой стороны, с тех пор многое изменилось. Хизер была подругой Куры; она прекрасно знала, что со времени рождения Глории та больше не пускает мужа к себе в постель. Об остальном, в первую очередь о первоначальных попытках Куры перевести сексуальные отношения с Уильямом обратно в безопасную плоскость, как когда-то с Тиаре, она не слышала, но подробности ее не интересовали. По мнению Хизер, брак Куры и Уильяма фактически закончился. Может быть, Кура действительно сделает выводы и уйдет от мужа. Прослушивание в Крайстчерче могло

стать первым шагом к этому. Поэтому она осторожно посоветовала девушке:

— Конечно, ты не должна питать особых надежд. Но послушать, что скажет специалист, не помешает.

— Для этого я должна была остаться в Крайстчерче... Уильям поступил так подло! — Кура снова начала жаловаться на мужа.

Хизер, уже наслушавшаяся за это утро ее причитаний, молчала, погрузившись в размышления. Но потом на гувернантку снизошло озарение: найти ноты к пьесам, которые они слышали вечером. С тех пор Кура начала ожесточенно заниматься. Она снова и снова пела партии Кармен и Азучены.

— Я заколол бы эту Кармен еще во втором акте, а еще лучше — в первой же сцене, — бормотал Джеймс, когда «Хабанера» зазвучала в салоне в третий раз, что не давало ему возможности слегка расслабиться после ужина. Он был раздражен; триумфальное возвращение Уильяма было ему совершенно не на руку. Да еще молодой человек в это утро чувствовал усталость и боль в мышцах после долгого путешествия. Пребывая в дурном расположении духа, он гонял людей туда-сюда, запутал овец, внезапно решил перестроить отары и всеми этими действиями довел Джеймса до белого каления. Не хватало еще, чтобы Кура часами пела о любви и мятежных птицах. Раз за разом одно и то же.

— Это еще что такое? Разве три дня назад она не заявила, что ей нужно срочно заняться немецким, потому что песни Шуберта как-то не поются по-английски? А это ведь по-французски, я ведь ничего не путаю?

Французский Кура учила с мисс Уитерспун.

— Это они позавчера слушали в Крайстчерче, и она утверждает, что певица пела ужасно, — пояснила Гвинеира, заодно рассказав об истории с прослушиванием. — Кура хочет, чтобы я дала ей мужчину в провожатые и повозку: она горит желанием еще раз встретиться с этим певцом или, как она его называет, «импресарио». Но в данный момент мы ни от кого не сможем отказаться, кроме разве что Уильяма. Но он ведь мог сразу остаться с ней...

— Я бы на его месте тоже не пустил ее на прослушивание, — раздраженно проворчал Джеймс. — Ясно ведь, чего хочет этот тип. Или ты всерьез думаешь, что он внезапно предпочтет своих певиц девочке, которая консерваторию видела только снаружи?

Гвинеира пожала плечами.

— Джеймс, я не знаю. Я понятия не имею о том, как все это делается,

и, честно говоря, меня это не интересует. Я бы только с удовольствием закончила с Кармен. И сделала Куру счастливой...

Тем временем Кура вновь начала петь арию. Джеймс закатил глаза.

— Только не это! — капризно произнес он. — Посмотри на все с другой стороны, Гвин: ты шестнадцать лет пыталась сделать Куру счастливой. Теперь настала очередь Уильяма. Пусть она его обрабатывает, чтобы он отвез ее в Крайстчерч, и пусть лучше там и останется, держит ее за ручку, пока она будет петь. Наверняка он тоже будет великолепен, когда начнет организовывать для нее договоры и сводить с ума ее партнеров, если они будут петь слишком громко или слишком тихо. Но тебя это больше не касается. Довольно и того, что никто из них не занимается малышкой. Кстати, нужно будет сказать Джеку, что во время стрижки ребенку нельзя находиться в загоне, этот воздух не для нее. Даже если она будет кричать целый день.

Гвинейра вздохнула. Еще и это! Все кончится тем, что она уволит няньку. Ей же самой, как обычно, придется наблюдать за работой в одном из загонов, даже если Кура будет петь весь день, а Глория, соответственно, целый день кричать. Ну а миссис Уивер, скорее всего, сложит оружие.

Кура пела как одержимая и по мере заучивания текстов все сильнее укреплялась в мысли, что может соответствовать требованиям Родерика Барристера, все увереннее чувствовала себя, продолжая мечтать о карьере певицы. Она должна поехать в Крайстчерч, просто обязана! А неделя тем временем была уже практически на исходе; у нее оставалось еще два дня, один из которых придется потратить на дорогу. Может быть, нужно еще раз поговорить с Уильямом? Или не только поговорить? Если спустя столько времени она все же пустит его наконец в постель, он будет словно воск в ее руках. Конечно, это рискованно. Но если она доведет Уильяма до кульминации несколько раз, он пообещает ей все, что угодно; нужно просто рискнуть. И вообще, она слышала, как на приеме танцовщицы говорили о чем-то таком... о нехорошем деле, которое приключилось с одной из них, но, судя по всему, существовала возможность все исправить. Так что если ничего другого не останется, она поговорит с девушкой об этом. Или с мистером Барристером. Ему ведь тоже не должно нравиться, что его певицы или танцовщицы внезапно начнут разгуливать с животами.

Поэтому вторую половину дня Кура провела не за роялем, а стала готовиться к общению с Уильямом. Она села играть лишь вечером, для него и мисс Уитерспун, поскольку Гвин и Джеймс ушли рано, а Джек заперся с Глорией и собакой в своей более-менее звуконепроходимой комнате.

Впрочем, в этот вечер Кура не стала петь оперные арии, вместо этого выбрала ирландские песни, которые всегда очаровывали Уильяма. И действительно, после «Sally Gardens» она увидела, как жадно заблестели его глаза. Она спела «Wild Mountain Thyme», чтобы еще сильнее распалить его огонь, и обещала любовь в «Ночи на холме Тары». Наконец она решила, что он достаточно настроился. Она медленно поднялась и, следя за тем, чтобы он не переставал смотреть на нее, направилась к лестнице, покачивая бедрами.

— Не задерживайся, — прошептала она, надеясь, что ей удалось вложить в голос достаточно обещания и соблазна. Казалось, Уильям задышал еще учащеннее. Кура поднялась по лестнице, уверенная в том, что скоро он постучит в ее дверь.

Но Уильям не пришел. Сначала Кура не особенно переживала. Ему ведь нужно выпить виски и каким-то образом отделаться от Хизер Уитерспун. Похоже, в последнее время та кажется несколько влюбленной в него. Абсурд!

Кура спокойно разделась, надушилась и облачилась в самую красивую ночную сорочку. И только тогда стала проявлять некоторое нетерпение. Она хотела уже начать, хотя бы только потому, чтобы на следующее утро не проспать. На этот раз она собиралась встать рано и приехать в Крайстчерч не ночью. Лучше всего, думала она, устроить встречу с Барристером вечером того же дня, чтобы договориться о прослушивании на завтра.

Когда прошел почти час, терпение Куры закончилось. Если Уильям не идет сам, она пойдет за ним. Она набросила на себя халат, еще раз провела расческой по волосам и направилась к большой лестнице, ведущей в салон. Он должен увидеть, как она идет, ослепительно прекрасная в своей ночной сорочке, такая одинокая...

Кура медленно спустилась по лестнице.

Но Уильяма в салоне не оказалось. Там даже свет уже погасили; казалось, все ушли спать. Неужели Уильям действительно пошел к себе в комнату, не предприняв ни единой попытки постучать в дверь ее спальни? После такого выступления? Кура решила не упрекать его, а сыграть роль раскаявшейся жены. В конце концов, она так часто отталкивала его, что можно понять, почему он оставил всяческие надежды. Тем лучше подействует стратегия этой ночи...

Тихо, словно кошка, Кура прокралась в комнаты Уильяма. Она разбудит его поцелуем и склонится над ним, когда он откроет глаза. Но в комнате не было никого, постель была нетронута. Кура нахмурилась. Теперь остается только детская комната. Может быть, Уильям решил

заглянуть к Глории и теперь утешает девчущку, потому что она плачет? Хоть Кура этого ни разу не видела, но не знала, чем еще он может занять ночь.

Сейчас она выяснит. В детской все было спокойно, и из соседней комнаты, где спал Джек, тоже не доносилось ни звука. Зато слышались стоны и смех из комнаты мисс Уитерспун. Недолго думая, Кура распахнула дверь...

— Она ушла? Что значит ушла? — озадаченно спросила Гвинейра, спустившаяся к завтраку и не успевшая пока толком проснуться. Прошлой ночью они с Джеймсом утешали друг друга после «Кармен» бутылкой вина, и вечер прошел очень мило. Теперь она была расстроена, потому что Уильям опять от нее чего-то хочет. — Бросьте, Уильям, Кура не ездит верхом, да и править каретой тоже не умеет. Она не могла уйти из Киворд-Стейшн.

— Вчера она была немного расстроена... должно быть, что-то не так поняла... — выдавил из себя Уильям.

В действительности же Кура, увидев его и Хизер в постели, бросила на них лишь один жгучий взгляд, выражавший что-то вроде ненависти. Или разочарования. Недовольства... Уильям не знал, как понять это выражение лица. Он видел Куру лишь долю секунды; когда до нее дошло, что происходит, она сломя голову бросилась прочь из комнаты. Потом Уильям стучался к ней, но она не ответила. И еще позже... Наконец он сдался и ушел в свою комнату, где долго не мог заснуть. И только к утру его сморило от усталости.

Проснувшись, он решил предпринять еще одну попытку поговорить с Курой. Однако, придя в ее комнаты, он увидел, что двери стоят нараспашку. А ее нет...

— Вы поссорились? — осторожно спросила Гвинейра.

— Не совсем... ну да, но... Где, ради всего святого, она может быть? — Уильям казался почти испуганным. Кура вела себя так странно. К тому же он нашел письмо от нее. Оно лежало на столе в ее гардеробной.

Оно того не стоит.

Только это и было в письме, не больше и не меньше. Но не могла ведь Кура что-нибудь сделать с собой! Уильям с ужасом думал об озере возле деревни маори.

— Что ж, первым делом я искал бы ее в Крайстчерче, — добродушно произнес Джеймс, спускаясь с лестницы в самом наилучшем расположении духа. — Она ведь собиралась туда, не так ли?

— Но не пешком же, — заметил Уильям.

— Кура уехала с Тиаре, — сказал Джек. Он пришел с улицы в сопровождении своего щенка. Судя по всему, парень уже побывал в конюшне. — Я спросил ее, не хочет ли она сказать Глории «до свидания», но она даже не взглянула на меня. Наверное, чувствовала угрызения совести, поскольку Тиаре без спросу взял Оуэна.

— Может быть, она заходила к Глории раньше, — предположила Гвин, чтобы ее внучка не выглядела такой уж плохой матерью.

Джек покачал головой.

— Нет, Глория спала со мной, я ее только что отнес в кухню к Кири. А Кири ничего не говорила.

— И ты просто так позволил взять ей жеребца? — набросился на него Уильям. — Мальчишка-маори заходит сюда, берет ценного жеребца и...

— Я понятия не имел, что она не спрашивала, — спокойно ответил Джек. — Но Тиаре наверняка приведет его обратно. Они ведь просто поехали в Крайстчерч, на это ее странное прослушивание. Завтра она вернется.

— Я так не думать... — заметила Моана.

Экономка накрывала на стол, когда Уильям спустился вниз с известием об исчезновении Куры. После этого она сразу же пошла наверх, чтобы проверить ее вещи, и никто ей не препятствовал. Моана работала в этом доме уже более сорока лет, она воспитывала Мараму и Пола, и Кура для нее была тоже вроде собственной внучки, капризной и довольно избалованной.

— Она взять большая сумка, все красивые платья, и вечерние тоже. Это похоже на большой путешествие.

Родерик Барристер собрал труппу на репетицию незадолго до последнего выступления в Крайстчерче. Нужно еще раз порепетировать этот квартет из «Трубадура»; постепенно он начинал его раздражать, поскольку его Азучена становилась все хуже и хуже. Девочка чувствовала, что от нее хотят слишком многого, очень страдала от насмешек других певцов... а потом еще и это... вскоре придется что-то делать с этим. Родерик спрашивал себя, как с ним могло такое случиться. До сих пор ни одна из многочисленных любовниц не забеременела от него; по крайней мере ему никто не говорил.

При этом кошмарное выступление малышки в «Трубадуре» было еще терпимым — хуже была сцена из «Кармен». Лучше всего ее вообще вычеркнуть из репертуара и поискать что-нибудь другое. Может быть, «Ла Травиата» подойдет; это они с Сабиной могут спеть. Хотя роль для нее

тоже будет тяжеловата, да и не очень-то похожа она на чахоточную...

— А если мы переставим женщин немного вперед... — размышлял он вслух, — тогда их будет слышно немного лучше.

— Или мужчины могли бы просто петь потише, — злобно заметила Сабина. — *Пиано*, друг мой. Это должно получаться и на высоких нотах, если называешь себя тенором...

К раздавшемуся после этого воплю протеста со стороны актера, исполняющего роль Луны, и собственному возмущению Родерика примешалось хихиканье танцоров, которые постепенно готовились к выступлению.

А потом вдруг откуда-то из зрительного зала раздался чудесный голос: — *L'Amour est un oiseau rebelle, que nul ne peut apprivoiser...*

Кармен, Хабанера. Но в исполнении гораздо более сильного голоса, чем у маленькой танцовщицы. Эта певица тоже была не идеальна, но здесь не хватало только шлифовки, постановки голоса, немного образования. Голос сам по себе был блестящим.

Родерик и остальные певцы удивленно, с напряжением смотрели в зал. А затем увидели девушку. Прекрасную, в лазурно-голубом платье, с забранными наверх волосами, сколотыми испанским гребнем, — так, как, должно быть, это делала Кармен. За ее спиной стоял мальчик-маори.

Кура-маро-тини спокойно и самоуверенно спела свою песню до конца — или она уже видела восхищение в глазах своих слушателей? По крайней мере певцы на сцене, а танцоры за сценой не могли сдержаться, когда Кура закончила, и больше всех маленькая меццо-сопрано, которая, наверное, увидела в ней конец своим мучениям, и Родерик Барристер. Эта девушка была просто мечтой — сказочно красивой, с ангельским голосом, который поразил его!

— Мне нужен ангажемент, — выдержав паузу, сказала Кура. — А вам, судя по всему, нужно меццо-сопрано. Вероятно, мы сможем договориться, не так ли?

Она двусмысленно облизнула губы, держась при этом по-королевски. Ее руки играли с воображаемыми кастаньетами; она подготовилась к своей роли Кармен. И она обведет этого импресарио вокруг пальца так же, как цыганка своего Дона Хосе.

Глава 11

Мысль о том, чтобы ни в коем случае не забеременеть, полностью завладела Илейн. Иногда ей казалось, что это стало идеей фикс, потому что, если как следует подумать, беременность могла укрепить положение молодой женщины в доме Сайдблоссомов. По крайней мере Джон не считал необходимым докучать ночными визитами беременной женщине. Вместо этого он все чаще уходил из дома, и чем сильнее округлялся живот Зои, тем меньше надоедал своим присутствием и супруге, и остальным домашним. Его «дела» часто приводили его в Ванаку, иногда в Данидин или даже в Крайстчерч. Кроме того, он неотрывно следил взглядом за Эмере и время от времени по-хозяйски прикасался к ней. После чего женщина-маори бросала на него взгляды, полные плохо скрываемой ненависти, но Илейн предполагала, что ночью она приходила к нему. Когда она сама не спала, то часто слышала звуки в коридорах, призрачные шорохи, как будто кто-то с трудом выбирался из дома. При этом Эмере обычно двигалась очень плавно, величаво, покачивая бедрами, но в дни, следовавшие за такими ночами, она казалась заметно напряженной. А потом Эмере играла на *паторино*, и это было верным доказательством того, что именно она ночами выходит из дома, вместо того чтобы после ужина уйти в свою комнату, как остальные слуги. Она извлекала из маленького экзотического инструмента странные звуки, очень сильно напоминавшие человеческие голоса, и это пугало Илейн, она начинала нервничать, словно флейта отражала ее собственные мучения. Она боялась даже шевельнуться из страха, что Томас проснется, услышит эту игру, потому что, судя по всему, музыка Эмере всякий раз пробуждала в нем особенно сильную ярость; он вставал, резко закрывал окно и задвигал тяжелые шторы, пытаясь заглушить звуки. После этого Илейн больше не слышала флейты, но Томас, похоже, продолжал слышать ее и принимался ходить из угла в угол, как тигр в клетке. Если же Илейн осмеливалась заговорить с ним, он выплескивал свою ярость и возбуждение на нее. Поэтому молодая женщина пыталась заблаговременно позаботиться о том, чтобы приглушить все звуки. Вот только после этого в комнате становилось душно и жарко, и Томас, удовлетворившись Илейн, распахивал окно, и ей вновь нужно было опасаться игры Эмере. Потом закончилось и это. Фигура Эмере начала округляться так же, как и Зои, и Джон оставил ее в покое.

Однако спокойствие Илейн длилось недолго. В конце концов она стала

следующей женщиной, на которую стал бросать сладострастные взгляды Джон. Временами он, проходя мимо, касался ее бедер или даже груди и при этом делал вид, будто вынимает листок или травинку из ее волос. Все это вызывало у Илейн отвращение, и она старалась избегать этих прикосновений, насколько это было возможно. Когда Томас замечал похотливые взгляды отца, он злобно смотрел на него, а потом отыгрывался на Илейн. Томас считал, что она поощряет практически каждого мужчину, с которым видится, а теперь вот принялась за его отца, что, конечно же, он воспринимал как верх наглости. Илейн могла оправдываться бесконечно — все было впустую. Томас был болезненно ревнив. Из-за этого Илейн становилась все более нервной и ожесточенной. Она никогда не привыкнет к его приступам ревности и ночным визитам! Ей никогда не примириться с мыслью о пытках, которые ей приходится терпеть! Подобное никогда и ни при каких условиях не считалось нормальным браком, но молодая женщина не могла найти способ, чтобы прекратить это. Даже если она старалась вести себя как можно незаметнее и не давать Томасу поводов для ссор, за которые он мог бы ее «наказать», все равно безболезненно не становилось никогда.

Кроме того, оказалось, что она практически не может избегать «опасных» дней, несмотря на то что всегда предпринимает определенные действия. Иногда она не ела ничего на протяжении нескольких дней до этого, чтобы выглядеть плохо и делать вид, будто ее лихорадит. Или засовывала пальцы в рот, извергала из себя все съеденное и заявляла, что у нее расстройство желудка. Один раз Илейн даже додумалась до того, чтобы съесть мыло, поскольку прочла, будто это вызывает температуру. Ей действительно стало ужасно плохо, она два дня болела — и на третий день у нее не осталось времени на то, чтобы подмыться уксусом после того, как Томас посетил ее. Как бы там ни было, похоже, это средство оказалось действенным — Илейн до сих пор не забеременела.

Время от времени она пыталась поговорить с Томасом о том, чтобы съездить в гости в Квинстаун. Что-то должно было произойти, не могла же она всю жизнь просидеть в темнице у Томаса! Скорее всего, она нашла бы в себе достаточно мужества, чтобы довериться матери, — а если не получилось бы, то хотя бы Ингер или Дафне. Последняя наверняка подскажет, как сделать ночи более терпимыми.

Впрочем, Томас все время отказывался от поездки в Квинстаун. Он говорил, что не хочет ехать, и Илейн постепенно начала подозревать, что он контролирует и почту тоже. После того как она однажды в отчаянии написала несколько строчек с намеками о своей тоске, о том, что ее

запирают в доме, и о том, насколько неприятны ее ночи, Томас набросился на нее с ужасной яростью. Он излечит ее от тоски, заявил муж, хотя ему она вообще не жаловалась. У Илейн появился повод думать, что Флёретта не получает ее писем.

Поэтому она надеялась лишь на то, что, возможно, ее родителям однажды придет в голову навестить ее, — но насколько Илейн знала, это было трудно. Процветающий магазин в Квинстауне делал невозможными отлучки, по крайней мере для Рубена, а Флёретта вряд ли отправится в столь дальний путь одна, да еще с перспективой оказаться под одной крышей со своим врагом Сайдблоссомом, когда для этого вроде бы нет причин. А дать повод для возникновения у родителей тревоги не позволял контроль Томаса.

Иногда Илейн думала о том, что в этом вопросе могла бы помочь беременность. Тогда родители приедут или к рождению ребенка, или, самое позднее, на крестины. Но все в ней восставало против того, чтобы дать жизнь еще одному существу, обреченному на этот ад, не считая того, что ребенок целиком и полностью навеки привяжет ее к Лайонел-Стейшн. Поэтому она продолжала делать так же, как раньше, и надеялась на чудо. Конечно же, этого не произошло, но как бы там ни было, спустя почти год после свадьбы приехал Патрик О'Мэлли.

Молодой ирландец снова правил тяжелой повозкой, изначально груженной товарами для Ванакки.

Впрочем, теперь повозка была пуста, и за ней гордо бежала сивая кобылка.

— Я подумал, что раз уж я здесь, то загляну к вам, миссис Лейни, и привезу вам Баньши. Жаль ведь, что она стоит просто так, а у вас здесь своей лошади нет. Маленький жеребенок уже давно самостоятелен, развивается отлично, смею доложить. Ах да, и ваша мама велела передать, чтобы вы писали почаще — и не такие ничего не значащие письма. Она уже почти начинает волноваться. С другой стороны, если нет новостей, значит, все в порядке, не так ли? — Патрик пристально посмотрел на Илейн. — Верно, миссис Лейни?

Илейн испуганно огляделась по сторонам. Пока что рядом были только Арама и Пита, которые возились с лошадьми. Питу она позвала только что, когда приехал Патрик. Но Томас был неподалеку, он наблюдал за какими-то работами с овцематками и наверняка кинется сюда, как только услышит о прибытии Патрика. Похоже, молодой возница догадывался об этом и даже не снимал с лошадей уздечки. Он собирался тут же тронуться в обратный путь, пока Сайдблоссом не начал ссориться. Но сейчас Илейн находилась

рядом с ним одна, и потому он задавал въедливые вопросы. Илейн задумалась о том, как на ней сказало несчастье; девушка знала, что похудела, что лицо у нее заплаканное и рыхлое. И теперь она могла бы что-нибудь рассказать. Похоже, Патрик ждал признания. Но довериться этому молодому парню было невозможно! От стыда она не могла вымолвить ни слова. Может быть, ей удастся как-то намекнуть...

— Да, но... В доме так скучно... — Она огляделась по сторонам.

— А почему же вы сидите дома? — спросил Патрик. — Ваша мать считает, что вы здесь наверняка справились бы с овцеводством, как ваша бабушка в Киворд-Стейшн. И собачка маленькая должна быть к месту! — Патрик погладил Келли.

Илейн покраснела.

— Было бы здорово. Но мой муж не хочет, чтобы...

— Чего не хочет твой муж? — Громоподобный голос Томаса прервал лепет Илейн. Муж возник верхом на своем вороном жеребце словно ниоткуда и теперь возвышался над Илейн и молодым Патриком подобно карающему божеству.

Пита и Арама тут же скрылись в конюшне.

— Чтобы я помогала с овцами... — прошептала Илейн. Томас наверняка не поверит в это безобидное объяснение, но если Патрик не слепой и не глухой, он поймет, что происходит.

— Ах да. А может быть, твой муж еще не хочет, чтобы ты болтала с мальчиками на побегушках! Я ведь тебя знаю, парень, ты сопровождал ее сюда. И тогда вы тоже принялись болтать, да?

Томас соскочил с коня и теперь угрожающе приближался к Патрику. Когда он схватил его за шиворот, Илейн испугалась.

Однако Патрика это, похоже, совершенно не испугало. Казалось, он готов был отплатить той же монетой. Но Илейн перенесла свой собственный панический страх на молодого человека. Томас может избить Патрика, он даже может убить его, и тогда...

Страх лишил Илейн способности рассуждать логически. Застыв от страха, она наблюдала за начинающейся между двумя мужчинами ссорой. Сайдблоссом и О'Мэлли обменивались гневными словами, но Илейн ничего не слышала, она была словно в трансе. Если Томас что-то сделает с Патриком... если он исчезнет... тогда Флёретта и Рубен никогда не узнают, никакой надежды...

Илейн дрожала, лихорадочно соображала. А затем вспомнила. Рубен О'Киф никогда не посылал своих людей в путь совершенно беспомощными. Хоть Южный остров и не был пристанищем для

разбойников, но человек с повозкой, груженной ценными товарами, а иногда и спиртными напитками, мог вызвать нездоровый интерес. Поэтому револьвер всегда был под сиденьем возницы магазина «О'Кей». Там его достать легко, возница мог выхватить его одной рукой.

Илейн сбросила с себя оцепенение и придвинулась ближе к козлам повозки. Томас и Патрик не обращали на нее внимания. Они по-прежнему оскорбляли и толкали друг друга — вообще-то, опасности никакой не было, но в возбужденном мозгу Илейн все это казалось ужасно угрожающим. Она молилась, чтобы оружие было на месте... И точно: она с первого раза нащупала рукой холодную сталь. «Если бы я только знала, как этим пользоваться!» — пронеслось у нее в голове.

Но внезапно — Илейн взвесила в руке тяжелое оружие — мужчины успокоились. Очевидно, Патрик О'Мэлли осознал, насколько бессмысленно драться с «овечьим бароном» на его собственной ферме, ведь это не паб. Реакция Томаса казалась ему излишней, более того — безумной. От таких людей лучше всего держаться подальше. Как бы там ни было, Рубену О'Кифу он об этом расскажет. Самое время, чтобы кто-то приехал посмотреть, что тут да как, кто-то, имеющий больше влияния, чем простой возница.

Поэтому Патрик перестал обороняться и произнес успокаивающим тоном:

— Да ладно, хозяин, возьмите себя в руки! Я ничего не сделал вашей леди, просто привел ее лошадку. К тому же мы были не одни. Ваши конюшие...

— Мои конюшие — кучка похотливых идиотов! — взбесился Томас, но позволил Патрику подойти к своей повозке. — А ты уберешься отсюда, понял? Если я тебя еще раз увижу на этой ферме, всажу тебе в пузо заряд дроби!

Илейн по-прежнему стояла рядом с козлами, но, услышав это, поспешно отошла, пряча оружие в складках платья. Подумать страшно, что будет, если Томас найдет его у нее. Вообще-то, нужно было вернуть эту штуку Патрику. Но чувствовать револьвер в руке было приятно, он придавал Илейн уверенности — несмотря на то, что она не знала, как с ним обращаться. Что ж, в любом случае теперь у нее есть оружие; его можно спрятать в сундук, а потом выяснить, как оно работает. Она молча наблюдала за тем, как Патрик, сев на козлы, коротко попрощался и пустил коней вскачь. При этом она поймала его многозначительный взгляд. Пат все понял — и он пришлет кого-нибудь на помощь.

Однако пока что положение Илейн стало еще хуже. После визита Патрика Томас проявлял еще бóльшую подозрительность. Он практически не оставлял Илейн без присмотра. Когда утром она обнаруживала, что западное крыло заперто, в ней поднималась паника. Один раз она даже была близка к тому, чтобы вылезти в окно.

Томас безжалостно мстил ей за короткий разговор с молодым возницей. На следующий день после его отъезда ее покрытое синяками тело было так истерзано, что она не смогла встать. Паи и Рахера принесли ей завтрак в постель и растерялись, не зная, что делать.

— Это нехорошо! — заметила Рахера. — В моем племени такой нет.

— А в приюте есть, — ответила Паи. — Нас всегда били, если мы что-то делали не так. Но... вы ведь ничего не сделали, миссис Лейни.

Илейн дождалась, когда девочки уйдут, затем дотащилась до сундука и нашла револьвер. Он лег в ее маленькие ладони, и она почувствовала некое утешение. Пальцы молодой женщины неуверенно сомкнулись на курке. Сумеет ли она выстрелить из этого тяжелого оружия? Почему бы и нет? Ей доводилось наблюдать за тем, как мужчины упражняются в прицельной стрельбе, и, несмотря на то, что обычно они держали оружие одной рукой, некоторые брали его обеими руками, чтобы лучше прицелиться. Она наверняка тоже сможет! Илейн подняла револьвер и направила его на ненавистные шторы. Стоп, сначала нужно снять эту штуку с предохранителя! Найти предохранитель было легко; в принципе, револьвер был примитивной вещью. Кроме того, Илейн быстро выяснила, как его заряжать. Но это не поможет, больше шести патронов, кроме тех, которые уже есть в пистолете, у нее никогда не будет. И она никогда не сможет сделать больше одного выстрела, прежде чем Томас заберет у нее оружие. Так что никаких пробных выстрелов в доме! Илейн положила оружие обратно в сундук. Однако с этого момента каждый час своей жизни она думала об этом. До сих пор Илейн надеялась на помощь, как это делают девушки в грошовых журналах и даже героини известных романов. Но она не персонаж романа, она человек из плоти и крови. Не нужно ждать, пока придет рыцарь, чтобы освободить ее; у нее есть оружие и есть лошадь. Пока Илейн всерьез не думала о том, что ей придется прорываться с боем, но с револьвером в кармане она будет чувствовать себя увереннее, как сейчас она чувствует себя увереннее только от того, что он просто лежит у нее в сундуке, — несмотря на все злоключения. Прежде чем Томас забьет ее до смерти, она застрелит его. Желание сделать это она испытывала каждую ночь. Однако Илейн понимала, что это иллюзорно — достать револьвер из сундука в тот момент, когда Томас будет издеваться над ней.

Ей нужно спрятать его под одеяло, а для этого Илейн не хватало мужества. Нельзя даже думать о том, что произойдет, если она допустит ошибку и оружие не выстрелит! Нет, лучше найти возможность незаметно сбежать. Она поскачет в Квинстаун и попытается добиться развода.

Страх Илейн поборол чувство стыда. Конечно, будет ужасно неловко, если придется рассказывать обо всем этом судье, — но девушка уже начинала опасаться за свою жизнь.

В то время как Зои ждала появления на свет своего первенца, а Эмере снова упражнялась в игре на флейте — похоже, теперь это не имело никакого отношения к «визитам» Джона Сайдблоссомы, ведь она, вероятно, пела заклинания для своего нерожденного ребенка, — Илейн вынашивала план побега. Может быть, у нее все получится, когда Сайдблоссомы будут перегонять овец! Тогда Томаса не будет по меньшей мере два дня. Конюшие были на ее стороне, а Зои с Эмере не смогут остановить ее, если она решительно ускачет прочь. Но до тех пор еще есть время... Илейн пыталась настроить себя на более оптимистический лад. И допускала мысль, что до тех пор, может быть, придет помощь из Квинстауна.

Однако потом, спустя неделю после визита Патрика, внезапно представилась возможность покинуть Лайонел-Стейшн. Сначала за день до этого явились колонны стригалей, и Томас с Джоном полностью погрузились в дела фермы. Каждый из них следил за своим загонем для стрижки, и от этой работы они старались не отвлекаться, хотя могли спокойно положиться, по крайней мере, на «сирот». Зои причитала, что Джон оставил ее, когда срок предстоящих родов уже так близок. Она выглядела плохо и требовала к себе внимания всей домашней прислуги. Даже Паи и Рахера вынуждены были выполнять мелкие услуги, что злило Илейн. Ее девочки совершенно не имеют отношения к Зои. С другой стороны, впервые с того момента, как она оказалась в Лайонел-Стейшн, Илейн почувствовала себя не под надзором. Девушка уже сейчас задумалась о том, чтобы оседлать Баньши и попытаться бежать; но потом решила, что это будет слишком рискованно. Лошади Томаса быстрее, чем Баньши. Если у нее будет всего три-четыре часа форы, он нагонит ее.

Но потом счастье улыбнулось ей. К полудню у Зои начались схватки, сопровождавшиеся сильным кровотечением, отчего молодая женщина впала в панику. В соответствии с полученными указаниями, Эмере послала за Джоном, а сама удалилась, чтобы, как она сказала, попросить духов о благополучных родах.

Когда Джон услышал об этом, он сначала выместил свою ярость на всех присутствующих девушках и женщинах-маори, а затем спешно послал гонца в Ванаку за повитухой. Сам же он встал в дверях комнаты Зои и, похоже, был искренне встревожен, опасаясь за здоровье жены — или, по крайней мере, ребенка. Джон был довольно-таки уверен в том, что это будет мальчик, и, конечно же, не хотел его терять. Совместными усилиями супруги поставили на уши всю прислугу. Зои слабым голосом просила то чаю, то воды, то принималась истерично кричать, когда начинались очередные схватки. Видимо, она до смерти боялась и жалобно звала Эмере, которая, однако, предпочитала не показываться.

Тем временем об Илейн, судя по всему, забыли. Никто не наблюдал за ней, и Томас в эти дни даже не запер ее в комнатах. Он нужен был на ферме. Поскольку отец, то ругаясь, то причитая, стоял на страже комнаты Зои и опустошил уже полбутылки виски, стригали оставались полностью под присмотром Томаса и его мастеров. Последним Сайдблоссомы не доверяли, так что вряд ли Томас мог отлучиться от загонов.

Илейн притворилась, что вышивает, но мысли ее неслись вскачь. Рискнуть? Если она незаметно выведет Баньши из стойла, то через три дня будет в Квинстауне. Тревожиться из-за дороги не стоит, поскольку кобылка наверняка найдет путь на родину. В стойле у Сайдблоссомов лошадь чувствовала себя не на своем месте; если отпустить поводья, она наверняка поскачет домой что есть духу. Конечно, ускользнуть от преследователей не так уж и легко, но если у нее будет часов шесть-восемь форы, то все наверняка получится. Баньши крепкая, ей долгий отдых не нужен. Такая скачка больше неприятностей доставит Илейн, чем лошади. Впрочем, это не имеет значения. Илейн готова была скакать день и ночь напролет, только бы попасть домой. И что бы ни случилось, она не позволит уговорить себя вернуться к Томасу! Родители, несомненно, поддержат ее; судя по всему, Флёретта догадывается, чего можно ждать от Сайдблоссомов.

Из комнат Зои снова донеслись крики. Внимание всех, кто находился в доме, было приковано к роженице.

Если она не сделает этого сейчас, то не сделает никогда!

Илейн бросилась в свою спальню, собрала узелок. Много ей не нужно, но плащ и платье для верховой езды необходимо взять с собой. Конечно, сейчас уже не переоденешься, однако скакать три-четыре дня в домашнем платье, да еще через горы, где еще довольно-таки холодно, ей не хотелось. От всего остального Илейн готова была отказаться, хотя, конечно же, было бы здорово взять с собой провиант или хотя бы спички. Но пробираться в кухню было слишком рискованно, да и в ближайшее время ей нужно

поостеречься разводить костры в глуши.

Поэтому Илейн снова положила револьвер в карман своего домашнего платья, прежде чем выбежать из дома. Она даже не оглянулась — это приносит несчастье, всегда говорил ее дед, Джеймс МакКензи. Уходя из тюрьмы, всегда надо смотреть вперед.

Илейн быстро и незаметно пробралась в конюшни, где ее сразу же встретили радостным ржанием Баньши и маленький Хан. Должно быть, последние недели Баньши было невероятно скучно. Она нетерпеливо фыркала, когда Илейн выводила ее из стойла. Потом они направились к седельному помещению. Там была и Келли; Пита запирает собаку, когда работает и не мог присматривать за ней. Иначе маленькая собачка сразу же отправлялась на поиски Илейн, но с недавних пор ее не пускали в дом: Зои недовольно заявила, что во время беременности у нее развилась аллергия на животных.

Что ж, теперь с этим тоже покончено. Илейн почувствовала, как в груди зарождается радость от предвкушения приключений. Она надеялась, что Патрик подумал о том, чтобы привезти ее седло, ведь лошади Сайдблоссомов были гораздо хуже Баньши. А вот и седло... Слава богу, не дамское, которое превратило бы многочасовой галоп в обыкновенную пытку. Илейн взяла седло и уздечку. Чистить лошадь времени не было, но в стойле Баньши все равно не слишком пачкалась. Девушка быстро надела на нее уздечку и оседлала. На седле оказались кожаные ремни, так что можно было прикрепить и багаж. Все складывалось отлично! Теперь осталось выйти на улицу, на дорогу к реке, тогда она сможет обойти загоны для стрижки по большой дуге и через полчаса вырваться из зоны влияния Томаса! Жаль только, что она не знает, куда ушла Эмере, чтобы заклинать духов. Она не доверяла старой маори. С одной стороны, казалось, Эмере ненавидит Сайдблоссомов, но, с другой, она служит здесь уже много лет и, судя по всему, очень им предана. Должна быть, причина ее преданности в том, что она спит с Джоном Сайдблоссомом, вместо того чтобы сбежать от него. Неужели Эмере любит его или когда-то любила? Об этом Илейн думать не хотелось. Но она чувствовала бы себя в большей безопасности, если бы старая маори была далеко. Будет лучше, если Илейн никто не увидит...

Но потом она услышала флейту. Эмере играла, снова на этих высоких нотах, с помощью которых заклинала духов. Судя по всему, злых духов; по крайней мере в Томасе они пробуждают ярость. Но сейчас это не имеет значения. Услышав флейту, Илейн перевела дыхание. Музыка доносилась откуда-то с заднего двора, а пока Эмере играет, она легко проберется к

дороге, ведущей с фермы Сайдблоссомов.

Илейн повела кобылу к выходу — и в ужасе замерла, увидев Томаса. Его тень угрожающе застилала сиявшее на улице солнце, и он потирал лоб — так часто бывало, когда он слышал флейту Эмере. Но сегодня, судя по всему, ему не нужны были никакие заклинания духов, чтобы впасть в ярость.

— Что? Решила покататься? Я так и знал, что стоит заглянуть к моей сладкой женушке! Во дворе столько стригалей, нельзя оставлять без присмотра такую похотливую тварь... — Томас улыбался сардонической улыбкой, но его рука словно сама собой потянулась к уху, словно для того, чтобы заглушить игру флейты.

Илейн напряглась. Нужно собраться с духом, назад дороги больше нет.

— Меня не интересуют твои стригали, — спокойно произнесла она, опуская руку к карману, в котором был спрятан револьвер. Эмере заиграла быстрее, Илейн почувствовала, как гулко застучало сердце. — И я не кататься собралась. Я ухожу от тебя, Томас. У меня больше нет ни малейшего желания терпеть твою ревность и твои странные... игры. А теперь пропусти меня!

Она попыталась провести мимо него лошадь, но Томас продолжал стоять у нее на пути, широко расставив ноги.

— Смотри-ка, собачка рычит! — рассмеявшись, крикнул он.

Келли как по команде залаяла. Ей безо всяких усилий удалось заглушить звуки, издаваемые флейтой Эмере, что, судя по всему, принесло Томасу облегчение.

Илейн достала оружие.

— Я не шучу! — сказала она и почувствовала, как предательски задрожал голос. Однако сдаваться Илейн не собиралась. Просто нельзя! Даже подумать страшно, что он сделает с ней, если сейчас она позволит себя остановить.

Томас расхохотался.

— О, новая игрушечка!

Он указал пальцем на револьвер. Келли залаяла еще громче, заглушив вибрирующие звуки, извлекаемые из флейты Эмере.

А потом все произошло молниеносно. Томас бросился на нее, но испуганная Илейн успела снять оружие с предохранителя, и его попытка повалить ее на землю запоздала. Илейн спустила курок, неуверенно, одной рукой. Она не знала, попала или нет, но видела, как Томас замер с изумленным выражением на лице. А потом другая рука Илейн метнулась к оружию, и девушка, сосредоточившись, с ледяным спокойствием направила

револьвер на мужа. Ей хотелось попасть ему в грудь, но пистолет, похоже, жил какой-то своей жизнью, когда она спускала курок. Из-за отдачи ствол дернулся вверх, а потом Илейн увидела, как во все стороны брызнула кровь. Лицо Томаса взорвалось перед ней настоящим фонтаном крови... Он даже не вскрикнул. Просто упал на пол как громом пораженный.

— Ты будешь проклят! — услышал Томас голос Эмере.

Он знал, что не должен был идти за ней, когда она поет для духов. Разве она не говорила ему всегда, что он в безопасности в своей детской, в то время как она призывает духов? Но он был любопытен... и сейчас ему было восемь; в таком возрасте мальчику должно доставать мужества для того, чтобы справиться с угрозой. По крайней мере так говорил отец. И поэтому он пошел за Эмере в ту ночь, хотя она думала, что он спит, убаюканный низкими гипнотическими звуками флейты. Но Эмере встречалась не с какими-то духами. Он увидел своего отца, который подошел к ней... в летнем саду, а она так странно покачивалась из стороны в сторону, словно не зная, остаться ей или бежать прочь. А потом раздался его голос...

— Разве я не звал тебя?

Эмере обернулась к нему:

— Я прихожу, когда хочу.

— Ах, так ты хочешь сыграть в игру...

То, что увидел Томас потом, навеки запечатлелось в его памяти. Это было отвратительно, но и... возбуждающе. Ему казалось, что, наблюдая за ними тайком, он получает толику отцовской власти. И какая это была власть! Джон Сайдблоссом получил все, чего так страстно хотелось Томасу. Эмере обнимала, целовала его... Но для этого ее нужно было заставить... подчинить себе. Томасу очень хотелось получить отцовскую силу и тоже суметь заставить Эмере... Наконец отец оставил ее лежать там. Она всхлипывала. Ее наказали...

...А потом зазвучала флейта. Голос духов. Вообще-то, Томас должен был бы убежать. Эмере никогда не узнала бы, что он видел ее унижение. Но он остался, даже подошел ближе. Ему так хотелось...

И она обернулась к нему:

— Ты все видел? И тебе не стыдно? Это уже в твоих глазах, Томас Сайдблоссом... Ты будешь проклят!

Лицо Томаса взорвалось.

Краем глаза Илейн увидела, как вокруг головы Томаса стала

растекаться красная лужа. Она не осмеливалась пошевелиться, хотя больше не чувствовала страха, остались лишь холод и ужас. Келли принялась скулить и спряталась в стойло, она боялась громких звуков. Флейта Эмере по-прежнему пела, издавая то нарастающие, то спадающие полые звуки...

«Он мертв... он мертв...» — мысли путались в голове Илейн; она металась между нездоровым желанием подойти к Томасу, чтобы убедиться в этом, и желанием убежать, спрятаться в каком-нибудь уголке своей комнаты.

А потом она осознала, что ничего такого делать не нужно. Она сделает то, что и собиралась: возьмет лошадь и исчезнет.

Илейн старалась не смотреть на лежащего на полу мужчину — даже тогда, когда ей пришлось перевести через него Баньши. Его изуродованное лицо пугало ее, а у нее было достаточно ужасных воспоминаний о Томасе Сайдблоссоме, чтобы хватило на всю оставшуюся жизнь. Баньши фыркнула, однако потом переступила через тело, словно через ствол дерева в лесу. Илейн благодарила небо. Довольно того, что Келли с интересом принимает к нему. Ей пришлось сурово отругать собаку, чтобы та не принялась лизать его кровь. Никем не замеченная, Илейн выбралась во двор. А ведь Эмере, скорее всего, слышала выстрел! Должна была слышать! Она не могла быть настолько глубоко погружена в игру на флейте. Сама Илейн никогда не забудет этот выстрел, он будет вечно звучать у нее в ушах.

Когда Илейн вышла из стойла, флейта смолкла, но Эмере не было видно. Случайность? Или старуха маори пошла звать на помощь? Илейн было все равно; она хотела поскорее исчезнуть. Она вскочила верхом на Баньши и, едва сорвавшись с места, галопом помчалась прочь. Кобыла направилась прямо в сторону Ванакки, и теперь Илейн не было необходимости избегать загонов для стрижки овец.

А затем ее настигло осознание свершенного, острое как нож: она застрелила своего мужа! Она направила пистолет на небооруженного человека и с ледяным спокойствием нажала на курок. Тут даже нельзя говорить о самообороне. Теперь просто сбежать к родителям и затаиться там стало невозможно. Теперь она — убийца в бегах. Самое позднее завтра утром Джон Сайдблоссом подаст заявление и за ней придут констебли. Она ни в коем случае не может вернуться в Квинстаун, равно как и на Кентерберийскую равнину. Она должна забыть о семье и друзьях, сменить имя и начать новую жизнь. Как и где — Илейн понятия не имела, но нужно было бежать, это был ее единственный шанс.

Илейн направила свою недовольную кобылу в сторону земли МакКензи.

Бегство

Кентерберийская равнина, побережье

Греймут

1896 г.

Глава 1

— Боже мой, Уильям, конечно, мы можем ее вернуть! — Голос Гвинейры звучал более чем нетерпеливо, ведь она уже не впервые вела дискуссию об этом со своим внучатым зятем. — План турне этих певцов ни для кого не тайна. Они на Северном острове, не в Тимбукту! Но вопрос в том, даст ли это что-нибудь. Вы же читали ее письмо: она счастлива. Она там, где всегда хотела быть, и занимается тем, о чем постоянно мечтала.

— Но она моя жена! — налив себе виски, вставлял Уильям, тоже уже не впервые. Не впервые за этот вечер. — У меня есть права!

Гвинейра наморщила лоб.

— Какие права? Вы хотите забрать ее силой? Теоретически вы даже можете это сделать, поскольку она еще несовершеннолетняя. Но Кура никогда не простит вам этого. Кроме того, она тут же убежит снова. Или вы собираетесь держать ее взаперти?

Услышав это, Уильям умолк. Конечно же, он не собирался держать Куру взаперти, все равно в Киворд-Стейшн не нашлось бы тюремщика. МакКензи приняли уход Куры, а маори по поводу таких вещей не переживали. Даже на помощь Тонги рассчитывать не приходилось. В конце концов, в лице Глории появилась новая наследница. Для этого поколения игра Тонги была проиграна. Зато Гвинейра ликовала и даже, похоже, радовалась за внучку. В письме Куры из Крайстчерча, переданном через Джорджа Гринвуда уже после того, как труппа уехала в Веллингтон, звучали оптимистические и очень счастливые нотки. Судя по всему, оперная труппа приняла ее с распростертыми объятиями. Конечно, писала Кура, ей еще нужно многому научиться, но импресарио, мистер Барристер, лично занимается ее обучением, и она делает большие успехи. Ее пустили на сцену в первый же вечер; она пела «Хабанеру», ей аплодировали стоя.

Впрочем, втайне Гвинейра полагала, что успех Куры основан отчасти и на ее внешних данных, ну да какая разница. Кура довольна, зарабатывает деньги. Пока ей будет сопутствовать успех, она даже думать не будет о Киворд-Стейшн.

— Дай ей хоть немного времени, парень, — урезонивая, произнес Джеймс и протянул Уильяму бокал. Похоже, Гвин не заметила этого, но Уильям влил в себя уже третий бокал виски. Джеймс, слушавший этот диспут на протяжении получаса, считал, что тоже заслужил право выпить. — Если вы побежите за ней сейчас, это ничего не даст, ведь

причиной отъезда Куры, кроме всего прочего, послужила еще и ссора, если я не ошибаюсь.

О событиях той ночи, что предшествовала отъезду Куры, по-прежнему было известно только Уильяму и мисс Уитерспун, и никто из них не собирался рассказывать об этом остальным. С уходом Куры их отношения прекратились, по крайней мере Уильям больше не прикасался к гувернантке с тех пор, как жена бросила его, и не готов был поговорить по душам. В остальном же ни у кого, похоже, не было конкретных подозрений, и Уильяма вполне устраивало, чтобы все так и осталось.

— Вот именно, пусть она поучаствует в этом турне! — поддержала мужа Гвинейра. — А потом видно будет. Обратные билеты остальных музыкантов уже заказаны и оплачены, в этом меня заверил Джордж. Все путевые издержки несет организация. Если Кура все-таки захочет ехать с ними в Англию, ей придется оплачивать это из собственного гонорара или просить деньги у меня. Тогда у нас будет возможность еще раз поговорить об этом деле. Но спокойно, Уильям! Я не хочу потерять еще одну внучку!

После этого замечания все умолкли, поскольку оно касалось трагической истории Илейн, о которой недавно узнали Гвинейра и Джеймс. Гвин очень разволновалась, хотя ни капли не винила Илейн. Все это могло случиться и с ней; как бы там ни было, однажды и она стояла с ружьем против одного из Сайдблоссомов. Конечно, ситуация была иной, но Гвинейра не сомневалась, что у Илейн были веские причины для того, чтобы защищаться. Она не понимала одного: почему после этого девочка не обратилась за помощью к ней. Киворд-Стейшн была расположена уединенно; Илейн можно было спрятать и подумать о том, как решить вопрос. Можно было бы устроить ей бегство в Австралию или Англию. Бесследное исчезновение Илейн действовало Гвинейре на нервы. Она ни в коем случае не хотела потерять связь еще и с Курой!

Уильям пил свое виски мелкими глотками. Ему очень хотелось броситься вдогонку за женой как можно скорее — этот шельма Барристер наверняка не по доброте душевной позволил ей петь! По всей вероятности, на что-то надеется, раз сразу пустил Куру на сцену. И он «лично обучает ее». Какому же искусству? Уильям чувствовал, что уязвлена не только гордость, — его снедали жуткие приступы ревности.

С другой стороны, ему почти нечего было противопоставить аргументам Гвин и Джеймса. Да, роль отвергнутого мужа была весьма неприятна, но если он действительно заставит Куру вернуться, она первым делом расскажет всем, из-за чего сбежала... И тогда Уильям окончательно потеряет лицо в глазах МакКензи.

— А что мне делать? — вяло поинтересовался он. — Я хочу сказать, что...

— Будете продолжать делать то же, что и раньше, причем было бы желательно, если бы вы больше времени уделяли своему ребенку! — резко ответила ему Гвинейра. — Кроме того, активнее включайтесь в работу фермы, приносите пользу. Давайте будем считать, что Кура поехала путешествовать. Она немного познакомится с миром, покажет свой талант и через несколько месяцев вернется. Смотрите на это с такой точки зрения! Все остальное — глупости!

Гвинейре было легко говорить, но если в жизни Уильяма во время пребывания в Киворд-Стейшн до ухода Куры были свои трудности, то теперь она стала совершенно невыносимой. Пастухи, которые до сих пор шептались за его спиной о недостаточных для «овечьего барона» умениях, теперь открыто смеялись ему в лицо. Судя по всему, они шептались о том, что у «супруга принцессы» и за стенами конюшен все получается не очень, по крайней мере чтобы удержать такую роскошную женщину, как Кура Уорден.

— Освистали его! — ругался Покер Ливингстон, который снова стал чаще показываться на ферме.

Более спокойный Энди Мак-Эрон выслушивал приказы и идеи Уильяма со спокойным лицом, но потом делал только то, что считал нужным.

Но хуже всего были маори. Племя вернулось из путешествия, и мужчины снова занялись работой в Киворд-Стейшн. Однако Уильяма они игнорировали. До сих пор они хоть и с неохотой, но все же признавали в нем члена местного племени *накеха*; но с уходом Куры он потерял свои права. Просил ли Уильям, кричал ли — маори по большей части просто смотрели сквозь него.

Это приводило Уильяма в бешенство, тем более что и со стороны Гвинейры он встречал все меньше понимания. Тем временем даже она заметила, что он все чаще топит свои неприятности в виски, и начала его в этом упрекать.

— Как вы собираетесь быть примером для остальных, если утром выходите на работу слишком поздно и в помятом состоянии? Мне тоже это не нравится, Уильям, но в первую очередь мне неясно, как себя вести. Если я буду защищать вас, то покажусь смешной, потеряю авторитет. Но если я признаю правоту мужчин, вы будете обижаться на меня и совершенно утонете в виски! Вы должны прекратить это, Уильям! У меня уже однажды

был в хозяйстве пьяница, и этого больше не повторится, пока я пользуюсь здесь уважением!

— И что же вы сделаете, мисс Гвин? — насмешливо спросил Уильям. — Вышвырнете меня? Конечно, вы можете сделать это, но тогда потеряете Глорию. Потому что я, конечно же, заберу ее с собой!

Гвинейра заставила себя успокоиться.

— Тогда пора начинать учиться варить кашу, — спокойно ответила она, — и думать о том, кто вам даст работу вместе с ребенком. Как вы вообще собираетесь путешествовать с Глорией? Положите малышку в седельную сумку?

В тот вечер Уильям, выслушав Гвинейру, умолк, но позже она призналась мужу, что своей угрозой он ужасно напугал ее.

— А ведь верно, у нас нет прав на этого ребенка! И если он заберет ее... Да, мы должны поддерживать его, возможно, каждый месяц давать деньги, чтобы он мог оплачивать няню и квартиру...

Джеймс покачал головой.

— Гвин, любимая, только без паники, — принялся успокаивать он ее, поглаживая по волосам. — Ты очень сильно преувеличиваешь. Слава богу, что мальчик Уильям этого не понял. Но ты ведь не думаешь всерьез, что наш несостоявшийся «овечий барон» позволит тебе выгнать себя? Куда он денется с Глорией, если об этой истории говорят уже все вокруг? И что он будет делать с малышкой? Боже мой, он даже не умеет держать ее! Невообразимо, чтобы он утащил ее с собой, поскольку наша миссис Уивер не крепостная, чтобы он мог приказать ей идти с ним. Да и в худшем случае, у ребенка есть еще мать. Ты могла бы обратиться к Куре. По крайней мере она должна испытывать к дочери хоть что-то, чтобы передать заботу о ней тебе. Любой суд будет в твою пользу. Так что не сходи с ума.

Джеймс обнял Гвин, но полностью успокоиться та не могла. Она ведь уже начала чувствовать себя в безопасности! А теперь Уильям выходит из-под контроля!

В первые дни после исчезновения Куры Хизер Уитерспун ходила как побитая собака. Она не могла понять, почему вдруг Уильям отказался от нее, да еще наругал ей. В конце концов, не она виновата в том, что Кура застала их. Наоборот, именно она разгадала стратегию Куры в тот вечер и намекала об этом Уильяму. Но он был уже слишком пьян, чтобы понять это и не позволить своей жене манипулировать собой.

— Я не поползу к ней по первому же свистку! — пьяно возмущался он. — И... и уж точно не повезу ее в Крайстчерч. Пусть качает бедрами,

пошла она... я возьму ее, когда захочу, а не тогда, когда ей это будет нужно.

Хизер не стала больше ничего говорить. Никто не может требовать этого от нее; в конце концов, она его любит. Несправедливо теперь обвинять ее во всем.

Но Хизер уже давно поняла, что жизнь не всегда справедлива к ней, и обратилась к проверенной стратегии: она будет рядом, будет ждать. Когда-нибудь Уильям одумается, когда-нибудь она станет нужна ему. В возвращение Куры она не верила. Та сначала будет наслаждаться успехом, а когда ей понадобится мужчина, она найдет себе кого-либо, кто будет находиться рядом с ней в тот момент. Кура-маро-тини не была привязана к Уильяму Мартину. И если Хизер верила в любовь, то только в свою собственную.

Кура уже нашла своего мужчину, хотя в этом случае и не стала бы говорить о любви. Но она восхищалась Родериком Барристером: он казался ей воплощением всех ее мечтаний об успехе и карьере. С одной стороны, он мог посвятить ее в тайны бельканто гораздо глубже и интенсивнее, чем мисс Уитерспун с ее тремя уроками пения, взятыми в Швейцарии. Кроме того, он обладал властью — вся труппа слушала его приказы, причем с такой покорностью, какой Кура никогда прежде не видела. Конечно, в Киворд-Стейшн тоже были господа и слуги, но своеволие и самоуверенность пастухов и маори, которые так смущали Уильяма, Кура воспринимала как нечто само собой разумеющееся. Рабское повиновение было не в чести на овечьих фермах. Тот, кто работал там, должен был уметь принимать решения. А в ансамбле Барристера имело значение только одно слово, причем его собственное. Он мог осчастливить балерин, пообещав им на одно соло больше, и даже такие ученые певицы, как Сабина Конетти, не осмеливались возражать, когда такой новичок, как Кура, натягивал им нос. А благосклонность Барристера — это Кура выяснила довольно быстро — имела вполне определенное отношение к женской половине ансамбля. Балерины совершенно откровенно говорили, к примеру, о том, что Бригитте только потому разрешили петь Кармен, что она была покорна импресарию. А нежелательные последствия этой связи устранила молчаливая акушерка из Веллингтона.

После этого Бригитта несколько недель не могла танцевать и всхлипывала ночи напролет. Это раздражало Куру, поскольку пока что она делила гостиничный номер с маленькой танцовщицей. Как бы там ни было, Бригитта на нее не сердилась. Она была рада отделаться от певческих ролей, с которыми безнадежно не справлялась, и, судя по всему, Родерик ее

больше не интересовал. Когда спустя несколько ночей Кура стала убегать из комнаты, чтобы навестить импресарио, девушка делала вид, будто ничего не замечает.

Куру довольно сильно тянуло к привлекательному тенору, и ей даже не пришлось притворяться, когда он начал ухаживать за ней. Впрочем, он тоже недолго удовлетворялся поцелуями и безобидными ласками. Над опасениями Куры относительно того, что она забеременеет, он лишь посмеялся.

— Чушь, малышка, я очень осторожен! У меня все всегда под контролем!

Кура хотелось верить в это, и она заметила, что, любя ее, Родерик выходил из нее быстрее, чем это делал Уильям. Но по-прежнему оставалась неясной ситуация с Бригиттой. В конце концов она с гулко бьющимся сердцем доверилась Сабине Конетти. Несмотря на свои подозрения относительно того, что певица недолго любит ее — сейчас Родерик изучал и роли сопрано со своим новым открытием, — она полагала, что та больше всех знает о женских тайнах. Сабина с готовностью посвятила ее в те немногие премудрости, которые были известны ей самой.

— Старайся держаться от него подальше в самые опасные дни. Но полностью безопасно это никогда не бывает, — подытожила она. — И не рассчитывай на клятвенные заверения этих парней в случае чего жениться... или что там они еще обещают. Поверь мне, сейчас Родерик готов пообещать тебе даже звезду с неба, но на это надеяться не стоит. Да, Родерик наслаждается тобой, как Пигмалион, но в целом больше всех любит себя. Если ему будет нужно, он бросит тебя.

Впрочем, это предупреждение не имело для Куры особого значения. Во-первых, Кура понятия не имела о греческой мифологии, а во-вторых, была уверена в том, что Родерик добр к ней. Если он самовлюбленный эгоист, во что она вполне верила, то просто не всегда будет давать ей крупные роли и, в первую очередь, не каждый день бесплатные уроки пения. Он действительно проводил полдня у рояля вместе с Курой, в то время как остальные члены ансамбля наслаждались свободой, исследовали такие города, как Окленд и Веллингтон, или отправлялись на вылазки, чтобы насладиться чудесами природы вроде тропиков и гейзеров.

Ночью же Кура была к его услугам; но она наслаждалась и самой игрой, хотя Родерик, как любовник, сильно уступал Уильяму. Кура не хватало экстазов, пьянящих кульминаций, до которых доводил ее муж, и постепенно начинала злиться на Родерика, который не возмещал ей риск забеременеть с такой же страстью. Но она забывала обо всем, стоило ей

вечером выйти на сцену и услышать аплодисменты публики. Тогда она становилась счастливой, чувствовала избыток благодарности по отношению к Родерику и позже осыпала его нежностью. А Родерик проявлял себя как совершенно не тщеславный человек. Он позволял ей блистать, снова и снова посылал ее одну за занавес, чтобы принять овации слушателей, передавал ей цветы на сцене.

— Похоже, наш петух влюбился, — однажды вечером прошептал Фред Хувер, баритон, Сабине Конетти. — А малышка действительно поет все лучше и лучше. Пока что у нее есть проблемы с дыханием, но однажды она затмит нас всех — и, в первую очередь, его.

Певцы стояли на заднем плане, в то время как Барристер в пятый раз кланялся Куры на сцене. Они образовали хор, а Кура и Родерик исполняли Кармен и ее тореро.

В ответ на слова Фреда Хувера Сабина кивнула и поглядела на сияющее лицо Куры. Сомнений нет, Барристер действительно по уши влюблен в малышку. Но спасет ли это юную певицу, когда этот день придет?

Уильям был сыт по горло. Снова наступил один из тех дней, когда ему хотелось как можно скорее сбежать из Киворд-Стейшн, — если бы у него были варианты. Гвинейра продала стадо молодняка майору Ричлэнду и попросила Уильяма согнать для него животных. Поскольку погода за день до этого была многообещающей, Ричлэнд решил поехать с ним и в ту ночь остался в Киворд-Стейшн. Конечно же, они долго пировали с Уильямом уже после того, как Гвинейра и Джеймс удалились к себе, и оба были теперь с похмелья и в самом дурном расположении духа. К тому же целое утро шел дождь, и двое пастухов-маори, которых Гвинейра откомандировала к Уильяму, не пришли. В конюшне околачивался один только Энди Мак-Эрон. Уильям потребовал от старого погонщика скота, чтобы он сопровождал их с Ричлэндом; один он боялся не найти отобранных овец. Мак-Эрон, который, судя по всему, понял, что ему не остается ничего другого, если он не хочет, чтобы все окончилось позором, согласился поехать с ними. Однако задал убийственный темп и проигнорировал Уильяма, когда тот, оглядываясь на пожилого майора, попросил его ехать помедленнее. Впрочем, Ричлэнд держался довольно неплохо на своем чистокровном жеребце, и настроение ему поднимал каждый новый глоток из фляги, которую он взял с собой. В конце концов Уильям тоже стал прикладываться, а Энди отказался, лишь покачал головой.

— Только не на работе, мистер Уильям, этого мисс Гвин не любит.

Уильям, почувствовав, что его ставят на место, после этого еще больше стал отдавать должное фляге Ричлэнда, однако оказалось, что он далеко не так устойчив к выпивке, как старый солдат. Сначала он самым жалким образом потерпел поражение, когда собирал овец. Собака не слушалась его и лишь испуганно жалась к земле, когда он кричал на нее. А потом его лошадь испугалась упрямого молодого барашка, пробившего линию загонщиков, и Уильям оказался на траве.

Энди Мак-Эрон обладал железной выдержкой и сохранял спокойствие, однако майор Ричлэнд не уставал подтрунивать над хозяином на протяжении всего обратного пути на ферму. Все это было унижительно, и, кроме того, не переставая шел дождь, мужчины давным-давно промокли до нитки. В этот вечер Ричлэнд решил не возвращаться домой, а снова переночевать в Киворд-Стейшн. Уильям, конечно же, понимал, что старик не преминет развлечь МакКензи, рассказав обо всех неудачах своего спутника, накопившихся за день. И это предвещало катастрофу. Если бы только Кура вернулась! Но она, похоже, была счастлива со своим оперным ансамблем. Время от времени она писала Гвинейре восторженные письма — Уильяму не писала никогда.

Когда мужчины вернулись обратно во двор Киворд-Стейшн, в конюшнях никого не было, поэтому Уильяму пришлось самому расседлывать лошадь. Хорошо хоть, Мак-Эрон не настоял на том, чтобы он сопровождал его еще и в загон, где на ночь разместили овец. Впрочем, от него все равно уже несло мокрой шерстью и ланолином. Уильям пришел к выводу, что в глубине души ненавидит работать с овцами.

Гвинейра и Джеймс ждали Уильяма в салоне, но никто и не собирался приглашать их обоих пропустить по стаканчику. Вероятно, по покрасневшим лицам и неуверенной походке прибывших они и так видели, что алкоголя и без того было достаточно. Гвин и Джеймс переглянулись: никакой больше выпивки перед едой, иначе вечер станет невыносимым. Вместо этого они отправили мужчин мыться и переодеваться, и, конечно же, слуга принес горячую воду сначала в комнаты гостя...

Уильям предпочел бы лечь в постель с бутылкой виски, но когда он вошел в свою комнату, которую так любовно обставлял для жизни с Курой, его ждал сюрприз: в маленьком салоне витал ароматный запах чая; печка для согревания ног обеспечивала температуру напитка; рядом стояли два стакана и бутылка рома.

Уильям не удержался. Сначала он схватил бутылку рома и сделал большой глоток. Но кто мог приготовить для него все это? Уж точно не

Гвинейра или Моана с Кири. Маори не понимают таких вещей, да и дел у домашней прислуги по горло.

Уильям недоверчиво огляделся по сторонам — и услышал звонкий смех, доносившийся из ванной комнаты.

— Ужасный день! Мне пришлось заниматься в школе для маори, и вода протекала через крышу... Как можно додуматься до того, чтобы накрыть хижину пальмовыми листьями? А потом я подумала, что ты вообще на улице... должно быть, замерз...

В дверях ванной стояла Хизер Уитерспун, на лице — сияющая улыбка, поверх темного платья — передник, как у послушной горничной. Жестом она пригласила его в ванную, наполненную горячей ароматной водой.

— Хизер, я... — Уильяма разрывало между благодарностью, желанием и сознанием того, что позволить ей соблазнить себя будет верхом безумия. Но Куры нет уже так давно...

— Ну же, Уильям! — сказала Хизер. — У нас есть час, раньше стол внизу накрывать не будут. Мисс Гвин должна присматривать за кухней, мистер Джеймс сидит у камина, а Джек занят домашними заданиями. Бояться нечего. Никто не видел, что я сюда входила.

Уильям мимоходом задумался над тем, притащила ли она сама горячую воду, и не смог себе этого представить. А потом он перестал думать. Слишком заманчивой была идея нырнуть в горячую воду, позволить ей массировать ему плечи, гладить его и наконец позволить отвести в постель.

— Я ведь тоже не хочу, чтобы кто-нибудь заметил нас, — промурлыкала Хизер. — Но нам и без того тяжело. Нельзя еще и жить, как в монастыре...

С этого вечера отношения между Уильямом и Хизер вспыхнули с новой силой. Он забывал о своем нежелании и опасениях, едва оказывался в ее объятиях, и успокаивал себя тем, что Кура наверняка тоже не целомудренна, и, кроме того, когда он овладевал Хизер в темной комнате с закрытыми глазами, перед его мысленным взором стояли только лицо и тело жены...

Глава 2

Илейн О'Киф брела по главной улице городка под названием Греймут, что на Западном побережье. «Какой омерзительный городишко, — мрачно думала она. — И название подходящее!» Хотя раньше она и слышала, что город назвали по устью реки Грей, но все это напоминало Илейн серую пасть, которая грозила поглотить ее. Наверняка при хорошей погоде городок выглядел не настолько омерзительно^[6]. В конце концов, Греймут был расположен на узкой прибрежной полоске между морем и рекой, и одно-и двухэтажные дома, обрамлявшие улицы, казались такими же новыми и опрятными, как и в Квинстауне.

Греймут тоже считался процветающим городком, хотя был обязан своим богатством не золотым приискам, а профессионально оборудованным угольным шахтам, открытым несколько лет назад. Илейн спросила себя, ей кажется или же в воздухе действительно витает угольная пыль и вместе с дождем и туманом мешает дышать? В любом случае атмосфера казалась ей совершенно не такой, как в родном городе, оживленном и уютном. Конечно, золотоискатели в Квинстауне надеялись вскоре разбогатеть. А шахта приносила хороший доход только своим владельцам, обрекая простых шахтеров на мрачную жизнь под землей.

Сама Илейн никогда не выбрала бы этот город, но после нескольких недель скачки по горам с нее в какой-то момент просто стало довольно. В первые дни бегства ей хотя бы повезло с погодой. Поначалу она ехала вдоль Хаас-ривер и как можно чаще старалась идти по воде, чтобы запутать следы. Впрочем, она не думала, что за ней вдогонку пошлют собак. Откуда им взяться? И даже если бы Илейн выбрала другой путь, подковы Баньши почти не оставляли следов на сухой земле. Перед днем отъезда выдалось несколько сухих дней, и погода ей благоприятствовала, пока она не добралась до земли МакКензи. А потом все стало гораздо хуже. Илейн ужасно мерзла, хотя, укладываясь спать, укутывалась в те немногие одежды, что у нее были. Конечно, помогала попона для Баньши, но чаще всего она была мокрой от пота кобылы. Кроме того, Илейн терзал жуткий голод.

И это несмотря на то, что она довольно хорошо разбиралась в местных растениях — Флёретта часто брала с собой детей на «поиски приключений», да и Джеймс МакКензи играл со своими внуками в игру «выжить под открытым небом», которую в молодые годы находила столь

интересной Гвин. Впрочем, тогда у них были маленькие лопатки, чтобы копать, ножи, чтобы чистить корни или потрошить рыбу, и, конечно же, крючки для рыбной ловли и леска. Сейчас у Илейн ничего этого не было. Даже разжечь костер удавалось не всегда; если у нее и получалось выбить искру из камней, то это было безнадежным занятием, поскольку начались дожди. В первые дни она время от времени ловила руками форель и жарила ее, но постоянно опасалась того, что огонь может выдать ее. По той же причине девушка не отваживалась стрелять по вездесущим кроликам. Впрочем, Илейн все равно промахнулась бы; она ведь даже в грудь Томаса не попала всего с нескольких шагов. Как же она сумеет подстрелить кролика?

Тем не менее однажды Келли поймала кролика. И без того день выдался счастливым: Илейн нашла сухую пещеру в горах и сумела разжечь костер. Зажаренный целиком кролик был, конечно, не ахти каким кулинарным шедевром, но Илейн наконец-то наелась. Однако следовавшие за этим дни выдались кошмарными — на Западном побережье, похоже, ничего съедобного не росло; здесь были только папоротники, под которыми, правда, хотя бы можно было укрыться от дождя. Один раз Илейн набрела на племя маори, которое приняло ее приветливо и дружелюбно. Никогда еще сладкий картофель не казался ей настолько вкусным.

В конце концов маори показали ей дорогу в Греймут — Маверу, как они называли город. Судя по всему, когда-то это место было крепостью маори, о чем свидетельствовали рассказанные ей истории, но сейчас полностью перешло в руки *накеха*. Несмотря на это, маори заявили гостье, что там вполне безопасно. Илейн было все равно; для нее все города были одинаковы, к тому же рано или поздно ей пришлось бы прекратить путешествие. Поэтому она решила последовать совету своих новых друзей и поискать работу в Греймуте. Что бы там ни говорили, это был самый крупный город на Западном побережье, а она, в первую очередь, нуждалась в нормальной постели и чистой одежде. Баньши тоже обрадовалась сухому стойлу, которое сняла для нее Илейн, — с гулко бьющимся сердцем, поскольку плату вперед она себе позволить не могла. Однако хозяин конюшни не стал ее спрашивать об этом, а сразу поставил кобылку в чистое стойло и дал много сена.

— Исхудала красавица, — заметил он, что, в общем-то, было неудивительно: Баньши не наедалась скудной травой на высокогорьях. Теперь она наконец-то могла насытиться.

Впрочем, Илейн понятия не имела, как оплатить роскошную жизнь

Баньши. И о себе тоже нужно было позаботиться. Хозяин конюшни уже окидывал ее многозначительным взглядом, словно желая дать понять, что наездница выглядит такой же оборванной, как и ее лошадка. Илейн спросила о пансионе и работе. Мужчина задумался.

— На набережной есть парочка отелей, но они дорогие. Там обычно останавливаются богатые фраки, которые добывают деньги на шахтах, — сказал хозяин конюшни. Судя по всему, в эту категорию Илейн однозначно не попадала. — А «Лаки Хорс»... что ж, я не рекомендовал бы это. Хотя, вероятно, вас бы там приняли с радостью, если вам все равно, какая работа. — Он многозначительно усмехнулся. — А еще вдова Миллер и жена брадобрея сдают комнаты. Можете там спросить, они обе честные женщины. Однако же, если у вас нет денег...

Илейн поняла намек. Свободных мест, где может работать одинокая честная женщина, мужчина не знал. Но это ничего не должно значить. Илейн храбро направилась к центру города. Что-нибудь она найдет.

Впрочем, многообещающим город не казался. И решимость Илейн спрашивать о работе в каждом магазине пошатнулась еще в китайской прачечной. Сначала у нее перехватило дыхание от пара, а потом хозяин, похоже, не понял, чего она от него хочет. Вместо этого он попытался купить у нее Келли. А ведь овец у него точно нет... Илейн вспомнила о том, что ходили слухи, будто китайцы едят собак, и поспешно ретировалась.

У жены брадобрея хоть и были свободные комнаты, но работы не оказалось. А ведь Илейн питала большие надежды, поскольку работа в пансионе была ей знакома. Но те три комнаты, которые сдавала миссис Тэннер, она могла поддерживать в чистоте сама, как и готовить для своих немногочисленных постояльцев.

— Приходите, когда что-нибудь найдете, — наконец заявила она.

Илейн поняла и этот намек: пока у нее не будет денег, нечего и рассчитывать на чистую постель и еду.

Следующей была лавка гробовщика, при виде которой у Илейн разыгралась совесть. Но что ей там делать? Зато магазин, где продавали различные товары, показался ей перспективным, однако, к сожалению, семья справлялась с ним с помощью пятерых смысленных детей. Помощников было хоть отбавляй. Рядом работал портной — и Илейн отчаянно захотелось уметь хоть немного шить. Но она всегда терпеть не могла ручную работу, и Флёретта не заставляла ее. Поэтому она лишь немного училась шить у Хелен, но это не выходило за рамки умения пришить пуговицу. Несмотря на это, Илейн вошла в ателье и

поинтересовалась, есть ли работа. Портной показался ей довольно милым, но он лишь покачал головой.

— Здесь немного людей, которые могут позволить себе заказать костюм. Конечно, есть владельцы шахт, но они предпочитают покупать одежду в городах покрупнее. Ко мне приходят, только если нужно что-то перешить, а с этим я и сам легко справляюсь.

На этом поиски честной работы в Греймуте закончились — только в крупных отелях Илейн еще могла попробовать наняться горничной. Но в таком оборванном виде, как сейчас, ей вряд ли удалось бы получить работу. Может быть, пойти в паб? В качестве прислуги или кухарки? Хоть с ее кулинарным искусством много не наготовишь, но попробовать-то можно. Она прошла мимо какого-то заведения. Нет, нужно вернуться и спросить... Но уже одно только крыльцо выглядит ужасно грязным! Илейн боролась с собой — и случайно оказалась напротив «Лаки Хорс» — отеля и паба в одном здании.

Илейн показалось, что оно напоминает ей заведение Дафны. Здешний вход тоже был ярко разукрашен и буквально манил зайти внутрь. По крайней мере мужчин, потому что именно им, похоже, приглашение и предназначалось. Для девушек же, судя по всему, это была единственная возможность во всей округе заработать — хоть и не очень-то честным образом.

Илейн энергично покачала головой. Нет, только не это. Только не после того, как она сбежала из ночного ада! С другой стороны, это вряд ли может быть хуже, чем брак с Томасом. Если она падет настолько низко... Илейн едва не рассмеялась. Она — убийца! Разве можно пасть еще ниже?!

— Или идите дальше, или заходите. У вас какое-то срочное дело? Что стоять под дождем? — Голос донесся из приоткрытой двери паба.

Келли незаметно пробралась внутрь и теперь наслаждалась тем, что ее гладила какая-то женщина. Взгляд у Келли снова был умоляющим... или, скорее, расчетливым, поскольку в пабе витал аромат жаркого, из-за которого у Илейн тоже потекли слюнки. Кроме того, здесь было тепло и сухо.

Илейн отбросила свои мысли прочь. Светловолосая, с очень светлой кожей, сильно накрашенная женщина не казалась опасной. Напротив, из-за своей пышной груди, полных бедер и широкого добродушного лица она казалась чем-то похожей на мать. Совсем не такая, как Дафна.

— Ну, говорите уже! Чего вы таращитесь на мою дверь, словно мышь на мышеловку? — поинтересовалась женщина. — Никогда не видели милого, ухоженного борделя?

Илейн улыбнулась. Дафна свое заведение никогда «борделем» не назвала бы.

— Почему же, — ответила она. — Просто никогда не была внутри.

Женщина улыбнулась.

— В борделе или в ловушке? Честно говоря, выглядите вы так, словно только что сбежали из какой-то западни.

Илейн побледнела. Неужели по ней действительно видно, что она от чего-то бежит? И если этой женщине бросилось в глаза ее состояние, то как будут шептаться о ней почтенные матроны?

— Я... ищу работу. Но не... такую. Например, я могла бы убираться или... помогать в кухне. Я привыкла к такой работе. У моей... э... тетки был пансион... — В последний момент Илейн сообразила, что лучше не упоминать о бабушке. Чем меньше она будет рассказывать о своей прошлой жизни, тем будет лучше.

— Деточка, вы слишком красивы для того, чтобы убирать! Эти парни недолго будут оставаться чистыми, если вы меня понимаете. В остальном же комната свободная у меня есть. И девочки мои зарабатывают довольно хорошо, сама можешь их спросить, у меня все довольны. Меня, кстати, зовут Клариссетт Батон. Произносится на французский манер. Можешь говорить просто «мадам Кларисс». — Мадам Кларисс уже обращалась к девушке на «ты», словно это было само собой разумеющимся.

Илейн покраснела.

— Я не могу. Такая работа... это я не могу, не люблю мужчин! — Последнее слово у нее вырвалось с криком, и мадам Кларисс громогласно расхохоталась.

— Ну, ну, малышка, не нужно рассказывать мне, что ты убежала из своего приличного дома, потому что любишь девушек! В это я не поверю. Хотя заработать на этом вполне можно. Одна моя старинная подруга как-то прислала мне двух девочек на выступление... Близняшки творили совершенно бесстыдные вещи, но вместе с этим все выглядело очень невинно. Парни ужасно заводились. И при этом их не подпускали к девчушкам. Вот только для такой работы ты кажешься мне слишком честной.

Илейн покраснела еще сильнее.

— Откуда вы знаете, что я из приличной семьи?

Мадам Кларисс закатила глаза.

— Сладкая моя, по тебе же всякий увидит, что ты несколько недель спала, не снимая платья. А если человек не слепой, он увидит и то, что платье было дорогим. Кроме того... собачка у тебя не дворняга какая-

нибудь. Она с овечьей фермы. Надеюсь, ты ее не утащила. Иногда эти парни из-за своих собак злятся сильнее, чем из-за сбежавших жен.

Илейн почувствовала, что надежды ее тают, как дым. Похоже, эта женщина читает ее как открытую книгу. И выводы, которые сделала она, наверняка сделают и другие. Если она получит комнату у миссис Тэннер, о ней вскоре будет говорить весь город. А предложение мадам Кларисс... Во всяком случае, о шлюхах Дафны не шептались никогда. Похоже, честным женщинам было все равно, откуда они пришли и куда уйдут.

Мадам Кларисс смотрела на Илейн с улыбкой, но за ней крылся пристальный взгляд. Было видно, что малышка всерьез размышляет над тем, чтобы принять ее приглашение. Может быть, подойдет для работы в баре? Сомнений нет, у нее плохой опыт с мужчинами, но что поделаешь, в этом смысле она не исключение. Тем не менее было в глазах этой девушки что-то такое, что выходило далеко за рамки «нелюбви». Кларисс разглядела в них скорее страх, даже ненависть. И убийственный огонек, наверняка привлекавший некоторых мужчин, словно мотыльков, но в конечном счете приводивший к проблемам.

Тем временем Илейн окинула взглядом барную комнату. Первое впечатление, полученное снаружи, подтверждалось. Все чисто и опрятно. Обычные столы и стулья, несколько дисков для дартса на стене — судя по всему, здесь тоже любили играть и делать ставки: на дощечках она разглядела записанные результаты скачек в Данидине.

Сцены, как у Дафны, не было, и вся обстановка казалась менее изысканной — возможно, хозяйка подстраивалась под клиентов. Шахтеры — это не золотоискатели. Твердо стоящие на ногах мужчины, без излишних заскоков, как говорил Джеймс, дедушка Илейн.

А потом Илейн увидела пианино. Красивый и, судя по всему, еще новый инструмент. Илейн закусил губу. Спросить? Не может же быть, чтобы ей так повезло...

— Что тарачишься на этот разбитый ящик? — поинтересовалась мадам Кларисс. — Умеешь играть? Мы только недавно получили эту штуку, после того, как парень, который смешивал напитки, рассказал всем, как чудесно он умеет играть. Но едва инструмент привезли, как парня и след простыл. Понятия не имею, куда он подевался, просто взял и исчез. Так что теперь у нас пианино в качестве украшения. Выглядит благородно, правда?

На лице Илейн мелькнула надежда.

— Я немного умею играть...

И, не дожидаясь приглашения, она подняла крышку пианино и ударила

по клавишам. Звук был чудесный. Инструмент оказался отлично настроенным и, вероятно, был не из дешевых.

Илейн сыграла первое, что ей пришло в голову.

Мадам Кларисс снова громогласно расхохоталась.

— Деточка, я, конечно, в восторге, что ты умеешь извлекать из этой штуки звуки. Но так дело не пойдет. Может, договоримся? Я плачу три доллара в неделю за музыку. Мы открываемся, как только стемнеет, закрываемся в час. Тебе не придется ложиться ни с кем в постель, если ты не хочешь, но за это ты никогда больше не будешь играть мне «Amazing Grace»!

Теперь рассмеялась Илейн. На миг задумалась и попробовала сыграть «Hills of Connemara».

Мадам Кларисс довольно кивнула.

— Гораздо лучше. Я так и подумала, что ты ирландка... с такими-то рыжими волосами. Хотя говоришь не так. Как тебя зовут, кстати?

Илейн задумалась лишь на краткий миг.

— Лейни, — ответила она. — Лейни Кифер.

Спустя час у Илейн была не только более-менее пристойная работа, но и комната, и, в первую очередь, полная тарелка еды. Мадам Кларисс накормила ее жарким, сладким картофелем и рисом, задавая при этом не так уж много вопросов, чего опасалась Илейн. Впрочем, она решительно отсоветовала ей еще раз проситься на постой к миссис Тэннер.

— Эта старуха — первая сплетница во всем городе. И добродетельна, как сама Мадонна. Если она услышит, как ты зарабатываешь деньги, то тут же вышвырнет тебя на улицу. А если нет, то вскоре уже все Западное побережье будет болтать о девочке из высшего общества, которая пошла по кривой дорожке. Потому что ты такая и есть, Лейни, верно? Я совершенно не хочу знать, откуда и почему ты сбежала, но думаю, что миссис Тэннер тоже не следует этого знать!

— Но... но если я поселюсь здесь... — Илейн пыталась не говорить с полным ртом, но была просто слишком голодна, — все ведь подумают, что я...

Мадам Кларисс положила ей еще один кусок мяса.

— Деточка, они все равно так подумают. Здесь можно иметь только что-нибудь одно: или работу, или доброе имя. По крайней мере если речь идет о леди. С мальчиками иначе, они все будут пытаться подобраться к тебе, но если ты отвергнешь их, тоже не страшно. В крайнем случае они будут иметь дело со мной, так что не переживай. Вот только на понимание

такой особы, как миссис Тэннер, можешь не рассчитывать. Она просто не способна осознать, что за один вечер можно увидеть тридцать мужчин и ни с кем из них не лечь в постель. Эти честные женщины даже меня до сих пор считают соблазнительницей! — Мадам Кларисс снова рассмеялась. — У них весьма странное представление о добродетели. Так что привыкай. Кроме того, здесь тебе наверняка будет лучше, чем у старой змеи. Я готовлю лучше, да и еда бесплатная. К тому же у нас своя баня есть. Ну что, убедила?

Против бани, особенно в такой день, Илейн возразить было нечего. Едва она закончила есть, как уже оказалась в ванне, наполненной приятно горячей водой, — и познакомилась с первой девушкой, работавшей у мадам Кларисс.

Шарлен, девятнадцати лет от роду, упитанная и черноволосая, помогала ей мыть волосы и болтала без умолку.

— Я приехала с семьей в Веллингтон еще ребенком и уже не помню ничего. Помню только, что мы жили в страшных хибарах и что мой папочка бил нас каждый день после того, как делал все возможное, чтобы наградить маму новым малышом. В четырнадцать мне все это надоело и я сбежала с первым попавшимся парнем. Настоящий принц из сказки, думала я тогда. Он собирался заняться старательством, и я надеялась, что в конце концов мы разбогатеем... Сначала он работал на Северном острове, потом собрал последние гроши на переезд в Отаго, чтобы попробовать там. Но работать он не умел, да и не везло ему. Он сдавал меня парням в лагерях старателей... Боже мой, никакого удовольствия, да еще они иногда делили сумму, и на шее у меня оказывалось одновременно по двое, а то и по трое. А сама я этих денег и не видела, все уходило на виски, хотя, конечно, мне он говорил, что тратит на инструменты, чтобы наконец-то вплотную заняться своим участком. Когда до меня дошло, что его участок — это я, мне было уже восемнадцать. Однажды под покровом ночи я сбежала. И вот я здесь.

— Но... это ведь то же самое, что раньше, — заметила Илейн. — Только теперь ты работаешь на мадам Кларисс.

— Сладкая моя, я бы не прочь выйти замуж за принца Уэльского. Но я ничего другого не умею. И так хорошо, как здесь, мне не жилось нигде. Собственная комната! Когда заканчиваю с парнями, меняю простыни и разбрызгиваю немного розового масла, и мне так хорошо и уютно становится! И всегда есть вода, чтобы помыться, еды вдоволь... Нет, я вовсе не стремлюсь к тому, чтобы найти себе кого-нибудь и выйти замуж. В принципе, было бы нетрудно, здесь почти нет незамужних женщин, а

горняки не очень-то переборчивы. В прошлом году три девушки, работавшие у мадам Кларисс, вышли замуж. Теперь цены себе не сложат, такие честные. При этом живут в грязных лачугах без уборной, и у одной уже второй сорванец на шее. Нет-нет, здесь мне лучше. Если я выйду замуж, это должен быть действительно принц!

Шарлен расчесала свежeweымытые волосы Илейн. Казалось, ее нисколько не смущало, что у новенькой практически нет вещей. Судя по всему, отель мадам Кларисс был чем-то вроде начального пункта для потерянных девушек.

— Еще тебе нужно платье. Но мои будут слишком велики. Подожди, я спрошу Энни.

Шарлен ненадолго ушла и вернулась обратно с небесно-голубым платьем, украшенным тысячей кружев и воланов и огромным вырезом.

— Вот. Можешь надеть под него корсаж, если декольте кажется тебе слишком большим. У Энни ничего особенного нет, поэтому на сегодня сойдет и так. Но мы наверняка сможем найти для тебя какой-нибудь платок, чтоб накинуть на плечи. Ничего парни у тебя не высмотрят!

Илейн пригляделась к платью. Оно даже слегка пугало, поскольку было гораздо более броским, чем все, что она носила когда-либо прежде. Девушка нервно посмотрела на себя в зеркало — и пришла в восторг! Лазурно-голубая ткань гармонировала с цветом ее глаз и ярко-рыжими волосами, черные кружева вокруг выреза оттеняли нежную кожу. Может быть, матроны Квинстауна сочли бы ее внешний вид неподобающим, а думать о том, что сказал бы Томас, она не хотела. Самой себе Илейн понравилась.

Увидев девушку, мадам Кларисс тоже присвистнула.

— Сладкая моя, а если я предложу тебе вдвое больше, с тем чтобы ты пускала к себе одного-двух за ночь? Эти парни просто пальчики оближут!

Илейн встревожилась, но мадам Кларисс шутила. Она даже дала Илейн свой черный платок.

— Завтра закажем для тебя платье. Портной обрадуется! Но это не просто так, хорошая моя, я вычту за него из твоей зарплаты!

За маленькую комнату мадам Кларисс тоже хотела плату, но Илейн считала, что это справедливо. Поначалу она тревожилась, не придется ли ей жить в одной из комнат на втором этаже, где мужчины «навещали» девушек. Однако мадам Кларисс выделила ей крохотную комнатку для слуг возле конюшен. Вообще-то, здесь должен был жить конюший, но такового у Кларисс не водилось. Ее клиенты оставляли лошадей не более чем на несколько часов и сами их чистили. При этом конюшни были довольно

просторными, и во дворе даже имелась площадка для выгула. Илейн робко поинтересовалась, можно ли ей поставить здесь Баньши.

— Значит, у нас и лошадка есть, — наморщив лоб, произнесла мадам Кларисс. — Девонька-девонька, не будь у тебя такое честное лицо... Поклянись, что ты не украдла клячу!

Илейн кивнула.

— Баньши — это подарок.

Мадам Кларисс подняла брови.

— На помолвку или на свадьбу? Я ничего не хочу сказать, сладкая моя, но я предпочла бы знать заранее, если вдруг явится твой разъяренный супруг.

— Не явится, — отрезала Илейн. — Наверняка не явится...

Мадам Кларисс услышала странные нотки в ее голосе, нечто среднее между чувством вины и удовлетворением, но ничего не сказала. Как бы там ни было, похоже, девочка не лжет.

— Ну ладно. Тогда веди свою лошадку сюда. А то на съемной конюшне у тебя заберут половину твоей зарплаты. Только чистить ее будешь сама. И кормить тоже.

Илейн решила забрать Баньши на следующее утро. Одну ночь в съемной конюшне она может себе позволить. Сейчас же она решила для начала постирать свои платья и развесить их на просушку в отведенной ей крохотной комнатке. На улице до сих пор шел дождь, было холодно и неуютно. Город Илейн по-прежнему не нравился — никакого сравнения с Квинстауном, где чаще всего было солнечно, дожди бывали редко, а зимой хоть и было гораздо холоднее, чем на Западном побережье, зато ясно и много снега, не то что здесь: мокро и серо.

Несмотря на погоду, посетителей в пабе было много. Мужчины входили внутрь мокрые, как котята, и мадам Кларисс не знала уже, куда девать все эти мокрые куртки и плащи. Илейн вспомнила о вощенном плаще Гвин, который отлично подходил для дождливой погоды, — здешним горнякам такая одежда наверняка пригодилась бы, но, судя по всему, никто здесь не мог себе этого позволить.

А ведь от шахт до города идти довольно далеко. Им, должно быть, очень сильно хочется потом тепла и развлечений, раз они соглашаются вытерпеть тяготы дороги после тяжелой смены.

— Видела бы ты, как они живут! — заметила Шарлен, когда Илейн высказала свою мысль. — Хозяева рудника дают им в распоряжение чуланы на территории шахты, но это просто крыша над головой. Они там

даже помыться толком не могут, у большинства есть в лучшем случае железная канистра. А за воду эти свиньи с них высчитывают дополнительно. После них у нас на простынях остается угольная пыль.

И действительно, большинство посетителей выглядели невымытыми; на их лицах, казалось, застыли серые маски. Угольная пыль была жирной. Холодной водой она отмывалась плохо, как бы мужчины ни старались ее оттереть.

Илейн стало их жаль, но, к огромному удивлению девушки, несмотря на тяготы жизни, все они были веселы. Она слышала различные диалекты, хотя большинство мужчин были родом из английских и валлийских рудничных регионов. Почти все были переселенцами — новозеландцев во втором или третьем поколении под землю не заманишь.

Мужчины с восторгом аплодировали, когда Илейн заиграла старую валлийскую песню, которой ее научила бабушка Гвин. Некоторые из них сразу же начали подпевать, другие подхватили девушек и пустились в пляс, и вскоре перед Илейн на пианино стоял первый бокал виски.

— Я ведь не пью виски, — сказала она, когда мадам Кларисс указала ей на него и одновременно на мужчину, который угостил ее выпивкой. Неуклюжий англичанин откуда-то из-под Ливерпуля.

— Ты хоть попробуй для начала! — подмигнув, посоветовала ей мадам Кларисс.

Когда Илейн сделала робкий глоток, она поняла, что это обычный чай, но холодный.

— Никто из девушек здесь не пьет, иначе они были бы уже готовы к десяти часам, — сказала мадам. — Но от каждого бокала, который покупают тебе господа, половина твоя!

Это показалось Илейн хорошей сделкой. Она отпила свой «виски» и улыбнулась мужчине, заказавшему его. Тот подошел к пианино и попытался договориться с ней на встречу попозже. Однако отнесся с пониманием, когда Илейн отказалась. Вскоре после этого он исчез вместе с Шарлен.

— Ты оживляешь процесс! — с уважением произнесла мадам Кларисс, когда принесла Илейн третий напиток. — С учетом того, что сегодня вторник, оборот неплохой. По четвергам и пятницам у нас отлив, у ребят не остается денег. В субботу они получают зарплату, тогда у нас настоящий бум, а в воскресенье шахты закрыты. И каждый пьет, пытаюсь заставить мир казаться лучше, чем он есть на самом деле.

Постепенно в ходе вечера работа начала нравиться Илейн. У нее еще никогда не было такой благодарной публики, как эти горняки, и к ней

действительно никто не приставал слишком сильно.

Вместо этого к ней, похоже, относились с уважением; мужчины не обращались к ней просто по имени, как к другим девушкам, послушно говорили «мисс Лейни», когда просили сыграть какую-то определенную песню или спрашивали ее, можно ли заказать ей еще один напиток.

Наконец она, в высшей степени довольная, закрыла пианино, в то время как Шарлен и остальные прощались с последними мужчинами. До закрытия было еще далеко, но первый спуск в шахту начинался уже в четыре часа утра, а работа под землей была не слишком-то безопасной. И никто не хотел рисковать похмельем.

— Подожди, вот будут выходные — и водка польется рекой! — заявила Шарлен.

На следующий день Илейн отправилась забирать Баньши. Владелец конюшни отпускал ей комплименты по поводу ее игры на пианино. Он ненадолго заглянул в паб и слышал, как она играет. И теперь даже не захотел брать денег за то, что Баньши переночевала в его конюшне.

— Нет, оставьте себе. Но за это сыграете для меня три песни! И не смейтесь надо мной, если я опять начну подвывать, когда будете играть «Wild Mountain Thyme».

Портной тоже слышал о новой работе Илейн и с готовностью стал снимать мерки.

— Не слишком открытое? Но тогда будет меньше чаевых, мисс, вы должны это понимать! — поддразнил он ее. — И пару кружев нужно непременно нашить. Вы ведь не хотите выглядеть монашкой.

От последнего Илейн не отказалась бы, когда чуть позже встретила на улице мисс Тэннер. Матрона смерила ее взглядом с головы до ног и прошла мимо, не удостоив ни словом. В некотором смысле Илейн могла ее понять; она сама чувствовала себя неловко в одежде Энни. Днем на улице ее платье казалось гораздо более вызывающим, чем вечером в пабе, где остальные девушки были одеты почти так же. Но собственные ее вещи еще не высохли: в комнате было сыро, а на улице снова шел дождь. Судя по всему, ей срочно понадобится несколько новых платьев. Три доллара в неделю — это немного, но побочный заработок от «виски» приносил почти столько же.

Вечером в субботу было действительно нелегко. Паб был полон; судя по всему, сюда пришли почти все дельцы и работники города.

— Еще больше, чем обычно! — радовалась мадам Кларисс. — Даже

эти грубияны, оказывается, предпочитают музыку, а не собачьи бои.

Илейн узнала, что второй паб, имевшийся в городе, в качестве развлечения предлагал горнякам делать ставки на собачьих боях. Каждые выходные во дворе паба организовывались собачьи и петушинные бои, при одной мысли о которых у Илейн подступила к горлу тошнота. Хоть у мадам Кларисс тоже ошивались несколько букмекеров, здесь ставили скорее на лошадиные скачки и собачьи бега в далеком Данидине, Веллингтоне или даже в Англии.

По субботам мужчины пили, пели и плясали до закрытия, если не валились под стол раньше. Теперь к Илейн подходили с недвусмысленными предложениями гораздо чаще, но она энергично отказывалась, и мужчины принимали ее отказ без дальнейших разговоров. Чему девушка была обязана этим — то ли строгому взгляду мадам Кларисс, то ли собственному выражению лица, колеблющемуся между паникой и убийственной яростью, — она не знала.

Зато пирующие вскоре начали относиться к девушке за пианино почти так же, как если бы она была исповедником. Всякий раз, когда Илейн делала перерыв, рядом с ней оказывался молодой человек, которому непременно хотелось поведать ей трагическую историю своей жизни. Чем дольше длилось гуляние, тем откровеннее становились признания, и Илейн разрывалась между презрением и сочувствием, когда тщедушный Чарли из Блэкпула, всхлипывая, рассказывал ей о том, что он не хочет бить свою жену, что это происходит само, а Джимми из Уэльса, огромный, как медведь, запинаясь, признавался, что на самом деле он боится темноты и каждый день умирает в шахте тысячу раз.

— А этот шум, мисс Лейни, этот шум... видите ли, шахты отражают звук... Каждый удар кирки слышится дюжину раз. Иногда мне кажется, что у меня вот-вот лопнут барабанные перепонки. Сыграйте еще раз «Sally Gardens», мисс Лейни, я хочу запомнить ее как следует, может быть, услышу ее, когда буду внизу.

К концу вечера у Илейн тоже раскалывалась голова, и, когда все мужчины наконец ушли, она вместе с мадам Кларисс и остальными девушками выпила настоящего виски.

— Но только по одной, девочки, я не хочу, чтобы завтра в церкви от вас несло водкой!

Илейн едва не расхохоталась, но мадам Кларисс действительно водила своих овец к воскресной мессе. Шлюхи топали за ней, повесив головы, как цыплята за наседкой. Преподобному отцу, священнику методистской церкви, похоже, это не совсем нравилось, но он не мог отказать в

посещении церкви кающимся грешницам. Зато Илейн была очень рада тому, что может надеть свое закрытое платье для верховой езды, — и в нем даже осмелилась посмотреть в глаза миссис Тэннер.

В течение последующих недель она успокоилась, привыкнув к своему положению, и вынуждена была признать правоту Шарлен: здесь не самая плохая жизнь, а Греймут — не самый плохой город. Поскольку Илейн работала только по вечерам, а в маленькой комнате не было места для какой-либо домашней работы, днем у нее высвобождалось время для того, чтобы оседлать Баньши и осмотреть окрестности.

Она скакала по горам и папоротниковым лесам, любовалась разрастающейся от каждодневных ливней пышной зеленью вдоль Грей-ривер и пейзажами, похожими на тропические. Море восхищало ее, а когда однажды во время прогулки Илейн увидела колонию тюленей, то пришла в неописуемый восторг. Даже подумать страшно о том, что жители прибрежных поселений всего несколько десятилетий тому назад безжалостно уничтожали этих животных и продавали их шкуры! Теперь в окрестностях Уэстпорта и Греймута больше сосредоточились на промышленности и добыче угля; здесь уже даже была железная дорога, за которой с тоской наблюдала Илейн. Центральная линия соединяла Западное побережье с Крайстчерчем. Всего несколько часов — и она оказалась бы рядом с бабушкой Гвин.

Но Илейн редко позволяла себе размышлять о подобном. Было больно думать о том, как относятся теперь к Илейн ее родственники. У нее ведь не было даже возможности рассказать о своей жизни с Томасом, который постоянно мучил ее; наверняка никто не поймет ее поступка.

Однако, думая о том, что она совершила, Илейн не раскаивалась. В принципе, она вообще никаких чувств по поводу происшествия в конюшне не испытывала и, казалось, смотрела на случившееся с какого-то странного расстояния, почти как на сцену в театре. И с такой же четкостью, как в пьесе, распределились роли и здесь: было только добро и зло. Если бы Илейн не убила Томаса, он рано или поздно прикончил бы ее. Поэтому Илейн относилась к своему поступку как к необходимой самообороне. Она поступила бы так снова.

Впрочем, ее удивляло, почему столь громкая история об убийстве супруга на озере Пукаки еще не достигла Западного побережья. В принципе, она была готова к этому, ибо знала, что подобные новости расходятся быстро, и опасалась, что сюда пришлют объявление о розыске, возможно, даже с ее фотографией. Но ничего подобного не происходило.

Ни шлюхи, ни почтенные матроны не болтали о женщине, сбежавшей после убийства собственного мужа. Илейн сочла это счастливым стечением обстоятельств. Постепенно она привыкала к новой родине; ей не хотелось бы снова бежать куда-то в поисках пристанища. С ней уже здоровались на улице, мужчины — очень вежливо, женщины — мимоходом и неохотно. Впрочем, игнорировать Илейн было уже нельзя, особенно с тех пор, как она нашла в себе силы заговорить с преподобным по поводу второго, всеми позабытого инструмента в Греймуте. В церкви стоял новенький орган, но община из-за отсутствия музыкального сопровождения временами пугалась резких звуков церковных песен.

Преподобный колебался недолго, прежде чем принять предложение Илейн. Должно быть, он тоже слышал, что молодая пианистка в пабе не продажная женщина, а скорее даже избегает мужчин.

Хоть Илейн, находясь на своем возвышении, и не видела этого, но, когда она открыла свою первую воскресную мессу пышным вступлением из «Amazing Grace», ей показалось, что на широком лице мадам Кларисс появилась усмешка.

Глава 3

В то время как Кура уехала со своим оперным ансамблем в Австралию, чтобы снискать лавры там, Уильям и Хизер продолжали делить постель, причем все более бесцеремонно. Казалось, никого не интересует, чем эти двое занимаются по ночам, поскольку Уильям, по крайней мере на протяжении первых недель, старался держаться подальше от бара. Он стал уравновешеннее, реже ссорился с рабочими и маори, как заметила Гвинейра, с облегчением вздохнувшая по этому поводу. Однако она не связала это с его любовной жизнью. Он даже стал временами учиться собственно работе, вместо того чтобы только командовать. Джеймс объяснял эту перемену тем позором, который парень пережил, когда сгонял овец для Ричлэнда, и оказался не особенно сноровист. Поэтому Джеймс стал поручать ему рутинную работу, раздувая ее значимость, и радовался вновь обретенному спокойствию. Впрочем, некоторые вещи казались ему странными — например, то, что иногда по вечерам из салона снова доносились звуки рояля. Хизер Уитерспун предложила играть для семьи, хотя на самом деле ни у кого в этом не было потребности, — кроме Уильяма. Тот подбадривал ее и заявлял, что благодаря музыке чувствует себя ближе к Куре. Говорил, что в такие минуты снова видит ее лицо и фигуру, и лицо Хизер тут же кривилось в недовольной гримасе. Как бы там ни было, эта парочка возобновила вечера в салоне и Уильям снова стал больше пить.

— А мы не можем вышвырнуть эту Уитерспун? — простонал Джеймс, рыцарским жестом открывая перед Гвинейрой дверь в их общую спальню. Внизу Хизер уже не первый час играла песни Шуберта. — С тех пор как Кура ушла, она никому уже в принципе не нужна.

— А кто будет учить Джека и детей маори? — спросила Гвин. — Я знаю, у нее не самые лучшие результаты, но если мы уволим ее, нам нужно будет искать замену. То есть опять подавать объявление в английскую газету, ждать, пока начнут поступать отзывы, — и вновь принимать решение в надежде, что нам повезет.

— Один критерий для принятия решения у нас уже есть, — с усмешкой произнес Джеймс. — Ни Глория, ни Джек не ценят игру на рояле. Но честное слово, Гвин, мне не нравится, что Уильям проводит с этой Уитерспун по полночи в салоне. Особенно теперь, когда Куры нет. Она ведь пытается его соблазнить...

Гвин рассмеялась.

— Уильям, наш джентльмен, — и эта серая мышка? Даже представить трудно. После Куры это было бы настоящее падение!

— Что бы ты ни говорила, эта серая мышка под рукой, — заметил Джеймс. — Нужно присмотреть за этим...

Гвинейра рассмеялась.

— Может быть, ты лучше подумаешь о том, что под рукой есть я? — игриво произнесла она. — Все эти любовные песни сделали меня сентиментальной. — Гвин расстегнула пуговицы на платье, и Джеймс нежно поцеловал ее в обнаженное плечо.

— Тогда в этом треньканье есть хоть что-то хорошее... — пробормотал он.

Отношения между Уильямом и Хизер, несмотря ни на что, положительно влияли на жизнь в Киворд-Стейшн, но в то же время старания мисс Уитерспун угодить своим нанимателям скорее сходили на «нет». Чем дольше длилась ее любовь к Уильяму, тем более уверенной она себя чувствовала. Каждый месяц без Куры питал ее надежды на то, что она сможет привязать к себе Уильяма навечно. Когда-нибудь ему надоест ждать Куру, да и в Киворд-Стейшн он чувствует себя не самым лучшим образом. Возможно, тогда этот брак будет расторгнут и Уильям станет свободным, чтобы снова связать себя, — на этот раз с Хизер. С того времени, как Уильям уехал из Ирландии, прошло уже более трех лет. Наверняка о его поступках там уже забыли и он, в принципе, мог бы вернуться. Хизер уже видела, как он входит вместе с ней в родительский дом, — его семья, скорее всего, придет в восторг от выбора сына, поскольку у нее первоклассное воспитание и происходит она хоть из обедневшей, но хорошей семьи. Благодаря ее влиянию Уильям станет спокойнее; новых конфликтов на земле его предков, вероятнее всего, уже не будет. И, возможно, он найдет себе место в городе — это Хизер понравилось бы еще больше.

В любом случае она считала ниже своего достоинства обучать грязных детей туземцев и стала стараться еще меньше, чем раньше. Уроки с Джеком она, конечно же, запустить не могла. Он должен был пойти в Крайст-колледж и не имел права провалиться на вступительных экзаменах. Но учила его строго и без души. Джек выполнял задания, однако радости от этого не испытывал. Гвинейре это казалось нормальным; она в детстве тоже ненавидела уроки. Однако Джеймс, которому не удалось получить школьного образования, сожалел об этом и продолжал настаивать на том,

чтобы как можно скорее заменить мисс Уитерспун.

— Слушай, Гвин, я вполне понимаю, что у него нет желания учить латынь. Но история, зоология и биология — все это его интересует! Раньше он иногда говорил, что хотел бы стать ветеринаром. И я легко могу представить его в этой роли, если уж ему не достанется Киворд-Стейшн. Но эта мисс Хизер отбивает у него какой бы то ни было интерес к книгам. А потом она то же самое сделает с Глорией. Вышвырни ее, Гвин, вышвырни ее наконец!

Гвинейра продолжала колебаться. А потом случилось так, что безразличие к работе и своим обязанностям со стороны мисс Уитерспун привело к тому, что ее отношения с Уильямом — хоть и косвенно — открылись.

Гвинейра МакКензи часто продавала племенных овец, даже целые отары, другим фермерам. Это начал еще Джеральд Уорден, после того как вывел новую, идеальную для Кентерберийской равнины породу из ромни, шевиот и уэльских горных овец. Его животные были крепкими и самостоятельными. Овцематки и их ягнята проводили целое лето в свободном выпасе на высокогорьях, и особых потерь при этом не было. К тому же они давали шерсть столь же высокого качества. Понятно, что остальные животноводы хотели облагородить свои отары с помощью животных, которые не требовали особого ухода. И сейчас уже на всей Кентерберийской равнине и почти до самого Отаго паслись овцы, ведущие свою родословную от овец Джеральда Уордена.

Но на крайнем северо-востоке острова до сих пор никто не интересовался овцами Гвинейры, там овцеводством только начали заниматься. Однако теперь появился некий мистер Бертон из Мальборо, ветеран войны, похожий на майора Ричлэнда своими амбициями в отношении прибыльного овцеводства. Гвинейре оживленный пожилой господин сразу понравился. Бертон был худощав и подтянут, уверенно держался в седле и хорошо стрелял — он удивил хозяев, представив им трех кроликов, подстреленных «мимоходом».

— Это ваши, я застрелил их на вашей земле, — усмехнулся он. — Полагаю, их гибель не слишком вас огорчила.

Гвинейра рассмеялась и велела отнести животных на кухню.

— Право, не стоило приносить ужин с собой, — пошутил Джеймс. — У вас на севере тоже есть проблема с кроликами или там хватает лисиц?

Бертон и МакКензи сразу же оказались вовлечены в разговор — в порядке исключения вел беседу с гостем не Уильям. Гвинейра обратила

внимание на то, как живо шутил и болтал Джеймс с фермером из Мальборо. Наконец-то кто-то, не зная о его прошлом, о том, что он угонял скот, воспринимает его как главного в Киворд-Стейшн. Джеку Бертон тоже, похоже, сразу понравился. Он стал расспрашивать о животных, живущих в тропических лесах вокруг Бленема, и китах в каналах Мальборо.

— А вы действительно видели кита, мистер Бертон? — с увлечением спрашивал он.

Бертон кивнул.

— Конечно, молодой человек. С тех пор как на этих животных прекратили интенсивно охотиться, они стали часто показываться на глаза. Они и впрямь величиной с дом! Я даже представить себе не мог. Конечно, я читал об этом, но когда видишь такого великана, а сам сидишь в крохотной лодочке... Тут невольно начинаешь испытывать уважение к китобоям, которые метали гарпуны, вместо того чтобы повернуть назад!

— Маори тоже охотились на них на каноэ, — сообщил Джек. — Наверное, это было очень увлекательно.

— Я считаю охоту на китов отвратительной и ужасной, — заявил Джеймс. — Когда много лет назад я оказался на Западном побережье, китовый промысел считался самым верным средством быстро заработать деньги. И я кое-что повидал, но мне это пришлось не по душе. Вы ведь сами говорили, мистер Бертон, что киты доверчивы, а у меня просто не хватает духу вонзить копьё в пузо тому, кто готов приветливо протянуть мне плавник.

Все рассмеялись.

— Разве у них есть плавники? — поинтересовался Джек. — Я хочу сказать, они же млекопитающие!

— Ты должен как-нибудь сам приехать и посмотреть, молодой человек! Может быть, сможешь мне перегнать овец, если мы с твоей матерью сумеем завтра договориться. — Бертон с довольной улыбкой поднял бокал в сторону Гвинеи. Судя по всему, он не сомневался, что они придут к согласию.

И действительно, на следующий день они поднимали бокалы за успешное приобретение хорошей отары, и Бертон повторил свое приглашение. Джек и его друг Маата помогли собрать овец, и обращение мальчика со сторожевыми собаками тоже пришлось Бертому по вкусу. Он тут же приобрел еще двух бордер-колли и заявил, что ему срочно нужна помощь, чтобы устроить их на новом месте. При этом он весело подмигивал Джеку. И мальчика было не удержать.

— Ну, мам, мне ведь можно поехать, правда? Папа? И Маата тоже

поедет. Вот это будет приключение... подождите, мы еще привезем китенка и выпустим его в наше озеро!

— Мама китенка будет в восторге, — заметила Гвин. — Равно как и я. Ты должен учиться, Джек, ты не можешь просто взять и устроить себе каникулы.

Мисс Уитерспун, которая до этого больше молчала, серьезно закивала.

— Нам нужно скоро начинать учить французский, Джек, если ты хочешь сдать экзамены в Крайстчерче.

— Ох! — возмутился Джек. — Да меня не будет самое большее две недели, правда, мистер Бертон?

— Но ты должен был начать учить французский еще полгода назад, — возразила Гвинейра.

Она понимала нежелание Джека учить язык. Ее французская гувернантка в детстве доводила ее до безумия. Однако у дамы оказалась аллергия на собак, и юная Гвин этим пользовалась. К сожалению, однажды она рассказала эту историю Джеку. Поэтому мальчик прекрасно знал, что на самом деле ей вовсе не хочется заставлять его учиться.

И тут он неожиданно получил поддержку со стороны отца.

— Во время путешествия в Бленем он выучит больше, чем могла бы научить его мисс Хизер за полгода, — проворчал Джеймс.

Хизер хотела возмутиться, но он жестом заставил ее замолчать.

— Побережье, леса, киты — все это нужно хотя бы раз увидеть. Тогда появятся вопросы, а ответы уже найдутся в книгах. Вы же, милая мисс Хизер, можете воспользоваться этим временем, чтобы найти ответы и начать передавать эти знания детям маори. Им тоже нравится читать что-то еще, кроме Библии и «Сары Кру». Про китов они хотя бы понимают...

— Ура, мне разрешили, мне разрешили! Это будет здорово, мистер Бертон! Мам, пап, можно я быстренько в деревню смотаюсь, скажу Мааке? Мы увидим китов!..

Гвинейра улыбнулась, когда взволнованный мальчик выбежал из гостиной, чтобы обрадовать друга неожиданным известием. Никто не сомневался в том, что родители разрешат Мааке поехать. Маори были прирожденными кочевниками; они порадуются за мальчика.

— Но вы, мистер Бертон, будете отвечать за то, что эти двое оставят этих животных там, где им полагается быть! Я привыкла к Вете в игровой комнате, но не собираюсь привыкать к киту в пруду!

Кроме двух мальчиков, сопровождать овец собирались Энди Мак-Эрон и Покер Ливингстон. Покер с радостью ухватился за возможность

развеяться; спокойная жизнь с подругой начинала надоедать ему. При этом нужно было поскорее собраться, поскольку мистер Бертон уже назначил время отъезда.

— Таким образом вы сэкономите одного погонщика, мисс Гвин, а я сразу же начну учиться обращаться с собаками.

Гвин не стала ему говорить, что Энди и Покер без труда справились бы с перегоном, имея в помощниках двух собак, — а Джеймс и вообще сам и с одной собакой. Но она не хотела омрачать ни его радости, ни радости мальчишек.

При этом Джека мучило лишь одно: что будет делать без него Глория?

— Когда меня нет, никто не слышит, как она ночью плачет, — сказал он. — Она уже почти и не плачет, но нельзя же быть уверенным...

Гвинейра бросила на Уильяма укоризненный взгляд. Вообще-то, это его забота, особенно сейчас, и он должен был заверить всех, что, конечно же, присмотрит за малышкой. Но Уильям молчал.

— Я заберу ее к нам, — успокоила сына Гвинейра.

— Может быть, наша мисс Уитерспун могла бы немного позаботиться о будущей ученице, — подколот гувернантку Джеймс.

После того как он сделал замечание относительно бесполезности ее занятий с Джеком, между ним и учительницей началась открытая война.

Хизер не удостоила его и взглядом.

— Как бы там ни было, ничего с Глорией не случится, — произнесла Гвин. — Хотя она, без сомнений, будет по тебе скучать, Джек. Возможно, ты привезешь ей фотографию кита, а потом нарисуешь во дворе, какой он большой.

Джеймс пребывал в наилучшем расположении духа, когда всадники наконец уехали, но Гвинейру, в отличие от него, не оставляло дурное настроение. Она начинала скучать по сыну, стоило ему переступить порог, и сейчас дом без него, казалось, стал совершенно безжизненным. За ужином не хватало веселой болтовни Джека, его маленькой собачки, которая постоянно ходила за ним по пятам. Ужин прошел в более натянутой обстановке, чем обычно, поскольку отношения между Джеймсом и Хизер приобрели очевидную холодность, да и Уильям не вносил особой лепты в разговор. Джеймс, чувствуя депрессивное настроение Гвин, выбрал хорошую бутылку вина и предложил жене пойти в спальню.

Гвинейра одарила его первой улыбкой за день, но тут ее отвлек молодой погонщик скота, который ухаживал за одной из лошадей в конюшне. В обычной ситуации он поднял бы Энди, но в его отсутствие

предпочел не рисковать и обратился напрямую к миссис МакКензи. Джеймс и Гвин пошли вдвоем, чтобы посмотреть, все ли в порядке с кобылой.

Хизер Уитерспун воспользовалась возможностью и стянула из обычно закрытого шкафа бутылку вина.

— Идем, Уильям, хоть нам будет хорошо! — позвала она любовника, который какое-то время размышлял над тем, не нарушит ли он семейную идиллию МакКензи, если присоединится к ним. С другой стороны, он не был специалистом по болезням лошадей — да и без того провел на улице целый день, когда там всюду поливал дождь. С него хватит.

Он слегка удивился, когда Хизер вопреки обыкновению не позвала его к себе в комнату, а уверенно направилась в комнаты, где он жил с Курой.

— Я с самого начала хотела спать в этой постели! — довольно заявила она, ставя вино на ночной столик. — Ты помнишь, как мы выбирали ее? Думаю, именно тогда я в тебя и влюбилась. У нас был одинаковый вкус, одинаковые предпочтения... в принципе, это наши комнаты, Уильям. Мы должны наконец жить в них вместе.

Все это Уильяму не нравилось. Во-первых, у него были вполне конкретные воспоминания об этой постели, но они мучили его меньше, чем мысли о наслаждении, которое доставляла ему Кура. Ему казалось, что если он будет спать с Хизер в этой постели, то осквернит ее. Хуже того, у него возникло ощущение, что он окончательно рвет таким образом со своим браком. До сих пор он оправдывал свои отношения с Хизер тем, что Кура ушла. Но теперь... теперь ему казалось неправильным вторгаться в их личные комнаты.

Но Хизер только рассмеялась и открыла вино.

— Здесь что, нет бокалов? — недоверчиво спросила она. — Неужели вам двоим никогда... — она захихикала, — не требовалось немного подбодрить друг друга?

Уильям мог бы ответить, что ему и в голову никогда не приходило помочь Куре расслабиться с помощью вина. Но потом он просто послушно принес бокалы. Какой прок в том, чтобы злить Хизер?

Как бы там ни было, он предпринял еще одну попытку к отступлению.

— Хизер, нам действительно не следует здесь... я хочу сказать, вдруг кто-то придет...

— Не будь трусом! — Хизер протянула ему бокал и сама сделала глоток. Вино было восхитительным. — Кто может прийти? Миссис Гвин и мистер Джеймс в конюшне, а Джек уехал...

— Ребенок может заплакать, — заметил Уильям. Впрочем, в этой

части дома он никогда не слышал детского плача.

— Ребенок спит у миссис Гвин. Я сама слышала, как она сказала, что заберет девочку к себе. Так что оставь эти глупости, Уилл, и иди в постельку!

Хизер разделась, что, впрочем, ей не нравилось делать при свете. Обычно в своей комнате она зажигала свечи, когда они любили друг друга, и Уильяму это было только на руку, потому что, лаская тело Хизер, он по-прежнему представлял себе Куру. Но здесь она оставила горящими газовые лампы, не в силах нагладеться на комнаты, которые сама же и обставила.

Уильям не знал, что еще сказать. Он сделал большой глоток, отпив вина из своего бокала. Может быть, оно поможет ему забыть о том, что в этой комнате — тень Куры.

У лошади в конюшне оказались колики, и Гвинейра с Джеймсом долгое время пытались влить ей в рот слабительное, массировали живот, выводили ее во двор, чтобы стимулировать деятельность кишечника. Прошло больше часа — худшее было уже позади, — когда Гвинейру вдруг бросило в жар: она вспомнила, что никто в доме не заботится о Глории. Обычно можно было полностью положиться на Джека, но ни Уильям, ни мисс Хизер наверняка даже не подумают о том, чтобы присмотреть за ребенком, а Моана с Кири уже ушли, еще до того, как МакКензи позвали на конюшню.

Гвин оставила Джеймса с молодым работником продолжать заниматься кобылой, а сама пошла к Глории. Малышке был уже почти год, и чаще всего она спала всю ночь, не просыпаясь, но, может быть, она уже скучает за Джеком и поэтому ведет себя беспокойно. Когда Гвинейра подошла к ее кровати, она действительно не спала, но и не кричала, а что-то лепетала, словно беседовала сама с собой. Гвинейра рассмеялась и взяла ее на руки.

— Ну, что ты там рассказываешь своей куколке? — приветливо спросила она, протягивая Глории игрушку. — Безумные истории про рыбку-кита, которая слопала нашего Джека?

Она прижала малышку к себе, радуясь теплу и запаху ее тельца. Глория была веселым ребенком и проблем не доставляла. Гвин помнила, что Кура плакала гораздо чаще, хотя Марама постоянно таскала ее за собой, в то время как Глория чаще бывала одна. Кура всегда была очень требовательной. И уже в детстве необычайно красивой. Глория не унаследовала красоты матери; малышка была миленькой, но не настолько потрясающей, как Кура в этом возрасте. У Глории были фарфорово-

голубые глаза, и уже можно было с уверенностью утверждать, что этот цвет у нее и останется. Однако ее реденькие волосики еще не приобрели свой окончательный оттенок, и никто не мог сказать, то ли они будут светлорусыми, то ли светло-каштановыми. Рыжина отсутствовала, и волосы были не такими ровными и сильными, как у Куры еще в детстве, а волнистыми, пушистыми и мягкими. Черты лица тоже были не настолько экзотичными, как у матери, в них угадывалось некоторое сходство с Полом и Джеральдом Уорденом. Ее волевой подбородок был явным наследием Уорденов, в остальном же черты лица казались гораздо мягче, чем у деда; в них больше проявлялся Уильям.

— Для нас ты достаточно красива! — прошептала Гвин на ухо правнучке, мягко качая ее на руках. — А теперь идем со мной, возьмем твою корзинку, и ты сегодня поспишь у бабули Гвин...

Она вынесла ребенка из комнаты и пересекла темный коридор. При этом она не могла не заметить света, пробивавшегося из-под двери комнаты Куры.

Гвинейра нахмурилась. Очевидно, Уильям уже поднялся наверх, по крайней мере в салоне она никого не видела. Но что он делает в комнатах Куры? Освежает воспоминания? Его собственная комната находилась в другом конце коридора.

Женщина обругала себя за неумное любопытство и уже хотела уйти, когда ей показалось, что из комнаты слышатся шепот и смешки. Уильям? Внезапно Гвинейра вспомнила о подозрениях Джеймса относительно Хизер Уитерспун. До сих пор она считала его подозрения абсурдными, но сейчас...

Она обязана была выяснить. Кто бы ни развлекался в личных комнатах Куры, права на это он не имел. В конце концов, это ее дом.

Гвинейра поставила корзинку и, держа Глорию на руках, распахнула дверь. Теперь она отчетливо слышала голоса и стоны. В спальне...

Глория заплакала, когда прабабушка открыла дверь и малышку внезапно залило ярким светом, но сейчас Гвин на мгновение забыла о ней. Женщина в недоумении смотрела на Уильяма и Хизер, лежавших в постели Куры.

Хизер замерла. Уильям поспешно сполз с нее, пытаясь прикрыть наготу.

— Мисс Гвин, это не то, что вы думаете...

Гвинейра едва не расхохоталась. Хотела уже было отпустить саркастическое замечание, но ярость пересилила все.

— Спасибо, мне не нужны объяснения! Я только что все поняла!

Поэтому Кура ушла, Уильям? Она заметила, что происходит?

— Мисс Гвин, Кура... — Уильям не мог подобрать слов, чтобы оправдаться. Как ему сказать Гвин, что Кура не подпускала его к себе. — Она... Она не хотела...

Гвинеира холодно смотрела на него.

— Избавьте меня от этого. Я все видела и теперь не понимаю, почему не замечала этого раньше. С Илейн было то же самое, не так ли, Уильям? Вы обманули ее с Курой, а теперь обманываете Куру с этой... Итак, собирайте свои вещи, Уильям! И вы, мисс Уитерспун! Немедленно! Вас я тоже больше не хочу видеть в этом доме!

— Как? — озадаченно спросил Уильям.

— А вот так! Вы тотчас уберетесь отсюда. И не смейте даже заикаться по поводу дочери. Ни один судья не присудит ее прелюбодею! — Гвинеира принялась качать ребенка, и Глория тут же успокоилась. Малышка с любопытством глядела на отца и мисс Уитерспун. — Довольно того, что ей пришлось увидеть это.

— Но я люблю Куру... — прошептал Уильям.

Гвинеира закатила глаза.

— Тогда у вас весьма странная манера проявлять любовь. Меня не интересует, кого вы там сейчас любите. Если вы считаете, что это вам поможет, отправляйтесь к своей жене и просите у нее прощения. Но у меня вы больше не останетесь, не будете пить мое виски и соблазнять прислугу. Убирайтесь из этой комнаты! И завтра утром вы должны покинуть Киворд-Стейшн!

— Вы ведь не можете...

— Еще как могу!

Гвинеира с каменным выражением лица дождалась, пока Уильям и Хизер оденутся. Она даже не отвернулась, когда оба они выбирались из постели, искали свои вещи. Затем погасила свет и заперла дверь комнаты Куры.

— Завтра утром чтобы вас тут не было! — повторила она. — Вашу зарплату я оставлю на столе в салоне, мисс Уитерспун. Я спущусь к завтраку около девяти. И видеть вас не желаю. Обоих!

С этими словами она развернулась и пошла прочь, оставив униженную пару наедине. Сейчас Гвинеире нужно было зайти в кабинет и подсчитать зарплату для Хизер. А потом ей нужно выпить виски!

Джеймс вернулся из конюшни усталый и продрогший, когда Гвин как раз наливала себе бокал. Глория спала в углу дивана с пальцем во рту.

Джеймс вопрошающе посмотрел на жену.

— Ты успокаиваешь ребенка водкой? — с ухмылкой произнес он.

Гвинейра тоже налила ему бокал и повернула к нему бледное лицо.

— Скорее успокаиваю себя. Вот, возьми, тебе сейчас тоже понадобится!

Хизер Уитерспун, невыспавшаяся и бледная, ждала Уильяма у конюшен. Он пришел около шести утра с упакованными седельными сумками и бросил удивленный взгляд на молодую женщину и ее багаж.

— Что ты здесь делаешь? — неприветливо поинтересовался он. — Разве не лучше было бы поставить все это на дорогу к Холдону? Там наверняка кто-нибудь будет ехать, и, если повезет, тебя подвезут до самого Крайстчерча.

Хизер недоуменно посмотрела на него.

— Мы... мы разве уезжаем не вместе?

Уильям нахмурил лоб.

— Вместе? Не будь душой, как моя лошадь должна тащить все эти вещи?

В глазах Хизер заблестели слезы.

— Ты мог бы попросить карету. Мы...

Уильям почувствовал, как в нем закипает гнев.

— Хизер, нет никаких «мы»! Я все время пытался донести это до тебя, но, похоже, ты не хотела меня слушать. Я женат, и я люблю свою жену...

— Она бросила тебя! — крикнула Хизер.

— Я должен был сразу же ехать за ней. Конечно, у нас были разногласия, но эта история с нами... это было ошибкой. Не стоит усугублять ее еще сильнее. Давай, я помогу тебе донести вещи до дороги. — Уильям поставил седельные сумки и потянулся к ее чемодану.

Хизер бросила на него гневный взгляд.

— Я и сама справлюсь, ты... — Хизер хотелось ругаться, кричать, проклинать, но ей с самого детства вбивали в голову, что даме такого делать нельзя, поэтому теперь она не могла даже подобрать слова, чтобы дать волю своей ярости.

Хизер убеждала себя, что таким образом хотя бы сохранит свое достоинство. Она прокусила губу, но плакать не стала и потащила свои вещи к дороге.

— Удачи, Уильям, — выдавила она из себя. — Надеюсь, ты найдешь свою Куру и будешь с ней счастлив!

Уильям ничего не ответил. Когда спустя полчаса он доскакал до

развилки дороги, ведущей в Холдон и Крайстчерч, Хизер и след простыл.

Глава 4

В последующие месяцы Уильям узнал много чего об овцах, крупном рогатом скоте, золотодобыче и, в первую очередь, о себе самом.

Поиски работы, которая бы подошла ему и принесла достаточно денег, чтобы хватало на жизнь, заставили молодого человека побродить по всему Южному острову и даже едва не вывели за его пределы. Потому что сначала он действительно хотел найти Куру. Однако труппа оперных певцов уже давно была в Австралии, а Уильяму не хватало денег на дорогу; к тому же у него не было точного плана турне, и, вполне возможно, он никогда не нашел бы Куру в этой огромной стране. Он утешал себя мыслью о том, что когда-нибудь певцы вернуться. Джордж Гринвуд получил особые условия для переезда артистов из Крайстчерча в Лондон, поэтому город на Южном острове стал начальной и конечной точкой турне ансамбля. Кроме того, певцы должны были посетить еще некоторые города на Южном острове. Поэтому Уильяму нужно было продержаться всего лишь пару недель.

Впрочем, это оказалось не так просто, поскольку гордость не позволяла ему искать работу в окрестностях Киворд-Стейшн. До сих пор «овечьи бароны» видели в нем равного. Даже подумать страшно, чтобы проситься к ним в качестве погонщика скота! Поэтому он направил своего коня для начала в сторону Отаго, к фермам, расположенным в районе земли МакКензи. Работа здесь была всегда, но Уильям нигде не задерживался надолго. Все оказалось так, как было и в Киворд-Стейшн: к непосредственному общению с животными у него не лежала душа, а управляли фермами сами хозяева или доверяли работникам, которые прослужили у них уже долгое время. Кроме того, Уильяму не нравились пристанища для животноводов; он терпеть не мог ночевки под открытым небом, а грубые шутки мужчин, которые часто подшучивали непосредственно над ним, он воспринимал скорее как обиду, чем как развлечение.

Он кочевал от фермы к ферме и даже забрел в Лайонел-Стейшн, где узнал подробности трагедии, происшедшей с Илейн. Со временем он начал глубоко сожалеть о том, что с ней случилось. Он знал, что Джеймс МакКензи и наверняка остальные члены семьи виновником поспешного замужества Илейн считают именно его, ведь она так и не сумела оправиться от влюбленности в него. Кроме того, он давно уже пришел к

выводу, что Илейн была бы для него гораздо лучшей партией. Работа в магазине «О'Кей» давалась ему гораздо лучше, чем помощь в Киворд-Стейшн, а Илейн хотя и не была такой волнующей, как Кура, зато гораздо более предсказуемой и намного мягче, чем его жена.

Впрочем, его сердце уже снова начинало биться быстрее, когда он предавался размышлениям, в которых главную роль играла Кура. Проклятье, он действительно любил ее и любит до сих пор! И он готов был смириться со всем, даже с трудностями, с которыми столкнулся на ферме, лишь бы она осталась с ним. Почему она не может довольствоваться тем, что есть?

Но, как бы там ни было, Илейн тоже не смогла. Уильяму Джон Сайдблоссом показался отвратительным, но Лайонел-Стейшн, его поместье, было действительно красивым. И ведь Илейн всегда мечтала о том, чтобы жить на ферме.

Долго в Лайонел-Стейшн Уильям не задержался. Атмосфера была мрачной, Джон платил плохо — и неудивительно, ведь он сам обеспечивал нескончаемый приток дешевой рабочей силы. Проницательный Уильям сразу заметил сходство работников-маори с хозяином фермы. Зато с законными детьми мужчине не везло. Первый ребенок Зои Сайдблоссом умер при родах, и недавно у нее случился очередной выкидыш.

Уильям поехал дальше, к старателям под Эрроутаун, но ему снова не повезло. Охота на тюленей тоже скорее отталкивала его, чем притягивала. Кроме того, эта охота была делом довольно-таки тяжелым. Животные давно уже перестали сотнями лежать на берегу в ожидании охотника, сделались пугливее. Уильям попытался подрядиться помощником к гробовщику, но эта работа показалась ему слишком мрачной. При этом столяр оказался первым человеком, который пожалел об уходе Уильяма: с тех пор как Уильям стал консультировать клиентов, они платили гораздо больше денег за красивые и дорогие гробы.

Наконец его занесло в Уэстпорт, где он, опять же, надеялся встретиться с Курой. В Киворд-Стейшн поговаривали, что Западное побережье будет одной из последних остановок на пути трупы. Впрочем, Уильям не увидел и не услышал ничего об оперном ансамбле. Зато здесь требовались рабочие для угольных рудников. Судя по всему, эта работа оплачивалась хорошо, но Уильям боялся тяжелого труда в шахте. По его мнению, горняком нужно было родиться. Поэтому он направился со своим старательским оборудованием на берег Буллер-ривер. Наконец ему немного повезло: всего за один день он выудил из ручья песчинку долларов на тридцать. Половину забрал себе владелец участка; сам Уильям участка не

застолбил. Однако пятнадцать долларов должно было хватить на то, чтобы пару дней пожить в отеле, попить хорошего виски и сходить в баню. Поэтому Уильям отправился в довольно приличный паб, сдававший комнаты внаем, и для начала заказал выпить. Пока хозяин наполнял его бокал, он обвел взглядом зал — и сильно удивился.

В зале, вопреки обыкновению, были не только посетители, которые пили виски в одиночестве или небольшими группами, играли в карты или дартс. В центре находился мужчина, который поставил на стол маленькую машинку и работал за ней. Он приводил в движение стрекочущую штурковину с помощью ручки, расположенной сбоку, и при этом что-то рассказывал. Еще более удивительной была его публика. Вокруг мужчины с машинкой собралась целая компания взволнованно переговаривающихся между собой женщин и девушек. Судя по всему, это были почтенные дамы; одетые в простые скромные платья, дамы смотрели не только на машинку, но и на своих дочерей, которые, вероятно, впервые в жизни вошли в паб. При этом девушки нисколько не интересовались обстановкой забегаловки или немногими одинокими пьянчугами, сидевшими по углам. Они смотрели только на статного молодого человека, который, судя по всему, объяснял им тонкости работы своей машинки.

— Видите, там, где умелая швея делает пятьдесят стежков, это маленькое чудо сделает триста. Под руками любой женщины! Хотите попробовать?

Мужчина обвел женщин взглядом, и девушки стали тянуть руки, словно класс прилежных учениц. Наконец он выбрал маленькую красивую блондинку. Та тут же покраснела.

— Это действительно необходимо? — принялась манерничать она.

Молодой человек с улыбкой провел рукой по своим темным волнистым волосам.

— Ну конечно, миледи! Вы не можете сломать эту машинку, напротив: под столь прекрасными руками она тут же примет чудесную форму!

Польщенная девушка села за машинку и принялась крутить ручку. Однако у нее не очень получилось, и малышка испуганно вскрикнула, когда что-то пошло не так.

— О, ничего страшного, миледи. Поначалу бывает, что нитка рвется. Но мы это быстро исправим... вот смотрите, мы вденем нитку сюда... и сюда, и сюда, а потом снова в иголку... это очень просто! А теперь можете попробовать еще раз. Но ткань не держите, легко, без напряжения ведите. Мягко, это должно у вас получиться...

Когда девушка предприняла новую попытку, Уильям с бокалом в руке

подошел поближе. Он был выше большинства женщин и без труда мог смотреть поверх их голов. Маленькая машинка слегка напоминала крупное насекомое, плотоядно склонившееся над добычей и то и дело вонзавшее в нее зубы. «Добыча» оказалась двумя кусками ткани, а зубы — иглой, которая молниеносно опускалась на ткань и соединяла два куска ткани красивым швом. Впрочем, у этой швеи пока что получалось не очень.

— А ну-ка, дай я! — вмешалась женщина постарше, и малышка уступила ей место. Женщина принялась более спокойно вращать ручку, иголка замедлила свой танец — но на этот раз шов получился ровнее. Мужчина едва сумел удержать себя в руках от восторга.

— Вот видите! У вас просто природный талант, милостивая госпожа! Пару дней потренируетесь — и вы сошьете свое первое платье! Прекрасно!

Женщина кивнула.

— Действительно маленькое чудо. Но сотня долларов — это большие деньги...

— Да что там, милостивая госпожа. Нельзя так считать! Конечно, на первый взгляд расходы кажутся огромными. Но подумайте, сколько вы сэкономите! С этой машинкой вы будете шить всей семье. Будете шить шторы, постельное белье... да и старое можно легко украсить, чтобы оно приобрело новый вид. Вы только посмотрите!

Мужчина снова занял место за машинкой, взял из стопки заготовленных заранее тканей детскую рубашку и кружева. Положил кружева и рубашечку под иглу машинки. Игла застучала, и через несколько секунд кружево к воротничку маленькой детской рубашечки было пришито. Женщины отреагировали на это удивленными возгласами.

— Почти как новенькая! — ликовал мужчина. — А вы подумайте, сколько стоит рубашка с кружевом. Нет, нет, швейная машинка не дорогая, ее стоимость окупается в кратчайшие сроки! Многие из моих клиенток даже устроили из приобретения небольшой бизнес и вскоре стали шить платья подругам и соседкам. Кроме того, оплачивать всю сумму сразу необязательно! Моя фирма предлагает вам купить машинку в рассрочку. Сейчас заплатите кое-что, а потом каждый месяц по паре долларов...

Торговец разливался соловьем, пока все женщины и девушки не возжелали срочно испытать машинку. Продавец терпеливо, одну за другой подпускал их к машинке, для каждой у него нашлось льстивое или восхищенное слово. Он смеялся над мелкими неудачами, самый крохотный успех превозносил до небес. Уильям слушал его и развлекался.

Наконец три женщины подписали заказ на машинки. Две другие

заявили, что им необходимо посоветоваться с супругами.

Когда вся компания разошлась, мужчина казался в высшей степени довольным. Уильям подошел к нему, когда тот собирал свои ткани и машинку.

— Это просто потрясающий прибор! — заметил он. — Как он называется?

— Швейная машинка, — ответил мужчина. — Некий мистер Зингер изобрел ее сорок лет назад. То есть... не изобрел, а вывел на рынок. По общедоступной цене. Даже в рассрочку, если дамы пожелают. Шейте сейчас, платите позже. Гениально!

С этим Уильяму оставалось только согласиться.

— То есть вы их не сами делаете? Кстати, я могу угостить вас выпивкой, мистер...

— Карл Латимер, к вашим услугам. И я с удовольствием возьму виски.

Латимер отодвинул свою тщательно упакованную машинку в сторону, давая Уильяму возможность сесть за стол и поставить бутылку виски. И только потом стал отвечать на его вопросы.

— Конечно, машинки я делаю не сам. Никто не стал бы этим заниматься за сотню долларов. Довольно трудная задача. Только представьте, сколько это патентов! С одной стороны, изобретатели до сих пор спорят по поводу того, кто у кого какую идею украл. Но меня все это не касается. Я торговый представитель. Я просто привожу эти штуки людям... лучше всего прямо женщинам, конечно.

Уильям налил ему еще.

— Торговый представитель?

— Это вроде продавца Библии, — рассмеялся Латимер. — Раньше я действительно занимался этим, но это было далеко не так интересно и прибыльно. Но в целом принцип тот же. Ходишь от дома к дому и объясняешь людям, что покупка этого товара неизбежно приведет к вечному блаженству. В городах, впрочем, от брожения от дома к дому можно отказаться. Люди сами приходят на демонстрации этого маленького чуда. Но чаще всего я путешествую от фермы к ферме и устраиваю женщинам приватные демонстрации.

— Но продаете вы немного, не так ли? — поинтересовался Уильям.

Латимер кивнул.

— Верно, но зато не нужно платить за еду и отель. Дамы с радостью предлагают мне остановиться в комнате для гостей — и не поверите, насколько часто находится миленькая дочь или служаночка, которая скрасит ночь! И сбыт совсем не так уж плох. Просто нужно правильно

выбирать фермы. На маленьких часто не хватает денег, но там работает идея рассрочки. Если женщина надеется еще немного подзаработать с помощью машинки, то она сразу же приходит в восторг. А на крупных фермах денег куры не клюют, зато женщинам скучно в глуши. Тогда я всегда показываю французские журналы мод и забрасываю в качестве наживки идею о том, что можно сшить себе такие же наряды. Так что не хочу хвастаться, но две из трех дам обычно мои. Все дело в том, чтобы убедить их!

Уильям кивнул, и в ушах у него снова зазвучал голос банкира из Квинстауна: «Почему бы вам не заняться тем, к чему на самом деле лежит душа?»

— Скажите... — Уильям поднял бокал. — А как стать торговым представителем? Для этого нужно образование? Стартовый капитал? Где вы вообще научились обращаться с этой машинкой?

Свой стартовый капитал Уильям заработал у обрадовавшегося гробовщика, где продолжил оттачивать свое умение продавать. Демонстрационный прибор представитель должен был приобрести сам; кроме того, перевозить его на лошади было нельзя, для этого требовалась легкая повозка.

Но уже вскоре после подачи заявки в фирму, где работал Латимер, он получил приглашение на обучающие курсы в Бленеме. Уильям познакомился с принципом работы машинки, научился разбирать и снова собирать ее и в случае необходимости делать мелкий ремонт. Конечно же, будущие представители — все без исключения молодые, красивые и обаятельные мужчины — учились делать идеально ровную строчку, быстро шить одежду и украшать ее.

— Просто шить недостаточно! Вы должны смутить женщин, привести их в восторг — и тут ничего не может быть лучше детского платьица, которое вы сумеете сшить за несколько минут! — пояснял учитель, но Уильям слушал его вполуха. Он сможет убедить своих клиенток. Говорить красиво он всегда умел. Как называла Илейн это искусство? *Вайкореро*?

Уильям наконец нашел то, что у него получалось лучше, чем у других.

Кура всегда подозревала, что обладает более сильным и красивым голосом, чем у других. Теперь ее убежденность в том, что она — одаренная певица, росла день ото дня. Хотя Родерик прекратил давать ей уроки — несмотря на все ее старания и успехи, в какой-то момент он потерял интерес и теперь предпочитал брать ее с собой на осмотр

достопримечательностей городов, куда они приезжали с гастрольями, — она без труда затмевала остальных певцов. Благодаря тому, что ее научили правильно владеть голосом, девушке лучше удавались низкие и высокие ноты. Теперь диапазон ее голоса составлял уже почти три октавы. Она могла держать звук дольше и не испытывала необходимости в том, чтобы петь громче, чем указано в партитуре. Даже в самой слабой постановке, в квартете «Трубадура», в котором остальные певцы просто кричали друг на друга, ее Азучена не терялась. Сильный голос Куры пробивался без усилий, на нормальной громкости, и она не казалась при этом напряженной, у нее даже было время на то, чтобы играть свою роль. Каждый вечер публика аплодировала ей стоя, и она чувствовала себя все более уверенно. Кура была исполнена решимости ехать с ансамблем обратно в Англию. И очень удивилась, когда Бригитта поведала ей, что после турне труппа будет распущена.

— Нас ангажировали только для турне по Новой Зеландии и Австралии, — сказала танцовщица, снова вернувшаяся в форму. В этом отношении Кура ее даже почти зауважала. Бригитта столь же отчаянно занималась возле спинки стула, своего импровизированного балетного станка, как Кура пела.

— Ты ведь не думаешь, что нас кто-то хочет видеть в Европе! Певцы — один сплошной кошмар, хоть это видит только Сабина. Она уже хочет бросить карьеру и начать давать уроки пения. А танцоры... двое-трое ребят хороши, но большинство девушек просто смазливый. Вероятнее всего, наш Родди отбирал их только ради внешности. Настоящий импресарио подходит к таким вопросам более критически. Его не интересует, как ты улыбаешься. Ему важно лишь одно: как ты танцуешь.

«Или поешь», — вдруг с испугом подумала Кура. Но она твердо верила в то, что сумеет пробиться и в Лондоне, поскольку будет не одна, Родерик поможет ей. У него в Англии наверняка есть связи, и, возможно, сразу же соберется новая труппа для нового турне...

Поэтому Кура пребывала в наилучшем расположении духа, когда они наконец покинули Австралию и приплыли в Веллингтон. Оттуда они вернулись на Южный остров; паром привез их в Бленем. Кура понятия не имела, что как раз в тот момент, когда певцы ступили на землю и стали готовиться к отплытию в Крайстчерч, Уильям сидел в большом фабричном цехе на окраине города и осваивал премудрости работы с ручной швейной машинкой. Впрочем, она знала, что его уже нет в Киворд-Стейшн. Она время от времени писала Гвинейре и тоже иногда получала письма от нее,

если труппа задерживалась в одном городе или если Джордж Гринвуд решал озаботиться почтой. Впрочем, о точных обстоятельствах ухода Уильяма ей не говорили. Гвин лишь написала, что мисс Уитерспун с фермы тоже ушла.

У Джека теперь новый домашний учитель, очень симпатичный студент из Крайтчерча. Он приезжает только по выходным, но ему действительно удастся привести Джека и Маату в восторг от «Галльской войны», что бы это ни было. А с детьми маори сейчас занимается Дженни Гринвуд! Вроде бы она собирается сдать экзамен на учительницу, но если тебе интересно мое мнение, то, как мне кажется, она подрядилась работать здесь только потому, что летом к нам в гости собирается Стивен О'Киф. Ты наверняка помнишь, как эти двое ворковали на твоей свадьбе.

Кура не помнила этого, к тому же ей было все равно: мисс Уитерспун уже ничему больше не могла ее научить. А Уильям... днем у нее не было времени думать о нем, однако ночью она все еще тосковала, даже тогда, когда спала с Родериком. Впрочем, в последнее время это случалось все реже. Кура постепенно теряла интерес к старшему и скучному любовнику. Она больше не относилась к Барристеру с таким благоговением, как это было поначалу; она уже достаточно приобрела опыта, чтобы видеть слабости его певческого искусства и понимать, что особого таланта у него нет. В качестве учителя он был далеко не так хорош, как казалось ей, когда они познакомились. Однажды, случайно подслушав урок пения, который давала Сабина Бригитте, Кура поняла, что та объясняет гораздо лучше. Однако она по-прежнему не отказывала Барристеру, когда он хотел быть с ней. Как бы там ни было, она все еще нуждалась в нем, он был ее билетом в Лондон!

Родерик Барристер всерьез размышлял о том, чтобы взять Куру с собой в Англию. У девушки был необыкновенный талант, и, кроме того, она доставляла радость в постели. Впрочем, в качестве партнерши на сцене она уже не годилась. Несмотря на то что ее потенциал был далеко не исчерпан, она многократно превосходила его. Публика в Австралии боготворила Куру, она намного чаще выходила на сцену под аплодисменты, и с этим Родерик мог жить. В Лондоне же, вне всяких сомнений, его освистают; на этот счет он иллюзий не питал. Если он возьмет с собой Куру в Англию, свое будущее ему придется строить с ней. Он может остаться ее учителем и импресарио. Родерик полагал, что сумеет привязать ее к себе настолько, что без его совета она не примет ни одного ангажемента и не подпишет ни

одного контракта на запись пластинки. Как бы там ни было, девушке всего восемнадцать; ей нужен старший друг, который будет направлять ее и выторговывать хорошие договоры. Это может принести приличные деньги, возможно, даже больше, чем когда-либо смог бы заработать пением сам Родерик. В принципе, все свидетельствовало в пользу этого — если бы только не его страстное, непреодолимое желание стоять на сцене!

Родерик любил сцену. Ему нравилось чувствовать предвкушение, когда поднимается занавес, тишину в зале за миг до того, как зазвучит музыка, и аплодисменты — в первую очередь аплодисменты! Если сейчас он выберет Куру, ему уже никогда не испытать этого. По крайней мере напрямую; конечно, он еще мог бы стоять за кулисами и переживать успех выступлений Куры. Но ведь это не одно и то же! Это была бы жизнь из вторых рук, выступление во втором ряду. И если быть до конца честным, Родерик понимал, что не готов к этому. Вот если бы Кура встретила его лет на пять позже. Но пока еще у него была красивая внешность, которая всегда помогала ему получить ангажемент. Возможно, будет новый контракт такого рода, нужно просто искать. Возможно, ему посчастливится вскоре поехать в Индию или Африку!

Стоя на сцене, Родерик забывал о своих размышлениях и планах. Аплодисменты были лучше и удовлетворяли сильнее, чем все остальное, даже секс. И чем больше он отставал в пении от Куры, тем быстрее уходила его любовь к юной женщине. Если это вообще была любовь, а не обычная страсть.

Когда завершилось последнее выступление, он окончательно понял, что не возьмет Куру. Пусть делает карьеру в Новой Зеландии! У нее наверняка получится. И если когда-нибудь потом она приедет в Лондон, возможно, он даст ей еще один шанс.

Главное — не рассердить ее, когда он скажет ей об этом. А говорить об этом лучше позже.

Гвинеира пришла на прощальный концерт в Крайстчерче вместе с Марамой, матерью Куры. В принципе, она хотела взять с собой Джеймса, Джека и, в первую очередь, маленькую Глорию. Марама непременно хотела снова свести мать и дитя. Однако Джеймс категорически отказался платить за пение Куры, а Джек ни в коем случае не хотел подвергать Глорию ее влиянию.

— Может быть, она начнет плакать, когда Кура запоет, — заявил мальчик. — Но мы уже давно этого не пробовали. Может быть, на этот раз она промолчит, а потом Кура решит, что у нее талант. Никогда не знаешь,

что ей в голову взбредет. Что мы будем делать, если она вдруг захочет взять Глорию с собой в Англию?

— Но ведь она ее мать... — слабо возразила Гвин.

Джеймс недовольно покачал головой.

— Джек прав, я согласен с ним. Кура никогда не заботилась о ребенке. Но теперь Глория подросла и стала такая хорошенькая... А Кура... мало ли что придет ей на ум... Лучше не рискуй. Если Кура захочет увидеть дочку, пусть приезжает в Киворд-Стейшн. Корабль в Англию уходит не завтра.

Гвинейра сочла его аргументы обоснованными. Однако Марама осталась при своем мнении, считая, что нужно хотя бы попытаться заинтересовать Куру Глорией. Однако Джек решил эту проблему по-своему: утром перед поездкой в Крайстчерч он исчез вместе с малышкой. С недавних пор он сажал ее в седло перед собой, и поэтому поиски были бессмысленны. Оба уже могли быть за много миль от фермы.

— Я его выпорю, когда вернется, — не очень убедительно пообещал Джеймс, провожая женщин, наконец собравшихся уезжать. При этом он подмигнул Гвинейре. Вероятно, он скорее поздравит сына.

Марама, редко бывавшая в Крайстчерче, вскоре забыла о небольшом разочаровании и сосредоточилась на путешествии. Женщины говорили о погоде, овцах и о том, как развивается Глория, — у них осталось уже совсем немного общего. Марама недавно вернулась в свое племя, учила детей читать и писать, но еще больше — петь и танцевать. Она была признанной *тохунга* и любила своего мужа. Новые книги из Англии, новые открытия и политика уже не интересовали ее так, как раньше, когда она жила в Киворд-Стейшн вместе с Курой.

Однако поездка прошла в полной гармонии. Они рано приехали в Крайстчерч, и у них было достаточно времени для того, чтобы освежиться перед концертом. Конечно же, они не отказались бы повидаться с Курой, но встречи не получилось. Считалось, что певцам нужно сосредоточиться перед выступлением. Вместо этого Гвин встретила в фойе с Элизабет Гринвуд и ее младшей дочерью Шарлоттой. Гвин невольно улыбнулась. Миниатюрная блондинка была почти точной копией маленькой Элизабет, которую Гвин впервые увидела на пароходе «Дублин».

— Я так хочу услышать вашу Куру, мисс Гвин! — радостно объявила Элизабет, когда женщины присели выпить чаю. — О ней столько говорят! Все восхищаются ее пением!

Гвинейра кивнула, но чувствовала себя при этом не очень уютно.

— Люди всегда были от нее в восторге, — сдержанно ответила она.

— Джордж считает, что ее певческий талант вырос. По крайней мере так сказал импресарио, сам Джордж в этом ничего не понимает. Но он считает, что этот человек может забрать ее с собой в Англию. Что вы на это скажете, мисс Гвин? Разве вы уже не ее опекун?

Гвинейра вздохнула. Значит, в Крайстчерче болтают не только о Куре, но и ее импресарио. Что ж, Уильям предполагал такой поворот событий. Но сейчас нужно ответить дипломатично.

— Строго говоря, уже нет, она ведь замужем. Так что тебе лучше спросить, что думает по этому поводу Уильям. Я бы, кстати, тоже не отказалась узнать это. Я была твердо убеждена, что он приедет сегодня, но, кажется, номер он не заказывал...

— Может быть, он приедет на концерт. Но серьезно, мисс Гвин, я спрашиваю вас не потому, что мне любопытно, — не только поэтому! — Элизабет сдержанно улыбнулась, и Гвин вспомнилась ее детская робость. — Джорджу просто нужно знать, что вы об этом думаете. Он ведь заказывал билеты для остальных певцов. Если Кура хочет ехать с ними, он может это устроить — или наоборот, создать те или иные искусственные трудности. Если вы не хотите, чтобы она ехала, вероятно, этот вопрос можно будет решить дипломатически. Например, Джордж может сказать, что на корабле больше нет свободных кают и что ей придется ехать следующим кораблем. Тогда у вас будет время повлиять на нее...

Гвинейра была почти тронута заботой Гринвудов. Джордж всегда был хорошим другом и умел избегать скандалов. Впрочем, она еще сама не знала, на что решиться в этой ситуации.

— Элизабет, дай мне сначала поговорить с Курой. Мы ведь встретимся после концерта, и в первую очередь я хочу послушать, как она поет. Не то чтобы я понимала в этом больше Джорджа, но мне кажется, что даже полный профан в состоянии понять, способна ли она конкурировать с другими певцами или нет.

Элизабет поняла намек. На самом деле Гвинейра хотела выяснить, действительно ли Куру воспринимают как певицу или же просто считают ее любовницей импресарио, верит ли Барристер в ее карьеру или не хочет лишаться возможности наслаждаться юным телом.

— Тогда я жду вашего решения завтра, — приветливо ответила она.

Глава 5

Кура-маро-тини пребывала в дурном настроении. Это был последний концерт в Новой Зеландии, и она знала, что среди публики будут сидеть все ее родственники и знакомые. Однако Родерик вычеркнул из программы два ее соло-выступления. Будто бы вечер предстоит довольно утомительный; после концерта будет еще заключительный банкет, который устраивают Гринвуды для всего ансамбля. И нельзя слишком сильно затягивать.

Кура была в ярости, однако Родерик никого не подпускал к себе перед концертом — об изменениях ей сообщила Сабина. А потом еще этот заключительный банкет! Все остальные певцы и танцоры получили формальные приглашения, однако Кура осталась в стороне. Конечно, она все равно пойдет. Сабина, Бригитта и все остальные дружно заявили, что наверняка это какая-то ошибка, и, конечно же, все предложили взять с собой Куру в качестве личного гостя. Все — кроме Родерика! Тот не показывался целый день. Кура решила устроить ему сцену потом, в постели.

Однако сейчас она с любопытством глядела в зал — и снова почувствовала себя оскорбленной, увидев среди публики в первом ряду только Гвинейру и Мараму. Не то чтобы ей очень хотелось увидеть Джеймса или Джека, но после того, как она годами досаждала им своими занятиями за роялем, сейчас ей хотелось триумфа. За Глорией Кура не скучала: ей никогда не пришло бы в голову взять с собой ребенка на концерт. Еще чего доброго начнет плакать! Но где Уильям? Относительно встречи с мужем Кура позволила себе помечтать: конечно же, он приедет в Крайстчерч, чтобы снова увидеть ее. Он будет просить прощения за все, умолять ее остаться. Но она открыто бросит ему в лицо то, что написала тогда на бумаге: «Оно того не стоит!» Она не может запретить себя в Киворд-Стейшн только потому, что любит Уильяма. А потом... В мечтах Куры, которые особенно нравились ей, в этом месте он обнимал ее, говорил ей, что она для него значит гораздо больше, чем все овцы на свете, и сразу же заказывал каюту на пароходе, отплывающем в Англию. Конечно, потом начнется ревность. Ах, как будет чудесно слегка натравить Родерика и Уильяма друг на друга! Но в конце концов у нее будет все: Уильям и карьера. Так, как она всегда хотела! Вот только сегодня Уильям перечеркнул все ее планы. Концерт начнется через несколько минут, а он еще не приехал. Что ж, всегда остается Родерик... Кура отошла от занавеса.

Ему сегодня будет что послушать!

Гвинейра оказалась права. Не нужно было быть музыкантом, чтобы оценить выступление Куры. В принципе, уже после первых же нот всякому становилось ясно, что молодая певица не просто ровня остальным певцам, она многократно превосходит их. Кура пела с воодушевлением, попадала во все ноты, молила, манила, плакала — все голосом. Даже Гвинейра, которая никогда не понимала смысла оперы, и Марама, впервые в жизни присутствовавшая на оперной постановке, поняли, что движет фигурами на сцене, несмотря на то, что Кура пела по-французски, по-итальянски и по-немецки.

Во время выступления квартета «Трубадур» в глазах у Марама стояли слезы, а после «Хабанеры» Элизабет хлопала не останавливаясь. Рядом с этими партиями Родерик Барристер выглядел бледно, и Элизабет Гринвуд уже не понимала, почему пришла от него в такой восторг после первого концерта в Крайстчерче.

Наконец занавес опустился в последний раз, но публика продолжала неистово аплодировать Куре, и женщины остались на своих местах, глядя друг на друга.

Элизабет с некоторым оттенком благоговения в голосе поздравила Марама с такой одаренной дочерью.

— Вы должны отправить девочку в Лондон! До сих пор я всегда считала, что шумиха вокруг пения Куры преувеличена. Но теперь... Ей нечего делать на овечьей ферме, ее место на оперной сцене!

Гвин кивнула, хоть и не столь воодушевленно.

— Она может поехать, если захочет. Со своей стороны я не собираюсь чинить ей препятствий.

Марама закусила губу. Она все еще испытывала некоторую робость, оказавшись единственной маори в окружении белых. Она была не такой экзотической красавицей, как Кура, скорее типичной представительницей своего народа: хрупкая, невысокая, а теперь, начав стареть, еще и стала клониться к земле. Сегодня Марама собрала свои гладкие черные волосы на затылке, надела английскую одежду, но все равно выделялась среди присутствовавших в этом зале людей. Она никогда не могла понять, стыдится ли Гвинейра своей невестки или нет.

— Но ведь вы должны послать ее в школу, мисс Гвин, — наконец заметила Марама своим красивым певучим голосом. — Как там она называется? Консерватория, правильно? Она поет прекрасно. Однако этот человек... не думаю, что он научил ее всему, что знает. Кура может петь

еще лучше. И ей нужен диплом. Возможно, здесь достаточно просто красиво петь. Но среди белых можно стать *тохунга* только с дипломом.

Марама великолепно говорила по-английски; будучи дочерью Кири, она практически выросла в доме Уорденов и была одной из лучших учениц Хелен.

И Гвинейра не могла не согласиться с ней.

— Мы сейчас же поговорим с ней, Марама. Довольно она наездила с концертами. Лучше всего пойти сразу за сцену, пока не пришлось стоять в очереди из двадцати человек, желающих сказать Кура, насколько она неотразима.

Кура любила слушать, что она неотразима, и уже довольно много поклонников вломилось в импровизированную гардеробную труппы, чтобы заверить ее в этом. Впрочем, Родерика на этот раз среди них не было. Он даже не дал ей ни разу выйти одной, всегда выходил вместе с ней, чтобы принять аплодисменты. Еще пару недель назад он дарил ей розы! Кура не могла дождаться момента, чтобы как следует отчитать его. Но сейчас Куру ждали мать и бабушка, ставшие в этот раз свидетелями ее триумфа. Она пригласила обеих в гардеробную. Бригитта, с которой она делила комнату, деликатно удалилась.

— Ну что, вам понравилось? — величественно поинтересовалась Кура.

Марама хотела обнять ее.

— Это было великолепно, малышка! — нежно произнесла она на родном языке. — Я всегда знала, что ты можешь.

— А вот ты не была так уверена, — заявила Кура, обращаясь к Гвинейре.

Та с трудом подавила вздох. Возможно, теперь Кура и поет лучше, чем раньше, но общаться с ней по-прежнему тяжело.

— Я ничего не понимаю в музыке, Кура. Но то, что я услышала сегодня, действительно впечатляет. Могу тебя только поздравить. Ты наверняка будешь иметь успех и в Англии. Деньги на переезд по морю и обучение в консерватории не станут проблемой. — Гвинейра тоже обняла девушку, но Кура оставалась холодной.

— Как мило с твоей стороны! — насмешливо заметила она. — Теперь, когда я добилась этого и без твоей помощи, ты, конечно же, готова поддержать меня во всем.

— Кура, это нечестно! — возмутилась Гвинейра. — Я тебе предлагала еще до замужества...

— Но только если бы я отказалась от Уильяма! Если бы мы уехали в Англию вместе... — Кура сверкнула глазами. Очевидно, она была всерьез настроена обвинить Гвинейру в том, что ее брак не удался.

— Думаешь, у тебя действительно получилось бы? — негромко спросила Марама.

Она терпеть не могла бесконечные дискуссии о том, кто прав, а кто виноват, о причинах и следствиях, которые так любили белые. Ее дочь отлично умела растягивать эти горькие бесполезные разговоры на несколько часов — и в этом Марама опять же обвиняла Гвинейру. Как бы там ни было, научилась она этому не у маори.

— Ты прекрасно поешь, но неужели и вправду думаешь, что оперные театры в Лондоне только и ждут тебя?

На лице Куры появилось выражение бесконечного возмущения.

— Я не понимаю! Ты хочешь сказать, что я недостаточно хороша?

Марама сохраняла спокойствие. Для Пола Уордена она тоже часто служила громоотводом.

— Я *тохунга*, Кура-маро-тини. И я слышала твои пластинки. Все великие певцы... ты наверняка можешь стать настолько же прекрасной. Но тебе еще нужно учиться.

— Я училась! На протяжении всех этих месяцев я упражнялась как безумная. Я была на Северном острове и в Австралии, мама, но я их не видела. Один рояль и ноты. Я...

— Ты научилась многому, но можешь научиться еще большему. Не ходи с этим мужчиной! Он не на пользу тебе!

— И это говоришь мне ты! Маори, которая собирается запретить дочери выбрать себе спутника!

— Я тебе ничего не запрещаю. Я...

— Вы мне все надоели! — вскипела Кура. — Я буду делать то, что захочу, и, слава богу, я ни у кого больше не обязана спрашивать позволения. Родерик возьмет меня с собой. Мы оба найдем ангажемент в Лондоне или опять сколотим труппу вроде этой и поедem в турне. Подробностей я еще не знаю. Но я не хочу твоих денег, бабушка, и не хочу твоих советов, мама! Уезжайте в свою любимую Киворд-Стейшн и пасите овец! Я буду иногда писать вам из Англии!

— Я буду скучать по тебе, — с любовью произнесла Марама. Несмотря ни на что, она хотела обнять и поцеловать Куру на прощание или потереться носами, как было принято среди ее народа, но на этот раз стоило маори приблизиться к ней, как Кура сразу же напряглась.

— *Хаере ра*, — прошептала Марама. — Пусть боги благословят и

направят тебя на новой земле...

Кура не ответила.

— Она даже не спросила о Глории, — сказала Гвинейра, когда обе женщины, потрясенные, вышли из гардеробной.

— У нее горе, — заметила Марама. — Она напряжена. Что-то идет не так, как она надеялась. Возможно, нам не стоит оставлять ее, мисс Гвин.

Гвинейра закатила глаза.

— Как хочешь, Марама, можешь оставаться и играть роль половой тряпки. Но с меня довольно ее высокомерия, бессердечности и мужчин. Пусть едет в Лондон, если хочет. Надеюсь лишь, что она будет зарабатывать там достаточно или для разнообразия найдет себе мужчину, который будет ее терпеть. Как бы там ни было, она — последний человек, который нужен нам в Киворд-Стейшн!

Когда Кура злилась, выглядела она великолепно, и решимость Родерика едва не пошатнулась, когда он увидел ее входящей в зал, с блестящими глазами, раскрасневшимися от волнения щеками, полную клокочущей энергии. Он как раз танцевал с Сабиной, и ему больше всего хотелось освободиться, чтобы поздороваться с девушкой, коснуться ее, может быть. Слегка побаловать, чтобы потом она была более послушной. Но с этим нужно было покончить. После танца с Сабиной Родерик с некоторым сожалением обернулся к Бригитте. Но он не принял в расчет Куру. Разозленная его безразличием, она встала между ним и танцовщицей.

— Что это значит, Родерик? Ты меня избегаешь? Сначала не показываешься целый день, потом вычеркиваешь половину моих партий, а теперь делаешь вид, будто не знаешь меня. Если так будет продолжаться и дальше, я хорошенько подумаю, буду ли я делить с тобой каюту во время путешествия!

Сегодня Кура была с распущенными волосами, которые поддерживал украшенный цветами обруч. Она выбрала красное платье с глубоким декольте и ожерелье из лазурно-голубых камней. Крупные, тоже лазурные, серьги еще сильнее подчеркивали блеск ее глаз.

Действительно кошмар... Родерик напрягся.

— Какое путешествие? — приветливо поинтересовался он. — Честно говоря, красавица моя, я и в самом деле старался избегать тебя. Терпеть не могу прощаться! — И он с сожалением улыбнулся.

Кура сверкнула глазами.

— То есть это значит, что ты не хочешь брать меня в Европу? Но это

было уже делом решенным...

— Ах, Кура, милочка, возможно, однажды мы говорили об этом... точнее сказать, мечтали об этом. Но ты ведь не рассчитывала на это всерьез? Послушай, Кура, у меня у самого еще нет ангажемента...

Родерик с неудовольствием отметил, что вокруг них начали останавливаться танцующие пары. Спор с Курой привлек всеобщее внимание. Вообще-то, он представлял себе все иначе.

— Но я найду ангажемент, — самоуверенно произнесла Кура. — Это не может быть настолько трудно. Ты сам говорил, что я не просто немного талантлива!

Родерик закатил глаза.

— Боже мой, Кура, за последние несколько месяцев «немного» — это слишком сильно сказано. Конечно, у тебя есть талант, вот только... Послушай, в Новой Зеландии ты действительно великолепна, но там... Одни только консерватории в Англии каждый год выпускают дюжины певиц.

— Ты хочешь сказать, что я не лучше, чем дюжины других? Но все эти месяцы... — Кура растерялась.

— У тебя действительно милый голос. В этой труппе, состоящей из скорее... нерадивых певцов... — Среди слушателей разразилась буря, но Родерик не обращал на это внимания. — В этой труппе ты, возможно, несколько выделяешься. Но опера? Правда, малышка, ты заблуждаешься.

Кура стояла одна, как остров, среди возмущенных, кричащих коллег. Если бы она была в состоянии что-либо понимать, то услышала бы, как Сабина и некоторые другие поддерживают ее и хвалят ее голос. Но она была убита словами Родерика. Неужели она так ошиблась в нем? Неужели он так беззастенчиво лгал только затем, чтобы заманить ее в постель? Неужели овации публики ничего не стоили, потому что какие-то третьеклассные певцы-дилетанты насильовали бельканто?

Кура одернула себя. Нет, этого не может быть, этого не должно быть!

— И послушай, Кура, дитя мое, ты еще очень юна, — милосердно прибавил Родерик. — Твой голос еще развивается. Если ты, может быть, для начала...

— Где же? — холодно поинтересовалась Кура. — Здесь нет консерватории.

— Ах, девочка, консерватория... кто об этом говорит? Но в рамках своих ограниченных возможностей ты способна доставлять людям много радости...

— В рамках моих ограниченных возможностей? — Кура словно

выплевывала каждое слово. — А что насчет твоих ограниченных возможностей? Думаешь, я глухая? Думаешь, я не заметила, что пиано ты не можешь удержать ни единого звука, который хоть немного выше ля? И что ты слегка изменяешь каждую арию, чтобы великому Родерику Барристеру было легче ее петь?

Люди вокруг смеялись; некоторые даже аплодировали.

— Пожалуй, мои границы несколько шире! — ликовала Кура.

Барристер смиренно пожал плечами.

— Если ты так считаешь. Я не могу помешать тебе попробовать свои силы в Европе. Наверняка тебе хватит денег на билет...

Он очень надеялся, что она не станет пытаться. Шесть недель путешествия с шипящей от злости Курой на одном корабле, скорее всего, должны были превратить его жизнь в ад.

Кура задумалась. Денег, которые она заработала, не хватало. Только на путешествие; и ни пенни больше, чтобы продержаться в Англии первое время, пока найдется ангажемент.

Конечно же, можно попросить денег у Гвинейры. Если она признается, что Родерик не захотел ее брать. Если она согласится с Марамой относительно оценки ее образования. Если покается...

— Я все равно еще буду стоять на сцене, когда ты уже будешь годиться только на то, чтобы таскать реквизит! — выдавила из себя она. — В Англии, во всем мире! — Она отвернулась и бросилась прочь.

— Прекрасно, что ты ему это устроила! — прошептала ей Бригитта.

— Не позволяй себя обмануть! — заметила Сабина и думала добавить еще пару советов, но Кура не захотела ее слушать.

Она вообще никого и ничего больше не хотела слушать. Ей нужно было побыть одной. Она не могла больше видеть Родерика. Точнее говоря, она не хотела его видеть! Впрочем, корабль, отправляющийся в Англию, еще не прибыл даже в Литтелтон; труппа могла просидеть в отеле в Крайстчерче еще не один день.

Ничего не видя из-за намерзшихся на глаза слез, Кура бежала по коридору в свою комнату. Нужно собирать вещи и уходить. Как можно скорее.

На следующий день Кура ни свет ни заря была уже в конюшне, где можно было взять напрокат лошадь, и интересовалась, есть ли свободная. Карета Гвинейры еще стояла здесь; судя по всему, ее бабушка и Марамы тоже ночевали в отеле «Уайт Харт», но Кура не хотела опускаться до того, чтобы обсуждать с ними сложившуюся ситуацию. Ночью она приняла

решение, что с этого момента займется организацией турне, которое проведет одна, точнее, повторит. Ведь публика любила ее! Наверняка люди обрадуются возможности услышать ее еще раз. А денег ей хватит на то, чтобы взять небольшую повозку, лошадь и напечатать несколько плакатов. Для начала этого должно хватить. С этого времени она будет зарабатывать намного больше, чем до сих пор; она ведь сможет забрать себе всю выручку с концерта.

Владелец конюшни с удовольствием продал ей лошадь и двухколесную одноколку. Карета была с крышей, что имело для Куры значение, но места для багажа оказалось мало. Ей удалось разместить в ней лишь свой чемодан со сценическим гардеробом. Что до лошади, то продавец заверил ее, что это послушное животное. Кура поверила; в конце концов, ей ведь придется управлять повозкой самостоятельно. И получилось у нее на удивление хорошо.

Впрочем, продвигалась она вперед не очень быстро, поскольку маленькую каурую кобылку нельзя было сравнить с кобами Гвинейры. Поначалу это даже успокаивало Куру, потому что она боялась править лошадью. Однако полдня спустя ситуация начала действовать ей на нервы. Она попыталась заставить лошадь бежать быстрее, но безуспешно. Поэтому в первый день Кура, вопреки своим надеждам, не доехала до Рангиоры. В этом маленьком городке ансамбль несколько месяцев назад гастролировал по пути в Бленем, прежде чем отправиться на Северный остров. Но тогда они путешествовали в удобных каретах, запряженных упряжками гораздо более быстрых лошадей, и мили так и летели из-под их копыт. Неторопливая каурая кобылка Куры привезла ее только в Калапой, деревушку, в которой не оказалось даже нормального отеля. Заведение, носившее это гордое название, оказалось грязным борделем. Поэтому Кура ночевала в конюшне, свернувшись калачиком на сиденье своей повозки, чтобы не подцепить блох в сене и соломе. Зато хозяин конюшни помог ей распрячь и запрячь лошадь и даже не стал приставать. Он лишь спросил ее, куда она направляется и кто она такая. Когда Кура ответила, что является певицей, которая устроила гастроли, ей показалось, что такой ответ скорее позабавил хозяина, чем произвел впечатление.

Куре понадобилось три дня, чтобы добраться до Рангиоры. Если так пойдет и дальше, ей придется проводить в дороге целые годы, чтобы только проехать по Южному острову. В последний вечер она уже была в отчаянии, к тому же слегка подрастратилась. Лошадь и повозка оказались дорогими, и она не рассчитывала на такое количество ночевок. Поэтому она уступила просьбам хозяина отеля и развлекла его постояльцев несколькими песнями.

На этот раз дом оказался приличным; несмотря на это, Кура считала ниже своего достоинства работать в баре. Здешние слушатели не умели ценить оперные арии; поэтому Кура спела несколько народных песен и мрачно, почти с презрением смотрела на публику, когда мужчины пришли в восторг и начали буянить.

Сама Рангиора тоже принесла одни разочарования. Тогда ансамбль пел и танцевал в общинном зале, и Кура была убеждена, что им предоставили зал бесплатно. Однако, судя по всему, здесь нужно было платить арендную плату. Кроме того, ей пришлось убеждать преподобного отца, что он может предоставить весь зал одной певице.

— Вы ведь ничем непристойным не занимаетесь, правда? — скептически поинтересовался он, хотя помнил Куру по прошлым гастролям. — Тогда вы пели немного, больше стояли и украшали собой сцену.

Кура заверила недоверчивого преподобного отца, что тогда она только присоединилась к певцам и у нее еще не было сценического опыта. Теперь все иначе. Ее исполнение «Хабанеры» действительно убедило преподобного отца. Но сколько денег останется у нее, когда она заплатит за аренду зала, отель и конюшню, да еще и тому мальчишке, который развешивал афиши?..

Во время первого концерта, к счастью, почти все места были заняты. Рангиора, конечно, не была культурной столицей, сюда редко приезжали музыканты. Впрочем, люди оказались не в таком восторге, как в то время, когда Кура выступала с ансамблем. Никто здесь толком в музыке ничего не понимал, но яркие костюмы, разнообразие репертуара и, в первую очередь, танцы в промежутках между оперными сценами очаровывали людей. Кура, размахивавшая кастаньетами среди хористов, была центром этого. Но девочка, сидящая одна у рояля и что-то поющая? Уже через полчаса люди забеспокоились, начали перешептываться и двигать стулья. В конце они все равно аплодировали, но скорее из вежливости, чем от восторга.

На второй концерт пришло всего десять зрителей. Третий Кура отменила.

— Может быть, если бы вы спели что-то веселое... — посоветовал ей преподобный отец. По крайней мере его Кура завоевала. Он был в восторге от ее голоса и интерпретаций различных ораторий. — Здесь у нас простые люди.

Кура не удостоила его ответом. Она поехала дальше по восточному побережью, держа курс на Вайпару. С ансамблем они давали следующие гастроли только в Кайкуре, однако она не могла себе позволить таких

больших промежутков между выступлениями. Поэтому она оценивала каждое попадавшееся селение на предмет того, можно ли там выступить. Больше всего ей нравилось, когда серьезные отели предоставляли ей комнату. Тогда, по крайней мере, не нужно было платить за ночевку и аренда зала выходила дешевле, чем в общинных залах. Ведь благодаря концерту повышалась продажа напитков. Впрочем, уже к вечеру первого дня владельцы отелей начинали пытаться уговорить Куру поменять программу.

— Девушка, этот вой никто не хочет слушать, — объяснял ей владелец отеля в Кайкуре, который был еще в восторге от выступления всего ансамбля. — Спой пару песенок, может быть, что-нибудь ирландское, это всегда пользуется успехом. Еще у нас здесь много немцев. Ты ведь поешь на разных языках...

В этот раз Кура даже пошла навстречу и включила в программу несколько песен Шуберта. Часть публики была глубоко тронута, что опять же не понравилось владельцу отеля.

— Дитя, ты должна заставлять их не плакать, а пить. Боже мой, ты ведь неопишуемая красавица. Почему бы тебе немного не потанцевать?

Разозленная Кура заявила ему, что она певица, а не танцовщица при баре, и на следующий день отправилась дальше. Турне проходило далеко не так безоблачно, как она себе представляла. Когда спустя три тяжелых недели она наконец добралась до Бленема, у нее давно уже не осталось денег, чтобы поехать на Северный остров.

— Ну да какая разница, останемся здесь и пообедем весь Южный остров, — сказала она, обращаясь к своей лошади. Очередное падение! Раньше она всегда смеялась, когда Илейн часами разговаривала со своей кобылкой и утверждала, что Баньши понимает каждое слово. Но теперь Кура часто не хватало человека, с которым можно было бы перемолвиться словечком и который при этом не возражал, не давал ей добрых, но невозможных советов и не пытался наброситься на нее! За последние недели ей пришлось достаточно часто отбиваться от всяких владельцев пабов или мнимых «любителей музыки». Ничего подобного при выступлениях в труппе с ней не случалось. К ней всегда относились с уважением.

— Поедем дальше, в Пиктон или Хэвлок. Сгодится любой концерт...

Уильям закончил свое обучение в Бленеме и купил новехонькую швейную машинку в качестве демонстрационной модели. Будучи новичком, он не мог рассчитывать на самые популярные районы продаж,

такие как Крайстчерч или Данидин и его окрестности. Он уповал на то, что ему повезет в каком-нибудь местечке на Западном побережье или в Отаго. А потом с удивлением обнаружил, что его направляют на Северный остров. В северный край, в окрестности города под названием Гисборн. Наверняка малонаселенный район, но, во всяком случае, совершенно новый в том смысле, что касается продажи швейных машинок! До сих пор никто из представителей фирмы не ездил туда.

И Уильям в прекрасном расположении духа сел на бленемский паром, направлявшийся в Веллингтон. На борту парома он героически сражался с морской болезнью и не переставал верить, что справится со всеми проблемами. Отчасти потому, что его учителя были в восторге от его необычных коммерческих стратегий. Никто из участников курсов не получил настолько хороших рекомендаций, как Уильям, относившийся к своей новой работе оптимистично. Что бы там ни было — гробы или швейные машинки — продавать он умеет!

Глава 6

Тимоти Ламберт был возмущен, но теперь, по крайней мере, понимал, почему отец проделывает довольно короткий путь от дома до рудника в основном верхом. Судя по всему, владельцу рудника было противно ходить по той клоаке, в которой жили его рабочие. Не сказать, чтобы в Европе Тимоти никогда не видел бедных кварталов. В Англии и Уэльсе поселения шахтеров тоже нельзя было назвать райскими уголками. Но то, что творилось здесь, вокруг рудника его отца, не шло ни в какое сравнение с ними. Здесь просто ставили одну лачугу рядом с другой — из отходов древесины и сломанной фанеры, которая на руднике наверняка шла как брак. В большинстве лачуг не было камина. Если разжечь там костер, то от чада, наверное, можно было задохнуться. А еще реже встречались уборные; судя по всему, мужчины просто заходили за угол, чтобы справить нужду. Однако за углом чаще всего находилась другая хижина, и дождь, который шел в Греймуте почти каждый день, смывал испражнения и мусор обратно в грязные проходы между лачугами. Сейчас «улицы» больше напоминали вонючие ручьи. Тимоти пришлось попотеть, чтобы пройти там, не замочив ног.

Поселение казалось заброшенным. Лишь из некоторых хижин слышались сопение и кашель — вероятнее всего, «последствия болезней и лени», на которые жаловался вчера за ужином отец. Среди работников рудника участились случаи пневмокониоза и чахотки, но на руднике Ламберта дело обстояло хуже всего, поскольку о больных никто не заботился. Очевидно, здесь жили лишь несколько семей, в которых женщины хоть как-то следили за поддержанием чистоты и порядка в хижинах. Большинство горняков были холостяками и предпочитали посещать паб, чем вечером приводить свою «квартиру» в приличное состояние. Тимоти не мог их винить в этом. Тот, кто десять часов колот уголь в темной шахте, вечером готов был отправиться спать или, в лучшем случае, пропустить пару бокалов пива в приятной обстановке. А может быть, мужчинам не хватало денег на поддержание лачуги в нормальном состоянии.

Тимоти считал, что непременно должен поговорить об этом с отцом. Рудник мог бы предоставить хотя бы строительный материал! Лучше всего, конечно же, было бы снести все и построить дома по чертежам. Новые профсоюзы за морем требовали нормальных условий для жизни в рабочих

поселках, впрочем, особого успеха они пока что не добились.

Тем временем Тимоти прошел через главные ворота и вступил на территорию рудника. Здесь дороги были заметно лучше; что ни говори, но допускать того, чтобы грузовые повозки, на которых возят уголь, застревали в грязи, было нельзя. Тим задался вопросом, почему здесь еще не проложили колею к железной дороге? Перевозка угля ускорила бы и выходила бы дешевле. На эту тему тоже непременно нужно поговорить с отцом.

Тимоти отряхнул грязь с сапог и вошел в невысокое здание конторы. Оно располагалось прямо напротив входа в шахту. Из конторы отца открывался хороший вид на копёр и комплекс зданий, где находились паровая машина и склад. Кроме того, отсюда было удобно наблюдать за мужчинами, которые въезжали и выезжали из шахты, а также за работающими на поверхности людьми. Марвину Ламберту нравилось, когда он мог видеть все. Вокруг Греймута был целый ряд рудников, принадлежавших отдельным семьям или акционерным обществам. Рудник Ламберта был вторым по величине частным предприятием такого рода, и Марвин Ламберт жестко конкурировал со своим соперником Биллером. При этом оба пытались сэкономить на рабочей силе и безопасности шахты при любом удобном случае. В этом отношении Марвин Ламберт и его конкурент Биллер придерживались одной точки зрения. Оба считали горняков жадными лентяями и не были заинтересованы в том, чтобы использовать современную технику. Машины и оборудование для горнодобывающей промышленности, по их мнению, были необходимы только тогда, когда это обещало огромную прибыль.

Но, может быть, Тимоти сделал слишком поспешные выводы о деятельности отца. Как бы там ни было, он только позавчера вернулся домой, а отец уже выпил достаточно виски, прежде чем Тимоти успел поговорить с ним. Сам Тим очень устал после долгой дороги и был нетерпим. Восемь недель по морю до Литтелтона, потом поездом в Греймут — все это наложило свой отпечаток. Новая железнодорожная ветка делала путешествие на Западное побережье быстрее и удобнее.

Вообще Новая Зеландия довольно сильно изменилась с тех пор, как десять лет назад Тимоти послали в Европу. Сначала он учился в частной школе, потом изучал технику горного дела в различных университетах, а позже отправился по крупнейшим угольным бассейнам Старого Света. Мартин Ламберт с охотой профинансировал все. Как бы там ни было, Тимоти был его наследником и должен был сохранить рудник и приумножить богатство. И сегодня был его первый рабочий день — по

крайней мере Тим исходил из того, что его ждут на руднике. Позже он посмотрит город.

Греймут значительно разросся с тех пор, как он уехал из этого городка в возрасте четырнадцати лет. Тогда вилла Ламбертов еще стояла уединенно, у реки между городом и рудником. Сегодня рудник тянулся почти до самого их дома.

В конторе рудника работали два секретаря и Марвин Ламберт; здесь тоже старик проявлял скарედность. Все выглядело почти по-спартански, обстановку нельзя было сравнить с дворцами, которые позволяли себе владельцы европейских рудников. Марвин Ламберт поднял голову от бумаг и бросил на сына неласковый взгляд.

— И что ты тут делаешь? — без особого энтузиазма поинтересовался он. — Я думал, ты составишь компанию матери. После долгих лет, на протяжении которых ей пришлось обходиться без тебя...

Тим закатил глаза. Вообще-то, жалобы матери достали его еще вчера. Нелли Ламберт была плаксива и поначалу не могла сдержаться от радости, увидев сына, — чтобы тут же начать осыпать его упреками за то, что он так долго не приезжал. Как будто он учился за границей только ради того, чтобы обидеть ее!

— Я могу пойти домой немного раньше, — спокойно ответил Тим. — Но я должен увидеть рудник! Что изменилось, что нужно изменить... Перед тобой безработный горный инженер, отец! Мне не терпится начать приносить пользу. — И он почти с заговорщическим видом улыбнулся отцу.

Марвин Ламберт бросил взгляд на часы.

— Ну, тогда ты прилично опоздал, — проворчал он. — Мы начинаем в девять.

Тимоти кивнул.

— Я недооценил дорогу. В первую очередь, ее состояние. С этим обязательно нужно что-то делать. Мы должны привести в порядок хотя бы дороги в поселении.

Ламберт мрачно кивнул.

— Всю эту клоаку нужно убрать! Это же кошмар, что творится вокруг рудника! Когда-нибудь я прикажу снести эти так называемые «дома» и запереть территорию. Никто не разрешал этим ребятам ставить там свои хижины.

— А куда им еще деваться? — удивленно поинтересовался Тимоти.

Территорию для рудника с огромным трудом удалось отвоевать у папоротниковых лесов Западного побережья. Если люди захотят селиться

вне рудника, они будут вынуждены осваивать новые места; кроме того, им придется далеко ходить. Поэтому везде было принято селить горняков вокруг рудника.

— Мне все равно. По крайней мере с меня довольно этой грязи. Невероятно, как так можно жить! Но я уже говорил — подонки. Они присылают нам из Европы все то, что им не нужно в Англии и Уэльсе!

Тимоти слышал это еще вчера вечером и энергично возражал отцу. Он ведь только что приехал из Англии и знал, что переезд в Новую Зеландию давал работникам европейских шахт скорее надежду на лучшую жизнь. Мужчины надеялись, что смогут зарабатывать там больше, и чаще всего именно самые лучшие и предприимчивые шахтеры месяцами копили деньги, чтобы приобрести билет на пароход. Этого ада, который творится там, снаружи, они не заслужили.

Несмотря на это, Тим решил промолчать. Сейчас продолжать дискуссию бессмысленно. Нужно поговорить с отцом об этом, когда у него будет настроение получше.

— Если ты не против, я хотел бы спуститься вниз и посмотреть рудник, — произнес он, не обращая внимания на ругань Марвина.

Тимоти понимал, что это необходимо сделать, хотя было достаточно взгляда из окна, чтобы потерять к этому интерес. Уже сам вход в шахту не внушал доверия. Его отец не удосужился сделать даже крышу над умывальной, а копёр, судя по всему, соорудили еще в те времена, когда горное дело только начиналось. Как же все будет выглядеть внутри?

Марвин Ламберт пожал плечами.

— Как хочешь. Хотя я по-прежнему считаю, что ты больше понадобишься, когда дело коснется продажи и организации труда, а не под землей...

Тим вздохнул.

— Я горный инженер, отец. В делопроизводстве я понимаю немного.

— Этому быстро научишься, — возразил Марвин. Об этом тоже уже говорилось.

Марвин считал, что полученные Тимом в Европе знания не найдут особого применения. Ему не нужен был инженер, ему нужен был способный продавец или прожженный делец. Тим задавался вопросом, зачем тогда отец послал его учиться горному делу, вместо того чтобы он изучал экономику? Впрочем, он все равно отказался бы заниматься продажей. Он не был рожден для этого.

Тим предпринял еще одну попытку прояснить для отца свои задачи и намерения.

— Моя задача состоит в том, чтобы следить за работой на руднике и оптимизировать методику добычи...

Отец нахмурил лоб.

— Ах, вот как? — произнес он, судя по всему, удивленный этим заявлением. — Недавно изобрели новые методики размахивать зубилом и кайлом?

Тим по-прежнему сохранял спокойствие.

— Скоро для этого будут созданы машины, отец. И уже сейчас существуют эффективные возможности вывозить уголь и отходы. Есть современные техники подпорки шахт, бурения вентиляционных шахтных стволов, всего водоотлива...

— И все это будет в конечном счете стоить больше, чем принесет прибыли, — перебил его Ламберт. — Ну да ладно, если это сделает тебя счастливым. Посмотри все, вдохни немного пыли. Тебе все это быстро надоест...

Ламберт снова уткнулся в свои бумаги.

Тим коротко попрощался и вышел из конторы.

Горнодобывающая промышленность не приносила ему удовлетворения. Если бы ему дали возможность выбирать, он, скорее всего, выбрал бы другую профессию, хотя сама по себе геология — в первую очередь инженерия — интересовала его очень сильно. Однако работа под землей и связанные с ней опасности угнетали его. Тимоти предпочел бы проводить время снаружи, на природе; он с удовольствием строил бы дома, нежели штольни. Восхищало его и строительство железных дорог, и как раз здесь, в Новой Зеландии, этим было бы очень интересно заниматься. Но раз уж ему придется унаследовать рудник, то он готов похоронить все свои личные склонности. Он получил образование горного инженера, причем в Европе уже успел снискать определенную славу в качестве специалиста по вопросам безопасности. Тимоти боялся обрушения шахт и взрывов газа, и его основной интерес всегда был сосредоточен на возможности предотвращать подобные катастрофы. Конечно же, первые, еще непрочные, объединения горных рабочих чаще хотели получить от него совет, чем владельцы рудников. Последние начинали вкладывать деньги в безопасность своих копей только тогда, когда несчастье уже случилось, и, возможно, не один из них вздохнул с облегчением вслед такому въедливому всезнайке, как Тимоти Ламберт. Пусть разоряет своего отца в Новой Зеландии! В Англии никто не горевал из-за его отъезда.

Тимоти повернулся к руднику и попросил двух мрачных мужчин, работавших у подъемника, позвать штейгера. Он не хотел спускаться в шахту без проводника и терпеливо дожидался, когда тот появится. Наконец подъемник со скрипом и грохотом пришел в движение, и Тим, чувствуя, как покрывается гусиной кожей, подумал, меняли ли здесь подъемные тросы. Штейгер оказался еще довольно молодым мужчиной, говорившим с валлийским акцентом и обращавшимся с сыном хозяина рудника скорее с пренебрежением.

— Если опять речь пойдет об объеме добычи, то я уже говорил вашему отцу, что таким образом его не увеличить. Люди не могут работать еще быстрее, а привлечение новых работников ничего толком не даст. Там, внизу, они и так уже друг другу на пятки наступают. Иногда я опасаясь, что воздуха на всех не хватит...

— Разве не обеспечивается достаточная вентиляция? — Снова нахмутив лоб, Тим подобрал себе подходящий шлем и шахтерскую лампу. Давно уже появились более современные модели. Тим предпочитал бензиновые лампы, которые не только давали свет, но и, кроме того, ореол от них помогал определить содержание метана в воздухе.

Штейгер отметил его привычные движения и недовольство и слегка оттаял.

— Мы делаем все, что возможно, сэр. Но вентиляционные штольни сами по себе не появляются. Чтобы пробурить их, я должен отвлекать людей. Да и облицевать их надо; поэтому придется тратить на материалы. За такое ваш отец готов задать мне жару...

В шахте и без того было достаточно жарко. В то время как день снаружи выдался скорее неприятным, температура внутри повышалась по мере спуска подъемника. Когда они достигли низа, Тимоти отметил затхлый, спертый воздух и невероятную жару.

— Удушливая атмосфера, — со знанием дела заявил он и поздоровался с мужчинами, которые толкали тележки с углем и готовили его к транспортировке в подъемнике. — Здесь нужно срочно что-то делать. Даже подумать страшно, что будет, если пойдет газ.

Штейгер усмехнулся.

— Для этого у нас есть вот они. — Он указал на клетку, в которой с жердочки на жердочку перепрыгивала крохотная птичка. — Если она плохо держится на своих лапках, значит, нужно бежать!

Тимоти пришел в ужас.

— Но это же средневековье! Я знаю, что птички есть еще повсюду, потому что в качестве системы тревоги они незаменимы. Но это

совершенно не оправдывает отсутствие необходимой вентиляции! Я поговорю с отцом, нужно срочно улучшить условия труда. Тогда и люди будут работать эффективнее.

Штейгер покачал головой.

— Еще эффективнее невозможно. Но попробовать расширить растяжки, половчее подпереть все...

— А еще нужно улучшить транспортировку отходов, — перебил его Тимоти. — Не может быть, чтобы люди таскали его в корзинах! Мне показалось или я действительно видел снаружи черный порошок? Только не говорите мне, что вы еще не используете предохранительные взрывчатые вещества!

Штейгер покачал головой.

— У нас нет даже противовзрывных барьеров. Если здесь что-нибудь взорвется, загорится вся шахта.

Спустя час Тимоти завершил инспектирование рудника и приобрел друга в лице штейгера. Мэтью Гавейн ходил в школу для горняков в Уэльсе, и его представления о современной технике добычи и безопасности на руднике во многом совпадали с представлениями Тима. Впрочем, в том, что касалось современных техник вентиляции и строительства шахт, Тимоти опережал его. Мэтью работал в Новой Зеландии вот уже три года, а горнодобывающая техника постоянно совершенствовалась. Оба договорились встретиться вскоре в пабе за кружкой пива и продолжить разговор.

— Но не питайте больших надежд на то, что удастся все это реализовать, — наконец заметил Мэтью. — Ваш отец заинтересован только в быстрой прибыли, как и большинство хозяев. Это, конечно, тоже важно... — поторопился добавить он.

Тимоти отмахнулся.

— Думать о будущем не менее важно. Если шахта обрушится, потому что ее недостаточно укрепили, это обойдется гораздо дороже, чем своевременный ремонт. Не говоря уже о человеческих жизнях. Кроме того, профсоюзы развиваются вовсю. В скором времени нельзя будет не улучшать условий труда для рабочих.

Мэтью усмехнулся.

— Признаться, я не опасаюсь, что даже в этом случае ваша семья не досчитается куска хлеба.

Тим рассмеялся.

— Это можно спросить у отца! Он подробно объяснит вам, что он и так обеднел и каждый день простоя приближает его к голодной смерти. —

Он перевел дух, когда они наконец выбрались на поверхность и увидели дневной свет. Его благодарственная молитва святой Барбаре была совершенно искренней, хотя в душе Тимоти полагал, что предотвращать несчастья на руднике — задача не столько небесных покровителей, сколько горных инженеров.

— Где мы можем помыться? — спросил он.

Мэтью рассмеялся.

— Помыться? Пожалуй, вам придется идти домой. Такой роскоши, как крытые умывальни или теплая вода, вы здесь не найдете.

Тимоти решил не ходить домой. Наоборот. Такой же грязный, как и был, он явится в контору своего отца и серьезно поговорит с ним.

После полудня Тимоти направил коня в центр Греймута. Он собирался сразу же заказать материалы, необходимые для изменений в шахте, право на которые он отстоял у отца. Их было немного. Марвин Ламберт согласился только на постройку одной новой вентиляционной штольни и заградительных барьеров, и то только потому, что они соответствовали минимальным требованиям государственного рудничного надзора. Тимоти привел аргумент, что его конкурент Биллер может обнаружить нарушение правил безопасности со стороны Ламбертов и заявить на них. «Ему будет довольно лишь расспросить твоих горняков, отец!» — убеждал старика Тимоти, и тот согласился с ним. Молодой человек был твердо настроен на то, чтобы в ближайшие несколько дней подробно рассмотреть все постановления. Возможно, найдется еще что-то, что можно использовать в своих целях. Но сейчас он просто наслаждался поездкой в этот выдавшийся удивительно ясным весенний денек. Утром еще шел дождь, однако сейчас пробивалось солнце, и лужайки и папоротниковые леса на фоне серых гор сверкали изумрудно-зелеными оттенками.

На въезде в город он обратил внимание на методистскую церковь, красивую деревянную постройку. На миг задумался, не войти ли внутрь, чтобы перекинуться парой слов с преподобным отцом. Как бы там ни было, этот человек отвечал за душевное спокойствие своих прихожан, несмотря на то что многие из них исповедовали католическую веру и поэтому не приходили к нему на службу. Но потом увидел, что у священника, судя по всему, уже есть гости. Перед церковью стояла невысокая крепкая сивая кобылка; рядом терпеливо дожидалась хозяйина трехцветной окраски колли. И в этот миг дверь церкви открылась и Тимоти увидел преподобного отца, который прощался со своим гостем, вернее с гостьей. Он придержал дверь, выпуская рыжеволосую девушку, под мышкой у которой было несколько

нотных тетрадей. Исключительно красивая, хрупкая девушка в скромном сером платье для верховой езды. Ее длинные кудри были заплетены в косу, свисавшую до середины спины, но полностью укротить свои волосы девушке не удалось. Несколько прядей уже выпростались и обрамляли узкое личико. Преподобный отец еще раз приветливо помахал рукой вслед гостю, когда та направилась к своей кобылке и сложила ноты в седельную сумку. При виде хозяйки маленькая собачка, казалось, пришла в неописуемый восторг.

Тим подъехал поближе и поздоровался. Он предполагал, что, выходя из церкви, девушка видела его, однако она испугалась, услышав его голос, и резко обернулась к нему. На миг Тиму даже показалось, что на лице ее мелькнула паника. Девушка торопливо озиралась по сторонам, словно угодившее в ловушку животное, и успокоилась только тогда, когда поняла, что Тимоти не собирается набрасываться на нее. Кроме того, похоже было, что она осознала спасительную близость церкви. Она робко ответила на улыбку Тимоти, но тут же потупилась и бросала на него только недоверчивые взгляды.

Тем не менее она все же ответила на приветствие, хотя и тихим голосом. При этом незнакомка довольно проворно села в седло. Похоже, она привыкла обходиться без помощи мужчин.

Тимоти заметил, что им по пути. Девушка тоже повернула лошадь по направлению к городу.

— У вас очень красивая лошадь, — сказал Тимоти после того, как некоторое время они проехали рядом в молчании. — Похожа на пони в Уэльсе, но взрослые обычно не белые...

Девушка осмелилась посмотреть на него внимательнее.

— У Баньши кровь уэльской горной породы, — с некоторой неохотой ответила она. — Отсюда и белый цвет. Действительно, среди кобов это редкость, тут вы правы.

Поразительно длинная речь для столь робкого создания. Похоже, замечание в адрес лошади задело ее за живое. И, кажется, она кое-что в этом понимает.

— Уэльские горные — это маленькие пони, не так ли? Которых используют в том числе и на рудниках? — продолжал расспрашивать он.

Девушка кивнула.

— Только я не думаю, что они хороши для рудников. Они слишком своевольны. По крайней мере Баньши не позволила бы запереть себя в темной шахте. — Девушка нервно рассмеялась. — Вполне вероятно, что она в первую же ночь начала бы строить планы по поводу постройки

лестницы.

Тим сохранял серьезность.

— Которая, наверное, оказалась бы более прочной, чем подъемники в иных частных шахтах, — произнес он, вспомнив трухлявый лифт в шахте своего отца. — Но вы правы, в рудниках чаще встречаются пони из Дартмура и Нью-Фореста. Еще часто попадаются феллы, они чуть побольше.

Похоже, девушка немного успокоилась и посмотрела на него более пристально. Тим отметил про себя, что у нее красивые глаза и замечательные веснушки.

— Вы из Уэльса? — осведомился он, хотя и не думал, что это так. Девушка говорила без уэльского акцента.

Она покачала головой, но распространяться на эту тему не стала.

— А вы? — вместо этого спросила она. Впрочем, ее, наверное, не столько интересовал собственно ответ, сколько она хотела поддержать разговор.

— Я был в Уэльсе и работал там на одном руднике, — сказал он. — Но я здешний, из Греймута.

— Так вы горняк? — Этот вопрос тоже прозвучал мимоходом, однако при этом девушка с удивлением отметила, что на нем чистая одежда, а на коне — дорогие седельные сумки, да и сам конь хорош. Обычные горняки не могли позволить себе ничего подобного. Они ходили пешком.

— Горный инженер, — поправил он ее. — Я учился в Европе. Горные инженеры занимаются безопасностью шахт и...

Девушка махнула рукой.

— И строят подобное, — произнесла она и скупым жестом обвела копры и вскрышные отвалы, уродовавшие пейзажи вокруг Греймута. Выражение лица незнакомки отражало ее мнение на этот счет.

Тимоти улыбнулся ей.

— Это отвратительно, можете говорить об этом совершенно спокойно. Мне они тоже не нравятся. Но нам нужен уголь. Он дает тепло, позволяет производить сталь... без угля нет современной жизни. И он создает рабочие места. Только здесь, вокруг Греймута, он дает пропитание большей части населения.

Похоже, девушке было что ответить на это. На ее лбу образовались морщины, глаза недовольно сверкнули. Если она здесь уже давно, то наверняка видела нищенские кварталы горняков. Он хотел продолжить эту тему, но они уже добрались до первых домов городка. Тиму показалось, что он чувствует, как расслабляется едущая рядом с ним девушка. Она казалась

гораздо спокойнее, когда с ней здоровались немногие прохожие, и отвечала на приветствия. Судя по всему, несмотря на болтовню, она чувствовала себя рядом с ним неловко. Тимоти удивился. С каких это пор он внушает женщинам страх?

Магазин, торговавший строительными материалами, был одним из первых домов в городе. Тимоти сказал девушке, что здесь ему нужно повернуть.

— Кстати, меня зовут Тимоти Ламберт, — поспешно представился он. Никакой реакции в ответ.

Тим предпринял еще одну попытку.

— Было приятно поболтать с вами, мисс...

— Кифер, — сдержанно произнесла девушка.

— Значит, до свидания, мисс Кифер.

Тим коснулся шляпы и направил коня во двор магазина строительных материалов.

Девушка не ответила.

Глава 7

Илейн ругала себя на чем свет стоит. Совершенно не было нужды вести себя таким образом. Молодой человек был очень вежлив. Но Илейн ничего не могла с собой поделать: как только она оставалась с мужчиной наедине, все внутри у нее замыкалось. Она чувствовала только враждебность и страх. Чаще всего не могла произнести ни слова; этому человеку удалось разговаривать с ней только потому, что он так уверенно и со знанием дела рассуждал о лошадях. С другой стороны, то, что он распознал породу Баньши, было опасно уже само по себе. Возможно, он уже слышал об уэльских кобах с Киворд-Стейшн и может связать с этим ее, Илейн.

И она тут же обругала себя за недоверчивость. Молодой человек — горный инженер. Он не разбирается в овечьих фермах на Кентерберийской равнине. Может быть, ему и на Баньши наплевать; он просто хотел поддержать разговор. А она даже не смогла заставить себя сказать ему «до свидания»! С этим нужно заканчивать. Она находится в Греймуте вот уже скоро год, и никто ее не преследует. Конечно же, она не собиралась снова влюбляться, но ей пора бы избавиться от внутреннего напряжения, чтобы быть в состоянии поговорить с мужчиной. Этот Тимоти Ламберт мог бы стать хорошим началом. Он действительно не производил опасного впечатления и выглядел весьма мило. У него были волнистые каштановые волосы, довольно длинные, он был среднего роста, стройный — не такой высоченный, как Уильям, и не такого атлетического телосложения, как Томас. Неброский мужчина. Но он ловко сидел в седле, легко держал поводья. Наверняка он не из тех, кто много времени проводит в конторе, впрочем, и под землей тоже, скорее всего, нет. Кожа у Тимоти была загорелой, а не бледной и покрытой слоем угольной пыли, как у большинства горняков. Илейн старалась не смотреть ему в глаза, но, кажется, они были зелеными. Неяркого зелено-коричневого цвета. Они не сияли, как у Уильяма, не манили загадочной глубиной, как у Томаса. Спокойные, приветливые глаза совершенно обычного человека, который ни для кого на этом свете не будет представлять опасности.

Но про Уильяма она тоже так думала. И про Томаса...

Илейн энергично встряхнулась, заставляя себя отбросить мысли о случайном встречном. Она уже успела доехать до конюшни мадам Кларисс, расседлала Баньши и покормила ее. Келли пошла за ней в ее крохотную комнату, которую девушка уже успела украсить цветными занавесками и

красивым пледом в качестве покрывала. Нужно переодеться; через полчаса откроется паб. Жаль, что она приехала только сейчас. Ей хотелось опробовать новые ноты, которые дал ей преподобный отец. Но мадам Кларисс по-прежнему не нравилось, когда она играла церковные песни в ее заведении. По утрам ей было все равно, но в такое время девушки по большей части находились уже в пабе, чтобы поесть перед работой.

— Смотри мне, не смей их обращать! — заявляла мадам Кларисс и грозила пальцем.

Над такими шутками Илейн уже научилась смеяться. Она привыкла к разговорам девушек и уже не краснела, когда те рассказывали друг другу о своих клиентах. Впрочем, их истории лишь укрепляли ее во мнении, что она ничего не теряет, ограничивая свое общение с противоположным полом. Хотя продажные девушки зарабатывали гораздо больше, чем сама она за пианино, однако в жизни шлюхи не было ничего, чему бы стоило завидовать, а в жизни замужней женщины — и подавно.

Илейн решила надеть светло-голубое платье, которое подчеркивало цвет ее глаз, распустила косу и расчесала волосы. А затем, ровно к открытию, была у пианино, как обычно, в сопровождении Келли. Маленькая собачка давно перестала лаять только потому, что хозяйка садилась за пианино. Но если кто-то из мужчин начинал слишком сильно досажать Илейн, она грозно рычала. Это придавало Илейн уверенности, а мадам Кларисс не мешало. Впрочем, здесь, в пабе, девушка не испытывала страха, болтая с мужчинами. Это было частью работы, и она ничем не рисковала. Ведь, в конце концов, в заведении было много народу; никто не мог незаметно унижить ее. В принципе, Илейн и тут могла бы избегать разговоров, но если она была слишком колючей, мужчины не угощали ее выпивкой — а ей нельзя было отказываться от дополнительного дохода. Вот и сегодня первая порция «виски» уже стояла перед ней на пианино, когда она только начала играть. Шарлен, которая подала ей напиток, улыбнулась.

— Сыграй, пожалуйста, «Paddy's Green Shamrock Shore», — передала она чье-то послание.

Илейн кивнула. Вечер, такой же, как и все остальные, начался.

Тем временем Тим разделался со всеми своими заботами. После бесконечного перелистывания каталогов и дискуссий относительно преимуществ и недостатков различных строительных материалов ему даже удалось убедить торговца в том, что на этот раз рудник Ламберта хочет

заказать не самые дешевые, а самые лучшие материалы. Торговец совершенно растерялся и в конце концов предложил Тиму выпить пива. Еще один новый друг. Тим был очень доволен и более чем готов продолжить вечер в пабе. Жаль только, что он не договорился точно с Мэтью. Сейчас он не знал даже, в каком из заведений обычно пьет пиво молодой штейгер, но предположил, что тот не пойдет в дорогие отели и рестораны на набережной. А первый трактир горняков, «Уайлд Ровер», особого доверия не вызывал. Посетители здесь, похоже, были уже пьяны; атмосфера казалась скорее агрессивной. Тим услышал крики; если Мэтью проводит вечера здесь, то, скорее всего, он ошибся в нем. Поэтому он зашел в другое заведение, «Лаки Хорс» — отель и паб, в котором также находился местный бордель. Но это почти всегда шло в паре, так что необязательно повлияет на настроение и качество виски.

Тим хотел привязать свою лошадь у входа, однако другой всадник, который тоже только что приехал, сказал ему, что у заведения есть своя конюшня.

— Иначе ваше седло мигом промокнет, — пояснил он, окинув коня Тимоти взглядом знатока. Весенняя погода, стоявшая днем, оказалась лишь робким предвестником лета. К вечеру снова начал моросить дождь. — А было бы жаль. Английская работа, верно? Где вы купили его? В Крайстчерче?

Мужчина оказался местным шталмейстером, а конюшня — чистой и сухой пристройкой к зданию. Рядом заржала белая кобылка. Тим поставил своего коня и погладил ноздри. Кажется, это коб той девушки? Его мерин тоже, похоже, узнал кобылку и начал предпринимать робкие попытки сблизиться. Баньши весело ответила ему.

Шорник, Эрнест Гаст, дал лошадям сена и бросил пару центов для конюшего на стоящую специально для этого тарелку. Тим хотел спросить по поводу кобылки, однако забыл об этом, когда они вошли в пивную.

У мадам Кларисс было тепло, пахло табаком, свежесцеженным пивом и жареным мясом. Тимоти сразу же почувствовал себя гораздо уютнее, чем в заведении конкурента, несмотря на то что здесь тоже было довольно шумно. Впрочем, тут пели, вместо того чтобы ссориться, — три валлийца образовали импровизированный маленький хор и встали вокруг пианино. За некоторыми столиками мужчины болтали с девушками, довольно откровенно одетыми, за другими играли в карты, а группа горняков состязалась в дартс. В нише, несколько в стороне от остальных, сидел Мэтью Гавейн и весело махал рукой вновь прибывшим.

— Идите сюда, мистер Ламберт, здесь будет поспокойнее, да и ребята

не сразу сообразят, что их штейгер тут, не говоря уже о начальстве. Многие из них начинают нервничать. По всей вероятности, они не верят, что у нас после рабочего дня тоже в горле першит. Они скорее подумают, что я считаю, сколько они пьют.

— Слишком много они вряд ли смогут позволить себе на протяжении недели, — произнес Тим, подсаживаясь к нему.

К ним приблизилась девушка, он заказал пиво. Эрнест Гаст, которому Мэтью тоже предложил присесть, поступил точно так же. Судя по всему, мужчины были знакомы.

Мэтт пожал плечами.

— Знаете ли, у некоторых шахтеров почти вся зарплата уходит на выпивку, поэтому они никогда не добьются успеха. Но разве их можно винить в этом? В тысячах миль от дома, а будущего все равно нет. Жизнь в грязи, постоянный дождь...

— Я не терплю пьяных под землей. — Тим сделал первый глоток пива и внимательнее огляделся по сторонам.

Что ж, сегодня здесь не слишком шикавали. Перед большинством мужчин стояли пивные бокалы, лишь немногие гости заказывали виски — и они не были похожи на горняков. Сейчас звучала более веселая музыка. Грустные валлийцы отошли от пианино, и пианист заиграл ирландскую джигу.

Пианист?

— Черт возьми, это еще что такое? — озадаченно воскликнул Тим, увидев девушку за инструментом. Сомнений не было — это была та самая робкая малышка, с которой он встретился днем. Впрочем, сейчас на ней было не скромное платье для верховой езды, а красивое голубое платье с рюшами, подчеркивавшее ее тонкую талию. Цвет был несколько ярковат для девушки из хорошей семьи, однако наряд был далеко не таким вызывающим и открытым, как у официанток и шлюх. Теперь ее волосы были распущены, свободно спадали на плечи и, казалось, находились в постоянном движении. Завитки были настолько мелкими и легкими, что взлетали от малейшего дуновения ветерка.

Мэтт и Эрнест испуганно посмотрели в ту сторону, куда указывал Тим. А затем рассмеялись.

— Красотка у пианино? — переспросил Эрнест. — Это наша мисс Лейни.

— Греймутская святая! — пошутил Мэтт.

Тим нахмурился.

— Что ж, на святую она не похожа, — заметил он. — И я не осмелился

бы предположить, что таковая могла бы появиться здесь.

Мэтт и Эрнест захихикали.

— Да вы же еще не знаете нашу мисс Лейни, — елеиным голосом произнес Мэтт. — Ее еще называют Греймутской девственницей, но дамы не любят это выражение, потому что можно подумать, будто она здесь единственная.

Снова раздался громогласный смех, в том числе и из-за соседних столиков.

— Итак, меня кто-нибудь собирается просветить? — недовольно поинтересовался Тим.

Он не знал почему, но ему не нравилось, как мужчины подшучивали над этой девушкой. Рыжеволосая малышка была слишком мила. Ее нежные пальцы, казалось, порхали над клавишами, создавая из трудных пассажей прекрасную мелодию, а на переносице у нее залегла морщинка, что свидетельствовало о сосредоточенности. Казалось, девушка забыла о том, что она в пабе, а вокруг нее мужчины. Словно она превратилась в островок... невинности?

Наконец Мэтью сжалился над ним.

— Рыжеволосая красавица говорит, что зовут ее Лейни Кифер. Она появилась здесь около года назад, довольно оборванная и какая-то перепуганная. Искала работу. Честную работу. Даже пыталась снять комнату в нормальном пансионе. Жена брадобрея до сих пор возмущается, что едва не пустила на порог эту девушку. Но у нее не было денег. Ну что тут скажешь? Греймут не рай для ищущих работу женщин. Наконец мадам Кларисс наняла ее в качестве пианистки. Для начала. Конечно же, мы сразу поставили на то, когда она падет. Как девушка может остаться чистой в такой-то обстановке?

— И что? — спросил Тим. Он наблюдал за тем, как разносчица принесла пианистке напиток и поставила его на пианино. Мисс Лейни залпом опрокинула в себя стакан виски. Не сказать, чтобы самый лучший признак невинности.

— И ничего! — ответил Эрнест. — Она играет на пианино, немного болтает с ребятами, но в остальном — ничего!

— Причем болтовня ограничивается рабочим временем, — добавил Мэтт. — А так... она ни с кем из мужчин не общается, кроме преподобного отца.

— Сегодня днем она со мной разговаривала, — заметил Тим.

Сейчас девушка играла «Wiskey in the jar», судя по всему, по заявке. Один напиток — одна песня.

— О, так вы уже с ней познакомились! — рассмеялся Мэтт. — Что ж, готов спорить, что разговор ограничился погодой. Большого она из себя не выдавит.

— Мы говорили о лошадях, — задумчиво пояснил Тим.

Эрнест рассмеялся.

— Ничего себе, а вы из шустрых! Значит, уже попытались. И довольно неплохой результат. Что касается лошадей, то на эту тему она еще может что-то сказать. Еще подойдет разговор о собаках. И Джоэль Хендерсон утверждает, что один раз она выдавила из себя три фразы по поводу ирландской песни и две различные текстовые версии.

— Что я попытался? — Тим поймал себя на том, что почти не слушает собеседников. Его гораздо больше интересовала игра Лейни.

— Ну, попытались к ней подкатить! — усмехнулся Мэтт. — Но это безнадежно, можете мне поверить. Мы все пробовали. И горняки, конечно, но они для нее вообще пустое место. Какая девушка захочет переехать в их бараки? И землевладельцы, и их сыновья, ремесленники, вот Эрни, например, и кузнец... и ваш покорный слуга, а также штейгеры Блекболла и Биллера. Все впустую. Она ни на кого не смотрит.

И это действительно походило на правду. Тим вспомнил, как Лейни опускала взгляд, когда они ехали рядом.

— Знаете, что говорят о ней другие девушки? — спросил Эрнест. Похоже, он уже слегка захмелел, но, возможно, это воспоминание о неудавшемся ухаживании за Лейни настраивало его на меланхолический лад. — Они говорят, что мисс Лейни боится мужчин...

Тим дождался, когда разговор перейдет на другую тему. Затем медленно поднялся и направился к пианино. На этот раз он старался подойти так, чтобы Лейни его видела. Он больше не хотел ее пугать.

— Добрый день, мисс Кифер, — официальным тоном произнес он.

Лейни опустила голову, и волосы, словно занавеска, закрыли ее лицо.

— Добрый вечер, мистер Ламберт, — ответила она.

Значит, имя его она все же запомнила.

— Я поставил своего коня рядом с вашей кобылкой, и они тут же начали флиртовать.

Лицо Лейни слегка покраснело.

— Баньши любит компанию, — натянуто ответила она, овладев собой. — Ей одиноко.

— Тогда, возможно, нам стоит время от времени развлекать их обоих. Может быть, она захочет погулять вместе с Приятелем? — Тим улыбнулся

девушке. — Приятель — это мой конь, и, уверяю вас, у него самые честные намерения.

Лейни продолжала прятаться за занавеской волос.

— Да, конечно, но я... — Она на миг подняла голову, и ему показалось, что в глазах ее сверкнули лукавые искорки. — Видите ли, я не позволяю ей гулять одной.

— Мы оба тоже могли бы присоединиться к нашим лошадям. — Тим изо всех сил старался сохранять спокойствие.

Илейн осторожно изучала его. Тим смотрел на нее искренне, без иронии и пошлости во взгляде. Судя по всему, он действительно мил и очень дипломатично замаскировал приглашение покататься верхом. Возможно, другие мужчины предупредили его. И, вероятно, они устроили пари, удастся ли ему задуманное.

Илейн покачала головой. Никакие отговорки не приходили в голову, поэтому девушка густо покраснела и закусила губу. Сидевшая под пианино Келли зарычала.

Мадам Кларисс наконец заметила происходящее. Что этот незнакомец хочет от Лейни? Пытается подольститься? Как бы там ни было, похоже, он смутил девушку.

— На нашу Лейни можно только смотреть! — решительно заявила она. — И слушать. Если у вас есть любимая песня и вы закажете ей выпить, она сыграет для вас. А в остальном держитесь от нее подальше, понятно?

Тим кивнул.

— Мы к этому еще вернемся, — дружелюбным тоном произнес молодой человек, не уточняя, имеет ли он в виду приглашение покататься или любимую песню.

Мэтт и Эрни встретили его с усмешкой.

— Что, никак? — спросил шорник.

Тим пожал плечами.

— У меня еще есть время, — ответил он.

На следующий вечер Тим снова пришел в паб, сел неподалеку от пианино и стал смотреть на Лейни. Он медленно выпил один бокал пива, затем второй, перекинулся парой слов с новыми знакомыми, занимающимися продажей строительных материалов, с Мэттом и Эрни, но больше не делал ничего, кроме как наблюдал за девушкой у пианино.

Наконец он вежливо попрощался с Лейни и мадам Кларисс, которая уже успела узнать, кто он такой, и слегка стыдилась своих резких слов, произнесенных прошлым вечером. На следующий вечер Тим пришел

снова. И снова. На четвертый день, в субботу, Лейни не выдержала.

— Чего вы сидите каждый вечер и таращитесь на меня? — сердито спросила она, когда он осушил первый бокал пива.

Тим улыбнулся.

— Я думал, вы для того здесь и находитесь. По крайней мере мне так сказала ваша начальница. «На мисс Лейни можно только смотреть». Вот этим я и занимаюсь.

— Но зачем? Если вы хотите послушать какую-то определенную песню... Вы можете что-нибудь заказать, вам объяснили? — Илейн растерялась.

— Я с удовольствием закажу вам чай, если нужно. Но с песнями сложнее. Застольные песни кажутся мне слишком шумными, а любовные песни вы поете неискренне...

Услышав про чай, Илейн снова покраснела.

— Откуда вы знаете?.. — Она кивнула на бокал виски, стоявший на пианино.

— Ну, это же совсем не трудно, — ответил Тим. — С тех пор как я пришел сюда, это уже пятый бокал виски, который вам заказали. Если бы это действительно была водка, вы давно уже опьянели бы. Кстати, попробуйте как-нибудь. Тогда любовные песни будет петь легче.

Лейни покраснела еще гуще.

— Я получаю процент, — бесцветным голосом произнесла она. — От виски...

Тим рассмеялся.

— Тогда стоит позволить себе целую бутылку. Но что же мы будем делать с музыкой? Как насчет «Silver Dagger»?

Лейни закусила губу. Песня, в которой девушка отрекается от любви. Она спит с серебряным кинжалом в руке, чтобы не подпускать к себе мужчин.

Это вызвало у Илейн совершенно определенные воспоминания. Нужно постараться не задрожать.

Мадам Кларисс подошла ближе.

— Дайте же девушке спокойно работать, мистер Ламберт. Бедняжка пугается, когда вы постоянно смотрите на нее. Ведите себя как приличный человек, пейте с друзьями, а завтра встретьте малышку в церкви и вежливо спросите, разрешит ли она вам проводить ее до дома. Это кажется мне гораздо приличнее, чем поделиться с ней бутылкой виски!

Тим не был так уж уверен в этом, но ему показалось, что при упоминании церкви Лейни напряглась. Во всяком случае, краска на щеках

уступила место разлившейся по лицу бледности.

— Думаю, я предпочту виски... — тихо сказала она.

На следующее утро Тим действительно встретил девушку в церкви, но она сразу же сбежала, что, в общем-то, было нетрудно. Как бы там ни было, она играла на органе, поэтому все равно сидела отдельно от общины. И Тим продолжил делать то, к чему уже привык: он смотрел на нее, — но тут же услышал ворчание матери, заменившей мадам Кларисс. Он надеялся увидеть Лейни хотя бы после мессы, но она исчезла, едва отзвучала последняя мелодия.

Шарлен, одна из девушек мадам Кларисс, поведала ему, что Лейни обедает вместе с преподобным отцом и его женой.

— Они иногда приглашают ее, но я думаю, что сегодня она сама себя пригласила. Эта идея с церковью — не самая лучшая, мистер Тим. Судя по всему, у нее связаны с этим плохие воспоминания.

Тим задумался, с какой стороны тогда вообще подойти к девушке, ибо теперь его тщеславие разыгралось еще сильнее.

На следующей неделе он продолжил ходить в паб. Хотя он не смотрел на девушку так пристально, как в первые дни, но всегда старался держаться поблизости. Иногда перекидывался с ней парой слов, прежде чем заказать одну и ту же песню и напиток для пианистки. Девушка робко улыбалась и играла «Silver Dagger», в то время как Шарлен приносила ей «виски».

Так прошло несколько недель — без какого бы то ни было прогресса. А потом стал близиться День святой Барбары.

— Значит, ваш отец действительно устраивает праздник? — Мэтью Гавейн обернулся к Тимоти, едва тот вошел в паб.

В тот день в «Лаки Хорс» только и разговоров было, что о предстоящих скачках на руднике Ламберта, и молодому штейгеру не терпелось узнать подробности.

Тим пришел немного позже, чем обычно, и только что закончил обмен любезностями с Лейни: «Добрый вечер, мисс Кифер!» — «Добрый вечер, мистер Ламберт!» Только после этого он направился к своему обычному столику и сел рядом с остальными мужчинами.

— Идея насчет праздника принадлежала не мне, если вы намекаете на то, что на развлечения деньги есть, а на безопасную взрывчатку — нет! — недовольно ответил Тим, который только что поссорился из-за этого с отцом и, как обычно, ничего не добился.

— Для горняков праздник гораздо важнее, чем условия труда! —

утверждал Марвин Ламберт. — Хлеба и зрелищ — вот что нужно народу, сын мой, это знали еще в Древнем Риме. Если ты построишь им новую умывальню, завтра они захотят новый подъемник или шахтные лампы получше. Но если ты устроишь для них хорошие скачки, зажаришь быка и нальешь пива на дармовщину, они еще несколько недель потом будут ходить довольные, вспоминая об этом!

— Да я ничего не говорю, — миролюбиво заметил Мэтт. — Просто это так не похоже на старого хозяина. Большой праздник в День святой Барбары. Никогда ничего подобного не было, а я здесь уже три года.

Тим пожал плечами.

— Мы недавно говорили об этом. Профсоюзы наступают. Люди слышат о восстаниях в Англии, Ирландии и Америке. Появится настоящий лидер — и у нас тоже начнутся неприятности. — Тим осушил бокал пива быстрее, чем обычно, и заказал виски. — Мой отец хочет это предотвратить. Благодаря хлебу и зрелищам...

— Скачки? Но ведь у нас здесь совсем нет беговых лошадей! — К ним присоединились Эрнест и Джей Хэнкинс, кузнец.

Тим поднял брови.

— И борзых у нас нет, — спокойно ответил он. — Так что собачьи бега тоже не подойдут. Если, конечно, мы не заставим Келли мисс Лейни бежать наперегонки с пуделем миссис Миллер... — Тим улыбнулся и бросил быстрый взгляд на маленькую собачку, сидевшую у пианино.

Келли услышала свое имя, встала и, помахивая хвостом, направилась к нему. Что ж, по крайней мере за последние недели ему удалось завоевать сердце Келли, причем он не боялся давать взятки. Келли любила маленькие колбаски, которые подавала на завтрак мать Тима.

— Но здесь наверняка найдется парочка лошадей, способных бежать галопом, и мой отец хочет предоставить людям что-то вроде приза. Если не опускаться до такой низости, как петушинные бои, то остаются только скачки. Кроме того, это очень просто организовать. Вокруг рудника есть дороги, и большинство из них ровные и более-менее подходят для скачек. Все это будет называться «Ламберт-дерби». Любой может принять участие, любой может делать ставки, и самая быстрая лошадь победит.

— Значит, уладим дело в узком кругу! — с ухмылкой произнес Джей Хэнкинс. У него была длинноногая кобыла, у мерина Тима тоже были чистокровные предки.

— Я же не могу принимать участие! — проворчал Тим. — Как это будет выглядеть?

По этому поводу он тоже спорил с отцом. Старый Ламберт

придерживался мнения, что его сын не просто должен принять участие в скачках, но и победить. Горняки должны поставить на Ламберта и выиграть вместе с ним. Это создаст ощущение, что они одно целое, и люди будут лучше относиться к своему работодателю. Марвин Ламберт даже всерьез подумывал о том, чтобы купить специально для такого случая чистокровного жеребца.

— А что тут такого? — удивленно поинтересовался Эрни. — У вас есть лошадь, вы участвуете — как, вероятнее всего, и всякий в этом городе, чья кляча еще способна пробежать вокруг рудника. Это же игра, Тим! Вы ведь не собираетесь всерьез уклониться от мероприятия?

Для горняков это было не только развлечение. Тим знал, что они позволят уговорить себя на высокие ставки. Так можно быстро просадить недельный заработок, и никто не будет знать, кто победит в столь странных скачках.

— Наша мисс Лейни в любом случае будет участвовать! — заметила Флёрри, разнощица. Она услышала, о чем говорят мужчины, и поставила перед ними новые бокалы пива.

Мужчины рассмеялись.

— Мисс Лейни со своим пони? — усмехнулся Джей. — Да мы умрем от страха!

Флёрри бросила на него уничижительный взгляд.

— Подождите, пока Баньши не засверкает копытами у вас перед носом! — процедила она. — Мы все поставим на нее!

— От этого лошадка быстрее не побежит, — поддразнил девушку Мэтт. — Серьезно, как вам такое в голову пришло?

— Мисс Лейни умеет ездить верхом лучше, чем все эти ребята, — ликующим тоном заявила Флёрри. — И она сказала, что готова принять участие в состязаниях. И мадам Кларисс сказала, что если она хочет, то пусть соревнуется. Мы вплетем пестрые ленты в гриву Баньши, и это будет живая реклама «Лаки Хорс». Сначала Лейни немного ломалась. Но мы все готовы подбодрить ее, и Баньши наверняка будет самой красивой лошадкой.

— А мисс Лейни — самой красивой наездницей! — с улыбкой произнес Тим, прежде чем Мэтт и остальные успели вклиниться в разговор со своими язвительными замечаниями.

Флёрри была не самой умной девушкой. Возможно, она действительно не совсем понимает разницу между настоящими скачками и конкурсом красоты. Но для Тима эта новость открывала новые перспективы. Во время скачек Лейни просто обязана поговорить с ним, хотя бы как жокей с

жокеем! Он поднял бокал и выпил за здоровье друзей.

— Ну ладно, я тоже не буду упираться. Завтра же внесу свою лошадь в список. Пусть победит сильнейший!

«Или сильнейшая», — подумала Илейн. Она сыграла несколько простых песенок, слушая при этом разговор мужчин. И девушка не собиралась выставлять себя на посмешище перед всем рудником. Поэтому вчера она осмотрела трассу. Длина ее составляла три мили, скакать придется по твердым и топким, широким и узким дорогам, то в гору, то под гору. Здесь победит не просто самый быстрый, все зависит еще и от выносливости и состояния лошадей, а также от умения наездника. Илейн искоса взглянула на Тимоти Ламберта и покраснела, когда он заметил это и подмигнул ей.

Ну ладно, он хотел покататься вместе. Что ж, у него будет такая возможность в День святой Барбары.

Глава 8

День 4 декабря, посвященный покровительнице рудников, приходился в Новой Зеландии на разгар лета. Даже в обычно дождливом Греймуте в этот день ярко сияло солнце, и работники Марвина Ламберта превратили территорию рудника в площадку для праздника. Украшенные гирляндами, флажками и воздушными шарами, конторы, копры и угольные отвалы казались не такими серыми и унылыми, как обычно, а дороги наконец-то просохли. Сегодня вдоль них стояли палатки, где наливали пиво для мужчин и чай для дам. На больших кострах жарили быков на вертелах. В других палатках мужчины могли посостязаться в метании дротиков или подков, позабывавать гвозди.

Но центр всего составляла трасса для скачек, где места стали занимать за много часов до начала. Как бы там ни было, в этой странной скачке еще не было фаворита. Многие зрители выберут лошадь и наездника, которые кажутся им наиболее достойными доверия, в самый последний момент. И здесь же, перед входом в рудник, находились старт и финиш, а также импровизированный тотализатор, во главе которого был Пэдди Холлоуэй, хозяин «Уайлд Ровера». Таким образом, люди могли делать ставки рядом с пивными палатками, а потом следить за ходом событий. Марвин Ламберт исполнял обязанности протектора соревнований. Третьеиским судьей назначили терпеливого преподобного отца, который принял этот пост только ради того, чтобы перед началом произнести перед своей паствой речь об опасности и безбожности пари. Надо сказать, что священник проявил необычайную гибкость, согласившись прочесть мессу прямо рядом с рудником в утро соревнований. При этом он был методистом и не имел никакого отношения к святой Барбаре. Преподобный Ланс относился к вопросу прагматично: как бы там ни было, мужчины, работающие на руднике Ламберта, нуждаются в божественной поддержке. А уж как называть эту дружественную силу, пусть решают сами.

Илейн сыграла «Amazing Grace», которой ничего, кроме, пожалуй, свадеб, нельзя было испортить.

Во второй половине дня, когда до начала скачек оставалось совсем немного, гости насытились и уже слегка были навеселе.

Илейн подъехала к трассе на своей кобылке и увидела, что большую часть публики составляют мужчины. И только девушки мадам Кларисс в

своих открытых летних платьях выделялись из толпы, словно поросшая цветами лужайка. Когда она проезжала мимо них, они принялись радостно кричать ей вслед. Остальные немногие представительницы женской части населения города вели себя тихо. Это были ожесточившиеся жены горняков, пришедшие главным образом затем, чтобы проследить за своими мужчинами, которые могли проиграть все деньги. Были здесь и несколько жен местных богатеев, занявших места на трибуне рядом с Ламбертом. Они сидели бок о бок со своими мужьями и всю болтали насчет присутствия тут девушек легкого поведения и, в первую очередь, об участии в гонке самой Лейни. Все единогласно пришли к выводу, что это неприлично. Но, строго говоря, милая мисс Кифер имеет мало общего с приличиями...

Илейн, прекрасно представлявшая себе, о чем шепчутся женщины, ликуя, помахала им рукой.

Тим заметил это и улыбнулся про себя. Лейни могла быть такой самоуверенной и довольной. Почему она вздрагивает, как побитая собака, стоит мужчине заговорить с ней?

Вот и теперь она сразу же потупила взгляд, когда он поздоровался с ней. При этом сегодня она не могла спрятаться за волосами. Она собрала свои локоны в пучок и даже надела маленькую шляпку — возможно, позаимствовала у мадам Кларисс. Она была серой и, в принципе, подходила к платью Лейни, но кто-то обмотал ее ярко-сиреневой лентой. К слову, грива и хвост Баньши, как и обещала Флёрри, тоже были украшены пестрыми лентами.

Лейни заметила взгляд Тима и виновато улыбнулась.

— Девочки непременно хотели сделать это. Мне кажется, выглядит неопишимо глупо.

— Нет, нет, — заверил Тим. — Напротив, ей идет. Она похожа на испанскую боевую лошадь.

— Вы и в Испании уже побывали? — спросила Лейни. Она пустила Баньши идти рядом с конем Тима и, вопреки обыкновению, казалась довольно спокойной. Что ж, они сейчас среди толпы. Она не оставалась с Тимом наедине, как и в пабе.

Тимоти кивнул.

— Там тоже есть рудники.

Тем временем собрались участники скачек. Всего участвовать в состязании решились девять наездников и одна наездница. Как и ожидалось, компания подобралась пестрая. Тимоти узнал Джея Хэнкинса, кузнеца, восседавшего на своей чистокровной кобыле. Владелец конюшни привел из своего стойла высокого грубого мерина, в родословную которого

много лет назад, возможно, затесалась чистокровная лошадь. Двое мальчишек с одной из ферм оседлали рабочих лошадей своего отца. Два молодых штейгера с рудников Биллера и Блекболла взяли в аренду лошадей специально для такого случая. Один сидел в седле довольно уверенно, второй, похоже, был в этом деле совершенным новичком. Конечно же, шорник Эрнест тоже не стал лишать себя такого удовольствия, несмотря на то что у него со старичком мерином практически не было шансов. Впрочем, сильнее всех удивлял последний участник, Калев Биллер. Сын главного конкурента Марвина Ламберта сидел на элегантном черном жеребце, и его приветствовали радостными криками. Работники рудника Биллера наверняка поставят на него.

— Может быть, все не так уж и плохо, — заметил Тим ехавшему рядом с ним Джею. Лейни, едва оказавшись между двух мужчин, сразу же отстала. — Лошадь выглядит потрясающе, настоящий чистокровный конь. Он нас всех растопчет! — Тим почесал шею своему Приятелю, который нервно тянулся к Баньши. С тех пор как вот уже на протяжении нескольких месяцев Приятель проводил рядом с ней в стойле практически каждый вечер, он не хотел отходить от нее ни на шаг.

Джей пожал плечами.

— Но одна лошадь не может выиграть состязание, большое значение имеет наездник. А молодой Биллер...

Илейн тоже разглядывала конкурентов. До сих пор она считала Приятеля опасным противником. Мерин Тимоти Ламберта был сильным серым конем в яблоках, у него, без сомнения, были арабские предки. Наверняка на ровной дороге он без труда обгонит Баньши. Но этот светловолосый молодой человек — прежде она никогда не видела Калева Биллера — сидел на настоящей скаковой лошади. Впрочем, похоже, чувствовал он себя на ней не очень уверенно: судя по всему, несыгранная команда.

— Неудивительно, старик Биллер купил ему эту клячу специально к скачкам. — Эрнест Гаст и владелец конюшни говорили о том же. — Родом из Англии, но уже участвовал на скачках в Веллингтоне. Этот очень хочет победить. Старый Ламберт не сильно обрадуется, если потом придется вручать кубок своему злейшему врагу...

«Но до этого еще целых три мили», — подумала Илейн, хотя при виде сильного черного жеребца тоже слегка утратила мужество.

Илейн заняла стартовую позицию с самого края, справа, и сразу же после выстрела оказалось, что это было очень удачно. Некоторые лошади,

нервничавшие уже только из-за толчеи во время парада, испугались стартового выстрела. Они совершенно не хотели бежать мимо человека с дымящимся пистолетом и вместо этого принялись толкаться на старте. Ни мальчишки на рабочих лошадях, ни штейгер на арендованной лошади ничего не могли с ними поделать. Последний сразу же свалился, но ему повезло — он не попал под копыта коней. Менее удачно сложилось все для Джея Хэнкинса. Его кобылка получила удар по берцовому суставу и захромала. Для него скачки закончились.

Зато Илейн продвигалась вперед хорошо, равно как и Тимоти. Оба оказались рядом после того, как мальчишки-крестьяне ринулись с места в карьер, за ними по пятам неся Биллер на своем черном жеребце. При этом нестись на полном скаку в толпе было глупостью. Вдоль дороги стояли ликующие люди. Илейн казалось слишком опасным давать лошади волю. За первым поворотом стояли девушки мадам Кларисс, и они сразу же принялись кричать при виде Лейни. На Флёрри было пестрое платье в цветочных узорах, и она подпрыгивала, словно резиновый мячик. При этом она размахивала двумя флагами, из-за чего испугались еще две лошади, среди которых был и жеребец Биллера.

— Осторожнее! — крикнул молодому человеку Эрни, когда его лошадь едва не врезалась во вставшего на дыбы жеребца. — Скачи, черт тебя побери, пока твоя кляча не прыгнула в толпу!

Стоявшие на обочине зрители испугались и с криками бросились врассыпную. Молодой Биллер поторопился прищпорить своего жеребца. Вороной тут же перешел в галоп, перегнал крестьянских лошадей, затем штейгера на арендованной лошади и исчез за следующим поворотом.

— Ну вот, — огорченно произнесла Илейн. — Теперь мы увидим его только на финише.

— Ах, я вовсе не уверен в этом, — ответил ей Тим. — Такой темп на протяжении трех миль ему не удержать. Он вообще столько никогда еще не бегал. Даже крупные скачки проходят на расстоянии не более двух тысяч метров. Подожди, мы встретим его раньше, чем ты думаешь.

Стратегия Тимоти была очень похожа на стратегию Илейн. Первые две мили он тоже шел в ровном, не слишком быстром темпе, и его мерин довольно бежал рядом с ее кобылкой. Илейн не противилась этому и слегка удивлялась самой себе. Несмотря на близость к Тиму и Эрни, который сначала нагнал их, а затем снова отстал, ей начинало нравиться происходящее. Она даже сумела ответить на улыбку Тима, когда они обогнали раздраженного владельца конюшен. Его лошадь попыталась удержать тот же темп, что и вороной Биллера, и сейчас, пробежав всего

одну милю, совершенно выбилась из сил.

Примерно то же самое произошло и с крестьянами. Их медлительные рабочие лошади сдались, пробежав следующие полмили. Зато ни у Баньши, ни у Приятеля не было заметно никаких признаков усталости, их наездники тоже были бодры.

Тимоти удивленно поглядывал на Лейни. Он всегда считал ее довольно привлекательной, но никогда еще она не была столь очаровательной и оживленной, как сегодня. Шляпку она потеряла почти сразу после старта, строгий пучок волос рассыпался, когда они преодолели первую милю пути. И теперь упасть волосам на лицо мешал только встречный ветер; со стороны казалось, будто она несет развевающийся на ветру флаг. Лицо ее при этом словно бы светилось изнутри. Лейни чувствовала себя счастливой от быстрой езды, и впервые в ее глазах не было выражения недовольства, когда она встречалась взглядом с Тимом.

Некоторое время дорога шла мимо забора, которым была обнесена территория рудника, и леса, подступавшего почти к самой ограде. Однако теперь они приближались к поселению шахтеров, и дорога должна была вывести их чуть дальше. Поворот рядом с южными воротами был довольно узким — когда Тим увидел этот участок дороги, то понадеялся, что все участники соревнований предварительно прошли весь путь. Любой, кто решил бы пройти его на полном скаку, мог упасть.

Тим и Илейн вовремя придержали лошадей, словно они заранее об этом сговорились. Лейни даже заставила Баньши перейти на рысь, и сразу стало ясно, что это было разумно. Посреди дороги им встретился Калев Биллер, ведущий в поводу своего роскошного жеребца и хромящий самым жалким образом.

Илейн холодно отметила, что, по крайней мере, жеребец не получил травмы. И не испачкался. Значит, просто сбросил своего всадника.

— Встал на дыбы! — сразу же пожаловался Калев.

Причину неудачи понять было легко. Посреди дороги, несмотря на то что три дня светило солнце, стояла большая лужа, просто невозможная на английских скачках. Вороной ничего подобного прежде не видел и ужасно перепугался после только что пройденного поворота.

— Что ж, не повезло! — ответил Тим своему проигравшему конкуренту. Однако в голосе его сочувствия не слышалось.

— Но почему он опять не садится в седло? — спросила Лейни, когда они снова перешли в галоп. — Лошадь ведь в порядке, он все еще может выиграть!

Тим усмехнулся.

— Вот только Калев Биллер не самый храбрый наездник. Он еще в детстве до смерти боялся своего пони. Я уже целый день задаюсь вопросом, каким образом старику удалось заставить его сесть верхом на такого коня!

Илейн захихикала. Она чувствовала поразительную легкость и словно бы даже опьянение. Вот уже несколько месяцев она не получала такого удовольствия, как во время этих скачек — и при этом ей довелось скакать вместе с мужчиной! Должно быть, все дело в исключительности этих состязаний. К тому же, по крайней мере в данный момент, она нисколько не боялась Тимоти Ламберта. Напротив, она радовалась тому, что видит его, его стройную, но сильную фигуру верхом на гнедом в яблоках коне, его каштановые локоны, развевающиеся на ветру, дружелюбный взгляд его глаз и частую улыбку, от которой в уголках рта появлялись складочки.

Тем временем они вышли на финишную милю и увидели перед собой своего последнего конкурента, штейгера Блекболла на арендованной лошади, явного аутсайдера. Однако легкая кауряя лошадь, похоже, была крепкой, а сам он был опытным наездником. Когда Илейн и Тим попытались обогнать его уже довольно сильно уставшего мерина, тот начал метаться из стороны в сторону. Кроме того, его хлыст сильно выступал вбок, и Приятель Тима не осмеливался обогнать его. Илейн попыталась сделать это с другой стороны, но дорога была узкой, и каурый мерин не давал себя обогнать. Он угрожающе огрызнулся на Баньши. Кобылка испуганно отстала.

— Этот негодяй не пропускает нас! — возмутилась Илейн, и глаза ее гневно сверкнули.

Тим невольно расхохотался. Таких выражений от Греймутской святой он не ожидал.

Сам он прикрикнул на всадника привычным командным голосом, но тот и не подумал пропустить наследника рудника Ламберта. Петляя, он не спускал взгляда со своего преследователя.

Илейн лихорадочно размышляла. До цели оставалось метров сто, а дорога все не расширялась. Кроме того, скоро вокруг нее появятся люди, из-за чего обгон станет еще рискованнее. Только в одном месте, у самого въезда на территорию рудника, дорога станет пошире, потому что перед главными воротами, через которые они должны проскакать, есть что-то вроде парковки, на которой часто стоят грузовые повозки. Сейчас там должно быть пусто, если, конечно, это пространство не заполнили люди. Там достаточно места, чтобы попытаться сделать обгон, хотя этот участок очень короткий. Если только...

Илейн решила рискнуть. Когда дорога расширилась, она уверенно направила Баньши влево — там стояли лишь две или три группки людей, которые живо кинулись врассыпную, едва Лейни закричала «Дорогу!». Баньши пронеслась мимо второго всадника, но перед воротами обогнать его и вернуться на дорогу не удалось.

Тим, который тоже ускорил бег лошади вслед за Лейни, сначала не понял, что она хотела сделать. И только когда стало понятно, что она не собирается пасовать перед конкурентом, а вместо этого направляет Баньши прямо на забор, да еще и погоняет ее, ему пришлось взять всю свою волю в кулак и заставить себя не сдерживать Приятеля. И вот уже белая кобылка перемахнула через окружавший рудник забор и вернулась на дорогу, оставив позади озадаченного штейгера на арендованной лошади. Времени на размышления у Тима не оставалось. Его конь тоже оттолкнулся и взял препятствие с такой же легкостью, как и Баньши. Тим догнал белую кобылку и, с трудом переводя дух, поглядел на Лейни. Она сияла. Лицо покраснелось, глаза блестели.

— Мы ему показали! — в восторге крикнула она, пришпоривая Баньши, на этот раз выжимая из лошади все силы.

Тим с удовольствием пропустил бы ее. Или проскакал финишную прямую рядом с ней. Но потом призвал себя к порядку. Никто из его работников не ставил на Лейни. Если она проиграет, мадам Кларисс лишится пары центов, но если она победит, дюжины горняков потеряют свои заработанные тяжким трудом деньги. Тим колебался.

— Ну же, давайте! — крикнула ему Лейни. — Ваш ведь гораздо быстрее! — Девушка смеялась. Возможно, она думала о том же, что и он.

Тим щелкнул языком, подгоняя Приятеля, который недовольно расстался с Баньши. Опережая ее на полкорпуса, он разорвал финишную ленточку.

Тимоти едва удалось остановить Приятеля, поскольку зрители кричали, ликуя. Сейчас он сидел на своем взволнованно приплясывающем на месте жеребце и, смеясь, принимал овации своих работников — Илейн видела его счастливое лицо в обрамлении каштановых локонов, его спокойные глаза, в которых, казалось, зажглись огоньки, так что зеленый цвет возобладал над карим. В его взгляде не было такого презрения, как у Уильяма после слишком бурной скачки, такого триумфа, как у Томаса, когда он в очередной раз выигрывал забег. Нет, Тимоти просто радовался и хотел, чтобы остальные тоже приняли в этом участие. Смеясь, он подъехал к Лейни, взял ее за руку и поднял вверх.

— Вот, люди, настоящая победительница! Сам бы я не отважился

перемахнуть через забор!

Только что еще Лейни сияла и чувствовала себя такой же свободной и живой, как Тим, но едва он коснулся ее, все вернулось снова. Руки Томаса на ее теле, панический страх перед его хваткой. Нежные прикосновения Уильяма, которому она доверилась, а потом так обманулась...

Тим почувствовал, как напряглась девушка, увидел, что она внезапно перестала смеяться, растерялась. Лейни ничего не говорила, даже судорожно пыталась удержать на губах улыбку, но когда он отпустил ее руку, она отодвинулась, словно обжегшись. В ее глазах читалась та же паника, вспышку которой он видел в первый день их знакомства у церкви.

— Простите, мисс Лейни! — озадаченно произнес он.

Она не смотрела на него.

— Ничего. Мне нужно поправить волосы...

Узкое лицо Лейни, раскрасневшееся от скачки, внезапно стало блеее мела. Дрожащими пальцами девушка пыталась собрать волосы в узел. Конечно же, это было безнадежно.

— Так очень красиво, мисс Лейни! — Тим пытался подыскать слова, которые могли хоть как-то успокоить ее, однако девушка вздрагивала уже от одного только его взгляда.

Она покачала головой, когда довольный Джей Хэнкинс попытался помочь ей спешиться, поскольку в высшей степени довольный Марвин Ламберт велел поставить пьедестал и сказал, чтобы первая тройка стала на помост. Лейни отвела Баньши в сторону от молодого кузнеца и наконец без посторонней помощи соскочила с седла. Казалось, ей нужно было сделать над собой усилие, чтобы встать на пьедестал рядом с Тимом, да и потом она стояла встревоженная, в любой миг готовая бежать, совсем не похожая на искрящуюся радостью девушку, которой она была несколько мгновений назад.

Марвин Ламберт передал кубок победителю, а пьяный почетный гость наполнил довольно тяжелый сосуд виски.

— За победителей! — крикнул он, поднимая кубок.

Находившиеся среди публики мужчины поступили точно так же. Тим рассмеялся и отпил глоток. Затем передал кубок Илейн. Когда она приняла кубок и при этом коснулась его руки, девушка едва не выпустила трофей из рук.

— За вас, мисс Кифер! — подбодрил ее Тим. — Соревноваться с вами было чудесно!

Илейн сделала большой глоток и попыталась взять себя в руки. Наверняка Тим Ламберт подумает, что она сумасшедшая! А тут еще к ним

приблизился старик, чтобы поздравить победителей. Похоже, он намеревался поцеловать ее. Нет, она не могла допустить это, она...

— Отец, нет! — раздался спокойный голос Тима.

Марвин Ламберт озадаченно отстранился от Лейни.

— Неужели нельзя поцеловать победительницу? — капризно проворчал он.

— Мисс Кифер очень дорожит своей репутацией, — пояснил Тим. — Эти дамы... — Он указал на восседавших на почетной трибуне матрон, которые уже без умолку болтали по поводу Илейн, неожиданно занявшей второе место.

Марвин Ламберт словно протрезвел и просто протянул Лейни руку, чтобы поздравить ее. Девушка судорожно улыбнулась, принимая в качестве приза чек на небольшую сумму.

— Но потом вы со мной потанцуете! — Владелец рудника подмигнул Лейни и перешел к третьему призеру.

Тим знал, что до этого дело не дойдет. Лейни Кифер и на милую не приблизится к танцплощадке. Она ни в коем случае не позволит обнять себя кому-либо из мужчин.

И действительно, вскоре он нашел ее возле лошадей. Он освободился так быстро, насколько это было возможно, хотя и с трудом, потому что в этот день всякий непременно хотел с ним выпить. Но потом все оказалось именно так, как он и предполагал. Лейни дала своей кобылке час на то, чтобы отдышаться, и теперь снова седлала ее.

— Вы уже собираетесь домой? — осторожно поинтересовался Тим, стоя у входа в палатку. Он не хотел, чтобы она снова испугалась.

Несмотря на предосторожности, девушка вздрогнула.

— Приятелю будет скучно без Баньши.

— Паб... паб сегодня закрыт, — заметила девушка, хотя, казалось бы, это не имело отношения к разговору. А потом Тим догадался. Она не хотела, чтобы он провожал ее домой.

— Я знаю, но подумал... сегодня вечером будут танцы.

— Будет играть группа. Я могу не играть на пианино.

Лейни отвечала, отвернувшись от него. Она специально понимала его неправильно.

— Я не отказался бы потанцевать с вами, мисс Лейни, — не отступал Тим.

— Я не танцую. — Лейни торопливо закрепила подпругу.

— Не умеете или не хотите?

Илейн не знала, что ответить. Она уставилась в пол, затем все же

подняла глаза в поисках выхода, хотя прекрасно понимала, что его нет.

Как зверь в ловушке...

Тиму очень хотелось освободить ее.

— Мне очень жаль, мисс Лейни, я не хотел вас обидеть...

Что ему действительно хотелось, так это подойти к ней, обнять, забрать весь страх, погладить и поцеловать, отогнав прочь все то, что ее тяготило. Но с этим придется подождать. Так же, как и с танцами.

Лейни набросила на кобылку уздечку. Затем помедлила. Чтобы покинуть конюшню, ей нужно было пройти мимо Тима. Лицо девушки снова побледнело, во взгляде читался испуг.

Тим отошел в сторону. Спокойно направился к своему коню, намеренно увеличивая расстояние между собой и девушкой.

Было видно, что Лейни стало легче. Она вывела Баньши на улицу, но снова остановилась, когда почувствовала, что оказалась в безопасности.

— Мистер Ламберт... По поводу... вашего отца. Большое спасибо.

Она не дала ему возможности спросить что-либо еще или что-либо ответить. Тим увидел лишь, как она взлетела в седло и пустила лошадь в галоп.

Странная девушка. Но, несмотря на это, Тим был почти счастлив, когда возвращался обратно к празднующим. По крайней мере она разговаривала с ним. А когда-нибудь он обнимет ее и будет танцевать с ней. На их общей свадьбе.

Глава 9

Кура Мартин давно поняла, что допустила ошибку. Нельзя было обижать Гвинейру. Теперь, когда ее бегство еще больше усугубило ситуацию, она каждый день проклинала свою глупую гордость. Она давно уже могла быть в Англии, либо выступая, либо продолжая обучение в консерватории. В любом случае она не тратила бы время на то, чтобы в качестве бойца-одиночки путешествовать по захолустьям Южного острова. Дело уже давно было не в том, чтобы удовлетворить свои художественные потребности, а лишь в том, чтобы выжить. Кура перестала печатать плакаты, не планировала концерты. В большинстве мелких городков, через которые она проезжала, не было ни общинных залов, ни отелей, куда почтенные граждане водят своих празднично одетых супругов. Обычно попадались только пабы, в которых, если повезет, обнаруживалось пианино. Кура уже перестала возмущаться, если инструмент был расстроен. Иногда его вообще не было. Тогда она пела без аккомпанемента или вспоминала о своих маорийских корнях и била в барабаны или играла между песнями на флейте *коауау*. Люди в маленьких городках принимали это гораздо лучше, чем оперный репертуар Куры; один раз несколько погонщиков-маори пригласили ее спеть и сыграть перед их племенем. Кура наслаждалась этим концертом вместе с *тохунга* племени, позволила музыкантам играть на *путорино* и спела различные *хака*. В знак благодарности племя подарило ей одну из флейт *путорино*, и с тех пор Кура стала использовать непривычный инструмент в своих выступлениях. У матери она научилась играть на этой флейте и даже умела вызывать голос *вайруа*. Необходимая для этого техника всегда давалась ей легко, но, конечно, она училась этому с детства. К сожалению, слушатели не ценили это искусство. Несмотря на то что музыку маори любили больше, чем оперы, людям в пабах хотелось слушать старые песни, напоминавшие им о родине. Поэтому Кура играла ирландские и уэльские баллады, пела застольные песни и злилась на публику, которая иногда даже подпевала ей или танцевала. А заработка едва хватало на жизнь для нее и лошадки.

Кура дралась с излишне настойчивыми мужчинами, которые считали само собой разумеющимся, что певица всегда продает не только голос, но и любовь. Она сладкоречиво убеждала почтенных матрон, которые хотя и сдавали комнаты, но только не «приблудным артистам». Она пыталась убедить пасторов в том, что делится с их паствой ценным культурным

наследием, и за это хотела получить в свое распоряжение общинный зал, по возможности бесплатно. Иногда Кура даже давала концерты в деревенских церквях. Неужели она действительно когда-то считала, что исполнять в Холдоне ораторию Баха — ниже ее достоинства?

Проведя в дороге год, Кура почувствовала, что устала. Ей больше не хотелось путешествовать, ей больше не хотелось вечером доставать влажные от дождя платья из заляпанного дорожной грязью сундука. Ей больше не хотелось договариваться с неопрятными хозяевами забегаловок.

Со временем она даже начала думать о том, чтобы где-нибудь осесть. По крайней мере на несколько месяцев, если бы только был ангажемент. Впрочем, ей это предлагали лишь в тех случаях, когда она соглашалась развлекать мужчин не только пением.

— Почему бы тебе просто не сделать это? — спросила ее девушка в Уэстпорте, которой было около двадцати лет, но выглядела она на все сорок. — Такая, как ты, зарабатывает без труда! И сможешь выбирать, с кем ложиться в постель!

В этом отношении Кура часто испытывала что-то вроде искушения. Любви ей не хватало. Она часто тосковала по крепкому мужскому телу. Почти каждую ночь ей снился Уильям, и во время долгих переездов между городами она предавалась грезам. Где он сейчас? Из Киворд-Стейшн Уильям, судя по всему, уехал. Со своей мисс Уитерспун? Впрочем, Кура не представляла себе, каким образом Хизер удалось бы привязать его надолго. Что ж, похоже, Уильям тоже оказался ошибкой... Но при этом она по-прежнему считала, что они могли бы быть счастливы вместе. Если бы только не эта ферма, не эта Киворд-Стейшн, будь она трижды проклята! Ферма отняла у нее Уильяма. Если бы существовали только они вдвоем, то давно были бы в Лондоне, где Куру ждал головокружительный успех. Она мечтала выступать перед полным залом, а ночи проводить в объятиях Уильяма. Родерику всегда было далеко до него. А Тиаре... Во время своего визита в лагерь маори под Нельсоном Кура, взволнованная после вечера музыки и, в первую очередь, возбужденная страстными танцами маори, уступила своему желанию и поделила ложе с молодым человеком. Было приятно, но не более того. И близко не похоже на тот экстаз, который она испытывала с Уильямом. А мужчины, слушавшие ее на концертах, часто страдающие от тоски по дому матросы и горняки, увивавшиеся за ней? У некоторых были красивые тренированные тела. Но они были такими грязными после работы на руднике и от них зачастую так воняло ворванью и рыбой, что пропадало всякое желание. До сих пор Кура никогда не удавалось пересилить себя, хотя она понимала, что лишняя пара долларов

ей бы не помешала.

Девушка из Уэстпорта расценила ее молчание как серьезное размышление.

— Эта лавочка, конечно, последнее дело, — заметила она. — Не твой уровень. Я тоже скоро буду отсюда убираться. Но, говорят, в Греймуте есть приличный бордель. Будто бы он принадлежит женщине, которая тоже, конечно, проститутка, но сейчас играет во владелицу отеля. Болтают, будто она начинала здесь. Но раньше эта лавочка была не настолько мерзкой.

Кура не думала, что «приличный бордель» оторвет эту девушку с руками, но ничего не сказала. Греймут и без того был ей по дороге; вряд ли удастся обойти паб той женщины стороной. Впрочем, она надеялась на большее в том городке. Она прекрасно помнила Греймут еще по своему первому турне с ансамблем. Тогда они остановились в одном из благородных отелей, расположенных на набережной. Представители местной знати — среди них и владельцы рудников, и торговцы — ухаживали за ней, а труппе аплодировали стоя. Но больше всех — ей, Куре Уорден. Может быть, хозяева отелей вспомнят ее.

Поэтому Кура направилась в городок в прекраснейшем расположении духа, но на этот раз Греймут произвел на нее совершенно иное впечатление. Он не был чистеньким идиллическим городом, состоящим из одних роскошных отелей и красивых домов горожан. Ведь сейчас, в отличие от прошлого визита, Кура приехала не на пароме через Грей-ривер, а по прибрежной дороге из Уэстпорта, первым делом проехав мимо поселения горняков и запущенного старого города. Деревянные дома, маленькие лавочки, брадобрей, гробовщик... И по поводу борделя та девка из Уэстпорта тоже сильно преувеличила. «Уайлд Ровер» казался таким же неуютным и подозрительным, как и большинство забегаловок на Западном побережье.

Кура обрадовалась, увидев кварталы получше, умилилась при виде элегантных фасадов отелей. Но когда она стала задавать вопросы по поводу работы, ее быстро постигло разочарование. Певица-одиночка? Без рекомендаций от знати или концертного агентства? Конечно, девушка — просто загляденье, но платья поношенные, а из реквизита — лишь пара флейт... Владельцы благодарили и отказывались, советуя Куре попытать счастья в рабочих кварталах.

Разочарованная и униженная, Кура вышла из отеля. Как же низко она пала! Хуже, пожалуй, и быть не может. Нужно поскорее принять решение. Прийти с повинной к Гвинейре МакКензи или опуститься еще ниже и начать продавать свое тело...

Но для начала она решила зайти в этот «Уайлд Ровер». Надо хоть что-нибудь съесть.

Хозяин забегаловки представился Пэдди Холлоуэем. Изнутри его кабак оказался таким же запущенным, как и снаружи. Барная стойка — липкая и грязная, стены давно уже никто не красил. Из общей комнаты еще не выветрился вчерашний перегар, а при взгляде на пианино у Куры возникла мысль, что на нем никто не играл лет сто, не говоря уже о настройке. Да и сам Пэдди Холлоуэй был далеко не самым ухоженным человеком. Судя по всему, он еще не брился, а его передник был весь в пятнах от жира, пива и соуса. Единственное, что отличало невысокого полного мужчину от большинства остальных хозяев кабаков, так это его неприкрытый восторг по поводу того, что Кура выступит в его заведении. К тому же его, кажется, действительно интересовала музыка, хотя он буквально поедал Куру взглядом, — но так поступали почти все мужчины. И Кура уже привыкла, что ей указывают на дверь, если она ведет себя недостаточно послушно. Однако Пэдди Холлоуэй вился вокруг нее так, словно к нему в гости зашла сама королева.

— Конечно же, само собой, можете петь здесь, я очень рад! Пианино у нас не самое лучшее, но если вы решите остаться, я могу заказать для вас новое. Вы не хотели бы получить более продолжительный... как это называется... ангажемент?

Кура растерялась. Ей показалось или хозяин действительно предлагает ей отдохнуть от разгульной жизни на дороге? Без какого бы то ни было подтекста, поскольку, судя по всему, у него и в самом деле обычный кабак, а не бордель.

— Видите ли, я давно уже ищу пианистку, — продолжал болтать он. — И вот одна из них пришла сама! Да еще такая красавица! И которая поет! Они перестанут ходить в «Лаки Хорс»! Ребята толпами повалят к нам!

Кура слушала его вполуха. Она чувствовала себя усталой и разбитой. Она предпочла бы не петь сегодня вечером, а завалиться сразу в постель. Вот только в какую? Все ее заострившиеся в последнее время инстинкты подсказывали, что лучше не спать под одной крышей с Пэдди Холлоуэем, даже если он предложит ей комнату. Он вообще какой-то странный. Зачем ему девушка, играющая на пианино? Большинство пианистов, игравших в барах, были мужского пола; если Холлоуэю кто-то нужен, то достаточно было дать объявление в Крайстчерче или Бленеме.

Судя по всему, «Лаки Хорс» — это конкуренты, возможно, тот самый

бордель, о котором говорила девушка из Уэстпорта. Кура задумалась, не зайти ли сначала туда, прежде чем согласиться на предложение Холлоуэя. Но для этого она слишком устала. Она была бы рада найти сейчас приличную комнату и развлечь посетителей «Уайлд Ровера» достаточно хорошо, чтобы потом ту комнату оплатить.

— Может быть, вы сыграете мне что-нибудь... для примера?

Затянувшееся молчание Куры, похоже, смутило хозяина. А вдруг он покупает кота в мешке?

Вздохнув, Кура опустилась на шаткий стул у пианино и сыграла «К Элизе». Не угодив вкусу Пэдди Холлоуэя. Значит, все же не настоящий любитель музыки, без образования, которого забросила сюда капризная судьба. Куру это не удивило; она уже давно отвыкла верить в подобные сказки и, научившись полагаться на первое впечатление, редко разочаровывалась. Что бы там ни рассказывала ей в детстве Хизер Уитерспун, лягушка — это лягушка, а никакой не принц.

Хозяин скривился и прервал ее игру.

— Вяленько как-то, — заметил он. — А ты ничего повеселее не знаешь? Например, «Wild Rover»?

Кура уже привыкла, что эти ребята начинали обращаться к ней на «ты» уже на третьей фразе, и перестала возмущаться из-за этого. Девушка собрала всю свою волю в кулак и вместо застольной песни, которую просил хозяин, спела «Хабанеру» из «Кармен».

Вопреки ожиданиям, Пэдди Холлоуэй пришел в восторг.

— И правда, умеешь ты петь! — восхищенно заявил он. — И играть тоже! Я бы даже сказал, получше, чем запуганная маленькая Лейни, что выступает у мадам Кларисс. Ну что? Три доллара в неделю?

Кура на миг задумалась. Это было больше, чем она зарабатывала обычно. Если она действительно останется здесь на пару недель, то сможет немного отдохнуть и подумать о будущем. А с ценами наверняка можно что-то сделать.

— Не меньше четырех долларов, — заявила она хозяину и одарила его заученным взглядом из-под густых ресниц.

Пэдди Холлоуэй согласно кивнул. Сомнений нет, он заплатил бы и пять.

— И двадцать процентов от каждого напитка, которые будут заказывать мне ребята, — добавила Кура.

Хозяин снова кивнул.

— Но вместо виски будет чай! — тут же решил уточнить он. — Если будешь пить настоящее спиртное, я ничего на этом не заработаю.

Кура вздохнула. Она не любила холодный несладкий чай, но в данный момент это было не так уж важно.

— Значит, договорились. Но мне еще нужна комната. Я не собираюсь жить здесь же, в пабе.

Пэдди Холлоуэй понятия не имел, кто в городе сдает комнаты. Если кто-то оставался у него ночевать, он отправлял всех спать в конюшню — все равно после вечера в «Уайлд Ровере» они уже были не способны отличить кровать от тюка с соломой. Тем не менее он усмехнулся и пояснил Куре, что ближайший «отель» ей не подойдет, и взгляд его был более чем красноречив. К этому Кура была готова. Она давно уже не рассчитывала увидеть приличное дорогое заведение вроде «Уайт Харт» в Крайстчерче, когда речь заходила об отелях.

Поскольку Пэдди ничего посоветовать не мог, девушка попрощалась с ним и сама отправилась на поиски пристанища. Может быть, где-нибудь на улице встретится вывеска с объявлением о сдаче жилья.

Кура медленно вела лошадь по городку и вскоре наткнулась на «Лаки Хорс». Яркий, недавно выкрашенный фасад, чисто выметенная терраса, чистые окна и вывеска «Отель и паб» над входом. Девушка в Уэстпорте была права. Хоть это, без сомнения, и был паб с борделем по совместительству, но он однозначно выглядел одним из лучших в городе.

Кура испытала что-то вроде сожаления. «Лаки Хорс» казался гораздо привлекательнее, чем «Уайлд Ровер». Неужели она разучилась принимать правильные решения? Усталая девушка отправилась для начала в конюшню, где можно было поставить лошадь, и нашла довольно приличное жилье для своей кобылки. Как почти в любой деревне, хозяин конюшни был в курсе, где можно поселиться. Кура поблагодарила его, взяла чемодан и навестила обеих греймутских дам, сдававших комнаты. При этом она чувствовала себя уверенно, поскольку уже знала, как обвести таких женщин вокруг пальца. На вдову Миллер она сразу же произвела отличное впечатление, в то время как хозяйка пансиона, миссис Тэннер, вела себя скорее сдержанно. Ведь эта дама была женой брадобрея, а замужние женщины неохотно впускали Куру в дом.

Однако миссис Миллер просто растаяла, когда Кура поведала ей о своих певческих успехах. Миссис Миллер в юности слушала оперу в Англии и все еще могла долго рассказывать об этом. Здешний преподобный отец, заверила она Куру, тоже очень любит музыку. Наверняка у нее будет возможность провести концерт в церкви. А пока что миссис Миллер, конечно же, с удовольствием сдаст этой красивой и воспитанной девушке комнату. По поводу паба «Уайлд Ровер» Кура решила пока ничего не

говорить.

Зато жители Греймута заговорили о ней довольно скоро; первый же вечер в пабе произвел фурор. Кура поразила. Конечно, мужчины ели у нее из рук, так было всегда. Она едва успевала открещиваться от заказов и двусмысленных предложений. Но здешние люди, похоже, еще и сравнивали! Кура гораздо красивее, чем мисс Лейни, отмечали некоторые; кроме того, она умеет петь. Другие принялись делать ставки на то, заполнится ли «Ровер» в будущую субботу завсегдатаями «Хорс» или нет.

— Может быть, даже Тим Ламберт перейдет сюда! — заметил один из горняков, и остальные едва не расхохотались. — Эта хоть поет. Так что вынуждена чаще открывать рот, чем его мисс Кифер.

И только один стройный светловолосый молодой человек, похоже, интересовался музыкой Куры больше, чем ее сравнением с «запуганной маленькой мышкой мадам Кларисс», как выразился Пэдди. Кура заметила его сразу же, как только он вошел. Он был одет гораздо лучше других посетителей. Кроме того, ему не говорили «привет», горняки скорее недовольно разглядывали его. Зато хозяин поприветствовал едва ли не с благоговением.

— Хотите сделать какую-нибудь ставку, мистер Биллер? — поинтересовался Пэдди. Это тоже было непривычно; к остальным завсегдатаям он обращался по имени. — В субботу у нас собачьи бои. А в Веллингтоне в субботу скачки, вот списки... Впрочем, все это глубоко между нами, вы же знаете. Результаты в понедельник. Мне до сих пор не удалось уговорить Джимми Фэрриера дать телеграмму сразу же, в воскресенье.

— Понедельник подойдет, — рассеянно ответил молодой человек. — Оставьте мне программу и принесите виски, односолодовое...

Некоторые мужчины, сидевшие неподалеку, закатили глаза. Односолодовое виски стоило целое состояние!

Следующие несколько часов молодой человек провел, медленно попивая виски и глядя на Куру. Девушку это не удивляло; к таким тихим поклонникам она привыкла. Но что смущало ее, так это выражение глаз наблюдателя. Он с интересом разглядывал ее лицо, волосы, платье и порхающие по клавишам пальцы, но взгляд его при этом не был сладострастным, казалось, он по-деловому оценивает ее. Иногда у нее возникало ощущение, что он хочет встать и заговорить с ней, но в последний момент отказывается от этой мысли. Неужели стесняется? Никаких признаков этого она не обнаружила. Он не краснел, когда их

взгляды встречались, не пил лишнего, чтобы придать себе храбрости, не растягивал губы в глупой улыбке, когда Кура смотрела на него.

Наконец Кура решила сделать первый шаг сама. Этот человек производил впечатление заинтересованного посетителя концерта и, судя по всему, имел свой стиль. Может быть, он способен оценить более высокую музыку. И действительно, она заметила, что он открыл рот от удивления, когда она спела «Хабанеру». И теперь он сам подошел к ней.

— Bravo! — тоном знатока произнес он. — Это из «Кармен», не так ли? Чудесно, просто чудесно. В прошлом году вы пели это, когда были на гастролях с ансамблем Гринвуда. Сначала я не был уверен. Но теперь... этот голос...

Казалось, мужчина был очень взволнован, и Кура почувствовала некоторую обиду. Неужели она так сильно изменилась, что посетитель концерта не узнал ее? Да еще и мужчина? Обычно она производила неизгладимое впечатление на мужчин!

Однако Кура решила списать все на макияж. На сцене все актеры сильно красились, исполняя роль Кармен, она еще и подбирала волосы, а теперь распустила их. Может быть, из-за этого парень обманулся. Как бы там ни было, она решила одарить его благожелательной улыбкой.

— Как мило, что вы помните.

Молодой человек старательно закивал.

— О да, я и имя помню. Кура Марстен, не так ли?

— Мартин, — поправила она. Молодой человек произвел на нее впечатление. Странный он... Помнит ее голос, ее имя — а лица не помнит?

— Я еще тогда понял, что у вас огромный талант! Но думал, что труппа давно уехала за море. Кстати, меня зовут Биллер, Калев Биллер. Простите, что я не сразу...

Мужчина поклонился, словно не представиться прежде, чем перекинуться парой слов, было верхом бестактности.

Кура пригляделась к нему внимательнее. Высокий, стройный, довольно симпатичный, может быть, лицо слишком бледное и невыразительное, почти по-детски невинное. Губы узкие, но красивой формы, высокие скулы, глаза — бледно-голубого цвета. Все в Калеве Биллере казалось несколько бесцветным. Но как бы там ни было, воспитан он хорошо.

Кура снова улыбнулась.

— Надеюсь, я смогу порадовать вас какой-то особенной песней? — поинтересовалась она. Может быть, он закажет односолодовое виски и ей. За двадцать процентов от пары напитков такой ценовой категории она

готова стерпеть холодный чай.

— Мисс Мартин, я буду восхищен любой песней из ваших уст, — вежливо ответил Биллер. — А это что такое?

Он с интересом глядел на *паторино* Куры, которую она положила на пианино.

— Это одна из маорийских флейт? Я никогда еще ничего подобного не видел... Можно?

Кура кивнула, Биллер осторожно взял в руки инструмент, стал рассматривать с видом знатока.

— А вы сыграете что-нибудь на ней? — спросил он. — Я с удовольствием послушал бы, особенно этот голос духов...

— *Вайруа*? — улыбнулась Кура. — Это я не могу гарантировать. Обычно духи не приходят в пабы. Это ниже их достоинства.

По поводу голоса духов всегда имело смысл рассказать несколько загадочных историй. Но про себя Кура удивилась. Лишь немногие *пакеха* знали об особенностях этого инструмента. Похоже, этот молодой человек интересуется культурой маори.

Кура встала и сыграла простую песню, сначала высоким женским голосом инструмента. Некоторые гости зафукали. Судя по всему, большинство предпочитало слушать застольные песни, нежели музыку маори.

— Без сопроводительного пения звучит довольно-таки бледно, — словно извиняясь, пояснила Кура.

Калев усердно закивал в ответ.

— Да, я понимаю. Можно?

Он указал на стул для пианино, и Кура удивленно уступила ему место. Сразу же после этого раздалась живая сопроводительная мелодия. Кура стала аккомпанировать ему на флейте, переходя с женского голоса на мужской, а Калев отвечал ей низкими нотами. Когда они закончили, горняки зааплодировали.

— Ты, случаем, не играешь «Tin Whistle»? — поинтересовался один довольно пьяный ирландец.

Кура закатила глаза.

— Но, возможно, вы могли бы сыграть что-нибудь еще в стиле маори, — заметил Калев. — Меня ваша музыка приводит в восхищение. А этот танец, *хака*... Разве это изначально не был боевой танец?

Кура в нескольких словах рассказала об особенностях музыкальной культуры маори, спела подходящую песню. Судя по всему, Биллер был в восторге. А вот Пэдди Холлоуэй, наоборот, проявлял недовольство.

— Хватит уже завывать! — набросился он на Куру после трех песен. — Мужики хотят послушать что-нибудь повеселее, нытья им и от жен хватает.

Кура с сожалением переглянулась с Калевом Биллером и снова вернулась к застольным песням. Вскоре после этого молодой человек собрался уходить.

— Разрешите откланяться, — вежливо произнес он и снова отвесил Куре идеальный поклон. — Было очень волнующе слушать вас, и при случае я хотел бы повторить. Сколько вы пробудете здесь?

Кура ответила, что, судя по всему, задержится на пару недель. Биллер был очень рад.

— Тогда у нас наверняка найдется возможность помузицировать вместе, — заметил он. — Но сейчас мне действительно нужно идти, завтра рано вставать. Рудник...

Калев не договорил, насколько тесно связан с рудником, еще раз поклонился и исчез.

Кура решила расспросить о нем Пэдди. Повод вскоре нашелся, когда он поставил перед ней на пианино следующую порцию «виски».

— Горняк? — Пэдди громогласно расхохотался. — Не-ет, малышка, он с другой стороны. Его папаше Биллеру принадлежит рудник, один из двух крупнейших рудников и, пожалуй, один из старейших в этом районе. У семьи денег куры не клюют! Если ты его заарканишь, будешь богатой дамой. Однако, судя по всему, это непросто. Говорят, он не интересуется девушками.

Еще пару месяцев тому назад подобное высказывание смутило бы Куру, однако после турне с ансамблем Барристера она уже знала о разновидностях любви.

— Похоже, он интересуется музыкой, — заметила она.

Пэдди усмехнулся.

— Еще один гвоздь в гроб старика. Парень интересуется всем, что не связано с горнодобывающей промышленностью. Больше всего ему хотелось изучать медицину, но в конце концов они сошлись на геологии. Черт его знает, что это такое, но какое-то отношение к углю имеет. Штейгер говорит, что молодой Биллер понятия не имеет о добыче угля, да и делец из него никакой. А если он ставит на какую-нибудь лошадь, можно быть уверенным, что эта кляча придет последней! Скорее ад замерзнет, чем парень слезет с шеи старика.

— Но сюда, в паб, он приходит часто? — спросила Кура. Исходя из собственного опыта, она знала, что это не очень подходило человеку,

который предпочитает общество мужчин. Судя по всему, мужчины быстро распознавали такие пристрастия и осыпали объект насмешками. Иногда даже возникали серьезные ссоры. Одного танцора из труппы Барристера однажды серьезно избили в пабе.

Пэдди пожал плечами.

— Время от времени забегает, делает кое-какие ставки. Причем я не знаю, по своему почину или по той простой причине, что папочка гонит из дому. Иногда они приходят вдвоем; тогда старик угощает весь кабак пивом и набивается ко всем в друзья. Но молодому, похоже, это неприятно. Когда он приходит один, то выпивает свое односолодовое виски — я всегда держу бутылку специально для него — и ни с кем не разговаривает. Странный парень. Старика Биллера даже жалко. Но, как я уже говорил, дерзай! Место миссис Биллер еще вакантно!

Кура закатила глаза. Ей нисколько не хотелось менять свою овечью ферму на Кентерберийской равнине на рудник Биллера в Греймуте. Какие бы проблемы ни были у этого Калева Биллера, Куру-маро-тини это не интересовало.

Глава 10

Отношения между Лейни и Тимом, по словам Мэтта Гавейна, большого любителя позлословить, значительно улучшились после гонок в День святой Барбары: теперь их обычное приветствие уже звучало не как «Добрый вечер, мисс Кифер» и «Добрый вечер, мистер Ламберт» — Тимоти настолько осмелел, что стал говорить «Добрый вечер, мисс Лейни», на что ему отвечали более или менее безразличной фразой «Добрый вечер, мистер Тим».

— Если так пойдет и дальше, — с ухмылкой говорил Эрни Гаст, — то не позже чем через пятнадцать лет вам будет дозволено сидеть рядом с ней в церкви.

Тим Ламберт не упрекал друзей за насмешки. Сам он чувствовал — и провоцировал — множество мелких изменений. Например, сразу же после Дня святой Барбары он перестал каждый вечер заказывать песню «Silver Dagger». Вместо нее он попросил сыграть «John Riley», тоже балладу. Однако в ней речь шла о молодом моряке, который после проведенных в море семи лет наконец-то женился на своей возлюбленной. Похоже, сначала Лейни сочла это капризом. Но через три дня решила уточнить.

— Опять «John Riley»? А как же «Silver Dagger», мистер Тим? — В тот вечер Лейни вела себя немного храбрее и была разговорчивее. Это была суббота после скачек, и Тим заказал всем пива за свой счет, чтобы отметить их с Лейни победу.

— За нашу прекрасную мисс Лейни, истинную победительницу «Ламберт-дерби»!

Конечно же, Лейни пришлось немножко выпить вместе со всеми, и теперь она была слегка навеселе. Озорным взглядом она посмотрела на Тима поверх своего инструмента, когда он попросил исполнить его заказ.

Тим рассмеялся и заговорщически подмигнул ей.

— «Silver Dagger»? О, думаю, пора отучать вас от него, мисс Лейни. Я бы стал очень сильно нервничать, если бы моя жена постоянно таскала с собой кинжал.

Лейни нахмурила лоб.

— Ваша жена?

Тим серьезно кивнул.

— Да, мисс Лейни. Я твердо решил жениться на вас.

Илейн, которая как раз собиралась сделать глоток чая из своего бокала

для виски, едва не выпустила его из рук.

— Почему?

Тим спас бокал.

— Осторожно, хорошее виски! Думаю, нужно заказать вам настоящего. Вы что-то побледнели.

— Почему? — повторила Лейни. Девушка то краснела, то бледнела, и эта игра красок на лице выдавала ее внутреннее волнение.

— Что ж, — после паузы ответил Тим, и глаза его при этом смеялись. — Я наблюдаю за вами вот уже несколько недель. Вы прекрасны, вы умны, вы смелы... Вы в точности такая женщина, о которой я мечтал всю свою жизнь. Я влюблен в вас, мисс Лейни. Мне встать перед вами на колени прямо сейчас или подождем с этим еще немного?

В глазах Лейни отражался с трудом сдерживаемый страх.

— Я не влюбляюсь! — выдавила она из себя.

Тим кивнул.

— Я так и подумал, — спокойно ответил он. — Но это поправимо. Да и не нужен нам пожар. Не торопитесь с влюбленностью, мисс Лейни. Не позволяйте себя загнать...

— Только не в этой жизни! — Голос Лейни вдруг зазвучал пронзительно. Она снова спряталась за занавеской из волос, склонив голову над клавишами пианино. Тим огорчился. Если сейчас не удастся успокоить ее, она снова замкнется, спрятавшись от него, словно улитка в ракушку.

Тим надул губы, но глаза его улыбались.

— Конечно, это несколько усложняет дело, — произнес он. — Мне придется поговорить с преподобным отцом по поводу того, какова процедура заключения брака после воскрешения. Может быть, он обвенчает нас на облачке? С другой стороны, подобная жизнь в браке кажется мне немного монотонной. И нескромной. Я не хотел бы, чтобы весь мир смотрел на меня... на облаке...

Он покосился на Лейни, которая снова подняла голову.

— Так что, возможно, все-таки лучше подыскать себе другую религию, — продолжал рассуждать молодой человек. — Таковую, которая больше нацелена на жизнь. Где-то ведь верят в перерождение? В Индии, например, верно?

Лейни заморгала.

— Но ведь можно переродиться в животное. В собаку или лошадь...

Ее голос снова звучал нормально. Судя по всему, она решила не принимать Тима и его предложение всерьез.

Тим перевел дух и улыбнулся ей.

— Это тоже было бы очень романтично. Я прекрасно представляю себе пару, которая в двуногой жизни не смогла быть вместе. Но потом они снова встречаются в конюшне, как Приятель и Баньши...

Илейн уже взяла себя в руки, к ней снова вернулось лукавство. Убрала волосы с лица, она одарила Тима милой, хотя и неискренней улыбкой.

— Тогда осторожнее, смотрите, чтобы вас не сделали меринком, — громко произнесла она.

Тимоти не обратил внимания на громкий хохот мужчин, так же как не обращал внимания и на шутки друзей по поводу его, судя по всему, безнадежного ухаживания за Лейни Кифер. Он жил ради таких мгновений, когда за маской Лейни проступала ее настоящая суть. Живая, умная, насмешливая или же чувственная и ласковая. Когда-нибудь оборонительные стены падут. И Тим будет рядом.

— Кто же готов принести себя в жертву и пойти шпионить в «Уайлд Ровер»? — поинтересовалась мадам Кларисс, когда он вернулся к столику завсегдатаев, где уже сидели Эрни, Джей и Мэтт.

Остальные гости только и говорили, что о новой загадочной пианистке в пабе за углом. Болтали, будто у этой девушки-маори ангельский голос. Мадам Кларисс, равно как и тем немногим гостям, которые побывали дальше, чем большинство горняков, это казалось странным. Обычно девушки-маори не учились игре на пианино. И они очень редко путешествовали без сопровождения племени. Даже в борделях почти не встречались чистокровные маори, в крайнем случае это были метисы, причем с очень трагической судьбой. Как бы там ни было, все это пробудило любопытство мадам Кларисс. Предприимчивая хозяйка борделя поставила в центр стола для постоянных клиентов кувшин пива, наполнила бокалы и оглядела своих посетителей.

— Я, конечно же, обращаюсь к морально стойким и верным клиентам «Лаки Хорс». Все остальные при более тесном контакте с Пэдди Холлоуэем подвергаются опасности поддаться страсти к соревнованиям. И я никогда не смогу больше смотреть в глаза преподобному отцу. — Мадам Кларисс театрально перекрестилась.

— То, что парни при этом сменяют свою любимую забегаловку, конечно же, не имеет к делу никакого отношения, — поддразнил ее Мэтт. — Вы просто печетесь о наших душах, мадам Кларисс, не так ли? Большое спасибо, мы ценим вашу заботу.

— Но как насчет блуда, мадам Кларисс? — поинтересовался Джей. —

Разве это не грех? — Кузнец невинно посмотрел на нее и даже ухитрился испуганно перекреститься.

На это мадам Кларисс лишь неодобрительно покачала головой.

— Где же вы видите блуд, мистер Джей? — поинтересовалась она грудным голосом, в котором чувствовалось глубокое моральное возмущение. — Я здесь вижу только группу молодых девушек брачного возраста, которая, признаю, довольно откровенно сближается с группой молодых людей брачного возраста. Я занимаюсь весьма успешным посредничеством при заключении браков. Только в прошлом месяце опять заманили в эту ловушку одну из моих девушек. А что насчет вас и Шарлен, мистер Мэтт? Тут ведь тоже что-то назревает, признайтесь. Я уже не говорю о мистере Ламберте и мисс Кифер...

Мужчины заржали. Шарлен, которая хотела присесть рядом с Мэттом, покраснела. Похоже, у них действительно что-то намечалось.

Тим поднял свой пивной бокал за здоровье мадам Кларисс.

— В этом смысле, — с ухмылкой сказал он, — мы с мистером Гавейном достаточно тверды духом, чтобы провести вечер у Пэдди Холлоуэя. Завтра же, с тайной миссией!

До Илейн доносились лишь обрывки фраз, но, конечно же, она уже слышала о певице-маори из «Уайлд Ровера». Причем перед глазами неволью вставал образ кузины. Но этого ведь не может быть! Кура живет вместе с Уильямом в Киворд-Стейшн. И она никогда не опустилась бы до того, чтобы петь для горняков в каком-то баре.

Работа в «Уайлд Ровере» доставляла Куре мало радости. Клиенты тяжелые. Мужчины пили все больше по мере того, как приближались выходные, и, соответственно, становились назойливее. Пэдди Холлоуэй не особо старался отгонять их от нее; судя по всему, он никого не хотел обижать и вполне понимал ребят. Куре даже приходилось отбиваться от него самого, когда ей не удавалось выскользнуть из паба перед самым закрытием с последними посетителями. Единственным лучом света в этом темном царстве были почти ежедневные визиты Калева Биллера — несмотря на то, что молодой человек по-прежнему оставался для нее загадкой. Калев всегда приходил ранним вечером, пил скорее для того, чтобы набраться мужества, а затем присоединялся к ней, чтобы играть вместе. Когда паб не был полон и никто не возмущался, Пэдди позволял Куре играть на *паторино*, в то время как Калев брал на себя партию фортепьяно. Девушка часто начинала заводить один из традиционных напевов маори, которые он подхватывал и превращал в некое подобие

баллад. Уважение Куры перед Калевом как музыкантом росло день ото дня. Вне всякого сомнения, он был одаренным, хорошим пианистом, а кроме того проявлял необычайный талант аранжировщика и композитора. Кура нравилось работать с ним, и она иногда подумывала о том, что у нее могут появиться и другие возможности, не только игра на расстроенном пианино в грязном «Уайлд Ровере».

В пятницу днем, за несколько часов до открытия пабов, Кура направилась в «Лаки Хорс». Еще снаружи она услышала звуки пианино — причем совсем не ту музыку, которую можно было бы ожидать в пабе. Кто-то разучивал церковные песни! Очень амбициозно, поскольку пианист замахнулся на Пасхальную ораторию Баха. Исполнение было слабеньким; еще несколько месяцев тому назад Кура, вероятно, охарактеризовала бы это как «ужасающе плохо». Но за это время она поняла, что у нее всегда слишком высокая планка. По большей части люди не разделяли ее стремления к совершенству. Кура всегда это знала, но теперь понимание этого перестало наполнять ее гордостью и высокомерием. Девушка приняла к сведению, что совершенство и абсолютный слух не продаются. Она наделена даром, который никто не умеет ценить. Так что нет причин слишком сильно задаваться по этому поводу.

Кура толкнула створку двери и вошла в заведение мадам Кларисс. Как и ожидалось, все было очень аккуратно, столы вычищены, пол выметен — а за пианино в стороне паба сидела рыжеволосая девушка.

Кура не поверила своим глазам. Она замерла, но, похоже, пианистка уже заметила ее появление.

Илейн обернулась. Заморгала, надеясь, что это обман зрения. Но девушка, стоявшая перед ней в закрытом дорожном костюме, была, без сомнения, Кура. Может быть, немного похудевшая, несколько побледневшая, с лицом решительным и твердым, на котором не осталось следов от бывшего королевского высокомерия. Но кожа была по-прежнему безупречной, волосы — блестящими, глаза — ошеломительными, как никогда. И голос был звучен, как и прежде.

— Ты? — удивленно моргнула Кура. — Я думала, ты замужем, живешь где-то в Отаго...

— А я думала, что ты счастливо живешь с Уильямом в Киворд-Стейшн! — Илейн приняла твердое решение не дать Куре запугать себя. Несмотря на то, что первым ее желанием было вести себя скромно, девушка почувствовала, что в ней закипает давно подавляемый гнев. — Чего ты хочешь, Кура Уорден? Или, вернее, Кура Мартин? Дай-ка, я угадаю. Тебе не нравится в «Уайлд Ровере». Сначала ты забрала у меня

мужчину, а теперь пришла за работой!

Илейн смотрела на собеседницу, сверкая глазами.

Кура закатила глаза.

— Ты всегда была чересчур сентиментальна, Лейни, — с улыбкой произнесла она. — И слишком уж большая собственница. «Мой мужчина», «моя работа»... А ведь Уильям никогда тебе не принадлежал. И эта работа здесь... — Кура обвела «Лаки Хорс» насмешливым взглядом. — Что ж, не самая престижная в Британской империи. Или ты считаешь иначе?

Илейн не знала, что ответить. Она чувствовала лишь оглушительную ярость и впервые в жизни после того страшного утра в Лайонел-Стейшн пожалела, что у нее нет оружия. Ей бы зайти сейчас с козырей, но вместо этого в ее голосе зазвучали умоляющие нотки — за что она тут же возненавидела себя.

— Кура, мне нужна эта работа! Ты можешь петь везде...

Кура улыбнулась.

— А может быть, мне хочется петь здесь, — заявила она. — Да и супруга Томаса Сайдблоссома не должна быть настолько стеснена в средствах, чтобы выступать в пабе.

Илейн бессильно сжала кулаки. Но тут на лестнице, ведущей с верхнего этажа, что-то шевельнулось. Вниз спустилась Шарлен, которая, судя по всему, слышала каждое слово.

Бушующая ярость Илейн сменилась ледяным ужасом. *Супруга Томаса Сайдблоссома...* Если Шарлен запомнила и расскажет мадам Кларисс...

Однако Шарлен, стоя на лестнице, смерила Куру гневным взглядом с головы до ног. Упитанная темноволосая проститутка разглядывала потенциальную конкурентку безжалостно и безо всякого стыда.

— Это кто такая, Лейни? — спокойно спросила она, не удостоив новенькую ни словом. — Замена Крисси Гамильтон? Мне очень жаль, малышка, но мадам Кларисс нужна блондинка. Черноволосых у нас уже довольно. Если, конечно, ты не умеешь чего-то совершенно особенного. — Шарлен облизнулась.

Кура возмущенно вскинула ресницы.

— Я певица! — взвилась она. — Мне нет нужды продавать...

— Ах, вот как, девушка-маори, которая тренькает на пианино у Холлоуэя! — Шарлен закатила глаза. — Конечно, это классный трамплин для всемирной славы. Я поняла, милочка, ты умеешь подбирать себе работу. И это доказывает, что у тебя отменный вкус.

Тем временем Кура снова взяла себя в руки. Она никогда не была

робкой и в ансамбле Родерика всегда добивалась своего. И в первую очередь среди девушек.

— Я с удовольствием сыграю тебе, если твое слово имеет здесь какой-то вес, — ответила она. — Впрочем, боюсь, ты всего лишь шлюха, каких полно.

Шарлен пожала плечами.

— А ты пианистка, каких полно. Ладно, возможно, мы обе представляем из себя нечто большее, чем посредственность. Но клиент заметит это только в постели. По крайней мере в моем случае, а в твоём он вообще ничего не поймет. Для этих ребят одно пианино ничем не лучше другого. Так что не устраивай здесь театр и катись к работе своей мечты. Все равно мадам Кларисс не берет девушек, которые начинают устраивать скандал, едва переступив порог!

Кура развернулась, высокомерно подняв голову.

— Мы еще увидимся, Илейн... — попрощалась она.

Но тут Шарлен молниеносно слетела с лестницы, проскользнула мимо нее и встала в дверях. В ее взгляде кипела холодная ярость, пальцы сжались в кулак.

— Ее зовут Лейни, — спокойно произнесла она. — Лейни Кифер. И она не была и не является ничьей женой. Так что не распускай слухи. Тогда мы о тебе тоже говорить не будем. Потому что ты тоже от чего-то бежишь, красавица! И если я захочу, то узнаю, от чего именно! Не говоря уже о том, — Шарлен показала ногти, — что красота не постоянна...

Кура сверкнула глазами. А потом ушла, отказавшись от мысли еще раз зайти к хозяйке по поводу работы. Она никогда еще не встречалась с такими девушками, как Шарлен, но слышала, как о них говорили танцоры. Девушки, которые могли сделать так, что другие в своей балетной обуви поскользнулись и падали. Девушки, которые были способны расцарапать лицо сопернице, а то и спали с партнером какой-нибудь из них, чтобы уговорить его уронить ее во время опасной фигуры. И Шарлен была не одна. Вполне вероятно, что весь бордель мадам Кларисс полон агрессивных негодяек, которые защищают свое теплое местечко. И Илейн.

Когда Кура ушла. Илейн разрыдалась.

— Я не хотела... вообще-то, я хотела сразу вышвырнуть ее, вырвать ей волосы. Но все случилось так внезапно, и она...

— Она хладнокровная тварь, — заявила Шарлен, обнимая подругу. — Но не переживай. За кем бы ты ни была замужем и как бы тебя по-настоящему ни звали, я ничего не скажу, и эта мелкая коза тоже. Я напугала

ее. Кроме того, мадам Кларисс все равно. Ты ей нравишься. И мне тоже нравишься. И клиентам нравишься... и Тиму...

Шарлен укачивала судорожно всхлипывавшую Илейн, как ребенка. Она чувствовала, как девушка расслабилась, а потом снова напряглась при упоминании имени Тима Ламберта. Точно, он же сегодня вечером собирался шпионить у Холлоуэя! Шарлен вздохнула. Жаль, что они так поздно выяснили, что между Лейни и этой девушкой-маори есть какая-то связь! То есть эта Кура, конечно, не чистокровная маори, один из родителей точно был белым. Одни только эти глаза!.. И если Шарлен не обманывается, то между Лейни и этой девушкой прослеживается отдаленное сходство. Шарлен задумалась, спросить ее сейчас или лучше подождать, пока Лейни успокоится? Впрочем, последнее затягивалось. Хотя девушка перестала плакать, она по-прежнему казалась подавленной. Несмотря на то что Лейни заявила, что хочет порепетировать перед пасхальным выступлением в церкви, она просто сидела за пианино и смотрела в никуда. Шарлен принесла ей горячего чаю, а потом настоящего виски.

— Вот, возьми, а то ты на призрака похожа. Выпей это. Скоро придет твой мистер Тим, сможешь снова с ним дурачиться. Вчера было здорово, я имею в виду ваш разговор о лошадином флирте в следующей жизни! Ну же, улыбнись, Лейни!

Илейн выпила, но подумала про себя, что вряд ли будет способна сегодня смеяться. В этот вечер Тим Ламберт идет в «Уайлд Ровер», и там он и останется. Равно как и Мэтт Гавейн. Мужчины сразу забудут о Лейни и Шарлен. Девушка робко спросила себя, почему ей не все равно. В принципе, даже хорошо будет избавиться от Тима. Разве она не жаловалась, что он становится слишком настойчивым?

Илейн послушно заиграла, когда пришли первые посетители. Но она играла механически, несосредоточенно, и мужчины, похоже, сразу заметили это. В этот вечер пианистке почти не заказывали напитки и песни. Илейн отметила это скорее мимоходом; но это показалось ей нормальным. В нескольких домах отсюда играет и поет Кура-маро-тини. Так зачем людям слушать ее?

Лицо Илейн было бледным и безучастным. Казалось, она смотрит сквозь пианино и стену паба — в другие миры и другие времена. Час закрытия приближался мучительно медленно. И при этом Илейн больше всего хотелось уйти в свою маленькую комнатку, обнять Келли, зарыться вместе с ней в одеяло и просто забыть об этом дне. А завтра уже строить планы. Может быть, уехать в другой город, в другой паб... но никаких

других Тимоти Ламбертов...

— Добрый вечер, мисс Лейни! — Радостный голос Тима вырвал ее из оцепенения.

Илейн оборвала песню, которую играла. Недоверчиво оглянулась.

— Добрый вечер, мистер Тим...

Голос ее звучал безжизненно.

Тим Ламберт пристально посмотрел на нее.

— Что-то не так, мисс Лейни?

Илейн покачала головой.

— Просто... ничего, — решительно ответила она и снова заиграла, чувствуя, как щеки принимают естественный цвет.

Сердце гулко стучало. Хотя... конечно, сегодня Тим все равно должен был вернуться, он ведь пообещал мадам Кларисс доложить обстановку. Илейн пыталась выудить хоть несколько слов на этот счет из разговоров, однако в пятницу вечером в пабе было слишком шумно. Как бы там ни было, мадам Кларисс тут же решила удовлетворить ее любопытство, сразу же усадив Тима и Мэтта за столик, и вернулась к ним с бутылкой виски в руке. Бутылкой с лучшим виски...

— Мне очень жаль, что мы так задержались, — заметил Тим и, приятно удивленный, принялся к дорогому напитку. — Но мы встретили Калева Биллера и, конечно же, воспользовались шансом слегка порасспросить его по поводу рудника его отца. — Должно быть, виски при этом лилось рекой, поскольку оба были уже нетрезвы.

— Да, старик Биллер приказал обновить все вентиляционные шахты, — доложил Мэтт. — Судя по всему, недавно у них был выход газа. С тех пор Биллеру страшно. А малыш Калев считает, что он должен наблюдать за этим...

— При чем мы бы с радостью посмотрели, если бы мой старик тоже соблаговолил это сделать, — грустно поведал своему стакану Тим.

Мадам Кларисс закатила глаза.

— Разве я посылала вас в «Ровер» потому, что вас так горячо интересуют вентиляционные шахты у Биллера, мальчики? Нет! Так что там насчет девочки? Малышки, которая играет на пианино?

Илейн вздрогнула. Она не знала, что Шарлен рассказала хозяйке о сегодняшнем приходе Куры. Тем не менее маловероятно, чтобы она утаила от нее все.

Тим пожал плечами.

— Миленькая малышка, — заявил он.

Мэтт поднял взгляд к потолку.

— Так может выразиться только тот, кто серьезно влюблен. Мадам Кларисс, девушка прекрасна. Когда она родилась, у всех злых фей был выходной. Просто мечта!

Мадам Кларисс наморщила лоб, и Шарлен, которая, пританцовывая, подошла к столику, злобно сверкнула глазами.

— Насколько мне известно, — саркастично произнесла она, — большинство мужчин предпочитают женщин из плоти и крови.

Мэтт усмехнулся в ответ. Было видно, что он наслаждается ее ревностью.

— О, она очень чувственная, Шарлен. Если бы ты услышала, как она поет... там столько страсти... Вулкан под спокойной толщей вод!

— Спокойной? — переспросила Шарлен. — Иногда я даже думаю, что было бы хорошо, если бы мужчин было не так-то просто обмануть...

— Тогда ты заработала бы меньше! — рассмеялась мадам Кларисс. — Но рассказывайте дальше, ребята, что это за дифирамбы? Разве вы не приставали к ней? Кто она такая, откуда?

— Тише, тише, мадам Кларисс, вы ведь не хотели, чтобы мы соблазнили малышку! — Судя по всему, Мэтт развлекался от души. — И вообще, что за выражения? Мы с Тимом никогда не стали бы ни к кому приставать!

— В этом случае нам пришлось бы для начала обойти Калева Биллера, — добавил Тим. — Что наверняка не очень трудно. Но если уж он заинтересовался девушкой...

Мужчины рассмеялись, даже за соседними столами послышался смех. У мадам Кларисс в основном сидели работники рудников Ламберта и Блекберна. Между ними и работниками Биллера существовала серьезная конкуренция, которая хоть и не выливалась в открытые потасовки, но часто приводила к словесным перепалкам. И любимой жертвой был Калев Биллер, которого все считали «женоподобным».

— Как бы там ни было, она откуда-то с Кентерберийской равнины. Правда, Калев и не уточнял, но, судя по предыстории, все было именно так. — Тим спокойно рассказывал, что он узнал о Куре. Очевидно, он допросил Биллера-младшего не только насчет рудника его отца. — Она путешествовала с оперной труппой, но в Англию ехать не захотела. Или эти люди не захотели взять ее с собой, что гораздо вероятнее. С тех пор она путешествует одна. Суровая жизнь, но девушка не жалуется. Калев уверен, что она живет просто замечательно. Впрочем, достаточно посмотреть, где она в итоге оказалась. Под конец она играла вместе с Калевом. Тот тоже довольно музыкален. В любом случае он в три раза лучше играет на

пианино, чем ездит верхом, а о горной инженерии мы вообще умолчим...

Дальше Илейн не слушала. Конечно, Кура произвела на Тима впечатление. И она действительно пела оперы, когда все сомневались в том, что у нее хватит таланта. Но, несмотря на это, англичане не взяли ее с собой. Этим можно будет ее поддеть, если она явится сюда еще раз. И если Илейн об этом вспомнит. Но это необходимо сделать! Она должна быть сильной, больше похожей на Шарлен, которую, кажется, не слишком оскорбили дифирамбы Мэтта в адрес Куры. Когда вечер закончился, Илейн перевела дух. А на завтра...

В субботу вечером в пабе, как всегда, былолюдно, и Илейн, которая приняла твердое решение ни в коем случае не дать себя унижить и теперь сидела за пианино в своем самом красивом платье, выполняла одну заявку за другой. Она снова заставила себя быть приветливее — и даже улыбнулась, когда около девяти дверь открылась и в паб вошел Тим Ламберт. Весь день шел дождь, и он оставил свой плащ и зюйдвестку в конюшне. Однако даже те вещи, которые были надеты под ними, полностью промокли во время короткого пути от конюшни до козырька над крыльцом. Тим смеялся и отряхивался, словно щенок, прежде чем подойти к Илейн. Девушке пришлось признать, что, даже несмотря на мокрые волосы и капли дождя на ресницах, медленно стекавшие по ямочкам на щеках, он все равно выглядел хорошо. Наконец он вытер воду с лица рукавом. Он казался беззаботным, юным и оживленным.

— Добрый вечер, мисс Лейни.

Она кивнула ему. Внезапно у нее появилось ощущение, будто кто-то снял груз с ее плеч.

— Добрый вечер, мистер Тим. Сыграть вам что-нибудь?

Тим улыбнулся.

— Вы же знаете, в чем дело, мисс Лейни. Так что давайте, наколдуйте мне семь лет, которые Джону Райли пришлось ждать свою возлюбленную...

Илейн нахмурилась.

— Разве это не Джон Райли заставил ждать свою возлюбленную?

Тим усмехнулся.

— Именно поэтому вы должны задуматься! — с наигранной серьезностью произнес он. — Но прошу меня ненадолго извинить, мне нужно поговорить с Мэттом, пока он полностью не посвятил себя виски. У него довольно причин для этого. Да и у меня тоже...

Лейни вопросительно посмотрела на него.

— Что-то не так на руднике?

Тим кивнул.

— Мой отец в очередной раз отмел предложение Мэтта расширить вентиляционные шахты. У нас есть одна новая, и она работает хорошо, но если действительно произойдет выход газа, этого будет слишком мало. И если верить Калеву Биллеру, опасность очень велика. Послушайте, старик Биллер так же скуп, как и мой родитель! Но если уж он решил выложить денежки... — Тим казался всерьез озабоченным.

— А разве не существует чего-то вроде противогазов? — спросила Илейн. Ей как-то доводилось слышать об этом и даже видеть рисунки в журнале. Люди, надевшие эти защитные маски, были похожи на уродливых насекомых.

Судя по всему, Тима обрадовала ее заинтересованность.

— Их у нас тоже нет, мисс Лейни. Кроме того, они не очень помогают. Самое ужасное в выходах газа — это опасность взрыва. Чаще всего это просто метан. Он не ядовит, но горюч и легко воспламеняется. Это можно предотвратить, если уменьшить количество угольной пыли на руднике, например провести обводнение и улучшить циркуляцию воздуха. И то, и другое у нас всего лишь в удовлетворительном состоянии.

Илейн встревоженно посмотрела на него.

— Но ведь вы сами нечасто спускаетесь туда, верно?

Тим просиял.

— О, самая лучшая новость за день, мисс Лейни! Вы за меня переживаете! Я буду наслаждаться этим много часов!

С этими словами он оставил ее и через несколько минут уже увлекся оживленной дискуссией с Мэттом Гавейном. Штейгер был близок к тому, чтобы пригрозить увольнением. Марвин Ламберт выставил его на посмешище перед подчиненными и заявил, что улучшение безопасности возможно только путем снижения почасовой оплаты труда. И горнякам пришлось решать, что им ближе — страх или голод. Конечно, никто не проголосовал за снижение оплаты труда.

Лишь позже Тим вернулся к Лейни и выпил за ее здоровье, пока она старалась изо всех сил, играя «Джона Райли». Вечер близился к завершению, и она немного осмелела. Судя по всему, никто из «Лаки Хорс» не ушел в «Уайлд Ровер», и здесь уже почти перестали говорить о певице из соседнего заведения. Может быть, задать Тиму пару вопросов? Илейн собиралась вести себя дипломатично, однако голос ее прозвучал провоцирующе.

— Вчера вы тоже заказывали «Джона Райли»? — поинтересовалась

она.

— Вчера? — Она видела, что Тиму пришлось задуматься, чтобы вспомнить, что такого особенного было вчера. Но потом он хитро подмигнул девушке. — А, вы имеете в виду в «Уайлд Ровере»? Все лучше и лучше, мисс Лейни. Сначала вы проявили заботу обо мне, а потом и вовсе стали ревновать!

Илейн готова была провалиться сквозь землю.

— Нет, я серьезно, — вырвалось у нее. — Эта женщина показалась вам... красивой?

Тим пристально посмотрел на Лейни, услышав настойчивость в ее голосе. Ее нежное лицо с прозрачной кожей то краснело, то бледнело. Губы слегка подрагивали, глаза сверкали.

Тиму хотелось положить руки ей на плечи, накрыть своей ладонью ее ладонь, но он почувствовал, что она инстинктивно закроется, и лишь беспомощно коснулся краешка пианино.

— Мисс Лейни, — мягко произнес он. — Конечно, она красива, да и поет тоже красиво. Это заметит любой мужчина, если, разумеется, он не слепой и не глухой. Но вы, мисс Лейни, гораздо красивее и еще более трогательны, поэтому я никому другому не позволю играть для меня «Джона Райли»...

— Но... я не красивее, я... — Илейн крутнулась на вращающемся стуле. И зачем она только спросила!

— Для меня вы красивее, — серьезно ответил Тим. — Тут уж придется поверить. Как бы там ни было, я собираюсь на вас жениться. А это значит, что вы будете казаться мне красивой и тогда, когда станете старой, седой и сморщенной...

Илейн спряталась за волосами.

— Не надо так все время говорить... — прошептала она.

Тим улыбнулся.

— А вот этого вы не можете запретить! А теперь сыграйте для меня веселую песню и забудьте о малышке, что сидит за пианино в «Уайлд Ровере»! Ведь я о ней уже забыл.

Илейн отбросила волосы и робко улыбнулась. Она сыграла несколько простеньких композиций; было заметно, что в мыслях своих она где-то витает. А когда Тим Ламберт попрощался с ней, случилось маленькое чудо.

Тим, как обычно, сказал ей «Доброй ночи, мисс Лейни», но Илейн глубоко вздохнула и бросила на него робкий взгляд. Затем, пугаясь собственного мужества, она вдруг улыбнулась и произнесла:

— Доброй ночи, Тим.

Исцеление

Греймут

Конец 1896 г. — начало 1898 г.

Глава 1

Тимоти Ламберт пребывал в наилучшем расположении духа, когда в понедельник направился к руднику своего отца. И это несмотря на то, что они все еще не пришли к единому мнению насчет необходимой перестройки. Из-за этого Тимоти очень крепко поругался с отцом в воскресенье, но Марвин Ламберт по-прежнему считал дополнительные вложения в безопасность рудника излишними и объявил старика Биллера сумасшедшим.

— Может быть, он вообще теперь слетит с катушек, когда его сын стал каждый вечер играть на пианино в кабаке. Неудивительно, что старик готов на все, чтобы хоть как-то занять младшенького добычей угля.

После этого Тим заявил, что он сам начнет учиться играть на пианино. Может быть, тогда от него хоть в пабе будет какой-то толк, если уж его предложения насчет безопасности никому не нужны. Зачем, ради всего святого, Ламберт послал его изучать горную инженерию, если сейчас он с порога отметаёт все его доводы? Все это закончилось обычным спором относительно того, что на руднике нужен не техник, а умелый торговец и что Тим может легко получить необходимые знания, если будет чаще появляться в конторе...

Тим был в ярости, но сейчас, когда так ярко светило солнце, благодаря которому природа Греймута казалась словно вымытой дочиста, он забыл о своих тревогах. Он развеселился, вдруг подумав, что сказала бы Лейни насчет ученика, и при мысли о девушке настроение у него улучшилось еще больше. В любом случае сегодня вечером он снова увидит ее. Он подойдет к ней, улыбнется и скажет «Добрый вечер, Лейни». А она, может быть, снова улыбнется и назовет его Тимом. Еще один маленький шаг, но шаг очень важный. Возможно, узел наконец-то будет развязан. Лейни казалась такой спокойной и счастливой после того, как он уговорил ее отбросить глупые мысли о другой пианистке.

Впрочем, странная история. Почему девушка настолько панически отнеслась к конкурентке, которую вообще не знает? Или между ней и этой Курой уже что-то было? Вполне можно допустить, ведь эта девушка-маори побывала во многих местах. Увез ли оперный ансамбль всех своих музыкантов в Европу? Может быть, Лейни аккомпанировала певцам и между ними произошла ссора? Может быть, Кура даже знает о том, кто так сильно обидел девушку и почему она стала бояться мужчин. Тим подумал,

не стоит ли самому поговорить с певицей, но потом решил, что это убьет доверие. Впрочем, он может поговорить с Калевом Биллером! Хоть парень действительно несколько женоподобен, но лично Тим ничего против него не имеет. Напротив, с ним гораздо приятнее разговаривать, чем с его властным отцом, к тому же Калев не глуп. Если Тим расскажет ему про Лейни, то Калев, возможно, тактично расспросит Куру.

Тим насвистывал себе под нос, в то время как Приятель трусил по лагерю горняков. Что ж, по крайней мере здесь он добился некоторых успехов. Дороги осушили в рамках подготовки к празднику святой Барбары. Можно было ехать довольно быстро, и это тоже свидетельствовало о некотором прогрессе в вопросах безопасности на руднике. До сих пор в сторону Греймута не было проложено ни одной спасательной дороги. Страшно даже подумать, что будет, если в лагере рабочих случится пожар! А сам рудник...

Тим смотрел на копёр и другие строения, открывшиеся его взгляду, со странной смесью гордости и отвращения. Из всего этого можно было бы сделать образцовое предприятие, современный рудник с высокими стандартами безопасности, связанный с сетью железных дорог... Кроме того, у Тима были идеи относительно увеличения добычи угля, новых эффективных добывающих технологий и расширения шахт. Однако, похоже, с этим придется подождать до тех пор, пока Марвин не отправится на покой. Как бы там ни было, отец сегодня согласился обойти рудник. Тим хотел показать ему хотя бы сверху, где не ладится с вентиляцией и какие существуют возможности расширения штолен, если вложить деньги и труд. Он находился в приподнятом настроении и уже почти верил в успех.

Марвин Ламберт смотрел на сына мрачно.

— Сплошные прогулы! — ругался он. — Бесконечные болезни. Десять процентов этих лентяев из поселения сегодня не явились на работу! Возницы ругаются, потому что их грузовые колымаги застревают в болоте, — проклятый дождь! Надо было ремонтировать дороги к колеям, а не ту, что ведет через поселение! Да еще и штейгер сообщил, что ему необходимо отлучиться! Да, именно отлучиться. Он даже не спросил, удобно ли мне, что он сам будет возиться с этой поставкой лесоматериала для опалубки, которая еще должна прибыть... И этот парень отказывается пробивать дальше забой, пока...

Хорошее настроение Тима улетучилось.

— Отец, без опорных балок он не *может* пробивать забой, я же тебе вчера говорил. А высокий процент заболевших объясняется этими бесконечными дождями. Это серьезно влияет на легкие людей, поскольку

они и без того уже под ударом. Но сегодня наконец-то светит солнце, завтра им станет лучше. Смотри, в следующую смену они снова спустятся, ведь людям нужны деньги. А сейчас пойдем, отец, ты обещал мне, что посмотришь планы по поводу расширения рудника...

Судя по всему, Ламберт предпочел бы допить свой чай; Тим встревоженно отметил, что он с самого утра приправил его виски. Но старик наконец уступил настояниям сына и последовал за ним на улицу, под солнечные лучи.

— Смотри, отец, ты должен представлять себе это вроде сквозняка при открытых окнах. Одного окна не хватит на один этаж дома. Если нужно обеспечивать свежим воздухом весь дом, то необходимо достаточное количество отверстий. Поэтому, если мы хотим гнать штольни дальше, то есть будем расширять «дом», нам обязательно нужно бурить новые вентиляционные шахты. И чем больше опасность выхода газа, тем больше должен быть сквозняк. Особенно при здешней погоде. Внешняя температура и давление воздуха тоже играют роль... — Тим терпеливо объяснял, однако сомневался, что отец слушает его. Чем дольше он читал ему лекцию, тем в большее отчаяние приходил, поскольку только здесь, наверху, при наличии дневного света и перспективы осознал, насколько разветвлена и опасна система шахт и штолен внизу.

А потом он вдруг услышал рокот, словно где-то надвигалась гроза. Марвин тоже озадаченно поглядел на небо и на всякий случай втянул голову в плечи. Однако над Греймутом, горами и озером не было ни единого облачка. Тим встревожился. Звук доносился не сверху — что-то происходило прямо у них под ногами!

— Отец, рудник... Что-то случилось внизу. Ты отдавал какие-нибудь приказания? Взрывать что-то? Или... надеюсь, не расширение шахты? Не старой взрывчаткой? Что сегодня не так, как обычно? — Взгляд Тима был настойчив.

Марвин спокойно отмахнулся.

— Молодой штейгер, Джош Кеннеди, гонит дальше штольню № 9, — почти с гордостью произнес он. — Он не такой трусишка, как Гавейн. Он как раз был там, когда...

На лице Тима отразился ужас.

— Когда ты дал указания расширять штольню № 9? Боже мой, отец, в этой штольне не велись даже пробные бурения! Мэтт предполагает, что там пустоты. Нужно бить тревогу, отец! Там, внизу, что-то происходит!

Тим оставил отца и бегом бросился к входу в рудник, но взрывы нагнали его. Территория рудника спокойно нежилась под весенними

солнечными лучами, однако под землей нарастал адский грохот, словно там подожгли одновременно десять брусков динамита. Сначала один раз, потом еще, прежде чем Тим успел добежать до входа.

Мужчины, обслуживавшие подъемник, стояли, побледнев от ужаса, у входа в шахту и уже включили машину, чтобы поднять клеть.

Пока канаты приходили в движение, внутри горы послышался третий взрыв.

— Это не здесь, не под нами! — воскликнул один из мужчин. — Это дальше, скорее южное направление...

Тим кивнул.

— Это штольня № 9... или, точнее сказать, была штольня № 9, много от нее не могло остаться. Надеюсь, мужчины успели выйти и там не произошел взрыв газа или прорыв воды! Мне нужно спуститься! Принесите мне лампу.

Он бросил взгляд на мужчин у лебедки. У одного из них, старого горняка-валлийца, были серьезно повреждены легкие, и он уже не спускался под землю. Вторым был молодым парнем. Тиму показалось, что однажды он уже видел его под землей.

— Разве вы обычно работаете не в штольне № 7? Что вы делаете здесь, наверху? Заболели?

Парень покачал головой и, хотя его никто не просил, стал готовиться к спуску.

— У моей жены вот-вот начнутся роды. Она говорит, что это должно произойти сегодня. И штейгер сказал, что я могу помочь здесь. Работы в штольне № 7 все равно остановлены из-за поставки лесоматериала. Так что я могу поработать ближе к Керрин, так штейгер и сказал.

Тим закусил губу. Возможно, ребенок спас жизнь своему отцу. А он снова ставит ее на карту...

— Тем не менее вам придется пойти со мной. Пока придут другие помощники, может быть уже слишком поздно.

Тим вошел в подъемник перед будущим отцом. Старый горняк махнул им рукой, как бы благословляя, а Тим поймал себя на том, что молится святой Барбаре. Сегодня серьезный случай, и чем ниже опускался подъемник, тем больше росла напряженность Тима. Не считая шума подъемника, в руднике стояла мертвая тишина. Обычные звуки, постоянный стук кирок, грохот вагонеток на колесных, звуки откидываемого мусора, голоса от шестидесяти до ста работавших здесь мужчин — все стихло.

Молодой парень тоже заметил это, посмотрел на Тима широко

открытыми от ужаса глазами и прошептал:

— Боже мой...

Первых мертвецов они нашли в довольно просторном помещении перед подъемником. Это были двое мужчин, которых смерть настигла на бегу. Должно быть, они бежали от чего-то, но вызывать подъемник было уже поздно.

— Газ, — хрипло прошептал Тим. — Здесь он вышел, в этом районе вентиляция работает. Но они, похоже, слишком много успели его вдохнуть.

— Это могло быть и что-то вроде ударной волны, — предположил молодой парень. — Что мы теперь будем делать, сэр? Пойдем дальше?

Тим понимал, что парень предпочел бы сразу же подняться обратно. И, возможно, был прав. Если умершие есть даже здесь, то весьма маловероятно, что в глубине шахты кто-то выжил. Ну а если все же выжил? Если там были пузыри воздуха?

Тим закусил губу.

— Я хочу изучить ситуацию, — негромко произнес он. — Но вы можете идти, если хотите.

Мужчина покачал головой.

— Я пойду с вами. Это ведь мои друзья...

Тим кивнул.

— Как вас зовут? — спросил он, когда они вдвоем шли по темной шахте, в которой царил мертвая тишина. Лампы на шлемах освещали путь всего на несколько шагов вперед, и на стенах отражался их слабый призрачный свет.

— Джои Пэттерсон, — ответил парень и прошептал: — Посмотрите, там... там еще двое...

— Трое, — уточнил Тим, тоже шепотом.

Судя по всему, двое мужчин пытались помочь дойти раненому.

— Джои, нам нужно разделиться, чтобы быстрее разделаться со всем этим. Идите к шахте № 7, а я пойду к шахте № 9.

Штольня разветвлялась. Тим задумался, пытаясь угадать, откуда пришли мужчины — с правой стороны или с левой. И в конце концов повернул направо. Сопrotивляющийся Джои — вероятно, идти дальше в одиночку ему было страшно — свернул налево. Слишком многих в шахте № 7 зацепить не могло. Тим возблагодарил небо за задержку с поставкой лесоматериала для опалубки.

В шахте № 9 он вскоре увидел очередных погибших и первые завалы. Судя по всему, он приближался к источнику взрыва, ударная волна от

которого разогнала газ и обломки породы по всему руднику. По-прежнему было тихо. В какой-то момент Тим не выдержал и крикнул:

— Есть здесь кто-нибудь? Есть кто живой?

И вдруг ему ответил голос, почти детский и совершенно испуганный:

— Я здесь! Помогите! Пожалуйста! Я здесь...

Крик завершился громким всхлипом.

Внезапно Тим почувствовал, что еще не все потеряно. Значит, есть выжившие!

— Помощь уже идет, спокойно! — ответил он в темноту перед собой. Шахта № 9 и до взрыва просматривалась не очень хорошо. Мальчик мог быть где угодно. — Где ты точно находишься? Ты ранен?

— Здесь так темно... — Чувствовалось, что мальчик был на грани истерики.

Тим пошел на звук его голоса, все дальше углубляясь в тупик и надеясь, что мальчика не засыпало. В спешке они с Джои не взяли даже инструментов. Теперь голос звучал не так приглушенно и, казалось, раздавался гораздо ближе.

— Оставайся на месте, мальчик, но продолжай говорить! — крикнул Тим. — Я тебя вытащу...

И тут же увидел в темноте шахты большеглазого тринадцатилетнего подростка. Роли О'Брайен — Тим вспомнил, что пару дней назад Мэтт представлял ему его. Роли недавно пошел в ученики на рудник. Впрочем, его отец работал здесь уже не первый год. По спине у Тима пробежал холодок. Где же Фрэнк О'Брайен?

Роли всхлипнул от облегчения и едва не бросился Тиму на шею.

— Раздался грохот, — дрожа от страха, рассказывал он. — Я был здесь... Они послали меня, потому что мне нужно было еще потренироваться рубить уголь. В главных шахтах я их только задерживаю, так сказал отец, но тут, в забое, я мог убирать остатки руды...

Шахта, соединенная с другой, но находившаяся немного в стороне, в принципе, была уже выработана. Рабочим она никогда не нравилась. Поскольку она располагалась глубже, чем остальные, то воздух здесь был затхлый. Именно это, похоже, и спасло сегодня жизнь Роли. Очевидно, газ не пошел в этот туннель, а потому тут ничего не обрушилось. Роли был совершенно цел, но полумертв от страха. Когда все остальные лампы погасли после взрыва, он не смог сориентироваться и, дрожа от страха, сидел в углу, пока не услышал Тима.

— Все будет хорошо, Роли, успокойся... — Тим не знал, успокаивает он всхлипывающего мальчика или самого себя. — А теперь Расскажи мне

еще вот что. Ты был здесь один? Где были остальные? Где произошел взрыв? После него ты слышал что-нибудь еще?

— Отец и штейгер поругались, — сообщил Роли. — Новый штейгер, не мистер Мэтт. Может быть... может быть, поэтому они меня и отослали. Мистер Джош... э... Кеннеди довольно сильно злился. И мой отец тоже. Мистер Джош хотел, чтобы они расширили шахту. Взрывчаткой. Но мой отец считал, что там пустоты, и был довольно-таки уверен в этом. Он говорил, что тут нельзя так просто взрывать и начинать разработку, там нужно... это...

— Пробное бурение, — вздохнул Тим. — Дальше, что было потом? Роли шмыгнул носом.

— Потом мой отец сказал, что пусть мистер Джош сам это делает, и послал меня сюда. Я думаю, что он пошел в другую шахту, которая выше. И... и я кое-что слышал, сэр. Точно. Когда я был здесь один...

Тим лихорадочно размышлял. Может быть, кого-то засыпало? Вход в шахту обрушился во время взрыва, он заметил это на бегу. Но до или после того, как пошел газ?

— Что ты слышал, Роли?

Мальчик пожал плечами.

— Стук... Голоса? — продолжал он расспрашивать подростка.

Конечно, тот мог все это и придумать. Тем не менее Тим ухватился за кирку и другие инструменты, которые были у Роли, когда его отправили в эту шахту. Мальчик всхлипнул, увидев засыпанный вход в шахту.

— Там внутри мой папочка. Точно...

Тим решил попытаться убрать щебень, лежавший, как ему показалось, не слишком плотно, и сумел немного копнуть. Может быть, ему удастся приблизиться к загадочным знакам. В принципе, в то, что есть выжившие, он не верил. Хотя шахты были недалеко друг от друга, между ними проходила твердая порода. Весьма маловероятно, что Роли слышал стук в соседней шахте. С другой стороны, в такой мертвой тишине...

Роли оказался рядом с ним и ухватился за кирку. Он был поразительно силен для своего возраста и щуплого телосложения. Вскоре он сумел разгрести больше, чем Тим. Появились глухие звуки, когда они били по обломкам породы. Значит, штольню засыпало не полностью.

— Осторожно, Роли, — предупредил его Тим, когда заметил, насколько отчаянно работает мальчик. — Если кого-то засыпало, ты можешь его поранить. И вообще... — Тим все еще очень сильно сомневался. Что, если они выпустят газовый пузырь? Нужно продвигаться вперед осторожно, лучше подождать, пока не придут другие помощники и

не проведут пробное бурение. Проклятье, может быть, хоть на одном руднике в окрестностях, где не экономят каждый цент, есть противогазы!

И как раз, когда он собирался потребовать, чтобы Роли на время прекратил работу, мальчик вскрикнул.

— Человек!.. Здесь кто-то есть, мужчина...

Мальчик дрожащими пальцами стал убирать камни и землю с засыпанного рабочего. Но Тим понимал: безнадежно. Его засыпало, когда обрушилась шахта. Если он не умер сразу же, то, должно быть, уже задохнулся под завалом. Но Роли, казалось, сосредоточил всю свою энергию на выкапывании этого человека. Он высвободил его плечи, взял под мышки и потащил... потянул, сдвинул камни над телом...

— Прочь отсюда, парень, шахта рушится! — Тим хотел оттолкнуть мальчика в сторону, сначала подумав только о камнепаде. Но потом почувствовал запах, или, точнее, ему показалось, что что-то затрудняет дыхание.

— Роли... — Тим едва успел повернуться спиной к открывающейся пустоте.

А потом он услышал взрыв, почувствовал, как его швырнуло ударной волной. Он упал на твердую землю, сумел встать на колени. Роли с трудом дышал рядом. Тим поднял его.

— Скорее, газ...

Это было повторение кошмара, но теперь Тим и Роли были в самом центре. Тим слышал грохот камней, видел вспышку пламени за спиной, причем не с безопасного расстояния, и побежал так же отчаянно, как, должно быть, бежали те мужчины, трупы которых были обнаружены им раньше.

До подъемника было не добежать, газ уходил через главные шахты... Тим понадеялся, что он не достанет Пэттерсона, помолился про себя, чтобы тот уже успел подняться наверх.

Тим тащил Роли по шахтам, искал боковую штольню, такую же, как та, в которой он нашел мальчика... но их не было, была только новая вентиляционная шахта! Заложённая в том районе, где Тим вместе с Мэттом планировали расширять шахту. Если им повезет и расчеты Тима верны, там будет свежий воздух.

Роли споткнулся, но Тим бежал все быстрее. За их спинами звучали новые взрывы. Роли хотел бежать прямо к подъемнику, но Тим потащил его в новую штольню. Он увидел вентиляционную шахту, бросился к ней, вдохнул свежий воздух. Сразу же стало легче.

А потом мир над ними рухнул.

Глава 2

Известие о взрывах на руднике Ламберта разнеслось молниеносно. Мэтт Гавейн услышал об этом в Греймуте и сразу же занялся организацией спасательных мероприятий. Им понадобится врач, команда спасателей и помощь владельцев других рудников. В такой ситуации нельзя было думать о конкуренции. Каждый пошлет людей и материалы, чтобы раскопать засыпанных людей. Иллюзий относительно масштабов катастрофы Мэтт не питал. Здесь не просто обрушилась шахта. Если взрывы действительно были слышны даже на поверхности, то будут тяжелораненые и убитые — возможно, дюжины. Мэтт поговорил с греймутским врачом и отправил посыльных к Биллеру и Блекберну. Сообщил он и в магазин, торгующий древесиной. Возможно, понадобится материал для опор, не важно, по какой цене.

Когда он наконец добрался до рудника, там уже кишмя кишели люди, однако они были растеряны, ими никто не командовал.

— Тим Ламберт и Джои Пэттерсон спустились около часа назад, — рассказал старик, отвечавший за подъемник. — А десять минут назад произошел еще один взрыв. Я больше никого не пропущу туда, мистер Мэтт, это вы сами уж решайте. Или пусть мистер Ламберт решает, но он совершенно вне себя. Бесится из-за того, что на его сына нашла какая-то блажь и он спустился. Но раздавать указания, похоже, не собирается.

Мэтт кивнул.

— Для начала проверим вентиляционные шахты, открыты ли они, идет ли газ. Потом посмотрим, что делать дальше. Я надеюсь, что хотя бы у Блекберна есть парочка противогазов. Это крупный рудник, они, вообще-то, должны быть оснащены лучше, раз уж у нас такого нет. По крайней мере у них есть новые шахтерские лампы, которые не зажигают газ и предупреждают о выходе метана. У Биллера они тоже имеются, Калев недавно рассказывал. Когда они придут, я спущусь. Соберите пока добровольцев и выдайте ребятам соответствующее оборудование. А те люди, что бегают здесь без дела, пусть начинают чем-то заниматься, например освобождают сараи — нам понадобится место для раненых и убитых. А еще нужны одеяла и лежаки. Кто-то должен поехать к преподобному отцу, его присутствие здесь необходимо. И его кружок домохозяек. И девочки мадам Кларисс. О боже, Тим там, внизу, что мы скажем Лейни? Кстати, кто-нибудь известил его мать? — Мэтт пытался

мыслить ясно, и вскоре ему действительно удалось превратить беспорядок на руднике в целеустремленные действия. Прибыли помощники с других рудников, и самым первым оказался Калев Биллер с целой повозкой горняков, которые привезли шахтерские лампы, веревки и носилки. Уважение Мэтта, которое он испытывал к молодому человеку, возросло еще больше. Хоть Калев и не любит горное дело, но, по крайней мере, ценит своих людей. Или старик Биллер и в этом вопросе оказался разумнее, чем его конкурент?

Мэтт был готов разделить ответственность за спасательные работы с Калевом, однако тот в ужасе отказался, едва Мэтт заговорил с ним об этом.

— Я понятия не имею об этом, мистер Гавейн. И, честно говоря, я не хочу знать, что в точности произошло там, под землей. В любом случае спускаться не буду. Мне страшно даже в тех шахтах, где нет опасности взрыва. Тем не менее я могу помочь в чем-нибудь другом...

«Пианисты нам не нужны», — уже безо всякого уважения подумал Мэтт. Но какая разница — Калева Биллера все равно не изменить. К тому же, возможно, молодому человеку действительно удастся сделать хоть что-то на поверхности.

— Тогда позаботьтесь о временном госпитале, пока не прибыл врач, — наконец предложил Мэтт. — Посмотрите, какое здание подойдет для этого.

— Контора, — недолго думая, заявил Калев. — Сарай не отапливаются, туда можно разве что... Я хочу сказать, ведь у нас наверняка будут мертвые?

Мэтт устало кивнул.

— Боюсь, что так. Ну ладно, я поговорю со старым Ламбертом. Все равно он должен передать мне полномочия. И он от меня узнает, что я обо всем этом думаю. Я сразу же вышвырну его из конторы. Пусть только...

Марвин Ламберт бесцельно бродил по конторе и пытался приглушить охвативший его страх с помощью виски. Когда вошел Мэтт, он в ярости набросился на него.

— Вы! Если бы вы были на месте, мой сын не ввязался бы в это безумие! Но вам нужно было уехать, своевольно отлучиться с рудника... Вы... вы уволены!

Мэтт вздохнул.

— Вы можете уволить меня завтра, — заметил он. — Но сейчас я намерен попробовать спасти вашего сына. И остальных, кто, будем надеяться, еще жив там, внизу. Кстати, вам стоит выйти к людям. Все мужчины пришли, чтобы помочь своим товарищам, даже те, кто

действительно болен. Вы должны произнести несколько слов — хотя бы выразить благодарность.

— Благодарность? — Марвин Ламберт покачнулся. — За то, что эта банда ленивых негодяев сегодня утром бросила меня на произвол судьбы и...

Мэтт чуть не поперхнулся от негодования.

— Радуйтесь всякому, кто сегодня утром не спустился в забой, мистер Ламберт! Включая меня. Страшно подумать, что было бы, если бы здесь не осталось никого, кто ориентируется там, внизу. Но если вы не хотите ничего говорить... тоже не страшно. Только перестаньте подливать себе виски! Кроме того, молодой Биллер хочет переоборудовать помещения конторы под госпиталь. Так что...

Мэтт не стал слушать Ламберта, который принялся возмущаться и кричать, что Калев Биллер просто хочет воспользоваться ситуацией и заглянуть в конторские книги. Кто-то наверняка уже известил его жену. Может быть, у матери Тима больше способностей, чтобы справиться с создавшимся положением.

Калев Биллер как раз вошел в контору, когда Мэтт вышел оттуда. За ним следовали двое сильных мужчин. Молодой человек деловито огляделся по сторонам.

— Я прикажу перенести сюда кровати, а пока мы немного передвинем мебель. Не очень большое помещение...

Мэтт кивнул. Пусть Калев сам разбирается с Ламбертом. А что касается количества необходимых коек, то при сильном выходе газа произошел настолько мощный взрыв, что вряд ли им понадобится много...

Во двор как раз приехал врач, тоже с полной повозкой одеял, перевязочного материала и медикаментов. Облегченно вздохнув, Мэтт поздоровался с ним. Доктор Лерой был ветераном Крымской войны, так что его вряд ли испугает импровизированный госпиталь. Кроме того, он привез с собой жену, тоже закаленную войной. Берта Лерой выучилась на медсестру еще раньше легендарной Флоренс Найтингейл^[7]. Она оказалась на фронте, где и познакомилась с будущим мужем. В поисках мирной страны они приехали в Новую Зеландию и вместе открыли практику в Греймуте. Очень скоро жители городка, и в первую очередь женщины, сошлись на том, что миссис Лерой по меньшей мере столь же сведуща, как и ее супруг. Во всяком случае, сейчас она не опасалась того, что о ней будут судачить. Она привела с собой мадам Кларисс и ее девушек. Шарлен внезапно бросилась Мэтту на шею.

— Я так рада, что ты жив, — негромко произнесла она. — Я думала, ты...

— Счастливая случайность, мисс Шарлен, за которую позже вам следует возблагодарить Господа, — заметила Берта Лерой. — А сейчас у нас много работы. Вы наверняка умеете заправлять постели, с вашей-то профессией...

Миссис Лерой отправила Шарлен и двух других девушек в здание конторы. Доктор Лерой, словно извиняясь, улыбнулся Мэтту.

— Моя жена предпочитает обучать девочек из «Лаки Хорс», нежели почтенных дам. Они лучше разбираются в мужской анатомии... это ее слова, не мои.

Мэтт едва сумел сдержать улыбку.

— Насколько же все плохо, мистер Мэтт? — спросила мадам Кларисс, прежде чем последовать за врачом и его энергичной супругой. — Правда ли, что Тимоти Ламберт пропал?

Мэтт кивнул.

— Тим Ламберт попытался кого-то спасти. Но после этого был еще один взрыв. Мы не знаем, пострадал ли он и второй спасатель, но до сих пор никаких признаков жизни они не подавали. Сейчас мы начнем проводить спасательную операцию. Пожелайте нам удачи, мадам Кларисс. Кстати, где мисс Лейни? Она знает?..

Мадам Кларисс покачала головой.

— Мы послали ее к преподобному отцу, как только услышали о вашем несчастье. Я дала ей свою повозку. О мистере Тиме мы тогда ничего не знали. Но она должна вот-вот приехать. Я постараюсь осторожно предупредить ее...

Мэтт задумался. Разве можно осторожно рассказать о таком? Во дворе рудника тем временем появились женщины, которые были замужем за ребятами, работавшими здесь. Одна из них, хрупкая Керрин Пэттерсон, тут же стала первой пациенткой в госпитале доктора Лерой. У нее начались схватки, когда она услышала о случившемся на шахте. Словно по иронии судьбы, в этом смертоносном месте первым делом должен был родиться ребенок.

Нелли Ламберт тоже приехала, но ей скорее самой был нужен врач, так что ждать от нее пользы не приходилось. Она сразу же впала в истерику и начала рыдать. Мэтт отправил ее к мужу. Пусть этой проблемой тоже занимается кто-нибудь другой.

А потом наконец поступила информация с рудника.

— Мистер Мэтт, мы разобрались с вентиляционными шахтами, —

доложил старый шахтер. — Шахты в районах с первого по седьмой участок целы, в районах восьмого и девятого две обрушились, одна цела. И новая тоже в порядке... но лучше, конечно, посмотрите сами. Один из ребят, проверявших ее, говорит, будто слышал стук.

Илейн направила повозку мадам Кларисс к руднику; преподобный отец приехал на своей. С ними приехали четыре почтенные помощницы из кружка домохозяек и еще две проститутки. Попытка рассадить их по повозкам потребовала немалых дипломатических усилий со стороны преподобного отца, поскольку дамы опасались за чистоту своей бессмертной души и не хотели оказаться рядом с девушками мадам Кларисс, но карета мадам Кларисс была гораздо удобнее, чем телега преподобного. Наконец все они, стеноя, погрузились в телегу, а Илейн и девушкам предоставили перевозку наскоро собранных продуктов. Миссис Кэри, жена булочника, сразу принесла полные корзины хлеба и паштеты, ведь кто-то должен кормить помощников. В такой день никто не станет делить время на смены и бегать домой перекусить. Кроме того, нужно было позаботиться о родственниках жертв и, возможно, о раненых — причем здесь, в первую очередь, пригодятся пожертвования мадам Кларисс и Пэдди Холлоуэя: оба притащили несколько бутылок виски.

Направляя Баньши, Илейн благодарила небо за недавно укрепленные дороги между Греймутом и рудником. Она нервничала и тревожилась о мужчинах, которых знала. Конечно же, она не могла не думать о Тиме Ламберте. Да, он не шахтер и, скорее всего, находился в конторе, когда произошел взрыв на руднике. Но она почувствует настоящее облегчение только тогда, когда увидит его целым и невредимым. Ей даже казалось, что она кинется ему на шею, но эту мысль Илейн тут же отбросила. Больше она не будет влюбляться. Ни в Тима, ни в кого бы то ни было другого. Слишком опасно, поэтому об этом и речи быть не может.

На территории рудника царило оживление. Женщины и девушки засыпанных мужчин сбились в кучку и молча с ужасом смотрели на вход в рудник, где как раз готовилась к спуску спасательная команда. Некоторые из собравшихся перебирали четки, другие пожимали друг другу руки. На лицах людей отражалась покорность судьбе, у иных — отчаянная надежда.

Преподобный отец сразу же занялся ими, а бодрая миссис Кэри отрядила женщин готовить чай.

— Выясните, где мы можем устроить столовую! — сказала ей одна из помощниц, стараясь не смотреть на девушек мадам Кларисс.

Те принялись разгружать повозку. Сама Илейн не могла

сосредоточиться. Она все оглядывалась по сторонам в поисках Тима, но сначала увидела только Приятеля, который стоял привязанный рядом с конторой. Значит, Тим должен быть где-то здесь. Наверняка внутри... Или спустился со спасательным отрядом?..

Илейн обернулась к мужчинам, ожидавшим подъемник. Они обвязывались кожаными передниками, надевали шлемы и разбирались с новыми шахтными лампами, привезенными с рудника Биллера.

— Я ищу Тима Ламберта, — сказала она, покраснев. Если мужчины передадут ему это, он снова начнет дразниться...

Однако шахтер, к которому она обратилась, лишь серьезно покачал головой.

— Мы еще ничего не знаем, мисс Лейни. Только то, что он спустился после первых взрывов вместе с Джои Пэттерсоном...

Внезапно Илейн почувствовала, как все внутри у нее сковало ледяным холодом, он быстро распространялся, угрожая заморозить ее полностью. Тим внизу, в шахте...

Казалось, мир покачнулся. В поисках опоры она ухватилась за железный поручень и почти безучастно стала наблюдать за тем, как поднимается подъемник. Вопреки ожиданиям, он был не пуст; мужчины привезли первые трупы.

— Лежали у самого входа... газ, — пояснил помощник штейгера, поднявшийся вместе с носилками. — Следующим транспортом поднимем еще троих. Остальных, судя по всему, придется откапывать.

Илейн смотрела в искаженные лица мужчин, которых вынесли из подъемника. Двух из них она знала. И Джои Пэттерсона...

— Разве вы не сказали... что Джои пошел вместе... с Тимом Ламбертом? — Илейн пролепетала это, хотя прекрасно помнила, что сказал шахтер.

Помощник штейгера кивнул.

— Да, мисс Лейни. Проклятье, а его жена рожает. Мэтт специально отпустил его. А потом такое... — Он беспомощно провел рукой по засыпанному пылью лицу молодого шахтера.

— Только не теряйте надежду, малышка! — снова входя в подъемник, произнес один из помощников. — Кто-то слышал стук из вентиляционной шахты. По крайней мере вроде так и есть. Будем надеяться, что кто-то выжил. Деточка, да ты белее мела... Уведите кто-нибудь девушку, она слишком близко к руднику. Женщины в шахте — к несчастью!

И пока подъемник снова стал с грохотом опускаться, один из мужчин вывел Илейн, мягко и с уважением, — а в голове у нее все крутился вопрос,

сколько же несчастья здесь еще придется пережить.

Мадам Кларисс заботилась о рожаящей Керрин Пэттерсон, ей помогала Шарлен, которая, судя по всему, разбиралась не только в мужских телах.

— Я помогала матери рожать отпрысков начиная с девятого и по двенадцатый, еще когда была малышкой. К нам ведь обычно никто не приходил, — холодно пояснила она.

Самому же доктору Лерою пока пришлось возиться лишь с членами семей шахтеров, которых засыпало в шахте. Все они страдали приступами слабости. Он бросил быстрый взгляд на Илейн, но прописал только виски и указал на женщин и детей, толпившихся у рудника.

— Там ребята сами справятся. Вы ничего не можете сделать, только ждать.

Тем временем сообщили имена первых погибших, и напряженное молчание женщин сменилось жалобами и плачем. Члены семей хотели к ним. Миссис Кэри командовала своими женщинами, велев им помогать укладывать и обмывать тела. Преподобный отец читал молитвы и пытался утешить людей.

Однако для большинства на шахте еще оставалась надежда. Только жены шахтеров постарше, приехавшие за своими мужьями из Англии, понимали серьезность ситуации. Если газ проник к копру, надежды для людей, оставшихся в глубине шахты, почти не оставалось. Некоторые девушки цеплялись за известие о том, что в вентиляционной шахте кто-то стучал.

Илейн тоже надеялась. Может быть, действительно остался еще кто-то живой. Но сколько из тех, кто спустился вниз утром? Она пыталась выяснить, много ли жертв может быть вообще, но, как оказалось, этого никто не знал.

— Кто-то же должен был записать! — говорила Илейн. — Ведь этим людям платят за почасовую работу.

После продолжительных поисков, которые заняли ее на какое-то время, она наткнулась на служащего конторы. Тот отправил ее к отцу Тима.

— Сегодня это записывал мистер Ламберт. Он еще возмущался, что их так мало. Спросите его, если он еще в себе. Я тоже пытался вытрясти из него информацию. Кто-то из руководства рудника должен поговорить с женщинами. Но мистер Ламберт очень расстроен.

Марвин Ламберт был не только расстроен, но и пьян. Он смотрел прямо перед собой и бормотал что-то невнятное, в то время как его жена

Нелли всхлипывала и постоянно произносила имя Тима. Говорить с обоими Ламбертами было бесполезно, по крайней мере для Лейни. Нужно послать к ним миссис Кэри или преподобного... Но сначала необходимо найти списки присутствующих. И действительно, она нашла тетрадь на столе Марвина Ламберта.

20 декабря 1896 — вот оно. И сразу же аккуратный список явившихся рабочих. Девяносто два. И Тим...

Илейн решила взять тетрадь с собой — и была вознаграждена восхищением, когда сказала об этом Калеву Биллеру. Молодой Биллер казался лишним во всей этой кутерьме посреди обрушившегося рудника. В отличие от почти всех остальных мужчин, которые безостановочно спускались и поднимались из рудника, он был чист, хорошо одет и казался безучастным. Так же, как и во время скачек; тогда при взгляде на него тоже создавалось впечатление, что он предпочел бы находиться где-нибудь в другом месте. Тем не менее Калев был в курсе важнейших событий. Похоже, он любил координировать работу.

— Это просто неоценимо, мисс Кифер! — вежливо произнес он и взял списки спустившихся в забой. — Во всяком случае ребята будут точно знать, скольких им придется искать, пока не будут найдены все. Впрочем, вполне вероятно, что спустились не все девяносто два. Некоторые наверняка работали у подъемника или нагружали-разгружали повозки. Я попытаюсь выяснить это.

Илейн бросила взгляд на вход в рудник, из которого только что вынесли новых погибших.

— Могут ли быть выжившие, мистер Биллер? — тихо спросила она.

Калев пожал плечами.

— Скорее нет. Но никогда нельзя быть уверенным, иногда встречаются пустоты, воздушные пузыри... даже если взрывается газ. Но, судя по всему, дело плохо.

Вскоре выяснилось, что утром спустились в шахту шестьдесят шесть мужчин, позднее — Джои и Тим. Двадцать погибших уже нашли, большинство из них в районе шахт № 1 — № 7, которые не обрушились. В районе шахт № 8 — № 9 велись раскопки, час за часом.

Позже Илейн не могла сказать, как прошел день. Она помогала готовить чай, делала сэндвичи, но, казалось, в мыслях была где-то далеко. В какой-то момент преподобный отец попросил ее поехать в город, чтобы привезти еще провиант. Хотя члены семей жертв ничего не могли есть, шахтеры поглощали еду в невероятных количествах. На данный момент на руднике работало около сотни человек, которые постоянно сменялись,

чтобы не наступать друг другу на пятки. Количество щебня было просто гигантским; некоторые части шахт были засыпаны полностью. Наверх поднимали все новых и новых погибших.

Лейни распрягла Баньши и снова наткнулась на Приятеля, который все еще стоял под седлом. Судя по всему, никто не осмеливался увести его прочь; вероятно, помощники опасались дурного знака. Илейн тоже боролась с безрассудной надеждой на то, что Тим вот-вот вернется, сядет на коня — до тех пор, пока Приятель будет ждать его. Но потом она взяла себя в руки, расседлала мерина и повела его в конюшню при руднике.

— Здесь хозяин тоже сможет найти тебя... — негромко сказала она и вдруг почувствовала, что по щекам бегут слезы. Она негромко плакала, зарывшись в мягкую гриву лошади. Затем собрала волю в кулак и направилась в город.

Казалось, Греймут был оглушен катастрофой, случившейся на руднике Ламберта. «Лаки Хорс» был закрыт, в «Уайлд Ровере» стояла тишина. Илейн приняла новые продукты. Остальные дамы из кружка домохозяек тоже не сидели сложа руки и наготовили еды. Две из них присоединились к Лейни, хотя девушка задавалась вопросом, что им делать с новыми помощниками. Сначала предполагалось, что нужно будет ухаживать за ранеными, но до сих пор доктор Лерой занимался только мелкими ранами помощников. Все те, кого засыпало в шахтах, были мертвы.

Проезжая мимо «Уайлд Ровера», она увидела Куру. Молодая женщина собиралась приступить к своей работе пианистки, однако паб словно вымер, и, похоже, Кура размышляла, стоит ли вообще входить, когда увидела Илейн.

— Я слышала о руднике, — сказала Кура. — Все так плохо?

Илейн посмотрела на нее и впервые в жизни не испытала при этом ни ярости, ни зависти, ни восхищения. Кто перед ней — кузина или какая-то надоедливая незнакомка, — Илейн было все равно.

— Все зависит от того, что ты подразумеваешь под словом «плохо».

Кура казалась безучастной, как и обычно. Лишь в ее глазах притаилось что-то вроде испуга. Впервые Илейн подумалось, что, возможно, Кура умеет выражать свои чувства только с помощью пения и поэтому ей так нужна музыка.

— Поехать с тобой? — спросила Кура. — Вам необходима помощь?

Илейн закатила глаза.

— Насколько я знаю, — резко ответила она, — ты не обладаешь качествами, которые сейчас требуются на руднике. Сейчас там не нужны ни искусство обольщения, ни оперное пение.

Было видно, что сидевшие в повозке Илейн дамы наострили уши. Мирнолюбивое настроение Куры как рукой сняло.

— Говорят, я обладаю способностью весьма живительно действовать на мужчин... — произнесла она своим грудным голосом, в котором явно звучала двусмысленность, и небрежным грациозным жестом поправила волосы.

Поведение Куры еще вчера лишило бы Илейн дара речи. Но сейчас она просто холодно посмотрела на девушку.

— В этом случае ты уже ничем не поможешь. На данный момент у нас тридцать три погибших. Если хочешь попытаться...

Илейн прищелкнула языком, подгоняя кобылку, которая тут же припустила по улице. Кура молча осталась стоять у дороги. Илейн выиграла словесную перепалку, но ликования не испытывала. Напротив, направляя повозку к руднику, она чувствовала, как на глаза вновь наворачиваются слезы.

Спасательные работы затянулись до самой ночи, и единственной хорошей новостью было рождение малыша Керрин Пэттерсон. Здоровый мальчик, который, возможно, хоть немного утешит свою мать после потери мужа. Однако пока что ей не говорили о смерти Джои. Услышав об этом, Илейн испуганно перепроверила ряды уложенных в одном из сараев жертв. Может быть, они уже нашли и Тима и просто утаивают эту информацию от нее и от Ламбертов? Хотя это опасение и не оправдалось, Илейн была глубоко потрясена. Она нашла среди жертв Джимми, огромного здоровяка, который как-то вечером, напившись пива, признался ей, что каждый день боится спускаться в шахту. Жена Чарли Мерфи истерично рыдала над телом мужа, хотя он часто бил ее, а потом горько каялся. Илейн увидела среди погибших и подмастерьев, которые с гордостью пили пиво в свой первый рабочий день в «Лаки Хорс», и целеустремленных молодых мастеров, старательно ухаживающих за ней, когда она только появилась в пабе. «Однажды я стану штейгером, — с гордостью рассказывал ей Гарри Леманн. — И тогда смогу предложить вам очень даже хорошую жизнь». А сейчас он лежал здесь, с переломанными конечностями, как многие из тех, кого пришлось откапывать. Теперь спасательный отряд продвигался в тех местах, где произошли взрывы. Здесь шахтеры умерли не от отравления газом, их придавило камнями или обожгло. Часть трупов с трудом удавалось опознать. Но они находились в глубине горы, так что вряд ли Тим зашел так далеко; вообще-то, он должен был быть среди погибших, которых обнаружили первыми.

Около одиннадцати вечера из рудника наконец поднялся Мэтт Гавейн. Он совершенно обессилел. Друзья заставили его сделать перерыв.

Илейн встретила его в импровизированной столовой миссис Кэри, где он вливал в себя чай и так жадно ел рагу, словно голодал несколько дней.

— Мистер Мэтт! Все еще никаких известий о Тиме Ламберте?

Мэтт покачал головой. Глаза его ввалились, лицо почернело от угольной пыли. Он не мылся. Этого не делал никто из шахтеров, которые отдыхали здесь, чтобы подкрепиться перед новым заходом.

— Сейчас мы постепенно пробиваемся туда, откуда слышался стук, если все верно. Мы ничего не слышали уже много часов. Если и есть выжившие, то только там, неподалеку от новой вентиляционной шахты. Это новые штольни с отдельной системой вентиляции... по крайней мере так должно быть. Но сейчас трудно сказать. Переходы полностью обрушены, а после пожаров там все еще очень жарко. Мы делаем все возможное, мисс Лейни, но можем опоздать. — Мэтт проглотил кусок хлеба.

— Но вы думаете, что Тим... — Илейн почти запретила себе надеяться.

— Если бы я был на его месте, я попытался бы бежать туда. Но сумел ли он? Есть еще штольни, которые мы не раскапывали. Теоретически там тоже может кто-то быть. В любом случае мы скоро доберемся до вентиляционной шахты. Если мы не найдем его там... — Мэтт опустил голову. — Я сейчас снова спущусь вниз, мисс Лейни. Пожелайте нам удачи.

Мэтт действительно спустился вниз, несмотря на то что доктор Лерой хотел запретить ему. Он ведь едва держался на ногах от усталости. С другой стороны, он хотел быть там, когда будут раскапывать последние слои, — и, возможно, проводить пробные бурения, если появятся подозрительные пустоты. Опасность на руднике все еще не миновала.

Глава 3

Илейн бесцельно бродила по территории рудника, в то время как родственники жертв и большинство помощников из деревни постепенно успокаивались. Миссис Кэри и миссис Лерой спали на принесенных для раненых койках. Доктор Лерой дремал в кресле Марвина Ламберта. Для самих Ламбертов он приказал поставить в соседней комнате полевые койки. Марвин наконец погрузился в полудрему, а причитаний Нелли в какой-то момент не выдержала миссис Лерой и напоила ее настойкой опия. И теперь мать Тима мирно спала рядом с мужем, беспокойно метавшимся во сне и, казалось, продолжавшим ругаться.

Большинство жен и детей жертв отвели домой. Некоторые несли почетный караул. Те, у кого еще оставалась надежда, по-прежнему ждали во дворе. Стояла теплая ночь; женщины дрожали скорее от страха и усталости, чем от холода. Однако миссис Кэри приказала раздать всем одеяла.

Мадам Кларисс велела своим девочкам отправляться домой. Здесь уже было нечего делать, а ночью она предпочитала не оставлять их без присмотра. Даже усталые мужчины остаются мужчинами, и они могут увидеть в проститутках дичь, на которую можно поохотиться. Преподобный поехал в город на своей повозке. Илейн же только покачала головой, когда мадам Кларисс попросила ее снова запрячь Баньши.

— Я останусь здесь, пока они... пока они... — Она не договорила, поскольку боялась расплакаться. — Мне никто ничего не сделает, — уже спокойнее добавила Илейн.

В конце концов она забрела в конюшню к Баньши и Приятелю, зарылась в охапку сена и снова обняла Келли. Похоже, такова ее судьба — находить утешение у животных.

А потом, когда уже почти наступило утро, чей-то крик пробудил ее от дремы.

— Они нашли кого-то! — ликовал чей-то голос. — Они подают признаки жизни! Кто-то разгребает завал перед ними!

Илейн выбежала из конюшни; она даже не стала тратить время на то, чтобы убрать солому из волос. Во дворе она встретила молодого шахтера в окружении женщин, почувствовавших надежду.

— Кто это?

— Их несколько?

— Они ранены?

— Это мой муж?

— Это мой сын?

Одни и те же вопросы. Это Руди, это Пэдди, это Джей, это...

— Это Тим? — спросила Илейн.

— Да я не знаю! — Молодой человек с трудом выдерживал штурм. — Пока что это просто звуки. Но они вот-вот выкопают их. Может быть, еще час...

Дрожащая, плачущая, молящаяся Илейн осталась с остальными женщинами. Все обессилели. И это был последний шанс. Больше выживших, скорее всего, не найдут.

Прошло еще почти два часа, прежде чем на поверхность пришло известие.

— Мальчик, Роли О'Брайен. Скажите матери! Мальчик совершенно обессилел, но он цел. И...

Женщины столпились у входа в рудник, выжидающе глядя на подъемник.

— Второй — Тимоти Ламберт. Но... пропустите доктора... скорее, это срочно...

Илейн недоуменно глядела на носилки, на которых вынесли Тима. Он не шевелился, был без сознания, но было не похоже, чтобы он крепко спал. В его теле не чувствовалось напряжения. Илейн даже показалось, что перед ней тряпичная кукла, которую кто-то выбросил и оставил лежать с вывернутыми ногами. Но он должен быть жив, он просто обязан быть жив!

Илейн хотела подойти ближе. Однако тут подоспел доктор Лерой и занялся раненым. Илейн испуганно наблюдала, как он пробует пульс, прислушивается к дыханию больного и осторожно ощупывает его тело.

Наконец он выпрямился. Илейн попыталась прочесть что-либо на его лице, но оно словно окаменело.

— Доктор... — в отчаянии произнесла она. — Он жив?

Лерой кивнул.

— Да. Но вот хорошая ли это новость... — Лерой закусил губу, увидев ужас на лице Илейн. — В любом случае мне нужно провести дальнейшее обследование... — Врач изо всех сил пытался не смотреть на Илейн. Вместо этого он обернулся к мужчинам, державшим носилки, и сказал: — Занесите его внутрь и положите на постель... но осторожнее, в его теле нет ни одной целой кости.

— Только не сходите с ума, маленькая леди! — Берта Лерой,

предприимчивая супруга врача, увидела, как пошатнулась девушка, когда мужчины подняли носилки с лежащим на них Тимом. — Мой благоверный иногда склонен к преувеличениям. Может быть, все не так и плохо. После краткого обследования он не может ничего сказать наверняка. Пусть посмотрит внимательнее...

— Но ведь это заживает? — Илейн с благодарностью оперлась на руку пожилой женщины. Голос ее звучал испуганно. — Я хотела сказать, переломы костей...

— Все будет хорошо, девочка, — успокоила ее Берта. — Главное, что он жив. Миссис Кэри, займитесь ею, пожалуйста. Может быть, у вас найдется еще чай для маленькой леди? Можно даже с самогоном!

Миссис Лерой мягко высвободилась из цепкой хватки Илейн и собралась последовать за мужем в контору. Илейн взяла себя в руки и последовала за ней. Она не собиралась отступить. По какой-то неведомой причине она решила, что с Тимом ничего не случится, пока она будет рядом с ним.

— Нет, только не вы. — Берта решительно покачала головой. — Там вы пока не понадобитесь. Сейчас мы должны известить его родителей, а вы... поймите меня правильно, но ведь вы не его официальная невеста. А нам не нужны проблемы с Ламбертами!

Умом Илейн понимала, однако, несмотря на это, она испытывала неукротимую потребность колотить кулаками в дверь, захлопнувшуюся перед ее носом.

Потом она увидела Мэтта Гавейна и некоторых других членов спасательного отряда. Мужчинам наверняка были известны обстоятельства, при которых нашли раненого. В первую очередь они привели в импровизированный госпиталь второго выжившего: Роли О'Брайен вошел туда на своих двоих. Хотя казалось, что паренек немного дрожит, идя рядом со своей постоянно крестящейся и всхлипывающей от радости матерью, выглядел он совершенно целым. Правда, он вел себя слегка дезориентированно, но уже сейчас купался в лучах всеобщего внимания, ибо на него со всех сторон набросились с вопросами.

Сначала Мэтью пытался заслонить Роли.

— Мальчику срочно нужно что-нибудь проглотить, — произнес штейгер. — Вы можете позаботиться об этом, мисс Лейни? Кстати, мы действительно нашли этих двоих в районе вентиляционной шахты. От газа они уйти сумели, но, к сожалению, Тима накрыло камнепадом после взрыва. А мальчик был в безопасности, в штольне. У него даже было довольно много места. Возможно, он сошел бы с ума от одиночества, но

мог продержаться там не один день.

— Там было так темно... — прошептал Роли. — Там было так ужасно, я... я боялся даже шелохнуться. И сначала я даже подумал, что мистер Ламберт умер и я совсем один. А потом он очнулся...

— Он очнулся? — взволнованно переспросила Илейн. — Это он подавал знаки?

Роли покачал головой.

— Нет, это был я, он не мог даже пошевелиться. Был засыпан вот досюда. — Мальчик показал на середину грудной клетки. — Я пытался откопать его, но не получилось... и он сказал, что я не должен пытаться, ему так только больнее... ему вообще было очень больно. Но он совсем не боялся... Он говорил, что нас обязательно откопают. Мне нужно было найти вентиляционную шахту, все время идти на дуновение воздуха. И стучать камнем по стенной кладке. Прямо под ней. Это я и сделал...

— И он все это время был в сознании? — Илейн вцепилась в это предположение. Должно быть, у Тима все же не настолько серьезные ранения, если он разговаривал с этим мальчиком весь день и полночи.

Тем временем миссис Кэри поставила на стол перед мальчиком чай и тарелку с сэндвичами. Роли жадно выпил его, пытаясь одновременно запихнуть себе в рот куски хлеба. Но подавился и закашлялся.

— Ешь не спеша, малыш! — проворчал Мэтт. — Сегодня на тебя уже больше ничего не обрушится. И если мой нос меня не обманывает, наши дамы разогревают суп.

Илейн с нетерпением дождалась, пока мальчик проглотил сэндвич.

— Роли, что было с мистером Ламбертом? — спросила она. Больше всего ей хотелось как следует встряхнуть паренька.

— Он время от времени приходил в себя. Поначалу надолго, а потом ему стало довольно плохо... Он стонал и говорил, как вокруг темно, и я, наверное, даже ревел... А потом я услышал, что где-то в штольне копают, и подумал, что нас вот-вот вытащат. Я принялся кричать, колотить по стенке, но мистер Ламберт этого уже не слышал. Ему тоже нужно дать попить, обязательно! — Видимо, Роли только сейчас подумал об этом и почти пристыженно отпил из своей чашки. — Он постоянно говорил, как ему хочется пить.

От слов мальчика на сердце у Илейн не полегчало. Кроме того, она услышала громкие голоса и плач из расположенной рядом конторы. Мэтт тоже услышал это и встревожился.

— Только что его сердце билось довольно часто, — произнес он, пытаясь утешить Лейни.

Но она не выдержала. Девушка решительно подошла к двери и толкнула ее. Пусть доктор Лерой вышвырнет ее — она хотела знать, жив ли Тим.

Но у врача и его супруги в данный момент были дела поважнее, чем обращать внимание на Илейн. Берта хлопотала над Нелли Ламберт, самым жалким образом рыдавшей, в то время как доктор Лерой пытался успокоить возмущавшегося Марвина Ламберта.

— В этом весь Тимоти! Одни бредни в голове! Я ему всегда говорил, что эти парни не стоят того, чтобы вступаться за них. Но нет, он постоянно хотел их от чего-то спасать. Подвергая угрозе собственное здоровье! Неужели он не мог руководить спасательной операцией снаружи? Этот штейгер, этот Мэтт Гавейн, он повел себя хитрее! Он не бросается сломя голову в любую передрагу и не возвращается потом калекой!

— Мэтт Гавейн провел в руднике уже много часов, — пытался урезонить его доктор Лерой. — А ваш сын не мог знать, что произойдут другие взрывы. Люди считают, что он поступил геройски.

— Хорош герой! — усмехнулся Марвин. — Наверное, хотел в одиночку откопать пострадавших. Ну и чего он этим добился? — В голосе Ламберта слышалась горечь. Однако Илейн, уловившая запах виски, подумала, что он, вероятно, таким злобным образом пытался выразить свое облегчение.

Илейн проследила за взглядом старого Ламберта и увидела худощавую фигуру Тима, который лежал на постели. Благодарение Богу за то, что он все еще был без сознания и не видел реакции своих родителей. Лицо его казалось серым, как и покрытые пылью волосы. Несмотря на то что кто-то кое-как вытер его от угольной пыли, в порах и мимических морщинках, которые были столь характерны для него, еще осталось немного грязи. К собственному облегчению, Илейн обнаружила, что его грудь равномерно вздымается и опускается. То есть он жив. И сейчас, после того как его накрыли одеялом, он уже не выглядел таким ужасающе разбитым.

Марвин Ламберт на миг закрыл рот, а его жена вновь начала причитать.

— А теперь он останется парализованным. Мой сын... калека! — Нелли Ламберт всхлипнула, в то время как Берта Лерой, казалось, вот-вот готова была накинуться на обоих Ламбертов, за которыми она наблюдала с неприкрытой злостью.

Нелли театрально бросилась на постель Тима. Раненый застонал во сне.

— Вы причиняете ему боль! — сказала Илейн, чувствуя

непреодолимое желание отшвырнуть истеричку от ее сына. Но она взяла себя в руки и мягко отвела миссис Ламберт в сторону, прежде чем Берта успела вмешаться более энергично. Нелли спряталась в объятиях мужа.

Илейн бросила умоляющий взгляд на доктора Лероя.

— Так что же с ним на самом деле? — негромко спросила она.

— Сложные переломы костей, — быстро ответила Берта. Судя по всему, она не хотела, чтобы подробный отчет мужа поверг в состояние истерики кого-нибудь еще. — И сломанное бедро. Несколько ребер тоже пострадали...

— Он парализован? — спросила Илейн. Из головы не шло слово «калека». Теперь она стояла ближе к постели Тима, и ей очень хотелось прикоснуться к нему, провести рукой по лбу или вытереть грязь со щек. Но девушка не осмелилась сделать это.

Доктор Лерой покачал головой.

— Тимоти не парализован, для этого он должен был бы сломать позвоночник, но, к счастью, ему удалось избежать этой ужасной травмы. Хотя по-прежнему остается открытым вопрос, благо ли это. Если человек парализован, то он хотя бы не чувствует боли. А так...

— Но ведь переломанные кости срастаются! — заметила Лейни. — Мой брат ломал руку, и все очень быстро зажило. А другой брат упал с дерева, сломал ногу. Ему пришлось полежать в постели подольше, но потом...

— Простые переломы действительно срастаются без проблем, — перебил ее Лерой. — Но у Тимоти осколочные переломы. Конечно, мы можем наложить шины, но я понятия не имею, с чего начинать. Мы вызовем специалиста из Крайстчерча. Конечно, как-нибудь они срастутся...

— И он снова сможет ходить? — с надеждой спросила Илейн. — Конечно, не сразу, но через несколько недель или месяцев...

Лерой вздохнул.

— Девочка, радуйтесь, если через пару месяцев он сможет сидеть в инвалидной коляске. Этот сломанный тазобедренный сустав...

— А теперь прекрати наконец каркать, Кристофер!

Нервы Берты Лерой не выдержали. Ее муж был хорошим врачом, но неисправимым пессимистом. И, несмотря на то, что чаще всего он оказывался прав, в данный момент не было никаких причин пугать родственников. Эта рыжеволосая девушка, которая имела какое-то отношение к мадам Кларисс, но, судя по всему, к числу ее шлюх не принадлежала, и без того дрожала, словно лист на ветру. Когда Кристофер упомянул об инвалидной коляске, лицо ее стало белее мела.

Берта энергично обхватила ее за плечи.

— Делаем глубокий вдох, малышка! Вы не поможете своему другу, если упадете прямо тут в обморок. Как уже было сказано, придет специалист из Крайстчерча. А пока его нет, ничего утверждать нельзя.

Илейн снова кое-как совладала с собой. Конечно, она ведет себя глупо. Нужно радоваться тому, что Тим еще жив. Если бы только перед глазами не вставала картинка со скачек... Тим — сияющий победитель, который, смеясь, соскакивает с коня, легко взбегаёт на пьедестал, обнимает своего верного Приятеля и снова взлетает в седло. Она не могла представить себе этого молодого мужчину в инвалидной коляске, обреченным на бездействие. Может быть, доктор Лерой прав и это хуже, чем смерть.

Но об этом она подумает позже. Сначала нужно спросить миссис Лерой, чем она, Илейн, может помочь. Есть ли что-то, чем можно себя занять...

Но Берта Лерой решила сначала заняться миссис Ламберт.

— Возьмите же наконец себя в руки! — прошипела она, обращаясь к безостановочно всхлипывающей матери Тима. — Там, на улице, множество женщин, которые сегодня потеряли мужей и сыновей! Более того, они не знают, как наскрести денег, чтобы похоронить их! А ваш сын вернулся! Вы должны благодарить Бога, вместо того чтобы беспомощно причитать здесь! Кстати, где преподобный отец? Посмотрите, не найдется ли на улице кто-то, кто отвез бы вас домой. Ну а сейчас мы вымоем мальчика, обработаем раны и уложим в постель, пока он еще без сознания. Потом с него и без того будет достаточно боли... Кристофер?

Доктор Лерой уже раскладывал шины и готовил перевязочный материал. Миссис Лерой благосклонно отметила это и снова обратилась к Илейн:

— Вам лучше, малышка? Хорошо. Тогда найдите мне миссис Кэри! Нам нужна здесь чья-нибудь помощь! — Миссис Лерой обернулась к постели Тима, собираясь поднять одеяло.

— Я могу помочь! — Илейн пошла за ней.

Однако Берта Лерой покачала головой.

— Нет, только не вы. Не хватало вам для полного счастья дергать за ноги своего возлюбленного. Вы мне тут еще в обморок упадете.

— Он не мой возлюбленный, — прошептала Илейн.

Берта рассмеялась.

— Нет, конечно же, нет. Малышка, вы холодны, как собачий нос! Совершенно безучастны. Вы просто случайно остались здесь, поскольку немного знаете Тима Ламберта, да? Бабушке своей будете рассказывать! Но

для начала запрягите свою лошадку. Карета мадам Кларисс все еще здесь, ведь так? Найдите кого-нибудь, кто вытащит из нее сиденья, тогда туда войдут носилки.

— Ты собираешься сегодня же отправить парня домой, Берта? — недовольно поинтересовался доктор Лерой. — В таком состоянии?

Берта Лерой пожала плечами.

— В ближайšie недели его состояние вряд ли изменится. Не считая того, что завтра он придет в себя и будет чувствовать каждую выбоину на дороге. Мы можем избавить его от этой пытки.

Илейн постепенно начинала задаваться вопросом, кто из этой пары на самом деле врач.

— Но эта семья...

Берта, не дослушав мужа, энергично обернулась к Илейн:

— Чего вы ждете, девушка? В конюшню!

Илейн выбежала на улицу. В принципе, она считала, что доктор Лерой прав. Если они отвезут Тима в дом Ламбертов, отец завтра же обрушится на него с упреками, а мать от отчаяния будет продолжать причитать и всхлипывать. Постепенно Илейн начинала понимать, почему Тим каждый вечер ходил в паб. Оказаться в доме Ламбертов в беспомощном состоянии, должно быть, сущая пытка.

Баньши и Приятель заржали, когда Илейн вошла в конюшню; кроме того, она встретила здесь нескольких шахтеров, которые, устав после раскапывания пострадавших, без сил лежали на соломе. Раньше Илейн их не видела — страшно даже подумать, что она бесстрашно спала в одном помещении с ними! Но сейчас придется растолкать некоторых из них. Одна она не сумеет подготовить карету мадам Кларисс к транспортировке больного. Она выбрала двух спокойных шахтеров постарше, которых немного знала по пабу. Хоть мужчины и не были в восторге, но поняли, насколько это необходимо, и пошли за инструментами.

К сожалению, они обошлись с красной бархатной обивкой миссис Кларисс не очень осторожно — оставили целую кучу грязных отпечатков. Лейни придется все это чистить. Девушка вздохнула. Неужели этот день никогда не закончится?..

Вскоре она остановилась перед зданием конторы с готовой для перевозки больного каретой и поняла, что между супружеской четой Лероев полным ходом идет спор. Теперь речь шла уже о том, что Берта хотела ухаживать за Тимом в помещении их частной практики, где у Лероев был и госпиталь на две койки. Доктор же придерживался той точки

зрения, что нанятая Ламбертами сиделка может делать все то же самое и дома у Тима. А Тиму понадобится уход на протяжении не одного месяца.

Берта покачала головой, удивляясь мужской недогадливости.

— Сиделка может мыть его и менять повязки, а дальше что? Ты ведь видел Ламбертов! Если ты пошлешь его туда, то уже через неделю он будет в прекраснейшей депрессии! И неужели ты думаешь, что к ним осмелится сунуться хоть кто-то из горняков? Разве только Мэтт Гавейн, да и то один раз в три недели в воскресном костюме. А у нас всегда полно народу. Друзья смогут заходить к нему, все честные женщины города будут засылать к нему дочерей, а девушки мадам Кларисс и без блюстителей порядка обойдутся. — Берта улыбнулась, увидев стоящую в дверях Лейни. — Особенно одна, — добавила она. — Которой он совершенно безразличен...

Илейн покраснела.

Доктор Лерой сдался.

— Ну ладно. Значит, к нам. У нас есть двое мужчин для носилок? И нам нужно по меньшей мере четверо помощников, чтобы переложить его.

Теперь все тело Тима было покрыто бесформенными повязками; грудь тоже была перевязана. Однако руки, похоже, были целы. Это вселило надежду в Илейн. Но она тут же снова побледнела, едва чета Лерой и их помощники подняли раненого и переложили с кровати на носилки, поскольку молодой человек громко застонал.

— Я выстелила карету одеялами, — сказала она.

Берта кивнула ей и пошла за носильщиками к карете.

— Это хорошо, что вы соображаете. Я поеду с вами и попытаюсь удерживать его, чтобы он не качался. А вторая лошадь, чья она?..

Илейн запрягла Баньши, а за каретой привязала Приятеля.

Кивком она указала на Тима.

— Это его. Ламберты забыли о нем. Но нельзя ведь было оставлять его здесь...

Берта усмехнулась.

— Вы поистине святая. Заботитесь о человеке, с которым вас абсолютно ничего не связывает, а потом еще и лошадь его берете. Просто пример для подражания! Возможно, стоит подсказать преподобному отцу идею для проповеди.

Всю дорогу Илейн заставляла Баньши идти шагом, но в темноте ей не удавалось объезжать все ямки. Несмотря на беспамятство, Тим каждый раз вскрикивал, и Илейн постепенно начинала понимать, почему Берта Лерой

настаивала на том, чтобы перевезти его сегодня же ночью. Наконец мужчины перенесли Тима в здание, где вели практику супруги Лерой, и Илейн занялась лошадьми. Когда Баньши и Приятель, стоя рядом, принялись с довольным видом поедать сено, она пошла за Лероями в дом.

— Я могу еще чем-нибудь помочь?

Берта Лерой бросила взгляд на хрупкую девушку в испачканном платье для верховой езды. Лейни выглядела бледной и смертельно уставшей, но в глазах ее таилось отчаяние, и Берта поняла, что в ближайшие несколько часов она наверняка не уснет. Самой же Берте нужно было срочно прилечь. Она собиралась спать как убитая.

— Можете остаться с ним, малышка, — после небольшой паузы сказала она. — Кто-то ведь должен быть рядом с ним, когда он очнется. Ничего не случится, его жизнь вне опасности. А если что-нибудь пойдет не так, будите нас.

— А что мне делать, если он проснется? — нерешительно спросила Илейн, следуя за супругой врача в палату.

Тим неподвижно лежал на одной из коек.

Берта пожала плечами.

— Поговорите с ним. Дайте ему попить. А если ему будет больно, пусть примет вот это. — Она указала на приготовленный стакан с похожей на молоко жидкостью, стоявший на ночном столике рядом с графином воды. — После этого он быстро уснет, это очень сильное средство. Просто немного подбодрите его.

Илейн поставила у кровати стул и зажгла лампу на маленьком ночном столике. Верхний свет миссис Лерой выключила. Илейн была бы не против посидеть и в темноте. Но если Тим очнется... вокруг не должно быть темно. В ушах еще звучали слова Роли. *Он все время повторял, как темно вокруг...*

Илейн просидела у постели Тима до рассвета. Она чувствовала себя изможденной, но настоящей усталости не было; после ужасного дня она наконец-то успокоилась. Тим тоже казался усталым. Илейн только сейчас заметила ввалившиеся щеки и темные круги, появившиеся у него под глазами. И эта угольная пыль повсюду... Илейн взяла в руки стоящую в комнате миску для умывания и налила туда воды из графина. Вытерла пыль из уголков глаз, мягко провела тряпочкой по всем тем мимическим морщинкам, которые делали его лицо таким озорным, когда он смеялся. При этом девушка тщательно следила за тем, чтобы прикасаться к нему только тряпочкой. Когда ее пальцы случайно коснулись его щеки, она отпрянула, словно пораженная молнией.

После тех ужасных ночей с Томасом она больше не прикасалась ни к кому из мужчин и никогда больше ни с кем не оставалась наедине. И уж тем более ночью, в темной комнате. Она не хотела, чтобы это повторилось. Но сейчас собственные страхи почти смешили ее. От Тима не исходило никакой опасности. И лицо его было приятным на ощупь. Кожа была теплой, сухой, несколько шершавой... Илейн убрала тряпку и робко погладила его лоб, брови, щеки. Убрала волосы со лба и поразилась, какие они мягкие. Наконец она тронула его руки, спокойно лежавшие на одеяле. Сильные, загорелые руки, которые могли схватить. Но она помнила, как нежно держали эти руки поводья Приятеля; во время скачки она поражалась тому, насколько легко он ведет коня. Пальцы Тима были темными от угольной пыли, ногти — сломаны. Неужели он действительно пытался откопать кого-то голыми руками?

Она погладила тыльную сторону его ладони, потом взяла правую руку Тима в свою — и испуганно вскрикнула, когда пальцы молодого человека сомкнулись вокруг ее запястья. Безумие, однако одного слабого пожатия раненого хватило, чтобы девушка вырвала руку и отскочила от койки на безопасное расстояние.

От крика Тим открыл глаза.

— Лейни... — негромко произнес он. — Я сплю... кто кричал, мальчик? — Тим озадаченно огляделся по сторонам.

Илейн молча отругала себя за дикую реакцию. Она подошла ближе и добавила света в лампе.

— Никто не кричал, — сказала она. — А мальчик в безопасности. Вы... Вы в Греймуте, у Лероев. Мэтт Гавейн вас откопал.

Тим улыбнулся.

— А вы заботились обо мне...

И он снова закрыл глаза. Илейн взяла его за руку. Теперь она будет держать ее, пока он снова не проснется, а потом улыбнется ему. Нужно преодолеть свой безумный страх. Главное — следить за тем, чтобы не влюбиться снова.

Когда Тим в следующий раз пришел в себя, было почти утро. Илейн уже не держала его за руку; она уснула в кресле. Теперь она вскочила, стоило ему позвать ее по имени. Мужской голос, будивший ее... Так начиналось всегда, когда Томас... Но это был не жесткий, повелительный голос Сайдблоссомы. Голос Тима был звонче и приветливее. А еще он был очень слабым. Илейн сумела улыбнуться ему. Тим заморгал, глядя в окно на зарождающийся день.

— Лейни, ты можешь... вы не могли бы... свет...

Илейн повернула фитиль лампы.

— Шторы... — Рука Тима дернулась на одеяле, словно пытаюсь натянуть его на себя.

— Снаружи еще темно, — сказала Лейни. — Но уже наступает утро. Вот-вот взойдет солнце.

Она нервно поднялась и раздвинула шторы. В комнату заглянул первый сумеречный свет.

Тим заморгал. Глаза были воспалены от пыли.

— Я уже думал, что никогда этого не увижу... солнце. И... Лейни... — Он попытался шевельнуться и скривился от боли. — Что со мной? — негромко спросил он. — Адская боль.

Илейн снова села и взяла его за руку. Сердце бешено стучало, но Тим сжал ее пальцы очень осторожно.

— Всего лишь несколько переломов, — сказала она. — Вот... выпейте это... — Она взяла с ночного столика стакан.

Тим попытался сесть и взять его в руки, однако от малейшего движения тело пронзила боль. Он с трудом сдержался, чтобы не закричать, но слабый стон все же вырвался из его горла. Илейн увидела, что на лбу у Тима выступил пот.

— Подождите, я помогу вам. Вам нужно лежать спокойно... — Она осторожно положила руку под его затылок, слегка приподняла и поднесла стакан к губам. Тим с трудом выпил.

— На вкус ужасно, — сказал он, попытавшись улыбнуться.

— Зато помогает, — сказала девушка.

Тим лежал и молча смотрел в окно. С постели ему было видно немного, только вершины гор, несколько крыш, копёр. Но теперь быстро светало.

Илейн вытерла пот с его лба.

— Сейчас боль пройдет, — утешила она молодого человека.

Тим пристально посмотрел на нее. Она что-то недоговаривает. Но она здесь. Он разжал руку, которую сжал в кулак, когда почувствовал боль, и протянул ей, словно приглашая.

— Лейни... хоть все не так и страшно, боль совершенно ужасная. Вы не могли бы... не могли бы снова взять меня за руку?

Илейн покраснела, но вложила свою руку в его ладонь. И они молча стали наблюдать за тем, как исключительно красивый рассвет сначала окутал город за окном в розовые тона, а затем в яркий солнечный свет.

Глава 4

Солнце всходило над испуганным, погруженным в горе Греймутом. Жители города, даже торговцы и ремесленники, не имевшие отношения к руднику, выглядели уставшими и отчаявшимися. Вся жизнь, казалось, замерла, люди и повозки двигались словно в густом тумане.

При этом большинство частных рудников не закрылось. Даже те рабочие, кто вчера помогал раскапывать завалы, вынуждены были спуститься в забой, если не хотели потерять свою скудную зарплату. Усталые и не выспавшиеся, они заступали на смену, и им оставалось только надеяться на то, что штейгер проявит понимание и подыщет им спокойную работу или не заставит спускаться под землю.

Впрочем, Мэтт и его коллеги не хотели делать этого. Если дать людям слишком продолжительный отдых, облик раненых и мертвых так крепко запомнится им, что они станут бояться работать в забое. Поэтому всегда были и будут люди, которые увольнялись после несчастного случая на руднике. Некоторые спускались каждый день под землю в страхе, хотя и не признавались в этом. Большинство таких людей работало в горнодобывающей промышленности давно и не в первом поколении. Еще их отцы и деды рубили уголь в шахтах Уэльса, Корнуолла и Йоркшира, а их сыновья впервые спускались под землю в тринадцать. Ничего иного все эти Пэдди, Рори и Джейми не могли себе даже представить.

Мэтт и его люди выкопали в этот день последних мертвецов. Тяжелая и неблагодарная работа, но жены и дети у шахты все еще ждали чуда.

Преподобный отец пытался помочь им и одновременно с этим урегулировать вопросы по поводу найденных на данный момент шестидесяти шести погибших. Он послал женщин из своего кружка к семьям, утратившим кормильцев, — а потом успокаивал их, когда они вернулись, пребывая в ужасе от состояния жилищных условий шахтерского квартала. Вся эта грязь, бедность, отчасти брошенные без присмотра дети поражали, — впрочем, причиной этого почтенные матроны Греймута считали не мизерную зарплату рабочих и жадность владельца рудника, а исключительно недостаток трудолюбия жен горняков.

— Абсолютно никакого чувства прекрасного! — возмущалась миссис Тэннер. — А ведь даже самую жалкую лачугу можно сделать уютной, если уложить кое-где подушки, сшить пару занавесок...

Преподобный отец молчал и благодарил Господа за мадам Кларисс,

которая оказывала деятельную поддержку, приняв к себе обратно бывших проституток, а ныне вдов. Она заняла им деньги на похороны, пообещала тем, кто помоложе, место в пабе, а старшей, за подол которой цеплялось трое детей, место в кухне. Девушки мадам Кларисс помогали опознавать мертвых, у которых не было родственников. О похоронах почти половины жертв пришлось позаботиться общине. Кроме того, нужно было уладить их дела и известить о гибели мужчин родственников в Ирландии, Англии или Уэльсе. Все это было тяжело, горько и требовало больших временных затрат. Но более всего преподобный отец пришел в ужас от визита к Марвину Ламберту. Нравилось ему это или нет, но этот человек должен был взять на себя часть ответственности за случившееся. Женщинам и детям нужна поддержка. Но, без сомнений, Нелли Ламберт будет лишь бесконечно причитать из-за великого горя, приключившегося с ее семьей. При этом, судя по свидетельству доктора Лероя, жизнь молодого Ламберта была вне опасности. Преподобный отец специально съездил в город, чтобы спросить о состоянии парня.

— Конечно, всегда есть вероятность ухудшения состояния, — заявил ему доктор-пессимист. — Ему придется очень долго лежать, а это способствует возникновению воспаления легких. С другой стороны, он — сильный молодой человек, так что...

Преподобный отец не стал слушать дальнейшие пояснения, решив вместо этого успокоить Нелли Ламберт, заверив ее, что с учетом обстоятельств ее сын чувствует себя хорошо. Впрочем, до нее не дошел смысл увещеваний преподобного, да и Марвин Ламберт тоже не проявил понимания.

— Подождем результатов комиссии, — проворчал он. — До того момента я никому ничего не буду платить. Это было бы все равно, что признать свою вину. А позже можно будет подумать о благотворительном фонде...

Священник вздохнул и понадеялся, что сумеет собрать добровольные взносы хотя бы на самое необходимое. Матроны его церковной общины уже энергично планировали сбор средств, а также первые базары и пикники для благотворительных целей.

Вскоре прибыла комиссия по контролю рудников, вернее, на самом деле инспекторы приехали как раз в тот самый момент, когда Мэтт после двух дней практически безостановочной работы наконец собрался пойти домой и лечь в постель. Вместо этого ему пришлось водить их по руднику, а во рту еще маковой росинки не было. В заключительном отчете

владельцу рудника было указано на недостаточное соблюдение мер безопасности. Грубых нарушений правил не было; тут Ламберта спасла новая вентиляционная шахта, на которую он с такой неохотой согласился после долгих уговоров Тима и которой он был обязан здоровьем своего сына. Поэтому на него наложили лишь небольшой денежный штраф, поскольку команды спасателей не были оснащены в достаточной степени.

Марвин Ламберт пришел в ярость, когда прочел заключение, ведь контролеры ничего не могли об этом знать. Кто-то проболтался, он подозревал Мэтта Гавейна и, конечно же, разозлился на него. Он несколько раз угрожал Мэтту увольнением; похоже, он совершенно не понимал, что таким образом распугает всех своих оставшихся рабочих.

— А ведь многие и без того просят работать на другие рудники! — жаловался Мэтт, когда он наконец выспался и зашел к Тиму, прежде чем заступать в новую смену. — Раньше я этого как-то не замечал, но, похоже, ваш отец живет в каком-то другом мире.

Тим кивнул. В том, что произошло с ним, Ламберт уже обвинял всех и каждого, кроме себя и собственного равнодушия к правилам техники безопасности на шахте. Ламберт не осознавал своей вины и даже не собирался менять подход к открытию новых шахт.

— Но на этот раз он так просто не отделается! — убежденно заявил Мэтт. — Нам нужно нанять по меньшей мере шестьдесят новых рабочих. Это и без того будет достаточно трудно — мы уже заработали название «смертоносный рудник». Если продолжать в том же духе, скоро мистеру Ламберту придется добывать уголь самостоятельно.

На это Тим не сказал ничего; его в достаточной степени заботило собственное ужасное состояние. Ссориться с отцом было сейчас выше его сил. Хотя Марвин заходил к нему лишь изредка. Похоже, он намеревался точно так же игнорировать постигшее сына несчастье, как и ответственность за вдов и детей своих работников.

Мэтт Гавейн с горечью задавался вопросом, что собирается делать Ламберт: ждать, что Тим когда-нибудь вернется в этот мир целый и невредимый, или просто спишет собственного сына. Но об этом он, конечно же, не стал говорить со своим тяжело раненным другом, лишь иногда затрагивал эту тему по вечерам в пабе. Он напивался вместе с Эрни и Джем. Оба были потрясены состоянием Тима и заказывали один бокал виски за другим.

А возможность для этого у них была. И «Лаки Хорс», и «Уайлд Ровер» открылись на следующий же день после трагедии. Впрочем, здесь было уже не так оживленно. Ни Лейни, ни Кура не играли на пианино; мужчины

разговаривали приглушенными голосами и пили больше виски, чем пиво, словно надеясь подавить таким образом собственный страх.

На протяжении следующих дней работники рудника постепенно возвратились к привычному распорядку. Рождество в этом году решили не отмечать. В день смены календаря все будет по-старому. Ни у кого не было желания праздновать.

Мэтт занимался поисками новых рабочих и жаловался, что опытных горняков почти не найти. Большинство заявок поступало от людей, которые до сих пор успели перепробовать все — от ловли китов до старательства; впрочем, рудник изнутри никто из них никогда не видел. И сейчас этих людей нужно было обучать, что представляло собой довольно трудоемкий и тяжелый процесс.

Преподобный отец назначил поминальную службу по жертвам трагедии на следующее воскресенье, чтобы в ней могли принять участие все жители городка.

— Вообще-то, рудники должны были бы дать людям выходной, по крайней мере Ламберт, — пояснял он Лейни. — Но пока не хочется снова связываться с этим человеком, поэтому остается проявлять малодушие.

Илейн кивнула.

— Что мне играть? — поинтересовалась она, ища глазами ноты.

Она пришла в церковь, чтобы передать преподобному отцу собранные мадам Кларисс деньги для вдов и сирот, что вызвало очередной диспут.

Вообще-то, монополию на сбор благотворительных средств отвоевал себе кружок домохозяек, и дамы все еще обсуждали, можно ли вообще принимать «греховные» деньги из борделя. Сам преподобный отец — равно как и практичная миссис Кэри — были за, поскольку речь шла о приличной сумме. Мадам Кларисс дала в три раза больше, чем почтенные женщины.

— Давайте посмотрим на это с такой точки зрения, — наконец сказала миссис Кэри, что вызвало всеобщее одобрение. — Мадам Кларисс просто вернула деньги, которые умершие оставили в пабе ранее. Это должно также избавить мужчин от парочки грехов, поскольку они предстали перед Всевышним без исповеди...

— А что касается музыки, то «Amazing Grace» всегда воспринимается хорошо, — предложила Лейни, перелистывая литургию для похоронной церемонии.

Преподобный отец закусил губу.

— Не трудитесь, мисс Лейни. Надеюсь, вы не станете обижаться...

Дело в том, что я... я уже спланировал церемонию с мисс Мартин...

Илейн заморгала.

— С Курой? Как мило, что я узнаю об этом только сейчас!

Преподобный начал оправдываться.

— Мы не хотели обходить вас, мисс Лейни, честно. Но мисс Мартин очень проникновенно играет реквием Моцарта. Я не слышал такого с тех пор, как уехал из Англии. И я подумал, что вы и так столько сделали... и все еще делаете...

Илейн встала. Она была в такой ярости, что предпочла уйти, чтобы не накричать на преподобного отца или не открыть истинного семейного положения своей очаровательной кухни.

— Что же я такого делаю? — раздраженно поинтересовалась она. — Эти деньги собрала не я, и я не готовлю для поминальной церемонии, как дамы из церковного президиума. Но, конечно, я понимаю, что не достойна и воды подать, когда за органом сидит «мисс Мартин»... которая снизошла до того, чтобы одарить простых людей своей ангельской игрой. Смотрите только, чтоб миссис Тэннер не начала петь мимо нот. Не то «мисс Мартин» может выйти из себя!

И с этими словами Илейн бросилась прочь. Ей очень хотелось устроить Куре разнос, но она передумала. Кура просто насладится ее вспышкой гнева и, возможно, отпустит несколько колких замечаний по поводу игры своей соперницы. В конце концов, Илейн прекрасно знала, что играет не идеально. Кура сделает поминальную церемонию гораздо более торжественной. Один ее вид ошеломляет.

Поэтому вместо этого Лейни решила съездить к Лероям и навестить Тима, как уже поступала каждый день. Она знала, что в городе говорят об этом, причем люди отчасти придерживались мнения, что она просто выполняет свой христианский долг, а другие шептались, что мисс Лейни, без сомнения, решила заарканить сына богатого владельца рудника. Тот даже в качестве калеки по-прежнему хорошая партия...

Но спокойнее всех остальных реагировали шахтеры. Они часто видели, как Тим стоял у пианино в пабе, а некоторые знали о его упорном, но до сих пор безнадежном уходе за девушкой. И теперь каждый день спрашивали Лейни о его состоянии.

В такие минуты Илейн подбадривала мужчин, предлагая им тоже навестить Тима, что многие и делали. Расчет миссис Лерой оправдался. В маленьком госпитале Тим хотя бы не был полностью отгорожен от мира, и визиты друзей развлекали его. А необходимость в этом была, несмотря на то что он старался не подавать виду. Он ждал эксперта из Крайстчерча, но у

того, похоже, было слишком много дел. Тим же очень рассчитывал на него.

До него уже успел прийти предварительный диагноз доктора Лероя, хотя Лейни, равно как и миссис Лерой, выражались весьма туманно. Да и сам доктор старался держать свои самые пессимистические прогнозы при себе. Однако мать Тима была очень несдержанной женщиной. Нелли Ламберт приходила к сыну каждый день и, казалось, считала своим долгом проплакать при нем целый час. Когда шестьдесят минут истекали, она быстро прощалась и уходила, неуклюже натыкаясь на его кровать. Тим пытался смотреть на ситуацию с юмором, однако это было непросто, поскольку он каждый раз испытывал сильную боль при малейшем движении. После этого проходил не один час, прежде чем спазмы, терзавшие его тело, унимались. Миссис Лерой прекрасно знала об этом, и, поскольку, ухаживая за ним, она постоянно причиняла ему боль, женщина предлагала Тиму морфий. Однако он отказывался.

— Может быть, у меня и переломаны ноги, но это еще не повод дурманить себе голову! Я знаю, что в какой-то момент от него невозможно будет отказаться, миссис Лерой, а я этого не хочу!

Впрочем, иногда боль становилась настолько сильной, что ему требовалась вся сила воли, чтобы не закричать. Тогда миссис Лерой давала ему снотворное, а Лейни сидела рядом с ним, ждала и осторожно держала его за руку. Ее нежные робкие прикосновения Тим переносил легче всего; она никогда не хватала его слишком сильно. Даже когда она давала ему попить или вытирала лоб от пота, выступившего после приступа боли, прикосновения девушки оставались легкими, словно перышко.

В тот день Тим пребывал в хорошем настроении, поскольку специалист из Крайстчерча наконец назначил дату обследования. Оно должно было состояться на следующий день после поминальной церемонии. Тим радовался и улыбался, слушая о том, как Лейни злится на Куру и преподобного отца.

— Когда-нибудь вам придется рассказать мне, что вы имеете против этой девушки-маори, которая играет на пианино у Пэдди Холлоуэя! — поддразнил он ее, но тут же умолк, увидев, как окаменело лицо Илейн. Она всегда реагировала так, когда он спрашивал ее о прошлом. — Посмотрите на это с другой точки зрения, Лейни. Теперь вам нет нужды идти на эту поминальную церемонию, вы можете вместо этого составить компанию мне. Миссис Лерой будет рада. Она так беспокоится, что я впаду в депрессию, если она оставит меня одного. С другой стороны, будучи женой врача, она не может уйти. Она чуть не спросила мою мать, не посидит ли она со мной. Но та ни в коем случае не упустит шанса продемонстрировать

свой новый кружевной костюм и согбенную от горя фигуру. Вчера она уже надевала его, когда приходила ко мне. Надеюсь, это не войдет у нее в привычку.

И Илейн действительно осталась с Тимом, что еще сильнее подхлестнуло городских сплетниц. Однако миссис Лерой, застав двух дам за болтовней, раздраженно поинтересовалась, в чем, собственно, дело.

— Человек едва способен шевельнуться! Постыдились бы подозревать его в каких-то неприличных действиях!

Миссис Тэннер улыбнулась с видом знатока.

— Миссис Лерой, на некоторые вещи мужчины способны всегда, — заявила она. — А девушка мне сразу не понравилась, когда оборванкой явилась в наш город.

Зато Кура получила очки в графе «доброе имя». И миссис Миллер, и Пэдди Холлоуэй купались в лучах ее славы. Молодая певица сделала поминальную церемонию очень трогательной. Кура и сама плакала, чем окончательно завоевала все сердца. Поэтому никто и слова дурного не сказал, когда после мессы Калев Биллер поздравил ее с чудесным выступлением и предложил сопровождать ее на погребение, которое должно было последовать сразу же после церемонии. Шедшая рядом с ним Кура выглядела подобающе. Даже его мать, миссис Биллер, глядела на нее скорее заинтересованно, нежели недовольно.

А Илейн сидела рядом с Тимом, который пребывал в отличном настроении и, судя по всему, ожидал от лечения специалиста из Крайстчерча настоящего чуда. Говорили, что врач выправит переломы и наложит гипс. Возможно, ему понадобится для этого не один час, однако Тим был твердо уверен в том, что после этого быстро поправится.

— Я всегда был очень здоровым, Лейни. И в детстве тоже как-то ломал руку. Все очень быстро пришло в порядок. Пару недель...

Илейн знала, что доктор Лерой скорее настроен на пару месяцев в гипсе, но решила промолчать. Она отложила в сторону газету, которую читала Тиму, и задернула шторы. Молодой человек возмутился.

— Я не могу сейчас спать, Лейни. Сейчас ведь полдень, а я уже не ребенок! Ну же, почитайте еще немного или расскажите что-нибудь...

Илейн покачала головой.

— Вам нужен покой, Тим. Доктор Лерой говорит, что завтрашний день будет для вас очень тяжелым. — Она убрала прядь с его лба. Тим мог двигать руками, однако ребра у него были сломаны, из-за чего все

движения верхней части туловища делались очень мучительными. Илейн пыталась по мере возможности щадить молодого человека, хотя Тим терпеть не мог, когда она помогала ему есть или пить. Неизбежный уход он принимал только от миссис Лерой, и даже это было ему очень неприятно.

Илейн осторожно поправила его одеяло. Она была так встревожена и так сильно нервничала, что едва не плакала. Она не разделяла оптимизма Тима. Кроме того, доктор Лерой сказал не «тяжелый», а «болезненный». Выправление переломов превратится в пытку, и было исключено, что ей позволят присутствовать при этом. Илейн надеялась, что Берте Лерой удастся уговорить Нелли Ламберт не приходить в это время к сыну.

Тим улыбнулся ей, так же неотразимо, как и раньше. Илейн снова вспомнился здоровый Тим, каким он был в день скачек. Пытаясь успокоиться, девушка провела рукой по его лбу.

Он подмигнул ей.

— Лучше всего я отдыхаю, когда вы держите меня за руку, — заявил он. Внезапно в его глазах сверкнуло что-то, что Илейн часто видела в глазах Томаса Сайдблоссомы и что всегда пугало ее. — Когда вы гладите меня по лбу, это скорее возбуждает. Несмотря ни на что, я ведь все же мужчина...

Он потянулся пальцами к ее руке, однако увидел лицо девушки и тут же пожалел о собственных словах.

Мягкое, доверчивое выражение в глазах Лейни сменилось подозрением и страхом. Она резко отняла руку, словно обожглась. Конечно же, она останется рядом с ним; она обещала миссис Лерой. Но в этот день она больше не вложит свою руку в его.

Впрочем, на следующий день Илейн пришла снова, с раскаянием спрашивая себя, как она могла испытывать такое недоверие по отношению к Тиму и почему ей, кроме всего прочего, не удалось скрыть свой страх. Весь остаток дня Лейни вела себя с ним довольно холодно, и когда она уходила, он словно бы протрезвел. А ведь Тим нуждался в оптимизме и любой помощи. Илейн предчувствовала катастрофу еще прежде, чем поняла, что она произошла. Потому что первой она встретила Нелли Ламберт, которая рыдала, сидя за чашкой чая с Бертой Лерой.

— Он никогда больше не поправится! — обвиняющим тоном заявила она Лейни. Женщины в последнее время иногда встречались в клинике, однако, судя по всему, миссис Ламберт понятия не имела об отношении Илейн к Тиму. Казалось, она почти не замечает ее; Лейни с тем же успехом могла быть частью интерьера маленького госпиталя, равно как и живым

человеком.

— Доктор из Крайстчерча опасается того же, что и мой муж. Он наложил на переломы гипс, но там осколочные переломы и сплющивания, и, конечно же, никто не может заглянуть вовнутрь — по крайней мере пока что, хотя в Германии будто бы некий Рентген недавно изобрел аппарат, который может это сделать. Доктор Портер был очень взволнован из-за этого. Что ж, Тиму это все равно не поможет. Так что вправлять переломы пришлось наудачу, и вероятность того, что все срастется идеально, равна нулю. Но как бы там ни было, он надеется, что сумел вправить хотя бы бедро, так что будем надеяться, что он сможет сидеть. Однако нужно ждать. Правда, Тим вел себя как настоящий мужчина. Можете пойти к нему, Лейни. Он будет рад.

— Только не утомляйте его! — требовательно произнесла миссис Ламберт. — Лично я считаю, что ему сегодня гости уже не нужны.

Тим лежал в полутемной комнате, и первым делом Илейн раздвинула шторы. Еще было не поздно, на улице стояло лето — почему, черт возьми, эта миссис Ламберт постоянно хочет закрыться от солнечного света?

Тим с благодарностью посмотрел на Илейн, но улыбнуться не сумел. Глаза у него были словно стеклянные; сегодня он выпил морфия. Но, похоже, это не очень помогло, поскольку выглядел он изможденным и больным. Даже сразу после несчастного случая он не казался таким худым и обессиленным.

Илейн присела рядом с ним, но прикоснуться к нему не стала, потому что ей казалось, что сегодня Тим сам не захочет никаких прикосновений.

— Что сказал врач? — наконец поинтересовалась Илейн. В новых гипсовых повязках ноги Тима выглядели еще ужаснее, чем в шинах доктора Лероя, однако были спрятаны под одеялом. Показывать их ей Тим не станет. Поэтому она даже просить не стала.

— Много чуши... — хриплым голосом произнес Тим. Он казался сонным и апатичным из-за морфия. — Такой же старый пессимист, как и наш доктор. Но мы не будем слушать его, Лейни. Когда-нибудь я снова смогу ходить. Нельзя же, чтобы меня везли в церковь. Я ведь собираюсь... танцевать на нашей свадьбе.

Илейн не ответила и не посмотрела на него. Но ее поведение даже утешило Тима, потому что это было гораздо лучше, чем понимающие и сочувственные взгляды других посетителей, когда он ставил под сомнение прогнозы врачей. Казалось, Лейни больше заботит борьба с собственными демонами.

— Лейни... — прошептал Тим. — По поводу вчерашнего... мне очень жаль.

Она покачала головой.

— Вам нет нужды извиняться. Я повела себя глупо. — Она подняла руку, словно хотела провести по его лбу, но не сумела заставить себя сделать это.

Тим подождал, а потом не вытерпел.

— Лейни, сегодня действительно был... тяжелый день. Может быть, мы могли бы... попытаться еще раз? Я имею в виду, с засыпанием?

Она молча взяла его за руку.

Глава 5

Кура-маро-тини была раздражена, и тому было несколько причин. С одной стороны, за прошедшую неделю она не заработала практически ни цента. Мадам Кларисс, скорее всего, продолжала платить своим девушкам, несмотря на то что из-за траура после трагедии на шахте в паб почти никто не приходил, но Пэдди Холлоуэй не платил. Если Кура не играла, то и денег у нее не было. А между тем миссис Миллер, конечно же, рассчитывала получать квартплату и дальше, и то же самое касалось владельца конюшни. Кура уже размышляла над тем, чтобы продать лошадь, хотя и успела привыкнуть к животному.

Она пребывала в нерешительности, тревожилась, но радовалась тому, что хотя бы наконец-то завершился траур. При этом ей очень понравилось играть на органе — в первую очередь, потому что ей удалось устроить подвох для мерзкой маленькой Лейни. Однако она испытывала удовлетворение и оттого, что ей снова довелось играть серьезную музыку. Хотя, похоже, оценить ее игру по достоинству мог только Калев Биллер.

Возможно, признавалась себе Кура, ее внутренняя тревога в некоторой степени была связана с Калевом Биллером. Кура была далека от того, чтобы влюбиться в него, однако она тосковала по мужчине! Пока она колесила по дорогам и была погружена в заботы о жилье и организации выступлений, эти мысли можно было гнать прочь. Но теперь не проходило и часа, чтобы она не вспоминала Уильяма и радость, которую она испытывала в его объятиях. Даже Родерик Барристер представлял теперь в гораздо лучшем свете. А сейчас интерес у нее вызывал только этот Калев Биллер, который, похоже, почитает ее талант.

Впрочем, этот парень казался Куре довольно странным. С одной стороны, во время траурной церемонии он вел себя очень по-рыцарски, а с другой, был холоден как рыба, даже когда она оперлась на его руку, словно бы в поисках утешения. Во время путешествий с ансамблем Кура познакомилась с мужчинами, которые, как говорили, были «с другого берега». Но Калев вел себя не так, как они. Может быть, его нужно просто подбодрить?

Как бы там ни было, Калев, как и раньше, появился в «Уайлд Ровере», когда Кура снова села за пианино, и ему, как и всегда, потребовалось два бокала односолодового виски, прежде чем он осмелился заговорить с ней.

— Мисс Кура, я должен еще раз поблагодарить вас за игру на

маорийской флейте! Она произвела на меня огромное впечатление. И вообще, музыка... туземцев восхищает меня.

Кура пожала плечами.

— Вам нет необходимости извиняться за то, что маори — туземцы, — ответила она. — Кроме того, это совершенно не так. Они тоже приехали сюда. Это произошло в XII веке, с острова в Полинезии, который они называют Гавайки. С какого именно острова на самом деле, неизвестно. Зато сохранились названия каноэ, на которых они приплыли. Например, мои предки приплыли на Аотеароа на «Уруау».

— Аотеароа обозначает Новую Зеландию, не так ли? Это означает...

— Большое белое облако, — скучающим голосом произнесла Кура. — Первого поселенца звали Купе, а его жена, Кура-маро-тини, сравнила острова, к которым они подплывали, с облаком. Скажу, что меня назвали в ее честь, дабы предупредить ваш следующий вопрос. Сыграть для вас песню?

Глаза Калева Биллера сияли. Но, похоже, дело было здесь скорее в информации, чем в ней лично. Для Куры этот мужчина оставался загадкой.

— Да... нет. То есть... ведь музыку вашего народа еще никто не записывал, не так ли?

— Нотами? — спросила Кура. — Нет, насколько я знаю, нет.

Ее мать была одним из лучших музыкантов острова, однако нот Марама не знала.

Кура тоже просто пела песни своего племени; ей никогда не приходило в голову записать их. Впрочем, в этом отношении ее талант был весьма ограничен. Хотя она могла записать нотами простую мелодию, песни ее племени, которые по большей части исполнялись несколькими голосами, были для нее слишком трудны.

— А жаль, ведь правда? — поинтересовался Калев. — Как насчет того, чтобы вы, к примеру, спели мне боевую песню... Как там она называется? Хака, верно?

— Хака — это необязательно боевая песня, — ответила Кура. — Это вроде спектакля с пением. Люди выражают свои чувства и некоторые события с помощью песни и танца. Поют обычно на несколько голосов.

— Тогда вы должны мне спеть все голоса, один за другим! — восторженно отозвался Калев. — Хотя, конечно, с мужскими голосами будет сложновато. Или есть хака только для женщин?

Кура кивнула.

— Хака бывают самые разные. Часто с распределенными ролями. Например, эту исполняют во время похорон. Специальной хореографии

нет. Любой может танцевать все, что захочет, а петь могут мужчины и женщины, или только мужчины, или только женщины.

Она сыграла несколько тактов на пианино, а затем запела своим одурманивающим голосом. Мелодия очень хорошо подходила к подавленному настроению, царившему в пабе; голос Куры настолько точно и проникновенно передавал печаль, что вскоре все разговоры в «Уайлд Ровере» стихли.

Когда Кура закончила, старый шахтер поднял бокал за жертв рудника Ламберта. После этого мужчины попросили исполнить «Danny Boy».

Калев терпеливо дожидался, пока последний подвыпивший ирландец не выразит свою печаль голосом. Прошел не один час. Однако Кура была довольна. Хотя эти бесконечные грустные песни действовали на нервы, мужчины ставили ей один напиток за другим. Этот вечер снова наполнит ее карманы.

— Вы подумали, мисс Кура? — наконец поинтересовался Калев, бросая почти испуганный взгляд на дверь.

В паб вошел сильный светловолосый мужчина зрелого возраста и громогласно приветствовал Пэдди.

— Холлоуэй, старый мошенник! Я услышал это нытье с улицы и подумал, что лучше мне забрать отсюда сына, пока он не загрустил. Все это, конечно, печально, я имею в виду ситуацию с рудником Ламберта, но, с другой стороны, парни сами виноваты, они ведь могли наняться ко мне! Как и все добрые, разумные шахтеры в этом пабе! Всем работникам рудника Биллера по одному пиву за мой счет! — С последними словами мужчина обернулся к посетителям паба, которые устроили ему ожидаемые овации. Теперь Кура узнала его: Джошуа Биллер, отец Калева. Она видела его на поминальной церемонии. Впрочем, Калев, похоже, был не в восторге от его появления. Казалось, он готов провалиться сквозь землю вместе с бокалом виски.

Биллер выпил за здоровье своих людей и присоединился к Калеву. Судя по всему, он был очень доволен тем, что увидел.

— Ну-ну, мальчик, а я думал, ты аккомпанируешь этим завываниям! Извините, мисс, но когда мой сын прикасается к клавишам, мне всегда кажется, что я на похоронах. А вы хоть выглядите красиво и наверняка можете сыграть что-нибудь повеселее!

Кура натянуто кивнула. Этот человек был из тех, кто почти всегда норовил ее облапить и подходил к делу настолько неуклюже, что заставлял, словно улитку, прятаться в домик даже довольно общительную женщину.

— Конечно, — ответила она. — Мы с вашим сыном говорили о музыке

маори, а именно о *хака*. Вот это, мистер Калев, к примеру, веселый танец. Он повествует о спасении вождя Те Раупараха, который прячется в яме от своих врагов. Сначала он ждет, что они вот-вот поймают его, но потом его друг приносит известие — в некоторых исполнениях это женщина, — что они ушли. Пение выражает сначала его страх, а потом радость.

Кура ударила по клавишам и запела.

— *Ка мате, ка мате, ка ора, ка ора...*

Калев слушал с восхищением, его отец — скорее с нетерпением.

— Судя по всему, эти маори только и поют, что о темных ямах. Но твоя маленькая подружка восхитительна, Калев. Ты не хочешь представить меня ей?

Кура не поверила своим ушам, однако Калев действительно грациозно поднялся и представил ее своему отцу как настоящий джентльмен.

— Кура-маро-тини Мартин.

— Джош Биллер, — проворчал старик. — Очень, очень мила. Будет мне виски, Пэдди?

Джош спокойно выпил три бокала шотландского виски и при этом не спускал глаз с Куры и своего сына. Калев вел себя безупречно, а Кура все больше нервничала. У нее было полно работы: шахтеры ожидали услышать в ее исполнении сентиментальные народные песни, а Калев все равно уже не решался попросить ее сыграть еще *хака*. Спустя час оба Биллера торжественно откланялись, и Джош, уходя, еще раз кивнул Куре.

— Очень красивая девушка, Калев!

Куре же оба мужчины показались скорее странными. Но это было ничто по сравнению с тем сюрпризом, который ожидал ее на следующий день. Кура спала долго, что было вполне обычным после того, как она полночи играла на пианино в пабе. Она пропускала завтрак и лишь съедала несколько сэндвичей на обед. Но на этот раз робкая служанка-маори, работавшая на миссис Миллер, постучала в дверь и передала ей приглашение.

— У миссис Миллер гости, и она хотела бы пригласить на чай и вас тоже.

Кура посмотрела на старые часы, которые часто не давали ей уснуть своим тиканьем, отметила время.

Одиннадцать часов. Идеально для визита вежливости между приличными дамами. Мисс Уитерспун говорила ей, что раньше это считалось неслыханным, поскольку дама могла еще спать. А позже визит может помешать приготовлениям к обеду.

Кура оделась несколько тщательнее, чем обычно; впрочем, все ее платья были уже довольно-таки поношенными. Нужно будет скопить денег и заказать себе что-нибудь новое. Она спустилась вниз, причем девушка провела ее не в комнату для завтраков, где обычно миссис Миллер принимала подруг, а сразу в салон.

Миссис Миллер сидела в кресле, на лице у нее было выражение довольной кошки. На краешке дивана, держа в руках чашку чая, сидела дама, просто, но дорого одетая. Эта женщина сразу же напомнила Куре Калева Биллера. У нее тоже было такое же вытянутое, довольно невыразительное лицо. Впрочем, волосы каштановые, не светло-русые, как у Калева и его отца.

— Мисс Мартин, это миссис Биллер. Я поначалу позаимствовала ее, но, вообще-то, она пришла к вам! — Она сияла, как будто это должно было очень сильно обрадовать Куру.

Кура поздоровалась по всем правилам, грациозно опустила в предложенное кресло и столь же грациозно взяла в руку дымящуюся чашку с чаем, как и гостя. Конечно же, правила приличия запрещали прямо спрашивать о том, чего хочет миссис Биллер. Поэтому сначала последовал ничего не значащий разговор.

Да, то, что произошло на руднике Ламберта, просто ужасно, особенно с Тимоти Ламбертом. Страшная трагедия. Конечно, городу потребуется время, чтобы справиться с этим. И разве поминальная церемония у преподобного отца была не трогательна?

— Конечно, вы мне запомнились особенно, милая моя мисс Мартин! — наконец перешла к делу миссис Биллер. — Ваша прекрасная интерпретация Моцарта... я не могла сдержать слез. Где вы учились, мисс Мартин?

Кура была настороже, но она уже настолько часто рассказывала свою историю, что та лилась из ее уст словно сама собой.

— О, я воспитывалась на ферме, на Кентерберийской равнине. Довольно уединенной, но очень красивой. Мой отец очень сильно интересовался культурой. Мать умерла рано, а его вторая жена была из Англии. Она была гувернанткой на одной из крупных ферм, но потом они влюбились друг в друга и она меня воспитала. Одаренная пианистка. А моя настоящая мать среди маори до сих пор считается легендой в том, что касается танцев и пения.

Последнее было правдой. Однако первая часть — по поводу будто бы умершей матери — все время вызывала у Куры муки совести.

— Как необычно! — заметила миссис Биллер, но, похоже, осталась

довольна.

Кура часто замечала, что, к примеру, преподобные отцы или председатели церковного совета, с которыми она говорила по поводу общинных залов, очень тщательно следили за тем, произошло ли ее рождение в браке или же было внебрачным. После формулировки «его вторая жена» у них светлели глаза.

— О чем я хотела спросить... мисс Мартин, в воскресенье я даю небольшой обед. Ничего особенного, узкий семейный круг... и я хотела спросить, не согласитесь ли вы тоже прийти. Мой сын будет очень рад. Он всегда отзывается о вас с величайшим уважением.

— У нас общие интересы в области музыки, — вежливо заметила Кура, пытаясь не выдать своего более конкретного интереса к Калеву Биллеру.

— Так я могу рассчитывать на вас? — обрадованно осведомилась миссис Биллер.

Кура кивнула. Странное начало романа. Ну ладно, если Калев хочет представить ее узкому семейному кругу... И она приняла решение заняться новым платьем как можно скорее. После того как миссис Миллер расскажет своей ближайшей подруге, супруге портного, о ее подающих надежды отношениях с семьей Биллеров, ей наверняка дадут кредит.

Что касается Калева Биллера, то ему, судя по всему, приглашение было скорее неприятно. Но потом он пересилил себя и попросил Куру прийти раньше и принести с собой флейты.

— Может быть, мы сможем уже записать первые голоса *хака*? — с надеждой спросил он. — Я очень серьезно отношусь к этому проекту и надеюсь, что смогу увлечь им и вас. Может быть, мы могли бы издать вместе книгу...

Итак, Кура пришла на обед к Биллерам в новом темно-красном платье, отлично подчеркивавшем оттенок ее кожи. Глаза Джошуа заблестели, как у ребенка при виде новогодней елки, когда он поздоровался с прекрасной девушкой. Глаза Калева тоже оживленно блестели. Однако желания Кура в них не разглядела, хотя он сумел выдать несколько вежливых комплиментов, в то время как его отец вел себя скорее двусмысленно. При этом Калев снова покраснел раньше Куры и быстро потянул ее к роялю, чтобы избавить девушку от общества Джошуа. При виде инструмента Кура просияла и с сожалением вспомнила об оставленном в Киворд-Стейшн свадебном подарке. Очень жаль, что никто больше не играет на роскошном

рояле, стоящем в салоне большого дома. Или, может быть, дочь заинтересуется музыкой? Но, конечно, Глория еще слишком мала, чтобы учиться чему бы то ни было... Как и прежде, ребенок не интересовал Куру нисколечко. Однако воспоминание о том, что она родила Глорию, заставило всплыть в памяти лицо Уильяма, и ей даже показалось, что она чувствует его прикосновение. Интересно, этот Калев способен быть хоть немного чувственнее?

Как бы там ни было, когда он положил пальцы на клавиши рояля и сыграл короткую мелодию, они даже показались ей нежными. Озадаченная Кура узнала главный мотив траурной *хака*, которую она пела в пабе. Сомнений нет, этот мужчина невероятно музыкален, что привело Куру в еще больший восторг, когда он тут же перенес ее пение и игру на флейте на ноты. Калев мог писать ноты «под диктовку», как иные люди буквы. К тому времени, когда его мать наконец позвала гостей к столу, он успел записать три голоса и партию флейты и теперь собирал их в нечто вроде партитуры для оркестра.

— Это будет чудесно, мисс Кура! — ликовал он, ведя девушку в столовую. — Жаль только, что мы не можем записать танец. Хотя вы ведь говорили, что определенная последовательность шагов отсутствует. Жаль, что у нас здесь нет тех возможностей, которые дают крупные библиотеки Европы. Хореографию тоже наверняка можно записать. Просто я не знаю, как это делается...

Калев радостно болтал о партитурах и композициях, пока мать робко не намекнула ему, что остальным присутствующим за столом скучно. Впрочем, никто из гостей не мог предложить интересной темы для разговора. Не считая Куры, здесь, похоже, присутствовали действительно лишь члены семьи, которым практически нечего было сказать друг другу. Калев представил ей своего дядю и его супругу, а также своего кузена Эдмунда, который, судя по всему, недавно женился на невзрачной светловолосой девушке, сидевшей рядом с ним. Кура узнала, что и дядя, и кузен тоже работают на руднике — дядя в конторе, кузен, как и Калев, входит в число руководителей. Впрочем, в отличие от Калева он, похоже, своей работой интересовался и многословно переговаривался с Джошуа по поводу упущений и геологических особенностей, которые привели к трагедии на руднике Ламберта. Для дам это было столь же неинтересно, как и размышления Калева относительно современного оперного искусства.

Поэтому все три госпожи Биллер сосредоточились на разговоре с Курой, причем, судя по всему, мать Калева старалась больше всех и пыталась представить молодую певицу в выгодном свете. Зато вопросы

тети и девушки, бывшей замужем за кузеном, можно было расценить как колкости.

— Наверное, расти среди туземцев очень интересно! — произнесла молодая миссис Биллер, невинно хлопая глазами. — Вы знаете, среди нашего круга знакомых совершенно нет маори! Я лишь слышала, — захихикала она, — что у них очень свободные нравы...

— Да, — резко ответила Кура.

— Должно быть, вашей матери было непросто привыкнуть к жизни на английской ферме, не так ли? — поинтересовалась тетка.

— Нет, — заявила Кура.

— Но ведь вы не носите традиционные костюмы? Даже во время выступлений? — Молодая Биллер поглядела на корсаж Куры с таким видом, словно та собиралась вот-вот сбросить его с себя и начать танцевать босиком хака.

— Это зависит от выступления, — спокойно ответила Кура. — В «Кармен» я была в английском платье...

— Мисс Кура выступала в опере! — поведала мать Калева. — Она ездила в турне с международным ансамблем. И в Австралию, и на Северный остров. Разве это не волнительно?

Дамы согласились с ней, но говорили при этом таким покровительственным тоном, словно подтверждали, что бродячая проститутка ведет очень разнообразную жизнь.

— Наверняка можно познакомиться с множеством интересных мужчин! — тут же заметила тетка.

Кура кивнула.

— Да.

— Наш Греймут, наверное, меркнет на этом фоне, — захихикала кузина.

— Нет, — ответила Кура.

— Что вас вообще привело сюда, мисс Мартин? — слащавым голосом поинтересовалась тетка. — Я хочу сказать, что вряд ли можно сравнить работу в пабе с высоким искусством оперного пения.

— Вряд ли, — согласилась Кура.

— Хотя, конечно, вы уже, по всей вероятности, познакомились со здешними интересными мужчинами... — с улыбкой произнесла кузина, бросая многозначительный взгляд на Калева.

— Да.

До сих пор Калев лишь молча прислушивался к разговору, глядя при этом на Куру почти с таким же восхищением, как и в пабе, когда она пела

«Хабанеру». Ее умение убивать любой разговор произвел на него такое же сильное впечатление, как и музыкальный талант.

Впрочем, после непродолжительной паузы он решил, что должен вмешаться.

— Мисс Кура путешествует по Южному острову, собирая песни различных племен маори, и составляет каталог, — заявил он. — Это очень интересно, и я чувствую себя весьма польщенным, поскольку она позволила мне участвовать в проекте. Может быть, поработаем над *хака* еще немного, мисс Кура? Или, возможно, еще одну партию флейты? Думаю, это порадует и наших слушателей...

Он подмигнул ей, избавляя от общества остальных дам. Кура казалась спокойной, как всегда.

— Мне весьма неловко, мисс Кура. Судя по всему, мои родственники подозревают вас в том, что вы... э-э... и я... — Калев покраснел.

Кура одарила его очаровательной улыбкой.

— Мистер Калев, что бы там ни думали ваши родственники, но замужество с вами — это последнее, что может быть в моих планах на жизнь.

В удивленном взгляде Калева читались облегчение и некоторая обида.

— Вы считаете меня настолько отталкивающим?

Кура звонко рассмеялась. Неужели этот мужчина ничего не замечает? Ни ее мягкого сближения во время поминальной церемонии, ни флирта в пабе, ни того, что сегодня она вообще согласилась прийти, — все это должно было убедить в наличии интереса любого мужчину. Кура подняла руку и медленно провела ладонью по его лбу, щеке, задержалась в уголке рта, описала пальцем маленький кружок, а затем спустилась пальцем по шее. Такие ласки сводили Уильяма с ума. Однако Калев, похоже, толком не знал, что с этим делать.

— Я не считаю тебя отталкивающим, — прошептала Кура. — Но замуж я не собираюсь. Поскольку я музыкант...

Калев энергично закивал.

— Конечно, конечно. Я так и думал. Так что вы... не обижаетесь... на все это?

Кура закатила глаза. Она прикоснулась к этому парню, погладила его, попыталась возбудить. А он думает о приличиях!

Когда вскоре после этого он идеально проводил ее до порога и вежливо попрощался, она предприняла еще одну попытку. Она пододвинулась ближе к нему, улыбнулась и подняла лицо, слегка приоткрыв губы.

Калев покраснел, но не попытался поцеловать ее.

— Может быть, завтра после полудня мы могли бы продолжить работу над *хака* в пабе?

Кура огорченно кивнула. Калев безнадежен. Но хотя бы музицировать с ним приятно. То, как он с ходу записывает речитатив и музыку маори, делая ее, таким образом, понятной для других музыкантов и давая возможность исполнять ее, приводило девушку в восхищение. Еще увлекательнее казалось ей соединение этой музыки с европейскими инструментами. До сих пор Кура не интересовалась композицией, но процесс ее завораживал.

На протяжении последующих недель занятия песнями предков заполнили ее дни, однако ночи были по-прежнему одинокими — как ни пыталась она подбодрить Калева. Наконец она почувствовала прилив надежды, когда он попросил ее связаться с местным племенем маори.

— Я вполне представляю себе, как звучит *хака*. Вы удивительным образом соединяете различные голоса, мисс Кура. Но я хотел бы разок послушать это вживую и увидеть танцы. Как думаете, племя устроит для нас постановку *хака*?

Кура кивнула.

— Да, конечно. Это часть приветственного ритуала, если прибывают почетные гости. Вот только я не знаю, где живет ближайшее племя. Возможно, нам придется провести в дороге не один день...

— Если вы не против, — произнес Калев. — Я уверен, что отец отпустит меня.

Отец Калева, как уже выяснила Кура, был очень великодушен в отношении того, что касалось времени его сына, — по крайней мере если он проводил его с Курой. Впрочем, девушка задавалась вопросом, действительно ли на руднике могут почти каждое утро и день обходиться без руководства, ведь работать над *хака* можно было только тогда, когда паб был закрыт. Миссис Биллер то и дело приглашала Куру на чай, что, впрочем, было пустой тратой времени, однако Кура полагала, что играть на идеально настроенном рояле Калева в салоне Биллеров гораздо приятнее, чем в прокоптившемся пабе Пэдди. Поэтому она сначала договаривалась музицировать с Калевом, а затем пила чай с его матерью. У всего этого существовал приятный побочный эффект: к чаю миссис Биллер подавала исключительно разные вкусы. Это позволяло Куре экономить на еде в течение целого дня.

— Мне нравится, когда молодые люди хорошо едят! — восхищалась

миссис Биллер, когда Кура грациозно, но в огромных количествах поглощала ее сэндвичи и пирожные.

— Спасибо, — отвечала Кура.

Они разыскали ближайшее племя маори неподалеку от Пунакайки, крохотного городка между Греймутом и Уэстпортом. Скальное образование под названием «Блинные скалы» было очень знаменито в здешних местах, как с восхищением рассказывал Калев, когда Кура назвала ему это место. Несмотря на то что молодой человек не интересовался практическим горным делом, он восторгался геологией, а потому предложил совместить визит к племени с осмотром скал. Может быть, там неподалеку найдется гостиница, где можно провести ночь.

— Племя пригласит нас остаться на ночь у них, — заметила Кура.

Калев кивнул, но было заметно, что он нервничает.

— Не знаю... прилично ли это? Я ни в коем случае не хотел бы вас оскорбить.

Кура рассмеялась и снова попыталась расслабить его поглаживанием волос и шеи. При этом она коснулась его бедром, но, судя по всему, Калев чувствовал себя крайне неловко.

— Калев, я наполовину маори. Все, что прилично для моего народа, приемлемо и для меня. И вам тоже придется подружиться с обычаями моего народа. Ведь мы хотим попросить племя поделиться с нами своим песенным наследием, совершенно особыми племенными хака. Но ничего не получится, если вы будете относиться к этим людям как к экзотическим животным.

— О, я очень уважаю...

Но Кура уже не слушала его. Может быть, из уважения к обычаям ее народа Калев отпустит поводья. А пока что она проводила ночи, глядя сама себя и мечтая об Уильяме.

Путешествие к Блинным скалам в карете Куры и с ее лошадью заняло почти целый день. В принципе, она надеялась, что они поедут в более быстрой упряжке из конюшен Биллеров. Но Калев столь же мало разбирался в лошадях и упряжках, как и в девушках. Поэтому оба обрадовались, услышав, что к Блинным скалам лучше дойти пешком, чем мучиться с повозкой на довольно тяжелой дороге. Кроме того, приближалась гроза, что всегда несколько тревожило лошадь Куры.

Однако, по словам хозяина паба в Пунакайки, который также сдавал несколько комнат, для Блинных скал погода была идеальной.

— По-настоящему впечатляет, только когда очень высокие волны. Тогда кажется, что блины жарятся на гейзере! — смеясь, произнес мужчина и с довольным видом принял деньги за две отдельные комнаты. Конечно, он был уверен в том, что эта молодая пара хотела одну, но ему было все равно, где в конечном счете будут спать эти двое. Впрочем, это не помешало ему по прибытии со строгим лицом потребовать у них свидетельство о браке. Успех этой парочки поднял ему настроение, и он с удовольствием предложил свои услуги в качестве гида.

Таким образом, Кура и Калев шли между странных, круглых, словно блины, скал вдоль ревущего моря. Распущенные волосы Куры развевались на ветру. Она выглядела просто потрясающе. Впрочем, на Калева это не производило впечатления; он самозабвенно читал лекции о плотности известняка и воздействии силы воды.

Зато красота Куры привлекла внимание двух молодых маори, которые заговорили с ней и предложили провести двух путешественников к племени. При этом выяснилось, что они уже слышали о Кура. Ее признали *тохунга* самое позднее после ее гастролей у племени под Бленемом, и молодые маори с нетерпением дожидались возможности послушать ее музыку. На самом же деле они не сводили глаз с груди и бедер Куры, что свидетельствовало о других желаниях. Калев заметил это и смутился. Он настоял на том, чтобы принять приглашение не сразу, а отправиться в деревню маори на следующий день.

— Что-то эти ребята не вызвали у меня особого доверия, — встревоженно заметил он, ведя Куру обратно в паб. — Кто знает, что бы они сделали с нами, если бы мы пошли за ними в глушь просто так. Ведь скоро совсем стемнеет.

Кура рассмеялась.

— Они ничего бы с нами не сделали, хотя *со мной* они не отказались бы кое-что устроить. Не смотрите так, Калев, мне ведь это только льстит! Возможно, на протяжении всего пути они устраивали бы всяческие головокружительные трюки, чтобы выманить меня из вашей постели в свою...

— Кура! — Калев озадаченно поглядел на нее.

Кура захихикала.

— Не жеманничайте вы так! Или мне сказать, что мы женаты? Тогда они оставят меня в покое...

Судя по всему, для Калева это было мучительно, и Кура решила перестать сердить его. Несмотря на то что в тот вечер молодой человек уже не прикасался к ней, он повел себя очень великодушно, пригласив девушку

на ужин с лучшей едой и вином, которые только можно было достать в Пунакайки. Это было немного, но с тех пор, как Кура стала вести довольно-таки безденежный образ жизни, она научилась ценить подобные жесты.

На следующее утро Кура сразу нашла деревню по описанию *кайнга*, данному обоими маори. Поселение маори удивило Калева. Судя по всему, раньше он полагал, что маори живут, как индейцы в Америке. Разнообразие отдельных домов, загонов для овец, кухонь и кладовых поразило его.

Кура снова задумалась над тем, насколько оторванными от мира растут некоторые дети *пакеха*. Конечно, совсем рядом с Греймутом не было постоянного поселения маори, но, насколько ей было известно, Калев бывал уже и в других городах Южного острова, и даже в Веллингтоне и Окленде. Неужели у него действительно не было возможности познакомиться с культурой маори? С другой стороны, тогда Калев был еще ребенком. Почти всю свою юность он, как и Тим Ламберт, провел в английских интернатах и университетах.

Как и ожидалось, их приняли очень гостеприимно, и жителей деревни не пришлось даже упрашивать показать им важнейшие *хака*. Первая *хака* была показана в честь встречи с ними.

— Эта племенная *хака* — весьма странная история, — пояснила Кура заинтересованному Калеву, пока мужчины и женщины демонстрировали свой личный танец. — Изначально она была сложена враждебными племенами и служила для того, чтобы насмехаться над другим племенем. Но потом племена сами переняли ее и были горды тем, что кто-то испытывает перед ними достаточно страха и уважения, чтобы сложить оборонительную песню.

Конечно же, Кура бегло говорила на языке маори, но, к восхищению жителей деревни, Калев тоже кое-чего нахватался и в течение дня выучил несколько выражений. Даже Кура поразились тому, насколько легко ему это дается. Она тоже была очень музыкальна и, когда училась музыке, легко запоминала немецкие и французские тексты. Впрочем, так, как сейчас Калев повторял слова маори, совершенно без акцента, ей не удавалось петь никогда.

А потом оба сидели вместе с племенем в украшенном резьбой доме для собраний и передавали по кругу принесенную с собой бутылку виски. Совсем скоро Кура захмелела и наконец выбрала в партнеры сильного молодого танцора, с которым и ушла, к всеобщему восхищению. Девушке снова показалось, что Калеву неловко, но ревности он явно не испытывал. Кура отметила это с некоторым раздражением, а племя маори — с удивлением.

— Вы не...

Кура успела увидеть, как сидевший рядом с Калевом мужчина сделал неприличный жест, а Калев покраснел.

— Нет, мы просто... друзья, — пролепетал тот в ответ.

После этого молодой человек отпустил замечание, заставившее всех расхохотаться.

— Он говорит, что мы, маори, этого с врагами тоже не делаем! — перевела Калеву женщина.

На следующий день Кура вполне серьезно пояснила слегка возмущенному Калеву, что всего лишь хотела выманить у своего спутника специфическую любовную песню. Молодой танцор с удовольствием спел ей, когда отсмеялся. Похоже, мысль о том, что любовную песню будут петь мужчине, показалась ему слишком необычной. Но потом он спел и станцевал, при этом слегка преувеличенно жестикулируя. Кура заметила, что Калев от изумления даже не сразу вспомнил о том, что нужно переложить музыку на ноты. Когда глаза его засветились, Кура окончательно осознала, почему все ее усилия пропадают втуне. Позже он упрямил ее перевести ему тексты, но Кура решила обойти неприличное содержание.

Впрочем, прежде чем они снова отправились в Греймут, у Куры состоялась еще одна встреча, заставившая ее задуматься больше, чем очевидное предпочтение Калевом мужского пола.

Супруга вожака, решительная, сильная женщина, танцевавшая *хака* в первом ряду, заговорила с ней, когда девушка складывала вещи.

— Вы из Греймута, не так ли? Ты не знаешь, девушка с волосами как пламя еще там?

— Рыжеволосая девушка? — Кура сразу же подумала об Илейн, но уверенности у нее не было.

— Довольно хрупкая такая, немного похожа на тебя — если уметь смотреть! — Жена вожака улыбнулась, увидев возмущение на лице Куры.

Кура кивнула.

— Илейн? Она еще там. Играет на пианино в пабе. А что? Вы ее знаете?

— Тогда мы нашли ее и отправили в Греймут. Ей было довольно плохо. Она много дней бродила по горам с маленькой собачкой и лошадкой. Я бы с удовольствием оставила ее, но мужчины сочли, что это слишком опасно. И это было правильно, он ведь все еще ищет ее. Но пока она остается там, все должно быть в порядке...

Женщина отвернулась. Кура обуздала свое любопытство и решила не спрашивать, почему в Греймуте настолько безопаснее, чем в любом другом захолустье на Западном побережье, и кто вообще ищет Илейн. Может быть, ее муж, от которого она сбежала? Но ведь это было давно. Ему пора бы уже смириться с тем, что Илейн не вернется.

В том, что касалось любви и брака, культура матери повлияла на Куру достаточно сильно. Девушка выбирает мужчину, которому хочет принадлежать, и если он не соответствует ее представлениям, она вправе выбрать другого. Почему у *накеха* это обязательно должно быть связано с браком?! Кура бросила неласковый взгляд на Калева Биллера. Когда-нибудь его родители заставят его жениться.

Брачную ночь девушки, которую они выберут для Калева, Кура даже представить себе не могла.

Глава 6

Уильям Мартин практически заполонил Северный остров швейными машинами. Его послали в не очень привлекательный район на Восточном побережье. Однако Уильям, верный советам торгового гения Карла Латимера, который в массовом порядке избавлялся от швейных машинок даже на Западном побережье, столь бедном женщинами, спокойно путешествовал от фермы к ферме. Временами он узнавал важнейшие новости, и ему всегда было о чем поговорить с хозяйками домов, прежде чем распаковать свою чудо-машинку.

Тут же пробуждалась жадность дам — в этом Латимер тоже не лгал. Несмотря на то что в отдаленных районах рынков сбыта было немного, зато всегда находилось нагретое ложе. И Уильям убеждал хозяйшек во всех отношениях. Иногда он спрашивал себя, не потому ли достойные, но одинокие женщины на крупных фермах покупают у него машинки, что надеются воспользоваться его «сервисом» в следующий раз, когда он будет в этих окрестностях.

Других женщин и девушек он увлекал мыслью о том, что они сэкономят достаточно денег в случае пошива себе одежды самостоятельно, а затем, возможно, смогут зарабатывать, изготавливая платья соседкам. В конце концов его продажи превзошли все ожидания, и фирма перевела его в гораздо более привлекательный район, расположенный в окрестностях Окленда. Здесь Уильям для начала занялся стимуляцией промышленного производства одежды. Вместо того чтобы приглашать на свои демонстрации исключительно женщин, он печатал листовки, в которых обращался к переселенцам, желающим наладить жизнь в новой для себя стране. Купив три-четыре швейные машинки, по словам Уильяма, можно было шить одежду в промышленных масштабах и продавать, получая немалую прибыль. Тем не менее большинство предприятий вскоре разорилось ввиду отсутствия торговой смекалки. Однако два-три пошивочных предприятия работали успешно, и один из его клиентов каждые пару месяцев заказывал новые швейные машинки, поскольку производство у него постоянно расширялось. Идея сбывать сразу несколько машинок произвела среди руководства фирмы маленькую сенсацию. Уильяма пригласили сделать доклад на эту тему в учебном центре Северного острова и оказали ему доверие, отрядив в еще более перспективный район. Тем временем Уильям уже путешествовал в

полагающейся по статусу карете, одевался по последней моде и наслаждался своей новой жизнью. И лишь тот факт, что он не сумел разыскать Куру с ее оперным ансамблем, не давал ему покоя — хотя, строго говоря, он не знал, как можно снова соединить их жизни. Что касается продажи швейных машинок и оперных выступлений, то в этом не было ничего общего, и Кура наверняка не захотела бы распрощаться со своей карьерой. За это время, думал Уильям, ведя лошадь по широким улицам Веллингтона в поисках представительства фирмы «Зингер», певцы давно уже уехали в Австралию или даже в Европу. Взяли ли они Куру с собой? В принципе, Уильям в это не верил. Руководитель труппы не производил впечатления человека, способного терпеть рядом каких бы то ни было богов, кроме собственной персоны. А в Европе Кура наверняка бы стала звездой. Даже если бы ее умения не хватило для большой оперной сцены, экзотическая внешность открыла бы перед ней все двери.

Наконец Уильям нашел контору и место, где можно было поставить лошадь и карету. Директор отдела продаж фирмы лично просил его о встрече, и Уильям находился в предвкушении, однако не переживал. Он знал, каких масштабов достигают его продажи, и скорее предполагал, что ему выплатят премию, нежели сделают выговор. Он привязал лошадь во внутреннем дворе, взял в руки папку с последними контрактами, ловко стряхнул пылинки со своего серого костюма-тройки, который, разумеется, был сшит не на одной из фабрик, работающих с машинками «Зингер», как он всегда говорил, — нет, это была работа лучшего портного в Окленде.

Дэниэль Кербэддж, руководитель отдела продаж, дружески приветствовал его.

— Мистер Мартин! Вы не только пунктуальны — минута в минуту! — но еще и с новыми договорами под мышкой!

Мужчина тут же просмотрел содержимое папки Уильяма.

— Мне нет нужды говорить вам, насколько нам нравится ваша работа! Я могу что-нибудь предложить вам? Кофе, чай, выпить?

Уильям выбрал чай. Хоть виски здесь, конечно, наверняка отличное, но Уильям давно понял, что успешные переговоры ведутся на трезвую голову, при этом он производил гораздо лучшее впечатление, если не тянулся к алкоголю сразу же.

Мистер Кербэддж благосклонно кивнул, подождал, пока секретарь принесет чай. И только после этого заговорил о деле.

— Мистер Уильям, вы сами знаете, что принадлежите к числу наших лучших сотрудников, и, конечно же, во время обучения вам говорили о возможном карьерном росте.

Уильям кивнул, хотя почти ничего по этому поводу не помнил. Тогда он больше интересовался ажурной строчкой, чем планированием карьеры.

— От руководителя отдела продаж крупного района до... м-да... вы можете подняться по карьерной лестнице до моей должности. — Мистер Кербэддж сердечно рассмеялся, словно последнее было слишком уж невероятным. — И, кстати говоря, я уже подобрал вам руководящую должность в здешней конторе. — Он посмотрел на Уильяма в ожидании одобрения.

Уильям попытался ответить на этот взгляд с подобающей заинтересованностью. В принципе, он не слишком любил работу за столом. Эта должность должна очень хорошо оплачиваться, чтобы заставить его осесть.

— Впрочем, руководство в Англии — ну, вы же знаете, что это за люди, — считает, что вы с вашим всего лишь годичным опытом работы несколько... что ж, зелены для таких задач. Кроме того, похоже, что эти господа думают, что в окрестностях таких крупных городов, как Окленд, машинки продаются сами собой.

Уильям хотел что-то ответить, но Кербэддж жестом велел ему молчать.

— И вы, и я знаем, что это не так. Мы ведь оба начинали практиками. Зато господа председатели... — Выражение, возникшее на лице Кербэдджа, отчетливо давало понять, что он думает о конторских крысах в Лондоне. — Ну да что об этом говорить. Для вас и для меня важно лишь то, что я должен устроить вам еще одно испытание. Прошу, не стоит рассматривать это как афронт или наказание. Напротив, считайте это трамплином! Ваш предшественник, Карл Латимер, недавно стал руководителем центра образования на Южном острове.

Мысль Уильяма работала быстро.

— Карл Латимер? Он ведь ездил по Западному побережью Южного острова.

Кербэддж кивнул и просиял.

— У вас великолепная память, мистер Мартин. Или вы его знаете? Вы ведь тоже прибыли с Южного острова, не так ли? Что ж, возможно, вы будете даже рады вернуться туда...

Уильям закусил губу.

— Мистер Кербэддж, Латимер буквально вымостил швейными машинками все Западное побережье! — попытался возразить он. — Этот парень просто гений, он всучил «Зингер» почти каждому человеческому существу, хотя бы немного напоминавшему женщину!

Мистер Кербэддж улыбнулся.

— Что ж, вам остается еще пятьдесят процентов населения мужского пола, — пошутил он. — А свое умение обращаться с ними вы продемонстрировали здесь, в Окленде!

Уильям подавил вздох.

— Вы знаете Западное побережье, мистер Кербэддж? Наверное, нет, иначе вы определили бы мужскую долю населения гораздо выше. Думаю, она составляет процентов восемьдесят, а то и девяносто всего тамошнего населения. И это самые крепкие орешки страны киви! Охотники на тюленей, китобои, шахтеры, старатели... Как только у них в кармане появляется свободный цент, они несут его в ближайший паб. Я гарантирую, что никто из них не польстится на идею открыть швейный цех. Где им брать швей? Если девушка не слишком жеманна, она больше заработает в пабе.

— И вот вам очередная возможность, Уильям, проявить себя, — льстиво произнес Кербэддж, переходя на более доверительный тон. — Спасите девушек от самих себя! Дайте им понять, что честная жизнь в качестве швеи гораздо почетнее, нежели существование во грехе! Кроме того, туда ведь приезжает все больше горняков, некоторые — целыми семьями. Эти женщины должны радоваться возможности подзаработать.

— Вот только у них нет ста пятидесяти долларов на машинку. Именно столько они сейчас стоят, — сухо заметил Уильям. — Не знаю, мистер Кербэддж...

— Прошу вас, называйте меня Дэниэлем. И не стоит смотреть на ситуацию столь мрачно. Как только вы ознакомитесь с новым районом, вам непременно что-нибудь придет в голову! При этом я вполне могу представить себе специальную платежную схему для семей шахтеров. Возьмитесь за новое задание, Уильям. Позвольте мне гордиться вами. А теперь как насчет того, чтобы выпить? У меня есть первоклассное виски.

Когда Уильям покидал контору, он чувствовал себя несколько подавленно. Новый район не особенно радовал его. Опять придется начинать все заново: даже если бы он мог взять с собой на Южный остров лошадь с элегантной полукареткой, то они вряд ли подошли бы для грязных дорог Западного побережья. Равно как и его элегантная городская одежда. Ему снова нужно купить сапоги, кожаную одежду и вощеный плащ. Триста дождливых дней в году и почти никаких овечьих ферм с одинокими хозяйками — зато есть отели с ростовщицескими ценами, где обычно сдают комнаты почасово. Уильям содрогнулся при мысли о населенных паразитами номерах. С другой стороны, нужно мыслить позитивно, иначе можно забыть о прибыли. Как бы там ни было, Карл

Латимер имел неплохие продажи на Западном побережье. Тамошние города процветают, в них становится все больше женщин — а значит, клиенток для Уильяма.

Молодой человек встряхнулся. Его честолюбие бросили вызов. Скорее всего, они продержат его на Западном побережье не больше года, а за это время он сделает все возможное для того, чтобы затмить чудеса Латимера. И вообще, как насчет маори? Кто-нибудь пытался продать «Зингер» туземцам?

В тот же день Уильям навел справки о паромной связи с Бленемом. Неделью спустя он передал район своему последователю и заодно продал ему лошадь с каретой. И, наконец, отправился в путешествие на Южный остров с одной своей старой демонстрационной машинкой. Менять ее он не хотел, несмотря на то что сейчас существовали уже более современные модели. Но старая машинка принесла ему удачу. Уильям был преисполнен решимости завоевать Южный остров. Вообще-то, можно еще раз написать Гвинейре МакКензи и спросить, как там Глория. Миссис Гвин наверняка знает, где Кура. И возможно, у нее еще нет швейной машинки...

Гвинейра МакКензи Уорден была настроена на все, что угодно, кроме швейной машинки. Впрочем, она смирилась бы даже с этим, если бы в письме Уильяма был хоть какой-нибудь намек на место пребывания ее внучки Куры. В остальном она была очень даже рада получить весточку от отца Глории и перевела дух, осознав, что он не предъявляет прав на ребенка. Уильям пребывал в таком же неведении относительно места нахождения Куры, как и она сама. И только в одном оба могли быть уверены: Кура не уехала с оперным ансамблем в Англию.

— По крайней мере мне ее в счет не поставили, — заявил Джордж Гринвуд. — А Барристер наверняка попытался бы уговорить меня. Он ведь тертый калач! И пароходная компания заверяет, что под своим именем она точно не уезжала. Но, конечно, она могла указать и другое. Они ведь не уточняют наверняка.

— Но почему же? — нервно поинтересовалась Гвин. — Может, потому что она несовершеннолетняя?

— Это никто не проверяет, — заметил Джордж, но пообещал закинуть удочки в Англии.

Пару недель спустя он принес Гвин результаты.

— В серьезных музыкальных кругах Лондона нет ни Куры-маро-тини, ни какой бы то ни было другой девушки маорийских кровей, — объявил он. — Этого Барристера мои люди разыскали в каком-то захудалом

театришке на Чипсайде. А Сабина Конетти поет в мюзикле — это легкое развлечение, что-то вроде оперетты. Две танцовщицы из ансамбля тоже устроились туда. Однако Куры нет и следа. Она точно не в Англии. Так что остаются Западное побережье, Северный остров, Австралия и весь остальной мир.

Гвинейра вздохнула. Судя по всему, Джордж относился к происходящему легко, но судьба Куры тревожила ее почти так же, как судьба Илейн.

Джеймс ее опасений не разделял.

— Если бы речь шла о ее добродетели, — сухо произнес он, — то я мог бы понять. На это я не поставил бы и полушки. Но чистое, неприкрытое выживание — возможно, в прямом смысле этого слова! Я о Куре не беспокоюсь. Эта девушка несокрушима, хотя пока еще кажется нежной и словно не от мира сего.

Гвинейра обозвала его бессердечным, но про себя понадеялась на то, что он окажется прав. Что касается добродетели, то Кура до этого дела не было. И Гвин хотелось лишь как можно скорее найти ее, целой и невредимой.

Наконец след Куры удалось отыскать. И сделала это Марама. Хотя она и горевала по поводу исчезновения дочери, но за жизнь ее не тревожилась.

— Я бы знала, если бы с ней что-то случилось! — убежденным тоном заявила она. И в конце концов ее ожидание было вознаграждено.

Кочевое племя маори рассказало о *тохунга*, которая пару дней прожила в их деревне под Бленемом. Кура прекрасно пела, развлекалась с ними и рассказывала о племени Марама. Ошибиться было невозможно. Но чем она занимается, откуда пришла и куда ушла, ее не спросили. Не знали маори и того, когда именно состоялась та встреча.

— Из Бленема ходит паром на Северный остров, — удрученно произнесла Гвинейра. — Так что, возможно, Кура уехала туда. Но что ей там нужно? И кому она собирается что-то доказать? Боже мой, она ведь просто могла получить все и...

— Ей почти девятнадцать, — заметила Марама. — Она упряма и все еще ведет себя немного как ребенок. Она хочет получить все, и если что-то идет не так, она топает ножкой и кричит. При этом она постоянно корчит из себя взрослую женщину. Но когда-нибудь она все поймет и вернется. Просто ждите, мисс Гвин.

Умение ждать никогда не было сильной стороной Гвинейры. Однако в то время как после исчезновения Куры суровое испытание пришлось выдержать только ее терпению, все семья всерьез тревожилась по поводу

Илейн. Рубен О'Киф нанял частного детектива, чтобы тот разыскал ее, соблюдая строжайшую секретность.

— Мы ведь не хотим сыграть на руку ни Сайдблоссому, ни полиции, — вздохнув, произнес он. — Старик тоже ищет ее. Весьма маловероятно, что он предоставит все дело констеблям — по крайней мере я исхожу из опыта Джеймса.

В принципе, Джон Сайдблоссом хотел, чтобы скотокрада наказали строже, после того как ему удалось поймать МакКензи. Но тогда, после ареста, наказание получилось не слишком суровым, а потом губернатор и вовсе заменил его пожизненным изгнанием. В итоге Джеймс провел некоторое время в тюрьме, затем еще какое-то время в Австралии, а позже вернулся, и благодаря просьбам Гвинейры и семейства О'Киф его помиловали. Это до сих пор злило Джона Сайдблоссом. Он больше не верил в строгость закона; и в случае с Илейн наверняка предпочел бы взять дело в свои руки. Однако девушки, как и прежде, не было и следа, а Флёретте О'Киф недоставало твердой уверенности Марамы в том, что касается удивительной связи между матерью и ребенком. В своих кошмарах она видела Илейн мертвой — то девушка заблудилась в горах и замерзла, то ее где-то закопал Джон Сайдблоссом, то ее изнасиловали в каком-то лагере старателей на Западном побережье...

— Иногда мне хочется быть хоть в чем-то уверенной, чтобы не представлять себе новые ужасы каждую ночь, — писала она Гвин и Джеймсу, и на этот раз МакКензи согласно кивал. У него с Сайдблоссомом были свои счеты, и он легко мог представить, от чего сбежала внучка.

Первым знакомым, повстречавшимся с Уильямом на Южном острове, был человек, который, как он думал, давно уехал в Англию. Однако сомнений быть не могло: молодая женщина, прогуливавшаяся по набережной Бленема с двумя хорошенькими маленькими девочками, была Хизер Уитерспун. Она тут же обернулась, когда Уильям, недолго думая, позвал ее, обратившись к ней по имени. И при виде Уильяма в ее глазах не вспыхнула ненависть.

— Редклифф, — тут же поправила она его с некоторым оттенком гордости. — Хизер Редклифф. Я вышла замуж.

Теперь у Уильяма появилась возможность посмотреть на нее внимательнее, и молодой человек увидел, что брак пошел ей на пользу. Лицо Хизер стало круглее и мягче, волосы уже не были так строго зачесаны назад, да и стиль одежды тоже полностью изменился. Хизер перестала носить скучные серые или черные юбки в сочетании с

шелковыми блузками, перестала казаться похожей на старую деву — теперь она одевалась модно, хотя и скромно. Светло-голубой костюм, под который она надела темно-розовую блузку, был ей очень к лицу. Высокие сапоги на шнуровке с небольшим каблучком придавали ее походке грациозность, на шее красовалось неброское золотое украшение.

— Ты выглядишь великолепно! — произнес Уильям. — Но не может быть, чтобы у тебя были уже две маленькие дочери. Хотя они немного похожи на тебя...

У детей действительно тоже были светло-русые волосы и голубые глаза. Впрочем, старшая девочка обещала в будущем иметь не столь размытые черты лица, как у Хизер, а у младшей были мягкие локоны, обрамлявшие ее все еще по-детски круглое личико.

Хизер рассмеялась.

— Спасибо, мне часто доводится слышать это. А теперь поздоровайтесь с мистером Мартином, Энни и Люси. Не смотрите на него так, ведь леди ведут себя иначе. Нет, Энни, дай ему другую, «правильную», ручку!

Маленькая девочка, которой было, наверное, лет пять, еще путала правую и левую руки, но послушалась и сразу же протянула Уильяму «правильную» руку. Книксен у нее тоже не совсем получился. Зато Люси, которой было лет восемь, поздоровалась просто идеально.

— Это мои падчерицы — совершенно чудесные дети, мы ими очень гордимся. — Хизер провела рукой по волосам младшей. — Но, может быть, мы продолжим разговор под крышей? Сейчас вот-вот пойдет дождь.

Уильям кивнул. Позади у него был кошмарный переезд по морю, и теперь он готов был подписаться под каждым словом в тех кошмарных историях, которые слышал о непредсказуемом море между двумя островами. Красивый чайный салон пришелся бы как нельзя кстати. Но куда здесь можно повести приличную женщину?

Однако относительно цели их пути у Хизер были свои представления.

— Да пойдём же с нами, мы живём здесь неподалёку, в двух кварталах отсюда. Жаль, что ты не можешь познакомиться с моим мужем, он уехал. Ты долго пробудешь в городе?

Сначала Уильям немного рассказал о себе, ведя Хизер и девчушек на спокойную жилую улицу. Семья жила в великолепном доме. Так что Уильяму не было нужды тревожиться о репутации Хизер; дверь им открыла горничная, сделала книксен и взяла у него плащ. Хизер благосклонно проследила за его рукой, когда он положил свою визитку в предназначенную для этого тарелку.

— Принеси нам чай и выпечку в салон, Сэнди, — велела девушке Хизер. — Дети будут пить чай в своей комнате. И присмотри за ними, когда накроешь нам.

Девушка сделала книксен. Все происходящее казалось Уильяму несколько нереальным.

— Какое облегчение, что нет необходимости работать с прислугой из маори! — весело болтала Хизер, ведя Уильяма в дорого обставленный салон.

Комнаты выглядели не менее изысканно, чем в Киворд-Стейшн. Впрочем, это сделала не сама Хизер. Ее вкус Уильям знал, поскольку они вместе старались, обустривая комнаты Куры. У этого мистера Редклиффа она в буквальном смысле пришла на готовенькое.

— Хоть Сэнди и простая девушка — она родом из шахтерской семьи, из Уэстпорта, — но к ней хотя бы можно обратиться по-английски, и ей не нужно постоянно напоминать о том, что нужно надеть обувь, — продолжала щебетать Хизер.

Самому Уильяму домашняя прислуга в Киворд-Стейшн никогда не казалась нецивилизованной, однако он ободряюще кивнул Хизер. Может быть, теперь она наконец расскажет, как оказалась в Бленеме.

— О, тогда мне просто повезло! — объявила она, когда перед ними наконец появились чай и печенье. — После того как ты отказался сопровождать меня дальше, — она бросила на него холодный взгляд, и Уильям пристыженно опустил глаза, — я села в карету, которая ехала из Холдона в Крайстчерч. Я собиралась вернуться в Лондон, но ближайший корабль уходил только через несколько дней, и я снова поселилась в «Уайт Харт». Да, так вот, там я и познакомилась с мистером Редклиффом. Джулианом Редклиффом. Он заговорил со мной в комнате для завтрака... очень вежливо, после того как обратился ко мне через хозяйку. Джулиан очень тщательно следит за тем, чтобы все было по правилам.

Снова многозначительный взгляд в сторону Уильяма, который из всех сил пытался принять еще более виноватый вид. Поскольку отлично понял намек на то, что, в отличие от него, мистер Редклифф — настоящий джентльмен.

— Как бы там ни было, он хотел попросить меня, чтобы я присмотрела за его дочерьми во время поездки в Лондон. Они должны были ехать одни в Англию, в интернат. — Хизер играла с локоном, пока он не упал на ухо.

«А она хороша», — заметил про себя Уильям и осмелился восхищенно улыбнуться.

— За этими маленькими девочками? — недоверчиво переспросил он.

— Это едва не разбило сердце мистеру Редклиффу! — ретиво встала на его защиту Хизер. — Но его жена недавно умерла, а он работает на железной дороге.

— Судя по всему, не рельсы кладет... — произнес Уильям, обводя взглядом комнату.

Хизер гордо улыбнулась.

— Нет, в управлении строительством. Сейчас они соединяют Восточное побережье со всеми рудниками на Западном. Это огромный проект, и мистер Редклифф занимает очень ответственный пост. К сожалению, ему приходится очень много времени проводить в поездках, так что растить детей одному совершенно невозможно.

Уильям догадался.

— Если только у вас нет хорошей, достойной доверия гувернантки.

Хизер закивала.

— Он был в восторге, когда я показала ему свои рекомендации, и Энни и Люси тут же покорили меня. Они...

«Они не такие, как Кура», — мысленно договорил Уильям, но на этот раз ничего не сказал. Судя по всему, привязанность Хизер к приемным детям была искренней.

— Итак, мы не поехали в Англию... ни я, ни дети. Мы сблизились. А когда истек срок траура, мы поженились. — Сияющая Хизер улыбалась Уильяму, который ответил на ее улыбку.

Он думал о мистере Редклиффе. Вряд ли это мог быть самый страстный из мужчин, если спустя столько времени он не сумел заставить жену обращаться к себе по имени.

— Значит, ты на меня не злишься? — наконец спросил он.

Дом ему нравился. Здесь было тепло, а в баре наверняка не пусто — и Хизер красивее, чем когда-либо. Может быть, она захочет возобновить прежнее знакомство. Уильям придвинулся к ней немного ближе. Поигрывавшая волосами Хизер высвободила еще одну прядь.

— А почему я должна злиться? — заметила Хизер. Похоже, она уже забыла о холодных взглядах, которыми одаривала его еще несколько минут назад. — Теперь можно сказать, что так было даже лучше. Если бы мы остались вместе, что со мной стало бы? Жена торгового представителя...

Это прозвучало несколько пренебрежительно, однако Уильям лишь улыбнулся. Ясно же, она просто кичится своим приобретенным богатством. Сейчас она — владелица роскошного дома. Его ранг ниже, сколько бы он ни продал швейных машинок. Возможно, ему никогда не добиться своими силами такого богатства, даже если он поднимется вверх в иерархии

компании «Зингер». Зато у него есть другие качества. Уильям слегка накрыл руку Хизер ладонью, погладил ее пальцы.

— Теперь ты можешь стать одной из первых женщин на Южном острове, которые приобрели швейную машинку, — пошутил он. — Это маленькое чудо, и в отличие от работы с ниткой и иглой руки остаются при этом такими же мягкими и нежными, как и прежде. — Он погладил каждый палец по отдельности, мягким голосом перечисляя, от скольких стежков избавляет современный «Зингер» ухоженные женские руки, и вскоре, дыша уже тяжелее, перешел к более конкретным вещам, которыми можно заполнить сэкономленное время.

В конце концов повариха Хизер и горничная неожиданно получили свободный вечер, дети — слегка приправленный снотворным напиток, а Уильям — весьма отрадную первую ночь на Южном острове. Хизер вспомнила все, чему он ее научил, — казалось, женщина истосковалась по любви. Сомнений не было, мистер Редклифф был хоть и джентльмен, но холоден как рыба.

— Ты ведь занимаешься и обслуживанием покупателей, не так ли? — спросила Хизер, когда на рассвете они наконец в последний раз оторвались друг от друга. — К тебе можно обратиться, если с этой... э... швейной машинкой что-то будет не так?

Уильям кивнул и погладил ее по-прежнему плоский живот. Похоже, мистер Редклифф не собирался заводить еще детей, однако Хизер сказала ему, что они постоянно пытаются. Возможно, сегодня они сделали еще один шаг к цели...

— К обычным клиентам я захожу, когда предоставляется случай, — прошептал Уильям, пробираясь ниже. — Но если клиент особенный...

Хизер улыбнулась и изогнулась под его рукой.

— Конечно, мне еще понадобится подробный вводный курс...

Пальцы Уильяма играли с мягкими светлыми волосами на лобке.

— Введение — это моя специальность...

Хизер понадобилось два дня в его номере отеля, чтобы в совершенстве овладеть техникой. После этого она подписала договор о купле-продаже швейной машинки.

Ликуя, Уильям отослал его в Веллингтон. Пребывание на Южном острове начиналось великолепно.

Глава 7

Тимоти Ламберт лежал в гипсе вот уже пять месяцев. Он вытерпел жуткие боли, терзавшие его на протяжении первых месяцев, и томительную скуку последних недель, сделавшую его неугомонным и нетерпимым. На руднике Ламберта все шло совершенно не так, как он хотел. После несчастья никто не воспользовался множеством шансов обновить и изменить шахты. Тиму не терпелось снова вмешаться. Но если отец и приходил к нему, то, похоже, предварительно напивался, чтобы собраться с духом, и смотрел на сына стеклянными глазами, отвечая на его вопросы по руднику общими фразами. Это выводило Тима из себя, но он пережил невежество отца, причитания матери — и, кроме того, ему почти всегда удавалось улыбаться, шутить и проявлять оптимизм, когда вечером к нему заходила Лейни.

Берта Лерой с восхищением замечала, что Тим никогда не вымещает на ней свое дурное настроение, как обычно бывало с другими постоянными посетителями. И как бы плохо ни было ему в последнее время, сколь отчаянно ни вцеплялся он в одеяло, на руку Лейни его пальцы ложились всегда с осторожностью, словно касаясь пугливой птички. Сама же Лейни, судя по всему, целый день только тем и занималась, что собирала истории, дабы подбодрить Тима. Она смеялась с ним, комментировала местные сплетни резкими и точными замечаниями, читала ему, играла с ним в шахматы. Тима удивляло, что она умеет играть в шахматы, но в историю о ее происхождении — Лейни продолжала утверждать, что происходит из семьи рабочих в Окленде, — он не верил. Достаточно было задать пару вопросов о важнейших постройках Окленда, чтобы понять: девушка никогда не видела этого города.

Ежедневные визиты Лейни подбадривали Тима, но в то время, как недели тянулись мучительно медленно, его надежды на день, когда его освободят от повязок, крепи с каждым днем. Когда эксперт из Крайстчерча наконец назначил дату и объявил, что приедет в середине июля, Тим едва сдерживался от радости.

— Не могу дождаться возможности смотреть на тебя не снизу, — смеясь, говорил он, когда Лейни зашла к нему во второй половине дня. — Смотреть на всех людей снизу вверх — это ужасно! — Они давно уже перешли на дружеское «ты». К счастью, хотя бы это право удалось отвоевать у девушки.

Илейн нахмурила лоб.

— Если бы ты был столь же маленького роста, как я, то давно уже привык бы к этому, — поддразнила она молодого человека. — Кроме того, говорят, Наполеон был очень низеньким.

— Зато он мог сидеть верхом! Как там поживает Приятель? Ждет меня?

После несчастного случая Илейн забрала мерина Тима. Никто из Ламбертов сразу не поинтересовался, где лошадь, и серый в яблоках конь просто остался в конюшне мадам Кларисс. Та не жаловалась, пока Илейн обеспечивала его кормом, благо торговец зерном все равно выписывал счета за питание коня Ламбертам, как велел Тим. Баньши радовалась тому, что у нее появилась компания, а Илейн попеременно выгуливала то ее, то мерина. Тим с удовольствием слушал ее ежедневные отчеты. Уже только ради этого стоило работать.

— Конечно, — ответила Илейн. — Думаешь, ты сразу сможешь ездить верхом?

Илейн очень хотелось разделить оптимизм Тима, но в ушах все еще звучали страшные прогнозы обоих врачей. Что, если кости Тима срослись не настолько хорошо, как он надеялся? Если он все же не сможет ходить или в лучшем случае будет передвигаться на костылях? Она не хотела напоминать Тиму об опасениях доктора Лероя, но страшилась их с той же силой, что и прежде, когда думала о дне, назначенном для снятия гипса.

— Если я не смогу больше ездить верхом, значит, я умер! — сказал Тим, и Илейн рассмеялась.

Подобные слова говорила ее бабушка Гвин, и ей очень хотелось рассказать Тиму о неутомимой пожилой леди. Но осторожность заставила ее промолчать. Лучше не посвящать в истинную историю своей жизни никого. А то, что у ребенка рабочих из Окленда не может быть бабушки в статусе «овечьего барона», было ясно даже глупцу.

— Но необязательно ведь в первый же день... — робко произнесла она.

Следующие недели Тим проводил, вынашивая планы своей жизни после освобождения от гипса, в то время как Берта Лерой все больше грустнела. Наконец она отвела Илейн в сторону за день до визита специалиста.

— Просто будьте завтра здесь, когда снимут повязки. Вы нужны ему, — мрачно, почти с угрозой в голосе произнесла она.

Илейн удивленно посмотрела на нее.

— Он не хочет, чтобы я присутствовала при этом, — с легким

сожалением произнесла девушка. — Я должна прийти позже...

— Он думает, что сможет стоять и улыбаться вам, — с горечью заметила Берта, указывая на пару костылей, стоявших у стены в палате Тима. — Вот, это Мэтт недавно принес. Столяр изготовил их по картинкам из соответствующих каталогов, поскольку доктор Портер не захотел привозить их. Нелли Ламберт сказала Тиму, что они слишком неудобны в транспортировке. Но она никогда не умела воспринимать правду...

— Какую правду? — По спине Илейн пробежал холодок. — Говорили ведь, что никто не может точно знать, хорошо ли срастутся его переломы. А теперь... Тим настолько уверен, к тому же у него давно ничего не болит...

— Деточка... — Берта вздохнула и мягко подтолкнула Илейн в сторону жилых комнат, расположенных дальше по коридору. — Думаю, для начала мы выпьем чаю... а потом я попытаюсь донести до вас то, что его ждет. Тим, к сожалению, слушать не хочет, а Нелли...

Подавленная, Илейн последовала за супругой врача. Она знала, что все будет не так просто, как надеется Тим. Но то, что говорила миссис Лерой, звучало гораздо серьезнее, чем все ее опасения.

— Лейни, — заговорила о главном Берта, когда перед ними стояли две чашки с дымящимся чаем, — даже если бы Тим был прав в своем оптимизме, чего я желаю ему от всего сердца...

«...но не верю», — добавила про себя Лейни.

— ...даже если его кости срослись идеально, все равно завтра он ходить не сможет. Ни завтра, ни послезавтра, ни даже через неделю или месяц... — Берта помешала чай.

— Но мой брат сразу смог ходить после перелома ноги, — сказала Лейни. — Да, он немного хромал, но...

— Сколько ваш брат пролежал в постели? Пять недель? Шесть? Вероятнее всего, и того меньше, мальчишку ведь не удержать в доме. Позвольте, я угадаю. Спустя три недели он весело скакал на костылях и на одной ноге, я права?

Лейни улыбнулась.

— Через неделю. Только мама не знала...

Берта кивнула.

— Ну вот. Боже мой, Лейни, не можете же вы быть настолько наивной! Эта лошадь, о которой вы ему постоянно рассказываете. Вы тренируете ее. Зачем вы это делаете?

Илейн удивилась.

— Чтобы она не утратила навыков. Если лошадь долго будет стоять, у нее ослабеют мышцы.

— Видите? — довольно кивнула Берта. — А как думаете, насколько ослабли бы мышцы у лошади, если бы она пролежала без движения пять месяцев?

Лейни рассмеялась.

— Она бы умерла. Лошади не могут так долго лежать без движения... — Внезапно она поняла, о чем хотела сказать Берта, и лицо ее посерьезнело. — Вы считаете, что Тим будет слишком слаб, чтобы двигаться?

Берта снова кивнула.

— Его мышцы захирели, связки сократились, суставы совершенно неподвижны. Пройдет немало времени, прежде чем все восстановится. И само по себе это не произойдет, Лейни. По сравнению с тем, что ожидает Тима в ближайшие месяцы, последние недели здесь покажутся раем. Ему постоянно будет нужно мужество и много сил, и, возможно, тот, кто — простите, юная леди, — время от времени будет пинать его под зад. Поначалу болеть будет все, ему придется бороться за каждый дюйм, прежде чем к суставам вернется подвижность. О работе, а о верховой езде и подавно, в первые дни после снятия гипса не стоит и думать. И это дойдет до него завтра же. Просто будьте рядом, когда это произойдет, Лейни. Просто будьте рядом! — В голосе Берты слышались тревога и серьезность.

— Но он собирается сразу же вернуться домой, — сказала Лейни. — Я...

— Еще одна бредовая идея! — фыркнула Берта. — Я даже думать не могу о том, чтобы отдать его Нелли в таком состоянии! Она сразу же смирилась с тем, что ему нужен будет постоянный уход, и, похоже, эта идея нравится ей все больше и больше. Ей невероятно скучно в огромном доме. Если у нее будет рядом тот, кому можно будет постоянно действовать на нервы... она расцветет! Сиделку для менее приятной работы миссис Ламберт уже наняла, она приедет завтра с доктором Портером. Равно как и инвалидное кресло. И она начала называть Тима «малыш». Лейни, если мы отдадим им Тима, через две недели он сдастся и будет одурманивать себя всем, что подвернется под руку! Морфия я ему не дам, но настойки опия у Нелли достаточно... Ну а мужчины, как известно, чаще всего предпочитают виски...

— И что же я должна делать? — вконец расстроенная, спросила Илейн. — Конечно, я могу ездить к Ламбертам, но...

— Для начала просто будьте завтра здесь, — заявила Берта. — А там посмотрим...

Илейн наблюдала из паба, как от маленького госпиталя отъехала сначала карета с врачом из Крайстчерча, а затем и полукаретка с Нелли Ламберт и неуклюжей молодой женщиной в одежде сестры милосердия. И тут же бросилась туда. Берта Лерой ждала ее в приемной. Высокая сильная женщина разрывалась между желанием взорваться от ярости и впасть в глубочайшее отчаяние.

— Идите к нему, Лейни, — бесцветным голосом произнесла она. — Они заберут его только завтра. Доктор Портер и мой муж единогласно запретили перевозить его сегодня...

— Все срослось настолько плохо? — негромко спросила Илейн.

Берта покачала головой.

— Да что вы!.. Даже очень хорошо. По поводу бедра доктор Портер в совершеннейшем восторге, хотя, конечно, оно слегка смещено. Но в остальном он сказал, что перспективы у Тима самые хорошие. Причем эти самые хорошие перспективы заключаются в двух шагах на костылях между инвалидным креслом и кроватью. Насколько грубо не выражался даже мой Кристофер. Конечно, Тим совершенно подавлен. Нелли устроила обычный концерт... Ни в коем случае не давай ему морфий или что-то другое, чем он может причинить вред самому себе. Боюсь, он готов на все.

Илейн с трудом сдерживала слезы, стоя у двери в палату Тима. Но решительно взяла с собой костыли.

В комнате ей сначала пришлось заморгать — Тим лежал в полумраке, как обычно, когда от него уходила Нелли. Но затем он сразу звал Берту и просил ее открыть окно. Сейчас он уже сам мог дотянуться до лампы на ночном столике. Он не лежал на кровати плашмя, как обычно, теперь он опирался на подушки и сидел полулежа. Однако когда Лейни вошла, он даже головы не повернул — лишь неподвижно смотрел на стену прямо перед собой.

— Тим... — Илейн хотела было сесть к нему на постель, но тут заметила на его лице знакомое выражение с трудом сдерживаемой боли. Сейчас он не вынесет прикосновения.

— Тим... — Илейн поставила костыли рядом с кроватью и раздвинула шторы. Лицо Тима было бледным, как у мертвеца, и казалось отсутствующим. Илейн улыбнулась ему. — Все выглядит довольно хорошо, — приветливо заметила она. — Почти сидишь... и ты легко сможешь смотреть мне в глаза на одном уровне со мной, если я тоже присяду.

По лицу Тима пробежала слабая улыбка.

— Вряд ли получится что-то большее, — тихо произнес он. — Я никогда не смогу ходить. — Но лицо к ней повернул.

Илейн осторожно провела рукой по его лбу.

— Тим, сейчас ты устал и разочарован. Но все не настолько плохо. Мисс Берта настроена оптимистично... И... посмотри, что я тебе принесла! — Она показала на костыли. — Через несколько недель ты...

— Я не смогу, Лейни. Скажи же мне наконец правду! — Тим хотел яростно выкрикнуть это, но его голос прозвучал приглушенно.

Илейн увидела в его глазах слезы и только сейчас заметила, что они покраснели. Должно быть, он плакал, когда его оставили одного.

Она с трудом поборола в себе желание обнять его, как ребенка. Нельзя так о нем думать! Если все будут видеть в нем безнадежного калеку...

— Правда зависит только от тебя! — твердо заявила она. — Все зависит от того, сколько ты будешь тренироваться, сколько ты выдержишь... а ты способен выдержать много! Может быть, помочь тебе снова лечь? Тебе ведь больно. Зачем они вообще оставили тебя в таком положении?

Тим заставил себя улыбнуться.

— Я их вышвырнул. Я не мог уже терпеть — и оба доктора объявили меня невменяемым. Только поэтому я еще здесь. Иначе они сразу бы усадили меня в ту штуку...

Илейн охватил приступ безудержной ярости, когда она увидела инвалидное кресло, которое миссис Ламберт и сиделка поставили в угол комнаты. Огромное, с опорой для головы и цветочной обивкой. Илейн подобрала бы подобное разве что для пожилой дамы, которую будут возить из комнаты в комнату. Двигать его самому с помощью рук, как это делали парализованные на улицах Квинстауна, было практически невозможно. На этом кресле Тим будет скорее лежать, чем сидеть.

— Боже мой, неужели не было другой модели? — вырвалось у нее.

Тим пожал плечами.

— Судя по всему, это куплено моей матерью в соответствии с ее вкусом, — с горечью произнес он. — Лейни, мне уже не выбраться! Но, надеюсь, ты сможешь мне по-настоящему. Лежа я могу не смотреть на это.

Поддерживая его под голову, Илейн попыталась убрать подушку как можно аккуратнее, чтобы он медленно вернулся в лежачее положение. Впрочем, это оказалось не так-то просто. Торс у молодого человека был тяжелым, и ей пришлось просунуть другую руку, которая легла на второе плечо. Илейн чувствовала его близость как никогда прежде, ей было

приятно держать Тима, чувствовать его тепло. И, прежде чем он опустился на подушки, она повернула к нему лицо и робко поцеловала в лоб.

— Ты не один, — прошептала Илейн. — Я рядом. Я могу приходить к тебе домой, точно так же, как и сюда. В конце концов, у меня все еще две лошади.

Молодой человек с трудом улыбнулся.

— Да ты становишься по-настоящему назойливой, Лейни, — поддразнил ее Тим, однако было видно, что он весьма неохотно высвобождается из ее объятий. — Что скажет моя новая сказочная сиделка Элизабет Тебертон?

Илейн погладила его по щеке.

— Надеюсь, ничего. Иначе я буду ревновать.

Она пыталась перенять его шутливый тон, несмотря на то что ей хотелось плакать. Он казался таким уставшим и беспомощным, хотя и пытался подбодрить ее. Ей очень хотелось обнять его еще раз — и внезапно она представила себе, что когда-нибудь он будет обнимать ее.

Илейн перевела дух.

— Или теперь ты собираешься жениться на мисс Тебертон?

Тим посмотрел на нее снизу вверх, и лицо его вдруг стало серьезным.

— Лейни, это значит... Ты говоришь это не из жалости или чего-то такого? Я ведь правильно тебя понимаю? И завтра ты не заберешь свои слова обратно?

Она покачала головой.

— Я выйду за тебя, Тимоти Ламберт. Но за это, — она показала на инвалидную коляску, — за это я не выйду! Так что смотри, чтобы тебе не потребовалось слишком много времени. Понял?

Усталое лицо Тима засветилось изнутри.

— Ты знаешь, что я обещал тебе, — хриплым голосом произнес он. — Я буду танцевать на нашей свадьбе! Но сейчас я хочу получить настоящий поцелуй. Не в лоб, не в щеку. Ты должна поцеловать меня в губы!

Он с надеждой смотрел на нее, но Илейн колебалась. Внезапно она снова вспомнила поцелуи Уильяма — предательски сладкие. И о том, как насильственно вторгнулся в ее рот и в ее тело Томас. Тим увидел страх в ее глазах и хотел уже было взять свои слова назад. Но потом Илейн совладала с собой и все же поцеловала его, нерешительно и очень осторожно. Ее губы едва коснулись его уст, прежде чем она отпрянула и принялась панически оглядываться по сторонам.

— Келли?

Тим озадаченно наблюдал за тем, как она ищет собаку, которая сразу

же, как только девушка вошла в палату, спряталась под кроватью. Берта Лерой не любила, чтобы в больнице находились животные, и, судя по всему, Келли это понимала. Она почти никогда не показывалась Лероям, но сейчас выскочила, виляя хвостом, и ткнулась головой в лежавшую на кровати руку Тима. Почему-то Лейни успокоилась, оттого что он слегка почесал животное за ухом, прежде чем протянуть руку девушке. Илейн снова подошла ближе и доверчиво взяла его за руку.

— Все будет хорошо, Лейни, — нежно произнес Тим. — Просто нам нужно будет потренироваться танцевать и целоваться.

Он держал ее за руку, глядя на небольшой, видимый из его окна кусочек неба, на котором медленно проступали звезды, и думал о том, что путь Лейни к танцу на их общей свадьбе будет, наверное, столь же долгим и трудным, как и его.

Когда на следующий день Илейн заглянула в госпиталь, она не нашла мисс Берту, которая обычно в это время находилась в амбулаторном отделении. Но двери были открыты, а Илейн знала, что Тим всегда рад ей. Однако к тому, что она увидела в его комнате, девушка готова не была. Тим исчез, равно как и инвалидное кресло. Мисс Берта лежала на кровати на подушках, а Роли О'Брайен как раз неловко клал на нее руку. Положив ее голову себе на плечо, он тянулся к ее талии...

Илейн в недоумении уставилась на медсестру. Но прежде чем она успела в ужасе захлопнуть за собой дверь, Берта увидела ее и звонко расхохоталась.

— Боже мой, Лейни, это не то, что вы думаете! — воскликнула она, продолжая громко смеяться. — О, вы бы видели свое лицо! У меня просто в голове не укладывается. Неужели вы действительно подумали, что я предаюсь неприличным утехам с несовершеннолетним?

Илейн густо покраснела.

— Добрый день, мисс Лейни, — неловко поздоровался с ней Роли. Судя по всему, он не осознал ни двусмысленности ситуации, ни ее комичности.

— Могу вас успокоить, дитя мое. Это просто уроки по уходу за больными, на которые не нашлось добровольцев среди пациентов. При этом моему супругу вовсе не нужно было так уж срочно к Келли, он просто решил увильнуть! Но у него примерно такое же отношение к медбратам, как и у Нелли Ламберт.

— Может быть, мисс Лейни могла бы... — с надеждой поинтересовался Роли, бросая жадный взгляд на стройное тело Лейни.

Берта вскочила с постели.

— А ты и рад, да? А потом будешь рассказывать в пабе, что мисс Лейни позволила тебе себя лапать! На первый раз прощаю. Продолжим потом. Через час или чуть позже, может быть, вернется мой муж и убережет нас от подобных сюрпризов. — Она снова захихикала, и Илейн осознала, что давно не видела Берту такой довольной. — Даже подумать страшно, что было бы, если бы нас застали в таком виде миссис Кэри или миссис Тэннер... А теперь вы пойдете со мной и выпьете чаю. Я хочу знать, что вы сделали с Тимом.

Роли удалился, мисс Берта подтолкнула Илейн в сторону жилых комнат. Но прежде закрыла дверь больницы.

— Если кому-то что-то будет нужно, позвонит. А теперь рассказывайте! Как вам это удалось?

У Илейн голова шла кругом.

— Медбрат? — спросила она. — Для... для Тима?

Берта кивнула, сияя, как ребенок при виде елки.

— Сегодня Тима словно подменили. За ним приехали сразу с утра. Хотели перевезти его на носилках, но он настоял на том, чтобы они посадили его в это кошмарное кресло. Он сказал, что не для того мучился пять месяцев, чтобы его выносили так же, как и занесли сюда. Да, а потом он первым делом уволил медсестру...

Лейни улыбнулась.

— Сказочную мисс Тебертон?

Берта рассмеялась.

— Именно ее. Она сказала что-то вроде «А сейчас мы подложим хорошенькую мягонькую подушечку под ваши бедра, мистер Тим», и он заявил, что не разрешал ей называть его по имени. А его ненормальная мать посмотрела на него как на упрямого трехлетнего ребенка и сказала буквально следующее: «Веди себя хорошо, малыш!» И тут он взорвался! И, доложу я вам, землетрясение — ничто по сравнению с этим! Тимоти терпел ее причитания на протяжении пяти месяцев, но это было уже слишком. Его рев был слышен даже на улице, и я наслаждалась каждым словом! В первую очередь он послал к черту мисс Тебертон. Она уедет сразу же, крайстчерчским экспрессом. Но сначала этот чудо-доктор приладит Тиму шины, хотя и считает, что еще слишком рано или же вообще бессмысленно. Но мой муж встал на сторону Тима. Он сказал, что если доктор Портер не наложит ему шины, то он сделает это сам. А доктор Портер, конечно же, не хочет рисковать, чтобы какой-то деревенский врач вроде Криса пожал все лавры! Кроме того, Тим потребовал медбрата. Если таких нет, заявил он, то

нужно обучить. Именно этим мы с Роли и занимались. А теперь рассказывайте, как вы это сделали, Лейни! Я сгораю от любопытства.

Но Илейн все еще занимал вопрос насчет медбрата.

— А как вам удалось уговорить Роли?

Берта нетерпеливо закатила глаза.

— Миссис О'Брайен как раз была в поликлинике, когда взорвалась бомба. И, как я уже говорила, крики Тима невозможно было не услышать, тут нельзя сказать, что кто-то проявил нетактичность и подслушивал. В общем, Эмма подошла ко мне и робко спросила, не хотим ли мы попробовать обучить ее Роли. После того случая мальчик совершенно не хочет спускаться в шахту, что, конечно, можно понять. Но из-за этого у семьи возникают огромные финансовые проблемы. Отец мертв, старший сын без нормальной работы. С тех пор Роли подрабатывает мальчиком на побегушках, но почти ничего на этом не зарабатывает. Не страшно, что его будут называть «медбратом». Только не при Тиме Ламберте. Вы же знаете, Роли боготворит Тима...

Роли был в числе самых преданных гостей Тима. Мальчик был твердо убежден в том, что обязан ему жизнью. Ради Тима он готов был на все.

— Ну, говорите уже, Лейни! Что вчера произошло между вами и Тимом? Вы пробыли у него довольно долго, не так ли? Мне ведь нужно было уйти с Кристофером...

Доктора Лероя вызвали на трудные роды, а в таких случаях Берта всегда ехала с ним.

— Я сидела с ним, пока он не уснул, — ответила Илейн. — Но это было не так уж долго, он ведь смертельно устал.

— И ничего больше? — недоверчиво поинтересовалась Берта. — Вы просто подержались за руки и все снова стало в порядке?

Илейн улыбнулась.

— Не совсем. Между делом мы... слегка... обручились.

Глава 8

— Вы должны мне помочь, Кура! Вы единственная, кто может мне помочь!

Калев Биллер появился в «Уайлд Ровере» в четверг, незадолго до полуночи, гораздо позже обычного, очень взволнованный. Кроме того, он был одет слишком элегантно для визита в паб. Серый костюм-тройка скорее подходил для торжественного ужина. И он едва дождался, пока Кура доиграет до конца произведение, прежде чем заговорил с ней, но, тем не менее, между делом успел влить в себя порцию виски.

— Да что случилось-то, Калев? — весело поинтересовалась Кура.

В последнее время, когда их знакомство стало несколько ближе, она уже привыкла к довольно странным реакциям Калева на более или менее дурацкие повседневные проблемы. После танца паренька в деревне маори она оставила всяческие попытки утолить свою жажду физической любви с помощью Калева Биллера. Она уже убедилась в том, что он разделял пристрастия некоторых членов ансамбля Барристера, то есть испытывал тягу к своему полу. Кура отмечала это совершенно беспристрастно, поскольку тщательно оберегаемой наследнице Уорденов никогда не приходилось сталкиваться с неприязнью по отношению к гомосексуалистам. Таким образом, впервые познакомившись с этой особенностью мужского стремления к счастью в обществе артистов, она отнеслась к ней как к некой обычной вещи. Поэтому Кура не понимала, почему Калев делает из этого такую тайну, но зато успела понять свою роль в доме Биллеров: родители Калева были готовы принять даже какую-то приبلудную певичку с маорийскими корнями, лишь бы она была женского пола.

— Они хотят, чтобы я обручился! — вырвалось у Калева.

В принципе, он сказал это слишком громко, но в будний день в пабе ничего особенного не происходило. Шахтеры уже ушли, а несколько последних гуляк, судя по всему, были слишком заняты своими проблемами. Только Пэдди Холлоуэй пристально поглядел на него, но Калев даже не заметил этого.

— Серьезно, Кура! Нет, конечно, они ничего такого не сказали прямо, но все эти намеки! И эта девушка... то, как она себя ведет. Так, будто она точно знает, что станет миссис Биллер. Все уже улажено, и...

— Спокойно, Калев, спокойно. Какая девушка? — Кура переглянулась

с Пэдди, который безмолвно дал ей понять, что он не будет против, если на сегодня она закончит работу. Вместо этого он принес два бокала для Куры и Калева и поставил их на стоявший особняком столик.

— Ее зовут Флёренс... — Калев проглотил второй бокал виски. — Флёренс Уэбер, с рудника Уэберов под Уэстпортом. И она действительно довольно симпатичная, очень образованная... с ней можно поговорить обо всем, но...

Кура тоже сделала глоток и довольно отметила, что ей Пэдди тоже налил односолодовое. Судя по всему, хозяин считал, что это ей пригодится.

— Итак, еще раз, Калев. Сегодня ваши родители давали обед, верно? — Это было легко определить по одежде Калева. — Для семьи Уэбер из Уэстпорта. И при этом вам представили девушку...

— Представили? Они преподнесли ее как подарок. Даже в белом платье... ну, почти белом, там было немного зеленого. Такая аппликация по декольте, понимаете...

Кура закатила глаза. Это тоже было очень типично для Калева. Он никогда не мог сосредоточиться на главном, постоянно отвлекался на мелкие детали. Во время их совместной работы это было на пользу — и особенно это ценили маори. За последние месяцы Кура и Калев часто бывали в маорийских деревнях, изучая хака, и Калев мог часами погружаться в работу с каким-нибудь *тохунга* и долго спорить о стилизации папоротника в типичном резном украшении. Он молниеносно выучил язык маори и запомнил даже редкие понятия — едва ли не быстрее, чем самые используемые слова вроде «вода» и «деревня». Впрочем, особенно повседневными педантичность Калева их не делала, а в подобных ситуациях это могло довести до безумия.

— Переходите к делу, Калев! — напомнила Кура.

— Как бы там ни было... они не уставали говорить о рудниках, о Флёренс и о наших общих возможностях в торговле. И при этом она смотрела на меня таким оценивающим взглядом... Почти как на конном рынке... будто ей подсунули хромого коня. Но все пытаются извлечь из этого выгоду.

Кура невольно рассмеялась.

— Вы ведь не хромым конь, Калев, — произнесла она.

— Нет, но зато голубой, как теперь это называют, — прошептал Калев и ниже склонился над бокалом. — Я не люблю девушек...

Кура нахмурилась.

— И это называется «голубой»? Никогда не слышала. Но, в принципе, я не удивлена.

Калев озадаченно посмотрел на нее.

— Вы... вы знали? — Его длинное лицо покраснело до корней волос.

Кура невольно расхохоталась. Просто невероятно, что этот мужчина не заметил ее попыток соблазнить его! Но дразнить его этим сейчас не стоит. Поэтому она просто кивнула и дождалась, когда Калев перестанет хватать ртом воздух, а его лицо примет более-менее нормальный цвет.

— Как я уже говорила, от меня это не укрылось, — наконец сказала она. — Но как вы себе это теперь представляете? Мне что... я хотела сказать, вы хотите, чтобы я делила с вами постель? Это не сработает, говорю вам сразу. Бернадетт, одна из танцовщиц в ансамбле, была влюблена в Джимми, но тот был... таким, как вы. Бернадетт испробовала все, прихорашивалась, прикасалась к нему, поила. Но не получилось. Просто все люди разные: одни такие, другие такие.

Кура принимала это без проблем. Калев снова бросил на нее тоскливый взгляд, хотя было видно, насколько ему неловко.

— Я никогда не стал бы просить вас о подобном, Кура, — заверил он ее. — Даже само по себе предложение было бы неприличным.

Кура едва сдержалась, чтобы не захихикать. Оставалось надеяться, что Пэдди Холлоуэй ничего не слышит и не раззвонит потом всему пабу.

— Я только... Кура, вы обручитесь со мной?

Ну вот и все. Калев выжидающе глядел на нее, но надежда в глазах угасла, когда он увидел ее лицо.

Кура вздохнула.

— Разве это поможет, Калев? Я не выйду за вас, совершенно точно. Даже если бы я могла... я хочу сказать, если бы я смирилась с мыслью о браке. Но я хотела бы получить что-то взамен. Я не создана для брака без плотской связи. Тут уж лучше попросите эту Флёренс. Девушки-накеха часто воспитываются довольно чопорными.

— Но ведь я ее совсем не знаю. — Калев вел себя почти по-детски, и Кура мгновенно осознала, что он до смерти боится эту наследницу Уэбер. — И я вообще не думал о браке. Просто об... хм... обручении. Или притвориться, будто обручен. Пока не придумаю что-нибудь получше.

Кура молча смотрела на него. Что получше может придумать Калев? Впрочем, он ведь очень умен. Возможно, немного успокоившись, он действительно найдет какой-нибудь способ.

— Пожалуйста, Кура, — попросил он, — придите хотя бы на обед в субботу. Если я официально приглашу вас, это будет чем-то вроде знака...

Лично Кура воспринимала это скорее как объявление войны, но некая Флёренс Уэбер ее не пугала. Вероятнее всего, лишь завидев ее, малышка

бросится искать ближайшую нору, где можно спрятаться. Кура знала, как реагируют на нее обыкновенные девушки, и не сомневалась, что расправится с Флёренс Уэбер так же, как и с Илейн О'Киф.

— Ну хорошо, Калев. Однако если я должна играть роль твоей невесты, то ты должен перестать называть меня «мисс Кура». Пора переходить на «ты».

Впрочем, Флёренс оказалась совсем не того калибра, что Илейн. При этом она была совершенно некрасива. Нужно было обладать терпимостью Калева и его непониманием женской привлекательности, чтобы назвать эту девушку симпатичной. Будучи коренастой, Флёренс уже сейчас обладала соответствующими формами, которые после первого ребенка наверняка сменятся округлостями, как у ее матери. Бледно-розовые веснушки на овальном, несколько рыхлом лице не совсем сочетались с ее густыми каштановыми волосами. Темные локоны казались такими же неукротимыми, как грива Илейн, но не обрамляли ее лицо, а казалось, вознамерились подавить его. К тому же девушка была близорука — возможно, это было одной из причин того, что вид Куры не деморализовал ее окончательно.

— Значит, вы... подруга Калева, — коротко заметила Флёренс, поздоровавшись с Курой. — Слышала, вы поете. — При этом слова «подруга» и «поете» Флёренс произнесла так, словно они обозначали нечто в высшей степени неприличное. Однако то обстоятельство, что Калев водится с певичкой из паба, похоже, не шокировало ее. Кура пришла к выводу, что Флёренс Уэбер не так-то легко шокировать.

— Конечно, Флёренс тоже брала пару уроков пения! — прощепетала миссис Биллер, которая во время последнего обеда восхваляла достоинства Куры, а теперь, судя по всему, была преисполнена решимости превознести наследницу Уэберов. — В Англии, не так ли, Флёренс?

Флёренс в ответ благовоспитанно опустила взгляд.

— Можно получать гораздо большее удовольствие от оперы или камерного концерта, если понимать, сколько труда и обучения вложено в подобные вещи. Вы не находите, Калев?

Калев только кивнул.

— Но ведь вы не изучали пение специально, мисс Мартин?

Внешне Кура оставалась спокойной, но разозлилась. Эта девушка не испытывала перед ней ни капли уважения или даже страха. И тут даже не отделаешься обычными «да» и «нет». Судя по всему, Флёренс этот трюк знала и теперь задавала вопросы, требовавшие целых предложений или, по

крайней мере, долгих оправданий.

— Меня обучали частным образом, — коротко заявила Кура.

Миссис Биллер, миссис Уэбер и Флёренс тут же дружно заговорили о неоспоримых преимуществах обучения в интернате.

Калев слушал с физиономией страдальца. Обучаясь в интернате в Англии, он рано осознал собственные предпочтения относительно представителей своего пола. Кура он признался в этом еще в пабе, но здесь он, конечно же, такой аргумент привести не мог. Вместо этого он весь вечер изощрялся, пытаясь продемонстрировать свою влюбленность в Куру, причем до такой степени, что той стало даже неловко. Джентльмен никогда не проявил бы своих чувств, но в этой сфере обычно столь тактичному Калеву не хватало понимания. Кура думала о том, что любая другая девушка уже сбежала бы с возмущенным криком, если бы ей представили такую кандидатку в супруги. Однако Флёренс Уэбер наблюдала за этим спектаклем со стоической улыбкой и очевидным спокойствием. Она жеманно болтала о музыке и искусстве, при этом без труда ухитряясь выставить Калева влюбленным ребенком, а Куру — Иезавелью во плоти.

— Я понимаю, почему вы так любите «Кармен», мисс Мартин. Вы придаете этому образу большую... достоверность. Нет, я не думаю, что Дона Хосе действительно стоит проклинать. Если грех приходит в таком соблазнительном одеянии, как эта цыганка! И ведь в конце концов он справляется с этим! Хоть и... довольно грубыми средствами... — С этими словами она улыбнулась, как будто в любой момент была готова заточить кинжал для Калева, дабы он наконец вонзил его Кура под ребро.

Поэтому Кура была очень рада, когда смогла сбежать с обеда, в то время как Калев остался на растерзание восхитительной Флёренс. Уэберы временно гостили у Биллеров, подыскивая себе собственный дом в Греймуте. Мистер Уэбер приобрел акции новой железнодорожной линии и хотел уладить деловые вопросы. Уэберы допускали, что могут прожить у Биллеров пару недель, прежде чем вернуться в Уэстпорт, и за это время надеялись устроить дела Флёренс и Калева.

На другой день молодой человек явился в паб в подавленном настроении и хотел поделиться с Курой своим горем. Тем же вечером после обеда мать осыпала его многочисленными упреками, в то время как отец подошел к вопросу несколько деликатнее. Утром он велел сыну явиться в контору, чтобы поговорить с ним как мужчина с женщиной.

— Мальчик мой, конечно, эта Кура тебя привлекает. Я не сомневаюсь, что она — самая роскошная штучка, какую только можно себе представить. Но ведь мы должны думать и о своем будущем. Сделай этой Флёренс

ребятенка-другого, и ей будет чем заняться, а ты подыщешь себе красивую любовницу.

Калев выглядел настолько расстроенным, что даже Пэдди проявил сочувствие и сразу же отпустил Куру.

— Развесели парня немного, девонька, на это же смотреть невозможно... Но при этом продай ему целую бутылку односолодового, поняла? Не то вычту из зарплаты!

Кура закатила глаза. Пэдди действительно был необычайно деликатным человеком. При этом он наверняка уже начал принимать ставки на то, получится ли у Калева Биллера, а если да, то когда сделать Флёренс Уэбер ребенка.

— Она ужасна, — бормотал Калев и буквально содрогался при мысли о девушке. — Она полностью погребет меня под собой...

— Вполне вероятно, — сухо заметила Кура, думая при этом о явно предсказуемой полноте Флёренс. — Но ты не обязан на ней жениться. Никто не может тебя заставить. Слушай, Калев, я кое-что придумала.

Это было действительно так: Кура впервые в жизни занялась проблемами других людей! Девушка сама себе удивлялась; с другой стороны, результат ее усилий был на пользу и ей самой. И вот, налив Калеву полный бокал виски, она предложила ему свою идею.

— Здесь, в Греймуте, ты никогда не сможешь жить с женщиной, — заявила она. — О тебе будут говорить люди, а твои родители начнут таскать в дом одну Флёренс Уэбер за другой. Когда-нибудь ты устанешь от этого, Калев. Так не пойдет. Так что тебе остается лишь жизнь холостяка. Но ты музыкант. Очень хорошо играешь на пианино, пишешь музыку, умеешь делать аранжировку. И нет никаких причин для того, чтобы ты делился своим даром с общественностью только после того, как напьешься в пабе.

— Я тебя умоляю, Кура! Ты хоть раз видела меня пьяным? — Калев озадаченно смотрел на нее, наливая себе третий бокал виски.

— Ну, не совсем пьяным, но на подпитии — да, — ответила Кура. — Только музыканту необходимо мужество, чтобы садиться за пианино совсем без виски. Я к чему веду... Мы могли бы устраивать совместные концерты, Калев. Ты сделаешь аранжировку для парочки *хака* и песен, которые мы собрали, для фортепьяно и голоса. Или для двух фортепьяно с голосовым сопровождением, или для игры в четыре руки. Чем больше голосов, тем лучше будет. Мы опробуем программу здесь и в Уэстпорте, а потом отправимся в турне. Сначала по Южному острову, потом по Северному. Потом в Австралию, потом в Англию...

— Англию? — Калев с надеждой посмотрел на нее. Судя по всему, он

все еще мечтал о своих интернатских друзьях. — Думаешь, мы могли бы иметь такой успех?

— А почему нет? — вопросом на вопрос самоуверенно ответила Кура. — Мне нравятся твои аранжировки, кроме того, говорят, что лондонцы любят экзотику. В любом случае попытаться стоит. Нужно только решиться, Калев. Твой отец...

Калев закусил нижнюю губу.

— Мой отец будет не в восторге. Но ведь для начала мы могли бы выступить в рамках благотворительности. Моя мать занимается этим... И миссис Уэбер...

Кура сардонически расхохоталась.

— А больше всех обрадуется мисс Уэбер. Ну что, согласен? Если хочешь, можем репетировать каждый вечер. После того, как закроется рудник, и до того, как откроется паб.

Как и ожидалось, Флёренс Уэбер сделала хорошую мину при плохой игре и стала делать вид, будто пребывает в совершеннейшем восторге от музыки маори. Тем временем семейство Уэбер, к счастью, сняло себе дом в Греймуте и Флёренс вместе с матерью тратили почти все время на обстановку дома. Миссис Биллер каждый день рассыпалась перед Калевом в восхвалениях вкуса и ловкости Флёренс, а Флёренс постоянно интересовалась его мнением, когда речь шла о цвете обоев или обивке кресел.

Кура, веселясь, отмечала, что его это даже развлекает. Калев был эстетом; он мог заниматься даже тем, что имело весьма отдаленное отношение к искусству, причем главным для него была все же музыка. Флёренс, в свою очередь, с серьезным лицом изучала партитуры Калева, хотя Кура сомневалась в том, что девушка может их прочесть. Будучи натурой практичной, мисс Уэбер вскоре обзавелась привычкой сопровождать Калева на репетиции с Курой. Конечно, это стало поводом для сплетен, и Калев чувствовал себя так, словно его отправили в ад. Кура относилась ко всему спокойнее. Все равно ее новому партнеру нужно было привыкать к тому, чтобы играть на публику. Так что можно начинать с самого тяжелого. А Флёренс Уэбер, без сомнения, была именно таким человеком. Она критиковала без остановки и часто попадала в точку. Кура принимала к сведению бóльшую часть ее высказываний, хотя критика была не столько конструктивной, сколько злобной.

— А разве вы не должны сопровождать эту песню... как бы так выразиться... несколькими очевидными жестами? — интересовалась она

после любовной песни от друга детства Куры из района Блинных скал. К этому моменту это была любимая песня Куры и Калева. Аранжировки Калева, удачные, изысканные, представляли собой весьма резкий контраст по сравнению с недвусмысленным текстом. Калев уже понимал их, а для Флёренс Кура, конечно же, никогда переводить бы не стала. Однако у Куры был очень выразительный голос, а быстрые льстивые аккорды сами навели Флёренс на верный след. Калев покраснел до корней волос, когда она задала этот вопрос с самым невинным видом, однако Кура лишь улыбнулась, спела песню еще раз, при этом так выразительно покачивая бедрами, что у Пэдди Холлоуэя глаза едва не вылезли из орбит, не говоря уже о Флёренс Уэбер.

— В присутствии преподобного отца я, конечно, буду сдержаннее, — наконец сказала Кура, когда пунцовая Флёренс вопреки обыкновению сбежала.

Уже была назначена дата концерта в Греймуте. Они собирались выступить во время церковного пикника; сборы должны были пойти членам семей жертв трагедии на руднике Ламберта. Кроме того, благодаря посредничеству миссис Биллер, был запланирован концерт в одном из отелей на набережной. Кура радовалась предстоящим выступлениям, а Калев едва не умирал от волнения.

— Не жеманничай ты так, музыкант! — наконец начала поддразнивать его Кура. — Лучше думай о прекрасном теле нашего друга-маори и о том, как здорово было бы, если бы он был здесь и смог станцевать под эту песню. Только чур, не двигать бедрами, а то опрокинешь пианино!

Для начала Уильям Мартин решил обойти крупные города Западного побережья стороной. Он исходил из того, что уже побывавший там Латимер продал швейные машинки всем хоть сколько-нибудь заинтересованным и платежеспособным женщинам. Так что оставались только жены шахтеров, а с них и брать было особо нечего. Вместо этого Уильям сосредоточился на единичных поселениях и снискал невиданный успех в деревнях маори. Когда-то Гвинейра МакКензи говорила ему, что туземцы Новой Зеландии невероятно быстро приспосабливаются к обычаям *пакеха*. Уже сейчас почти все маори носили западную одежду; так почему бы женщинам не научиться шить самим? Конечно, здесь тоже возникает проблема с деньгами. Вряд ли удастся донести до маори систему платежей в рассрочку. Впрочем, у племен были деньги, отчасти от продажи земли, и обычно они находились в распоряжении вождя.

Уильям быстро продумал, как донести до вождей племен мысль о том,

что благосклонность дам племени мгновенно станет выше и, кроме того, они смогут завоевать уважение *пакеха*, не отказываясь от благ современного мира. Когда он провел для них свое первое представление с «Зингером», все маори сидели вокруг него и словно замороженные огромными глазами наблюдали за тем, как он быстро шьет детскую одежду, — как будто Уильям создавал ее из воздуха. Женщины быстро освоили принцип обращения с машинкой и пришли в совершенно детский восторг. «Зингер» тут же стал статусной вещью. Редко бывало, чтобы Уильям покинул племя, не заключив контракт; кроме того, маори оказались очень гостеприимными и открытыми людьми. Денег за еду и ночлег с него не брали. Лишь иногда Уильям проклинал свои слабые знания их языка. Иначе было бы легче спросить насчет Куры и найти ее след, который в результате последних поисков, проведенных Гвин, окончился у маори под Бленемом. И теперь, конечно же, приходилось вести переговоры по-английски. Большинство маори говорили хотя бы на ломаном языке *пакеха* и понимали почти все. Но Уильяму часто казалось, что люди рассказывают ему не все и даже проявляют настороженность, когда какой-то чужак интересуется членами их племени.

Особенно это было заметно в племени, поселившемся между Греймутом и Уэстпортом. Люди почти сразу замкнулись в себе, когда Уильям на ломаном маори поинтересовался девушкой, которая сбежала от своего мужа-*пакеха* и занимается музыкой. В то время как в других племенах громко смеялись, когда он рассказывал о побеге Куры, эти люди явно нервничали, а потом и вовсе стали молчаливыми. Лишь жена вождя прояснила ситуацию.

— Он не про девушку с волосами как пламя, он спрашивает про *тохунга*, — сказала она соплеменникам. — Ты искать Кура? Кура-маротини? Та, что сбежала от того парня, который не любит...

Люди громко расхохотались над ее жестом, пояснявшим ситуацию; лишь Уильям озадаченно и несколько обиженно оглядывался по сторонам.

— Она так сказала? — поинтересовался он. — Но мы...

— Она была здесь. С высоким светловолосым мужчиной. Очень умный, тоже музыкант, тоже *тохунга*. Но робкий!

Остальные снова захихикали, но, судя по всему, о визите Куры рассказывать ничего больше не хотели. И Уильям задумался. Значит, Кура снова с каким-то мужчиной! Впрочем, не с Родериком Барристером; его она заменила так же быстро, как и бросила Уильяма, ради сцены. А теперь, значит, робкий светловолосый музыкант...

Желание Уильяма разыскать свою жену и как следует прочистить ей

мозги, прежде чем обнять и убедить в своих собственных неоспоримых преимуществах, росло день ото дня.

Глава 9

Илейн переживала за Тима, который с каждым ее визитом выглядел все более худощавым, ожесточенным и усталым. Мимические морщинки вокруг его губ за последние недели сменились глубокими морщинами, которые возникают у большинства шахтеров от постоянного перенапряжения и усталости. Конечно, он, как и прежде, был рад видеть Лейни, но теперь ему было труднее смеяться и шутить вместе с ней. Однако дело было отчасти и в некоторой отчужденности, возникшей между ними, — былые доверительные отношения таяли с каждым днем, когда они не виделись. А эти дни накапливались, хотя для Лейни расстояние не было проблемой; дом Ламбертов находился в двух милях от центра города, и Баньши с Приятелем пробегали это расстояние за двадцать минут. Но после этого Илейн нужно было пройти мимо Нелли Ламберт, а это было суровым препятствием.

Иногда Нелли вообще не открывала, когда Илейн стучала в дверь тяжелой медной колотушкой. Роли и Тим, судя по всему, не слышали стука; звук доносился только до приемной, в лучшем случае до салона. В принципе, горничная или сама Нелли всегда должны были слышать, однако Илейн предполагала, что ее просто не хотят видеть. Да и в остальном Нелли находила тысячи причин для того, чтобы держать подальше «подругу» сына — слово «невеста» она не принимала, хотя Тимоти не делал тайны из своих намерений. «Тимоти спит», «Тимоти плохо себя чувствует», «Роли повез Тимоти гулять, и я понятия не имею, когда они вернутся» — каждый раз миссис Ламберт находила причину, чтобы не пустить в дом Илейн. Один раз она до смерти напугала девушку, заявив, что Тим лежит, у него ужасный кашель и он не может принять ее. После этого Илейн в панике бросилась обратно в город и поделилась бедой с Бертой Лерой.

Впрочем, той удалось развеять опасения Илейн.

— Боже мой, Лейни, ваш Тим заработает воспаление легких не раньше, чем вы или я. Конечно, он подвергся опасности, пока лежал в постели, но, судя по тому, что я слышала, сейчас он двигается больше, чем мы все, вместе взятые. Кроме того, мы узнаем все из первых рук: Кристоф сейчас у Ламбертов. Нелли тоже сводит его с ума. Будто бы Тиму больно кашлять и Кристоф, конечно же, должен посмотреть. Надеюсь, он не простудится сам, в такой-то дождь...

И действительно, на улице лило как из ведра, Илейн тоже насквозь промокла после бешеной скачки. Берта вытерла ей волосы и усадила к камину, а сама взялась заваривать чай. Несмотря на это, когда доктор Лерой вернулся, Илейн все еще дрожала.

— Я насчитаю этой даме двойной гонорар, Берта, скажу тебе по секрету! — ругался он, наливая себе в чай бренди. — Четыре мили в бурю из-за какой-то несчастной простуды!

— Но... — Илейн хотела что-то сказать, однако доктор Лерой лишь покачал головой.

— Да, мальчику больно кашлять, но все дело в том, что из-за недостатка тренировок мышцы еще не пришли в тонус. Когда я приехал, он как раз поднимал тяжести...

— Зачем же? — спросила Илейн. — Я думала, он хочет снова научиться ходить.

— А вы знаете, сколько весят одни только шины, которые он должен поднимать при каждом шаге? — Доктор Лерой налил себе еще чаю и плеснул бренди в чашку Илейн. — Серьезно, девушка, я никогда не видел, чтобы человек работал так тяжело и дисциплинированно, как Тимоти Ламберт. Уже даже я не сомневаюсь, что он поведет вас к алтарю на своих двоих. То, что он показал мне сегодня, несмотря на кашель и насморк, просто потрясло меня! Однако я все равно прописал ему постельный режим на два дня, чтобы он немного отдохнул от простуды и боли в мышцах. Но послушается ли он? Кроме того, я объявил ему, что завтра придете вы, проверите, как он слушается. Я сказал это в присутствии дракона, который именует себя его матерью, так что вряд ли она не откроет дверь!

Нелли Ламберт предпочла бы, чтобы Лейни приходила только по особым случаям или по личному приглашению Ламбертов. Примерно раз в две недели она принимала девушку и угощала ее чаем — ужасно натянутые мероприятия, которые Лейни ненавидела. В том числе и потому, что во время чаепития Ламберты, конечно же, принимались расспрашивать ее о детстве, якобы проведенном в Окленде, о родственниках и английских корнях, — Илейн все больше и больше запутывалась в собственной лжи, подробности которой постоянно забывала. Ей приходилось изворачиваться под недоброжелательными взглядами миссис Ламберт. При этом она всякий раз замечала веселые искорки в глазах Тима.

Тим видел ее насквозь, чувствовал ее ложь, и Илейн опасалась, что он расценивает это как недостаток доверия к нему. Она постоянно была готова

к тому, что он заговорит об этом, и очень нервничала и напрягалась, когда оставалась с ним наедине. Тим, в свою очередь, терпеть не мог сидеть напротив Лейни в инвалидном кресле или, хуже того, позволять ей отвозить себя куда-то. Тренировки с гантелями приносили очевидные плоды; он уже наловчился даже сдвигать с места свое кошмарное кресло на несколько метров. Но повороты или даже самые простые маневры были тяжелой работой. Кроме того, Тиму ужасно не нравилось представлять перед всеми калекой. Когда Илейн приходила в его личные комнаты, Роли обычно помогал ему сесть в нормальное кресло. Но стулья вокруг обеденного стола в салоне были неудобными, а кресла и диван — слишком низкими. Поэтому Тиму невольно приходилось соглашаться на инвалидное кресло, что заставляло его нервничать и напрягаться. Нормального общения при этом не получалось. Иногда после таких визитов разочарованная и беспомощная Илейн плакала, зарывшись в гриву Баньши или Приятеля, в то время как Тим, оставшись в своей комнате, вымещал ярость на гантелях или помощниках и начинал тренироваться еще ожесточеннее.

Поэтому оба с ужасом ждали праздничного рождественского ужина, на который миссис Ламберт торжественно пригласила девушку.

— Узкий круг, мисс Лейни. Надеюсь, у вас есть подходящий наряд...

Илейн тут же впала в панику, потому что, конечно же, вечерних платьев у нее не было. Кроме того, приглашение поступило очень поздно. Она уже не могла сшить что-то на заказ, даже если бы ей хватило на это денег.

Она в отчаянии примеряла одно платье за другим, пока наконец Шарлен не застала ее в слезах.

— Все будут коситься на меня, — причитала Илейн. — Нелли Ламберт хочет продемонстрировать всему миру, что я всего лишь работница паба и не умею себя вести. Это будет настоящий кошмар!

— Не сходи с ума, — утешала ее Шарлен. — Это ведь не приглашение на вечер, просто ланч. Кроме того, вряд ли туда сбежится весь свет. Например, меня не пригласили.

Илейн подняла голову.

— А почему они должны были...

— В качестве официальной невесты Мэтью Гавейна! — просияла Шарлен и гордо повертелась перед зеркалом. — Смотри внимательно, Лейни Кифер, перед тобой стоит почтенная молодая леди. С мадам Кларисс уже все обсудили: с сегодняшнего дня я хоть и продолжаю работать в пабе, но с мужчинами наверх больше не хожу! Боюсь, Мэтт что-то платит хозяйке, но я об этом и знать не хочу. Как бы там ни было, свадьба в

январе! Ну что, каков сюрприз?

Илейн забыла о своих тревогах и обняла подругу.

— А я думала, ты совсем не хочешь замуж, — поддразнила она девушку.

Шарлен пригладила свои темные волосы, которые завязала в непривычный для себя строгий узелок на затылке, как носила Берта Лерой.

— Я не хотела стать честной женщиной любой ценой. Но Мэтт — штейгер. Когда-нибудь он будет управлять рудником вместе с Тимом, об этом они уже говорили. Так что меня ждет не жалкая жизнь в лачуге с десятью детьми, цепляющимися за подол, а настоящие перемены. Подожди, Лейни, через пару лет мы обе будем возглавлять благотворительные базары в церкви! Кроме того, я люблю Мэтта — а это уже не одного человека заставило изменить свое мнение, верно, Лейни?

Илейн рассмеялась и покраснела.

— Но пока что старый Ламберт никак не смирится с моим видом, — продолжала Шарлен, изучая коллекцию платьев Илейн. — Поэтому Мэтт сейчас тоже в опале и его не пригласили. Тиму ужасно жаль... — Она усмехнулась. — Вот, надень это! — Она выудила светло-голубое летнее платье, которое мадам Кларисс заказала, когда Лейни стала работать у нее. — И мои новые украшения. Смотри, подарок Мэтта по случаю помолвки! — Шарлен гордо протянула ей шкатулку, в которой лежал филигранный серебряный браслет с камнями ляпис-лазури. — Хотя мне кажется, тебе скорее пошел бы аквамарин, но все вместе выглядит кошмарно занудным! Да и декольте великовато. Но ведь сейчас лето, так в чем дело-то!

Сердце едва не выпрыгивало у Илейн из груди, и она опустила глаза от стыда, когда 25 декабря протянула руку, здороваясь с мистером и миссис Ламберт, поэтому ее поцелуй Тиму, с несчастным видом сидевшему в своем инвалидном кресле, получился холодным и сдержанным. Ему уже сейчас было жарко в костюме-тройке, которого, судя по всему, требовал этикет, несмотря на знойную погоду. Кроме того, его мать настояла на том, чтобы прикрыть его ноги пледом в клеточку, — словно они были чем-то отвратительным, что нужно было обязательно скрыть от взоров гостей.

Илейн очень хотелось утешить Тима, каким-нибудь дружеским жестом показать ему, что он не один. Но она снова замерла, причем по-настоящему, когда увидела остальных гостей. Марвин и Нелли Ламберт пригласили Уэберов и Биллеров, поскольку обе семьи были очень дружны и этого нельзя было избежать. Впрочем, это не нравилось ни Марвину Ламберту,

ни Джошуа Биллеру. Оба уже немного выпили для храбрости, зная, что их жены проведут весь день, осторожно лавируя друг вокруг друга, чтобы из-за мелочи не получилось ссоры.

На их фоне Уэберы выглядели сдержанно и изысканно. Впрочем, жена и дочь удивленно смотрели на не совсем подходящее платье Илейн. Наконец они стали перешептываться с госпожой Биллер, что повлекло за собой новые неблагоприятные взгляды. Впрочем, об Илейн забыли, когда Калев Биллер решил устроить скандал. Миссис Ламберт предполагала, что он будет сидеть за столом рядом с Флёренс Уэбер, однако тот явился вместе со своей якобы невестой Курой-маро-тини Мартин.

Илейн едва не поперхнулась шампанским, которое ей как раз подала служанка.

— Просто молчи! — прошипела Кура, когда их формально представили друг другу и кузины обменялись неловким рукопожатием. — Если будешь настаивать, когда-нибудь я тебе все расскажу, но сегодня ты должна подыграть мне. Я и без того сижу на пороховой бочке!

Илейн сразу же поняла, кто собирается подпалить бикфордов шнур. Ледяной холод в отношениях между Курой и Флёренс Уэбер был очевиден, причем свою неприязнь Флёренс распространила и на Илейн. Поскольку обе девушки были пианистками в барах, она тут же решила, что они подруги, а подруга Куры, конечно же, считалась ее врагом. При этом ее нападки были для Илейн совершенно неожиданными. Она была близка к тому, чтобы снова спрятаться за волосами, покраснеть и впасть в прострацию, а потом увидела разозленное лицо Куры и вспомнила, что есть и другие стратегии.

— Значит, у вас тоже оперные амбиции, мисс Лейни? — слащавым голосом поинтересовалась Флёренс.

— Нет, — ответила Лейни.

— Но ведь вам тоже платят за то, что вы играете на пианино! А кроме того, «Лаки Хорс» разве не... как бы выразиться? Не «отель»?

— Да, — подтвердила Лейни.

— Я никогда еще не бывала в таком заведении. Но... — Флёренс бросила пристыженный взгляд на мать, словно для того, чтобы убедиться, что та не слушает. — Мне, конечно же, любопытно! Мужчины очень навязчивы? Конечно, я знаю, сами вы никогда... но...

— Нет, — заявила Лейни.

Кура посмотрела на нее через стол, и обе девушки едва сдержались, чтобы не рассмеяться. Невероятно, но Илейн почувствовала, что ее самая давняя противница вдруг стала кем-то вроде сообщницы.

Среди остальных гостей разговоры тоже велись не очень-то оживленно. Мистер Уэбер расспрашивал Марвина относительно восстановления рудника после несчастного случая — а когда ответил Тим, уставился на него так, словно удивился, что этот калека, сын Ламберта, вообще умеет говорить. Сам же Марвин Ламберт после нескольких бокалов виски, шампанского и вина был уже не в состоянии вести беседы, поэтому Нелли, миссис Биллер и миссис Уэбер взяли развлечение гостей на себя. Дамы делились своими идеями по поводу обстановки и английской мебели — и уставились на Калева как на чудовище, когда тот вмешался с самым невинным вопросом. Мужчине, знающему слово «обои», самое место в кунсткамере, так же как и горному инженеру — в инвалидной коляске. Илейн было жаль Тима, на лице которого отражались недовольство и усталость. А вот Кура посмеивалась над Калевом. Он производил впечатление наказанного ребенка.

И надо всем этим возвышалась Флёренс Уэбер, которая с одинаковым равнодушием болтала об абажурах, новой электротехнике, итальянской опере и эффективности вентилирования угольных шахт. Последнее, похоже, интересовало ее сильнее всего, но привело лишь к тому, что господу смущенно заулыбались, а дамы озадаченно замолчали.

— Мне нужно выбраться отсюда, — прошептал Тим, когда после обеда Лейни отвезла его в кабинет. В принципе, Нелли просила сделать это своего мужа, однако вряд ли мистер Ламберт справился бы с этим, не перевернув предметы обстановки. Тим бросил на Илейн такой настойчивый, почти умоляющий взгляд, что она быстро вскочила со стула. Перевернуться в таком кресле было очень больно и небезопасно. Всего лишь несколько недель назад доктору Лерою пришлось лечить Тима после того, как его мать ухитрилась перевернуть тяжелое и неустойчивое кресло вместе с сидящим в нем Тимом.

— И что же я должна сделать? — в отчаянии спросила Лейни. Ей с трудом удавалось катить кресло по толстым коврам в доме Ламбертов. — Мы могли бы сказать, что пойдём в сад, но мне в жизни не вывезти туда эту штуку! Куда же подевался Роли?

— У него сегодня выходной, — скрипя зубами, ответил Тим. — Рождество ведь. В принципе, утром он приходил и помогал мне, да и вечером тоже зайдет. Мальчик просто золото, но у него семья...

Последние слова Тим произнес с таким видом, словно считал семью столь же необходимой, как, например, зубную боль. А потом замолчал, поскольку к ним с Лейни подошел Калев Биллер.

— Может быть, помочь вам, мисс Лейни? — приветливо

поинтересовался молодой человек без малейших признаков смущения. — Прогулку в саду я считаю весьма полезной для пищеварения. Если вы не возражаете, Тим...

Калев ухватился за ручки инвалидного кресла, словно это было совершенно нормально, и вывез Тима, который очень даже возражал, из душных комнат в ужасающе жаркий летний день. Илейн же сочла Калева весьма заботливым. Он осторожно провез кресло по ступенькам, а потом старался объезжать все неровности на садовой дорожке.

Кура шла за мужчинами, нервно оглядываясь через плечо.

— Сбежали, — наконец произнесла она. — Нам успешно удалось уйти от Флёренс Уэбер. Вероятно, лишь на пару минут, но нужно быть благодарными даже за такую мелочь. — Она отбросила назад свои роскошные черные волосы, которые намеренно носила распущенными. Декольте у Куры тоже было чересчур вызывающим, а темно-красное платье скроено слишком откровенно, чтобы его носила настоящая леди. Но выглядела она сногшибательно.

— Зато теперь я знаю, зачем она все это делает, — продолжала Кура, идя рядом с Лейни, словно так и нужно было. — Я недели напролет задавалась вопросом, что она нашла в Калеве. Она ведь должна понимать, что совершенно безразлична ему. Но она хочет получить его рудник — любой ценой! Вероятно, она готова отдать свою жизнь за то, чтобы унаследовать рудник отца, но она ведь «всего лишь девушка». А Калев стал бы воском в ее руках. Если она потащит его к алтарю, то получит рудник Биллера. Конечно, Тим Ламберт тоже подойдет ей. Так что лучше не оставляй Тима наедине с ней!

Совет Куры показался Лейни слишком странным, но удивительное дело — она рассмеялась, вместо того чтобы обидеться и вспомнить об Уильяме.

— Да ты настоящий психолог, — колко заметила она и с удивлением обнаружила, что Кура смутилась. Кажется, в глазах ее даже сверкнули слезы.

Илейн решила как-нибудь поговорить с ней. До сих пор она считала, что Кура бросила Уильяма. Может, все как раз было наоборот?

День уже клонился к вечеру, когда гости наконец разошлись. После этого Нелли Ламберт сразу же приступила к обязанностям домохозяйки и стала наблюдать за уборкой дома. Взяв в руку последний бокал, Марвин удалился в кабинет.

Илейн не знала, что ей делать. С одной стороны, от нее наверняка

ждут, что она тоже попросится. С другой, Тим выглядел таким измученным и усталым в своем кресле, что она не могла заставить себя покинуть его. Чуть раньше, в саду, он взволнованно беседовал с Калевом по поводу рудника Ламберта, но за последние полчаса не сказал ни слова, как будто ему требовалась вся сила, чтобы вообще сидеть. Впрочем, Ламберт, Биллер и Уэбер не обращали на него никакого внимания. Они даже не предложили ему бокал виски или сигару, к которым тем временем успели перейти. Зато его обслуживала Флёренс, последовавшая в кабинет за мужчинами. Судя по всему, ей надоело болтать о шторах и обстановке ванной. Было очевидно, что разговоры на узкоспециальные темы и продажи угля интересовали ее гораздо больше.

Илейн ревниво заглянула в кабинет через приоткрытую дверь и заметила, что Флёренс перекинулась с Тимом парой слов — вероятно, потому что остальные члены компании были поглощены беседой. Однако Тим думал о чем-то своем. Лейни с тревогой отметила, что его руки беспокойно хватались за подлокотники кресла. Он то и дело пытался сесть как-то иначе, откидывался на мягкие подушки, чтобы потом скривиться от боли, если это не получалось. Сейчас Тим сидел у окна и с посеревшим лицом смотрел в парк. Похоже, он отчаянно дожидался, когда же наконец зайдет солнце.

Илейн придвинула к нему стул и нежно провела пальцами по его руке.

— Тим...

Он отнял у нее руку, чтобы расстегнуть пиджак.

— Ты позволишь? — вежливо спросил он.

Илейн встала, чтобы помочь ему, но он недовольно отстранился.

— Оставь, руки у меня здоровые...

Огорченная, девушка отошла в сторону и попыталась завести разговор, в то время как он, измученный жарой, неловко возился с каждой пуговицей.

— Калев Биллер очень мил...

Тим взял себя в руки и кивнул.

— Да, но обе его женщины не для него. — Он с трудом улыбнулся. — Извини, Лейни. Я не хотел набрасываться на тебя. Но мне нехорошо.

Илейн мягко погладила его по плечу и быстро расстегнула пуговицы на его жилетке. При этом она возблагодарила небо за легкое летнее платье — официальный наряд в такую погоду стал бы сущей пыткой. Впрочем, остальные мужчины могли хотя бы снять пиджаки после обеда. Тиму для этого потребовалась помощь, но он предпочел бы умереть, чем кого-то попросить об этом.

— Это был долгий день. И люди были ужасны, — негромко

произнесла она. — Я могу что-нибудь сделать для тебя?

— Может быть, ты могла бы... ты могла бы съездить к О'Брайенам и попросить Роли прийти пораньше? Я... — Тим снова попытался изменить положение, но совладать с подушками не сумел.

— Может, я помогу? — спросила Лейни и покраснела. Только бы Тим не подумал, что она хочет раздеть его и отвезти в постель! Но пусть он позволит хотя бы помочь ему выбраться из этого проклятого кресла! — Конечно, поднять тебя мне вряд ли удастся, но...

Тим улыбнулся, и впервые за этот день она увидела в его взгляде радость, даже немного похожую на ликование.

— О, тебе совсем не нужно поднимать меня! Я и сам справлюсь, вот только встать из этой штуки трудно. И, в первую очередь, я не вижу возможности добраться до своей комнаты.

Перекатить туда кресло действительно оказалось труднее всего. Впрочем, когда они выехали из салона, устланного толстыми коврами, стало гораздо легче. Раньше Тим жил на верхнем этаже, где находилась и спальня его родителей. Теперь же для него обустроили комнату на первом этаже, которая служила для посыльных и располагалась между кухней и конюшнями. Нелли, конечно же, рыдала по этому поводу, однако Тим не видел ничего страшного в том, что иногда от него пахло сеном. Илейн провезла кресло через маленькую гостиную, где он чаще всего и принимал ее, когда она навещала его.

— Ты не сможешь мне перебраться на диван? — сдавленным голосом спросил он.

Илейн кивнула.

— Что нужно делать? — поинтересовалась она, освобождая Тима от ненавистного плета. — Да на тебе же шины! — удивленно заметила она. Она впервые увидела стальные каркасы на ногах Тима и тут же поняла, зачем так необходимы тренировки с гантелями. — Тебе разве удобно?

Тим измученно улыбнулся.

— Я хотел, чтобы у меня была возможность сбежать. Хотя, к сожалению, не принял в расчет свою мать...

Он указал на костыли, стоявшие прислоненными к стене его комнаты.

— Если ты мне их подашь...

Тим взял костыли под мышки и попытался подняться с кресла, но правый костыль соскользнул, и он, ища опору, ухватился за руку Илейн. Девушка обняла его обеими руками и помогла встать на ноги. И вот он стоит перед ней впервые за год, но все равно гораздо выше Илейн. Она поддерживала его, и он вдруг обнял ее.

— Тим, ты ведь можешь стоять! Это чудо! — Илейн смотрела на него и сияла. У нее не было времени волноваться из-за того, что ее обнимает мужчина. Было просто здорово оттого, что Тим снова рядом, что он улыбается, как тогда, после скачек.

Тим чувствовал ее в своих объятиях и ничего не мог с собой поделать. Он наклонился к ней и поцеловал. Сначала мягко, в лоб, а потом, осмелев, в губы. А потом случилось настоящее чудо. Илейн приоткрыла губы навстречу ему. Совершенно спокойно она позволила ему поцеловать себя, словно это было самой естественной вещью на свете, и даже робко ответила на поцелуй.

— Это было чудесно, — хриплым голосом произнес Тим. — Лейни...

Он поцеловал ее еще раз, прежде чем она подала ему костыли. После чего он продемонстрировал ей, что без труда может сделать два шага до дивана.

— Мой личный рекорд — одиннадцать! — улыбаясь, произнес он и со вздохом опустился на диван. — Но от одного конца церкви до другого целых двадцать восемь. Роли измерил специально для меня. Так что мне нужно еще немного потренироваться.

— Мне тоже, — прошептала Илейн. — Я имею в виду, целоваться. И я не против начать сразу же...

Глава 10

Когда Роли О'Брайен на следующий день пришел на работу, Тима разрывало на части от жажды деятельности.

— Сегодня мы начнем с обычных упражнений, — заявил он озадаченному парню, который, в принципе, рассчитывал на спокойное утро. Вчера Тимоти выглядел хоть и довольным, но совершенно обессиленным. Роли считал, что ему нужно отдохнуть. — А потом, около полудня, ты заберешь Приятеля у мисс Лейни.

— Э-э... коня, мистер Тим? — В голосе Роли сквозила неуверенность. Лошадей паренек боялся; ребенок шахтера, он никогда не имел дела с животными, которые были крупнее козы или курицы.

— Вот именно. Моего коня. Думаю, Лейни будет тяжело с ним расставаться, но ничего не поделаешь. Постепенно ходьба начинает казаться мне слишком медленным способом передвижения. С сегодняшнего дня мы будем пробовать ездить верхом!

— Но...

— Никаких «но», Роли! Приятель ничего тебе не сделает, он очень послушный мальчик. Мне обязательно необходимо найти возможность выбраться отсюда. Я хочу, чтобы Лейни была со мной, чтобы мы могли что-то делать вместе. Я хочу бывать с ней наедине! — Тим нетерпеливо сел; он никак не мог дождаться, чтобы Роли наконец помог ему выбраться из постели.

— Может быть, для начала попробуйте с каретой? — опасливо поинтересовался Роли.

Тим покачал головой.

— Тогда можно сразу просить ее, чтобы она возила меня на прогулку в инвалидном кресле! Нет, не спорь. Я хочу прокатиться с леди верхом, как настоящий джентльмен. Я больше не хочу ждать, пока она придет ко мне или пока моя мать пустит ее в дом.

Роли покорно вздохнул. Он считал Лейни весьма привлекательной, но то, что ради нее Тим прилагал такие усилия, понять не мог. Раз уж его хозяин просто взял и разрешил ходить в свой дом девушке из заведения мадам Кларисс... Об этом Роли только мечтал. Но, скорее всего, пройдет не один год, прежде чем он соберет достаточно денег. Возможно, выгоднее будет поухаживать за Мэри Флаэрти...

Лейни покачала головой, когда Роли забирал у нее Приятеля.

— Это безумие, ведь Тим практически не может сидеть, если ни к чему не прислоняется, — заметила она.

Роли пожал плечами.

— Я просто делаю то, что он говорит, мисс Лейни, — принялся оправдываться он. — Если хочет ездить верхом, пусть ездит.

Больше всего Лейни хотелось присоединиться к мальчику, чтобы предотвратить опасные попытки покататься верхом. Но прекрасно представляла себе реакцию Тима. Поэтому ей оставалось только переживать за него.

И она была права. Первая попытка Тима сесть в седло закончилась ужасно. Трудно оказалось даже подняться на импровизированную платформу, которую Роли соорудил для него из досок и тюков соломы. И пока Тим пытался ухватиться за седло, озадаченный конь сделал несколько шагов в сторону, и он упал на шею Приятеля, застонав от боли. Он никогда еще не нагружал так сильно едва зажившее бедро, и внезапно натянувшиеся мышцы и сухожилия возмутились.

— Помочь вам спуститься, мистер Тим? — Роли почти так же сильно боялся приближаться к лошади, как и того, что его хозяин упадет и снова что-нибудь себе сломает.

— Нет, я... еще пару минут... — Застонав, Тим попытался сесть в седло, однако это оказалось безнадежной затеей. Наконец он уступил просьбам Роли и даже не сопротивлялся, когда тот сразу же заставил его лечь и отдохнуть. Впрочем, вскоре после этого он снова сел и потянулся к карандашу и бумаге

Когда Роли вернулся из конюшни, где, мучаясь от смертельного страха, освобождал Приятеля от седла и уздечки, Тим протянул ему эскиз.

— Вот, отнесешь это сегодня же к Эрнесту Гасту, ну, ты знаешь, шорнику. Спроси его, может ли он изготовить такое седло. Причем как можно скорее. Ах да, и пусть Джей Хэнкинс посмотрит, сумеет ли он сделать такие стремяна.

Роли со скептическим видом посмотрел на рисунок.

— Выглядит странно, мистер Тим. Я такого седла никогда еще не видел.

Седло на картинке больше напоминало по форме кресло, нежели обычное седло. Высокие передняя и задняя луки служили для того, чтобы поддерживать всадника и крепко держать его в седле. Зато почти не было войлочных пуков. Поэтому ноги Тима, поддерживаемые широкими стремянами, могли свисать вдоль седла.

— А я видел, — заметил Тим. — В Южной Европе подобные седла практически стандартны. В средние века тоже существовали такие модели. Рыцари, видишь ли, использовали их во время турниров.

Роли никогда еще не слышал о рыцарских поединках, но послушно кивнул.

На следующий день Тим не мог дождаться, когда Роли вернется и расскажет, как отреагировал Эрни.

— Мистер Эрнест считает, что он может сделать такое, но это плохая идея. Эта штука будет держать вас крепко, как тиски, так он сказал, почти как дамское седло. И если ваша лошадь вдруг упадет и вы не сможете выбраться, то вашему позвоночнику конец. — Он указал на спинку седла.

Тим вздохнул.

— Прекрасно, значит, скажи ему, что, во-первых, Приятель не спотыкается, а во-вторых, все английские леди ездят в дамском седле. Однако аристократические семьи почему-то не вымерли. Так что риск не может быть настолько высок. А что касается сломанного позвоночника, то два врача заверили меня в том, что в этом случае человеку хотя бы не больно. А сегодня мне это кажется вполне достойной целью...

После первой попытки покататься верхом бедро у Тима болело невыносимо, но во второй половине дня он тем не менее заставил Роли снова отправиться в конюшню и повторить процедуру. Хорошо хоть, что сегодня Приятель сохранил спокойствие и послушно подошел к платформе.

Специальное седло чудес не сотворило, однако упрямство Тима в конце концов победило боль и неповоротливость его тела. Спустя шесть недель после первой попытки сесть в седло он гордо вывел Приятеля во двор — хотя ему все еще было больно; даже думать было невозможно о том, чтобы идти быстрее, чем шагом. Но хотя бы не лежа и в относительной безопасности.

Ощущение от поездки по городу верхом на скакуне стоило всех его трудов. Хоть во второй половине дня людей на дорогах было мало, но все, кто знал Тима, улыбались и махали ему руками. Миссис Тэннер и миссис Кэри перекрестились, а Берта Лерой осудила его за «легкомыслие», несмотря на то что глаза ее радостно сверкали.

— А теперь, кажется, пора сказать принцессе, что приехал ее рыцарь, — заявила она. — Потому что спешиться, судя по всему, не получится...

И с этим Тим вынужден был согласиться. Сидя верхом, он мог отказаться от шин; поэтому для того, чтобы сесть в седло или спешиться, ему нужен был Роли, который помогал ему надеть и снять шины.

Впрочем, Илейн как раз выходила из отеля на улицу, когда Тим развернул своего коня от маленького госпиталя и направился к пабу. Известие о его приключении распространилось быстрее, чем Приятель мог нести его.

Илейн в недоумении уставилась на молодого человека. Он не мог наклониться и поцеловать ее, но она взяла его руки в свои и прижалась к его здоровому бедру.

— Ты безнадежен, — пожурила она его. — Как ты мог...

Тим рассмеялся.

— Ты помнишь? Если нельзя ездить верхом, значит, ты умер. Поэтому хочу спросить: позволит ли моя чрезвычайно живая и прекрасная леди пригласить ее покататься?

Лейни поднесла его руку к своей щеке и робко поцеловала ее.

— Тогда я пойду за Баньши! — с улыбкой ответила она. — Но ты смотри, не смей меня совращать, поскольку я буду без компаньонки!

Тим поглядел на нее с нарочитой серьезностью.

— Ты не хочешь взять с собой компаньонку? Это неприлично. Давай-ка спросим Флёренс Уэбер! Она наверняка согласится.

Илейн беззаботно расхохоталась. Она даже не стала утруждаться и седлать Баньши, вместо этого просто вскочила на спину лошади с помощью подставки возле отеля мадам Кларисс. Собравшиеся на улице люди радостно зааплодировали.

Илейн помахала им рукой, направляя Баньши по Мейн-стрит. Всего лишь год назад она боялась проехать с Тимоти Ламбертом от церкви до поселения. Теперь же она наслаждалась тем, что спокойно едет верхом на Баньши рядом с темноволосым молодым человеком, который сияет от счастья, совсем как тогда, после скачек. Она протянула ему руку, когда они выехали из городка, и улыбнулась ему. Все как в сказке. Принцесса и ее рыцарь.

— Я и не знала, что ты настолько романтичен, — игриво произнесла Илейн. — В следующий раз поедем вдоль реки и устроим пикник.

Тим скривился.

— Боюсь, мне придется есть в седле, — ответил он.

Только теперь Илейн осознала его положение и покраснела.

— Я что-нибудь придумаю, — пообещала она, когда они расставались перед домом Ламбертов. — В следующее воскресенье!

В воскресенье у нее был единственный выходной в пабе и никаких обязательств с тех пор, как она безропотно уступила Куре должность органистки в церкви. Впервые за последнее время Илейн вспомнила об

этом спокойно. Пусть Кура играет на органе, а Илейн лучше займется чем-нибудь с мужчиной, которого любит. Внезапно она почувствовала себя совершенно свободной и пылкой. Она направила Баньши ближе к Приятелю и поцеловала Тима, долго и нежно, как они делали это на Рождество.

Тим радовался доверию Лейни, но облегченно вздохнул, когда она отклонила его приглашение зайти к нему на чай. Так она не увидит, с каким трудом он выбирается из седла. Чтобы спешиться, ему приходилось пройти через довольно унижительную процедуру. Впрочем, Тим уже придумал, как решить эту проблему. Джей Хэнкинс разрабатывал для него специальную подставку, с помощью которой Тим смог бы садиться на коня и спешиваться с меньшими трудностями.

Илейн считала, что Тиму еще рано ездить верхом, но при этом она понимала, что его идея была достаточно здоровой. Им необходима была возможность видаться вне стен дома Ламбертов; флюиды Нелли казались заразными.

Для их воскресного приключения она взяла напрокат одноколку, легкую двухколесную повозку. И хотя ее вряд ли можно было считать идеальной, поскольку она почти не пружинила, зато была низкой и Тим должен был без особой помощи сесть в нее, а потом выбраться. Кроме того, там можно было удобно разместиться рядышком, потому что между козлами и пассажирским сиденьем не было перегородки, как в обычных каретах.

Тим уважительно улыбнулся, когда она остановила повозку перед его домом.

— Одноколка! Знала бы мама! — Он рассмеялся, пытаясь увернуться от Келли, которая, предвкушая приключение, довольно прыгала рядом с ним. До недавнего времени Тим еще зашатался бы, однако он уже довольно хорошо научился управляться с костылями. — И как кстати, что мать по-прежнему отказывается от того, чтобы я сопровождал ее в церковь! — Раньше его это скорее обижало. В принципе, Тим мог пережить неделю без благословения преподобного отца, однако он злился от мысли, что его лишают самых простых вещей только потому, что Нелли считала, будто ее сын еще чересчур слаб.

— Да, из-за похода в церковь я не смогла, к сожалению, взять с собой Флёрэнс Уэбер! — захихикала Илейн. — А ведь каждый христианин должен заботиться о своем ближнем. Однако Господь простит ей этот грех, в этом я уверена так же, как он закрывает глаза на прегрешения некой Кура-

маро-тини Мартин...

Тим не отказался бы узнать, чем провинилась Кура, по мнению Лейни, но удержался от вопроса. Он не сомневался в том, что девушка проговорилась. Если начать расспрашивать ее, возможно, она вовсе закроется.

— Нам в любом случае стоит сходить на исповедь, поскольку я украл вот это, — улыбнувшись, сказал он. — Возьми у меня сумку, но осторожнее. В ней лучшее вино моего отца.

Лейни вспомнилось мимоходом, как когда-то она опустошала отцовские запасы для приключений с Уильямом. Однако сейчас об этом пора забыть.

— У меня тоже есть, и мое даже куплено. Впрочем, оно не очень дорогое, — призналась она. — Наверное, оно ужасно.

Тим рассмеялся.

— Тогда помолимся о душе винодела.

Баньши послушно стояла, пока Тим устраивался на сиденье повозки. Все действительно складывалось хорошо, и Лейни гордилась своей идеей, когда он, счастливый, сел рядом с ней.

— Куда ты собираешься везти меня? — поинтересовался Тим, когда повозка тронулась с места. Он пытался расслабиться, но слегка подрессоренная одноколка была лишь немногим удобнее седла для Приятеля.

— К реке, чуть выше вашего рудника. Недалеко, и дорога не так уж плоха. Я совершенно случайно нашла чудесное местечко...

На самом же деле она искала его целую неделю, но уединенный уголок в стороне от поворота основной дороги, соединявшей рудник и железную линию, был действительно идеален. Илейн добралась туда за несколько минут и помогла Тиму сойти с повозки еще на дороге.

— Я могу подъехать прямо к полянке, но там будет трясти. Поэтому я подумала, что лучше я приведу Баньши и повозку отдельно. До реки дойдем пешком. По прямой между деревьями здесь ровно одиннадцать шагов.

Тим рассмеялся ее предупредительности, но на самом деле ему уже удавалось проделать без особого труда шагов пятнадцать-двадцать. Впрочем, здесь было довольно тяжело идти, и он с трудом пробирался сквозь подлесок на костылях. Само же место для пикника показалось ему восхитительным. Крохотный пляж у реки, перед ним — папоротниковый лес и поросшая травой опушка. Высоченные папоротники свешивали огромные листья к воде и полянке, словно ивы. Их причудливые тени

плясали на траве и берегу реки, когда легкий ветерок покачивал гигантские растения.

— Это чудесно! — благоговейно произнес Тим.

Лейни кивнула и стала деловито расправлять покрывало.

— Вот... садись и подожди, я приведу Баньши и повозку. Не нужно видеть их всякому, кто будет ехать по дороге.

Впрочем, в воскресенье таких людей не должно было быть много, однако Лейни хотела быть уверенной, что им никто не помешает. В принципе, Кура вряд ли додумается до такого, но Флёренс Уэбер вполне могла заманить Калева Биллера на пикник у реки. А Шарлен обожала подобные вылазки вместе с Мэттом.

Тим покраснел.

— Не знаю, смогу ли я подняться без посторонней помощи, если...

— Ты можешь опереться на вон тот камень. Я все спланировала, Тим. А в самом худшем случае тебя поднимет Баньши. Когда-то дедушка рассказывал мне, как лошадь вытащила его из трясины. Он просто держался за хвост, и лошадь выбралась. С Баньши я тоже пробовала, когда объезжала ее. Да, я знаю, что ребячлива... — Девушка пристыженно улыбнулась.

Впрочем, Тим не думал о том, глупо ли это, скорее его озадачил любивший приключения дедушка. Строитель из Окленда при случае, конечно, мог провалиться в трясины, но у него наверняка не было лошади, которая вытащила бы его...

Однако молодой человек не стал говорить об этом, он просто опустил на покрывало и тут же почувствовал себя лучше. Отстегнул шины и почесал Келли за ухом, в то время как Лейни привела пони на поляну и с присущей ей сноровкой распрягла ее.

— Баньши очень сильно злится на тебя, потому что ты увел у нее Приятеля, — заметила Илейн, тоже садясь на покрывало и ставя между ними корзинку для пикника. — Она чувствует себя одинокой, ей так грустно в стойле у мадам Кларисс.

— Скоро она получит его обратно. Когда мы поженимся, ты переедешь к нам и заберешь ее с собой, — произнес Тим.

Илейн вздохнула.

— Может быть, лучше ты переедешь к мадам Кларисс? — Идея делить дом с Нелли Ламберт пугала ее так же, как и брак сам по себе.

Тим рассмеялся и взял ее лицо в ладони.

— Нет, это все же было бы немного неприлично. — Он поцеловал ее. — Но я вполне могу себе представить наш собственный маленький

домик. Может быть, чуть ближе к руднику. Иначе мне будет слишком далеко ходить туда, когда я снова стану работать. Правда, отец пока и слышать не хочет об этом... Ах, давай лучше поговорим о чем-нибудь хорошем! Что сначала — дешевое вино или украденное?

Они перекусили, запив еду дешевым вином; затем Тим настоял на том, чтобы открыть бутылку хорошего вина. Стаканы для виски, которые Илейн взяла из паба, не совсем подходили для такого изысканного напитка, но это показалось обоим просто смешным. Наконец они легли рядом на траву и стали с упоением целоваться.

Опершись на локоть, Илейн нежно погладила грудь Тима.

— У тебя такие чудесные мускулы...

Тим скривился.

— Я же постоянно занимаюсь с гантелями. — Он указал рукой на шины.

Илейн наблюдала за игрой мышц под его легкой шелковой рубашкой. Однако в тот миг, когда он повернулся к ней, чтобы притянуть к себе, перед глазами у нее вдруг встали сильные руки Томаса, сплошь состоявшие из мускулов, по которым она иногда беспомощно колотила кулачками или впивалась в них ногтями, пытаясь приглушить боль. А Томас только смеялся...

Тим заметил, как вспыхнули ее глаза, а потом в них появился уже знакомый ему страх перед его прикосновениями.

Молодой человек вздохнул и оперся на камень, чтобы сесть немного удобнее.

— Лейни, — терпеливо произнес он. — Я не знаю, что за зло причинил тебе какой-то мужчина. Но я совершенно не собираюсь делать тебе больно. Ты знаешь, я люблю тебя. Кроме того, я довольно-таки беспомощен. Если ты мне не поможешь пристегнуть те штуки, я и встать-то не смогу. Даже если очень захочу, я ничего не смогу тебе сделать. Ты не можешь хоть раз положиться на это, прежде чем подозревать меня во всем дурном?

— Я ведь ничего такого не думаю, — покраснев, пробормотала Илейн. — Просто так получается. Я знаю, что это глупо. — И она прижалась лицом к его плечу.

Тим погладил ее.

— Ты не глупая. Просто когда-то с тобой случилось что-то ужасное. Не отрицай, другого объяснения быть не может. Ведь ты тоже любишь меня, Лейни. Или нет?

Лейни подняла голову и посмотрела ему в глаза.

— Я очень люблю тебя. Мне так кажется...

Тим улыбнулся и мягко уложил ее на спину. Потом поцеловал лицо, губы, шею, декольте. Осторожно расстегнул блузку и стал ласкать грудь. Илейн тут же напряглась, но в следующее мгновение осознала, что он не причиняет ей боли, лишь нежно целует, шепча при этом ласковые слова.

Илейн пришлось помочь ему расстегнуть корсет, и оба робко рассмеялись. Потом она лежала, и дыхание ее сбилось, когда он водил пальцами по ее телу. Тим говорил ей, как она красива и нежна, гладил и целовал ее, пока по телу не прокатилась теплая волна — ощущение, о существовании которого она уже почти забыла. Илейн снова почувствовала, что внутри становится влажно, и слегка отстранилась. Тим заметил это и убрал руки.

— Можно не продолжать, — хрипло прошептал он. — Мы... можем подождать до первой брачной ночи.

— Нет! — Илейн едва не закричала. Снова лежать в постели в новой ночной сорочке и ждать мужчину? Дрожать из-за того, что он может с ней сделать? Быть беспомощной перед ним? При одной мысли об этом девушка судорожно сжалась.

— Что нет? — с любовью переспросил Тим и снова начал мягко поглаживать ее.

— Никакой первой брачной ночи! — вырвалось у Лейни. — Я хочу сказать... такой. Лучше сейчас...

Тим поцеловал ее.

— Ты так говоришь, как будто я собираюсь удалить тебе зуб, — мягко пошутил он. — Ты еще девственница, Лейни?

Это представлялось ему маловероятным, хотя она была более робкой, чем другие девушки, которых он любил. Все остальные были пугливы, но им было интересно. А у Лейни был только страх.

Она покачала головой.

Тим снова поцеловал ее, продолжая гладить и ласкать грудь, живот, бедра, наконец взлохматил кучерявые рыжие волосы у нее между ног. Лейни не шевелилась, но уже и не сжималась полностью. Тим продолжал возбуждать ее нежными ласками пальцев и поцелуями. И только когда она задрожала и тело ее расслабилось, он медленно вошел в нее, сначала остановился внутри нее, затем стал двигаться осторожно, нежно, до тех пор, пока уже не было сил сдерживаться, и после сильного взрыва страсти и желания обессиленно опустился рядом с ней.

Илейн услышала его тяжелое дыхание и испуганно погладила его по спине.

— Что с тобой? Тебе больно?

Тим рассмеялся.

— Нет, Лейни, сегодня мне не больно. Сегодня я просто счастлив. Это было чудесно. А что чувствовала ты?

— Мне было совсем не больно, — серьезно ответила Лейни. Голос ее звучал удивленно и даже недоверчиво.

Тим притянул ее к себе, погладил по голове.

— Лейни, это не должно быть больно. Может быть, совсем чуть-чуть в первый раз, а потом это должно быть приятно... и тебе, и мне... словно все чудесное, что когда-либо происходило с тобой, вдруг обрушивается на тебя... будто вот-вот взорвется фейерверк.

Илейн наморщила лоб. Фейерверк? Что ж, у нее было что-то вроде мурашек...

— Может быть, нужно просто потренироваться.

Тим рассмеялся.

— Нужно. Без шуток, это почти искусство. Тебе необходимо расслабиться, немножко больше довериться мне. Ты не должна бояться.

Он обнял ее и принялся покачивать, снова восстанавливая дыхание, успокаивая бьющееся сердце. И Лейни действительно расслабилась, доверилась ему. Он подумал, не попытаться ли возбудить ее еще раз, но решил ступить на еще более тонкий лед.

— Ты ничего не хочешь рассказать мне, Лейни?

Тело обессиленной девушки, лежавшее у него на руках, напряглось.

— Рассказать что? — едва дыша, спросила она.

Тим продолжал гладить ее.

— Что с тобой стряслось, Лейни. Кто так страшно напугал тебя... и что за груз ты носишь в себе? Я никому не скажу. Обещаю. Но когда-нибудь тебе придется кому-то довериться, пока это не съело тебя целиком.

Лейни слегка отстранилась от него, но не совсем. Судя по всему, то, что она собиралась сказать, было настолько важно, что об этом нельзя было говорить мимоходом, обнимаясь на солнышке. Тим понял серьезность ситуации и тоже приподнялся. Он готов был к тому, что она сядет напротив, но девушка вновь прикинула к его плечу и старалась не смотреть на него. Теперь в позе Илейн не было ни расслабленности, ни только что проявившегося с ее стороны доверия — в ней читалась скорее обреченность.

Лейни глубоко вздохнула.

— Я не Лейни Кифер из Окленда, а Илейн О'Киф из Квинстауна, штат Отаго. Я была замужем за Томасом Сайдблоссомом с Лайонел-Стейшн. И я

застрелила своего мужа.

Голоса духов

Греймут, Отаго, Бленем, Крайстчерч

1898 г.

Глава 1

— Но ведь это была самозащита! Никто не будет тебя обвинять! — Тим Ламберт спокойно выслушал историю Лейни — без малейшего намека на презрение или ужас по поводу того, что она сделала.

Он осушал ее слезы, гладил, утешая девушку, когда она, дрожа всем телом, рассказывала о своих самых страшных переживаниях. Наконец она, усталая и опустошенная, легла, прикинувшись к нему, обхватив его одной рукой, а другой прижав к себе Келли. Собачонка сразу же заскулила и пришла к ней, как только Илейн начала рассказывать свою историю.

— Это была не самозащита, — возразила Лейни. — По закону это не так. В тот день Томас просто говорил со мной, он даже не прикоснулся ко мне. Когда я выстрелила, он стоял по меньшей мере в двух метрах от меня. Это можно проверить, Тим. Ни один судья не отпустит меня с этим!

— Но ведь он раньше постоянно угрожал и мучил тебя! И ты знала, что он сделает это снова! Неужели нет никого, кто мог бы подтвердить? Никого, кто знал бы об этом?

Тим накрыл себя и Лейни одеялом. Стало прохладнее, в начале осени полуденное солнце грело недолго.

— Две девушки-маори... — Илейн ответила очень быстро, поскольку мысленно тысячи раз прокручивала этот разговор. — Одна из них почти не говорит по-английски и находится у Сайдблоссом на положении рабыни, потому что ее племя попало на угоне его скота. Великолепные свидетельницы. Разве она осмелится заговорить? И двое конюших могут подтвердить, что мой муж запретил мне кататься верхом в одиночестве. Вряд ли это может служить причиной для того, чтобы стрелять в него.

— Но это было ограничение свободы! — упрямылся Тим, не собираясь сдаваться так легко. — Этот парень практически запер тебя на ферме. Никто не может упрекать тебя, что ты пыталась освободиться и при этом... что ж, кто-то мог пострадать.

— Мне пришлось бы опять доказывать это, что весьма затруднительно без свидетелей. А Зои и Джон Сайдблоссом не подтвердят мои слова. Кроме того, меня ведь не похищали. Я была законной женой Томаса. Возможно, закон не запрещает запиравать жену в четырех стенах... — Судя по мрачному выражению лица Илейн, она как раз обдумывала свое обещание выйти замуж за Тима.

— А этот Пэдди? Возница твоего отца? Он же видел, как обращался с

тобой Сайдблоссом.

Тим мысленно прокручивал в голове историю Илейн. Не может быть, чтобы Илейн была совершенно беспомощна.

— Нет, он не видел, как Томас бил меня. Да и вообще... В тот миг, когда я выстрелила, непосредственной опасности для меня не было. Конечно, потом Томас убил бы меня. Но ведь такого понятия, как «профилактическая самозащита», не существует. Не трудись, Тим. Я размышляла об этом многие ночи напролет. Если я сдамся и судья поверит хотя бы в часть этой истории, то, возможно, я не закончу свои дни на виселице. Но гарантированно проведу остаток своей жизни в тюрьме, а меня туда что-то не тянет.

Тим вздохнул и попытался перенести ноги в другое положение, не потревожив при этом Илейн. Постепенно на полянке начинало становиться неуютно. Лейни тоже это заметила. Она быстро поцеловала Тима, высвободилась из его объятий и начала собирать вещи, которые брала для пикника.

Тим размышлял, поделиться ли с ней своими мыслями. Илейн наверняка испугается. Но потом все же сделал это.

— Если мы будем продолжать держать твою историю в секрете, у нас возникнут трудности в совместной жизни. — Тим говорил спокойным голосом, но, конечно же, вызвал у девушки бурю эмоций.

Илейн резко развернулась. Лицо ее скривилось, и она так посмотрела на Тима, будто собиралась швырнуть в него пустую бутылку из-под вина, которую держала в руках.

— Ты не обязан на мне жениться! — крикнула она. — Может, и хорошо, что мы выяснили это сейчас...

Тим пригнулся, делая рукой извиняющийся жест.

— Эй! Не нужно сразу на меня кричать! Конечно же, я хочу на тебе жениться. Больше всего на свете! Я всего лишь хотел сказать, что здесь ты никогда не будешь в полной безопасности. Может быть, ты сумеешь спрятаться от мира, оставшись пианисткой в баре, но не став миссис Тимоти Ламберт. Мы предприниматели, Лейни, мы открыты миру. В газетах часто пишут о руднике Ламберта. Тебе придется заниматься благотворительностью. И с каждым появлением на публике будет возрастать риск того, что тебя обнаружат! Как ты собираешься решать вопрос со своими родителями? Никогда не видеться с ними?

Илейн отчаянно покачала головой.

— Я думала, может быть, пройдет еще год, и тогда я напишу им. А теперь, когда мы хотим пожениться...

— Теперь, когда мы *поженимся*, — поправил ее Тим.

— ...я собиралась написать им сразу же после свадьбы. Отправитель: миссис Ламберт. Ничего ведь не может случиться... — Илейн подошла к своей лошадке, которая паслась в стороне, взяла ее за недоуздок.

— Значит, ты исходишь из того, что кто-то контролирует почту твоих родителей, — отметил Тим. — Ты живешь на бочке с порохом, Лейни!

— А что мне делать? — в отчаянии поинтересовалась она. — Я не хочу в тюрьму...

— Но, может быть, ты согласишься жить со мной где-то в другом месте? — Эта идея только что пришла Тиму в голову, но чем дольше он думал об этом, тем более привлекательной она казалась ему. — Например, в Англии. Там много шахт. Я мог бы найти работу. Если не на руднике, так в университете. Я очень хороший инженер.

Растроганная Илейн опустила на траву рядом с ним и отогнала в сторону Баньши, которая сочла, что под одеялом трава вкуснее.

— Ты действительно оставил бы все ради меня? Страну, свой рудник...

— Ах, мой рудник. Ты ведь видела на Рождество, как относится ко мне мой отец. И этот невозможный мистер Уэбер. Я могу просидеть в инвалидном кресле еще двадцать лет и наблюдать за тем, как мой отец разрушает мой рудник. Мэтт считает, что ситуация довольно скверная. После того несчастного случая мы несем убытки.

— Но Уэбер и Биллер реагировали точно так же на Калева, — заметила Лейни. — И на Флёренс, когда она вмешалась...

Тим устало улыбнулся.

— Вмешалась? Флёренс Уэбер рассуждает о шахтах с бóльшим пониманием, чем мой отец и старик Биллер, вместе взятые! Хоть эта девушка и действует на нервы, но в управлении рудниками разбирается отлично. Если она все это вычитала в книгах, то я преклоняюсь! Но ее ситуацию не сравнить с моей. Калев не разбирается, а Флёренс никто не воспринимает всерьез, потому что она женщина. Но все изменится, как только она выйдет замуж за Калева и возьмет все в свои руки! И если Калев вдруг начнет вносить конструктивные предложения, старик послушает его, не сомневайся. Но я буду хромать всегда, Лейни. И мой отец будет считать меня инвалидом, пока светит солнце. Поэтому я вполне могу себе представить жизнь в Европе. Как насчет Уэльса? Дождей там столько же, сколько и здесь, много рудников, много овец... — Он погладил Келли.

— Много кобов-жеребцов, — рассмеялась Лейни. — Баньши наверняка понравится! Кстати, моя бабушка родом оттуда. Гвинеяра

Силкхэм из...

— Бабушка того дедушки, которого лошадь вытащила из трясины? — поинтересовался Тим. Он ожесточенно сражался со своими шинами.

Лейни кивнула и поставила Баньши так, чтобы помочь ему. Оба рассмеялись, когда он схватил ее за хвост.

— Она самая.

Как же хорошо, что не нужно больше лгать! Было приятно рассказывать о Гвинейре, Джеймсе и их великой любви, о Флёретте и Рубене, об их бегстве в Квинстаун. Как же хорошо не быть одной в своих мыслях и воспоминаниях!

Тим хотел назначить свадьбу на середину зимы, однако его мать воспротивилась. Она понимала, что Тима ничто не удержит от женитьбы на девушке из паба, но заявила, что если уж этого никак не избежать, то хотя бы делать это не в такой спешке.

— Такое ощущение, что вы *должны* срочно пожениться, — заметила она, строго глядя на плоский живот Илейн.

Прежде свадьбы, поучала она сына, нужно объявить о помолвке. С балом, объявлением и подарками — со всем, что полагается. А о свадьбе можно подумать несколько месяцев спустя. Лучше всего летом, так и праздник получится гораздо красивее.

— Почему бы сразу не в годовщину трагедии на руднике? — проворчал Тим, оставшись наедине с Лейни. — Просто невообразимо, что потом мы будем отмечать свои годовщины в это время. Но моя мать совершенно не думает об этом. Она давно забыла о погибших шахтерах.

— Я не возражаю против помолвки, — произнесла Илейн.

В принципе, ей было все равно. Напротив, чем позже ей придется делить дом с Нелли Ламберт, тем лучше. А сейчас ей нравилась и такая жизнь с Тимом. Молодой человек постоянно уделял уйму времени тому, чтобы как можно скорее научиться ходить и ездить верхом лучше, чем прежде, но занимался не так ожесточенно, как раньше. Закончив утренние тренировки, он давал себе возможность отдохнуть — или хотя бы расслабиться. Как правило, начиналось все с того, что Илейн готовила ему. Она снова вспомнила о своих умениях домохозяйки, которые ненадолго пробудил в ней Уильям. Позже они оказывались в постели Лейни, сначала для того, чтобы поспать после обеда, а потом заняться чем-нибудь другим.

Тиму нравилось, что его балуют. Он поправился, его лицо утратило напряженное выражение. Вернулись мимические морщинки, глаза сверкали так же лукаво, как прежде. Танцевать еще не получалось, но

верхом он чувствовал себя все более и более уверенно. Тем временем в конюшне мадам Кларисс появилась специальная платформа, с помощью которой он садился в седло и спешил, — кузнец Джей Хэнкинс постарался на славу. Однако часто Лейни просто приезжала за Тимом на одноколке, как бы кисло ни смотрела на нее при этом Нелли Ламберт. И с недавних пор Роли тоже учился водить повозки. При этом паренек торопился почти так же сильно, как конь; для упряжки Приятель был слишком боек. Но если мальчуган оказывался на достаточно безопасном расстоянии от копыт и зубов, он очень даже нравился себе в роли бесстрашного возницы. Двухколесная повозка, обнаруженная в каретном сарае Ламбертов, бешено неслась по камням и ухабам, и Тим приезжал к Лейни совсем разбитый.

— Я с тем же успехом мог проскакать это расстояние галопом, — стонал он, потирая ноющее бедро. — Но Роли так нравится. А иногда ему нужно выпустить пар. Над ним достаточно смеются из-за того, что он «медсестра мужского пола».

Теперь Тим тоже участвовал в обсуждении городских сплетен. Друзья здоровались с ним за их обычным столом в пабе. Мадам Кларисс устроила из этого целое дело, заменив все твердые стулья вокруг стоявшего в углу стола удобными креслами, которые принесли из комнаты ожидания на втором этаже.

— Специальная услуга для наших самых верных клиентов, — заметила она. — Обычно оказывается только тем господам, которые ждут дам... Чувствуйте себя как дома!

Эрни, Мэтт и Джей не заставили себя долго упрашивать и с нарочитой важностью устроились в импровизированном «кабинете», держа в руках огромные сигары и бокалы с виски. Тим был благодарен мадам Кларисс. Из-за костылей он и так слишком выделялся. Он едва мог появиться в городе или баре, чтобы с ним не заговорили.

В отличие от владельцев рудников, среди которых он утратил свой статус, простые шахтеры после несчастного случая стали относиться к нему с большим уважением. Все наблюдали за его продолжительной борьбой за выздоровление под руководством Берты Лерой, и даже каждому новому шахтеру первым делом рассказывали о том, что после катастрофы сын владельца рудника не побоялся спуститься в шахту и, рискуя жизнью, предпринял попытку голыми руками раскопать засыпанных людей. С тех пор Тим стал одним из них, человеком, который знает, насколько опасна жизнь шахтеров, как им приходится бороться со страхом и неуверенностью под землей. Поэтому они с уважением здоровались с ним, время от времени

советовались, просили замолвить словечко перед штейгером или руководством рудника. В последнем случае ему, впрочем, приходилось вежливо отказывать. Влияние Тима на отца, как и прежде, было равно нулю, да и в остальном до улучшения условий труда на руднике Ламберта было еще далеко. Мэтт все чаще приходил в паб с серьезным лицом и расписывал Тиму, насколько катастрофична ситуация на предприятии.

— Все начинается с того, что никто не хочет идти к нам работать. «Ламберт платит плохо, и рудник опасный». Это первое, что слышат новые шахтеры. И ситуация не изменится. Авторитет вашего отца упал в глазах работников. Помощь семьям погибших была просто смехотворной! Она едва покрыла расходы на похороны, и с тех пор жены и дети живут на пожертвования. Кроме того, не хватает решимости. Нам нужно начинать все заново, вкладывать деньги в предприятие, все обновлять, вплоть до последних шахтных ламп. Но ничего подобного не происходит. Ваш отец считает, что сначала нужно вернуть прибыль, и только потом он готов подумать об инвестициях. Но это ложный путь...

— Особенно если он все больше денег вкладывает в виски, — вздохнул Тим. Он знал, что нельзя говорить настолько открыто со своим подчиненным, но Мэтт все равно ведь чувствует запах алкоголя, исходящий от начальника, как и он сам. — Когда отец приходит домой на обед, обычно он уже на подпитии. И как он может после этого принимать разумные решения?

— Единственно верным решением было бы как можно скорее передать управление рудником вам, — заметил Мэтт. — Тогда мы не знали бы, что делать с наплывом рабочих. И кредит в банке наверняка дали бы...

— Неужели все настолько плохо, что нам нужен кредит в банке? — испугался Тим. — Я думал, у отца есть резервные фонды...

— Насколько я знаю, они вложены в линию железной дороги, которая пока что еще плавает в грязи... — пробормотал Мэтт. — Но наверняка сказать не могу. Я не расспрашивал его подробно.

После этого разговора Тим проверил ситуацию и пришел в ужас. Конечно, когда-нибудь вложения Ламберта в железную дорогу принесут доход. Железная дорога — дело надежное. Но до тех пор они остались практически без средств; обновление важнейших строений на руднике действительно пришлось бы финансировать в кредит. В принципе, в этом тоже проблемы не было бы, ведь есть что оставить под залог. Но дадут ли Марвину Ламберту кредит банкиры Греймута?

Когда он заговорил об этом со своим отцом, у них снова произошла ожесточенная перепалка. Тим с трудом сдержался, чтобы сразу же не

заказать билеты в Лондон.

— А потом в Кардифф, Лейни! Избавимся от всей этой комедии с помолвкой и всем остальным и поженимся в Уэльсе! У меня там есть знакомые. Мы могли бы остановиться у них, если Силкхэмы не откроют ворота своего замка! И представь себе, как удивится твоя бабушка Гвин, если ты пришьлешь ей открытку с ее же родины!

Илейн лишь смеялась, но Тим говорил совершенно серьезно. Давно уже не только рудник и ссоры с отцом лишили его сна, но и тревога за Лейни. Она успела рассказать ему достаточно много о своей семье, и ему становилось страшно, когда он думал об этом. «Овечьи бароны» с Кентерберийской равнины, торговый дом и отель в Отаго, связи с известнейшими семьями на Южном острове... да еще эта странная история с ее кухней Курой, которую должно было принести именно в Греймут! Когда-нибудь кто-нибудь непременно узнает Лейни... тем более что, по ее словам, она действительно очень похожа на своих мать и бабушку. Может быть, к пианистке из паба никто присматриваться не будет. Но завязать знакомства с важнейшими семьями страны для миссис Ламберт совершенно нормально. Кто-нибудь заметит сходство, заговорит об этом с Илейн. Возможно, уже во время этого кошмарного праздника по случаю помолвки! Тим предпочел бы поскорее уехать в Кардифф вместе с Лейни. Ему казалось, что он слышит, как тикает бомба...

— По-прежнему ничего из Уэстпорта?

Джон Сайдблоссом не предложил виски своему информатору, а сам пил уже второй бокал за время их разговора. Мужчина был неглуп, но, судя по всему, на Западном побережье остановилось время. Не оправдали себя ни инвестиции Джона Сайдблоссом в железную дорогу, ни надежды на знакомых, никто из которых, как выяснилось, не слышал о его беглой невестке. Джон, крупный, уже почти полностью седой, раздраженно стукнул кулаком по столу.

— Проклятье, я был совершенно уверен в том, что она объявится на Западном побережье! Данидин слишком близко к Квинстауну, в Крайстчерче ее каждая собака знает, а окрестности Бленема... за этими местами я наблюдаю постоянно. Слежу и за парами на Северный остров. В принципе, она не могла уйти!

— Но вы ведь не можете заглянуть в каждый уголок на острове, — заметил мужчина. Он был уже немолодым, но типичным жителем побережья — в поношенных кожаных штанах и грязном вощенном плаще, который, судя по всему, служил ему еще во время китобойного промысла,

охоты на тюленей и поисков золотых самородков. У него было суровое обветренное лицо, внимательные светло-голубые глаза. От этого парня не так-то легко было скрыться. — Она может быть на какой-нибудь ферме или у маори...

— Фермы я прочесал, — холодно заявил Сайдблоссом. Он терпеть не мог, когда кто-то сомневался в его компетентности. — Если, конечно, они не прячут эту падаль в Киворд-Стейшн. Но это вряд ли, иначе Джордж Гринвуд не искал бы ее. Уордены точно так же бродят в потемках, как и я. А маори... что-то подсказывает мне, что она не будет бродяжничать с ними два года! Уже только потому, что они не кочуют по два года кряду! Они все равно возвращаются в свои деревни. Конечно, они могут переправлять эту стерву от одного племени к другому. Но это выше их умственных способностей. Нет, я готов был поклясться, что она где-то в лагере золотоискателей или лачуге шахтера. Может быть, в борделе. Уэстпорт, Греймут...

— Раз уж вы упомянули о Греймуте... — Мужчина порылся в карманах своего плаща. — Я знаю, у вас там свой человек. Но вот что на днях появилось в газете. Может быть, это не имеет отношения к нашей малышке, но мне показалось все-таки странным. Имена так похожи...

Мистер Марвин и миссис Нелли Ламберт, поместье Ламбертов, Греймут, извещают о помолвке своего сына Тимоти Ламберта с Лейни Кифер из Окленда, известной...

Джон Сайдблоссом читал эти строки, хмурясь все больше и больше.

— Марвин Ламберт... Я его немного знаю, еще по былым временам на Западном побережье...

С тех же пор он знал и своего собеседника. Однако, в отличие от Сайдблоссомы и Ламберта, судьба обошлась с этим мужчиной сурово. Словно вспомнив об этом, Сайдблоссом поднял бутылку и все же налил своему информатору виски. При этом он размышлял и в глазах его появился почти лихорадочный блеск.

— Лейни... — пробормотал он. — Подходит. Так ее называли в семье. «Кифер»... хм... в любом случае интересно. Я проверю это. — Сайдблоссом довольно улыбнулся. — Посмотрим, может быть, я окажусь на этом празднике по случаю помолвки с небольшим сюрпризом...

Довольный, он еще раз наполнил бокалы, прежде чем выплатить мужчине вознаграждение. На мгновение он задумался, не стоит ли заплатить бонус, но решил, что небольшого жеста будет достаточно.

— Бутылку можете забрать себе, — заявил он и подтолкнул бутылку виски в сторону своего собеседника. — Думаю, мы увидимся на Западном побережье.

Когда тот человек наконец уехал, Джон Сайдблоссом прочитал объявление еще раз.

Лейни Кифер... Вполне возможно... да, это более чем возможно. Сайдблоссом погрузился в размышления. Может, ему стоит немедленно выехать в Греймут? Он чувствовал, как в душе разгорается охотничий азарт, почти такой же, как тогда, когда он ловил Джеймса МакКензи. Но в этом деле нужно было сохранять хладнокровие. Эта птичка не улетит, для этого она чувствует себя слишком уютно в своем гнездышке.

Мистер Марвин и миссис Нелли Ламберт извещают о помолвке своего сына...

Старый пройдоха заскрежетал зубами. Илейн должна чувствовать себя в полной безопасности, если допустила выпуск такого объявления. Но он поймает ее, выкрадет пташку из гнезда! А потом...

Кулак Сайдблоссоба сомкнулся вокруг газетного листа. Он скомкал его, а затем разорвал на мелкие кусочки.

Глава 2

Уильям Мартин решил, что маори с него довольно. Не то чтобы они ему не нравились, напротив. Они были гостеприимны, чаще всего пребывали в хорошем настроении, и было очевидно, что они изо всех сил пытаются не смущать благородного *пакеха* — Уильям следовал своей стратегии, даже на Западном побережье демонстрируя серьезность своим элегантным видом, — излишне непохожими обычаями. Они действительно старались говорить с ним как можно больше по-английски, имитировали его жесты и выражения и не могли насытиться испытаниями швейных машинок. Однако после двухнедельного путешествия по трем различным племенам Уильяму надоели *хака* — длинные, сопровождаемые энергичной жестикуляцией истории, смысл которых был для него неясен, а также хотя и очень вкусные, но одинаковые яства: сладкий картофель с рыбой сменялся рыбой со сладким картофелем. Уильяму хотелось нормального стейка, пары бокалов виски в обществе слегка пьяных англичан и, по возможности, настоящей постели в запираемом номере отеля. А на следующий день он организует демонстрацию в пабе или в общинном доме. Местечко Греймут показалось ему достаточно большим, чтобы там можно было найти и то, и другое. Возможно, там даже будет заслуживающий этого названия отель, который сдаст комнаты не за почасовую оплату.

Когда он добрался до Греймута, шел дождь, однако городок действительно оказался поселением средней величины, и, судя по всему, там имелись даже более-менее богатые кварталы. Как бы там ни было, прохожий, у которого Уильям поинтересовался насчет отеля, слегка покачивался из стороны в сторону.

— Что-нибудь получше, с портье и все в таком роде? Или паб?

Уильям поспешил пояснить:

— Приличный, но доступный.

Мужчина пожал плечами.

— Тогда лучше всего подойдет отель мадам Кларисс, — заметил он. — Но останетесь ли вы там на всю ночь?..

Уильям тут же увидел светящуюся вывеску «Отель», едва повернул в указанную сторону, но яркие краски и прилегавший к нему паб «Лаки Хорс» вряд ли могли обещать ночной покой. Зато, скорее всего, стейком накормят...

Уильям остановился в нерешительности; но тут донесшееся из паба пение погнало его дальше. Люди, которые выводили здесь «Auld Long Syne» под непритязательные звуки пианино, совершенно точно были не просто слегка пьяны. Конечно, сегодня суббота — в принципе, время хорошее. На следующее утро Уильям мог бы сходить на мессу и поговорить с преподобным отцом насчет общинного зала.

Однако для начала он решил снова пришпорить коня. Может быть, есть еще пабы, где немного поспокойнее?

Проехав еще несколько улиц, он и правда обнаружил пивную, «Уайлд Ровер». Отсюда тоже доносилась музыка. Но здесь она была странной... Уильям остановил повозку, привязал коня и набросил на него попону от дождя. При этом он прислушивался к необычным звукам, доносившимся из пивной. Виртуозная игра на пианино, плюс флейта. Маорийский инструмент. Но эта музыка была иной, чем довольно примитивные хака, которых Уильям наслушался за последние две недели. В принципе, здесь прослушивались параллели, однако кто-то серьезно поработал над мелодией и выразительностью. Диалог между двумя инструментами то будоражил, то умилял. Теперь Уильям узнал *некорино* и поразился тому, как флейтист извлекал из флейты женский голос. Высокий и требовательный, почти гневный, но в то же время манящий, бесспорно эротичный. Пианино отвечало низким тембром — мужским голосом в этом разговоре. Казалось, инструменты флиртуют, дразнят друг друга и, наконец, соединяются в общем завершающем тоне, который флейта потом резко обрывала, чтобы умолкнуть, а пианист мастерски переключался на более высокую октаву. И снова ему отвечала *некорино*. Снова диалог, на этот раз спор. Длинные объяснения, короткие, резкие ответы, приближение, удаление и в завершение — разрыв. Жалобное, умирающее пианино, в то время как флейта замерла, чтобы затем внезапно опять вступить.

Уильям, зачарованный, внимательно прислушивался. Голос духов. Он часто слышал о нем, но до сих пор ему не попадалось племя, музыканты которого способны были извлечь из инструмента третий голос. И теперь эти звуки доносились из какого-то жалкого паба в Греймуте... Снедаемый любопытством, Уильям подошел ближе. Казалось, голос духов действительно доносится не из флейты, а призывается из глубин комнаты. Он казался полым, эфирным. Можно было подумать, что слышится голос из мистического сновидения, шепот предков, шорох волн, разбивающихся о берег Гавайки...

Уильям вошел в паб, обвел взглядом задымленное помещение. Клиенты аплодировали. При этом некоторые встали; странная песня

тронула даже неотесанных мужланов. А потом Уильям увидел бледного светловолосого пианиста, который неловко поклонился, и девушку, которая, судя по всему, извлекала голос из флейты.

— Кура!

Кура подняла взгляд. При виде Уильяма ее глаза расширились. Насколько можно было увидеть в свете коптилок, чадивших в этом пабе, она побледнела.

— Уильям... не может быть... — Она подошла ближе и посмотрела на него с таким выражением лица, словно еще не совсем ушла из мира своей музыки, чтобы осознавать реальность. — Когда мы делали аранжировку к этой песне, — наконец сказала она, — я думала о нас. А потом я попросила духов позвать тебя. Но ведь этого не может быть! Это всего лишь песня... — Кура стояла, словно окаменев, с флейтой в руках.

Уильям улыбнулся.

— Что ж, никогда не стоит недооценивать духов, — сказал он и подружески поцеловал девушку в щеку. А потом ее кожа и аромат снова захватили его, и он уже не мог устоять. Он прижался губами к ее губам.

Мужчины вокруг закричали, заплодировали.

— Еще раз!

Уильям не отказался бы, но тем временем поднялся пианист. Он был высок и строен, и у него было длинное, ничего не выражающее лицо. Кто он, ее любовник?

— Кура? — озадаченно произнес Калев. — Ты не... представишь нас? Джентльмен. Уильям едва не расхохотался.

А Кура не замечала ничего. Она ответила на поцелуй Уильяма и, казалось, забыла обо всем на свете. Но ситуация была настолько нереальной...

— Прости, пожалуйста, Калев, — произнесла она. — Это Уильям Мартин. Мой муж.

Пианист недоуменно уставился на Уильяма, затем совладал с собой и протянул ему руку.

— Калев Биллер.

— Жених мисс Куры! — заметил Пэдди Холлоуэй.

— Это не то, что ты думаешь, — прошептала Кура, когда в зале повисло напряженное молчание.

Уильям решил действовать. Что бы здесь ни происходило, не нужно обсуждать это при всех. И наверняка об этом можно поговорить позже...

— Это подождет, милая, — прошептал он в ответ, усилив объятия, в которых все еще держал Куру после поцелуя. — Но для начала мы должны

исполнить поручение небес...

Он с улыбкой отстранился от нее и обернулся к Калеву:

— Очень рад был познакомиться. Я с удовольствием поболтал бы с вами еще немного. Но дүхи, понимаете. Будет лучше, если вы побудете здесь еще часок... другой... — Уильям выудил из кармана две долларовые банкноты и положил их на пианино. — Если хотите, можете выпить виски за мой счет. Но свою жену я, к сожалению, должен ненадолго у вас похитить. Как я уже говорил, дүхи... Нельзя слишком долго противиться их зову...

Уильям схватил растерянную Куру за руку, оставив озадаченного Калева у пианино. Идя к двери, он вложил в руку Пэдди еще одну банкноту.

— Вот, приятель, лучше всего будет, если ты принесешь парню сразу целую бутылку. Что-то он бледный какой-то. Увидимся позже.

Когда он вытащил Куру из паба, та истерично хохотала.

— Уильям, ты невыносим!

Он рассмеялся.

— Я не держу на тебя зла. Позволь напомнить тебе о том, как ты вела себя раньше. Чего только стоит один поцелуй посреди танцевальной площадки в Киворд-Стейшн. Я думал, ты разденешь меня прямо там.

— Я была близка к этому... — Кура потерлась об него, лихорадочно размышляя, что делать. Взять его с собой к миссис Миллер — невозможно. Визиты мужчин были категорически запрещены; и даже если бы они показали свидетельство о браке, это не помогло бы. Конюшня? Нет, это все равно что заняться этим прямо на улице. Наконец Кура потащила мужа в сторону «Лаки Хорс». Конюшня мадам Кларисс! Насколько Куре было известно, там стояла только пони Лейни. А Илейн будет еще не меньше двух часов играть на пианино...

Молодые люди хихикали, словно дети, когда Кура нашла дверь в конюшню мадам Кларисс и принялась дергать ее. После второй попытки замок поддался и оба проскользнули в сухую конюшню. Уильям поцеловал Куру, вытер капли дождя с ее носа. Сам он не промок, он ведь даже не успел снять свой вощенный плащ.

Впрочем, в конюшне оказалась не только кобылка Лейни. Здесь были и другие лошади, которые, возможно, принадлежали гостям паба. Публика «Лаки Хорс» состояла не только из шахтеров, но и из ремесленников и мелких дельцов, у которых были верховые лошади. Кура задумалась, стоит ли все же рисковать, но Уильям уже целовал ее плечи и собирался снять с нее платье.

Кура едва успела затянуть его в отдельное стойло, где лежало сено,

прежде чем уступить столь упорному натиску. Уильям сбросил с себя плащ и расстегнул ей корсаж. А потом Кура забыла обо всем на свете и могла только чувствовать, гореть и любить...

Роли О'Брайен, услышав стоны и смех, озадаченно уставился на парочку в сене. Мэтт Гавейн послал мальчика в конюшню, чтобы тот принес кое-какие бумаги из седельной сумки. А тут такое... Роли надо было уходить, и он явно сожалел о том, что не может увидеть больше.

Конечно, он был ребенком шахтера, вырос в лачуге, где родители и дети жили вместе в одной комнате, и не сильно удивился тому, что увидел. Но богатая игра тех двоих не имела почти ничего общего с быстрой, стыдливой любовью его родителей, звуки которой он часто слушал. Роли попытался разобраться, кто там любит друг друга. Длинные, черные как смоль волосы... нет, это не из девушек мадам Кларисс, которая решила проявить снисходительность. А мужчина... Светловолосый... но больше ничего Роли разглядеть не мог. И тут увидел лицо девушки. Мисс Кура! Пианистка из «Уайлд Ровера».

Роли не знал, сколько просидел в своем укрытии, в восхищении наблюдая за обоими. Но в какой-то момент он вспомнил, что мистер Тим и мистер Мэтт просили принести бумаги из седельной сумки Гавейна. Если он не появится вскоре, то они пошлют кого-нибудь еще... Роли заставил себя оторваться от созерцания и как можно бесшумнее пробрался к лошадям. Рыжую кобылу Мэтта он легко нашел и без фонаря. Чтобы не шуметь, Роли не стал копаться в седельных сумках, а вместо этого расстегнул ремешки и взял все сумки. Таким образом, ему удалось незаметно выбраться наружу. Входя в пивную, он сиял, как медный грош.

— Почему так долго? — недовольно поинтересовался Мэтт Гавейн, когда Роли положил сумки на стол перед ним. — Ты не нашел планы?

Роли пристыженно опустил глаза, но на губах блуждала улыбка.

— Нет, мистер... э... Мэтт. — Ему все еще было очень тяжело называть штейгера по имени. — Просто... я там в конюшне был не один.

Тим Ламберт закатил глаза.

— Кто же еще был там? Тебе пришлось побеседовать с Приятелем? Или с Баньши?

Роли захихикал.

— Нет, мистер Тим. Но я не хотел мешать. Потому что там... в конюшне пианистка из «Уайлд Ровера» занимается с каким-то светловолосым мужчиной! Да еще как!

Мужчины, сидевшие за столом для постоянных клиентов,

переглянулись, а затем рассмеялись.

— То есть, можно сказать, — заметил Эрни Гаст, — что мы очень сильно недооценивали Калева Биллера.

Илейн испугалась и разволновалась, когда увидела Уильяма, — но это задело ее не так сильно, как она предполагала вначале. Может быть, помогло то, что она встретилась с ним верхом на коне, в то время как он шел пешком по Мейн-стрит. И наверняка помогло то, что рядом с ней ехал Тим Ламберт. Кроме того, она была готова, потому что история о Куремаро-тини и ее внезапно объявившемся муже разлетелась по округе со скоростью ветра. Мэтт утром услышал об этом от Джея Хэнкинса, который привез на рудник поставку железных запчастей, а Тим узнал историю ближе к полудню от Мэтта. После этого он бросил все и попросил Роли оседлать Приятеля. Он непременно должен был перехватить Лейни до того, как она встретится с Уильямом, и действительно, в конце концов он разбудил ее, поскольку вечер в пабе затянулся. Лейни обрадовалась визиту, но из-за принесенных Тимом новостей побледнела.

— Когда-нибудь это должно было случиться, я говорю тебе об этом уже несколько недель! — Тим вытянулся рядом с ней. Он сумел заставить Приятеля почти полдороги пройти галопом, а потом без посторонней помощи спешился и снова встал на ноги. Костыли он сейчас пристегивал сзади к седлу. История с Уильямом занимала его настолько сильно, что он не испытал ни сильной боли, ни гордости из-за собственного достижения. — Теперь у нас на одного посвященного больше, и кто знает, сумеет ли этот парень промолчать.

— Он был среди фениев, ирландских террористов. Конечно же, он умеет молчать...

Илейн занимали совершенно другие вещи. Как она отреагирует, когда встретится с Уильямом? Неужели сердце будет биться настолько сильно, что она не сможет произнести ни слова и будет то краснеть, то бледнеть? Она ненавидела себя за неспособность скрывать свои чувства. И как отреагирует Уильям? Он ведь должен знать, что она убила Томаса Сайдблоссома. Осудит ли он ее за это? Станет ли увещевать, чтобы она призналась в совершенном ею преступлении?

— Что ж, тогда будем надеяться на то, что у него у самого не все гладко, — заметил Тим. — Но ведь это начало конца! Если эти двое поселятся здесь, они возобновят общение с твоей семьей. Особенно когда наладится дело с выступлениями.

К тому моменту Кура и Калев с успехом представили свою

музыкальную программу «Пекорино и фортепьяно» в Греймуте, Пунакайки и Уэстпорте, всякий раз в рамках благотворительных проектов; газеты о них не писали. Да и не было на Западном побережье крупных газет. Но оба они были первоклассными музыкантами, и их программа была совершенно не похожей на все прежнее. В разговоре с Илейн Кура намекала, что они планируют турне по Новой Зеландии, Австралии и Англии. До сих пор дальнейшие выступления не проводились ввиду недостатка связей и, возможно, волнения Калева, которое тот испытывал перед выступлением. Он едва не умирал от страха, и это проявлялось в физических симптомах. Почти перед каждым выступлением Калев заболел.

— Если так пойдет и дальше, он заработает себе язву желудка, прежде чем мы доберемся до Окленда, — жаловалась Кура.

Она относилась к Калеву не слишком серьезно. Однако миссис Биллер и госпожа Уэбер, от связей которых пока что зависела благотворительная деятельность Куры и Калева, заметили его недомогание и решили, что концерты пока не стоит организовывать.

— Если Калев и Кура действительно отправятся в турне, их здесь не будет, — заметила Илейн, погладив Тима по плечу. — Ты слишком сильно переживаешь. Смотри, я тут уже почти два года, и ничего не произошло.

— Что меня очень сильно удивляет, — проворчал Тим, но решил больше не говорить на эту тему и поцеловал Лейни. Он сделает все возможное, чтобы стереть из ее памяти воспоминания об Уильяме Мартине.

Наконец Илейн отвезла Тима домой. По пути они встретили Уильяма. Молодой человек пребывал в наилучшем расположении духа. Он только что арендовал комнату у миссис Миллер, при этом познакомился с ее лучшей подругой и тут же продал ее мужу, портному, швейную машинку. Впрочем, пройдет очень много времени, прежде чем мистер Мортимер привыкнет к ней; он был похож на портного старой школы. Однако Уильям убедил Мортимера, что даже в его ремесле время не должно останавливаться, — он ведь не хочет проигрывать конкурентам. После этих слов мистер Мортимер совершенно забыл о том, что у него нет конкурентов до самого Уэстпорта... но Уильям собирался изменить ситуацию в этом направлении. И теперь он был искренне рад видеть Илейн О'Киф — Лейни Кифер. Уильям призвал себя к порядку. У каждого свои тайны.

— Лейни! — просиял Уильям при виде девушки, полагаясь на проверенный всепрощающий эффект своей улыбки. Конечно, расстались они вовсе не друзьями, но не может же Илейн вечно сердиться на него.

— Кура рассказала мне, что ты тоже здесь, но я и подумать не мог! Хорошо выглядишь! — Уильям машинально протянул ей руку. Если бы она не сидела верхом, вероятно, в знак приветствия он поцеловал бы ее в щеку.

Илейн с удивлением отметила, что и слова, и жест Уильяма оставили ее равнодушной, равно как и его очаровательная улыбка. Хотя девушка по-прежнему воспринимала его как привлекательного молодого человека, увидев его, она ничего не почувствовала. Напротив, сейчас она видела в его глазах легкомыслие, поверхностность и эгоизм. Раньше она принимала это за жажду приключений; это было так волнительно и даже немного опасно. Но игра с огнем уже перестала манить ее. В принципе, она никогда не удовлетворяла ее. Илейн хотела чувствовать себя любимой и защищенной. Она нуждалась в ощущении безопасности.

Лейни ответила на рукопожатие Уильяма, но улыбка ее была адресована Тиму.

— Позволь представить тебе Тимоти Ламберта. Это мой жених.

Ей показалось или в глазах Уильяма мелькнуло что-то вроде удивления и даже неудовольствия? Может быть, ему не нравится, что у маленькой Илейн есть такой представительный жених? Не старатель-оборванец, а потенциальный наследник угольного рудника? Илейн сразу же выпустила коготки, а Тим вежливо кивнул Уильяму. Наверное, это выглядело несколько заносчиво, но пока что Тиму, сидевшему в седле, не удавалось наклониться к пешеходу.

Уильям убрал руку, которую едва не протянул.

— Значит, тебя можно поздравить, — натянуто произнес он.

— Можно, — сладким голосом заметила Лейни. — Мы празднуем помолвку 16 августа. В поместье Ламбертов. Конечно, вы тоже приглашены, и Кура, и ты. Передай ей, пожалуйста. Мы не посылали ей формального приглашения, думали, что она придет с Калевом.

С этими словами она послала ему ослепительную улыбку и пустила Баньши шагом.

— Увидимся, Уильям!

Когда он скрылся из виду, Тим рассмеялся.

— А ты превращаешься в самую настоящую маленькую ведьмочку, Лейни! Мне придется быть настороже, когда мы будем женаты. Кстати, куда подевался тот пистолет?

Глава 3

Кура с удивлением услышала о карьере Уильяма в качестве продавца швейных машинок, посмотрела его демонстрацию в общинном зале. Представление несколько пострадало от того, что оба все еще почти не разнимали рук. Уильяму приходилось напрягаться сильнее обычного, пытаясь окрутить публику женского пола. Впрочем, он все равно продал две машинки домохозяйкам и осуществил довольно смелый замысел, заручившись поддержкой преподобного отца в том, чтобы устроить швейную мастерскую для вдов, чьи мужья погибли во время несчастного случая на руднике.

— Смотрите, я дам женщинам инструкции — гораздо более подробные, чем обычно. Я ведь проведу здесь больше времени, чем обычно, с женой. И потом они сумеют сами зарабатывать себе на жизнь и на жизнь своей семьи. Конечно, чтобы организовать мастерскую, вам нужно самому договориться с комитетом по сбору пожертвований... — Уильям кивнул миссис Кэри, которая только что купила машинку. — Будете ли вы нанимать дам на постоянной основе или, так сказать, дадите им машинки в пользование... Нет, меньше чем с тремя машинками и начинать не стоит. А за пять я мог бы устроить приличную скидку...

— Ты неотразим! — удивлялась Кура, когда оба вернулись в Греймут, держась за руки и думая о том, как бы по возможности незаметно свернуть с дороги и любить друг друга где-нибудь среди зелени. — Люди буквально едят у тебя из рук. Ты действительно думаешь, что миссис Кэри научится обращаться с этой смешной машинкой?

Уильям пожал плечами.

— Иногда происходят чудеса. Кроме того, мне совершенно все равно. Если она оплатила эту штуку, то пусть хоть шьет на ней, хоть туфли чистит. Главное, что я получу свои комиссионные. И ведь эти дамы совершенно не выглядели несчастными, верно? — усмехнулся он.

Кура расхохоталась.

— Ты всегда умел делать дам счастливыми, — произнесла она и поцеловала мужа.

Уильям не выдержал. Он свернул с дороги и утащил Куру под брезент. Хотя это было и не слишком удобно, но зато можно было вытянуться, а снаружи в это время года было просто слишком холодно. Он и во время путешествий время от времени спал в повозке.

Однако в том, что касалось совместной комнаты, положение было безнадежным. Ни миссис Тэннер, ни миссис Миллер не хотели заниматься сводничеством, а номер в отеле на набережной стоил слишком дорого. Уильям уже думал о том, чтобы снимать комнату с почасовой оплатой в «Лаки Хорс», но отношения Куры с заведением мадам Кларисс были весьма напряженными.

— А как же твое увлечение овцами? — Кура погладила Уильяма по плечу.

— Судя по всему, это было ошибкой, — заметил он. — Моя семья уже очень долго занимается животноводством. Я думал, что мне должно это нравиться. Но на самом деле...

— На самом деле животноводством занимаются скорее ваши арендаторы, и когда ты обнаружил, что овечий помет воняет, то весь запах испарился. — Кура говорила мало, но если уж открывала рот, то замечания ее были точнее некуда.

— Можно сказать и так, — согласился Уильям. — А что с твоей оперной карьерой?

Кура пожала плечами. А потом рассказала о Барристере и своих безуспешных попытках стать самостоятельной певицей.

— Не та страна, — вздохнула она. — Не та страна, не то время... Даже не знаю, в чем тут дело. Судя по всему, Новой Зеландии не нужна Кармен. Нужно было принять предложение миссис Гвин. Но тогда я этого не понимала.

— В первую очередь, твоя ошибка заключалась в том, что тебе казалось, что Родерик Барристер положит весь мир к твоим ногам, — усмехнулся Уильям.

— Можно сказать и так, — с улыбкой ответила Кура и запечатала его уста поцелуем.

Они любили друг друга безудержно, а потом Кура рассказала Уильяму о своем проекте с Калевом Биллером. Уильям громко хохотал над «помолвкой».

— Это значит, что мы должны как можно скорее возвести парня в ранг «музыканта», чтобы люди не шептались, будто ты разбила ему сердце. Или он женится на восхитительной Флёренс Уэбер. Я бы тоже до смерти боялся ее! — воскликнул Уильям. Он видел Флёренс, которая приходила на демонстрацию швейной машинки и задавала каверзные вопросы.

— О, Калев действительно музыкант. Ты ведь слышал, как он играл в субботу. Он лучший пианист из всех, кого я знаю. И у него абсолютный

слух... — Кура не собиралась давать Калева в обиду.

— Но когда ему нужно выступать перед более чем тремя людьми, тут же полные штаны. Великолепно. В субботу, кстати, я слышал только тебя, прекраснейшая. Но, думаю, сегодня вечером я еще наслушаюсь великолепного Калева Биллера. А может быть, мы сейчас... еще немного поублажаем духов?

Калев Биллер и Уильям Мартин поладили на удивление хорошо. Сначала Кура переживала по поводу того, что Уильям начнет дразнить ее партнера и смеяться над ним. В действительности же ее муж очень быстро оценил потенциал Калева. В понедельник в пабе было довольно тихо. У немногочисленных клиентов музыкальных пожеланий не было, они просто пропивали свои выигрыши, полученные за выходные, или пытались утопить в виски проигрыши. Поэтому у Куры и Калева с благословения Пэдди появилось время сыграть их совместную программу для Уильяма. Кура пела и играла на *пекорино* и *коауау*, небольшой, красиво украшенной флейте размером с ладонь, в которую дули носом. Калев аккомпанировал ей и время от времени сбивался с такта, поскольку понимающий слушатель заставлял его нервничать. Но Уильяма убедила не его игра. Можно было играть лучше, и, в принципе, пианиста вроде Калева можно было найти в любой музыкальной школе. Однако в том, что касалось аранжировки песен, Калев был, без сомнения, головой этого дуэта. Соединения простых мелодий *хака* со сложными фортепьянными пассажами, диалог между двумя столь различными инструментами, музыкальные мосты между культурами — все это было плодом творческого воображения Калева Биллера. Кура была одаренным интерпретатором, ей чудесным образом удавалось воплотить в себе душу этой музыки. Но слепить эту душу, обработать ее и заставить открыться даже слуху дилетантов — для этого нужно было нечто большее, чем голос и выразительность. Сомнений не было, Калев Биллер был настоящим музыкантом, хоть и слишком волновался перед каждым выступлением.

— С этим нужно как-то справиться, — сказал Уильям, поведав молодому человеку о своем восхищении. — В прошлый раз, когда я слушал вас с улицы, было гораздо лучше. И ведь у вас нет никаких причин волноваться! То, что вы делаете, просто потрясающе. Вы можете произвести фурор не только здесь, вам под силу завоевать Европу!

Кура бросила на него недоуменный взгляд.

— Для этого недостаточно быть потрясающим, — сказала она. — Хотя раньше я тоже так думала. Однако организация концертов... это не так-то

просто. Нужно арендовать помещения, делать рекламу... Нужен импресарио вроде Родерика Барристера. — Молодая женщина вздохнула.

Уильям закатил глаза.

— Сладкая моя, забудь о Родерике Барристере! Он вообще ничего не сделал, кроме того, что заангажировал в Европе несколько третьеклассных певцов и хорошеньких танцовщиц. Недостаточно просто раздать пару рекламных листовок. Необходимо общаться с прессой, подключать меценатов, приглашать на концерты нужных людей... в вашем случае, может быть, попросить поучаствовать маори из местных племен. Вся организация была в руках Джорджа Гринвуда. Поэтому все и прошло так удачно. Вам просто нужен делец, Кура, не запевала. И не благотворительные концерты под дудку преподобных отцов. От такого всегда отдает душком, вроде того, что хотим, но не можем. Вам нужны большие залы, отели или конгресс-центры. Ведь, в конце концов, вы хотите и заработать на этом.

— Вы так говорите, как будто что-то в этом понимаете, — неуверенно заметил Калев. — Вы уже занимались чем-то подобным?

Уильям покачал головой.

— Нет. Но я продаю швейные машинки. В некотором роде это тоже шоу — и во время курсов подготовки у нас были люди, которые боялись выступать. Позже я расскажу вам о парочке трюков, Калев. В любом случае здесь нет нужды что-либо дарить. Конечно, можно будет ввести социальный аспект...

— Как и с мануфактурой для жертв трагедии на руднике? — с ухмылкой поинтересовался Калев.

Уильям кивнул с серьезным лицом.

— Но на первом плане стоит желание продать. Мне нужно хорошее помещение для демонстраций, дешевое жилье для меня и лошади. Причем все не должно выглядеть слишком оборванным. Постепенно развивается чутье на такие вещи. Я сразу же вижу, в каком пабе можно устроить демонстрацию, а в какой почтенная дама не зайдет. К примеру, вам бы я никогда не позволил выступать в «Уайлд Ровере». В эту забегаловку никто не поведет любимую с целью насладиться культурной программой. В «Лаки Хорс», конечно же, тоже нет. Здесь, в Греймуте, можно говорить разве что об отелях. Но в целом это не тот город... — Последние слова Уильяма прозвучали почти мечтательно. Похоже, он уже планировал турне, просматривая внутренним взором места, которые ему были хорошо известны и которые подошли бы для этой цели.

Кура и Калев переглянулись.

— А почему бы тебе для разнообразия не начать продавать нас? — наконец спросила Кура. — Покажи, как это нужно сделать! Организуй крупный концерт в настоящем зале, в большом городе...

— Ну, по-настоящему больших городов на Южном острове пока нет, — заметил Уильям, — и, конечно же, у меня нет тех связей, которыми обладает Джордж Гринвуд. Ну да ладно, начнем с... — Он наморщил лоб, а затем его лицо просветлело. — Мы начнем с Бленема! Знаю я там одну даму... В принципе, мы оба знаем эту даму, Кура, которой срочно нужно чем-нибудь заняться.

И я подумал, что ты, дорогая Хизер, в подобном занятии могла бы найти чрезвычайное удовлетворение. Кроме того, тебе следует помнить о том, что положение твоего супруга в конечном счете обязывает тебя заняться культурной или социальной деятельностью. Причем престиж знаменитого культурного мецената, конечно же, превосходит престиж простого члена попечительского совета местного приюта для сирот. В конце концов, твое выдающееся образование просто обязывает тебя заняться деятельностью, превосходящей обычную благотворительность. И поэтому презентация проекта «Шепот духов — встреча хака и фортепьяно» тоже представляет собой потрясающую ступень карьеры мецената, поскольку лично ты приняла самое непосредственное участие в становлении творческой личности Куры-маро-тини и обладаешь существенными заслугами на этом поприще. Я уверен, что твой супруг согласится со мной. За сим остаюсь, с нижайшим поклоном, твой Уильям Мартин.

— Ну как? — В поисках одобрения Уильям переводил взгляд с Куры на Калева, который только что заказал третий бокал виски. Супруг Куры заражал энтузиазмом, формулировки его были просто неотразимы. Но у Калева возникло ощущение, что его затягивает в водоворот, в котором он просто-напросто утонет...

— *Вайкореро*, — произнесла Кура, — искусство красиво говорить! Ты им владеешь в совершенстве, вне всяких сомнений. Но неужели Хизер Уитерспун действительно вышла замуж за богатого железнодорожника и владеет большим домом в Бленеме?

— Пути духов, — драматично произнес Уильям. — Ну что, отправлять? Только смотрите мне, Калев, не отступать! Если Хизер займется этим по-настоящему — а она займется, в этом я уверен, — вам придется играть перед сотней, а то и двумя сотнями человек. Вы

справитесь?

«Нет», — подумал Калев, но, конечно же, сказал: «Да».

После этого Кура заказала виски для всех. В этот день она хотела пить вместе со всеми. Может быть, ее карьера действительно пойдет в гору!

Уильям бросал на Калева полные скепсиса взгляды. Этот мужчина казался ему слишком нервным, слишком бледным, слишком безынициативным. В дальнейшем придется его заменить. Турне по Европе ему ни за что не осилить. Но для начала сойдет и Калев Биллер. Им нужен трамплин, большой успех.

Уильям послал жене воздушный поцелуй, когда она встала, чтобы принести напитки. Недолго осталось пить виски. Если все будет хорошо, Кура будет пить шампанское. Наконец-то Уильям был готов исполнить свое обещание, данное Куре еще до свадьбы. Он хотел поехать в Европу. Вместе с ней.

Хизер Редклифф ответила почти сразу же. Она выразила свою радость по поводу того, что Уильям нашел Куру, а идея помочь своей бывшей ученице на пути к успеху показалась ей восхитительной. В конце концов, она всегда верила в Куру и с удовольствием расскажет об этом местной прессе. Кстати, она уже упоминала о ней — во время последнего приема по поводу освящения нового крыла больницы. Хизер давно уже занималась общественной деятельностью. Но, конечно же, искусство больше соответствует ее характеру; это Уильям подметил совершенно верно! И, разумеется, культурное общество Бленема с нетерпением ждет возможности познакомиться с Курой-маро-тини. Причем она, Хизер, будет очень и очень рада повидаться по такому случаю и с самим Уильямом...

Уильям улыбнулся. Читая Куре письмо Хизер, последнее предложение он опустил. В любом случае трогательная будущая меценатка уже забронировала концертный зал. В лучшем отеле города, примерно на сто пятьдесят мест. А за день до выступления мистер и миссис Редклифф будут иметь честь лично представить музыкантов влиятельным людям города Бленема.

— Ну вот, Кура, надеюсь, воскресенье, 2 сентября, тебе подойдет? Осталось только спеть! — заметил Уильям.

Глаза Куры сверкали неземной радостью. Такой сияющей изнутри Уильям не видел ее с самой свадьбы. И она никогда еще не целовала его так счастливо и искренне. Уильям ответил на поцелуй, облегченно вздохнув. Он знал, что тем самым Кура прощает ему все. Ложь и политику сдержанности до свадьбы, нежелательную беременность, которая должна

была окончательно привязать ее к Киворд-Стейшн, — и даже измену с Хизер Уитерспун. Уильям и Кура начинали заново, и на этот раз все будет так великолепно, как того хотелось Кура. Если бы только не этот Калев. Он сидел рядом с ними и, когда Уильям прочел письмо Хизер, не улыбнулся, а побледнел.

И вообще, в последнее время Калев Уильяму не нравился. Он становился все более небрежен, настолько часто промахивался по клавишам, что в конце концов на него набросилась даже Кура. В принципе, Калев мог более-менее расслабиться, только когда выпивал один-два бокала виски и наверняка знал, что в этот день Уильяму не придет ответ от подающей надежды меценатки. Но вот письмо от Хизер пришло. Ситуация сразу стала серьезной. Калев удалился в туалет, бормоча под нос извинения. Вернулся он еще более подавленным.

— Эти сто пятьдесят мест... их ведь никогда не раскупят полностью, правда? — спросил он, поигрывая своим вновь опустевшим бокалом.

Уильям задумался, соврать или не стоит, но понял, что смысла в этом нет. Калев должен осознать свою задачу.

— Бленем считается прогрессивным городом, Калев, но, между нами, это просто дыра. Чуть побольше, чем Греймут, чуть более развит. Но это не Лондон. Культурных мероприятий в Бленеме немного. И если одна из видных дам города хочет представить пару музыкантов, то... люди будут вырывать билеты на представление друг у друга из рук! Возможно, в тот же день вы дадите еще один концерт.

— Но...

— Радуйся же, Калев! — воскликнула Кура. — И если ты не можешь радоваться от страха, то подумай о том, что будет потом! Тебя признают настоящим музыкантом. Ты сможешь жить, как тебе хочется, Калев! Подумай об альтернативе...

— Да, — слабым голосом произнес Калев. — Я смогу жить, как того захочу...

Казалось, он действительно задумался, но Уильям почувствовал вдруг тот же страх, который звучал в голосе Калева.

День помолвки Тима и Лейни приближался, и Илейн казалось, что она остается единственным спокойным островком в смятенном водовороте событий. Нелли Ламберт была на нервах уже не первую неделю и проводила дни, планируя, как украсить зал и в какой очередности подавать блюда. Или же лучше устроить буфет? Она заказала капеллу, которая должна была играть во время танцев, хотя ей самой это казалось немного

неуместным, поскольку Тим и Лейни, конечно же, не могли открыть мероприятие танцем. Тим занимался как оголтелый, чтобы все же суметь сделать это. Бедный Роли, оставаясь при нем медбратом, заодно стал партнером по танцам.

Тим едва не ударился в панику, когда объявления о помолвке появились во всех газетах Западного побережья. Он предпочел бы не спускать глаз с Лейни; любой незнакомец в городе пугал его. Тим всерьез задумался об отъезде из страны. Несмотря на то, что к этому времени он уже был способен по нескольку часов в день работать в конторе, все его поползновения в этом направлении отец тут же пресекал. Постепенно Тим перестал относить это на счет своего увечья: Марвин Ламберт пытался что-то скрыть. Возможно, дела обстояли еще хуже, чем намекал Мэтт. Рудник нес убытки, а строительство железной дороги за зиму почти не продвинулось. На быструю прибыль от инвестиций Ламберта рассчитывать не приходилось, — а Нелли щедро раздавала деньги, чтобы устроить пышную помолвку. Если так пойдет и дальше, спасти будет уже нечего. Тим был готов к тому, что рудник придется остановить на время важнейших ремонтных работ. А это означало огромные убытки. Придется объяснять это банку, но отец Тима не собирался даже заговаривать об уже жизненно необходимом кредите.

С Тима было довольно. Он хотел уехать, по возможности даже до свадьбы. Или сразу же после маленькой тайной церемонии венчания и попойки с друзьями в пабе. Уехать в Уэльс или Англию и наладить там новую жизнь было бы легче, если бы они уже были женаты.

А пока Илейн с нетерпением ждала помолвки. Девушка едва сдерживала свои чувства, почему-то она очень радовалась предстоящему празднику — равно как и Нелли Ламберт, которая наконец-то стала относиться к ней серьезно. Впрочем, настоящей теплоты в отношениях между женщинами не было. В очередной раз они столкнулись, обсуждая платье Лейни, которое нужно было для праздника. Нелли хотела заказать его у Мортимера, а еще лучше — осуществить невообразимо дорогую мечту из тюля и шелка, сделав заказ в Крайстчерче. Но Лейни обратилась к миссис О'Брайен. Здесь за последние недели тоже попортили немало крови. Швейные машинки были доставлены, и Уильям, как и обещал, начал обучать женщин из шахтерского поселения. Однако когда речь зашла о руководстве предприятием, весьма предприимчивая миссис Кэри не сошлась с не менее предприимчивой миссис О'Брайен. Мать Роли была ловкой портнихой, и она обладала чутьем. Поэтому она сразу же начала шить простые детские платьица, которые были настолько дешевы, что даже

самой бедной из жен шахтеров не было смысла шить их самой. Однако миссис Кэри считала, что сначала нужно закончить обучение швей и обустроить помещения мануфактуры, для которой Ламберт с неохотой отдал старый сарай рядом со своим рудником, — «слегка одухотворить их», как выразилась она сама.

— Я ведь не шью целыми неделями занавески для этого сарая! — жаловалась миссис О'Брайен преподобному отцу. — И стены красить нам не нужно, особенно в теплый розовый цвет. Если уж делать это, то их нужно белить! Мне нужны деньги, преподобный! Душа у меня уже есть!

Наконец миссис О'Брайен взяла верх. Миссис Кэри обиделась и заговорила о «неблагодарности». Женщины, работавшие на мануфактуре, отнеслись к этому спокойно. Дело шло хорошо. Если так пойдет и дальше, то через год-два они смогут выплатить церковному совету покупку швейных машинок.

Теперь миссис О'Брайен сняла с Лейни мерку и радовалась голубому бархату, который девушка выбрала для помолвки.

— Оно чудесно, и я смогу надеть это платье и потом! — позже говорила Тиму Илейн. — В отличие от этих воздушных вещей из Крайстчерча.

— Например, на нашу свадьбу, — заметил Тим. — Подумай насчет побега, Лейни. Что-то у меня нехорошее предчувствие по поводу всей этой истории...

Дурное предчувствие не оставляло и Уильяма Мартина, когда он увидел Калева Биллера в воскресенье перед помолвкой в церкви. Молодой человек казался еще более худым, бледным и нервным, чем обычно, как будто эта история с концертом в Бленеме забрала у него последние силы. Калев шел под руку с Флёренс Уэбер, у которой был очень довольный и спокойный вид, а у Калева — скорее подавленный. Родители Биллер и Уэбер гордо шествовали за парой. Уильям заподозрил, что случилось худшее.

Кура наблюдала за появлением Калева из-за органа, и ей не терпелось после церкви послушать сплетни. Она немного стыдилась своего желания, поскольку всегда гордилась тем, что была выше этого. Но происходящее у всех на глазах казалось странным и поэтому заставляло нервничать. Ведь как бы там ни было, еще в прошлое воскресенье Калев избегал Флёренс.

Когда преподобный отец наконец отпустил свою паству, Кура присоединилась к Лейни, Уильяму и Тиму. Эти трое болтали, находясь несколько в стороне от остальных, пока Тим дожидался Роли. Паренек все

еще флиртовал на кладбище с маленькой Мэри Флаэрти. Тим относился к этому спокойно. Он уже устроился в повозке, смеялся вместе с Лейни и сиял от гордости. Сегодняшняя служба была их генеральной репетицией, и Тим без труда сумел пройти через всю церковь самостоятельно.

— Еще осталось выучить несколько танцевальных шагов, а потом можно венчаться. Не размышляй слишком долго! 15 сентября отходит корабль в Лондон. Мы могли бы быть в Англии самое большее через шесть недель.

На это Илейн ничего не сказала. Она исподтишка наблюдала за Калевом Биллером и Флёренс Уэбер.

— Что происходит между ними? — спросила она Куру. — Ничего не могу с собой поделать, но все это выглядит чертовски официально!

Уильям проследил за взглядами жены и Лейни.

— Это выглядит опасно. Но смотри, вот он идет. В случае чего молчи, Кура! Что бы ты ни сделала, город все спишет на ревность...

Калев Биллер действительно отошел от Флёренс и, потупив взгляд, приблизился к группе. Может быть, он выбрал этот момент, чтобы не оставаться наедине с Курой и Уильямом. Флёренс смотрела ему вслед с некоторой тревогой, но в то же время ликующе.

— Кура, Уильям, Лейни... Как дела, Тим?

Тим улыбнулся.

— Я бы сказал, получше, чем у вас. Вы с таким несчастным видом протащились по церкви под руку со своей Флёренс...

— С каких это пор она «его Флёренс»? — поинтересовалась Кура.

Калев покраснел.

— Что ж, как бы выразиться... Итак, мы с Флёренс вчера обручились.

Уильям не особенно сильно удивился. А Тим и подавно. Зато девушки уставились на Калева в совершеннейшем недоумении.

— Дело в том, Кура, что мы с ней поговорили, — нарушил неловкое молчание Калев, — так сказать, по душам. И она не возражает...

— Против чего она не возражает? Что ты го...

— Кура, прошу! — перебил ее Уильям.

— Флёренс сказала, что в браке предоставит мне полную свободу, если за это я... в общем, дам ей возможность больше участвовать в управлении рудником, чем обычно принято для женщин...

— Я не сомневаюсь, что у нее это прекрасно получится, — приветливо заметил Тим. — В этом случае могу только поздравить рудник Биллера. Впрочем, сами вы выглядите не особенно счастливым.

— Ну, тут такое дело... — неуверенно произнес Калев. — Но потом я

смогу посвятить себя всем своим... интересам. Музыка, искусству, культуре маори. Меня интересует ведь не только музыка, ты же знаешь, Кура. Я буду, так сказать... частным ученым...

— Прекрасно, — решительно оборвал Уильям бормотания Калева. — Мы как раз об этом говорили. Каждый должен жить так, как ему хочется. Может быть, вы и дальше будете заниматься аранжировкой песен вместе с Курой. Мои искренние поздравления. Но ведь вы не бросите нас на произвол судьбы с концертом в Бленеме, Калев? Мы полагаемся на вас, так быстро нам замену не найти.

Калев закусил губу. Было видно, что он борется с собой. А потом он покачал головой.

— Мне очень жаль... Кура, Уильям. Но я не могу. Я пытался, честно, но ведь вы сами видите, я даже в ноты перестал попадать. Нервозность поедает меня изнутри. Я не создан для этого. И Флёренс тоже считает, что...

— Давай, спиши все на Флёренс! — рассерженно заявила Кура. — Тогда тебе не придется признать, что ты не только голубой, но к тому же еще и трус. В первую очередь трус! Остальное не так страшно.

Илейн придвинулась ближе к Тиму.

— А что такое «голубой»? — шепотом спросила она.

Тим едва не расхохотался, в то время как Кура с трудом сдерживала слезы. Впервые в жизни, сколько знала ее Лейни, да еще на людях. Она всхлипывала отчаянно, безудержно, и Лейни не узнавала обычно такую холодную, самоуверенную девушку.

— Ты ломаешь мне жизнь, Калев, ты знаешь об этом? Если мы сейчас отменим концерт... такого шанса больше не будет! Проклятье, я спланировала за тебя все! Вся программа изначально задумывалась так, чтобы представить тебя как музыканта! Я не бросила тебя на произвол судьбы, когда тебе нужно было поиграть в «жениха Куры»! А ты...

— Мне очень жаль, Кура, — потупившись, произнес Калев. Чувствовалось, что ему крайне неловко перед девушкой. — Мне действительно очень жаль.

И с этими словами он отвернулся. Когда он возвращался к своей семье, казалось, с плеч его спал тяжеленный груз. Флёренс взяла его под руку — и, сумев проявить достаточно такта, не бросила ликующий взгляд на Куру.

— Неужели вы действительно не сможете найти замену? — спросил Тим. Кура ему не очень-то нравилась, но, увидев, как отчаянно она рыдает, испытал искреннее сочувствие.

— За три недели? На Западном побережье? Разве что в Бленеме, если

уедем сейчас же. Но тогда пропадет очарование новизны. Если мы объявимся там, не имея концепции, с местным пианистом, с которым не успели сыграть... — Уильям покачал головой.

— Могла бы сыграть мисс Хизер, — с надеждой произнесла Кура.

— Но не станет. Она только распробовала карьеру мецената от искусства. Тут уже на сцену не выйдешь! Что скажет на это ее супруг? Забудь об этом, Кура! — Уильям обнял жену.

Илейн закусила губу.

— А я еще никогда не слышала музыку, которую вы играете... — произнесла она. — Но неужели это действительно настолько трудно? Я имею в виду партию фортепьяно...

Кура посмотрела на нее, и Илейн увидела блеск надежды в ее глазах.

— Не так уж и сложно. Иногда весьма нетрадиционно, иногда довольно быстрые пассажи. Во всяком случае нужно иметь в багаже хотя бы пару лет опыта игры на пианино.

— Что ж, я играю на пианино уже десять лет. Конечно, до твоего уровня мне далеко, о чем ты имела счастье мне неоднократно напоминать, но... Если я буду репетировать три недели... — Илейн улыбнулась, несколько смягчив резкость своих слов.

— Ты стала играть гораздо лучше, — заметила Кура. — Но если серьезно, Лейни, ты могла бы сделать это? Ты поедешь со мной в Бленем, чтобы аккомпанировать мне?

— Если сумею справиться с программой...

Казалось, Кура вот-вот бросится кузине на шею.

— И она очень хорошенькая, — заметил Уильям. — Будет гораздо лучше смотреться, чем Калев.

Илейн с сомнением посмотрела на него. Неужели он сказал «хорошенькая»? Три года назад сердце ее растаяло бы от этих слов, а в этот день она перевела взгляд от мальчишеского лица Уильяма на лицо Тима, которое уже не выглядело таким приветливым и веселым, оно исказилось от муки.

— Лейни, ты не можешь сделать это, как бы ни хотела помочь Куре. Конечно, ты будешь играть на пианино в двадцать раз лучше, чем Калев Биллер, и выглядеть прекраснее всех пианисток в этом мире, но Бленем... Дорога, большой город, риск...

— С каких это пор вы так боитесь? — поинтересовался Уильям. — По сравнению с тем риском, который представляет ваша свадьба...

— Что такого опасного в том, чтобы пожениться? — подхватила Лейни. — Ты и в прошлый раз так странно на меня посмотрел...

Уильям закатил глаза.

— Ну, вы же, думаю, прекрасно понимаете, что тем самым совершаете преступление. И даже если вам все равно... я хочу сказать, вы же наверняка мечтаете иметь детей.

Лейни рассмеялась, хоть и несколько сдавленно.

— Боже мой, Уильям! Моим детям будет совершенно все равно, какая фамилия была у их матери в девичестве — О'Киф или Кифер. Это можно даже выдать за опisku!

Уильям нахмурился, уставился на нее с недоверием.

— Но детям наверняка будет не все равно, если они когда-нибудь узнают, что их фамилия должна быть Сайдблоссом, а не Ламберт, что они наследуют ферму в Отаго, а рудник тем временем отойдет каким-то дальним родственникам. Ваш брак будет недействителен, вы ведь должны понимать это!

Илейн побледнела. Зрачки ее глаз расширились.

Тим покачал головой.

— Но ведь Томас Сайдблоссом мертв, — спокойно произнес он.

— Да? — переспросил Уильям. — С каких это пор? Может быть, он каждый день жалеет, что не умер, но, насколько я знаю, он дышит так же, как вы и я. — Уильям смотрел то на него, то на нее. Неужели Лейни и Тим его обманывают? И с недоумением обнаружил, что ужас на лице Лейни был совершенно неподдельным.

— Я... я выстрелила ему в лицо... — прошептала она.

Уильям кивнул.

— Это заметно. Выстрел пришелся вот сюда. — Он показал на левую щеку. — Пуля прошла неглубоко, через нос в голову. Ты стреляла снизу вверх, наверное, целилась в грудь, но не учла отдачи. В любом случае изуродовала ты его успешно. Правая половина лица парализована, на правый глаз он ослеп, а левым почти ничего не видит. Вроде как пуля все еще находится внутри и давит на зрительный нерв. Но он не мертв. Поверь мне, Лейни...

Илейн закрыла лицо руками.

— Это же просто ужасно, Уильям! Почему ты не сказал мне об этом раньше?

— Я думал, ты знаешь. — Молодой человек пожал плечами. — Ты ведь тоже в курсе, Кура, не так ли?

Кура кивнула.

— О подробностях я понятия не имела, но знала, что Сайдблоссом не умер.

— И ты допустила, чтобы я обручилась? — Илейн хотелось, чтобы в голосе звучала злоба, но в голове боролись недоумение и облегчение. — Я два с половиной года жила в постоянном страхе!

Кура пожала плечами.

— Прости, Лейни, но никто не посвящал меня в детали твоей ситуации. Я немного удивилась... Но ведь ты могла развестись. Или этот Сайдблоссом все же умер потом. Он там не спятил? — спросила она, обернувшись к Уильяму.

— Насколько я знаю, нет. Хотя изо всех сил старается пропить остатки рассудка, не говоря уже о морфии. Наверное, у него постоянные головные боли и галлюцинации. Впрочем, при таком количестве морфия и виски это вполне вероятно.

— Ты его видел? — Илейн, судорожно цепляясь за руку Тима, в ужасе смотрела на Уильяма. — Ты уверен? — Лицо ее было белее мела, глаза казались огромными и состоящими из одних зрачков.

— Боже мой, Лейни, не смотри на меня так! Конечно, я уверен. Я две или три недели провел в Лайонел-Стейшн и пару раз видел его. Они очень редко выпускают его из дома. Будто бы он не выносит дневного света. Но это невозможно не слышать! Он орет на прислугу, требуя виски и лекарств... Очень неприятный пациент, если хочешь знать мое мнение. Но, в принципе, не сумасшедший и уж наверняка не мертвый.

— Конечно, это меняет все, — ровным тоном произнес Тим и притянул к себе Лейни. Она дрожала всем телом, плакала и ничего не могла с собой поделать. — Пока ты официально остаешься миссис Сайдблоссом, пожениться мы не можем. Но ты не совершала убийства. А теперь успокойся! В принципе, это ведь хорошие новости! Ты пойдешь и во всем признаешься. Можешь сказать, что это вышло случайно. Оружие просто выстрелило. Поговорим с адвокатом... о том, не разумнее ли рассказать всю историю и не покаяться ли для виду. В любом случае за это тебя не повесят. Ты можешь развестись и совершенно легально жить со мной. Здесь, или в Уэльсе, или еще где-нибудь.

— Уж лучше в Уэльсе, — прошептала Илейн. Внезапно ей очень сильно захотелось оказаться как можно дальше от Лайонел-Стейшн. Признаться, девушка испытывала облегчение от мысли, что она не убийца. Но, несмотря на все, чувствовала бы себя в большей безопасности, если бы Томас Сайдблоссом был мертв...

— А мы не можем просто сбежать, чтобы я не ходила в полицию?

Тим покачал головой.

— Нет, Лейни. Уильям прав. Мы не можем растить наших детей как

официальных потомков Сайдблоссомов, где бы мы ни были. Мы выдержим, Лейни. Ты и я. Ничего не бойся!

— Но только после помолвки, да, Тим? Пожалуйста! Я не выдержу, если сейчас все расстроится. Твоя мать... весь город будет говорить о нас... — Илейн разрыдалась. Все это было уже слишком.

Тим гладил ее, укачивая на руках.

— Ну ладно, давай после помолвки. Хотя мне это не нравится. Я переживаю из-за праздника...

— Но ведь он пройдет в Греймуте! — вырвалось у Куры. — А пока Илейн в Греймуте, с ней ничего не может случиться!

На нее уставились три пары удивленных глаз.

— Это тебе духи сказали? — попытался пошутить Уильям.

Кура покачала головой.

— Так сказала мне одна маори пару недель назад. Лейни все еще ищут, говорила она, но в Греймуте она в безопасности...

Глава 4

Илейн цеплялась за слова жены вождя племени маори, в то время как Тима они скорее тревожили. «Лейни все еще ищут...», а 16 августа Ламберты представят девушку половине Западного побережья в качестве его невесты. Тим пытался хотя бы не терять Лейни из виду. Несмотря на то, что его мать была недовольна, он ночевал в пабе, у Лейни, и пытался убедить ее в том, что нужно как можно реже выходить из комнаты.

Конечно, это было невозможно. Лейни нужно было посещать примерки платья. Нелли Ламберт ожидала от нее помощи, когда украшали комнаты в их доме. А город гудел от чужаков, которых пригласил Марвин Ламберт. Все комнаты в Греймуте были давно сняты. Гости переселялись в Пунакайки или даже в Уэстпорт. Уследить за всеми до праздника не получалось. Тим увидит гостей только во время променада пары, со многими вообще тогда же познакомится впервые. Ламберт пригласил многочисленных старых знакомых, с которыми его сын ни разу не встречался. Все это тревожило Тима. Взволнованный и нервный, он в последний раз сразился с матерью. Нелли всерьез требовала отказаться от шин и костылей в целях эстетики и приветствовать гостей в инвалидном кресле.

— Это ведь не стыдно, мальчик мой, что ты не можешь ходить...

— Я могу ходить! — возмутился Тим. — Боже мой, мама, вот он я, стою перед тобой. Неужели вы все не понимаете, что я хочу быть нормальным?

Хромая, Тим вышел из комнаты и пожалел, что не может хлопнуть дверью. Несколько секунд он размышлял над тем, не попросить ли об этом смущенного Роли, но потом, осознав всю комичность ситуации, лишь мрачно улыбнулся.

— Подготовь мне Приятеля, Роли, я съезжу в паб... Или нет, запрягай его. Судя по твоему виду, тебе тоже не помешает выпить пива. Ты ведь целый день помогал по дому, не так ли? Сколько гирлянд?

— Слишком много, мистер Тим, — усмехнулся Роли. — Мы перестали считать, когда миссис Ламберт велела перевесить их в пятый раз. Кстати, ваш завтрашний костюм довольно просторный, мистер Тим. Вы могли бы спрятать шины под ним...

— Ну уж нет, — выдавил из себя Тим. — В одном моя мать права. Мне совершенно нечего стыдиться.

Наряду с подготовкой к помолвке Илейн много времени проводила за пианино, что, с одной стороны, успокоило Тима, а с другой, заставило нервничать еще сильнее. Он убедил мадам Кларисс позволить Кура и Лейни практиковаться на ее инструменте, когда паб был закрыт, и таким образом на несколько часов в день изолировал Лейни от улицы. О выступлении в Бленеме он даже думать не осмеливался, впрочем, к тому моменту худшее будет уже позади. Ведь Лейни пообещала предстать перед властями сразу же после помолвки. Может быть, констебли вообще ее не отпустят. Казалось, Илейн и Кура не осознавали эту опасность; они полностью погрузились в работу над партитурами Калева. Лейни с облегчением обнаружила, что партия фортепьяно совсем не сложная. Через несколько дней она уже свободно играла с листа, а вскоре выучила на память. К сожалению, ей недоставало виртуозности. Несмотря на то, что из двух девушек она была более сентиментальной, у Илейн начисто отсутствовало чувство полутона. Она не воспринимала душу произведения, не интерпретировала, просто проигрывала его от начала до конца. Там, где Калев расставлял акценты едва уловимой вибрацией на одной ноте или же слегка колебался перед ответом фортепьяно, Илейн просто играла ноты. Кура приходила в отчаяние, пытаясь объяснить ей это.

— Паузу? Не играть сразу, немного подождать? Сколько? Четверть такта?

— Один удар сердца, — вздохнула Кура. — Мгновение...

Илейн опускала озадаченный взгляд.

— Я попробую с одной восьмой.

Наконец Кура сдалась. Ее партия не будет идеальной. Зато Лейни не испытывает страха перед выступлением и уж точно не собьется. А публика в Бленеме не слишком избалованная. В любом случае игра Лейни была лучше, чем большинство оперных арий, которые насильовали на сцене Родерик и его ансамбль.

Наконец парадное платье Илейн было готово. Она выглядела в нем великолепно. Миссис О'Брайен сделала ей еще обруч из такого же лазурно-голубого бархата, что и платье. Илейн распустит волосы, и простой обруч будет единственным украшением.

— Вы похожи на эльфийку, мисс Лейни, — с благоговением произнесла миссис О'Брайен. — У вас чудесные мягкие волосы. Они овевают вас, словно постоянно дует небольшой ветерок. У нас дома, в Ирландии, мы каждый год выбирали королеву весны, и я всегда

представляла себе такую девушку, как вы! — Миссис О'Брайен так гордилась молодой невестой в ее чудесном платье, будто Илейн была ее собственной дочерью.

— Не знаю, эльфы такие беспомощные... — пробормотала Лейни, которой тут же вспомнилась первая встреча с Уильямом. — Думаю, я предпочла бы быть ведьмой. Но платье просто фантастическое, миссис О'Брайен. Скоро у вас будут шить все женщины. Мистер Мортимер будет в ярости.

Миссис О'Брайен фыркнула.

— Мистеру Мортимеру не нужно кормить пятерых детей! У него есть красивый дом в городе, он не голодает. Мое сожаление весьма ограничено.

Когда праздничный день наконец настал, Роли заехал за Илейн на двухколесной полукаретке в «Лаки Хорс» — и, к ее огромному удивлению, Тим сопровождал его верхом на Приятеле. На нем уже был его вечерний костюм, и он казался рассерженным.

— Я знаю, что должен вести себя сдержанно, особенно по этому поводу, но я только что поссорился с отцом, — поведал он Илейн. — Он пьет сегодня с самого утра, и я не понял почему. В конце концов мне пришлось сказать ему, что он произведет очень плохое впечатление на гостей, если будет пьян... Ну он и решил признаться мне, причем именно сегодня, что ищет инвесторов для рудника! Совладельцев, понимаешь? Тем самым он окончательно вышвыривает меня. Мой собственный отец считает меня неудачником и ищет мне замену. — Тим казался очень несчастным и обиженным. — Зато я готов твердо заявить: мы решим вопрос с твоим разводом, Лейни, и уберемся отсюда. С меня уже хватит!

Приятель пританцовывал под своим нетерпеливым всадником, словно ему хотелось немедленно отправиться в путешествие на своих четырех. Если так пойдет и дальше, Тим устанет еще до начала праздника. Даже на спокойном коне поездки верхом все еще сильно утомляли его.

Илейн подошла к нему, успокоила Приятеля, мягко сняла зажатую руку Тима с поводьев.

— Для начала ты спешишься. У твоей матери случится припадок, если твой костюм будет пахнуть стойлом. Роли может отвести Приятеля домой, а ты повезешь меня в полукаретке — это так романтично! К тому же сегодня полнолуние. Мы могли бы остановиться по дороге и немного поупражняться для обручального поцелуя.

Тим слабо улыбнулся, и Илейн нежно поцеловала его руку.

— А потом мы просто переживем этот вечер. Все остальное сложится. Она устроилась в полукаретке, красиво расправив свое платье на

сиденье. Тим тем временем поехал к своей подставке в стойло и проделал фокус соскальзывания с коня, а затем отстегнул шины от седла, надел их и вернулся к Илейн.

— Ты все слышал, Роли! — сказал Тим, обращаясь к своему слегка озадаченному слуге. — Леди желает, чтобы ты поехал верхом на Приятеле домой, а я повезу ее. Ты действительно хочешь взять с собой Келли или пусть Роли отведет ее в конюшню?

Маленькая собачка восторженно носилась вокруг кареты и, судя по всему, радовалась предстоящей поездке. Тим погладил ее, когда она подбежала к нему.

— Мне она не мешает, но ты же знаешь мою маму...

— Ей придется с ней жить. Ты же знаешь, Келли — это пробный камень истинной любви. Если она залает в решающий момент, я за тебя не выйду, — нервно рассмеялась Илейн. — Ну, что еще, Роли? — Она обернулась к парню, с несчастным видом стоявшему у кареты.

— Я ведь не умею ездить верхом! — Лицо Роли казалось обиженным. — Мне придется идти пешком всю дорогу!

Его кислая мина слегка развеселила Тима.

— Роли, если не можешь ездить верхом, значит, ты умер! — заявил он, слегка изменив любимую фразу Илейн. — Я бы на твоём месте был рад и счастлив пройти пару миль пешком. Так что отведи лошадь домой. Кто кого повезет или поведет, мне все равно.

Роли не осмелился сесть в седло и действительно прошел две мили пешком под легким начинающимся дождиком. В конце пути он был совершенно расстроен. Его новый костюм промок, и он пропустил Мэри Флаэрти, которую хотел встретить у двери в церковь и с помощью нескольких сладостей из буфета настроить достаточно благожелательно для того, чтобы она обменялась с ним парой поцелуев. Зато его позвал конюх Уэберов, с которым они были слегка знакомы. Молодой человек махал ему бутылкой виски.

— Иди сюда, Роли, отметим и мы немного. Сегодня ночью твоему мистеру Тиму вряд ли понадобится медбрат.

Обычно Роли не забывал о своих обязанностях, однако в этот вечер он оставил Приятеля перед домом нерасседланным. Конечно, он собирался отвести его в стойло, но чуть позже. А потом просто забыл об этом. Сивый мерин терпеливо ждал. Когда-нибудь кто-нибудь да освободит его; а пока он решил подремать под дождиком. На Приятеля никто не обращал внимания, пока у него — гораздо позже — не появилась компания.

После того как мимо юной пары провели шестидесятого или семидесятого гостя, с которым нужно было перекинуться парой слов, Тим начал тосковать по своему инвалидному креслу. Кому пришла в голову идея заставить их часами стоять у входа в салон и здороваться со всеми подряд? Но его мать называла эти рукопожатия «торжественным приветствием». До сих пор Илейн считала, что подобное бывает только при королевских дворах. Неужели она когда-то действительно мечтала быть принцессой? Теперь этот ритуал казался ей слишком скучным, а Тима тем временем оставляли силы. Он бросал почти завистливые взгляды на Келли, которая лежала, свернувшись клубочком, на коврике и крепко спала.

— Сколько их всего? — поинтересовалась Лейни, придвигаясь к нему поближе. Может быть, он сумеет незаметно опереться на нее? Впрочем, она для этого слишком маленькая и хрупкая.

— Почти сто пятьдесят. Чистое безумие, — прошептал ей Тим и устало улыбнулся семье Уэбер.

Флёренс парила рядом с Калевом, а Калев рассыпался в многословных благодарностях в адрес Илейн. Он красочно описал огромный камень, который свалился у него с души, когда он узнал о том, что она заменит его на концерте Куры.

— Никогда не снимай камни с души геологов... — натужно пошутил Тим, когда пара наконец скрылась в доме. — Он устроит точный анализ состава, причин падения и укажет точное количество частей, на которые они раскололись.

К счастью, следующими были Мэтт и Шарлен, девушка — в сногшибательном зеленом платье, тоже работы миссис О'Брайен, а также Кура с Уильямом. Молодые люди были голодны и не болтливы.

— Где буфет? — осведомилась Кура.

Время, проведенное на улице, научило ее не пренебрегать вкусными ужинами. Уильям принес ей шампанского, а Лейни и Тим обернулись к следующим гостям. Слава богу, что не все пришли вовремя. Когда прихожая на несколько минут опустела, Тим решил покончить с собственной пыткой. Тяжело вздохнув, он опустился в стоявшее в салоне кресло.

— Перед танцем мне нужно немного отдохнуть, — пробормотал он и почесал за ухом Келли, пока Илейн решила немного пройтись в поисках бокалов с шампанским.

Протискиваясь сквозь толпу гостей к буфету, устроенному в кабинете, она поговорила с Шарлен и Курой, поблагодарила за сделанные ей

комплименты. Казалось, все в порядке, но девушка чувствовала смутную тревогу. Может быть, думала она, все это слишком сказочно? Она точно знала, что завтра утром констебли вернут ее в реальность. Илейн улыбнулась офицеру полиции и мировому судье. Они весело ответили ей. Пока что...

Наконец Илейн понесла добытые бокалы с шампанским к Тиму — а потом увидела высокого седого мужчину, который только что вошел в салон вместе с Марвином Ламбертом. При виде его девушка окаменела. Все внутри нее требовало одного: бежать. Но нет, это глупо, должно быть, она ошиблась, этого не может быть... Ни в коем случае нельзя бежать сломя голову. Нужно подойти поближе и убедиться в том, что это действительно не Джон Сайдблоссом...

Илейн заставила себя идти вперед.

В этот миг в салоне заиграла капелла. Люди стали перемещаться в зал и закрыли от Илейн вновь прибывшего гостя. Сердце забило спокойнее, пока она плыла вместе с толпой. Наверняка это ошибка. В какой-то момент она добралась до Тима, который только что с трудом поднялся на ноги.

— Итак, моя красавица! Ты потанцуешь со мной?

Илейн хотела что-то ответить, но у нее было такое чувство, словно ее овеивает ледяной ветер. Она нервно оглянулась, и приглашающая улыбка Тима погасла, когда он увидел панику на ее лице. Казалось, Илейн хочет от чего-то сбежать — и в то же время понимает, что не может сдвинуться с места ни на дюйм. Несколько секунд — и Илейн стала белее мела.

— Лейни, что случилось?

— Там... там...

— Ах, вот и они! — загудел голос Марвина Ламберта. — Позвольте представить нашего гостя. Мой очень давний друг... сколько мы не виделись, Джон? Это Джон Сайдблоссом!

Илейн механически протянула руку. Может быть, все это просто дурной сон. Может быть, у нее галлюцинации.

— Моя будущая невестка Лейни, мой сын Тим.

Илейн казалось, что зал вращается вокруг нее. Может быть, упасть в обморок было бы не самой плохой идеей... Но тут Сайдблоссом сжал ее руку, и безумный страх, охвативший Илейн, укрепил ее.

— Моя прекрасная Илейн, — произнес Сайдблоссом. Голос его звучал хрипло. — Я знал, что найду тебя. Когда-нибудь... и в такой приятной обстановке. Мистер Ламберт. — Он обернулся к Тиму и растянул губы в хищной улыбке. — Какое восхитительное завоевание! Но, увы, защитники еще остались. Не стоит поднимать над крепостью флаг, мистер Ламберт,

пока она не захвачена полностью...

Илейн не поняла его слов, но услышала в них угрозу. И тут она не выдержала. Ей хотелось пробормотать слова извинения, но она сумела лишь хрипло вздохнуть. Илейн в панике бросилась прочь, однако сначала побежала не в ту сторону. Она едва не ворвалась в кабинет, откуда не было пути на улицу. Илейн затравленно огляделась — и столкнулась со своей кузиной, которая только что вошла в салон с двумя бокалами шампанского. Напиток забрызгал платье. Кура успела разозлиться, но тут увидела ужас на лице Илейн и не стала возмущаться. Вместо этого она спросила:

— Лейни, что с тобой? Ты поссорилась с Тимом? — Кура пристально смотрела на нее. Нет, этого не может быть. Даже тогда, на улице в Квинстауне, когда Илейн застала в неловкой ситуации Куру и Уильяма, лицо ее не было таким бледным и перекошенным, а глаза — настолько огромными. Глаза зверя, загнанного в ловушку.

— Джон Сайдблоссом. Он... он... — пробормотала Илейн, прежде чем броситься бежать дальше, прочь из салона, через прихожую. Ей нужен был воздух. С трудом переводя дух, она направилась к освещенному подъезду, увидела Приятеля и двух других коней, запряженных в повозку. Келли залаяла. Илейн даже не заметила, что собачка бежала за ней. Она машинально наклонилась, чтобы погладить ее... и услышала шаги за спиной. Сайдблоссом. Но тут увидела, что Келли машет хвостом, потом заметила костыли и узнала шаркающую походку Тима.

— Лейни, вот ты где... — Тим прислонился к коновязи и обнял ее. — Боже мой, да ты вся дрожишь, будто вот-вот упадешь в обморок! Успокойся, успокойся...

— Я не могу успокоиться. — Теперь Илейн было холодно, на теле высохал пот. — Это Джон Сайдблоссом... Он уже... он ведь...

Тим тоже испугался этой встречи, однако он обладал способностью быстро оценивать критические ситуации и держать себя в руках. На руднике от этого могла зависеть жизнь. И теперь он погладил Лейни, чтобы все же успокоить девушку.

— Лейни, ничего не случится. В худшем случае он сорвет этот праздник. Но если бы он хотел скандала, то начал бы иначе. Может быть, он перейдет в атаку только завтра, а сейчас просто примется расспрашивать отца...

— Он пойдет к констеблю, и меня посадят, — прошептала Илейн. И тут осознала, что это совершенно не тревожит ее. Она не боялась провести ночь в камере, наоборот. Там она будет чувствовать себя в безопасности.

— Смотри, Лейни, констебль среди гостей, мы ведь совсем недавно

приветствовали его. Равно как и мировой судья. Если хочешь, я сейчас позову их. Потом мы удалимся в какую-нибудь комнату, и ты признаешься...

— Сейчас? — переспросила Лейни. — Прямо сейчас? — Девушку разрывало между надеждой и страхом.

— Таким образом мы в любом случае сумеем опередить Сайдеблоссома. А завтра утром будет дан ход заявлению на развод, после этого с тобой уже ничего не может случиться... Да успокойся же, Келли!

Тим нетерпеливо обернулся к собаке, которая вдруг снова залаяла. Илейн, услышав лай Келли, отодвинулась от Тима. Когда она посмотрела на дверь дома через плечо Тима, на лице ее появилось выражение обреченности.

— А если мой сын совершенно не хочет развода, мистер Ламберт?

Из тени появилась фигура Джона Сайдеблоссома. Должно быть, он вышел через одну из боковых дверей. На нем был длинный темный плащ поверх вечерней одежды. Значит, он хочет уйти. Тим перевел дух. Келли залаяла.

— А если он вместо этого надеется на воссоединение семьи? Он действительно больше всего хочет вернуть Лейни после этого кошмарного несчастного случая...

Илейн не произнесла ни слова. Она в ужасе отпрянула, когда Сайдеблоссом приблизился к ней.

— Но Илейн хочет развода, мистер Сайдеблоссом, — спокойно произнес Тим. — Прошу вас, ведите себя как разумный человек. Лейни очень сожалеет о том, что сделала, но ваш сын, без сомнения, дал ей для этого повод. Пожалуйста, оставьте нас в покое...

— А вас никто не спрашивал! — набросился на него Сайдеблоссом и снова обратился к Лейни своим хриплым голосом: — Ты должна кое-что исправить, Илейн. Но отныне ты станешь для него послушной женой. Томас всегда был немного... хм... мягок. Теперь за тобой присмотрю я... — Он потянулся к Илейн, но та увернулась.

Келли прыгала между ними, истерично лая.

Тим заслонил собой девушку.

— Этого не будет, мистер Сайдеблоссом! — решительно заявил он. — Убирайтесь отсюда!

Сайдеблоссом усмехнулся.

— А не то что? Вы хотите помешать мне забрать нашу собственность?

Внезапно он замахнулся и со всей силы нанес удар Тиму в подбородок, отшвырнув его в сторону. Тим, который совершенно не был готов к этому,

упал на землю. Ударившись поврежденным бедром, он не сумел сдержаться и вскрикнул от боли. Сайдблоссом пнул Келли, которая продолжала лаять.

— Тим!

Илейн забыла о страхе. Она опустилась на колени рядом с Тимом — и Сайдблоссом тут же воспользовался ситуацией. Более того, похоже, именно на это он и рассчитывал. Он мгновенно завел руки Илейн за спину и связал их. Потом сунул между зубами кляп — она даже закричать уже не могла.

Тим извивался на земле, отчаянно пытаясь ухватиться за что бы то ни было, однако вынужден был беспомощно наблюдать, как Сайдблоссом заставил Илейн встать на ноги, потом подхватил ее и швырнул в повозку.

— Просто забудь о ней, — насмешливо произнес Сайдблоссом и принялся отвязывать лошадей.

Тим попытался перекатиться ему под ноги и задержать, хотя понимал, что Сайдблоссом наверняка и не подумает остановиться и растопчет его. Сайдблоссом пнул его ногой по ребрам.

— Ты ведь не собираешься драться на самом-то деле? — Он рассмеялся и на мгновение задумался, не пнуть ли его еще раз. А потом оставил Тима лежать на земле. Не будет он бить калеку. По крайней мере не больше того, чем это необходимо.

У него была легкая повозка. Маленькая площадь платформы, зато высокие козлы. Илейн лежала сзади и не шевелилась. Сайдблоссом предположил, что она ударилась, когда он швырнул ее на повозку. Ну да ничего, с этим можно будет потом разобраться. Главное, что пока она будет молчать. Сайдблоссом спокойно развернул упряжку. К чему привлекать к себе внимание? Только бы эта чертова псина перестала лаять! Но если он прямо на месте пристрелит эту тварь, люди в доме услышат выстрел. Лучше просто оторваться от этой шавки. Сайдблоссом пустил коней в галоп.

Кура искала Илейн и Тима, но сначала наткнулась на Уильяма, который болтал с кем-то у бара. Она отвела его в сторону.

— Лейни совершенно расстроена! Ей кажется, что она видела Сайдблоссом. И Тима я что-то нигде не могу найти.

— Ну, Тим от тебя вряд ли убежит... — Уильям был уже не совсем трезв.

— Уильям, это серьезно! Илейн едва не спятила от страха. Одному небу ведомо, где она...

— Позволь-ка я угадаю: за пианино у мадам Кларисс. Илейн всегда убегает, когда что-то пугает ее, ты ведь знаешь. И как сюда мог попасть

Сайдблоссом? Он ведь ранен и все равно что слеп...

Кура встряхнула его.

— Не молодой Сайдблоссом! Старик! Давай же, Уильям, мы должны найти их. Если это ложная тревога, тем лучше. Но я тебе говорю: Илейн кого-то видела. И если это был не Джон Сайдблоссом, то сам нечистый!

Уильям взял себя в руки. Появление Джона Сайдблоссом он по-прежнему считал маловероятным. С другой стороны, тот давным-давно жил на побережье, как и Марвин Ламберт. Так что нельзя считать, что их знакомство исключено.

Но бегать сломя голову, как Кура, которая повела себя чересчур эксцентрично, было бессмысленно. Уильям на минуту задумался. То, что он сказал по поводу Лейни, было правдой. Она не любила сталкиваться с проблемами лицом к лицу и предпочитала бежать от них. Если девушка действительно видела Джона Сайдблоссом, то она уже в пути. Вот только куда она направилась? К мадам Кларисс? Или просто подальше отсюда? Уильям пошел к выходу. А потом услышал, как лает Келли. Не очень громко, лай был скорее отдаленный. Уильям бросился бежать.

— Сюда! На помощь!

Уильям услышал крик Тима, когда остановился в дверях, пытаясь сориентироваться. Слева от освещенного подъезда, у коновязи, он увидел Тима, отчаянно пытавшегося встать. Казалось, он совершенно не мог пошевелить левой ногой.

— Подождите, я помогу вам... — Уильям хотел поднять костыли, но внезапно на него снизошло страшное озарение. Если бы Тим просто упал, Илейн была бы рядом...

— Оставьте меня! — Тим отчаянно замахал руками, когда молодой человек попытался помочь ему подняться. — Найдите Лейни! Этот негодяй увез ее. Грузовая повозка, две лошади, в сторону Уэстпорта. Нагоните его, возьмите моего коня!

— Но вы...

— Никаких «но», я справлюсь сам! Поезжайте же!

Тим застонал. Казалось, в бедро вонзаются огненные ножи. Пытаться догнать Сайдблоссом самостоятельно было бессмысленно, даже если бы он сумел каким-то образом сесть на коня.

— Скачите!

Уильям неуверенно поставил ногу в странное стремя.

— Но почему Уэстпорт? Разве он поехал не на юг?..

— Боже мой, я видел, как он уезжал! И откуда я знаю, что ему нужно в

Уэстпорте! Может быть, у него там сообщники. Или в Пукайки. Выясните это! Езжайте!

Тим потерял опору и снова опустился на землю, но Уильям наконец сел на коня. Пришпорил Приятеля каблуками, конь недовольно фыркнул. Тяжелые стремяна больно бились в бока. Приятель встал на дыбы, а потом понесся галопом. Поначалу Уильям не управлял им. Молниеносный старт совершенно вывел его из равновесия, но выпасть из специального седла было все равно невозможно. Тим мимоходом подумал о том, что Эрнест говорил по поводу конструкции. Главное, чтоб Приятель не споткнулся...

Приятель не споткнулся. Когда он проскакал мимо последних домов Греймута, Уильям уже освоился на спине животного. Седло практически не оставляло свободы для движения, однако держать ноги в стремянах было на удивление удобно. Приятель мчался так, словно за ним гнались фурии, но Уильяму наконец удалось разобраться с поводьями, и контролировать коня стало легко. Пока что дорога была широкой, однако скоро все должно было поменяться. Ему нужно было свернуть к прибрежной полосе, ведущей к Пукайки, очень красивому отрезку пути с такими видами, что дух захватывало, но сама дорога была извилистой и неровной. Кроме того, после дождя там могло быть скользко. Уильям весь сжался, однако Приятель был невозмутим. Он практически не сбавил темп, когда они добрались до грунтовой дороги, и продолжал нестись дальше. Ни одна упряжка с повозкой не могла двигаться с такой скоростью, как ретивый серый жеребец, и вероятность того, что Сайдблоссом куда-то собирался свернуть, не пугала. В лунном свете все было видно довольно хорошо, а на мокрой от дождя дороге Уильям не мог не заметить какие бы то ни было следы. Кроме того, теперь он слышал лай Келли, становившийся все громче и громче. Значит, он догоняет их.

Когда Приятель на головокружительной скорости прошел поворот, за которым дорога шла под гору, Уильям увидел перед собой повозку, увлекаемую двумя лошадьми. За повозкой следовала отчаянно лаявшая маленькая черная тень. Уильям понял, что через пару минут нагонит их. По крайней мере Приятель очень старался. Перспектива пробежаться с сородичами заставляла жеребца мчаться в бешеном темпе, который, по правде сказать, уже представлял опасность для жизни. Вцепившись в седло, Уильям пытался продумать стратегию. Броситься вдогонку за Сайдблоссом просто так было безумием! Этот человек наверняка вооружен и, скорее всего, не постесняется выпустить пулю в Уильяма. Или в Приятеля. Если лошадь упадет на такой скорости, всадник вряд ли

выживет.

С другой стороны, учитывая неровности дороги и скорость, вряд ли он сможет нормально прицелиться. Сайдблоссом должен быть очень сильно занят своей повозкой. Если он не будет объезжать выбоины, то рискует сломать ось. Единственный шанс Уильяма заключался в том, чтобы обогнать повозку, остановить лошадей и броситься на этого человека прежде, чем тот успеет воспользоваться своим оружием. И неожиданность нападения должна сыграть ему на руку. Келли все еще лаяла как безумная; значит, Сайдблоссом не услышит топота копыт преследователя. Приятель продолжал разгоняться и теперь неся почти рядом с повозкой. Уильям испугался, осознав, что они с конем отбрасывают длинную тень в лунном свете, которую возница в конечном счете не мог не заметить.

И он был прав в своем опасении. Внезапно Сайдблоссом обернулся и увидел приближающегося всадника. Теперь Уильям мог хорошо разглядеть его. В руках у его противника не было оружия, зато был хлыст. И он попытался достать Уильяма.

Илейн очнулась от лая Келли и от того, что ее тело безжалостно колотилось о грубые доски погрузочной платформы и стенки. Здесь была пара одеял, но Сайдблоссом приготовил их скорее для того, чтобы спрятать ее, чем для того, чтобы ей было не так жестко. Голова болела; должно быть, она ударилась обо что-то и потеряла сознание. Но сейчас на это не стоит обращать внимание. Если бы руки были свободны, возможно, она рискнула бы попытаться спрыгнуть. Конечно, она могла убиться при этом, но все лучше, чем снова оказаться во власти Томаса Сайдблоссом.

Илейн пошевелила руками в путах. Веревка больно впивалась в кожу, но девушке действительно удалось быстро высвободиться. Наверное, в спешке Сайдблоссом затянул ее не слишком крепко. Илейн потеряла свои маленькие руки, попыталась вытянуть их и змеей вывернуться из пут. А потом увидела, что рядом с повозкой появилась тень лошади и всадника.

Девушка узнала благородную голову Приятеля. Тим? Нет, это невозможно. Джон сбил Тима с ног. Она очень надеялась на то, что с ним не случилось ничего страшного, что он ничего себе не сломал. Илейн изо всех сил пыталась разглядеть всадника... Уильям! Он обогнал повозку, поравнялся с козлами и...

Защититься Уильям не мог. У него не было хлыста, чтобы ударить в ответ, да и седло не давало возможности пригнуться и уйти от удара. А Приятель стал бежать медленнее. Сайдблоссом бил его хлыстом по голове

и шее. Животное испугалось и постепенно отстало. Уильям гнал его вперед, но конь явно растерялся. Отчаянным усилием Уильям заставил Приятеля подойти ближе к козлам и потянулся к хлысту, которым снова замахнулся Сайдблоссом. Теперь он видел лицо своего противника: черты лица Джона Сайдблоссома были искажены от ярости. Он выпустил поводья, встал и вложил всю свою силу, стараясь ударить Уильяма. Судя по всему, он надеялся выбить его из седла. Но теперь Уильям смотрел на него, совершенно не испытывая страха, хладнокровно принимая обрушивающиеся на него удары, и в конце концов схватился за хлыст. Почувствовав кожу в ладони, он инстинктивно намотал ее на руку, чтобы больше не потерять. Если бы сейчас удалось потянуть хлыст и вырвать его из рук Сайдблоссома...

Но тут среагировал Приятель. Жеребец испугался, увидев над собой пляшущую тень хлыста, и резко бросился в сторону. Уильям почувствовал, как хлыст с силой рванулся из руки. При других обстоятельствах его выкинуло бы из седла, но специальное седло Тима удержало его. Сайдблоссому пришлось уступить, и он лишился хлыста...

А потом все произошло очень быстро. Послышался крик, грохот. Уильям хотел оглянуться, но совершенно перепуганный Приятель снова понесся быстрее, чтобы увернуться от ударов хлыста. Уильям снова остался в седле только благодаря тому, что его удерживала специальная конструкция. А когда Уильяму удалось освободить запястье от хлыста и он упал на землю, Приятель тут же успокоился. Сердце Уильяма бешено колотилось, но теперь он наконец-то мог оглянуться.

Лошади Сайдблоссома неслись за ним в бешеном темпе, но козлы были пусты. Должно быть, Сайдблоссом потерял равновесие и упал. Одному Богу известно, что с ним теперь...

Уильям позволил себе небольшую передышку. А потом осознал, что опасность для Илейн еще далеко не миновала. Тянувшая повозку упряжка полностью потеряла контроль, а дорога резко пошла под откос. Уильям пытался направить Приятеля так, чтобы остановить лошадей, но это тоже было рискованно. Дорога была слишком узкой, чтобы обогнать друг друга. Если конь под ним остановится, а упряжные не притормозят... или не смогут остановиться, потому что повозка очень тяжелая... Уильям уже представлял себе, как его собьет, повозка переедет тело... или швырнет на камни...

Илейн сражалась с веревками. Она увидела, что Сайдблоссом упал, и поняла, что снова оказалась в опасности. Она знала, что им предстояло

ехать по обрывистой и извилистой дороге, как знала и то, что даже на нормальной немощенной улице потерявшая управление повозка весьма опасна. Кроме того, с повозкой было что-то не так. Похоже, что-то блокировало левое переднее колесо. Если ось сломается...

А потом совершенно неожиданно веревки поддались. Они ослабились достаточно, чтобы Илейн сумела вытянуть правую руку. На кляп девушка почти не потратила времени. Она встала на погрузочную площадку и попыталась взобраться на козлы. А потом она ухватила за одно из поводьев, начала говорить с лошадьми... и наконец дотянулась до второго. Она еще наполовину стояла на повозке, разобралась с поводьями и начала помогать лошадям, чтобы те замедлили бег. Вскоре они перешли на рысь, потом на шаг. Одновременно Уильям остановил Приятеля.

Внезапно стало очень тихо; даже Келли перестала лаять. Хотя было слышно, как она хрипло дышит, потом разбежалась и запрыгнула на повозку, чтобы тут же облизать лицо Илейн.

— Боже мой, Лейни... — Уильям чувствовал, как бешено колотится сердце. Только теперь до него дошло, насколько близки все они были к смерти или по меньшей мере к серьезной аварии.

Илейн освободилась от последних пут, смеясь и плача одновременно. Она едва сумела отодвинуть в сторону Келли.

— Молодец, Келли, хорошая собачка. А теперь оставь, хватит, я снова с тобой...

Уильям с тревогой глядел на нее. Илейн казалась неестественно спокойной, словно произошла небольшая беда, которая была связана с неполадками повозки.

— Ты не мог бы посмотреть, что случилось с передним левым колесом? Его что-то блокирует.

— Боже мой, Лейни... — снова пробормотал Уильям, но теперь его голос звучал еще более хрипло, он уставился на повозку немигающим взглядом. Переднее левое колесо...

Илейн начала вставать, намереваясь спуститься и посмотреть сама.

— Нет, не смотри туда, не делай этого! — Уильям прерывисто дышал, но ее нужно было уберечь хотя бы от этого.

На спицах колеса, поддерживаемые обрывками длинного вощеного плаща, висели останки Джона Сайдблоссома. Уильям скорее свалился, чем спешил с лошади. Он побрел к краю дороги, и его стошнило.

Илейн послушно осталась на козлах. Но по лицу Уильяма догадалась, что именно он увидел. Она видела падение Сайдблоссома и поняла, что должно было случиться. Тут же осознав все остальное, девушка задрожала.

Уильям помог ей спуститься с козел и отвел в сторону.

— В повозке есть одеяла. Накрой лошадей...

У Илейн стучали зубы, но она придерживалась того, чему ее научили. Если она будет думать о чем-то, кроме лошадей, то просто сойдет с ума. Уильям и так смотрел на девушку, словно у нее не все в порядке с головой. Он принес одеяла, накрыл одним Илейн, вторым — труп, который кому-то придется убрать с повозки, прежде чем ее можно будет сдвинуть с места.

— Накрой лошадей, пожалуйста, — повторила Илейн, глядя прямо перед собой.

В принципе, он мог сделать и это. В первую очередь лошадей нужно где-то привязать. И подумать страшно, что повозка вновь сдвинется с места и потащит труп дальше. В паре ярдов стояли деревья, но туда лошадей придется вести. Может быть, стоит их распрячь... Уильям неловко принялся возиться с уздечками.

К счастью, лошади не пытались сдвинуться с места, они стояли, тяжело дыша, бока их подрагивали. Лишь Приятель медленно побрел к Илейн, и она схватила поводья. Уильям позаботился о лошадях. Он делал все механически, стараясь не думать о том, что произошло...

— Тим... — произнесла Илейн. — Ты...

— Я говорил с ним, Лейни, он в порядке.

Или нет. Уильяму вспомнилось искаженное от боли лицо Тима. Только не думать... Он обнял Илейн. Келли залаяла.

Лейни плотнее закуталась в одеяло.

Внезапно Приятель наострил уши, даже упряжные лошади зашевелились.

— Топот копыт, — прошептала Илейн. Она задрожала сильнее. — Думаешь, он...

— Илейн, Джон Сайдблоссом мертв. Он больше ничего не может тебе сделать. Я думаю, Тим послал за нами людей... Ты не могла бы заставить собаку замолчать? Почему она всегда лает, когда к тебе прикасается мужчина?

Уильям поднялся.

— Она не на всякого лает, — прошептала Илейн.

Глава 5

Джей Хэнкинс, кузнец, на своей длинноногой кобылке был первым, кто нагнал их. Вслед за ним прибыли констебль, мировой судья, а также Эрни и Мэтт.

— Боже милостивый, мистер Мартин! Как вы ухитрились остановить здесь повозку? — Хэнкинс смотрел на дорогу над обрывом. — А где тот тип, который...

Уильям кивнул в сторону пропитавшегося кровью одеяла.

— Это был несчастный случай. А остановила повозку Лейни...

Илейн удивленно смотрела на него. Куда подевался хвастливый Уильям, который практически в одиночку избавил Ирландию от английских захватчиков?

— И все равно, очень храбро с вашей стороны, мистер Мартин. У этого человека наверняка было оружие... Вы в порядке, мисс Лейни?

Мэтт помог подняться Лейни, которая снова задрожала. Но на этот раз Келли лаять не стала.

— Думаю, здесь потребуются некоторые объяснения, — произнес констебль, поднял край одеяла и скривился. — Но сначала нужно убрать это... все это. Есть у нас двое мужчин с крепкими желудками? И как нам доставить девушку домой?

Илейн повернулась к Мэтту Гавейну.

— Тим?.. — снова спросила она.

Мэтт пожал плечами.

— Не знаю, Лейни. С ним доктор. Но он был в сознании, говорил вполне членораздельно и все нам объяснил. Сейчас мы пошлем Хэнкинса на его скаковой лошади домой. Пусть приведет карету, и вы снова будете с Тимом. Может быть, Джей и новости привезет...

Илейн отчаянно покачала головой. Ей было ужасно холодно и дурно от страха, но лучше-то не станет, если она прождет здесь, на улице, еще целый час.

— У меня есть скаковая лошадь, — произнесла она и указала на Приятеля. — Он сумеет преодолеть этот путь еще раз.

— Вы собираетесь ехать верхом, мисс Лейни? — поинтересовался констебль. — В таком состоянии?

Илейн оглядела себя. Платье испачкалось и порвалось, на запястьях остались следы от веревок, а судя по тому, как болит голова, на лице у нее

кровоподтеки и ссадины. Но ей так хотелось к Тиму...

И тут ей вспомнилась бабушка. Илейн попыталась улыбнуться, но слова ее прозвучали почти серьезно:

— Если не можешь ехать верхом, значит, ты умер.

Больше всего Илейн хотелось пуститься в галоп, но она пожалела Приятеля и ограничилась легкой рысью. Однако сопровождавшие ее Мэтт и Джей тем не менее покачали головами по поводу заданного ею темпа.

— Вы ведь ничем не сможете помочь ему, мисс Лейни, — произнес Джей.

Илейн бросила на него убийственный взгляд, но не ответила. Она слишком устала и замерзла, чтобы разговаривать. На самом деле больше всего ей хотелось расплакаться. Несмотря на это, она держала себя в руках и даже попыталась завести Приятеля в конюшню, когда они подъехали к дому Ламбертов. Мэтт принял у нее поводья Приятеля.

— Идите же...

Илейн, спотыкаясь, прошла через прихожую, салон... где все еще были гости, взволнованно переговаривавшиеся между собой. Но она не обращала внимания ни на кого из тех, кто пытался заговорить с ней. Наконец она добралась до коридора перед той частью дома, где располагались кухня и комнаты Тима...

Илейн рухнула только тогда, когда увидела Тима, лежавшего в своей постели. Такой же притихший и бледный, как в первый день после трагедии. Не может быть, после всего, чего он сумел достичь! Она истерично всхлипнула и не удержалась на ногах.

Берта Лерой подхватила ее.

— Ну, ну, Лейни... Мы ведь не собираемся сдаваться! Роли? У вас здесь есть виски?

— Лейни! — послышался голос Тима.

Илейн отстранила Берту и дотащилась до постели Тима. Он сел, когда она опустилась на колени рядом с кроватью.

— Этот безнадежный Уильям действительно сделал это? Боже мой, я думал, мне придется отколошматить его, чтобы заставить сесть на коня! А потом он еще собрался спорить по поводу направления!

— Тим, ты... — Илейн прижалась лицом к его ладоням, оцупала его тело... никаких бинтов... хотя слегка вздрогнул, когда она коснулась его левого бока.

— Довольно большие синяки, — произнесла Берта Лерой, подавая Илейн бокал. — Но он ничего не сломал себе, не переживайте.

Илейн снова расплакалась, на этот раз от облегчения. Она отпила из бокала и встряхнулась.

— Это не виски...

— Нет, это снотворное. — Берта заставила ее выпить весь бокал. — Я передумала насчет водки. От этого вы только разболтаетесь — не говоря уже о том, что станете ужасно сентиментальной. Вместо этого сейчас будет сон. У вас тоже, Тим! Иначе я поймаю мужа на слове и действительно не пущу вас на этот допрос!

Наутро у констебля собралась группа довольно уставших и невыспавшихся людей.

Несмотря на снотворное, Илейн проснулась к утру и, выплыв из кошмарного сна, поняла, что она в постели Тима. Тим, который не спал, несмотря на морфий, охотно подвинулся и обнял девушку, в то время как она, запинаясь и всхлипывая, рассказала ему весьма сбивчивую историю гибели Сайдблоссома. Когда она наконец уснула у него на плече, он не смел шевельнуться и всю ночь провел в довольно неудобном положении, отчего утром чувствовал себя не особенно бодро.

У Илейн утром все еще болела голова, и девушка то и дело раздражалась слезами. Абсолютная сдержанность сразу после похищения сменилась противоположным состоянием. Так, при виде полностью уничтоженного платья она разрыдалась в первый раз, а потом тут же расплакалась снова, когда появилась Шарлен со сменным платьем.

— Ну же, не плачь! Миссис О'Брайен сошьет тебе новое платье, — беспомощно глядя на нее, пообещала Шарлен. — Если она поторопится, то даже успеет к этому концерту в Бленеме. Ты ведь хотела надеть его...

— Если я, конечно, не сяду в тюрьму... — всхлипнула Илейн.

Шарлен попыталась уговорить ее хотя бы позавтракать. Через какое-то время девушка все-таки сумела взять себя в руки и, когда настало время выходить, выглядела спокойной, хотя и напряженной. Она последовала за хромающим Тимом через салон мимо хранившей ледяное молчание Нелли Ламберт. Марвин Ламберт не показывался. Либо работал на руднике, либо был пьян — снова или все еще.

Уильям целую ночь праздновал с Курой, отмечая тот факт, что остался в живых. После бешеной скачки и последовавших за ней попыток доказать Куре, что он жив, Уильям двигался едва ли лучше Тима.

Констебль тоже не выспался. Вместе со своими помощниками он полночи занимался бранными останками погибшего, затем отвез его тело обратно в город и перепроверил первые показания. А доктор Лерой казался

довольно изнуренным после обследования мертвого Сайдблоссом. Впрочем, он не нашел ничего, что противоречило бы версии событий, изложенной Уильямом.

— Значит, мы можем записать по поводу этого смертельного случая, — закончил мировой судья, рассудительный и приветливый человек, который в гражданской жизни руководил местной телеграфной станцией, — что Джон Сайдблоссом на полном скаку, стоя на козлах своей повозки, пытался выхватить у скакавшего рядом Уильяма Мартина хлыст, словно перетягивая канат. Когда он неожиданно дернулся, то потерял равновесие. Падая, он запутался плащом в спицах, и колеса разорвали его насмерть. Какие-нибудь возражения имеются?

Слушатели покачали головами.

— Нехорошая смерть, — заметил констебль, — но, наверное, и человек был не из приятных... Перейдем к вам, мисс Лейни Кифер. Или, вернее, Илейн Сайдблоссом, если я вас правильно понял сегодня ночью. Что это за чушь? Почему вы жили здесь под вымышленным именем? Почему только в Греймуте было «безопасно» и почему этот Сайдблоссом не мог просто поговорить с вами, зачем понадобилось вас похищать?

Илейн глубоко вздохнула. А потом заговорила тихим бесцветным голосом, опустив взгляд в пол.

— Теперь вы задержите меня? — спросила она, когда договорила.

Помещение тюрьмы, довольно просторное, прилегало прямо к офису констебля. Сейчас оно пустовало, но в выходные каждый его уголок служил вытрезвителем.

Констебль усмехнулся.

— Думаю, нет. Если бы вы собирались сбежать, то уже убежали бы. Кроме того, для начала мне нужно все проверить. Мне по-прежнему эта история кажется довольно запутанной. В первую очередь странно то, что я никогда не слышал об этом деле. Ладно, Лайонел-Стейшн находится где-то на краю света, но молодая женщина в списке разыскиваемых, да еще по такому громкому преступлению... Думаю, я бы заметил. Кроме того, пока что вам не следует, мисс...

— Лейни, — прошептала Илейн.

— Она ни в коем случае не хочет больше носить фамилию Сайдблоссом, — подсказал мировой судья. — Вполне понятно, если все эти истории — правда. И с учетом того, что она только что обручилась с другим человеком. Надеюсь, вы не думали всерьез о том, чтобы просто выйти замуж во второй раз, мисс Лейни! Нужно сегодня же заняться разводом.

Тим кивнул.

— В Уэстпорте есть адвокат, насколько я знаю. Может быть, мы могли бы дать телеграмму... — Он собрался встать, в то время как констебль протянул Илейн протокол для подписи.

— Но мы еще должны поговорить по поводу Бленема! — вставил Уильям. — Я ведь понимаю, что в данный момент у тебя есть и другие заботы, Лейни...

— Вы же не думаете всерьез, что после всего этого она поедет с вами в Бленем! — возмутился Тим. Левый бок адски болел, ему хотелось как можно скорее покончить с этим вопросом.

Илейн накрыла руку Тима ладонью, успокаивая его.

— Конечно же, я поеду в Бленем, — устало сказала она. — Если можно... — Она испуганно поглядела на констебля.

А Тим с надеждой ждал приговора.

Полицейский удивленно переводил взгляд с одного на другого.

— А что с Бленемом?

Уильям принялся объяснять, причем старательно подчеркивал важность выступления Илейн и Куры, перевозносил их проект до такой степени, словно они должны были спасти весь Южный остров от варварских захватчиков. Тим закатил глаза.

— Боже мой, Уильям, это ведь всего лишь концерт...

— Для Куры это нечто большее, — возразила Лейни. — И я не убегу, констебль, честное слово!

Констебль покачал головой, пожевал верхнюю губу. Такая же привычка была у Лейни. Она улыбнулась ему.

— Этого я боюсь меньше всего, мисс Лейни, — заметил он после непродолжительной паузы. — Я скорее тревожусь о вашей личной безопасности. Этот Томас Сайдблоссом узнает о смерти своего отца самое позднее завтра. Вы уверены, что он не захочет отомстить? Способен ли он на это?

Илейн побледнела, потом покраснела.

— Томас способен на все... — прошептала она.

— Может быть, когда-то и был, — вставил Уильям. — Но после этого происшествия с пистолетом...

Тим неохотно, но с восхищением отметил, насколько осторожно тот выражается. Этот молодой человек мог быть не очень уверенным всадником, но будь он адвокатом, ему не было бы равных.

— Он почти не выходит из дома и зависит от помощи окружающих. Констебль, Томас Сайдблоссом практически слеп!

— Но спланировать покушение он способен? — настаивал на своем констебль.

— Мы просто не спустим с Лейни глаз! — заявил Уильям.

Констебль бросил на своих посетителей полный скепсиса взгляд. Усталый Тим на костылях и Уильям, которому стало плохо при виде трупа. В качестве охранника ни тот, ни другой не годится.

— Вам лучше знать, мисс Лейни, — наконец произнес он. — Но помните, что по крайней мере духи маори перестанут защищать вас, если вы уедете из Греймута. — Он устало улыбнулся.

— Да вчера они тоже не очень-то помогли, — заметила Лейни.

Уильям и Тим сразу же начали спорить, как только вышли из бюро и последовали за мировым судьей на телеграфную станцию. Илейн испытывала странное легкое ощущение, она словно парила надо всем. Но было и еще кое-что...

— Мистер Фэрриер... мои родители в Квинстауне... мы не могли бы дать телеграмму им? Если уж все равно эта история всплывет...

Она успела увидеть, как отвечает мировой судья, потому что его губы шевельнулись, но слов его девушка почему-то не услышала. Все вокруг внезапно закружилось, почти как вчера, но на этот раз Илейн не вернулась к реальности, а утонула в каком-то облаке. Не то чтобы неприятно, но где-то очень, очень далеко...

Придя в себя, Илейн услышала голоса, которые доносились до нее словно бы издалека.

— Судя по всему, это оказалось слишком для нее...

— Ушиблась головой...

— Нельзя, чтобы с ней что-то случилось...

Последний голос принадлежал Тиму. И он казался каким-то пустым, отчаянным и усталым.

Илейн открыла глаза и увидела напротив себя доктора Лероя, который измерял ей пульс.

Тима и остальных в комнате не было... Судя по всему, ее принесли в маленький госпиталь. За спиной доктора суетилась Берта.

— У меня... что-то серьезное? — тихо спросила она.

Доктор Лерой улыбнулся.

— Очень серьезное, мисс Лейни! В ближайшее время вам следует как можно лучше питаться и не так крепко зашнуровывать корсет...

Теперь Илейн заметила, что кто-то расстегнул ей корсет и лиф, и тут

же покраснела.

— И в первую очередь уладить личные дела, касающиеся развода и брака. Вы беременны, мисс Лейни! И, принимая ребенка, я предпочел бы обращаться к вам «миссис»!

— Когда ребенок родится, мы давно уже будем в Уэльсе! — с нежностью произнес Тим.

Берта Лерой сообщила ему новость и пропустила к Илейн. А вставать молодой женщине она собиралась разрешить только после нормального завтрака. Роли уже послали в булочную — а значит, весть разлетелась по Греймуту быстрее, чем это сумел бы сделать телеграф.

— Мы уедем от всего этого, — продолжал Тим. — Я больше не хочу опасаться Сайдблоссома.

— Может быть, когда ребенок родится, я буду в тюрьме... — пробормотала Илейн. — Ведь будет процесс, Тим, ты не можешь просто спрятать голову в песок... или в валлийскую угольную пыль. Я рада уже хотя бы тому, что мне вообще можно поехать в Бленем.

— Ты ведь не собираешься играть на пианино в Бленеме? Именно сейчас, в твоем состоянии! — Тим с недоумением смотрел на невесту.

Илейн погладила его по щеке.

— Я не больна, любимый, — нежно произнесла она. — А Кура сказала бы, пожалуй, так: если нельзя играть на пианино, значит, ты умер!

Кура ждала Илейн и Тима, которых врачи наконец отпустили.

— Уильям рассказал мне про малыша, — сдавленным голосом сказала она. — Ты... рада, правда?

Илейн рассмеялась.

— Конечно, я рада! Это самое чудесное, что случилось со мной в жизни! Но не переживай, я все равно поеду в Бленем. С завтрашнего дня возобновим репетиции, хорошо? Сегодня я еще не совсем пришла в себя. Да, я еще хотела отправить телеграмму...

— Об этом Уильям мне тоже уже рассказал, — произнесла Кура, и голос ее зазвучал несколько принужденно. — Ну, про Бленем и про телеграмму... Илейн, я знаю, что прошу слишком многого. Но ты не могла бы немного подождать? Если сейчас ты сообщишь родителям, они ведь через два дня будут здесь.

— Ну, через два дня — это вряд ли, но... — Илейн удивленно смотрела на кузину. Она не понимала, почему это волнует Куру, но, судя по всему, это было для нее очень важно.

— Илейн, если они найдут тебя, то найдут и меня тоже. Тогда следующая телеграмма отправится в Холдон, а я... Пойми же, Лейни, я не хочу, чтобы меня нашли пианисткой в баре! Если этот концерт в Бленеме будет успешен, я буду певицей с собственной программой, с собственным расписанием турне. Смогу сказать, что мы поедem в Лондон... — Глаза Куры засияли при одной мысли об успехе, но в голосе звучали сомнение и даже мольба: — Но если твои родители услышат, что я пою в «Уайлд Ровере», если они выяснят, что я целый год шаталась где-то без малейшей надежды на успех... Прошу тебя, Лейни!

Илейн помедлила. А потом кивнула.

— Неделя ничего не решит, — наконец сказала она. — Просто очень надеюсь, что все действительно пройдет успешно и твоя карьера певицы пойдет в гору. Я ведь никогда не считала себя музыкантшей...

Кура улыбнулась.

— Может быть, музыкантом станет малыш. Или малышка. В любом случае на день рождения вашего первенца я подарю роскошный рояль.

Глава 6

Путешествие в Бленем не показалось Илейн трудным. Напротив, она наслаждалась видами из окна кареты, скальными нагромождениями Альп, от которых зачастую захватывало дух, и виноградниками под Бленемом. Кура, в отличие от нее, ничего этого не замечала. Она смотрела прямо перед собой и, казалось, слушала мелодии, звучащие только для нее одной. В своей личной вечности она переживала попеременно то ад провала, то счастье бурных аплодисментов. Уильям неотрывно смотрел на Куру. Создавалось впечатление, что он переживает по поводу предстоящего выступления не меньше, чем она, — и, конечно же, для него это тоже было началом чего-то нового. Если выступление будет успешным, он бросит заниматься швейными машинками и полностью посвятит себя тому, чтобы помочь жене стать знаменитой и достигнуть высот славы.

Кура и Уильям воспринимали этот концерт как поворотную точку в жизни — и Илейн иногда ощущала, что на ней лежит довольно тяжелое бремя. Кроме того, она волновалась за Тима, для которого трехдневное путешествие было очень утомительным. А ведь Илейн настояла на том, чтобы сделать дневные перегоны как можно короче. Они продвигались вперед практически с такой же черепашьей скоростью, как во время того злополучного путешествия из Квинстауна в Лайонел-Стейшн. Впрочем, дороги были не везде одинаковы, но в большинстве случаев плохо вымощены. После второго этапа Кура тоже начала жаловаться, что у нее все кости ноют. Тим ничего не говорил, но выглядел так, словно чувствовал то же самое. Он пытался убедить попутчиков, что у него хорошее настроение, однако Илейн замечала, как напряжено его лицо и какие глубокие тени залегли под глазами. Она слышала, как он стонет во сне, если ему вообще удавалось заснуть. Когда она ночами прокрадывалась в его номер в отеле, он чаще всего лежал без сна, погруженный в какую-нибудь книгу, чтобы отвлечься от боли в бедре. Все это заставляло думать о том, что шансы благополучно выдержать предполагаемый отъезд из страны, о котором он постоянно заговаривал, не очень велики.

Илейн приходила в ужас при мысли о шестинедельном морском путешествии. Она представляла себе корабль как постоянно раскачивающееся корыто, на палубе которого Тиму постоянно придется мучиться, стараясь удержать равновесие. А потом о путешествии из Лондона в Уэльс, возможно, верхом, и, наконец, — разочарование, если все

сложится не так, как надеется Тим.

Илейн не испытывала такого оптимизма, как ее жених. Конечно же, она верила ему, когда он говорил, что раньше у него отбоя не было от предложений работы. Но возьмут ли его владельцы рудников, увидев, в каком состоянии он находится? Горный инженер, вынужденный под землей полагаться на глаза и уши других? И который даже наземные объекты может осматривать весьма ограниченно? Здесь, в Греймуте, у него есть Мэтт Гавейн, практический опыт которого дополняется техническими познаниями Тима и который честно и толково докладывает ему обо всем. У него есть Роли, который, не спрашивая позволения, словно само собой разумеющееся, освобождает его от каких-то мелких повседневных забот. Справится ли он вообще без Роли? Мальчик, как и прежде, находился при нем почти неотлучно, хотя его помощь кажется уже почти незаметной. Но если Роли не будет рядом? Если никто не будет седлать Тиму коня и отводить животное в стойло, носить за ним сумку или приносить какие-то мелочи? Дома Илейн могла бы делать большую часть за него. Но в чужом городе?

Вообще-то, Тим должен был осознать это, именно теперь, когда путешествие открыло ему глаза на то, как мало он может выдержать. Возможно, понимание происходящего с ним тоже было причиной того, что он становился все более тихим, почти ворчливым — по мере приближения к цели путешествия. Впрочем, тревожиться из-за Томаса Сайдблоссом он не мог. Незадолго до отъезда мировой судья сообщил, что до сих пор им не удалось известить Сайдблоссомов о кончине Джона. Хотя в Лайонел-Стейшн послали гонца, ни Зои, ни Томаса Сайдблоссом на ферме не застали.

— Сказали, что они поехали на север к какому-то врачу, — говорил мистер Кэррингтон. — Будто бы он может достать пулю из головы мистера Сайдблоссом, по крайней мере так поняли маори на ферме. Адреса, по которому с ними можно связаться, они не оставили, нужно дожидаться, пока они вернутся, что, надеюсь, будет достаточно скоро. Мы бы послали тело в Отаго, но если не принять конкретных мер, придется хоронить его здесь.

Илейн была уверена, что маори в Лайонел-Стейшн знали о причине отъезда Джона Сайдблоссом. Хозяйева фермы всегда очень жестко относились к своим работникам, поэтому там были такие вышколенные слуги, как Арама и Паи, не говоря уже об Эмере. Она наверняка догадывалась о планах Джона. Горюет ли она по нему? И не показалось ли ей странным и обидным, что Джона будет хоронить молодая Зои Сайдблоссом, хотя именно она, Эмере, столько лет делила с ним ложе и

рожала от него детей?

У самой Зои Сайдблоссом детей не было. Уильям знал, что первый ее ребенок умер при родах и что вскоре после этого у нее случился выкидыш, о чем он и рассказал Илейн; в любом случае, кроме Томаса, других законных наследников не было. Странно, что Зои теперь так заботится о Томасе... А если она просто рада возможности по какой бы то ни было причине уехать с фермы?..

Впрочем, как бы там ни было, все полагали, что никто не вынашивает планов мести Илейн, поэтому обещание не спускать с нее глаз мужчины выполняли не очень добросовестно. Когда они наконец прибыли в Бленем, Тим тут же удалился в номер — ему не хотелось выказывать свою слабость и он с трудом переносил сочувствующие взгляды своих спутников. Илейн послала к нему Роли.

— Присмотри, чтобы он немного отдохнул. Сегодня вечером нам придется пойти на прием к миссис Редклифф, и это опять будет тяжело.

В принципе, подгонять Роли не было нужды. Он позаботился бы о своем пациенте даже под предлогом того, что нужно отнести наверх багаж.

Уильям попрощался, выдумав какой-то весьма смешной предлог, на который Кура наверняка обратила бы внимание, если бы могла думать о чем-нибудь еще, кроме концерта, назначенного на следующий вечер. Уильям же знал, что он должен сделать для Хизер Редклифф, урожденной Уитерспун. В принципе, она была довольно сильно занята приготовлениями к вечернему приему, но ее «Уильям, сейчас на это совершенно нет времени!» прозвучало так располагающе, что он лишь скорчил расстроенную физиономию, но даже не подумал тут же покинуть ее элегантный дом.

И действительно, у хозяйки нашлась возможность оставить служанок без присмотра. Кухарка не скрывала радости по поводу того, что какое-то время никто не будет заглядывать в ее кастрюли, а гувернантка отвела детей по случаю приема к друзьям.

— Не могу дождаться, когда снова увижу Куру! — наконец объявила Хизер, поправляя прическу и провожая Уильяма.

— А я радуюсь предстоящей возможности наконец-то лично познакомиться с замечательным мистером Редклиффом! — с улыбкой ответил Уильям. — Значит, мы придем в восемь.

Кура и Илейн весь день занимались подготовкой к предстоящему выступлению: они осмотрели концертный зал отеля и провели очередную репетицию программы. Поначалу Илейн растерялась, увидев просторный и

элегантный зал. Признаться, отель ей понравился. Он был гораздо более роскошным, чем «Уайт Харт» в Крайстчерче, а с пансионом бабушки и вовсе нельзя было сравнить.

— Акустика просто восхитительная! — заявила Кура, которая уже когда-то гастролировала здесь с ансамблем Барристера. — И на этот раз сцена будет только наша, совсем-совсем наша. Никаких других певцов и танцоров, люди будут слушать только нас! Разве это не восхитительное ощущение? Как шампанское... — Она закружилась по сцене.

Илейн же все это скорее пугало. Сердце стучало как сумасшедшее, однако до охватывавшей Калева паники было далеко. Волнение, испытываемое девушкой, должно было скорее подхлестнуть ее, а окружавшая роскошь — оттенить игру. Кура об этом не думала. В ансамбле она видела танцоров, дрожавших каждый вечер перед выступлением, чтобы потом стать только лучше. Лейни тоже была таким человеком — и наверняка сделает свое дело хорошо.

Даже сейчас, во время генеральной репетиции, Илейн играла лучше, чем в Греймуте; но, возможно, все дело было в безупречно настроенном и очень дорогом рояле, который предоставил в их распоряжение отель. Илейн смотрела на инструмент с огромным благоговением, а когда села за него играть, чувствовалось, что игра доставляет ей удовольствие.

Обе девушки находились в приподнятом расположении духа, когда наконец разошлись по комнатам, чтобы переодеться для приема. Миссис О'Брайен действительно совершила чудо и всего за неделю сшила Илейн новое платье. На этот раз — из темного шелка; лазурно-голубой было не так-то легко найти за столь короткий срок. Но оно тоже выглядело просто великолепно. Иссиня-черный цвет прекрасно гармонировал с золотистым оттенком волос Илейн, выгодно подчеркивал нежность светлой кожи. В своем новом наряде она казалась более серьезной и строгой, а не такой ребячливой, как обычно.

У Куры нового платья не было. Их с Уильямом сбережения были потрачены на путешествие и объявления о концерте, и Уильяму пришлось развести руками, когда жена попросила новое платье.

— Сладкая моя, я весьма несовершенен в обращении с этой чудомашинкой. И если ты спросишь меня, то я скажу тебе, что лишь сотая доля женщин когда-либо сумеет подняться до высот искусства миссис О'Брайен. Честно говоря, я вообще не считал это возможным до того, как эта госпожа впервые села за «Зингер». Природный талант. Я уже думал о том, чтобы уговорить ее принять участие в обучении представителей... Но если в Бленеме нас ожидает успех, то с «Зингером» будет покончено. Тогда вскоре

ты сможешь покупать себе наряды в Лондоне.

Поэтому Кура собиралась выступать в своем старом платье цвета красного вина, но даже в этом случае все окружающие ее женщины окажутся в тени. Уже в доме Редклиффов ее провожали завистливыми взглядами, наблюдая за тем, как им представляют почетных гостей вечера. Хизер Редклифф бурно приветствовала ее, и Кура даже позволила бывшей гувернантке обнять себя.

— Ты выглядишь сногшибательно, Кура, впрочем, как и всегда! — восхищалась Хизер. — Стала взрослее, и тебе невообразимо идет это платье! Не могу дождаться твоего выступления!

Кура могла лишь вернуть комплимент. Хизер выглядела более ухоженной, стала мягче, а сегодня просто светилась изнутри. И в этом отчасти был «виноват» Уильям Мартин.

Мистер Редклифф оказался тяжеловесным, несколько полноватым мужчиной средних лет, краснолицым — скорее, из-за ветра и непогоды, чем от чрезмерного употребления виски. Волосы его уже редели, глаза смотрели внимательно, а рукопожатие было довольно крепким. Уильям почувствовал, что он оценивает его. Тиму он сразу показался симпатичным. Последнее объяснялось тем, что у них было много общего. И оба вскоре заговорили о прокладывании рельсов и различных сложностях, возникающих при переходе через Альпы.

— Позже мы выпьем вместе в кабинете, — почти заговорщическим тоном произнес Редклифф, когда заметил, что Тиму тяжело стоять. — У меня есть просто фантастическое виски. Но сначала нужно разделаться с приветствиями. Моя жена пригласила практически всех жителей Бленема, с которыми мы знакомы, но я терпеть не могу все эти пустые разговоры ни о чем. Поэтому найдите себе пока местечко и съешьте что-нибудь. Судя по тому, во что нам обошелся этот эскадрон поваров, который целый день действовал на нервы, буфет должен быть потрясающим.

Хизер весь вечер провела за тем, что представляла Куру и Илейн своим знакомым. У Илейн практически не оставалось времени на то, чтобы что-нибудь съесть. Кура источала шарм, завоевывая всякого, с кем ее знакомили. При этом большинство гостей таяли уже только благодаря ее внешности, но иные, настоящие, любители музыки восхищались и богато украшенной флейтой-пекорино, которую она принесла с собой по совету Уильяма. Для многих гостей возможность посмотреть на маорийский инструмент вблизи и даже прикоснуться к нему стало настоящим событием.

— С ее помощью действительно можно призывать духов? — с

интересом спросила одна женщина. — Я читала о чем-то подобном. Будто бы флейта поет тремя разными голосами, но, говорят, лишь немногим дано пробудить духов.

Кура только собиралась пояснить, что голос духов из *пекорино* — это скорее результат особой дыхательной техники, чем собственно умение вызывать духов. Однако Уильям перебил ее и снова выпустил на волю свой талант *вайкореро*.

— Лишь избранные — их называют *тохунга* — способны извлечь из флейты совершенно необыкновенную музыку. Услышав эти звуки, вы перестанете быть суеверными. Может быть, это действительно всего лишь дыхательная техника, но голоса, извлеченные из этого необыкновенного инструмента, способны глубоко затронуть человеческую душу. Они задают вопросы, дают ответы. Иногда они исполняют самые сокровенные желания... — И он подмигнул Куре.

— Сделайте же это! — произнес уже слегка пьяный молодой человек, спутник той женщины. — Вызовите парочку духов!

Куре было неприятно или, по крайней мере, она сделала вид, что недовольна.

— Так нельзя, — пробормотала она. — Я не колдунья, и, кроме того... духи — это ведь вам не цирковые пони, которых можно просто заставить выступать.

— О, как жаль, я с удовольствием посмотрел бы на духа! — сострил молодой человек. — Но, может быть, получится завтра, на концерте.

— Иногда духи касаются человека тогда, когда он меньше всего этого ожидает! — серьезно заявил Уильям. И, взяв Куру под локоть, беззаботно рассмеялся, когда парочка удалилась. — Вот так нужно делать, сладкая моя! Нужно напускать на себя немного таинственности. Спеть «Хабанеру» могут многие. А вот призывать духов — это нечто особенное. Твои предки не станут обижаться на тебя.

— Если так пойдет и дальше, тебе придется заниматься пророчествами, — решила поддразнить кузину Илейн.

Кура закатила глаза.

— Ему уже приходило в голову заставить их хотя бы думать, что мы будем выступать в традиционной одежде маори.

— Тебе нужно было бы сделать татуировку и... выйти на сцену с неприкрытой грудью? — захихикала Илейн.

— Вряд ли Уильям думал о первом, но о втором — наверняка. А вслух он говорил о чем-то вроде льняных юбочек. Я даже не знаю, что это такое! — Кура улыбнулась. Она давно уже перестала серьезно относиться к

каждому слову Уильяма.

— Кура? Мисс Кифер? Вот вы где! Идемте, я должна вас кое-кому представить! — На них снова набросилась Хизер Редклифф.

На этот раз с ней были довольно полный мужчина и его не менее кругленькая жена. За обоими следовала довольно странная пара. Мужчина, тяжело опиравшийся на женщину и трость; он был высок, но казался каким-то размытым. Лицо его почти полностью покрывал страшный красный шрам.

— Профессор доктор Мэттершайн и Луиза Мэттершайн. Профессор — хирург из нашего нового госпиталя. Потрясающий потенциал! И его супруга...

Илейн не слышала ничего из того, о чем щебетала Хизер. Она, словно загипнотизированная, смотрела на женщину, которая медленно, крохотными шажками шла за супругами Мэттершайн. Узкое классическое лицо с ровными чертами. Мягкие золотистые волосы, завязанные на затылке в тугий узел. Прекрасные карие глаза, потрясающе контрастировавшие со светлой кожей лица.

Зои Сайдблоссом. Во рту у Илейн пересохло. Она во все глаза смотрела на темноволосого мужчину, шедшего рядом с ней. Раньше он, судя по всему, был строен и мускулист, сегодня же казался скрючившимся и скукоженным. Тело и лицо обрюзгли, стали одутловатыми. Однако жесткая линия рта все еще была на месте... и морщина между глазами, свидетельствовавшая о сосредоточенности, когда он...

Илейн почувствовала, как ее накрывает холодная пронизывающая волна. Ей хотелось убежать, но она не могла сделать этого. Как часто бывало и в Лайонел-Стейшн.

— Это наши гости, Зои и Томас Сайдблоссом, — перешла к представлениям супруга врача. Она казалась очень приветливой и заботливой, но иногда любила слегка посплетничать. Поэтому она торопливо продолжала говорить, пока Зои и Томас не присоединились к группе и не услышали ее слова.

— Мы привели их с собой, чтобы развеселить хоть немного. Очень суровая судьба, молодой человек был тяжело ранен при обращении с оружием, от него осталась лишь тень. А она его... хм... мачеха, поздняя любовь отца. И вот вчера ей довелось узнать, что ее супруг... Какая тяжкая доля! Идите сюда, Зои, милая моя, это те самые музыканты...

Зои и Илейн уставились друг на друга. На Зои было черное платье. Значит, она действительно знает... Конечно же, телеграф! Илейн сразу не поверила, что прислуга Сайдблоссомов не в состоянии связаться с ними.

— Ты... — Голос Зои был каким-то бесцветным. Казалось, она слегка подталкивает Томаса вперед в надежде, что он сосредоточится на миссис Мэттершайн и позволит ей обменяться парой фраз с Илейн. — Тогда я восхищалась тобой, ты знаешь об этом? Но ты... мы... Боже мой, нам нужно уходить отсюда!

Было такое впечатление, что Зои впала в такую же панику, как Илейн. Но ни та, ни другая не видели возможности изменить создавшуюся ситуацию.

— Мисс Кура-маро... Как это произносится, милая моя? И мисс Илейн Кифер...

Наверняка Томас ничего бы не заметил, если бы супруга врача случайно не назвала ее истинное имя. В принципе, друзья сошлись на том, что Илейн должна пока что оставаться Лейни Кифер, однако, судя по всему, миссис Мэттершайн решила, что Лейни — это слишком экзотично. Или было что-то такое в ней, вероятно аура страха, которую слишком хорошо знал Томас? И это выдало Илейн.

— Илейн? — Голос был тот же. Он задел глубочайшие струны души Илейн, заставил судорожно сжаться сердце. — Моя... Илейн?

И мужчина стиснул кулак на трости.

Илейн смотрела на него широко раскрытыми от ужаса глазами, не в силах совладать с собой.

— Томас, я...

— Томас, нам нужно уходить! — спокойно произнесла Зои Сайдблоссом. — Мы ведь договорились забыть о прошлом. Мы все сожалеем о случившемся...

— Может быть, это *ты* хотела забыть о прошлом, Зои, красавица моя! — В последних словах прозвучала отчетливая угроза. Томас Сайдблоссом выпрямился, насколько вообще был на это способен. Для большинства людей вид у него был не очень угрожающий, но Илейн отпрянула, беспомощно взмахнув руками. Казалось, будто Тима и времени, проведенного в Греймуте, никогда не было. Перед ней стоял Томас, и она принадлежала ему...

— И ты! — Он повернулся к Илейн и пронзительно уставился на девушку, словно видел ее так же четко, как тогда. — Но я ничего не забуду, возлюбленная моя Илейн! Мой отец ищет тебя, видишь ли... или искал тебя, сейчас он вроде как мертв. Может быть, ты и к этому имеешь отношение, а, ведьма?

Тем временем вокруг Илейн, Зои и Томаса собрались люди. Они наблюдали за его вспышкой гнева, видели бледную как смерть девушку и

молодую женщину, которая отчаянно пыталась увести его прочь.

— Томас, пойдём.

— В конце концов я все же нашел тебя, Лейни...

Слово скатилось с его языка, словно подстегивая аппетит. Он сделал неуверенный шаг в сторону Илейн.

— И я заберу тебя. Не сегодня, не завтра, Лейни, а когда мне будет удобно. Жди меня, Лейни... как тогда, помнишь? Твое белое платье, такое милое, такое невинное... Но уже тогда было противоречие. Одни сплошные противоречия...

Илейн дрожала всем телом. Страх полностью парализовал ее. Если бы он захотел забрать ее сейчас, она пошла бы с ним... или еще раз выстрелила из пистолета. Но оружия у нее не было. Илейн беспомощно подняла руки.

Но тут раздался глухой звук; это была с трудом материализовавшаяся музыка из другого мира, которая разрушила напряженную тишину, повисшую между Лейни и Томасом. Что-то подобное шепоту и стону одновременно. Громкий, хриплый угрожающий голос...

Илейн никогда прежде не слышала такой музыки. Но, конечно же, инструмент узнала. Голос духов *пекорино*.

Кура играла сосредоточенно, извлекая протяжные жалобные звуки, которые постепенно убыстрялись и становились все страшнее. Если судить по человеческому восприятию, звуки должны были стать более пронзительными, но они стали полыми, пугающими. И они окружали Куру, словно призрачная аура. Илейн встала рядом с Курой, потом между ней и Томасом Сайдблоссомом.

Мужчина застыл, приготовившись напасть на нее. Однако тело его постепенно начало терять напряженность, грозное выражение лица сменилось паническим страхом и смятением. В какой-то момент с него слетели очки, которые он неловко задел рукой, и все увидели его изуродованное лицо — искаженное, сморщенное лицо, которое, казалось, утратив четкие контуры, расплылось при звуках музыки. За чертами сурового, злобного человека по имени Томас Сайдблоссом проступило лицо расстроенного ребенка.

— Нет... пожалуйста, не надо... — Мужчина отпрянул, потерял равновесие, упал... А потом закричал, попытался закрыть голову руками и принялся извиваться на полу.

Илейн не понимала, что она видит и слышит, равно как и остальные присутствующие здесь гости. Но почувствовала, как все сосредоточилось вокруг Куры и Томаса... и едва не поверила в магию флейты, если бы Кура

не смотрела с таким же недоумением на корчащегося мужчину, как и остальные.

Томас Сайдблоссом все еще всхлипывал, когда Кура наконец остановилась. Похоже, она толком не знала, что делать, но решила швырнуть в него еще парой слов на маори, которые, похоже, окончательно добились его. Илейн казалось, что нужно что-то добавить. Она быстро, хриплым голосом произнесла первую пришедшую ей в голову фразу на языке маори.

А затем попятилась, отходя столь же робко, как и остальные гости в комнате. А Кура продолжила игру. Илейн перевернула Сайдблоссом на спину и вышла из комнаты с гордо поднятой головой, победительница от макушки до пят.

— Врача, нам нужен врач! — Голоса Зои Сайдблоссом и Хизер Редклифф доносились до нее словно сквозь пелену тумана.

Илейн неожиданно для себя задалась вопросом, почему сбежал доктор Мэттершайн, но в целом ей было все равно. Она бросилась прочь, нашла Тима Ламберта в кабинете, погруженного в спокойный разговор с мистером Редклиффом, опустилась перед ним на колени и зарылась лицом в его ноги.

— Лейни? Что такое, Лейни?

Проходивший мимо кабинета гость ответил на его вопрос:

— Ведьма-маори убила человека!

— Ах, Боже мой, он ведь не умер! — Уильям Мартин поддерживал совершенно озадаченную Куру. В принципе, она могла бы сохранять равновесие и без его помощи, но ему казалось, что он просто обязан позаботиться о ней, — слишком напряженной, натянутой выглядела фигура Куры, которую не отпускало заклинание... или что бы это ни было.

— Просто у него шок. Но как такое могло произойти?

— Вы разберетесь сами, — произнес Джулиан Редклифф, к которому Тим проникался все большим и большим уважением.

Сначала хозяин дома отправил совершенно расстроенную Лейни и взволнованную Куру, а также их спутников в безопасное место, в свою комнату. При этом он тут же вырос и в глазах Уильяма, предоставив им бутылку виски. Бросив удивленный взгляд на флейту в руках Куры, он сам сделал большой глоток, а затем попрощался.

— Я пока спущусь вниз и успокою истериков. В первую очередь — свою жену. Может быть, позже вы объясните мне, как уложить на обе лопатки взрослого мужчину с помощью одной только флейты. Честно говоря, мне впервые начинает нравиться искусство.

— Я и сама не знаю... — Кура потянулась к бутылке. — Понятия не имею. Когда этот парень начал угрожать Лейни, а у той лицо стало таким, словно она вот-вот упадет замертво, я просто заиграла. В принципе, я хотела привлечь Уильяма. Он ведь не может противостоять зову духов... Я думала, что, если начну играть, он придет, чтобы снова начать рассказывать людям, какая это все мистика... — Кура нервно рассмеялась. — А потом этот парень так странно отреагировал. Судя по всему, флейта хорошенько напугала его. И, конечно же, я стала продолжать игру.

— А что это вообще была за песня? — спросил Уильям. — Какое-то заклинание?

— Не говори глупостей, Уильям! — Кура покачала головой. — Причитания над покойником. Из одной хака, которую записал Калев. Но мы сочли ее слишком грустной для программы, да и играть достаточно тяжело. Для одной комнаты хватит, но зал не заполнит...

— И Томас Сайдблоссом впал в страшную истерику, потому что услышал этот... хорал? — недоверчиво переспросил Тим.

Кура кивнула.

— Можно сказать и так. Это было примерно то же самое, как если бы маори рухнул как подкошенный, потому что *пакеха* играет «Amazing Grace».

— А проклятие? — продолжал расспрашивать Тим. — Говорят, напоследок вы сказали еще что-то...

Кура покраснела.

— Я не могу это перевести. Но это... что ж, это называется *макату*. Впрочем, могу заявить, что подобное каждый день говорят ревнивые мужчины или всякие сопляки, и никаких последствий... кроме того, что в ответ можно получить по носу.

— А ты что сказала? — Тим обернулся к Лейни. — Ты ведь тоже что-то сказала ему напоследок!

— Я? — Лейни вздрогнула, словно пробуждаясь от мрачного сна. — Я ведь почти не говорю на языке маори. Я сказала первое, что пришло мне в голову. Что-то вроде «Спасибо, у вас тоже очень красивая собака».

— Это, конечно, все объясняет, — заметил Уильям.

— Но у этой маори, которая работает экономкой у Сайдблоссомов, тоже есть *пекорино*... — Илейн говорила бесцветным голосом, как всегда, когда вспоминала время, проведенное в Лайонел-Стейшн. — И я ненавидела ее, потому что... каждый раз, когда она начинала играть, Томас приходил в ярость... и все было хуже, чем обычно. Но я не знаю, играла ли она голосом духов. Я никогда не прислушивалась.

— Возможно, она вообще не умела этого, — заметила Кура. — Это непросто. Меня этому научила мать. И меня это никогда не пугало. Марама играла мне голосом духов, когда я не могла уснуть. И говорила, что духи укачают меня.

— Эмере была нянькой Томаса. Может быть, она пользовалась этим в иных целях? — рассуждала Лейни. — Может быть, она пугала его?

Тим пожал плечами.

— Как бы там ни было, вероятнее всего, мы этого никогда не узнаем. По всей видимости, он просто испугался, что Лейни натравит на него Келли. Он это заслужил. Но я все равно буду рад, когда между нами будет пара тысяч миль. Даже если сейчас он, похоже, напуган. Вот только мне очень жаль по поводу вашего концерта, Кура. После всего, что произошло сегодня, вряд ли кто-то придет.

Уильям усмехнулся.

— Я бы на твоём месте на это не рассчитывал!

Глава 7

Около десяти утра на следующий день пришел управляющий отелем с просьбой разрешить ему срочно добавить еще пятьдесят мест в зал.

— Может быть, акустика будет нарушена, да и толпа наверняка будет мешать вам сосредоточиться, но люди буквально осаждают меня! Сегодня утром еще оставалось несколько непроданных билетов, но в пять утра их уже не было. И теперь там, внизу, у нас очередь, а мест свободных не осталось.

Конечно же, Кура милостиво согласилась. Илейн было совершенно все равно. Уильям сиял, а Тим подумал, что перестал понимать этот мир.

Около двенадцати мужчина вернулся, принес бутылку шампанского и предложение провести следующую ночь в отеле бесплатно, если уж музыкантши будут давать еще один концерт в понедельник.

— У нас уже даже все комнаты забронированы. Люди надеются услышать хоть что-нибудь из своих номеров. Комнаты поблизости от большого зала просто отрывают с руками! Я понятия не имею, что вчера произошло у вас во время приема, но весь город сходит с ума из-за вашего концерта.

Уильям пообещал подумать об этом, а затем отправился вместе с пребывавшей в приподнятом настроении Курой осматривать город и разведывать обстановку. Кура совершенно не волновалась, она была целиком в своей стихии. Лейни тоже переживала в меру. У нее появились другие заботы. Ведь она узнала, что Сайдблоссомы живут в том же отеле, и это обстоятельство полностью парализовало ее. Девушку невозможно было заставить выйти из комнаты до тех пор, пока в этом не возникла настоящая необходимость. Илейн окопалась в постели Тима и вздрагивала от каждого звука — она с огромной охотой поставила бы Роли на стражу у двери. Но тут Тим воспротивился. Роли и без того провел весь вечер в комнате со своим господином, а ведь ему не терпелось увидеть город, в первую очередь — знаменитую бухту, а если получится, то и китов. Тим проявил понимание, вложил ему в руку пару долларов на катание на лодке и сказал:

— С берега ты ничего не увидишь.

Роли рассыпался в благодарностях и удалился, пообещав вернуться точно к началу концерта.

— Разве эти Сайдблоссомы не собирались уехать сегодня? — недовольно спросил Тим, когда Лейни забилась под одеяло. — У них ведь,

видит Бог, кроме как сидеть здесь и пугать тебя, полно дел из-за смерти в семье!

— Томас не может ехать, ты ведь слышал... — Илейн выудила информацию о Сайдблоссомах из длинной речи директора отеля, который бесконечно рассуждал о том, что мог сдать сегодня номер Зои и Томаса Сайдблоссом втридорога. Но, судя по всему, больному плохо, и Зои пришлось продлить пребывание. — А в таком состоянии людей из комнаты не вышвыривают, вы понимаете...

— Я вообще не понимаю, почему он все еще пугает тебя! — нетерпеливо заявила Кура.

Мартины вернулись к вечеру, и теперь им не терпелось поделиться новостями. И оба закатили глаза, увидев, что вместо этого дрожащая Лейни ждет отчета на тему «Томас Сайдблоссом».

— Если что, я дам тебе флейту, ты дунешь в нее разок, сделаешь ему еще один комплимент насчет его милой собачки — и он опять рухнет в обморок! Этот мужчина безумен и совершенно безвреден! Ты ведь сама говорила, что он слишком болен, чтобы выйти из комнаты. Но ты бы слышала, что говорят в городе! Как они на меня смотрят! Даже мисс Хизер, судя по всему, немного... суеверна!

— Часть людей считает, что музыка Куры обладает властью проклинать, другие говорят о чудесных исцелениях, — радовался Уильям. — В любом случае все хотят посмотреть на нее, но когда она действительно появляется, все обходят ее на почтительном расстоянии. Невероятно! Может быть, нам пора переодеваться, любимая? Наверное, скоро уже придут первые гости, а ведь нам нужно еще подумать о приеме после концерта...

Чета Мартинов выпорхнула из комнаты. Сомнений быть не могло, духи на их стороне.

Тим бросил на Илейн измученный взгляд.

— Лейни, для тебя очень важно увидеть меня сегодня вечером в зале? Я знаю, ты будешь играть великолепно, а выглядеть сногшибательно. Но после этой истории с чудесным исцелением люди будут смотреть на меня так, словно я — какой-то ягненок с двумя головами.

Илейн решила пока забыть о своей панике и наконец-то заметила, как осунулось лицо ее возлюбленного. За последние дни Тим снова похудел и выглядел неважно. Напряжения, новый ушиб и трудное путешествие подточили его силы. Казалось, он больше не вынесет унижений, не вынесет еще одного шока.

Илейн поцеловала его.

— Как хочешь, можешь остаться здесь. После концерта я сразу же приду к тебе. Не останусь я на этот прием. Кура отлично справится одна. А что касается волнения, то совершенно не важно, кто будет сегодня играть рядом с Курой, даже если это будет тюлень с мячиком... Люди придут исключительно ради возможного чуда.

Тим улыбнулся.

— Кстати, лучше бы это был тюлень. И тогда Кура могла бы контролировать его с помощью флейты, как это делают заклинатели змей. Кстати, я прекрасно буду слышать вас отсюда. Мы с Роли вчера успели насладиться генеральной репетицией. Так что помни, Илейн, ты не одна!

Управляющий отелем ухитрился впихнуть в зал двести пятьдесят мест. До того момента, как Кура и Илейн поднялись на сцену, Уильям опасался, что публика будет заглушать музыку. Но потом, когда девушки вышли и Кура произнесла вступительное слово, стало так тихо, что можно было слышать дыхание зрителей.

Опасения, что люди потеряют интерес к музыке, если чуда не произойдет после первых же нескольких композиций, тоже не подтвердились. Напротив, Кура, казалось, заморозила публику. Она давала концерт всей своей жизни, и после первой части выступления никто уже не думал о проклятиях и чудесах, все просто поддавались чарам, которые плела Кура. При этом она увлекла за собой Илейн. Что касается последней, то она впервые по-настоящему осознала значение своей музыки. Она наконец-то вложила душу в игру и практически не уступала Куре. Разницу заметил даже Тим, который действительно знал программу от первой до последней ноты. Теперь он стоял на балконе своей комнаты, наслаждался гипнотическим эффектом заклинаний и головокружительным видом на бухту и огни Бленема. Меланхолия хака, которую Кура выбрала в качестве центральной композиции концерта, затронула его душу. Тим устал и обессилел; ему хотелось быть далеко-далеко отсюда, но он боялся потерпеть неудачу. Он готов встретить трудности лицом к лицу, но что они с Илейн станут делать в Европе, если там он тоже будет никому не нужен, как и здесь? В Греймуте в случае чего у него есть возможность спрятаться в родительском доме, последовать примеру Калева и заняться чем-нибудь, чтобы, по крайней мере, возникало ощущение наполненности жизни. Но в Уэльсе — без доходов, зато с семьей?..

Роли вышел на балкон вслед за ним и почувствовал, как тяжело у Тимоти на душе.

— Что случилось, мистер Тим? — робко спросил он. — Болит что-то?
— Всего лишь тревожит, Роли, — тихо ответил молодой человек. — Как прошел твой день? Видел китов?

Роли усердно закивал в ответ.

— Это просто невероятно, мистер Тим! Какие они огромные! И при этом совсем мирные. Но поначалу я до смерти испугался, когда один из них поплыл к этой крохотной лодчонке.

Тим улыбнулся.

— Говорят, они очень похожи на людей. А еще я слышал, будто они умеют петь...

— Надеюсь, у них не такая заунывная музыка, как у мисс Куры... Ой, простите, сэр, — поспешил извиниться Роли, который не был приверженцем оперы. — Мы увидим китов, когда поплывем в Англию, мистер Тим? Тот человек с лодки говорил, что бывают и маленькие, называются дельфины, они плавают с большими пароходами.

— Неужели ты хочешь ехать в Англию? — удивленно поинтересовался Тим. — А как же твоя мама?

Роли рассмеялся.

— Ах, ей я уже не нужен, она теперь хорошо зарабатывает в своей швейной мастерской! Но вам, вам-то я нужен! Или нет, мистер Тим?..

Паренек почти с испугом смотрел на него снизу вверх. Тим закусил губу.

— Возможно, я не смогу тебе платить...

Роли наморщил лоб, а в зале внизу призрачный голос *пекорино* призывал любовь вернуться. А потом лицо его прояснилось.

— Но ведь я вам буду нужен не целый день! Значит, я смогу наняться на другую работу и не буду вам в тягость. Вот только у меня нет денег, чтобы купить билет на пароход... — Лицо Роли снова помрачнело.

Тим почувствовал, что глубоко тронут, однако заставил себя улыбнуться.

— С этим мы как-нибудь справимся, Роли!

Роли просиял.

— Мы справимся!

Слушая песню духов в своем укрытии, оба наслаждались приятным чувством умиротворения, как вдруг услышали приглушенный шум и крики. Похоже, в комнатах над ними или в другом конце коридора происходила борьба. Судя по звукам, там падала мебель. Какой-то мужчина ревел страшным голосом что-то невразумительное; потом его голос затих. Какая-

то женщина что-то истерично кричала. Что-то с грохотом покатило по лестнице.

— Сходи посмотри, что там происходит! — велел Тим пареньку. — Откуда вообще эти звуки?

Не вытерпев, он вышел вслед за Роли в коридор и остановился перед своей комнатой, но, видимо, центр событий был где-то не здесь. Мимо них пробежали горничные и другие слуги отеля, спешившие, вероятно, к источнику шума. Роли было любопытно, он хотел побежать за ними, однако Тим удержал его.

— Подожди, я кое-что придумал. Что бы ни случилось, сейчас там будет достаточно людей, которые все равно ничем не смогут помочь. Лучше помоги мне переодеться. И поскорее, я хочу пойти к Лейни. Нужно встретить ее. У меня какое-то нехорошее предчувствие...

Тим и Роли дошли до зала как раз к финальной части концерта. В то же время перед отелем остановились кареты «скорой помощи», а в холле поднялся страшный шум. Тим воспользовался лифтом, которым, судя по всему, служащим отеля было пользоваться запрещено. Только взволнованный маленький лифтер смог им кое-что рассказать.

— Там кто-то скандалил, кажется, тот странный парень из «люкса» № 3. Вот он меня напугал! Мадлен говорит, что там все в крови, а женщина в кошмарном состоянии...

Конечно, Роли предпочел бы посмотреть на все своими глазами, но Тим торопил его.

— Все это чертовски напоминает мне этого Сайдблоссом. Боже мой, что говорила Лейни по поводу этой комнаты? Управляющий заявил, что мог сдать ее втридорога, поскольку она прямо над залом! А ведь даже в нашей комнате был слышен каждый звук... Должно быть, тот парень пришел в бешенство, когда Кура заиграла на *пекорино*!

Сияющие Кура и Илейн как раз раскланивались перед публикой. Уильям стоял с краю в первом ряду и аплодировал, но в задних рядах уже чувствовалось беспокойство. Управляющий беседовал с Хизер. Доктора Мэттершайна вызвали из зала.

Тим и Роли встретили Илейн, когда она сошла со сцены.

— Ты все-таки пришел! — Она благодарно улыбнулась Тиму. — Разве это было не чудесно? Думаю, я могла бы привыкнуть к этому! В любом случае теперь я понимаю, что в этом находит Кура. Столько людей...

Илейн обняла его, а потом заметила серьезное выражение лица и поняла, что что-то не так.

Хизер Редклифф о чем-то взволнованно сообщила Уильяму, который

тут же поспешил к управляющему отелем, чтобы поговорить с ним.

К Тиму и Лейни подошел Джулиан Редклифф.

— Они пытаются найти другие комнаты для приема, который должен состояться после концерта. В фойе ничего проводить нельзя, там кошмар. Этот вчерашний парень, Томас Сайдблоссом, только что хотел убить сопровождавшую его молодую женщину и себя.

— Он вдруг взбесился, — с трудом переводя дух, рассказывала Хизер, — и набросился на женщину. На свою мачеху, не так ли? Странные отношения. Но она кинулась бежать, упала с лестницы... а потом он попытался перерезать себе вены. Управляющий вне себя. В той комнате, наверное, как на бойне...

— Он мертв? — бесцветным голосом поинтересовалась Илейн.

— Нет, оба живы, — ответил Редклифф. — Но не мог же он так внезапно спятить. Как раз, когда...

— Его комната точно над залом, — тихо произнесла Лейни. — Он услышал голос духов...

Илейн ни в коем случае не хотела давать еще один концерт, у нее было единственное желание — как можно скорее оказаться дома, в Квинстауне. Тим с огромным трудом сумел убедить ее в том, что им нужно срочно возвращаться в Греймут, чтобы не рисковать попасть под арест. Но ему тоже не терпелось поскорее уехать из Бленема, от Сайдблоссомов, от всевозможных духов. А Уильям и Кура хотели пока что остаться. В Бленеме будет легче найти нового пианиста, чем на Западном побережье; кроме того, Кура хотела дать еще несколько концертов.

— В данный момент все равно, будет ли она играть на пианино, петь, танцевать или дрессировать морских котиков, — люди хотят Куру! — со счастливым видом подытожил Уильям. — Я ведь говорил, что концерт будет успешным. И он стал бы им даже без этой... встречи. Но так получилась настоящая сенсация! — Казалось, он готов был расцеловать Лейни за то, что она сначала вышла замуж за Томаса Сайдблоссом, а потом выстрелила в него.

Тим планировал отъезд на следующее утро, но дело затянулось, поскольку явился Джулиан Редклифф, принес в комнату Тима роскошный завтрак, а затем за чаем с тостами поведал о последних новостях.

— Я подумал, что вы не прочь узнать, чем все вчера закончилось, — заметил он, удобно устраиваясь в кресле, в то время как невыспавшийся Тим еще лежал в постели, а бледная Лейни только вышла из ванной. Теперь она чувствовала себя плохо почти каждое утро, однако Кура заверила ее,

что это совершенно нормально.

— Зато могу тебе рассказать, как этого избежать! — с довольным видом заявила она.

Лейни устало отмахнулась. О подсчете дней и укусных подмываниях она и слышать не хотела.

— Сайдблоссом и его мачеха в больнице, но, в принципе, все не так уж страшно, — продолжил свой рассказ Редклифф. — У молодой женщины кровоподтеки и синяк под глазом. И, конечно же, шок. Но сегодня утром с ней уже вполне можно было поговорить, так сказал доктор Мэттершайн. А мужчину они вообще могли сразу же отпустить. Потеря крови просто смешная. Но он помутился рассудком, и ему теперь колют успокоительное. Как только действие заканчивается, он снова начинает буйствовать. Сегодня же его переведут в заведение, специализирующееся на подобных случаях. Женщина, судя по всему, отправится домой — там нужно уладить еще более неприятные дела, если я верно понял доктора Мэттершайна. Но я умираю от любопытства! Какое отношение имеют к вам эти люди, мисс Кифер?

Илейн промолчала, и Тим в общих чертах поведал ему всю историю.

— Мы никогда не предполагали встретить здесь Сайдблоссомов. Но, пожалуй, это называется стечением обстоятельств.

Редклифф рассмеялся.

— Так хотели духи! И они отомстили за вас, мисс Лейни, если позволите так выразиться. Что ж, по крайней мере вам теперь нет нужды опасаться этого человека. Тому, кто попал в такое заведение, не так-то просто выйти оттуда. И если его все же выпустят, от него останется только пустая оболочка. Был у нас такой случай в семье. Тот, кто оказался в руках психиатров, может сразу прощаться с жизнью. Это хуже тюрьмы!

«Посмотрим», — думала Илейн. Она любила Тима, но в данный момент ей очень хотелось вернуться обратно в Квинстаун, в объятия Флёретты, своей матери, в безупречный порядок пансиона бабушки Хелен и веселый хаос поместья «Слиток». Как бы то ни было, кошмар разлуки с семьей закончился. Как только они приедут в Греймут, она тут же даст телеграмму своим родителям.

Глава 8

Нахмутив лоб, Илейн склонилась над швейной машинкой, пытаясь провести нитку по довольно извилистому пути между катушкой и иглой. Только что нитка порвалась в третий раз и девушка тяжело вздохнула, ибо постепенно пришла к выводу, что не обладает даром портнихи. Но это у нее было общее с большинством девушек мадам Кларисс. За последние дни все они попробовали свои силы за новым приобретением своей предприимчивой хозяйки. Одним из последних достижений Уильяма в Греймуте стало то, что он продал свою демонстрационную машинку хозяйке отеля по очень выгодной цене.

— Это может помочь девушкам вернуться к честной жизни! — льстиво утверждал он.

Мадам Кларисс лично испробовала эту штуку и пришла к выводу, что ничто не удержит ее девушек на пути греха вернее, чем перспектива провести всю жизнь за «Зингером».

Илейн порвала очередную нитку и выругалась.

— Ты можешь показать мне, как это работает? — спросила она, обернувшись к Тиму. — Ты ведь техник.

Тим стоял, прислонившись к пианино, в большой комнате паба и тренировался метать дротики. Ему было нелегко держать равновесие без костылей, однако он не слишком и старался. Большинство дротиков летело мимо.

— Любимая, я ведь уже пытался, — добродушно произнес он. — Но я с этой штукой тоже не совладаю. Впрочем, не сомневаюсь, я мог бы сделать еще одну такую же.

К этому времени Тим готов был многое отдать за то, чтобы иметь возможность что-нибудь делать. Он тосковал без работы, которая требовала бы больших усилий его мозга, нежели ежедневная тренировка ног, приводившая его в отчаяние, поскольку прогресса практически не наблюдалось. Он надеялся, что однажды сможет ходить без шин, но без костылей ему не ходить никогда, причем не далее пары сотен метров. Сознание того, что он достиг своего предела, лишало молодого человека мужества во время ежедневных упражнений.

— Тогда у нас было бы две такие машинки! Только не это. Думаю, я предпочту покупать платица для ребенка. Или детские курточки не шьют?

Похоже, у Илейн начиналась очередная фаза периодически

проявляющегося рвения домохозяйки. В любом случае она лихорадочно пыталась найти себе какое-нибудь занятие, которое отвлекло бы ее от страхов и размышлений.

Тим оставил дартс в покое и обнял ее.

— Мне уже хочется, чтобы что-нибудь случилось, — вздохнул он. — Это ожидание сводит меня с ума. Должны же они прийти к каким-то выводам в Отаго. Скорей бы уже начался процесс... И с рудником никаких подвижек. Наверное, есть заинтересованный человек, который хочет стать совладельцем, по крайней мере так считает Мэтт, но что-то все слишком долго тянется.

— А другие люди торопятся пожениться! — заметила Илейн и выудила из-под швейной машинки приглашение. — Смотри, это принесла лично Флёренс Уэбер. 25 октября она выходит замуж за Калева Биллера. Кстати, именно так она и выразилась. Она выходит за него замуж. Она сожрет его с потрохами.

Пока Тим думал, что ей ответить, дверь открылась и в проеме показалась голова Роли.

— К констеблю только что приехали какие-то люди. Из Отаго. И они хотят срочно поговорить с вами, мисс Лейни. Все выглядит очень официально... другой констебль и еще господин в костюме. Я подумал, что стоит сказать вам, пока лично сам констебль...

— Все хорошо, Роли, — негромко произнесла Лейни. — Большое спасибо. — Она взяла плащ. — Идешь со мной, Тим?

Илейн боялась этого момента, но сейчас чувствовала себя на удивление спокойно. Чем бы все это ни закончилось, она наконец будет знать, на каком свете очутилась.

Тим обнял ее.

— Что за вопрос! Мы все выдержим, Лейни. Мы и худшее переживали.

Девушка впервые в жизни почувствовала нетерпение из-за состояния Тима. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем он надел пиджак и сделал несколько шагов, чтобы выйти на улицу. Перед бюро констебля стояли лошади прибывших к нему людей. Костлявый сивый жеребец и маленький вороной конь, который почему-то показался Илейн знакомым.

Больше всего ей хотелось броситься бежать. Тим же испытывал непреодолимое желание оттянуть решение. Только что он пребывал в ожидании и был готов принять все, что угодно. Но теперь ему казалось, что он не сумеет больше выдержать ни одного удара. Процесс, возможно, даже тюрьма...

Илейн открыла дверь в бюро констебля. Тим увидел греймутского полицейского, поглощенного разговором с коллегой в похожей униформе. Одетый в штатское стройный мужчина средних лет, который сидел с ними за одним столом, проявлял нетерпение.

Илейн вошла, опустив голову. Внезапно она услышала, как взвыла Келли. Маленькая собачка протиснулась мимо Тима и ворвалась в комнату. Илейн удивленно подняла голову и увидела, как Келли с восторгом прыгает на кого-то. Виляя хвостом и лая, собака приветствовала Рубена О'Кифа.

— Папа! Папочка! — Сначала Илейн прошептала это слово, потом выкрикнула, а затем оказалась в объятиях отца.

— Мы с твоей матерью сыграли в покер на то, кто будет сопровождать констебля. И я выиграл! — с улыбкой объявил Рубен. — Впрочем, признаюсь, я сжульничал. О, Лейни, мы были так счастливы, когда ты подала весточку! Мы уже начали думать, что ты погибла!

— Разве вы меня искали? — тихо спросила Илейн. — Я не знала... Я думала, вы злитесь на меня.

Рубен снова притянул ее к себе.

— Глупышка, конечно же, мы искали тебя. Впрочем, очень осторожно, ведь за тобой охотился Джон Сайдблоссом. Но даже дядя Джордж ничего не смог выяснить...

— И неудивительно, — вмешался констебль. — Может быть, теперь мы перейдем к делу? Этот случай очень интересный, но у меня есть и другие дела.

В последнее никто не поверил, только его коллега напряженно кивнул. Это был еще молодой, очень старательный мужчина, униформа которого выглядела свежеевыглаженной, несмотря на путешествие верхом.

— Джефферсон Оллбридж, — представился он. — Вы Илейн Сайдблоссом?

Илейн судорожно сглотнула. Она так давно не слышала этого имени! Нервно потянулась к Тимовой руке, но поскольку никто не приглашал его войти, тот остался стоять у двери.

Констебль наконец обратил на него внимание.

— Входите, Тим, присаживайтесь. Джефф, это мистер Тимоти Ламберт, жених мисс Лейни.

Рубен О'Киф бросил озадаченный взгляд сначала на свою дочь, затем на Тима. У него были спокойные серые глаза, волнистые каштановые волосы и усы, из-за которых он казался старше. Тим отложил в сторону костыли и с трудом уселся на один из стульев в бюро. Под взглядом О'Кифа это было сущей мукой. Тим опасался неприязни, но отец Илейн

спокойно пододвинул ему стул. А затем обратился к дочери:

— Садись, Илейн. — Его голос звучал приветливо и мягко. Лейни была единственной, кто остался стоять, словно хотела выслушать приговор стоя.

— Итак, мисс Лейни... — Констебль с серьезным лицом начал слушание дела, но Тим увидел в его глазах хитрый блеск. — Во-первых, я попросил бы вас взять назад это нелепое самообвинение, которое вы мне не так давно предоставили. Я не в обиде на вас, ведь после похищения вы находились не в том душевном состоянии, а доктор заверил меня, что вы и в остальном... Ну, об этом вы расскажете отцу сами. В любом случае мы не станем предпринимать против вас никаких санкций из-за дачи ложных показаний...

Илейн то краснела, то бледнела.

— Ложные показания? Почему же...

— Конечно же, вы никогда не стреляли в своего супруга Томаса Сайдблоссома, — заявил Джефф Оллбридж. — Честно говоря, слухи соответствующие ходили, но мой... э... предшественник занялся этим делом. Ему удалось выяснить, что и мистер Джон, и мистер Томас, когда с ним стало можно говорить, четко и ясно заявили, что это был несчастный случай. Мистер Сайдблоссом чистил оружие. Да, бывает.

— Я...

— Обвинения никогда не было! — произнес Рубен О'Киф. — Мы этого тоже не знали, иначе искали бы тебя гораздо активнее. Но, судя по всему, Сайдблоссом с самого начала собирался решить это дело, так сказать, лично.

— Но ведь все знали... Уильям, Кура...

— Где же ты встретила Уильяма Мартина? — озадаченно переспросил Рубен О'Киф. — И Куру-маро-тини? Ну да ладно, об этом мы поговорим позже. В любом случае все знали, включая констебля. Не слушайте, пожалуйста, Джефферсон! Таких вещей не удержат в секрете в доме, полном слуг, и уж точно невозможно, если двадцать стригалей были, так сказать, свидетелями. Один из них нашел Томаса — и повитуха тоже была там. Судя по всему, он был обязан этой женщине жизнью; она действовала очень мужественно. И, конечно же, все сложили два и два. Констебль мог бы прижать Сайдблоссома к стенке, но, по всей вероятности, у него были с ними свои связи и отношения.

— Пршлым летом проголосовали за его отстранение, — заметил Оллбридж. Тон у него был почти извиняющийся.

— В целом все оказалось к лучшему, — произнес Рубен.

— Как бы там ни было, я все же провел расследование, — веско продолжал Оллбридж. — Особенно то, что касается этой истории с похищением. Судя по всему, Джон Сайдблоссом не стал подавать заявление, но сам лично решил заняться вашими поисками, миссис... мисс...

— Просто Лейни, — прошептала Илейн.

— Изучив записи, которые мне удалось обнаружить, он имел информаторов практически в каждом крупном городе на Южном острове... И наиболее важную информацию дал парень из Уэстпорта. Но его человек здесь, в Греймуте, прикрывал вас, мисс Лейни.

— Он меня... но почему? — У Лейни вдруг закружилась голова. Тим взял ее за руку.

— Речь идет о шахтере с рудника Блекберн, — произнес констебль. — Этот человек — маори.

— И сын этой Эмере, экономки Сайдблоссом, — добавил Оллбридж. — Поэтому Сайдблоссом считал его своим верным помощником. Кстати, у него были отношения с одной из девушек, которая служила у вас горничной, мисс Илейн.

Паи? Или Рахера? Но ведь Паи была влюблена в Питу. Илейн совершенно растерялась.

— А девушка тоже происходила из племени, с которым у мистера Сайдблоссом, мягко говоря, были трудности ...

— Рахера! — воскликнула Илейн. — Мистер Джон поймал одного маори на краже скота, а Рахера стала после этого рабыней. Она страшно боится полиции. А ведь я ей всегда говорила, что лучше признаться...

— Этого совета вам следовало бы послушаться самой, — проворчал констебль.

Оллбридж бросил на него осуждающий взгляд, поскольку ему не терпелось довести свою речь до конца.

— Итак, молодой человек оказался в сложной ситуации. Верность родственникам и любимой... Приказ хозяина... Но когда вы, мисс Лейни, пустившись в бега, наткнулись на его собственное племя, вопрос был решен.

— Поэтому жена вождя и сказала, что в Греймуте я буду в безопасности, — пробормотала Илейн.

Констебль кивнул.

— Вот и прояснилась жгучая тайна. Я много часов размышлял о том, что же делает мой город идеальным убежищем для более или менее пропащих девушек?

— Ваше объявление о помолвке сломало вам шею, — беспощадно произнес Оллбридж. Он терпеть не мог, когда его перебивают.

Илейн покраснела. Отец снова переводил взгляд с нее на Тима.

— Мои родители непременно хотели устроить помолвку. Я пустил все на самотек, когда узнал, что Сайдблоссом жив. — У Тима возникло непреодолимое желание хотя бы как-то оправдаться.

— И после этого я собиралась сразу же пойти в полицию! — заверила присутствующих Илейн.

— Если бы вы сделали это раньше, возможно, Сайдблоссом был бы жив, — строго произнес констебль.

— И продолжал бы преследовать тебя, — заметил Рубен О'Киф. — Он никогда не оставил бы тебя в покое. Если бы ты подала нам весточку, Лейни, мы отправили бы тебя прочь из страны. Здесь тебя никто не смог бы защитить.

Тим кивнул.

— Мы собирались сделать то же самое, — негромко произнес он. — Мы...

— Однако смерть Джона Сайдблоссом, похоже, ни у кого не вызвала особого сожаления, — не скрывая сарказма, сказал Оллбридж. — По крайней мере у него дома. Прислуга даже испытала облегчение. И больше всех эта Эмере, которую я, в принципе, считал довольно-таки верной. Но она принялась что-то рассказывать о духах, которые отомстили. Зои Сайдблоссом тоже вела себя очень сдержанно. Она только недавно приехала с севера, это сильно все затянуло. А сын, кажется, совсем спятил. По сведениям, полученным нами, он находится в какой-то клинике в Бленеме. Судя по всему, сейчас с ним поговорить нельзя. М-да, в целом это все. Еще какие-нибудь вопросы будут?

— Я... я свободна? — бесцветным голосом произнесла Илейн.

Оллбридж пожал плечами.

— Все зависит от того, что вы под этим подразумеваете. Перед законом вы никогда и не были виновны. Впрочем, вы все еще замужем...

— Ты обнимешь меня, несмотря на все это? — прошептала Илейн и придвинула свой стул ближе к Тиму.

Тим притянул ее к себе.

Рубен церемонно поклонился обоим констеблям, поблагодарил Оллбриджа — в первую очередь.

— В том числе от имени моей занятой в данный момент другими делами дочери, — произнес он. — Вопрос, касающийся ее нового брака, мы решим... Да и с помолвкой этой разберемся. Где мне можно снять

сейчас комнату на пару дней?

— И на этот раз он точно тот самый? — строго спросил Рубен.

Сначала он долго разговаривал с Тимом, а теперь взял в оборот дочь.

Тим поехал домой. В принципе, повариха, работавшая на его семью, всегда готовила на целый полк, однако он все же хотел заранее сообщить родителям, что он только что пригласил на ужин отца своей будущей жены. «Что ж, — думал Тим, — по крайней мере этот спокойный, изысканно одетый и весьма состоятельный мистер О'Киф должен очень понравиться моей матери». В случае с Марвином все зависело от того, в котором часу он начал пить сегодня...

— На этот раз он — тот самый! — подтвердила сияющая Илейн. — Мне потребовалось довольно много времени, чтобы убедиться в этом. Но я совершенно уверена!

Рубен поднял брови.

— Посмотрим, что твоя мать на это скажет. Судя по предыдущему опыту, я не стал бы доверять ни своему, ни твоему инстинкту...

Илейн рассмеялась.

— Думаю, Уильям отправил бы тебя спрашивать совета у Келли! — весело захихикала она и почесала собаку за ухом.

Рубен скривился. То, что Уильям и Кура вдруг стали добрыми друзьями Илейн, все еще смущало его. Однако сейчас его занимали другие вопросы. Один из них он едва осмелился задать.

— А что с его... состоянием? Я имею в виду, он симпатичный парень и в голове у него, судя по всему, не пусто. Но ведь он, без сомнения... инвалид. Он вообще способен?..

Рубен замялся.

Илейн с улыбкой погладила себя по все еще довольно плоскому животу.

— О да, папочка! Он способен!

Кура и Уильям приехали на свадьбу Калева Биллера. Хотя бы ради того, чтобы показать, что не в обиде на него. Для Куры это было важно по личным причинам. Для Уильяма — по деловым. Музыкальные аранжировки Калева очень нравились публике; они представляли собой идеальное сочетание классической и развлекательной музыки, современных мелодий и фольклора. Если они рассчитывают на продолжение «Шепота духов», то желательно наладить дальнейшее сотрудничество с молодым Биллером. И чтобы добиться своей цели,

Уильям всю охмурил Флёренс Уэбер. Он прекрасно понимал, кто здесь держит в руках поводья будущего. Однако в день свадьбы Флёренс решила их отпустить. Она спокойно наблюдала за тем, как Калев взволнованно беседует с молодой пианисткой, которую привезли с собой из Бленема Уильям и Кура. Белокожая, со светло-русыми волосами, эта девушка была прекрасна какой-то особенной красотой и, похоже, воспринимала реальность лишь в гармонии с музыкой. В повседневной жизни она оказалась еще менее общительной, чем Кура. Мариса Клерк не просто отвечала на все вопросы «да» или «нет», она даже вопросов не замечала. Илейн она показалась довольно скучной, однако из рояля Биллеров Мариса извлекала почти неземные звуки. Диалог ее фортепьянной мелодии с *пекорино* Куры выходил на новые измерения. Музыка захватила даже Флёренс Уэбер, по милостивой просьбе которой музыкантши согласились показать свое искусство.

В день своей свадьбы Флёренс, как все заметили, была не склонна к критике. Она порхала по празднично украшенным комнатам и от счастья казалась почти красивой. При этом на ней было слишком дорогое и перегруженное украшениями платье, сплошь усеянное розочками и ленточками, вышитое жемчугом и кружевом, а потому с трудом подчеркивающее немногочисленные достоинства невесты. Флёренс заказала платье в Крайстчерче; оно полностью отражало вкус и госпожи Уэбер, и госпожи Биллер. Увидев невесту в церкви, Калев даже вздрогнул, но потом взял себя в руки и держался просто идеально. Обе стороны делали ставку на гармонию — по крайней мере в официальной части мероприятия.

Калев послушно поцеловал невесту во время венчания в церкви, а потом еще раз после торжественной церемонии перед собравшимися рабочими его рудника. Позже он открыл бал с Флёренс, которая отчаянно пыталась позволить вести себя. После этого оба занялись тем, что им было интересно. Калев болтал о музыке с Марисой, Флёренс — с управляющим рудником Блекберна по поводу техники добычи угля. С Тимоти Ламбертом она больше не разговаривала. Теперь, когда ее перестали игнорировать, она переняла поведение других хозяев рудников и стала относиться к нему с пониманием и участием, как к ребенку, который просто не может понять, почему ему нельзя играть вместе со всеми.

Наконец Тим оказался один, в стороне от праздника, с бокалом виски в руке. Из зимнего сада городского имения Уэберов он наблюдал за оживленной суматохой. Илейн танцевала со своим братом Стивеном, который приехал два дня назад без предупреждения, чтобы сделать

сюрприз своей потерянной сестре. Она время от времени махала Тиму рукой, но в целом наслаждалась воссоединением с семьей. Тим не злился на нее. О'Кифы нравились ему, он с удовольствием общался с ними. Но сегодня Рубен был занят разговором с мировым судьей Греймута, и Тим не хотел мешать ему. Возможно, это было глупостью, однако он уже почти не осмеливался присоединяться к какой бы то ни было группе — слишком часто он провоцировал тем самым сочувствующие взгляды на свои ноги и костыли. Женщины в этом вопросе были еще хуже мужчин. Они проявляли скорее жалость, чем презрение, и относились к нему как к больному ребенку.

Тим постепенно свыкался с горькой мыслью: для тех людей, которые что-то значили в Греймуте, наследник Ламбертов погиб 20 декабря на собственном руднике. Его все еще существующую тень, может быть, и почитают шахтеры, да и сливки общества были вполне готовы присвоить ему звание мученика. Но ни мученику, ни святому никто работы не даст.

Наконец к нему присоединились Кура и Уильям, оба разгоряченные после танцев и настроенные на то, чтобы найти укромный уголок, где они могли бы предаться нежностям. После Бленема они были влюблены друг в друга сильнее, чем когда бы то ни было. Даже Рубен О'Киф, с которым Уильям тогда изрядно испортил отношения и который относился прохладно и к Куре, не мог остаться равнодушным к их сияющим от счастья лицам.

— А что ты здесь делаешь? — спросила Кура, похлопав Тима по плечу. — Сидишь и предаешься мрачным размышлениям?

Тим улыбнулся ей. На Куре было новое платье — шелковое, различных оттенков синего цвета, сшитое в мастерской очень талантливой миссис О'Брайен — и цветы в волосах, как у красавицы южных морей. С тех пор как ее признали в качестве музыканта, она одевалась изысканно и со вкусом, стремясь подчеркнуть свою красоту.

— Я сижу здесь и пытаюсь не слишком сильно завидовать Флёренс Уэбер-Биллер. — Тим хотел, чтобы его слова прозвучали как шутка, но в голосе слышалась едва прикрытая горечь. — С завтрашнего дня она возьмет на себя управление рудником Биллера, возможно, не сразу, но, я думаю, уже через месяц у нее будет там своя контора. В то время как я буду вынужден наблюдать за тем, как чужие инвесторы захватывают власть над «Ламберт Энтерпрайзис», как мне навязывают каких-то чужих инженеров, которые ничем не лучше меня, кроме разве что возможности обогнать во время забега...

— Неужели у твоего отца уже есть покупатель? — поинтересовался Уильям. — Я ни о чем подобном не слышал.

Тим пожал плечами.

— Вероятно, я узнаю об этом последним. Уж точно после Флёренс Уэбер-Биллер.

Кура улыбнулась.

— Ты несколько опоздал! — решила поддразнить она его. — Если бы ты проявил свой интерес несколько раньше, Калев наверняка уступил бы тебе Флёренс!

Глава 9

— В город собираешься? Я могу подвезти тебя.

Мэтью Гавейн, уже ставший для него добрым другом, которому Тим предложил перейти на «ты», наблюдал за тем, как тот с трудом взбирается на спину своего Приятеля, в то время как конюх Ламбертов запрягает в личную полукаретку Нелли элегантную упряжную лошадь. Стояло холодное, влажное весеннее утро, и Мэтт считал, что крытая карета гораздо лучше поездки под дождем.

Но Тим лишь мрачно покачал головой.

— Я езжу верхом не для удовольствия, а для разработки мышц. Ты знаешь, что даже если просто сидеть верхом на лошади, которая идет шагом, у тебя работает шестьсот пятьдесят мышц?

Мэтт пожал плечами.

— А сколько их работает у лошади? — вяло поинтересовался он.

Тим не стал отвечать на это, лишь удивленно поглядел на элегантную повозку, в которую забрался Мэтт.

— Как это тебя удостоили чести ездить в личной карете моей матери? Покатаешься с Шарлен? В такую обычную среду?

— Ты ведь не думаешь всерьез, что твоя мать дала бы мне карету, чтобы покататься с Шарлен? Нет, мне предстоит встреча с инвестором. Я должен встретить этого господина на вокзале и привезти сюда, пока в него не вцепились Уэберы. Вроде как старик Уэбер устроил эту встречу, но твой отец собирается вести переговоры самостоятельно. Он даже все еще трезв. — Мэтт взял поводья.

Тим поехал рядом с каретой.

— Весьма показательно, что мне он не сказал об этом ни слова. Мне это окончательно надоело, и я предпочел бы как можно скорее уехать. На следующей неделе есть даже пароход, идущий в Лондон. Но он снова уйдет без нас.

Тим отпустил поводья и с болью в душе отметил, что Приятель перешел на рысь одновременно с упряжной лошадью. Мэтт увидел его искаженное от боли лицо и заставил каурую кобылку перейти на шаг.

— Тебе нужно купить лошадь, которая будет ходить помедленнее, — заметил он. — В Европе тебе все равно потребуется новая.

Тим пожал плечами.

— Втолкуй это Лейни. Она непременно хочет, чтобы мы взяли

лошадей с собой. Тогда, по ее словам, она будет как бабушка Гвинеяра. Новая страна, но со своей лошадейю и собакой. Понятия не имею, как я должен это оплачивать!

— Думаю, у ее семьи есть деньги, — произнес Мэтт, не переставая следить, чтобы его лошадь шла прогулочным шагом. Он прекрасно успевал к вокзалу, и дождь его не пугал. А Тим выглядел так, словно сильно мерз, да и сидел в седле не очень уверенно.

— Вот только пожелают ли они тратить эти деньги на то, чтобы отправить свою только что обретенную дочь за море? — Тим сомневался. — До отъезда она обязательно хочет съездить в Квинстаун и на Кентерберийскую равнину, чтобы повидаться со всей семьей, прежде чем попрощаться с ними...

— Думаю, твоей Лейни не хочется уезжать из Новой Зеландии, — произнес Мэтт. В принципе, он был в этом совершенно уверен, однако хотел пощадить Тима.

Тим вздохнул.

— Знаю, — пробормотал он. — Но что же мне делать? Здесь с моей профессией у меня абсолютно нет перспектив. А заниматься чем-то другим? Рубен О'Киф предложил мне работать с ним. Они скоро открывают магазин в Уэстпорте. Они все сегодня поехали туда, чтобы посмотреть комнаты. Но я ведь не торговец, Мэтт. У меня нет к этому дара... и, честно говоря, ни малейшего желания тоже.

— Но Лейни... — От Шарлен Мэтт уже знал об этом предложении и пытался как можно осторожнее поговорить на довольно щекотливую тему.

Тим отмахнулся.

— Да, я знаю. Лейни помогала в отцовском магазине с самого детства. Она могла бы вести дела, а я — в лучшем случае строил бы скворечники...

— Мне тут приходят на ум Флёренс и Калев Биллер, — заметил Мэтт.

Тим кивнул.

— С одним маленьким различием: Калеву нравится такая жизнь. Он лучше будет заниматься исследованием культуры маори, чем возиться с камнями. И в будущем он даже будет зарабатывать на этом. Первые плоды это приносит уже сейчас. Уильям и Кура щедро делятся с ним доходами от концертов. А я... И, кроме того, я не принадлежу к числу тех, кто легко смиряется с тем, что живет на наследство жены или великодушные своего тестя.

— А что-нибудь другое? Вне рудников? — Мэтт слегка подстегнул свою кобылку, поскольку постепенно он все же начинал опаздывать.

— Я уже думал о железнодорожной отрасли, — произнес Тим. В

принципе, он на протяжении нескольких недель думал только о каком-нибудь занятии. — Мистер Редклифф намекал мне. Но... я не хочу обманываться, Мэтт! У железнодорожников нет постоянных контор, когда они инспектируют строительство, приходится много путешествовать, спать в палатках или в нежилых помещениях. Там холодно и влажно. Я не смогу.

Подавленный собственными выводами, Тим повесил голову. Он никогда еще не говорил этого вслух и никогда не стал бы жаловаться, как сильно мучился после несчастного случая, особенно первой зимой. Но лучше не станет, это доктор Лерой заявил ему в довольно грубой форме. Скорее его состояние ухудшится.

— Уэльс тоже не славится своим сухим и теплым климатом, — заметил Мэтт.

Тим закусил губу.

— Это ведь необязательно должны быть Уэльс или Англия. На юге Европы тоже есть рудники...

...где только и ждут человека, который ходит на костылях и даже не понимает их языка. Мужчины с горечью думали об одном и том же, но никто не произнес этого вслух.

Тем временем они доехали до города, и Мэтт направил карету к вокзалу. Поезд уже прибыл, и Тим увидел высокого, уже довольно пожилого, но все еще стройного и изысканно одетого господина. Наверное, инвестор.

— Что ж, пора приглашать его в карету, — вздохнув, сказал Мэтт. — И начать тем самым собственный путь под гору. Он наверняка поставит надо мной того, кто учился, а я опять буду глотать пыль, вернувшись к обязанностям штейгера.

На протяжении последних месяцев Мэтт де-факто руководил рудником. Несмотря на то, что Марвин Ламберт каждый день приходил в контору, он скорее мешал принимать решения, чем помогал в этом.

— Я увижу тебя вечером в пабе?

Тим покачал головой.

— Вряд ли. Хотя ужинать я буду в городе, но это будет семейный ужин в одном из отелей на набережной. Рубен О'Киф приглашает. Они ждут приезда какого-то дяди с Кентерберийской равнины. На этот раз, наверное, «овечьего барона»... — Тим казался безразличным. В принципе, он приходил в ужас от семейных связей, удерживавших Илейн на Южном острове.

Мэтт помахал ему рукой.

— Тогда развлекайся! И пожелай мне удачи! Я тебе завтра расскажу,

как все прошло.

Тим проводил взглядом друга, лениво перепрыгнувшего через ограждение, чтобы быстрее дойти до платформы. Мэтт вежливо заговорил с пожилым господином, а затем с улыбкой принял у него чемодан. У молодого штейгера была хотя бы возможность убедить гостя в своей компетентности во время обхода рудника. Тим от всей души пожелал ему удачи. Но одновременно с этим ужасно позавидовал.

Илейн выглядела сногшибательно, когда Тим встретил ее у входа в лучший отель города. На ней было ее темно-синее платье, и она гладила лошадь, на которой приехал ее отец и которая стояла рядом с Баньши. Для четвероногих это тоже была семейная встреча. Вороной жеребец был сыном Баньши, которого Илейн оставила после замужества в Квинстауне. Тим надеялся, что она не заберет его с собой за море.

В этот вечер Тим позволил Роли привезти себя в карете. Утренней поездки хватило ему с головой; чтобы выплеснуть бессильную ярость, он катался лишь два часа. Кроме того, он надел вечерний костюм. Наверное, этот дядя большая шишка, и Илейн намекнула, что повод для праздника действительно есть.

— Мне ничего не сказали, но дядя Джордж еще вчера послал отцу телеграмму, и потом отец был очень весел и сразу же стал вести переговоры со служащими отеля по поводу этого ужина. С шампанским!

Илейн радовалась, а Тим старался держать себя в рамках приличия. Он начинал скорее опасаться встреч с новыми людьми, чем жаждать их. Слишком часто оказывалось, что те чувствуют себя неловко, когда им представляют его. Они судорожно искали темы для разговоров, им было неприятно стоять или ходить в присутствии Тима. Если так пойдет и дальше, он станет отшельником!

Тим решительно нацепил улыбку и взял Илейн под руку. Она была довольна, весела и тут же принялась подробно рассказывать ему о новом магазине в Уэстпорте. Будто бы и расположение идеальное, в центре города. И город не меньше Греймута, оживленный и приятный. Судя по всему, Илейн вполне нравилась идея жить там и заведовать магазином. Тим был на грани отчаяния и пытался убедить себя, что продавать товары для дома и платья не настолько плохо, как ему кажется.

Оба пересекли фойе отеля — и Тим с трудом сдерживался, чтобы не нагрубить портье, который принялся увиваться вокруг него, словно намереваясь отнести его в комнату за определенные чаевые. Нельзя быть настолько чувствительным, нельзя относиться к каждому выходу в люди

как к наказанию. Тем не менее Тим был рад, что стол для Рубена О'Кифа и его гостей накрыт не в шикарной столовой отеля, а в не менее элегантно обставленной соседней комнате. Отец Илейн, ее брат Стивен и дядя, о котором столько говорили, уже стояли у окна, держа в руках бокалы и глядя на набережную и взволнованное в этот день море.

Все трое дружно обернулись к Тиму и Илейн, когда те подошли ближе. Тим приветствовал Рубена и Стива, а затем удивленно поглядел в пристальные карие глаза мужчины, которого сегодня утром Мэтт встречал на вокзале. Однако Лейни поздоровалась первой и тут же угодила в объятия друга семьи. Пожилой господин крепко сжал ее, прежде чем та высвободилась, весело смеясь.

— Вот мы и снова вместе, Лейни! — заметил он. — Мои поздравления, малышка, я и не думал, что кто-то может спрятаться от меня на этом острове!

Илейн пристыженно улыбнулась и приняла бокал шампанского из рук отца.

Тим воспользовался паузой, чтобы наконец протянуть руку «дяде Джорджу».

— Джордж Гринвуд, — представился высокий пожилой мужчина. Рукопожатие у него было крепким, взгляд — уверенным. Казалось, он совершенно не заметил костылей и шин Тима.

— Мне кажется или я действительно видел вас сегодня на вокзале? — поинтересовался он, прежде чем Тим успел назвать свое имя. — Вы были с этим мистером Гавейном, который показывал мне рудник Ламберта.

— И как? Вам понравилось? — вырвалось у Тима. И тут же понял, что допустил бестактность. — Извините, мне следовало сначала представиться. Тимоти Ламберт.

— Жених Илейн, — с улыбкой заметил Рубен. — Будто бы наконец-то «тот самый». У мистера Гринвуда есть новости по поводу развода, Тим. Хорошие новости!

Судя по лицу Илейн, девушке не терпелось услышать новости, а Тим мог думать только о руднике. Как показал себя Мэтт? А отец? Как идут переговоры, может быть, уже есть какие-то результаты?

— Ламберт? — переспросил Гринвуд, пристально вглядываясь в Тима. — Имеете какое-то отношение к тому Ламберту, которому принадлежит рудник?

Тим кивнул.

— Сын, — обреченно ответил он.

Гринвуд нахмурил лоб.

— Но ведь этого не может быть...

Глаза Тима сверкнули. Внезапно в нем вскипели ярость и отчаяние, он не сумел удержаться.

— Мистер Гринвуд, у меня есть свои проблемы, но относительно своей родословной я совершенно не обязан отчитываться!

Гринвуд не обиделся. Он улыбнулся.

— Никто в этом не сомневается, мистер Ламберт. Я просто слегка удивился. Вот... — Он протянул руку к бумагам, которые прежде бросил на стол. — Информация по описанию проекта. Но прочтите сами.

Тим взял бумаги и быстро пробежал их взглядом, вплоть до параграфа «Наследники».

Единственный сын Марвина Ламберта болен и никогда не сможет руководить предприятием в общепринятом понимании этого слова. Желание семьи обратить хотя бы часть рудника в денежный эквивалент основывается на необходимости обеспечить содержание больного...

Тим побледнел.

— Мне очень жаль, мистер Ламберт, — произнес Гринвуд. — Но после такого отчета я предполагал, что наследник семейства скорее находится в Швейцарии, нежели верхом на лошади на вокзале Греймута.

Тим глубоко вздохнул. Нужно успокоиться, как-то пережить этот вечер...

— Извините, мистер Гринвуд, я не мог знать об этом... И кому же я обязан таким описанием состояния моего здоровья? Отцу или мистеру Уэберу?

— Вы знаете о посредничестве мистера Уэбера? — поинтересовался Гринвуд.

— Да об этом говорят абсолютно все, — ответил Тим. — И Флёренс Уэбер, без сомнения, была бы в восторге, если бы ей удалось руководить и рудником Биллеров, и рудником Ламбертов. Тогда у нее было бы два рудника. — Он отвернулся. — Может быть, все же стоило последовать совету Куры?

— Совету Куры? — ревниво поинтересовалась Илейн.

— Дурная шутка, — устало отмахнулся Тим.

— И все-таки объясните, почему вы не хотите руководить рудником? — спросил Гринвуд. — Совсем другие интересы? Рубен говорил, что, возможно, вы возьмете на себя управление магазином в Уэстпорте.

Тим, пытаясь сохранять хладнокровие, спокойно ответил:

— Сэр, я горный инженер. У меня дипломы двух европейских университетов и практический опыт, полученный на рудниках шести стран. Здесь не может быть и речи о нежелании. Но у нас с отцом разные взгляды в самых важных вопросах, касающихся управления рудником.

Гринвуд окинул Тима пристальным взглядом.

— Ваше состояние — результат этого... несовпадения взглядов? Вы можете говорить совершенно откровенно, я знаю о взрывах на руднике и весьма завуалированных причинах трагедии. А также о двух людях из руководства, которые спустились в шахту сразу после несчастия. Один умер...

— Для моего отца второй тоже мертв, — хриплым голосом произнес Тим.

— Ты расскажешь наконец, что узнал по поводу развода, дядя Джордж? — перебила Илейн. Она болтала с братом и совершенно не заметила, насколько серьезный разговор состоялся между Тимом и Гринвудом. — О руднике вы можете поговорить и позже. Кроме того, я голодна.

Тим не был голоден. Он смотрел в глаза Джорджу Гринвуду.

— Мы поговорим об этом завтра утром, — произнес Гринвуд. — Наедине. Приходите завтра к девяти в мой номер и возьмите с собой дипломы. Но, думаю, мы быстро договоримся. Кстати, я купил шестьдесят процентов акций вашего рудника. Кто там мертв, решаю я.

Джордж Гринвуд не спешил сообщать новости. И только когда перед ними поставили первое блюдо, он снизошел до того, чтобы ответить на настойчивые расспросы Илейн.

— Томас Сайдблоссом согласится на развод, — наконец объявил он. — Один из наших адвокатов говорил с вдовой Джона. В данный момент она находится в Лайонел-Стейшн, однако собирается вернуться в Бленем и поговорить с ним, как только уладит дела в Отаго.

— Говорить она может все, что угодно, — с сомнением в голосе произнесла Илейн. — И почему она думает, что Томас прислушается к тому, что ему скажут?

— О, миссис Сайдблоссом утверждает, что развод в его собственных интересах, — с ухмылкой объявил Джордж. — Как только все будет улажено, он собирается жениться на собственной мачехе.

— Что? — Вопрос вырвался у Илейн настолько внезапно, что она подавилась своим коктейлем из крабов с лимонным соком. Когда она

прокашлялась, в глазах у нее была паника.

— Она не может этого сделать, — прошептала она. — Я имею в виду Зои. Она...

— Я тоже дважды переспрашивал, — признался Джордж, — пока не сопоставил все обстоятельства.

— Вот как? — удивленно воскликнул Стивен, игравший едой в своей тарелке. Он не любил морепродукты и пытался незаметно отделить крабов от остальных составляющих коктейля. — Но ведь это очевидно. У дамы просто нет другого выхода. — Стивен бросил кусочек краба под стол, где его жадно сцапала Келли.

— Но ведь Томас... он ужасен... я должна предупредить ее... — пролепетала Илейн, откладывая в сторону столовый прибор. Со стороны казалось, что она собирается немедленно вскочить со стула, чтобы связаться с Зои.

— Томас находится в лечебнице для душевнобольных, — мягко напомнил ей Тим, накрыв ее руку ладонью. — Он никому ничего больше не сможет сделать.

— Вот именно, — спокойно продолжал Стивен. — Однако он по-прежнему наследник Лайонел-Стейшн. И насколько я понимаю, Джон Сайдблоссом не оставил завещания, согласно которому его жена получила бы какой бы то ни было легат. Судя по всему, сейчас Зои осталась совершенно без средств к существованию. Тем не менее она может остаться жить в Лайонел-Стейшн. И даже в этом случае Илейн могла бы ей помешать...

— Я? — озадаченно поинтересовалась Илейн. Похоже, она уже снова взяла себя в руки.

— Конечно, ты, — ответил ей отец. — Будучи его женой, ты считаешься ближайшим родственником Томаса. Ты распоряжаешься его состоянием, и, если он умрет, ты будешь единственной наследницей.

Илейн снова побледнела.

— Более того, — невозмутимо продолжал рассказывать Стивен. — К примеру, если врачам этого сумасшедшего дома удастся вытрясти из нашего милого Томаса остатки рассудка — вряд ли им потребуется для этого больше, чем год или два, — ты можешь объявить его недееспособным. И вот ты становишься хозяйкой роскошной фермы и двенадцати тысяч овец. Разве ты не об этом всегда мечтала? — усмехнулся Стивен.

Илейн провела ладонью по скатерти, руки ее дрожали.

— Тебе следовало бы подумать и о потребностях Келли! — с

серьезным лицом продолжал Стивен. Маленькая собачка тут же завиляла хвостом, услышав свое имя. Она умоляюще глядела на Стивена и вскоре получила еще один лакомый кусочек. — Она ведь пастушья собака. Ей нужна хотя бы парочка овец.

Только теперь Илейн поняла, что брат шутит, и попыталась выдавить из себя жалкую улыбку.

— Серьезно, Илейн, с финансовой точки зрения, тебе следует еще раз хорошенько подумать о разводе, — произнес Джордж Гринвуд. — У нас просто потрясающая позиция на переговорах. Возможно, миссис Сайдблоссом согласится на содержание.

Илейн отчаянно покачала головой.

— Я не хочу от них никаких денег, — прошептала она. — Пусть Зои забирает себе все! Главное, чтобы я его никогда больше не видела.

— Думаю, это вполне возможно и без дополнительных соглашений, — произнес Гринвуд. — По словам моего адвоката, Зои планирует переехать в Лондон. Как только ее будущий супруг будет в состоянии перенести путешествие и брак будет заключен. Соответствующий санаторий в Ланкашире, где его надежно запрут в приятной атмосфере, она уже подыскала. Будто бы лечебные заведения в Англии более современные и дают большие шансы на выздоровление...

Стивен рассмеялся.

— Главное, что Лондон для молодых вдов гораздо интереснее, чем захолустье в округе озера Пукаки.

— Надеюсь, она будет счастлива, — серьезно произнесла Илейн. — Она была не очень добра ко мне, но я думаю, ей довелось немало пережить. Если она найдет в Англии то, что ищет, я буду только рада. Дядя Джордж, сколько это продлится, по мнению адвоката?

— Значит, ты можешь снова упражняться в танцах! — нежно произнесла Илейн. Разговор происходил вечером того же дня, она была слегка пьяна от шампанского и перспективы наконец-то стать свободной. Тим поцеловал ее у конюшни отеля, пока Роли запрягал Приятеля в полукаретку.

— И если я правильно поняла дядю Джорджа, нам даже не нужно ехать в Уэльс.

Тим кивнул, погладил ее по волосам.

— А если я правильно понял дядю Джорджа, скоро мне будет не до танцев, — мрачно произнес он. — Флёренс Уэбер удивится, когда узнает, сколько жизни еще теплится в руднике Ламберта! — Он улыбнулся. — Мне

только жаль, что Келли не досталось много овечек. — Услышав свое имя, Келли подпрыгнула, и Тим, посмотрев на нее, добавил: — Можем купить парочку, и пусть себе пасутся на территории рудника...

Илейн рассмеялась и погладила собаку.

— Да что там, скоро ей придется пасти детей!

Глава 10

Тим Ламберт занял свою новую контору. Она была немного меньше, чем контора отца, но просто для того, чтобы соблюсти приличия. Официально Марвин Ламберт все еще руководил собственным рудником. Однако у Тима было более просторное помещение, чем кабинет Мэтта Гавейна, который примыкал к его конторе. Обе комнаты были светлыми, из них можно было видеть важнейшие здания рудника. Тим видел копёр, видел, как люди идут на смену, и скоро будет видеть колеи, по которым добытый уголь будут отвозить прямо к железной дороге. Но уже сейчас здесь царил оживление; привезли новые шахтные лампы, более современные защитные каски и вагонетки для перевозки угля под землей, а Мэтт Гавейн беседовал с новой группой шахтеров. Отчасти они прибыли прямо из угольных регионов Англии и Уэльса. Джордж Гринвуд нанял новых поселенцев со специальными знаниями в гаванях Литтелтона и Данидина.

Тим перевел дух, однако у него не оказалось времени, чтобы как следует осмотреть свои новые владения, поскольку пришел Лестер Хардинг, секретарь отца, чтобы взять его в оборот. Нарочитое подобоострастие этого человека тут же лишило Тима хорошего настроения.

— Принести вам кресло, мистер Ламберт? Так вам будет удобнее. Стакан воды?

В принципе, Тим не хотел сердиться, но если сейчас же не поставить этого человека на место, он будет действовать ему на нервы каждый день. Поэтому он бросил презрительный взгляд на навверняка очень удобные, но низкие кожаные кресла, стоявшие в углу его конторы вокруг маленького столика и крохотного бара.

— Не знаю, как вы, а я предпочитаю работать за письменным столом, а не под ним, — ледяным тоном заявил Тим. — А поскольку рост у меня нормальный, за письменным столом мне очень и очень удобно. После... — он поглядел на часы, — минуты пребывания в конторе у меня не возникло необходимости освежиться. Впрочем, если чуть позже придет мистер Гавейн, можете сделать нам чай. — Тим улыбнулся, чтобы смягчить свои слова. — А тем временем принесите мне итоговый баланс за последние два месяца и каталоги самых важных поставщиков строительных материалов.

Хардинг вышел с возмущенным выражением лица.

А Тим уже забыл о нем. В дальнейшем выяснится, сможет ли он

работать с этим человеком. Если нет, то нужно будет подыскать другого секретаря. Время есть. Он будет лепить свою контору и свой рудник по собственному усмотрению.

Флёренс Уэбер вошла в свою новую контору. Она была — хотя бы ради того, чтобы соблюсти проформу, — немного меньше, чем контора мужа, с которой соединялась дверь. Кроме того, она была гораздо меньше конторы его отца, но тот уже высказывал идею насчет того, что будет постепенно отходить от дел. Ведь теперь его сын был на месте, работал прилежно. Да и сегодня Калев сидел за своим письменным столом вот уже два часа. Флёренс даже не заметила, когда он вышел из дома. Проходя мимо, она почти с нежностью поглядела на его светлую макушку, склонившуюся над книгами и другими бумагами, которые, впрочем, не имели никакого отношения к горной промышленности в целом и углю в частности. Калев работал над трактатом, посвященным геологическому родству маорийского зеленого камня — или *поунаму* — и китайского, или южноамериканского, жадеита, а также его мифологическому значению для маори и архитектуры ацтеков. Эта тема приводила его в невероятный восторг. Вчера вечером он читал Флёренс пространный доклад о соотношении жадеита и нефрита в различных месторождениях. Будучи послушной женой, она терпеливо выслушала его, но в рабочее время он не станет говорить с ней об этом. Флёренс тихо закрыла дверь между их кабинетами.

Ее кабинет! Он был светлым, удобным, и, что самое главное, из его окна открывался чудесный вид на все постройки рудника. Конторы рудника Биллеров находились на третьем этаже складского помещения, и Флёренс был виден копёр, входы в шахту и пути, обеспечивавшие быструю перевозку добытого угля к железной дороге. Самое современное сооружение в окрестностях... Флёренс не могла наглядеться на это, но появление секретаря оторвало ее от созерцания.

«Билл Холланд», — напомнила она себе. Еще довольно молодой мужчина, но давно работает на Биллеров.

— Все, как вы хотели, мадам? — раболепно поинтересовался он.

Флёренс оглядела свой кабинет. Полки, письменный стол, маленький гарнитур в углу... и небольшая кухня. Она нахмурила лоб.

— Очень красиво, мистер Холланд. Но, может быть, вы переставите чайник и посуду в свой кабинет? Если вы будете возиться с ними здесь, то не дадите мне сосредоточиться. Вы можете заняться этим в обеденный перерыв... или нет, сделайте это сразу.

Этого человека нужно поставить на место. Флёренс подумала о Калеве, который сегодня утром наверняка забыл позавтракать. Женщина улыбнулась.

— А потом отнесите моему мужу чашку чая и пару сэндвичей. А мне принесите для начала балансы за последние два месяца и каталоги наших важнейших поставщиков строительных материалов.

Холланд удалился с недовольным выражением лица. Флёренс смотрела ему вслед. В будущем будет видно, сможет ли она работать с ним. В принципе, жаль было бы увольнять его. Похоже, он неглуп и очень даже симпатичный. Если еще и окажется тактичным, то может легко стать вторым. Когда-нибудь определенно придется решить вопрос, кто из ее самых преданных сотрудников будет достоин зачать наследника Калева Биллера...

Флёренс провела рукой по своей юбке строгого покроя и поправила вырез аккуратной белой блузки с рюшами. Ей понадобится зеркало! В конце концов, ей нечего стыдиться своей женственности, хотя некоторые наверняка вскоре удивятся, узнав, кто руководит рудником Биллера. У Флёренс было время. Она будет формировать свой кабинет и свой рудник по собственному усмотрению.

Эмере переходила из комнаты в комнату огромного дома в Лайонел-Стейшн. Старая маори шла медленно, крепко держа в руках флейту *пекорино*, словно ей требовалась поддержка. Лайонел-Стейшн... Ее дом... И ее детей... Дом, в который когда-то привел ее Джон — давным-давно, когда она еще была принцессой, дочерью вождя и воспитанницей колдуньи. Тогда она любила Джона Сайдблоссома — достаточно для того, чтобы оставить племя, когда они переспали в спальне ее родителей. Эмере считала себя его женой, пока он не приехал с этой девушкой, с этой светловолосой *пакеха*. Когда Эмере предъявила свои права, Джон лишь посмеялся над ней. Их связь не считалась браком, как не считался законнорожденным их ребенок, которого она тогда носила под сердцем. Сайдблоссом хотел иметь белых наследников...

Эмере провела пальцами по новым, украшенным инкрустациями предметам мебели, которые привезла с собой Зои. Вторая светловолосая девушка. Спустя более двадцати лет после того, как умерла первая. Не совсем без помощи Эмере — она была очень умелой акушеркой и могла спасти жену Джона. Но тогда она еще надеялась на то, что все станет, как прежде.

А теперь наследницей стала эта Зои — или, по крайней мере, у нее

может получиться стать наследницей. Эмере испытывала некоторое почтение к Зои. Она казалась такой хрупкой и нежной, но пережила все — то, что Джон понимал под «любовью», и даже роды, во время которых ей «помогала» Эмере.

К этому моменту старая маори давно примирилась с ней. Пусть получает доходы с фермы! Арама будет считать честно, до последнего гроша. Эмере не нужны были деньги. Но дом и землю она получить хотела, а они Зои не интересовали.

Эмере вошла в следующую комнату и раздвинула шторы. Никто здесь больше не будет заператься от солнца! Открыв окна, она глубоко вздохнула. Ее дети свободны; больше никакого Сайдблоссома, который сначала будет отсылать их прочь, а потом превращать в рабов. Эмере с нетерпением ждала возвращения Паи с последним ребенком. Она отправила девочку в Данидин, чтобы забрать из приюта своего младшего сына. Ребенка, которого она родила несколько месяцев спустя после ухода девушки с волосами как пламя. Девушки, с помощью которой завершилось проклятие, однажды наложенное ею на наследников Джона Сайдблоссома. Это произошло давно, когда она один-единственный раз потребовала чего-то для своих детей. Немного земли, принадлежащей ее первенцам. Но Сайдблоссом снова просто рассмеялся — и в тот день Эмере научилась ненавидеть его смех. Сайдблоссом сказал, что Эмере может радоваться тому, что он оставляет ее ублютков в живых. Они никогда ничего не унаследуют!

В ту ночь ему впервые пришлось заставить Эмере прийти к нему в спальню — и, похоже, ему это понравилось. С тех пор она стала ненавидеть в Сайдблоссоме все, но до сих пор не могла сказать, почему осталась, несмотря на это. Она проклинала себя тысячи раз за свое восхищение, которое он вызывал у нее до последнего своего дня, за недостойную жизнь на грани между желанием и ненавистью. И еще больше она проклинала себя за то, что оставила в живых его сына от белой женщины. Но тогда Эмере еще испытывала угрызения совести и не смогла убить беззащитного ребенка. Когда рожала Зои, с этим давно уже было покончено.

Своего первенца она отнесла тогда к своему племени. Тамати, единственного из своих детей, который не был похож на Джона Сайдблоссома. И который теперь исполнил свое предназначение, защитив девушку с волосами как пламя.

Эмере подняла флейту *пекорино* и стала увещевать духов. Время у нее есть. Зои Сайдблоссом молода. Пока она жива и Лайонел-Стейшн приносит

деньги, Эмере в безопасности. Никто не наложит лапу на дом и землю. А потом? Реве, ее третий, умен. Джон только недавно забрал его на ферму, но Эмере думала только о том, как отослать его обратно в Данидин. Он мог продолжать ходить в школу, чтобы, возможно, получить такую же профессию, как у человека, с которым недавно говорила Зои. Адвокат... Эмере покатила слово на языке. Тот, кто помогает людям отстаивать свои права. Может быть, когда-нибудь Реве сумеет выбить свое наследство. Эмере улыбнулась. Духи устроят это.

Глава 11

Тим Ламберт действительно танцевал на своей свадьбе. Хотя это был всего лишь короткий вальс и ему пришлось тяжело опираться на свою невесту, гости аплодировали неистово. Сотрудники рудника подкидывали вверх шляпы и ликовали так же, как после скачек, а у Берты Лерой на глазах стояли слезы.

Тим и Лейни поженились в День святой Барбары, ровно два года спустя после легендарного «Ламберт-дерби». На территории рудника снова устроили большой праздник. Джордж Гринвуд представился как новый совладелец и вместе со своим управляющим Тимом Ламбертом произвел на всех благоприятное впечатление, пригласив коллектив и половину Греймута на пиво, барбекю, соревнования и танцы. Только скачек на этот раз не было.

— Не будем рисковать, не хочу, чтобы моя невеста ускакала от меня, — заметил Тим в своей речи, встреченной ликованием, и поцеловал Лейни при всех.

Все вновь взревели; лишь Илейн слегка покраснела. В конце концов, среди зрителей на этот раз были ее мать и бабушка. Однако Флёретта и Хелен ободряюще махали ей руками. Обеим Тим понравился. Знаменитые инстинкты Флёретты на этот раз не тревожили ее, и она не высказала никаких возражений.

Преподобному отцу не нужно было бороться с муками совести относительно страсти к игре своих овец. Зато перед ним стояла проблема венчания разведенной невесты. Илейн пришла на брачную церемонию не в белом платье, а в светло-голубом, украшенном более темной отделкой, — конечно же, снова из мастерской миссис О'Брайен. От фаты она тоже отказалась — в пользу венка из свежих цветов. — Цветов должно быть семь! — заявила она, устроив для своих подруг тяжелую задачу. — Тогда я смогу положить их в брачную ночь под подушку...

— Но горе тебе, если приснится кто-то другой! — поддразнил ее Тим, напоминая историю той давно минувшей ночи.

В конце концов преподобный справился с предосудительным венчанием с помощью истории о святой Барбаре, в которую все равно не верил, будучи методистом. Он просто прочел мессу под открытым небом и пространно благословил город и собравшихся. Для этого он вызвал Тима и Илейн в первый ряд, а брат Илейн, Стивен, сыграл «Amazing Grace».

Конечно, Кура-маро-тини обогатила бы празднество более сложными мелодиями, но она не присутствовала. Впрочем, Тим и Илейн рассчитывали встретиться с ней во время своего свадебного путешествия. Илейн хотела посетить не только Квинстаун, но и Киворд-Стейшн, а Хелен испытывала живейший интерес к музыкальной программе Куры. Поэтому все, кроме Рубена, которому нужно было заниматься делами, собирались после свадьбы отправиться в Крайстчерч, чтобы присутствовать на широко разрекламированном концерте Куры и Марисы. После этого музыкантши вместе с Уильямом планировали поехать в Англию. Уже были установлены даты концертов в Лондоне и других английских городах. Уильям разыскал известное концертное агентство, которое спланировало это турне.

— Значит, в конечном счете Кура все же получит именно то, чего всегда хотела, — неодобрительно произнесла Флёретта О'Киф. Она не застала Куру в Греймуте и все еще была расстроена. Ладно, Уильям в качестве зятя нравился ей гораздо меньше, чем Тим Ламберт, к которому она быстро начала испытывать самую искреннюю симпатию. Однако Кура и Уильям обидели ее дочь, а подобные вещи матери прощают не сразу.

— А что же они теперь будут делать с малышкой? — Флёретта вспомнила Глорию. — Она поедет с ними в Европу?

— Насколько я знаю, нет, — ответила Хелен. Размолвка между ней и Гвинейрой МакКензи продлилась недолго. Женщины слишком крепко дружили, чтобы ссориться всерьез. Они возобновили переписку вскоре после свадьбы Куры и в последние годы делились переживаниями по поводу исчезновения Илейн. — Малышка останется в Киворд-Стейшн. Во всяком случае, пока что. Если говорить о Куре, то никогда не знаешь, что взбредет ей в голову. Однако до сих пор ни отец, ни мать даже в малейшей степени не интересовались Глорией. Почему сейчас это должно измениться? Да и таскать за собой трехлетнего ребенка по всей Европе — по меньшей мере глупо.

— А мамочка получает, таким образом, именно то, чего хочет! — улыбнулась Флёретта. — Второй шанс воспитать наследницу Киворд-Стейшн в своем духе. А Тонга уже точит ножи...

Хелен рассмеялась.

— Нет, думаю, все будет не так уж плохо. Ведь с Курой он ставил скорее на любовь. Откуда он мог знать, что она встретит того, кто еще лучше разбирается в искусстве *вайкореро*?

Железнодорожная линия между Западным побережьем и Кентерберийской равниной уже широко использовалась, и Илейн с

нетерпением предвкушала свою первую поездку по ней. Тим надеялся на менее утомительный переезд, чем во время путешествия в Бленем, и не был разочарован. Их свадебное путешествие было совершенно роскошным, поскольку у Джорджа Гринвуда был личный вагон. Он любезно предоставил его в распоряжение супружеской четы, поэтому Тим и Лейни любили друг друга на грохочущей кровати и, смеясь, разливали шампанское.

— К этому действительно можно привыкнуть! — восхищенно заявила Илейн.

Тим улыбнулся.

— Тогда тебе нужно было оставаться с Курой, играть на пианино. Она ведь мечтает о личном вагоне, как у ее кумира. Как там зовут ту женщину?

— Понятия не имею, какая-то оперная дива... Аделина Патти! И разве она не путешествует на своем личном поезде? Может быть, тебе стоило все же начать работать в фирме этого мистера Редклиффа? Будучи железнодорожником, ты бы наверняка смог получить вагон дешевле. — Счастливая Илейн прижалась к Тиму.

МакКензи ждали путешественников на вокзале в Крайстчерче, и растроганная Гвинейра заключила Илейн в объятия. В отличие от Хелен, черты лица которой за последние годы стали еще тоньше и строже, Гвинейра, казалось, почти совсем не постарела.

— Куда мне стареть, у меня полный дом детей! — довольно заявила она, принимая комплимент от Хелен. — Джек и Глори... и Дженнифер еще очень юна, такая славная девочка. Посмотри-ка!

Дженнифер Гринвуд, которая все еще обучала детей маори в Киворд-Стейшн, покраснев, поздоровалась со Стивеном О'Кифом. Оба тут же погрузились в изобиловавший юридическими терминами спор насчет того, можно ли целоваться при всех, и наконец сделали это, спрятавшись за зонтиком Дженни.

— Это будет следующая свадьба. После учебы Стивен начнет работать адвокатом на фирме Гринвуда.

Хелен кивнула.

— Его отец, Рубен, очень этим недоволен, он ведь хотел, чтобы мальчик стал судьей. Но куда ни заведет любовь... А в этом случае она тоже очень большая! — Хелен с улыбкой указала на Джека и маленькую Глорию. Джеку было уже восемнадцать, он стал высоким молодым человеком с непокорными курчавыми рыжевато-каштановыми волосами, которые напомнили Хелен молодого Джеймса. Несмотря на долговязость,

он двигался на удивление ловко и уверенно вел свою крохотную спутницу сквозь вокзальную суету.

— Железная дорога, — без особого интереса повторяла за ним Глория, показывая, как и Джек, на стальное чудовище.

— Собака, иди сюда! — наконец заявила она с гораздо большим воодушевлением и потянулась к Келли.

Илейн свистнула собаке, велев ей дать лапу маленькой девочке. Но Келли предпочитала находиться в другом месте, ее заинтересовала собака Джека.

Илейн взяла Глорию на руки.

— Какая миленькая! — заметила она. — Но совсем не похожа на Куру.

И это было правдой. Глория не походила ни на Куру, ни на Уильяма; волосы у нее не сверкали чернотой, не светились золотом — они были каштановыми, с легким оттенком рыжины. Фарфорово-голубые глаза, казалось, были несколько близко посаженными, чтобы придать ее лицу выразительность. Черты лица Глории были все еще по-детски округлыми; возможно, позже они будут слишком резкими, чтобы быть красивыми.

— И слава Богу! — заметил Джек. — Кстати, собака воспитана не очень-то правильно, Лейни. Не годится, чтобы киворд-колли носилась по всей платформе и позволяла гладить себя совершенно чужим людям. Животному нужны овцы!

— Мы ведь пробудем здесь всего пару дней, — сказала Илейн и улыбнулась.

Концерт Куры закончился триумфом. Ничего иного она и не ожидала. В целом, после Бленема она порхала от одного успеха к другому — причем Кура и Мариса относили это на счет своего музыкального умения, а Уильям считал, что в первую очередь все дело в славе Куры как заклинательницы духов. Он в каждом интервью растекался в сомнительных намеках, и Кура опасалась, что даже агентство в Англии Уильям успел познакомить с какими-то соответствующими историями. Впрочем, она не говорила с ним об этом. Ей было все равно, почему приходят люди. Главное, что они аплодируют и платят за вход. Кура наслаждалась вновь обретенной роскошной жизнью, ибо на этот раз она могла обеспечивать себя самостоятельно.

Марама и ее племя решили, что они просто не имеют права пропустить концерт Куры, и обогатили его постановкой двух собственных хака. Последнее произошло по настоятельной просьбе Уильяма. Марама расценила это как просьбу о прощении за игнорирование во время свадьбы

и с удовольствием согласилась. Она была очень миролюбивым человеком и легко прощала. И когда теперь она присоединила свой высокий, словно парящий в облаках голос к сильному, насыщенному Куры, Уильям готов был нанять ее на все время турне.

И вообще, зал «Уайт Харт» в этот день выглядел гораздо экзотичнее, чем обычно. Тонга прибыл в Крайстчерч с половиной своего племени, чтобы почтить наследницу Киворд-Стейшн и одновременно попрощаться с ней, судя по всему, навсегда. При этом большинство маори почти не бросались в глаза. Практически все были одеты по западной моде, хотя зачастую сочетание выбранных вещей казалось довольно своеобразным. Впрочем, Тонга пришел в традиционном наряде и благодаря своим татуировкам — он был почти единственный из поколения, кому делали татуировки, — казался воинственным. Многие люди сначала приняли его за танцора. Однако когда он присоединился к публике, все встревоженно отодвинулись от него.

Кроме того, Тонга был единственным, кто хмурился, слушая выступление Куры. Он предпочел бы сохранить песни маори в первоизданном виде, вместо того чтобы придавать им чужое звучание с помощью западных инструментов.

— Кура останется в Англии, — сказал он Ронго-Ронго, колдунье своего племени. — Она поет наши песни, но на нашем языке не говорит и никогда не говорила.

Ронго-Ронго пожала плечами.

— Она и на языке *пакеха* никогда не говорила. Она не принадлежит ни к одному из наших миров. Хорошо, что она ищет свой собственный мир.

Тонга бросил многозначительный взгляд на маленькую Глорию.

— Но она оставила Уорденам ребенка.

— Она оставила ребенка *нам*, — поправила Ронго. — Ребенок принадлежит земле Нгаи Таху. Какое же племя она в конце концов выберет...

Глория сидела с Джеком, который ради нее согласился прийти на выступление, во втором ряду. По собственному желанию мальчик и близко не подошел бы к концертному залу, где играла Кура-маро-тини.

— Я прекрасно понимаю, почему спятил тот парень в Бленеме, — заявил он матери. — Возможно, я потом тоже окажусь в лечебнице!

Гвинейра пояснила, что она не разделяет его опасений, но ни угрозы, ни обещания не могли убедить его. Однако потом Кура настояла, чтобы ее дочь непременно присутствовала, и Джек тут же передумал.

— Ведь Глория снова начнет плакать! Или, хуже того, она не будет

плакать, и Кура вдруг придет в голову, что у нее талант, а значит, ее можно забрать в Англию. Нет, нет, раз так, я пойду с Глорией и буду за ней присматривать.

На этот раз Глория не плакала, но к музыке отнеслась без особого интереса; девочка почти все время играла со своей деревянной лошадкой, которую принес Джек. Когда Кура заклинала духов на сцене, она соскочила со стульчика и побежала по проходу назад, где с грозным выражением на лице стоял, прислонившись к стене, Тонга. Джек не пошел за маленькой девочкой, а стал наблюдать за ней краем глаза. Неудивительно, что Глория сбежала от этого мяуканья и предпочла поиграть с другими детьми. Он сам был рад, когда концерт закончился. Бок о бок с родителями — Джеймс с облегчением подмигнул ему — он вышел из зала и тут же снова подхватил Глорию.

Малышка была вместе с мальчиком-маори, чуть постарше ее, на котором, к удивлению Глории, не было ни брючек, ни рубашечки, а лишь традиционная набедренная повязка. Кроме того, мальчик был не только украшен типичными для ребенка маори из хорошей семьи амулетами и цепочками, у него уже были первые татуировки. Многих *пакеха* это отталкивало, однако Глории это совершенно не мешало.

Дети играли щепками.

— Деревня! — сказал мальчик, указывая на окруженное забором сооружение, к которому Глория только что добавила очередной «дом».

— *Мараэ!* — объявила Глория и показала на самый большой из «домов». Рядом с домом для собраний она запланировала кладовые и кухни. — Здесь *патака*, а здесь *ханга*, а здесь живу я!

Дом ее мечты стоял у озера, нарисованного мелом на полу.

— И я! — самоуверенно заявил мальчик. — Я вождь!

За спиной Гвинейры показался Тонга, с улыбкой слушавший разговор детей.

— Миссис Уорден... — Тонга отвесил учтивый поклон. Благодаря Хелен О'Киф, он получил солидное воспитание *пакеха*. — Кура-маро-тини произвела на нас огромное впечатление. Жаль, что она покидает нас. Но ведь у вас остается наследница... — Он указал на Глорию. — А это, кстати, мой наследник. Вирему, мой сын.

Хелен встала за спиной у обоих.

— Очень красивый мальчик, Тонга! — польстила она вождю.

Тонга кивнул и задумчиво поглядел на играющих детей.

— Красивая пара. Вы не находите, мисс Гвин?

Вирему как раз протянул Глории ракушку. За это Глория дала ему

деревянную лошадку.

Гвинейра сверкнула глазами и перевела взгляд на вождя. Но потом взяла себя в руки и, насмешливо улыбнувшись, сказала:

— Это же дети.

Тонга улыбнулся в ответ.

Послесловие

В этом романе предпринята попытка как можно подробнее описать повседневную жизнь новозеландского шахтерского городка конца XIX века. Описания работы на руднике и почти невыносимые жизненные условия, в которых жили горняки, их потребность каждый вечер пытаться найти утешение в алкоголе и картины из жизни местного борделя как «второй родины» столь же исторически достоверны, как и часто циничная алчность владельцев рудников. Несмотря на это, «Рай на краю океана» можно лишь до определенной степени считать историческим романом. Проведены точные исследования социальной истории, однако многие места действия и исторически значимые события были изменены или являются выдумкой чистой воды. Так, в районе Греймута с 1864 года до наших дней находится около ста тридцати угольных шахт — частных, профсоюзных или государственных, — но ни одна из них не принадлежала семье Ламберт или Биллер, ни у одного из бывших управляющих рудников не было похожей семейной истории.

Впрочем, описанная трагедия на шахте в точности повторяет происшествие на руднике Бруннера в 1896 году — в том, что касается числа жертв, первых попыток проведения спасательных работ и причин несчастия. Единственное отличие от истинных событий заключается в том, что в этом романе выживают два человека. На самом деле все шестьдесят четыре шахтера погибли, существуют даже магнитофонные записи с воспоминаниями очевидцев. Если произвести соответствующие исследования, я могла бы назвать имена жертв и близких родственников покойных. Но с этической точки зрения, именно эта педантичная документация истории Новой Зеландии затрудняет для меня написание действительно *исторического* романа о Новой Зеландии — при этом под историческим романом я понимаю историю, в которой несколько выдуманных персонажей действуют на реальном, документально подтвержденном фоне в истинных местах действия. Действие не должно казаться надуманным, оно должно согласовываться с реальными событиями.

Новая Зеландия была открыта лишь в 1642 году голландским мореплавателем Абедем Янсоном Тасманом, а в 1769 — частично картографирована капитаном Куком. Лишь с 1790 года в Новой Зеландии

стали селиться белые; первые сорок лет, с повествовательно-технической точки зрения, появлялись материалы, касающиеся лишь приключенческих историй о китовом и тюленьем промысле. Настоящее заселение начинается примерно только с 1830 года. Поэтому история Новой Зеландии относительно коротка, но записана очень подробно. Практически в каждом маленьком городке есть архив, где можно прочесть имена первых поселенцев, названия их ферм, часто даже подробности их жизни.

С теоретической точки зрения, будучи автором, можно было бы «брать что хочешь» и вдохнуть новую жизнь в реальную историю. Однако с практической точки зрения, мы имеем здесь дело не с жившими в средние века людьми, следы которых теряются в ходе столетий, а с теми, часть потомков которых все еще живет в Новой Зеландии. Понятно, что они могут обидеться, если какой-то чужак возьмет их прадедушку или прабабушку и наделит вымышленным характером, — особенно если это столь малоприятные личности, как, к примеру, Сайдблоссомы.

Поскольку страна не так обширна, как, скажем, Австралия, здесь нельзя, например, без особых проблем заселить выдуманные фермы и городки, выдав их за места, где происходили реальные события. Поэтому я отказалась от искушения пустить читателей по следам героев своего романа. Пейзажи и места действий — в частности, окрестности и архитектура таких ферм, как Киворд-Стейшн и Лайонел-Стейшн, — были изменены, исторические личности снабжены новыми именами.

Впрочем, некоторую информацию все равно легко проверить. К примеру, имя овцевода, который поймал исторического Джеймса МакКензи, можно проверить по Интернету в два клика. Однако могу вас заверить, что он имеет столь же малое отношение к моему Джону Сайдблоссому, как и настоящий МакКензи к своему пандану в этом романе. Впрочем, Джеймс МакКензи — единственный персонаж, имя которого не вымышлено, поскольку его следы теряются во мраке истории. Спустя два года после процесса его помиловали и он навеки скрылся где-то в Австралии.

Если же обнаружатся другие сходства с настоящими фермами или личностями, то они чисто случайны.

В остальном же я хочу снова поблагодарить всех тех, кто принял участие в создании этого романа, и в первую очередь выношу благодарность своим редакторам Мелани Бланк-Шрёдер, Сабине Кармер и Магритт фон Коссарт, которая действительно проверила на истинность каждую деталь. Конечно же, нельзя не упомянуть моего замечательного

агента Бастиана Шлюка. Клара Декер, как всегда, читала черновик и помогала проводить исследование в Интернете — я каждый раз испытываю священный трепет при виде того, кто в три клика мышки может выудить из паутины имя первого секретаря Ирландии в 1896 году. Кобы — и, конечно же, другие лошади — не сбрасывали меня, когда я грезила на их спинах о любви и страданиях в Новой Зеландии, а мои друзья терпеливо ждали, когда я пропадала на все выходные со словами: «Я буду в Новой Зеландии».

Вдохновила меня и послужила прототипом Келли моя бордер-колли, которую, впрочем, зовут Клео. Когда вышел этот роман, она стала старше своей тезки из «Земли белых облаков». Это порода настоящих долгожителей. Тем не менее благодарю всех, кто подсчитал и заставил себя задуматься, может ли собака действительно прожить двадцать лет. От внимательного читателя ничто не укроется!

notes

Примечания

Гомруль (англ. Home Rule, «самоуправление») — движение за автономию Ирландии на рубеже XIX–XX вв. Предполагало собственный парламент и органы самоуправления при сохранении над островом британского суверенитета. (Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.)

Кордилина южная — новозеландский вид древесных растений. Дерево до 15 м высотой с сильно утолщенным в основании стволом и плотной кроной из листьев.

Пакеха — жители Новой Зеландии европейского происхождения (или с преобладанием европейских генов).

Фении — легендарная военная дружина древних ирландцев; ирландские мелкобуржуазные революционеры-республиканцы 2-й половины XIX — начала XX веков, члены тайных организаций «Ирландского революционного братства».

Уильям Батлер Йейтс (1865–1939) — ирландский англоязычный поэт, драматург. Лауреат Нобелевской премии по литературе 1923 года.

Англ. greymouth — дословно «серый рот». (Примеч. пер.)

Флоренс Найтингейл (1820–1910) — сестра милосердия и общественный деятель Великобритании.